

ISSN (online) 2782-1552

ISSN 2311-0546

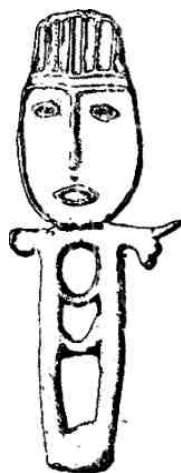
ВЕСТНИК
АНТРОПОЛОГИИ
HERALD OF ANTHROPOLOGY

№ 4 (52) 2020

Институт этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ВЕСТНИК
АНТРОПОЛОГИИ
HERALD OF ANTHROPOLOGY

№ 4 (52) 2020

**Журнал «Вестник антропологии» учрежден решением Ученого совета
Института этнологии и антропологии РАН 20 марта 2014 г.**

Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации
Регистрационный номер ПИ № ФС77-61734

*Журнал входит в систему
Russian Science Citation Index (RSCI)*

*12 февраля 2019 г. приказом Минобрнауки России № 21-р
«Вестник антропологии» включен в Перечень
рецензируемых научных изданий, в которых должны
быть опубликованы научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук*

ГЛАВНЫЕ РЕДАКТОРЫ

Мартынова М.Ю. (социокультурная антропология),
Васильев С.В. (физическая антропология)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Анчабадзе Ю.Д., Бондаренко Д.М., Боруцкая С.Б., Буганов А.В., Бутовская М.Л.,
Герасимова М.М., Дубова Н.А., Казьмина О.Е., Каландаров Т.С., Канукова З.В., Крадин Н.Н.,
Пушкарева Н.Л., Радойичич Д., Халдеева Н.И., Халид А., Харламова Н.В.

ОТВЕТСТВЕННЫЕ СЕКРЕТАРИ

Белова Н.А., Григорьева О.М. (физическая антропология)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Тишков В.А. (председатель, РФ), Балзер М. (США), Бутитта И.Э. (Итальянская Республика),
Васильев С.В. (РФ), Головнев А.В. (РФ), Гонзалес Алкантуд Х.А. Испания), Дроздова Е.
(Чешская Республика), Кобылянский Е. (Израиль), Мартынова М.Ю. (РФ), Паскуалино К.
(Франция), Пашалы П.М. (Республика Молдова), Печенкина К. (США), Радойичич Д.
(Республика Сербия), Слезкин Ю. (США), Функ Д.А. (РФ), Хан В.С. (Республика Узбекистан),
Чае-ван Лим (Республика Корея), Чистов Ю.К. (РФ), Юхас К. (Венгрия)

Адрес редакции:

119991 Москва, Ленинский проспект, 32-А
Институт этнологии и антропологии РАН

Контакты:

По вопросам физической антропологии

Васильев Сергей Владимирович
odtantrop@yandex.ru

По вопросам этнологии, социокультурной антропологии

Мартынова Марина Юрьевна
martynova@iea.ras.ru
journal_of_anthropology@mail.ru

Интернет-сайт: <https://journals.iea.ras.ru/vestantrop/>

ISSN (print) 2311-0546
ISSN (online) 2782-1552

© Институт этнологии и антропологии РАН, 2021
© Журнал «Вестник антропологии», 2021

**The journal “Herald of Anthropology” (“Vestnik Antropologii”) was established
by the RAS Institute of Ethnology and Anthropology Academic Council decision of 20/03/2014**

The journal is registered with the Ministry of Digital Development, Communications and Mass Media of the
Russian Federation. Registration number PI No. FS77-61734

*The Journal is indexed in the
Russian Science Citation Index (RSCI)*

*By the order No.21-p of The Ministry of Science and Higher
Education of the Russian Federation of 12/02/2019 “Herald
of Anthropology” is included in the list of peer-reviewed
scientific journals recommended for publishing scientific
results of theses for Candidate and Doctoral scientific degrees*

EDITORS-IN-CHIEF

M. Yu. Martynova (Social/Cultural Anthropology),
S.V. Vasiliev (Physical Anthropology)

EDITORIAL BOARD

Yu.D. Anchabadze, D.M. Bondarenko, S.B. Borutskaya, A.V. Baganov, M.L. Butovskaya,
N.A. Dubova, M.M. Gerasimova, T.S. Kalandarov, Z.V. Kanukova, O.E. Kazmina, N.I. Khaldeeva,
A. Khalid, N.V. Kharlamova, N.L. Pushkareva, D. Radojičić

EXECUTIVE EDITORS

N.A. Belova, O.M. Grigorieva (Physical Anthropology)

ADVISORY BOARD

V.A. Tishkov (Chairman, Russia), M. Balzer (USA), I.E. Butitta (Italy), Yu.K. Chistov (Russia),
E. Drozdova (Czech Republic), D.A. Funk (Russia), A.V. Golovnev (Russia), J.A. González
Alcantud (Spain), K. Juhász (Hungary), V.S. Khan (Uzbekistan), E. Kobylansky (Israel),
N.N. Kradin (Russia), Chae-wan Lim (Korea), M.Yu. Martynova (Russia), P.M. Pashaly
(Moldova), C. Pasqualino (France), K. Pechenkina (USA), D. Radojičić (Serbia), Yu. Slezkine
(USA), S.V. Vasiliev (Russia)

Address:

119991 Leninskiy prospect, 32A
Moscow
RAS Institute of Ethnology and Anthropology

Contacts:

Ethnology, Social/Cultural Anthropology
Marina Yurievna Martynova
martynova@iea.ras.ru
journal_of_anthropology@mail.ru

Physical Anthropology
Sergei Vladimirovich Vasiliev
odtantrop@yandex.ru

Web: <https://journals.iea.ras.ru/vestantrop/>

ISSN (print) 2311-0546
ISSN (online) 2782-1552

© RAS Institute of Ethnology and Anthropology, 2021
© Journal “Herald of Anthropology”, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

Этнография Южной Европы

- Сеттинери Д.* Миграции, власть и городские пространства в Сицилии: этнографическое исследование (на англ.яз.) 7
- Казьмина О.Е.* Миграционный кризис в Европе и христианское милосердие: история одного прихода 20
- Манниа С.* Маски и карнавалы в современной Сардинии (на англ.яз.) 29
- Сулоева М.А.* Роль и функционирование традиционной женской одежды арбрешей Италии в современном социокультурном пространстве 45
- Морозова М.С., Дугушина А.С.* Племя мрковичи на юге Черногории: изучение брачной географии 64

Музейная антропология

- Квашин Ю.Н., Дыбчак А., Кукучка Я.* Загадки Сибирской коллекции Краковского этнографического музея 83
- Лебедева А.А.* Бегущая по волнам времени: модель каноэ из XIX века 103
- Гуцина Е.Г., Титова Т.А., Фролова Е.В.* Концепции развития Этнографического музея Казанского университета в XIX веке 115
- Гринько И.А., Шевцова А.А.* «Для музеев есть табу»: запретительные практики в культуре российских музеев 125

Антропология миграций

- Кульбачевская О.В.* Социально-культурная адаптация и интеграция мигрантов в России: к вопросу о межкультурном взаимодействии 136
- Зыкина О.А.* Миграционные планы выпускников российских школ: региональный аспект 153
- Белов А.М., Белова Н.А.* Динамика отношения россиян к трудовым мигрантам с 2014 по 2019 гг. (по материалам Костромской области) 170

Традиции и современность

- Синанов Б.А., Соловьева Л.Т.* Грузинская диаспора на Северном Кавказе: некоторые аспекты духовной культуры 188
- Джумаев Д.И.* Предсвадебные обряды у лезгинских народов Дагестана: сохранение традиций и современные инновации 199
- Донежук М.Ю.* Уважение старших у адыгов: возникновение и трансформация традиции 210

Физическая антропология

- Веселовская Е.В., Григорьева О.М., Бурцев И.Д.* Антропологическая характеристика экстраординарного черепа из с. Тхина (Абхазия) 224

<i>Негашева М.А. Васильева А.А, Васильев В.А.</i> Полиморфизм генов дофаминового транспортера и дофаминового рецептора D2 ассоциирован с особенностями телосложения	232
<i>Бураев А.И.</i> Памяти учителя. Антропологические исследования Циркумбайкаля в трудах И.И. Гохмана	249
<i>Лейбова Н.А.</i> Одонтология средневекового населения Беларуси	258
<i>Боруцкая С.В., Васильев С.В.</i> Реконструкция физического типа позднесредневековых крымских татар Керченского полуострова	269

Историография, школы, концепции

<i>Винокурова И.В.</i> Из истории этнологических исследований в академической науке Карелии	282
<i>Квилликова Е.Н.</i> Исследовательские подходы и вклад в молдавскую этнологию и гагаузоведение М.Н. Губогло	301

Рецензии

<i>Мартынова М.Ю.</i> О кн.: Мокшин А.Ф., Сушкова Ю.Н. Просветители Мордвы / Монография. Саранск: Изд-во Мордовского университета, 2020. 236 с.	315
---	-----

CONTENTS

Ethnography of Southern Europe

<i>Settineri, Daria</i> Migrations, power and urban spaces in Sicily through an ethnographic case study	7
<i>Kazmina, Olga E.</i> Migration Crisis in Europe and Christian Mercy: A Story of One Parish	20
<i>Mannia, Sebastiano.</i> Masks and carnivals in contemporary Sardinia	29
<i>Suloeva, Marina A.</i> Role and functioning of traditional female Arbresh clothes in Italy in modern sociocultural space	45
<i>Morozova, Maria S., and Dugushina, Alexandra S.</i> Pleme Mrkovići in southern Montenegro: A study of marriage geography	64

Museum Anthropology

<i>Kvashnin, Yuri N., Dybczak, Andrzej, and Kukuczka, Jacek.</i> Enigmas of the Krakov Ethnographic Museum Siberian Collection	83
<i>Lebedeva, Arina A.</i> Floating on waves of time: canoe model from XIX century	103
<i>Gushchina, Elena G., Titova, Tatiana A., and Frolova, Elena V.</i> Scientific concepts of the Ethnographic Museum of Kazan University in the 19 th century	115
<i>Grinko, Ivan A., Shevtsova, Anna A.</i> “There are taboos for museums”: prohibitive practices in the culture of Russian museums	125

Anthropology of Migration

- Kulbachevskaya, Olga V.* Socio-cultural adaptation and integration of migrants in Russia: on the issue of intercultural interaction 136
- Zykina, Olga A.* Migration plans of Russian high school students: a regional dimension 153
- Belov, Andrey M., Belova, Natalia A.* Dynamics of the Russians' attitudes towards labor migrants in the period from 2014 to 2019 (based on materials from the Kostroma region) 170

Tradition and Modernity

- Sinanov, Boris A., Solovyeva, Lyubov T.* *The Georgian Diaspora in the North Caucasus: Some Aspects of Spiritual Culture* 188
- Dzumayev, Denis I.* Pre-wedding rituals among the Lesgin peoples of Dagestan: preservation of traditions and modern innovations 199
- Donezhuk, Murat Yu.* Respect for the elders among the Adygs: the emergence and transformation of the tradition 210

Physical Anthropology

- Veselovskaya, Elizaveta V., Grigorieva, Olga M., and Burtsev, Igor D.* Anthropological description of an extraordinary skull from the village of Thin (Abkhazia) 224
- Vasileva, Aleksandra A., Vasilyev, Vasiliy A., Negasheva, Marina A.* Gene polymorphism of the dopamine transporter and dopamine receptor D2 is associated with physique* 232
- Buraev, Aleksey I.* To the memory of the Teacher. Anthropological Studies of the Circum-Baikal region in the works of I.I. Gokhman 249
- Leibova, Natalia A.* Dental non-metric traits of medieval Belarus population 258
- Borutskaya, Svetlana B., Vasilyev, Sergey V.* Reconstruction of the physical type of the late medieval Crimean Tatars of the Kerch Peninsula 269

Historiography, Schools, Concepts

- Vinokurova, Irina Yu.* On the history of ethnological studies in Karelian science 282
- Kvilinkova Elizaveta N.* Research approaches and contribution to Moldovan ethnology and Gagauz studies M.N. Guboglo 301

Reviews

- Martynova, Marina Yu.* Review of the book by A.F. Mokshin, Yu.N. Sushkova. *Enlighteners of mordva / Monograph.* Saransk: Mordovsk University Publishing House, 2020 315

ЭТНОГРАФИЯ ЮЖНОЙ ЕВРОПЫ

УДК 39+317.7

DOI: 10.33876/2311-0546/2020-52-4/7-19

© D. Settineri

MIGRATIONS, POWER AND URBAN SPACES IN SICILY THROUGH AN ETHNOGRAPHIC CASE STUDY

In this article, the author, based on concrete factual material, explores the specifics of modern migration processes considered within an urban area localized in Palermo (Sicily). In the context of this complex heterotopic space, resorting to the conceptual apparatus of M. Foucault, this kind of rhizome, if we operate with the concepts of J. Deleuze and F. Guattari, the author analyzes the actions of various actors of power – local and transnational – which dominate in this closed socio-urban environment, outlined by the framework of certain city blocks, – formal and informal, institutionalized and not, state and extra-state, legal and illegal, political, social, ecclesiastical, economic, criminal, the objects of projection and manifestation of which are migrants (primarily illegal) concentrated in these urban areas, who coexist there with the local population. The author also studies reactions of «newcomers» to the factors that affect them, including their ways of understanding and familiarizing with of their new place of residence as a micro- and the macrocosm, in all the diversity and complexity of the social connections that permeate this habitat and the factors that affect it.

Key words: *Palermo, migration, violence, State, mafia, transnational, heterotopia, space, law, justice*

«The world in 15 square metres!» Youssou was almost right. There were eight or nine of us in Bej's tiny studio flat on the first floor of a building in vicolo Madonna, in the area of Ballarò (Palermo), on that Ramadan day to break the fast together: we represented four continents, several countries and religions. The contrast between the warm drink made of milk powder and coffee, with which we were breaking the fast, and the air moved by the fan blades facing me and two other people made the sultry heat of that late July evening more bearable for us three lucky ones. Outside there was no breath of wind and the humidity ratio was very high. We spent some peaceful hours with fun intervals. In particular, a Hungarian girl and I had recently started studying Wolof and our clumsy attempts to demonstrate our language skills made the three Senegalese there laugh out loud. There was also another Hungarian girl, a Korean girl, a Canadian boy and a Ghanaian one.

That evening seems to me to condense many of the thoughts developed in this article, in which I propose some considerations on the connections between migration policies,

Settineri, Daria – PhD in anthropology of modernity (University Bicocca – Milano), Higher Secondary Education Institute (Istituto d'Istruzione Secondaria Superiore) «Don Giovanni Colletti» (Via Salvatore Cusimano, 90034 Corleone, Palermo, Italy). E-mail: dariasettineri@yahoo.it

urban spaces, the representation of the nation state and social vulnerability reflecting on the ethnographic research I led at «Ballarò», Palermo's historic market located in the second of the four districts into which the city's historic centre is divided: the «Albergheria», in the area of the central station. Frequently, however, the actual location of some space in a given part of the urban fabric is not enough to locate the space itself because the perception that one has of it can be declined in many ways. Therefore, it is crucial to try and understand whether it is possible to trace paradigms of perception and, if so, to understand which social agents these models express. Augè argues that «the city has always had a temporal existence, which goes beyond the spatial existence giving it prominence» (Augè 2007: 74). A few pages later he adds that «[...] it represents the political form of the future [...] is both an illusion and an allusion» (ibid 2007: 76).

I believe that we can speak of polymorphic spaces which, depending on the type of interaction that prevails each time, can become models of relationships within which a system of correspondences between the micro-social dimension and that of institutional policies is delineated; therefore, the centrality of the encounter in the constitution of a place is fundamental, but a social space can also become the site of conflicts transforming itself from polymorphic to «dysmorphic» or morphologically altered to the point of creating a structural modification of the relationships that affect it. A portion of territory agitated by tensions of different nature (economic, social, emotional) at the same time can become a space as polymorphic or dysmorphic. The history and topicality of Ballarò's market can be read starting from these directions. The premise must be not to frame the chronicles of violence of which the neighborhood is often the scene into prejudices, but to look for deeper reasons, and these refer to psychological as well as a social issues, universal as well as situational ones. In this territory, violence proves to be one of the results of the interconnection between spaces, power and movement.

The years from the end of World War II to the present day, in fact, with a few exceptions, are years in which the administrative political chasm in the area of the historical centre has allowed the creation of this condition of marginality. The historical centre has been the weakest link in the political and administrative reorganization from the post-war period to the present day, with the almost total exclusion from any territorial policy until the 1990s, which was due to the greatest building speculation in Sicilian history: this occurred mainly in the twenty years between 1950 and 1970 and was promoted by the collusion between politicians and the mafia. Among the specific factors of Ballarò, we have to remark that the decentralization of the market with respect to the heart of the old city made Ballarò even less permeable to municipal policies and, due to the fact that it is located on the edge of the central station, more sensitive to the gravitational energies of the new multiple centralities of the expanding city.

At the beginning of the 1980s, the district presented itself as a place with a low housing rate and as an important hub of informal economic activities or activities managed by organized crime and, close to the central station, in a strategic position for the placement of the protagonists of the first waves of migration. The continuation of the dominion of the bombing wing of the Corleone mafia made it, furthermore, the scene of frequent «settlements of accounts». Still between the eighties and nineties, the neighborhood responded to that collective imagination for which it became the suitable setting for the neo-realist cinema of social denunciation. However, much more happened in those years in Ballarò: the social structure was changing and with it some strategies of control of the territory slowly changed as well.

Until 1990, no entry visa from Tunisia was needed and both the political and financial macro-relationships and the economic micro-relations between the two countries were flourishing (see *Wulzer* 2011) and, in fact, in those years there was a strong influx of North African migrants who settled in Palermo and in Ballarò in particular. From the mid-nineties, however, the stream of migrants from the sub-Saharan area began to intensify; at the end of the nineties there were the first sporadic renovations of the interiors of some noble palaces with the consequent transfer of some radical chic fringes that opened the way, in fact, to the current complex process of gentrification of the historic centre. Making use of Guattari's analysis on the molar-molecular pair (*Guattari* 2010: 285), one could say that Ballarò is a space of action/reaction and of articulation between stratified or molar orders and orders of flows, transitions, intensity, or molecular orders. Molar and molecular, in fact, are two connected poles of the same fulcrum so that one does not transform into the other by differential but by communication and propagation; they are "being" and "becoming" to the extent that one contains the other. It is the logic of the object and the flow; molar is ice before it becomes water, which is molecular until it solidifies into ice.

Therefore, molarity can be traced back to the adherence to sense matrices, molarity to escape lines, to variables. It is unthinkable that one level of the couple can act without the authorization of the other and precisely for this reason Ballarò becomes the real arena of the ways in which, for its ability to be simultaneously molar and molecular, the state, political, judicial, criminal, mafia, familiar powers can be articulated and, at the same time, escaped. The Albergheria and Ballarò can rise to models of the creation of contexts of marginality and their management. The existence downgraded to survival and the impossibility of planning become the extremes within which the inhabitants of Ballarò frequently build their networks and lead their lives. A system of this kind contributes to the formation of large families because it is based on the exploitation of the workforce, given the high school dropout rate from an early age.

But, in the wake of Guattari and using the Foucaultian suggestion on heterotopia (*Foucault* 1994), Ballarò also represents the paradigm of the complexity of interstitial spaces because in this territory we can find at the same time the expected outcomes of certain political, social, ecclesial, economic and criminal logics and the conditions of complexity that overturn any hypothesis of reading the spaces, making the place itself the space of an autonomous project in which the agency of the historical inhabitants, as well as that of the new ones, allows multiple, complex and contradictory readings of the same events. Although this is a space in which administrative failures can be read in the streets, incorporated in the gutting of buildings, declined in the everyday problems, at the same time, the practices of everyday life of students, new inhabitants, volunteers, migrants and democratic policies born from below and partially accepted by the municipal administration in recent years, have built different networks, changed economic strategies, negotiated new spaces of sociality and, certainly, they have imposed on crime new forms of land management making the territory itself a laboratory of active and participatory citizenship; this practice, paradoxically, cannot always be institutionalized because it is operated by a large number of people who do not have documents: *sans papiers* migrants.

Ballarò includes a plurality of levels of transnational organization (for example associations, places of socialization, informal mechanisms for sending remittances, methods for remote healing) that act in the determination of the territory. These levels of organization combine different instances; they are not territorially located but are the

immediate result of interactions between human beings and, in some cases, they also travel on virtual networks. The migratory experience, as an experience of emigration and immigration at the same time, has effects on several levels both on the society of departure and on the relationships that the emigrants maintain in the place of origin and on the perception of their new home that they manage to convey by producing new forms of imagination. A person who experiences migration is able to produce new places, to redefine the space, to create networks, to make the local and global coincide to the extent that it outlines a system of correspondences between microcosms and macrocosms.

Because of its history, Ballarò is one of those places that acts as a catalyst for the action of multiple forms of governance and their influence and confluence. It is a complex and multifaceted reality in which the fate of thousands of men and women without residence permits is at stake as they manage to find a living space in this area. This happens because, although held in a vice, for the state, in Ballarò they exist as subjects liable to criminal prosecution for the illegality of their presence, and for the criminal agencies they are there as subjects that can be blackmailed because of their social and legal vulnerability (*Settineri* 2013: 108), these men and women become a reservoir from which to draw manpower, precisely because of the plurality of power levels that shape the neighborhood; because of the supremacy of the criminal one (albeit with the silent placet of the official one) the control over the presence by the police is less suffocating and, in fact, particularly after the establishment of the crime of clandestinity (2009), many migrants who lived in northern Italy decided to move to Palermo.

Thus, a system of correspondence between the microsocial dimension and that of institutional policies is outlined. Lately in the European context, we have observed a mode of governance inspired by the dynamics of division between political choices and consequence management, as if the latter were not the logical outcome of the former. We could define this strategy as the «art of disconnection», since it has the ability to break down the chain of orders that underlies the cause-possible effect relationship, attributing fatal characteristics to consequentiality. This entails a sort of schizophrenia of public political representations since all the connections between rhetoric concerning the level of political, military or social actions and the levels of reactions are eluded. The latter, on the contrary, approached as self-generating events, are treated by governance agencies as independent phenomena on which to act, creating, this time, steered connections.

Among these, one of the most common is the one that relates the economic and value crisis in Europe to today's migratory movements, while keeping silent about the fact that migration, which in itself is an innate experience of humankind, is often linked precisely to past and present European imperialist policies. Overturning the logic of disconnection, Achille Mbembe (2010) highlights the relationship between political processes in Africa and political economy, the imaginary of power, neo-liberalist economic constraints. The intersection of these aspects leads to the formation of pockets of discarded humanity (*Baumann* 2003). Neoliberalism is much more connected to the political sphere than liberalism was, with the consequence that the economic and political management of power is today linked to the management of human beings themselves. Aihwa Ong (2006) argues that neoliberalism is a set of flexible practices of governance which acts both on a global scale, in the management of economic flows, and on the national territory, with differentiated governance techniques. This implies a differential access to resources for which there are fringes of humanity, for whom access to the set of social and political rights, within the territory, is particularly difficult.

In his story, Karim, a Ghanaian boy with whom I had a conversation in March 2014, insists a lot on his fragility and on the connection between his condition as an illegal immigrant and the difficulty of managing his presence on the territory irrespective of criminal agencies. In Ballarò, the management of time and space, body techniques and social relations are pervaded by the assumption of living in the shadow zone between several powers. From Karim's few comments, one can already understand the fact that clandestinity is a totalizing condition, which involves every aspect of life, but also the fact that in Ballarò, precisely, this condition is exploited by criminal agencies:

[...] When I arrived, I couldn't refuse to be a body packer¹. Two of my friends died during the journey. [...] I was terrified. I thought I had a bomb in my belly that could explode at any time. And I was also afraid of being discovered. [...] But don't think the police are so good, they didn't understand anything about this. They only stop us if they have a tip-off. We tip-off to the police between us, to steal each other's work. I even went far [...] I had others doing it for me [...]

Karim stopped his «job» as a body packer when he managed to become essential in the recruitment of new subjects because he was able to obtain a subcontract that did not require his participation in the journeys, but allowed him to manage the movements of other countrymen in exchange for a quantity (proportional to that transported) of drug containers he could sell. When he managed to obtain his residence permit and was therefore able to negotiate his presence with the state agencies, he decided to stop this activity. The decision to emancipate himself from the drug circuit, however, also meant that he had to leave Palermo because of the possible retaliation that he might face. Over the years, Karim had acquired a certain importance within the world of drug dealing and, consequently, he had a certain knowledge of the dynamics of the neighbourhood. His decision exposed him to retaliation which could have put his life at risk. He was not so much afraid of being accused of being unreliable, because he had stopped doing this job, or of being seen as “ungrateful”, but rather of being the bearer of the secrets on an activity of which he was no longer a part and of which he could have revealed the goings-on.

This type of emancipation is quite unlikely to take place until one is a clandestine and so is excluded from the circuits of legality, but it is possible when one has residence permits. The processes of exclusion of the most vulnerable subjects from the possibility of participating in political life implement new forms of exclusion that reveal the fallacy of a system that promotes institutional procedures and liberal democratic values, according to the best rhetorical traditions of pluralist democracies. The fracture between formal and substantive accessibility to the law is the disconnection that must hide the schizophrenia that many social groups deal with on a daily basis.

Among other things, the fact that people tend to polarize geographically (Davies 2008) has the consequence that there is a growing rift, made up of ignorance about other people's conditions, between subjects coming from different social conditions. And, indeed, in a world where, thanks to access to information, it would be easily possible to try and understand the public dynamics that lead to situations of global and local social injustice, it is complicated to understand why there is a lack of interest in understanding the conditions in which our fellow human beings find themselves, as well as the reasons for this indifference. Yet this is how it is: great narratives have

¹ A body packer is a person who swallows containers filled with drugs so that this is not found by the police. The translation of the interview is mine.

enormous poetic power and, if they are not constantly watched over, it is easy to give them space to colonize the human imagination in this field too.

Thus, one finds oneself, on the one hand, supporting the campaigns promoted by the various NGOs in favour of humanitarian projects, in the name of the social-democratic values that Westerners have historically guaranteed (albeit with frequent amnesia), on the other hand, refusing to share the set of rights established by the state with the people who live, or would like to live, in the same territory. And this happens because of an intrinsic belief that the social privileges some enjoy belong to them as inalienable rights and not because of fate that made some live in a specific time and society rather than in other times and societies.

On October 3, 2013, one of the many boats attempting to cross the sea was shipwrecked and the sea swallowed up 366 human beings: as a consequence, the Italian government decided to give the Italian citizenship to the victims who also received solemn funerals, while those who lived, those who had survived the tragedy, were automatically charged with the crime of illegal immigration. A feel-good rhetoric freeing from the blame was used when dealing with the dead; while no similar observations were made on the living, on those who could have really benefited from the acquisition of citizenship: the migrants that survive the sea passage are useful if they stay illegal, held in a centre, vulnerable and exploitable because all of these conditions represent a business for both the formal and informal economy.

Human misfits are needed, but this consideration must be silenced. A double-track, a perfect expression of common feeling: what some must be guaranteed as a right, others can be granted as a privilege. A real differential form of access to resources which, however, thanks to a good dose of rhetoric, is camouflaged by the democratic states of Europe. And so, for example, the focus is on rescue operations at sea, their benefits and their social cost, and not on the fact that there is a part of the world free to travel everywhere and a part to which this possibility is not granted. And this without wanting to further examine the analytical data that would show what are the political and economic motivations that push towards these diasporas, the historical and current responsibilities of governments; the benefits, in economic terms, of illegal migration that produces vulnerable, blackmailable, exploitable human beings in several sectors, from labour at no cost to prostitution, from drug trafficking to organ trafficking.

This is the ability to create disconnections, to relegate critical consumption to the niche, to forget the dramas of labour exploitation in our agriculture or building, to break the chain between arms-producing countries and their clandestine trade, to make the dead in shipwrecks and the living in detention centres just numbers, as well as the girls who prostitute themselves on our sidewalks and those who look after our homes, elderly, children. It is also necessary to create new nodes of coincidence, bringing new centres of significance (*Deleuze, Guattari* 2010: 191), in order to recover the moment of the short-circuit, when the chain *cause-possible effects* is broken, and to reconnect the relationship between economy, power and human misfits, at a macro-social level as well as in daily practices. The rhetoric of the crisis leads to the management/exploitation of labour. In the name of the crisis more people can be exploited and more exploitable human beings can be found.

Today we focus on the *imperium* of the crisis. The concept of *imperium*, although historically responding to gradually different representations of power, has always included an aspect of contiguity with the ability and opportunity to act for the management of people and space. The management of the crisis, involving emergency measures, depoliticizes the public space and makes human beings much more exposed to violence than policies of security and social

differentiation. One could go so far as to argue that the capitalist accumulation of power, as well as the economic one, is also an accumulation by «dispossession». Dispossession of humanity. It lives on the claim of essentialisation by those who act also thanks to the bureaucratic apparatus that provides for the implementation of forms of de-humanisation.

Until 1986 the Italian law only knew «foreign» workers whose employment was regulated by provisions dating back to the immediate post-war period. From that year, however, the political and legal management of the presence of migrants was subject to increasingly restrictive regulations, based on the principle of emergency and amnesty, until the introduction, with Law 94 of 2009, which came into force on August 8, 2009, of the «crime of clandestinity». The introduction of this crime in the Italian legal system, therefore, is to be considered as the culmination of a process breaking down the guarantees of the rule of law in favour of the formation of a legal force damaging for a particular category of human beings: migrants, and in particular *sans papiers*. Besides, this new crime refers to a status (*sans papiers*) in a given space and not to the performance of an action.

It contributes to making the bearers of this condition a «surplus» over a structured system and, because of the greater vulnerability to which the subjects are forced, it contributes to making this surplus functional to the management of power dynamics in certain social and private spaces, as well as to the management of certain forms of criminal *governance* and the encouragement of certain forms of welfarism. Therefore, the delegitimation of the right to be on a territory foments some circuits through which migrants might be easily exploited by criminal agencies, might be subjected to new forms of slavery or re-qualified as a victim of the system. In any case, their poiesis passes through a condition linked to the possibility of enjoying a space and acting in it. The political codification of the body itself creates a grammar of the illicitness of presence in order to create effects that are political. The assumption of indictability by condition and not by action produces, in fact, the prosecutability of presence by denying an ethics of the possibility to have an aspiration that can extend the improvement of the quality of life standards in a space other than the designated one.

Managing the space and the power connected to it means managing the presence of human beings in a given territory. Space and power are to be read as an open system of structuring structures that function as structured and are recognizable in the tension between the claims of essentialization of those who are agents of power and the ability that those who are managed by power have to create escape lines. This essentialisation aims to create a category of human misfits, the waste and rubble through which the nation state has grown and thanks to which, renouncing the (now failed) functions of guarantor of welfare, seeks to recover credibility in the eyes of the citizen, making security policy the focus of its agenda.

It is, therefore, a real process of marginal re-territorialization that governments try to manage. The great limit of any device of control, inclusion and exclusion, in fact, is always the same: not to take into account that we are part, to say it with Deleuze, of a world of changeable flows (*Deleuze, Guattari* 2010) and that the capacity of resistance and poiesis of man is superior to the attempts of delimitation imposed by certain forms of social control. The fact remains that such practices and policies, by reifying forms of exclusion, are connected to structural asymmetries which end up by producing policies of marginality. The myth on which the nation-state is based feeds on the opposition between residents and immigrants who become symbolic and structural enemies (*Dal Lago* 2009). As Bauman (*Bauman* 2003) observes, it is the State that, going beyond the competences of international agreements, legislates by determining who, and under what conditions, can be admitted within its own borders. And it does so by claiming in the eyes

of the citizens the will to safeguard itself and its own structure, not acknowledging, instead, that it is no longer in the position to legitimise itself.

Outclassed by extraterritorial spaces, unable to manage and respond to the social and economic insecurities of their citizens, stripped of most of their sovereign capabilities and prerogatives by the forces of globalization that they are unable to oppose – and even less to control – governments can only carefully choose the targets that they are presumably able to oppose and against which they can act through their rhetoric (Bauman 2003: 72). On a local scale, the attempt to recover social consensus develops on the rhetoric of the *reissue* (Appadurai 1996) of one's own «ethnic identity», through the processes of common identification that act on the collective imagination of the national community (Anderson 2005). And it is precisely from imagination as a social practice that one determines what (and who) is «inside» and what (and who) is «outside». Bauman (Bauman 1995), certainly paraphrasing Tolstoy, writes that «all societies produce foreigners but each produces a particular type of foreigners, according to unique and irrepeatable ways». The fact that identity and ethnic classifications are ideological constructs does not mean that they do not act as real or do not have any social consequences.

One of the levels at which we can read recession, social insecurity, fear, is that of attributing the evils that trouble us to the invasion of foreigners who are thus presented as an indistinct mass, nourishing an imaginary that exalts autochthony (or, better, its representation). But even those who engage in «integration» practices by talking about «multiculturalism» or «interculturalism» contribute to forging an imaginary that, leaving their homes, could risk meeting (or clashing with) «cultural masses» and not people. A bit as if all of us, instead of meeting men, women, children, each with their own stories, their own resources and their own miseries, we met «cultures». The risk is that we no longer talk about human beings, social and legal subjects, but about groups, which are already frightening because of the idea of quantity.

That the self, even in its collective form, is determined by opposition, is a well-known fact, just as it is known that foundation myths are based on the «us/them» opposition.

All societies need to recognize metaphysical enemies that justify collective misfortunes and public enemies. The State/nation equivalence, however, is broken in favour of diasporic communities and dislocated relationships that require global political arenas. The migratory experience produces effects that shape both the relationships that migrants develop in the place of arrival (with that society, but also with other migrants) and the management of the place itself, both in the field of institutional policies and social practices, to the point that the migratory phenomenon is defined as a «total social fact» (Sayad 1999). Yet the perpetuation of certain social structures, with the consequent inconsistency between the practices that tend to stress these structures and tightening policies, is such that, since the 1990s, countries such as Italy, which act as an outpost for access to Europe, have continued to enact highly restrictive and repressive legislative measures against immigrants. This is because some human destinies are subject both to power games on a planetary scale and to political games on a local scale.

The political space and the nation-state are built and grow through the «opposition to/exclusion of» combination according to the anachronistic but tenaciously defended coincidence that «must» exist between the principle of citizenship based on an exclusive cohesion and the borders of the nation-state, so that the exclusion from the state territory of that part of human beings in excess is self-legitimized, making the methodology of

exclusion and the classification of the excluded the cornerstone of the political agenda. It is, therefore, a real process of marginal re-territorialization that governments try to manage without taking into account that they too are part of a world of changeable flows (Deleuze, Guattari 2010). Judith Butler (Butler, Spivak 2007) wonders if we can think of Europe as an entity that establishes itself as governance by determining borders and an immigration policy upon the offer that it made to various countries on the control of borders guaranteeing low paid workers, who will enter with a status less than legal and with temporary contracts that do not alter the population.

Butler argues that naked life should be conceived as an unprotected exposure to state violence and, although she criticizes Agamben (Agamben 1995) and his idea of *homo sacer*, the fact that he considers it prior to political dimension, comes much closer than she herself wants to admit to the Agambian idea when she argues that naked life has the paradoxical form of «included exclusion», because it becomes part of the political precisely with its exclusion because it is embodied in the *homo sacer* and it connects to the state of exception (Butler, Spivak 2009). *Homo sacer*, in the Latin tradition, was the man who, having performed an action that jeopardized the relationship between man and divinity, did not deserve the attention of a trial but, isolated, had to be exposed to the direct punishment of the gods. If someone had killed him, moreover, he could not have been charged with murder. For Agamben (Agamben 1995: 9), all men are potentially sacred and the production of a biopolitical body is the original function of sovereign power in the state of exception. Agamben (Agamben 2003: 55) traces the archetype of the state of exception back to the *senatus consultum ultimum*, a paradoxical legal act by which, by proclaiming the state of emergency, the Roman senate put full powers into the hands of one person and essentially overruled the state of right.

This is a liminal situation, in which outlaw acts are produced but which have the force of law (ibid.: 44). In such a situation the naked life can be killed without the crime of murder being committed. Bauman (Bauman 2003: 42), continuing the reading of Agamben (Agamben 1995), says that *homo sacer* is a category of human misfits, the waste and rubble through which the nation-state has grown up and thanks to which, renouncing the (now failed) functions of guarantor of welfare, it tries to recover credibility in the eyes of the citizen, making security policy the heart of its agenda. Hannah Arendt (Arendt 1996: 372) wrote: «they find themselves to be, without any right, the foam of the earth». Jürgen Habermas and Jacques Derrida (in Borradori 2003), although starting from different premises, came to the conclusion that some categories of thought produced by the Enlightenment have to be reinterpreted with respect to modernity (sovereignty of States, international law), because they have reached the limit of their conceptual effectiveness. In particular, Derrida argued, the concept of «tolerance» should be replaced by that of «unconditional hospitality»; the philosopher saw in Europe, squeezed between Bush's Christian fundamentalism and Bin Laden's Islamic fundamentalism, the only possibility for the affirmation of a cosmopolitanism for which the human being could enjoy a legal system that ignored geographical affiliation.

On the other hand, European citizenship, established at the end of a long process that began with the Treaty of Rome in 1957 (which established the European Economic Community) and sanctioned in Maastricht with the Treaty of 7 February 1992 (which came into force on 1 November of the following year), is a «derived» citizenship in that it is a complement to that of the state. The possibility of accessing it for a non-European migrant, therefore, is conditioned by the status granted to him/her in the country where he/

she resides. The paradox, however, is that the institution of European citizenship acquires meaning if one lives outside one's own state, as it guarantees the migrants' own rights, provided that they are European migrants. Although many EU declarations guarantee the rights of the human being, in practice there is a gap between declarations of intent and real access to resources by non-European migrants, because the acquisition of citizenship is a substantial and not a formal problem. Balibar (*Balibar 2000, Balibar 2008*) emphasizes that national rights have become privileges and speaks of the historical need to extend certain rights and establish new ones in order to confront the «apartheid» regime which, from militarized borders, is coming to the heart of the metropolis.

Yet, on a theoretical level, the institution of European citizenship could have had a strong destructuring power fundamental to a new solidarity set-up. The exclusion of the most vulnerable immigrants from the possibility of participating in political life is the real challenge to the liberal-democratic values and to institutional procedures so highly appreciated in pluralist democracies. The practices and policies that are implemented in the name of justice reify forms of injustice, since justice itself is linked to structural asymmetries at the planetary level, with the consequence of producing policies of marginality. The importance of grasping the historicity of law and the contingency of laws also helps to understand the criteria by which one becomes a citizen.

In a State like Italy, characterized by a historical phenomenon of emigration, the choice to perpetuate the right of citizenship with the *ius sanguinis* was functional to a given historical moment. The rhetoric that aims to make this right as a trans-historical and intrinsically valid choice operate a sort of removal of the events typical of the «entrepreneurs of memory» that transform the past into an arena of political and social conflicts of the present (*Habermas 2006*). The acquisition of Italian citizenship, regulated by the law 91 of 1992 (rules on citizenship), also occurs by *ius soli* if the person born on Italian territory is the child of unknown or stateless parents and in some other specific cases. Since there is no precise directive from the Ministry of the Interior and, therefore, decisions on these issues are entrusted to the discretion of the competent offices on the territory, the social vulnerability of weak people is amplified. In Italy, one can identify specific stages of a historical process that has led to the reconfiguration of the human being into a regular, irregular, illegal migrant.

The illegality of the migrant is a legal product (*De Genova 2004*) that classifies the various categories of «foreigners». The term «non-EU», for example, is a legal and historically determined neologism: Romanians living in any state of the European Union before 2007 (when Romania and Bulgaria became member states) were non-EU citizens and their presence was regulated by this condition, as well as their daily life, their working and affective relationships and social life. After 2007, their presence changed legal status, but not only that. The new recognition, in time, also becomes lower social vulnerability. It is obvious that this is true up to a certain degree. The fact of being the bearer of certain rights in theory does not mean that it can be so in practice. Access to certain resources, in fact, is conditioned by a multiplicity of factors for which there is no mathematical equivalence between the legal recognition of European citizens and social recognition, but certainly the entry into the European Union has triggered a process through which circuits are envisaged that someone will be able to exploit.

The fracture between formal and substantive accessibility to some rights, on the other hand, thanks also to a Kafkaesque hyperburocratization, is an impasse with which many social groups deal daily. Since 1986, that is since the proclamation of the law number

943 (the Foschi law) of 30 December 1986 (Regulations on the placement and treatment of non-EU immigrant workers and against illegal immigration), the political and legal management of the presence of foreigners on the territory has been based on the principle of «emergency». The latter is often solved with «amnesties», so that the State, after having delegitimized their presence (fomenting practices of social blackmail), allows the reintroduction into the legal circuits through a huge economic outlay (the emergence plan) and quite anachronistic conditions that in a historical moment when work is based on the flexibility of contracts, such as having (except for domestic work) a permanent job.

One can guess how, at an institutional level, the life paths of migrants and their public perception can be pre-structured. Youssou is a Senegalese boy who is a street vendor. He came to Palermo from Brescia, although with a considerable reduction in his income, following the advice of his uncle because, in the absence of papers, the risk of incurring a decree of expulsion in the Sicilian capital is lower (conversation of March 10, 2011):

I must have a car, you see? How could you do it otherwise, with sweaters, jeans... those you put on top [...] yes, jackets. Where do you put all the things for the market? You need car, you do [...] No, I don't have a fake driving licence. I considered making one, but I buy everything from Italians here, I don't go to Naples. [...] I think I ask another to make a licence for me, but now I use my senegalese driving licence [...]. No insurance. I always wear that [safety] belt because I am a foreigner, so no one says anything. [...] Yes, I was stopped here in Ballarò, twice. [...] You show my senegalese licence and the police says it is no good, [but they don't] do anything, they let me go. [...] I have no car insurance, the police knows that I need to work and they don't say anything me. [...] I better if I have papers. [...] In Bergamo I could not do this, better here, but [much] better if I have papers¹.

The migrant is defined on the basis of the possession or not of the documents that make his presence on the territory lawful: «regular» (with residence permit), «irregular» (with expired residence permit), «illegal» (without residence permit). Whether or not a requirement is met becomes the dividing line between legality and illegality. Stereotypical media representations generally attribute to the «irregular» or «clandestine» migrant the characteristics that would be attributed to an outlaw, while being an «outsider». In particular, the term «clandestine» refers to a universe of illegal actions linked to the exercise of practices. Irregularity and clandestinity, on the other hand, become illegal under the conditions of existence. The production of illegality, therefore, is no longer linked to an action, but to a state, a space, a condition, an age.

One is illegal by the very fact of being. The sanctioning of the illegality of the presence of the body in its existence makes it possible to witness a dichotomous dismemberment between the person and his/her body, to which no agents are recognized. The presence of the body conveys a state of illegality regardless of the performance of an action. But if the law acts as a device for controlling lives, and in the case of migrants' lives this control often has the taste of coercion, it is also true that human beings' poietic capacity is such as to find unprecedented solutions or, at least, compromises capable of reshaping instances and needs. The question thus is: will the resonance of these centres succeed in shaking and delegitimising pre-constituted orders before they are brought back to the norm? Using the metaphor of Deleuze and Guattari (*Deleuze, Guattari* 2010: 458–462), one could suppose so: deterritorialized human beings are

¹ My translation, I decided to use broken English in order to imitate Youssou's broken Italian at the time of the interview.

numbering numbers compared to territorialized human beings (who are numbered numbers) and have the characteristic of being in an always complex and articulated movement capable of producing «effects of immensity through a subtle articulation» (ibid: 462).

References

- Agamben, G. 1995. *Homo sacer. Il potere sovrano e la nuda vita* [Homo sacer. Sovereign power and bare life]. Torino: Einaudi.
- Agamben, G. 2003. *Lo stato d'eccezione. Homo sacer II* [The state of exception. Homo sacer II]. Torino: Bollati Boringhieri.
- Appadurai, A. 1996. *Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization* [Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization]. Public worlds, University of Minnesota press.
- Anderson B. 2005 [2001]. *Comunità immaginate* [Imagined communities]. Roma: Manifestolibri.
- Arendt, H. 1996 [1951]. *Le origini del totalitarismo* [The origins of totalitarianism]. Torino: Einaudi.
- Augè M. 2007. *Tra i confini. Città, luoghi, interazioni* [Between borders. Cities, places, interactions]. Milano: Mondadori.
- Balibar, E. 2000. *Le frontiere della democrazia* [The frontiers of democracy]. Roma: Manifestolibri.
- Balibar, E., 2008 [2001]. *Noi cittadini d'Europa? Le frontiere, lo stato, il popolo* [We citizens of Europe? The borders, the state, the people]. Roma: Manifestolibri.
- Bauman, Z., 1995. *Life in Fragments: Essays in Postmodern Morality* [Life in Fragments: Essays in Postmodern Morality]. Blackwell Pub Hoboken.
- Bauman, Z., 2003. *Intervista sull'identità* [Interview on identity], by B. Vecchi. Roma; Bari: Laterza.
- Borradori, G., 2003. *Filosofia del terrore: dialoghi con Jürgen Habermas e Jacques Derrida* [Philosophy of terror: dialogues with Jürgen Habermas and Jacques Derrida]. Roma; Bari: Laterza.
- Butler, J. and G.C. Spivak, 2007. *Who Sings the Nation-State? Language, Politics, Belonging*. London: Seagull books.
- Dal Lago, A., 2009 [1999]. *Non-persone. L'esclusione dei migranti in una società globale* [The exclusion of migrants in a global society]. Milano: Feltrinelli.
- Deleuze, G. and F. Guattari. 2010 [1980]. *Mille piani. Capitalismo e schizofrenia* [A thousand floors. Capitalism and schizophrenia]. Roma: Castelvecchi.
- De Genova, N. 2004. *La produzione giuridica dell'illegalità. Il caso dei migranti messicani negli Stati Uniti* [The legal production of illegality. The case of Mexican migrants in the United States]. In *I confini della libertà. Per un'analisi politica delle migrazioni contemporanee* [The borders of freedom. For a political analysis of contemporary migrations], edited by S. Mezzadra. Roma: DeriveApprodi.
- Davies J.B. et al. 2008. *The world distribution of Household Wealth*. Helsinki: UNU-WIDER.
- Foucault M. 1994. *Eterotopia: luoghi e non luoghi metropolitan* [Eterotopia: metropolitan places and non-places]. Milano: Mimesis.
- Habermas J., 2006 [1988]. *Il pensiero post-metafisico* [Post-metaphysical thought], edited by Caloni Marina. Roma-Bari: Laterza
- Ong A. 2006. *Neoliberalism as Exception: Mutations in Citizenship and Sovereignty* [Neoliberalism as Exception: Mutations in Citizenship and Sovereignty]. Durham; Duke University Press.
- Sayad, A. 1999. *La double absence. Des illusions de l'émigré aux souffrances de l'immigré* [The double absence. Desillusions of the emigrant and the suffering of the immigrant]. Paris: Seuil.
- Settineri D. 2013. "Uomini di troppo. Illegalità ed eccedenza a Ballarò (Palermo)" ["Men too much. Illegality and excess in Ballarò]. In *Antropologia giuridica. Temi e prospettive di ricerca* [Antropologia giuridica. Research topics and perspectives], edited by A. De Laur, 97–118i. Milano: Mondadori.

Сеттинери Дария*

Миграции, власть и городские пространства в Сицилии: этнографическое исследование

DOI: 10.33876/2311-0546/2020-52-4/7-19

В статье на основе полевого фактического материала исследуется специфика современных миграционных процессов, которые рассматриваются автором в рамках одного конкретного городского ареала, локализованного в г. Палермо (Сицилия). В контексте этого сложного гетеротопического пространства, прибегая к понятийному аппарату М. Фуко, своеобразной ризомы, оперируя концептами Ж. Делеза и Ф. Гваттари, анализируются в первую очередь действия различных акторов власти, местных и транснациональных, довлеющих в этой очерченной рамками определенных кварталов города, замкнутой социально-урбанистической среде, – формальных и неформальных, институционализированных и нет, государственных и негосударственных, легальных и нелегальных, политических, социальных, экклесиальных, экономических, криминальных, объектами защиты и внимания которых являются мигранты, в первую очередь нелегальные, сконцентрированные в этих городских кварталах и сосуществующие там с местным населением. Также исследуется реакция «пришлых» на воздействующие на них факторы, в том числе внимание акцентируется на способах освоения и осмысления нового места обитания как микро- и макрокосма, во всем многообразии и сложностях пронизывающих мигрантское сообщество социальных связей.

Ключевые слова: Палермо, миграция, насилие, государство, мафия, транснациональный, гетеротопия, пространство, права, правосудие

* Сеттинери, Дария – PhD по антропологии современности (Университет Бикокка – Милан), преподаватель, Институт среднего классического образования «Дон Джованни Коллетти» (Италия, 90034 Корлеоне, провинция Палермо, ул. Салваторе Кузимано). Эл. почта: dariasettineri@yahoo.it

©О.Е. Казьмина

МИГРАЦИОННЫЙ КРИЗИС В ЕВРОПЕ И ХРИСТИАНСКОЕ МИЛОСЕРДИЕ: ИСТОРИЯ ОДНОГО ПРИХОДА*

В статье на примере Италии анализируется социальная работа католических организаций, адресованная беженцам и иммигрантам. Работа написана с использованием полевого материала автора, собранного в одном из католических приходов Болоньи. Цель статьи – исследовать отношение к миграционной ситуации в Европе ее крупнейшей конфессии – Римско-католической церкви – и изучить формы социального служения католических организаций среди беженцев и иммигрантов. Актуальность темы определяется тем, что задача адаптации беженцев и иммигрантов и их интеграции в принимающее общество остро стоит в настоящее время во многих европейских странах. Государства ищут приемлемые для себя пути этой интеграции. Законы, регулирующие иммиграцию и определяющие статус беженца и иммигранта, часто становятся предметом жарких политических споров. От светского дискурса о миграционном кризисе и мигрантах, зачастую подчеркивающего прежде всего права той или иной стороны, отличается дискурс религиозный. Позиция христианских организаций Европы заключается прежде всего в сострадании к беженцам и мигрантам и стремлении улучшить их долю. Миграционный кризис в Европе сделал европейские христианские организации более заметными и способствовал деприватизации религии в сильно секуляризованном обществе. Христианские организации, и в частности приходы и благотворительные структуры Римско-католической церкви стали важными акторами в выстраивании отношений с мигрантами и их интеграции в европейское общество.

Ключевые слова: Миграция, Европа, Италия, Римско-католическая церковь, социальное служение

Иммиграция стала неотъемлемой чертой глобализованного мира. Население подвижно. Порой, в надежде оказаться в более благополучных странах, люди пытаются преодолеть границы, несмотря на существование пограничного контроля и миграционных правил, идя на лишения и страдания и даже рискуя жизнью. Именно с такой ситуацией столкнулась Европа в последнее десятилетие. Постоянное нарастание потоков беженцев и иммигрантов, значительная часть которых нелегальные, привело к тому, что с 2014–2015 гг. сложившуюся ситуацию все чаще стали называть миграционным кризисом в Европе.

Казьмина Ольга Евгеньевна – д.и.н., заместитель декана по международному сотрудничеству исторического факультета, и.о. зав. кафедрой этнологии, МГУ имени М.В. Ломоносова (119092 Москва, Ломоносовский просп., 27, корп.4) Эл. почта: okazmina@inbox.ru

* Статья написана при финансовой поддержке Фонда В. Потанина (грант ГСГК 93/18)

Потоки беженцев и иммигрантов сильно изменили этнический, конфессиональный и социальный ландшафт многих стран Запада. Эта новая реальность выдвинула на повестку дня разные сюжеты: прозрачность или закрытость границ, миграционное законодательство на национальном и международном уровне, интеграционные практики принимающей страны и многое другое.

Цель данной статьи – проанализировать отношение к миграционной ситуации в Европе ее крупнейшей конфессии – Римско-католической церкви – и изучить формы социального служения католических организаций среди беженцев и иммигрантов, обратив внимание на отношение окружающего населения к такому служению. Эта тема видится вполне актуальной, поскольку задача адаптации беженцев и иммигрантов и их интеграции в принимающее общество остро стоит в настоящее время во многих европейских странах. Государства ищут приемлемые для себя пути этой интеграции, а разные институты гражданского общества принимающих стран пытаются предложить свои стратегии взаимодействия с чужаками. Большая роль в этих процессах принадлежит религиозным организациям с их духовными ресурсами мотивировать своих последователей на дела милосердия и помощи нуждающимся, наводить мосты между местным и пришлым населением, через благотворительные социальные программы оказывать непосредственную помощь беженцам и иммигрантам, пытаясь таким образом интегрировать их в принимающее сообщество.

В рамках данной статьи я рассматриваю поставленную тему с привлечением документов Римско-католической церкви и полевого материала, который мне удалось собрать в одном из католических приходов Болоньи. Для более глубокого понимания проблемы была также проанализирована научная литература, посвященная современной миграционной ситуации и миграционной политике в Европе (*Бабыкина 2018; Громько 2017; Китинов 2016; Степанов 2015–2016; Darrell 2018; Rajendra 2017; Timani 2015*), роли религиозного фактора в мировой политике и участии религиозных организаций в разрешении миграционного кризиса (*Лункин 2017; Малащенко 2005; Mavelli 2017; Juergensmeyer 2005; Bretherton 2010*), интеграции беженцев и иммигрантов в принимающие сообщества (*Building 2015; Immigration 2008; Incorporating 2005*), социальному служению церквей, в том числе служению, адресованному беженцам и иммигрантам (*Лункин 2016; Religion 2007*).

Полевой материал собирался в Италии – стране въезда большого числа беженцев и иммигрантов. Однако было решено проводить исследование не на юге страны, где число беженцев и иммигрантов особенно велико и ситуация в силу этого эмоционально накалена и травматична, а в Болонье, где религиозные организации помогают беженцам не в экстренном порядке, а вполне осознанно и мотивированно. Когда мой выбор пал на Болонью, я обратилась к своей знакомой, работающей в Фонде религиозных исследований имени Иоанна XXIII. Посоветовавшись со своими коллегами, она рекомендовала мне приход Святой Девы Марии в Фоссоло, известный в Болонье своими социальными проектами.

Нынешний район Фоссоло, комфортный и зеленый, расположенный недалеко от центра Болоньи, застраивался в 1960-е годы. Церковь же здесь существовала давно, и в 2021 г. приход будет праздновать свое 900-летие. В 1960-е годы квартиры в новых благоустроенных по тем меркам домах купили в основном молодые, успешные, а значит, и достаточно обеспеченные профессионалы. Население района оказалось очень стабильным. Сейчас это преимущественно те же семьи, но

теперь уже пенсионеров, дети которых давно выросли и покинули родительские дома. Настоятель церкви о. Стефано Кульерси, описывая свой приход, говорит, что в воскресную мессу церковь у него полна, а вот таинство крещения ему доводится совершать крайне редко. Прихожане в основном пожилые. Приход насчитывает 6,5 тыс. человек. Активные прихожане, каждое воскресенье приходящие в церковь, по словам о. Стефано, составляют 11%. Это преимущественно люди в возрасте 70–80 лет. Сам настоятель намного моложе своих прихожан. Впрочем, многие прихожане весьма активны, хотят заниматься полезными и значимыми делами, влиять на происходящее в районе и городе (ПМА 2019).

Законы, регулирующие иммиграцию и определяющие статус беженца и иммигранта, часто становятся предметом жарких политических споров. Отношения к иммиграции и иммигрантам сильно различаются как между принимающими странами, так и внутри каждой из принимающих стран, что порой создает диаметрально противоположные нарративы. В рамках светской этики миграции можно выделить два основных подхода: космополитическая этика и коммунитарная этика (*Rajendra 2017: 6*). Космополитическая этика подчеркивает превосходство концепции прав человека (в данном случае защищающей права мигрантов) над правом национального государства оберегать свое членство. Коммунитарная этика подчеркивает право политического сообщества (государства) выбирать и защищать своих собственных членов (*Rajendra 2017: 6*). Два подхода вступают в неразрешимое противоречие, при этом не один из них не отражает полностью отношений между принимающим населением и мигрантами и не предлагает путей интеграции чужаков. Евросоюз в своей современной иммиграционной политике пытается балансировать между двумя этими подходами, подчеркивая необходимость интеграции мигрантов в принимающее сообщество, выстраивания доверия между местным и пришлым населением, а также принимая во внимание активность европейских церквей в социальном служении и их поиск своей роли в современном обществе (*Потемкина 2015: 28–40; Лункин 2017: 37–39*).

От светского дискурса о миграционном кризисе и мигрантах, зачастую подчеркивающего прежде всего права той или иной стороны, отличается дискурс религиозный. От христианских организаций Европы звучит прежде всего сострадание к беженцам и мигрантам и надежда на возможность улучшить их долю. Для христиан важнейшим императивом, естественно, служит Библия, которая учит, что наиболее уязвимые группы населения должны быть защищены. При этом христиане осознают, что абсолютная справедливость возможна только в полноте града небесного, в граде же земном только дела солидарности приближают нас хотя бы к несовершенной справедливости (*Rajendra 2017: 145*). В этом земном граде, выражаясь словами Мартина Лютера, «Закон и Евангелие отличаются друг от друга по своему существенному характеру: одно обещает, другое повелевает» (*Лютер 1532*). В то время как государства повелевают уважать границы и регулирующие миграцию законы, религиозные организации своим социальным служением проявляют солидарность с мигрантами. Их социальное служение – это не только благотворительность, но также и их ответственность, основанная на любви к Богу.

Если говорить о современных документах Римско-католической церкви, то социальному служению вообще и социальному служению среди беженцев и мигрантов посвящена специальная глава «Социальное измерение евангелизации» энциклики папы Франциска «*Evangelii Gaudium*» [«О возвещении Евангелия в современном

мире»] 2013 г. (Апостольское 2014). В ней папа Франциск призывает «уделять внимание, быть рядом с новыми формами бедности и хрупкости, в которых мы должны видеть страдающего Христа, хотя ясно, что это не приносит нам осязаемых и немедленных преимуществ: бездомные, страдающие разными формами химической зависимости, беженцы, туземные народы, все чаще остающиеся в одиночестве старики и отверженные и т.д. Особый вызов бросают мне мигранты, ведь я – пастырь Церкви без границ, Матери для всех людей. Поэтому призываю страны к открытости, не боящейся разрушения местной самобытности и способной создать новые культурные объединения» (Апостольское 2014: 183–184). Примечательно, что и первая поездка папы Франциска за пределы Рима, состоявшаяся в 2013 г., была на остров Лампедуза, место прибытия многих, кто надеется найти убежище в Европе. Именно с ними там встречался папа, а импровизированная кафедра для обращения к верующим была сооружена из вынесенных на берег обломком кораблей, потерпевших крушение в Средиземном море. Таким образом, верующим был дан явный послыш предстоятеля проявить солидарность и протянуть руку помощи беженцам и иммигрантам. Многие католические приходы Европы на него откликнулись и участвуют в социальном служении, адресованном беженцам и иммигрантам. На общеевропейском уровне их деятельность координируется Комиссией конференций епископов европейского сообщества [Commission of the Bishops' Conferences of the European Community], которая имеет представительства при большинстве католической епархий Европы (Лункин 2018: 210).

Очень активную работу среди беженцев и иммигрантов ведет крупнейшая католическая благотворительная организация «Каритас». В Европе действует ее отделение «Каритас-Европа». Один из масштабных проектов, которые «Каритас» осуществляет совместно с другими христианскими организациями, в том числе протестантскими, стал проект гуманитарных коридоров. Инициаторами этого проекта были католическая община св. Эгидия и две протестантские организации: Евангелическо-вальденская церковь и Евангельская федерация церквей. В рамках этого проекта христианские организации заключили с Министерством иностранных дел Италии и Министерством внутренних дел Италии соглашение, которое предусматривает выдачу примерно тысячи гуманитарных виз в год наиболее уязвимым категориям лиц, ищущим убежища: женщинам с детьми, старикам, инвалидам, больным и т.п., при этом визы выдаются в странах исхода. Таким образом в Италию люди прибывают уже с легальным статусом. Идея проекта – обеспечить безопасность как беженцам (им не надо подвергать себя риску в нелегальном путешествии через Средиземное море), так и местным жителям (потенциальные кандидаты еще до получения визы тщательно проверяются на законопослушность). По прибытии в Италию обладателей гуманитарных виз встречают представители религиозных организаций, они же предоставляют им жилье на первое время, помогают освоить итальянский язык, записывают детей в школу и т.п. (Гуманитарные 2016). В рамках проекта гуманитарных коридоров папа Франциск посетил в 2016 г. лагерь беженцев на греческом острове Лесбос и привез оттуда в Ватикан двенадцать беженцев из Сирии, получивших гуманитарные визы.

Европейские церкви создали и многие другие программы, направленные на интеграцию мигрантов. Они помогают мигрантам и беженцам с обустройством на новом месте, обеспечивают им доступ к образованию и рынку труда, оказывают юридическую и психологическую помощь. Особое внимание уделяется освоению беженцами

и мигрантами языка принимающей страны. С этой целью религиозные организации открывают специальные языковые курсы (*Darrell* 2018: 28).

Религиозные организации видят свою задачу не столько в том, чтобы помочь переселенцам легально въехать или легализоваться на новом месте, сколько помочь адаптироваться тем, кто уже находится в Европе. В этих усилиях, направленных на адаптацию и интеграцию беженцев и иммигрантов ими движет и милосердие, и прагматичные мотивы: Европа с ее низким естественным приростом и старением населения нуждается в притоке рабочей силы извне, но европейцам важно, чтобы эта новая рабочая сила вписалась в культурные реалии, позволяющие сохранить собственное европейское культурное своеобразие. Религиозные организации через свое социальное служение стараются мотивировать усилия к интеграции и переселенцев, и местных жителей, которые как к самим беженцам и иммигрантам, так и к оказывающим им помощь религиозным организациям часто относятся неодобрительно или даже враждебно. Таким образом религиозные организации наводят мосты между «местными» и «пришлыми», пытаются выстраивать добрые отношения между ними.

Приход Святой Девы Марии в Фоссоло в сотрудничестве с «Каритас» с октября 2017 г. ведет социальную работу с беженцами и иммигрантами из Африки. До этого приход участвовал в других социальных проектах. Как пояснили свою последнюю инициативу прихожане, «папа призвал открыть двери беженцам, приход откликнулся», подчеркивая одновременно, что движущая сила всех их проектов – это вера в Бога (ПМА).

«Каритас» помогает приходу организационно и логистически. Средства же для ведения конкретной работы собираются среди самих прихожан, причем жертвуют и те, кто непосредственно не занимается социальной деятельностью. Оказывает помощь и соседний приход, поставляя овощи и фрукты. Ими снабжают подопечных, а также подают к столу во время совместных трапез, которые устраивает приход, приглашая на них не только нынешних подопечных, но и тех, кто живет уже вполне самостоятельно (ПМА 2019).

Проект прихода нацелен на помощь мигрантам так называемого второго уровня. Это люди, которые уже получили легальный статус, но еще не смогли вписаться в принимающее общество. У них пока нет жилья, нет работы и т.д. Таких мигрантов в приход привозят сотрудники «Каритаса», ровно столько человек, сколько приход может принять в данный момент. У прихода есть своя гостевая квартира. С начала действия программы в нее поселяют двух мигрантов на шесть месяцев. Как полагают в приходе, именно такого срока достаточно, чтобы человек прошел первичную адаптацию и стал готов к самостоятельной жизни. Прихожане активно участвуют в жизни подопечных. Понимая особую важность освоения мигрантами итальянского языка, прихожане ведут программу «Итальянский язык для всех желающих», предусматривающую индивидуальные занятия. Члены прихода помогают подопечным с трудоустройством, занимаются их документами, помогают решать возникающие повседневные проблемы. Прихожане же подбирают квартиру, где человек будет жить по истечении шести месяцев, выступают гарантами в отношениях со сдатчиком жилья. Если сразу квартиру найти не удастся или прихожане видят, что человек еще не готов жить самостоятельно, по истечении шести месяцев мигрант временно живет у кого-то из членов прихода. С теми, кто уже живет отдельно, тоже связи не прерывают. Прихожане продолжают участвовать в их жизни. Они посредничают с работодателем, помогают с возникаю-

щими бюрократическими процедурами, интересуются повседневной жизнью мигрантов, приглашают их на мероприятия в приходе. Совсем молодых мигрантов в гостевую квартиру не поселяют. Их прихожане принимают в свои семьи. Семья заботится о том, чтобы они закончили школу, помогает им социализироваться. Такие мигранты живут в семье, пока не будут готовы к самостоятельной жизни. Так, одна из семей прихожан – моих информантов, у которых уже есть трое детей 12, 19 и 20 лет, причем все усыновленные и все из разных стран мира, взяла молодого человека из Сенегала. На момент, когда он оказался в Италии, ему было 17 лет. В семью попал два года спустя. Когда в семьях поселяются мусульмане (как, например, этот юноша из Сенегала), семьи уважают их религиозные традиции: не подают к столу свинину, в Рамадан не предлагают своим постояльцам еду до заката солнца и т.д. В приходе существуют и другие формы курирования мигрантов, направленные на их интеграцию. Так, еще одна семья, с которой я побеседовала, помогает двум тридцатилетним мигрантам: один из Гвинеи, другой из Гамбии. Они не живут в семье, но часто приходят в гости, где их угощают, помогают с оформлением разного рода документов, дают советы по разным жизненным ситуациям. Опекающая их семья помогла им найти работу, в ряде случаев выступала поручителями (ПМА 2019). Со всеми подопечными выстраиваются дружеские отношения. В результате складывается новое сообщество «местных» и «пришлых», в котором «пришлые» становятся не чужими, что для мигрантов очень важно. На одном ужине, который устраивал приход, я поговорила с выходцем из Сенегала. Он приехал в Италию за три года до этого. Сначала жил в пункте приема беженцев. Потом «Каритас» привез его в Болонью. Шесть месяцев он жил в гостевой квартире прихода. Потом переехал в квартиру, которую ему нашли прихожане, они же заплатили залог и гарантировали оплату. Сейчас он живет в квартире вместе с другим мигрантом. Оба работают, сами оплачивают свое жилье и обеспечивают себя. Приходу этот сенегалец очень благодарен и считает его своей новой семьей, часто бывает на приходских внебюджетных мероприятиях. Церковные службы не посещает и никакого давления по этому поводу не чувствует (ПМА 2019). Прихожане также отмечали, что никакой целенаправленной миссионерской деятельности по отношению к беженцам и иммигрантам не проводится. Конечно же, эффект так называемого миссионерского присутствия имеет место. Подопечные много времени проводят в приходе, тесно общаются с верующими, что способствует их позитивному восприятию католиков и католицизма, но собственно это тоже путь к интеграции.

Вместе с тем отношение к проекту помощи беженцам и мигрантам как в самом приходе, так и в целом в районе Фоссоло неоднозначное. Большинство неактивных прихожан относятся к проекту безразлично. Но у многих в районе отношение к проекту неодобрительное: жителям не нравится, что прихожане целенаправленно привозят в Болонью чужаков. Поэтому участники проекта просят «Каритас» привозить только небольшие группы мигрантов, с тем чтобы они не очень бросались в глаза и не сильно меняли привычный этнокультурный ландшафт. Тем не менее приход Святой Девы Марии в Фоссоло не единственный в округе, вовлеченный в подобную благотворительную деятельность. По словам о. Стефано Кульерси, 23% католических приходов Болоньи так или иначе вовлечены в социальную помощь беженцам и иммигрантам. За время существования программы, адресованной мигрантам, в приходе Святой Девы Марии в Фоссоло помощь получили 130 человек, и со всеми ними до сих пор поддерживается связь (ПМА 2019).

Кризисы и социальные потрясения усиливают роль религии в обществе, делают религиозные организации более значимыми и заметными. Миграционный кризис в Европе способствовал деприватизации религии в сильно секуляризованном обществе. Религиозные организации заявили о своей роли в общественно-политической жизни, и их деятельность оказалась востребованной. Христианские организации, и в частности приходы и благотворительные структуры Римско-католической церкви стали важными акторами в выстраивании отношений с мигрантами и их интеграции в европейское общество.

Источники и материалы

- Апостольское 2014 – Апостольское обращение «*Evangelii Gaudium*» о возвещении Евангелия в современном мире папы Римского Франциска. М.: Издательство Францисканцев, 2014.
- Гуманитарные 2016 – «Гуманитарные коридоры»: в Италию пропускают самых уязвимых беженцев // Православный портал о милосердии (Милосердие.ru. <https://www.miloserdie.ru/news/gumanitarnye-koridory-v-italiyu-propustyat-samyh-uyazvimyh-bezhentsev/>).
- Лютер 1532 – Лютер Мартин. Различие между Законом и Евангелием. Проповедь Мартина Лютера 1 января 1532 г. // Библиотека Гумер – богословие. (https://www.gumer.info/bogoslov_Buks/protestant/lyuter/07.php).
- ПМА 2019 – Полевые материалы автора, собранные в марте 2019 г. в приходе Святой Девы Марии в Фоссоло (Болонья, Италия). Наблюдения, зафиксированные в дневниковых записях; беседы с информантами: настоятелем о. Стефано Кульерси, священником о. Франческо Пьери, прихожанами и иммигрантами, которым приход оказывает помощь.

Научная литература

- Бабыкина Л.О. (отв. ред.). Будущее Европы: глобальные вызовы и возможные ответы. М.: Институт Европы РАН, 2018.
- Громыко Ал.А., В.П. Федоров В.П. Европа XXI века. Новые вызовы и риски. М.; СПб.: Нестор-История, 2017.
- Китинов Б.У. Тропы Европы: мигранты в поисках идентичности // Современная Европа. 2016. № 5. С. 123–131.
- Лункин Р.Н. Миссия милосердия: социальное служение церквей // Современная Европа. 2016. № 4. С. 154–158.
- Лункин Р.Н. Европейские христианские церкви перед лицом миграционного кризиса // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2017. № 2. С. 37–64.
- Лункин Р.Н. Роль христианских церквей Европы в разрешении социально-политических кризисов. Диссертация на соиск. ученой степени доктора политических наук. М., 2018.
- Малашенко А., Филатов С. (ред.) Религия и глобализация на просторах Евразии. М.: Московский Центр Карнеги, 2005.
- Потемкина О.Ю. «Европейская повестка дня по миграции» – новый поворот в иммиграционной политике? // Современная Европа. 2015. № 4. С. 28–40.
- Степанов В.В. (ред.). Миграция и мигранты в России и мире: опыт социально-антропологических и этнографических наблюдений. М.: ИЭА РАН, 2015–2016.
- Bretherton L. Christianity and Contemporary Politics: the Conditions and Possibilities of Faithful Witness. Chichester (UK), Malden (USA): John Wiley & Sons Ltd., 2010.
- Darrell J., Passarelli A. Mapping Migration. Mapping Churches' Responses. Europe Study. Geneva: Churches' Commission for Migrants in Europe. World Council of Churches, 2018.
- Juergensmeyer, M. (ed.). Religion in Global Civil Society. Oxford, New York, a.o.: Oxford University Press, 2005.

- Hanley L., Ruble B., Garland A.M. (ed.). *Immigration and Integration in Urban Communities. Renegotiating the City*. Edited by Lisa M. Hanley, Blair Ruble, and Allison M. Garland. Washington, D.C., Baltimore: Woodrow Wilson Center Press, 2008.
- Horstram A., Jung J.L. (ed.). *Building Noah's Ark for Migrants, Refugees and Religious Communities*. Ed. by Alexander Horstram and Jin Heon Jung. NY: Palgrave Macmillan, 2015.
- Hondagneu-Sotelo P. (ed.). *Religion and Social Justice for Immigrants*. Edited by Pierrette Hondagneu-Sotelo. New Brunswick (New Jersey), London: Rutgers University Press, 2007.
- Kivisto P. (ed.). *Incorporating Diversity: Rethinking Assimilation in a Multicultural Age*. Edited by Peter Kivisto. Boulder (Colorado): Paradigm, 2005.
- Mavelli L., Wilson E.K. (ed.). *The Refugee Crisis and Religion. Secularism, Security and Hospitality in Question*. London, New York: Rowman & Littlefield, 2017.
- Rajendra Tisha M. *Migrants and Citizens. Justice and Responsibility in the Ethics of Immigration*. Grand Rapids (Michigan): William B. Eerdmans Publishing Company, 2017.
- Timani Hussam S., Jorgenson Allen G., Hwang Alexander Y. *Strangers in This World: Multireligious Reflections on Immigration*. Minneapolis (Minnesota): Fortress Press, 2015.

Kazmina, Olga E. *

Migration Crisis in Europe and Christian Mercy: A Story of One Parish

DOI: 10.33876/2311-0546/2020-52-4/20-28

The article, using Italy as an example, analyzes the social work of Catholic organizations, addressed to refugees and immigrants. It is based on the author's field material, collected in one of the Catholic parishes of Bologna. The goal of the article is to analyze the attitudes to the migration situation in Europe from the part of its largest denomination – the Roman Catholic Church – and to study forms of social service of Catholic organizations among refugees and immigrants. The significance of the topic is determined by the fact that now many European states face the challenge of adaptation of refugees and immigrants and their integration into the host society. They are looking for acceptable ways of this integration. The laws that regulate immigration and stipulate the status of a refugee and an immigrant often provoke heated political debates. The secular discourse about the migration crisis, which usually emphasizes the rights of one of the sides, differs from the religious discourse. The position of Christian organizations of Europe consists first of all in the compassion to refugees and migrants and in the hope to possibly improve their fate. The migration crisis in Europe made European Christian organizations more visible and contributed to deprivatization of religion in a highly secular society. Christian organizations in general and Roman Catholic parishes and charity structures in particular became important actors in building relations with migrants and integrating them into the European society.

Key words: *Migration, Europe, Italy, Roman Catholic Church, social service*

* **Kazmina, Olga E.** – Dr. in history, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia). E-mail: okazmina@inbox.ru

This article was written with the financial support of the V. Potanin Foundation (GHAK grant 93/18)

References

- Babynina, L.O. (ed.). 2018. *Budushchee Evropy: global'nye vyzovy i vozmozhnye otvety* [Future of Europe: Globale challenges and possible responses]. Moscow: Institut Evropy RAN.
- Bretherton, L. 2010. *Christianity and Contemporary Politics: the Conditions and Possibilities of Faithful Witness*. Chichister (UK), Malden (USA): John Wiley & Sons Ltd.

- Darrell Jackson and A. Passarelli. 2018. *Mapping Migration. Mapping Churches' Responses. Europe Study*. Geneva: Churches' Commission for Migrants in Europe. World Council of Churches.
- Hanley, L.M., B. Ruble, and A.M. Garland (ed.). 2008. *Immigration and Integration in Urban Communities. Renegotiating the City*. Washington, D.C., Baltimore: Woodrow Wilson Center Press.
- Horstram, A. and Jin Heon Jung (ed.). 2015. *Building Noah's Ark for Migrants, Refugees and Religious Communities*. New York: Palgrave Macmillan.
- Hondagneu-Sotelo, P. (ed.). 2007. *Religion and Social Justice for Immigrants*. New Brunswick (New Jersey), London: Rutgers University Press.
- Gromyko, A.I. and V.P. Fedorova (ed.). 2017. *Evropa XXI veka. Novye vyzovy i riski* [Europe in XXI century. New challenges and risks]. Moscow, St.Petersburg: Nestor-Istoriia.
- Juergensmeyer, M. (ed.). 2005. *Religion in Global Civil Society*. Oxford, New York, a.o.: Oxford University Press.
- Kitinov, B.U. 2016. Tropy Evropy: migranty v poiskakh identichnosti [Trails of Europe: Migrants in search of identity]. *Sovremennaiia Evropa* 5: 123–131.
- Kivisto, P. (ed.). 2005. *Incorporating Diversity: Rethinking Assimilation in a Multicultural Age*. Boulder (Colorado): Paradigm.
- Lunkin, R.N. 2016. Missiia miloserdiia: sotsial'noe sluzhenie tserkvei [Mission of mercy: Social service of the Church]. *Sovremennaiia Evropa* 4: 154–158.
- Lunkin, R.N. 2017. Evropeiskie khristianskie tserkvi pered litsom migratsionnogo krizisa [The European Christian Church in the face of a migration crisis]. *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Series 25: Mezhdunarodnye otnosheniia i mirovaia politika 2: 37–64.
- Lunkin, R.N. 2018. Rol' khristianskikh tserkvei Evropy v razreshenii sotsial'no-politicheskikh krizisov [The role of Christian churches in Europe in resolving of social and political crises]. Dissertatsiia na soisk. uchenoi stepeni doktora politicheskikh nauk. Moscow.
- Malashenko, A. and S. Filatova (ed.). 2005. *Religiia i globalizatsiia na prostorakh Evrazii* [Religion and globalization in the vast expanses of Eurasia]. Moscow: Moskovskii Tsentri Karnegi.
- Mavelli, L. and E.K. Wilson (ed.). 2017. *The Refugee Crisis and Religion. Secularism, Security and Hospitality in Question*. London, New York: Rowman & Littlefield.
- Potemkina O.Iu. 2015. "Evropeiskaia povestka dnia po migratsii" – novyi povorot v immigratsionnoi politike? [European agenda on migration – Is it a new turn in migration policy]. *Sovremennaiia Evropa* 4: 28–40.
- Rajendra Tisha, M. 2017. *Migrants and Citizens. Justice and Responsibility in the Ethics of Immigration*. Grand Rapids (Michigan): William B. Eerdmans Publishing Company.
- Stepanov V.V. (ed.). 2015–2016. *Migratsiia i migranty v Rossii i mire: opyt sotsial'no-antropologicheskikh i etnograficheskikh nabliudenii* [Migration and migrants in Russia and in the World: Experience of social, anthropological and ethnographical research]. Moscow: IEA RAN.
- Timani Hussam S., Jorgenson Allen G. and A.Y. Hwang. 2015. *Strangers in This World: Multireligious Reflections on Immigration*. Minneapolis (Minnesota): Fortress Press.

MASKS AND CARNIVALS IN CONTEMPORARY SARDINIA

The carnival occupies an important place in Sardinia, and attracts the attention of scholars with its continuously renewed meanings and functions. Furthermore, the institution of carnival is one of the cultural traits that has most oriented enhancement, research, re-proposal, revitalization of spontaneous groups and cultural associations: local traditions are re-learned and reworked along with specific identities and new forms of expression. In this sense, we can speak of new carnivals; cultural heritage in new economic and social contexts. In other words: today's representations and masks refer to an alleged tradition to respond to contemporary needs and requests. In the case of Sardinian carnivals, enhancement, recovery, re-proposal are usually spontaneous, endogenous processes, and they are, first of all, initiated to respond to «identity needs». The contribution tries to reflect on these issues, emphasizing the complexity of the carnival phenomenon in Sardinia.

Key words: masks, carnivals, cultural heritages, Sardinia

Preliminary observations

In the city of Romens, in 1580, the festivities of Candlemas and San Biagio decreed the beginning of the carnival. For 15 days, the town of Dauphiné became a popular theatre, a bustle of «parties, kingdoms, assemblies», the centre of masquerades, banquets, dances, games, races and processions, where the carnival of the rich, personified by Judge Guérin, coexists with that of the poor, personified by the popular leader Paumier, and where «the rites of life and death, of fruitful prosperity and death sentence cross each other in the microcosm of the [...] bustling city» (*Le Roy Ladurie* 1981: 215). This festive effervescence, based on inversions and excesses, tragically ends between 15th and 16th February, Monday and Shrove Tuesday, with the clash between the notables and commoners of Romens and the death of Paumier. Carnival is dead. This episode, in fact, closes the carnival celebrations prematurely. Shrove Tuesday will be «uncarnivalized» and it will bring «the very essence of an institution, which is based on conflicts, expulsions, assassinations (generally symbolic assassinations; but in this case, very real)» (ibid: 237).

Emmanuel Le Roy Ladurie investigates the uprising between city and countryside in the Dauphiné, between nobility-bourgeoisie and artisans-peasants, that is he analyses the carnival and its relations with the uprising. The carnival of Romens – a political-folkloric festival, as the French historian defines it – is in fact a carnival of protest which ends tragically emphasizing the class conflict. A hostility between alignments from which a dense web of folk symbols and

codes emerges: the triumph of an initial chaos, disorder, which must be reconverted into cosmos, order. A carnival in which jokes and laughter, death and power are mixed.

The work of Le Roy Ladurie describes and analyses well the inversion and subversion, the mockery and the contestation, the trial and the execution of the carnival, namely some of the constitutive features of the carnival phenomena in the Mediterranean area¹, and in particular in Sardinia, a region where different types of carnival can still be observed today. These features have various forms, outlining an articulated and complex picture: from the traditional anthropomorphic and zoomorphic masks of the *mamuthones* and *is-sohadores* from Mamoiada and the *boes* and *merdules* from Ottana, to the rediscovered carnivals of Orotelli, Fonni, Orani, Samugheo, etc.; from the carnival equestrian rides of Oristano and Santu Lussurgiu, to the parades of allegorical floats in various cities on the island². Then there is another type of carnival characterized by a procession of people who, accompanied by music and songs and the declamation of satirical poems, brings in procession a donkey and a puppet impersonating carnival, namely the person responsible for all the community evils, who is tried, condemned, killed and eliminated in order to restore order³. That is the case, for example, in Ovodda, Lodine, Gavoi, Tonara and in several other towns on the island (see *Orrù* 1999).

Therefore, the carnival occupies an important place in Sardinia, and attracts the attention of scholars with continuously renewed meanings and functions. Furthermore, the carnival institution is one of the cultural traits that has most oriented enhancement, research, re-proposal, revitalization of spontaneous groups and cultural associations⁴: local traditions are re-learned and reworked along with specific identities and new forms of expression. In this sense, we can speak of new carnivals; cultural heritage in new economic and social contexts. In other words: today's representations and masks refer to an alleged tradition to respond to contemporary needs and requests. In the case of Sardinian carnivals, enhancement, recovery, re-proposal are usually spontaneous, endogenous processes, and they are, first of all, initiated to respond to «identity needs». The clash with contemporaneity inspires the search for identity and memories, which is indicative of the «collective need to find oneself in a past that gives the sense of cultural continuity precisely where on the contrary there has been discontinuity, violent uprooting, class leap. Searching for memories also means searching for an identity, which is also more to be built and rebuilt rather than to be found. And it should also mean achieving a perspective for the future» (*Gallini* 1977: 135).

¹ There is an impressive literature on the carnival. See for example: *Bachtin* 1979; *Broccolini* and *Ballacchino* 2016; *Buttitta* 1996; *Caro Baroja* 1989; *Castelli* and *Grimaldi* 1997 and 1999; *Grimaldi* 2003; *Kezich* 2015 and 2019; *Mannia* 2017a; *Sisto* and *Totaro* 2010 and 2014; *Rossi* and *De Simone* 1977; *Sordi* 1982; *Testa* 2014; *Toschi* 1955.

² On Sardinian carnivals, in addition to the references in the text, see: *Alziator* 1956 and 1957; *Atzori* 1988 and 1997; *Atzori et al.* 1989; *Della Maria* 1958a and 1958b; *Mannia* 2017a and 2020; *Masala* 1984 and 1987; *Moretti* 1954, 1963 and 1967; *Orrù* 1999; *Satta* 1982; *Toschi* 1955.

³ Not all four phases are necessarily present (see *Orrù* 1999).

⁴ Similar dynamics can be observed in numerous other contexts. Recently Giovanni Kezich pointed out that in Europe the carnival has «resurrected and made a comeback. In fact, ancient carnivals thrive more than ever, those that had been abandoned for decades or even centuries are revitalized and put back on the streets, and new ones are being created everywhere» (*Kezich* 2015: 19). There is an extensive literature on the phenomena of recovery, re-creation, re-invention of masks and carnivals. With regard to the Italian context, see, among others: *Bonato* 2006; *Castelli* and *Grimaldi* 1997 and 1999; *Grimaldi* 2001 and 2003; *Mannia* 2017b; *Mirizzi* 2012; *Spera* 2004.

Carnival practices, in their plurality and complexity, have constituted one of the most representative and participated cultural institutions for traditional societies and it is also possible to seek in this sense one of the reasons for the growing vitality that the carnival phenomenon seems to have regained in recent decades. The economic and socio-cultural context has inevitably changed and with it the symbolic references and the ritual dynamics that, in the past, substantiated the festive moment. The latter, despite these phenomena of change, nevertheless continues to recur and re-identify the need for a celebration, thus contributing to re-establishing and re-functionalizing new and old calendars and allowing, at the same time, to re-propose and reaffirm the different individual and collective identities.

*Мамуттонес и Иссокадорес в Мамойада.
Фото С.Манниа. 2020 г.*

Masks and carnivals in Sardinia

Among the best known and most famous carnival masks and representations of Sardinia, we recall those from Mamoiada and Ottana which, although affected by important processes of change in the second half of the last century, are among the few cases that have not undergone an «interruption of tradition»¹.

The *mamuthones* and the *issohadores* from Mamoiada make their debut on January 17th, *sa prima issida*, when they visit all the fires lit in the various districts of the town in honour of Saint Anthony the Abbot, making three laps around them. *Mamuthones* wear black sheepskins that cover their shirt, jacket, and trousers in velvet or moleskin. On their shoulders they carry *sa carriga*, a series of cowbells of various sizes held together with leather straps that can reach a weight of 30 kg, while some bells fall on their chest. They also wear a brown or ruby red female handkerchief, a cap and a black anthropomorphic mask, *sa visera*, with a gloomy, tragic expression. The *issohadores* wear a white shirt, a red cloth bodice, a feminine embroidered shawl around the waist, white trousers in canvas or linen, gaiters, the traditional male headdress held with a colourful handkerchief around the face, a bandolier of cowbells and they carry a cane rope, *sa soha*. The members of the Pro Loco also wear a white mask, the use of which is contested by the other Mamoiada association, the Atzeni Association, which claims the historical non-existence of this mask².

Mamuthones and *issohadores* stage a «dance procession»: the former arrange them-

¹ On the masks and carnivals in Mamoiada and Ottana see: *Alziator* 1955; *Atzori* 1997; *Della Maria* 1959; *Marchi* 1951; *Masala F.* 1955; *Masala M.* 1971; *Massajoli* 1972 and 1974; *Satta* 1982; *Sordi* 1993. For further reading: <http://www.mamoiada.org/paese/mamuthones-issohadores/>.

² Only the men from the community, members of one of the two associations, can be dressed as *mamuthone* e *issohadore*.

*Бое и мердуле – персонажи карнавала в Оттана.
Фото С.Манниа. 2019.*

selves in two parallel rows and following the orders of an *issohadore* advance make some jumps towards the inside of the procession and others towards the outside. At a certain point, the driver makes a sign with his hand, the *mamuthones* continue to jump for a set number of times and at the end they perform *sa doppia*, that is, they jump in place three times in a row. Thus they continue throughout the course of the

event until the exhausting dance is completed: the *s'issohadore* leading the procession raises his hand, the *mamuthones* perform a few jumps and the guide spreads his arms to conclude; the *mamuthones* therefore jump again inwards and outwards, perform a *sa doppia* and end the ritual with it.

The *issohadores*, in smaller numbers than the *mamuthones*, do not have a fixed position, apart from one that is in the centre between the two rows and, as mentioned, they dictate the rhythm of the entire dance; the others arrange themselves at the beginning and at the end of the procession. Their movements are graceful, their steps are light and accompany the heavy gait of the *mamuthones*. With a rope, as a sign of good luck, they capture the women in the audience.

The Mamoiada carnival ends on Shrove Tuesday with the death sentence of *Juvanne Martis Sero*. It is a straw puppet dressed in old clothes and with a funnel-like head – connected to a barrel – into which wine is poured and collected from the houses of the community. The puppet is carried on a cart richly decorated with flowers and branches usually pulled by a donkey while a group of men dressed in traditional female clothes and with blackened faces shout and lament in an allegorical way the figure of *Juvanne Martis Sero*. In the evening, the dying puppet is taken to a square and an attempt is made to revive him for the last time. But *Juvanne Martis Sero* will die, thus decreeing the end of the carnival.

In Ottana, the *boes* and *merdules* come out on January 16th, the eve of Saint Anthony the Abbot day, and they go around the fire lit in honour of the holy anchorite. The *boes* wear velvet jacket and trousers, white sheepskins, more rarely black, a bandolier with large cowbells, a black female handkerchief, white sheepskin leggings and a richly inlaid zoomorphic mask depicting an ox, *sa carazza*. The *merdules* also wear a *mastruca* and white sheepskin leggings (less frequently black) over a velvet suit, a black female handkerchief and a grinning anthropomorphic mask. They walk bent over, often supporting themselves with a stick, which also serves to try to keep the *boes* at bay, tied with a rope, *sa soca*. The *boes* are restless, they try to escape, kick, jump and mimic the charge towards any bystander, they lie down and wriggle while the *merdules* try to bring them back to order, often by beating them. Some *merdules* advance while playing a particular instrument, *s'orriu*, a cork cylinder closed at the top with a piece of animal skin tied with a thread soaked in pitch which produces a hoarse and dark sound when they rub it with their fingers.

Other figures also participate in the Ottana carnival: the pig, the deer, the donkey and *sa filonzana*. The latter is represented by a male character wearing traditional black female clothes, men's leggings and boots and a black anthropomorphic mask with a pronounced grin. *Sa Filonzana* is old, hunched over and limping, she carries with her the spindle, the distaff and some large scissors hanging from her neck. During the pantomime, she spins the wool by threatening to sever the thread if the person she is addressing does not offer her a drink.

Both in Mamoiada and in Ottana, the carnival is one of the most awaited and participated celebrations and constitutes a strong identity marker, as well as an important cultural heritage, around which a significant tourism and economic network has been consolidated. It is precisely the identity dimension that has stimulated widespread processes of recovery and revival of the carnival tradition in recent decades. As a matter of fact, while from the second post-war period until at least the mid-1970s the models expressed by mass culture led individuals to reject and overcome «tradition», afterwards the complexity of the contemporary has led them to search for identities in customary cultural models and memories of the past. This research has been carried out by social actors far from the productive and the ideological aspects of the agro-pastoral world, and it has generated complex dynamics, within which festive events of various kinds have been revived, re-functionalized, and re-invented. In this general context, the carnival plays a central role: most of the masks and representations from the carnival on the island have been the object of recovery, revival and re-invention of tradition.

In 1979, in Orotelli, *sos thurpos* – the blind – make their comeback (Marchi, 1979; Pillonca, 1981), after the oblivion into which they fell in the years between the two world wars. The idea of recovering the local mask came from a teacher from Orotelli, who partnered with the «Salvatore Cambosu folkloric research group» and took the technical-scientific advice of Raffaello Marchi to ensure that her project followed a scientific method. The reconstruction of the Orotelli carnival was based on interviews with the elderly and on the notes of a local Canon, Salvatore Merche, who in the 1930s affirmed that local masks took «their name from the shape of their suit and were called *mascaras de caddu*, if they went on horseback, and *mascaras de pè*, if on foot. The latter were then called *erithajos*, *tintinnajos*, *burrajios*, *thurpos*, depending if they wore hedgehog skins, cowbells, bed covers or orbace cloaks¹. They were also called *cusinos* and *damas* if they were dressed as gentlemen and ladies in costume: the latter two were gentle masks, while the others were amusement masks, except those on horseback» (Merche 1986: 37–38)².

The *thurpos* performed for the first time on 11th February 1979 and since then, together with the masks of Mamoiada and Ottana, they have represented the «triad of excellence» of the island's carnival, not only because they have been present in the folkloristic scene for decades – so much that we often tend to believe that the Orotelli mask, like the Mamoiada and Ottana ones, has a continuity of tradition – but also because carnivals have gained the interest of scholars.

¹ Orbace is a typical sheep wool cloth from Sardinia, it is very resistant and waterproof.

² Giuseppe Della Maria also mentions the mask of the *thurpos* in 1959 in an article relating to the masks of Ottana. Urging an informant on the Ottanese carnival, he wrote: «Are those your *boes*, joined in pairs by a lace tied around the waist, like Orotelli's *sos turpos* (literally, blind), also equipped with masks (not wooden, but cork) and rattles, wearing a gull with hood and accompanied, indeed, guided, by a third mask armed with a whip to be used by those who do not ... pay for a drink?» (1959: 7).

The *thurpos* have faces blackened with soot and they wear, over their trousers and velvet jacket, a black orbace coat, *su gabbanu*, whose hood is pulled down below the forehead. They wear a neck strap from which several bells hang, *s'otturada*. The *thurpos* walk in pairs, like a yoke of oxen, guided and ruled by another *thurpu* by means of a rope tied at the waist. Some drag a plow, others mimic the sowing of wheat and there is also *su thurpu*-farrier who simulates the shoeing of oxen. Similarly to other Sardinian masks, some *thurpos* suddenly pounce on bystanders and imitate the behaviour of cattle, others, with *sas sogas*, capture some acquaintance forcing him to offer them a drink. On the last Sunday of Carnival, however, the *thurpos* themselves invite the audience.

Canon Merche, as noted above, indicated the existence of other masks from Orotelli: *tintinnajos*, *burrajos* and *eritajos*. The latter, which disappeared around the 1960s – 1970s, was recovered and re-proposed on the occasion of the Orotelli carnival in 1993. In this case as well, a writer and local scholar took care of the restoration and reconstruction of the mask, based on the stories of his great-grandfather and on the few notes left by Salvatore Merche. *S'eritaju* (the hedgedog hunter) wears a white robe with the hood pulled down over his face and his face is covered with a red handkerchief. He wears a leather necklace with cork disks covered with hedgehog skins. According to some old oral testimonies, *s'eritaju*, during the carnival, ran after women trying to hug them in order to prick their breasts with the quills of the collar.

The revival of island masks between the 1980s and 1990s began with the comeback of *urthos* and *buttudos* from Fonni, *su bundu* from Orani and *s'urtzu*, *su 'omadore*, *sos mamutzones* from Samugheo. *S'urthu* from Fonni wear sleeveless white sheepskin that also covers their head and legs. Their faces and arms are blackened with soot and are held together by chains joined to a piece of leather tied at the waist. During the pantomime, they climb on light poles, on the terraces of the houses, on trees, they throw themselves on the ground, kick, run, pounce on bystanders and especially on women trying to escape from *sos buttudos*, characters dressed in a long black orbace coat and a bandolier of cowbells, also with hands and face blackened with carbon black.

The first documents on the Fonni mask date back to the end of the nineteenth century: Pietro Nurra writes how the funeral lament given to the executed carnival puppet, *Narcisu* or *Ecce Homo*, was performed by *buttudos*, masks dressed «in rags, grotesquely tinged with soot on their faces, and they enjoy the greatest freedom in chasing and hugging girls, and in satirizing with verses. Mostly they go in groups, a widow with five or six daughters who bring their dead father, *Narcisu* or *Ecce homo* as they call him in Fonni, and from time to time, as they lay him on the ground, they let off steam in laments and songs [...]. As the improvisers warm up, the singing becomes licentious and obscene, and the chorus of the shouting people repeats the refrain at each verse: *Coro meu!*» (Nurra 1896: 69–70). Giuseppe Della Maria, in 1958, reported instead that «in Fonni, in rather recent times, during the carnival the *buttudos* (literally «ugly men, badly dressed»), equipped with cork masks depicting demons, appeared and dominated. They often had a beard made up of wool threads and several cowbells and rattles. The *buttudos* walked the streets of the town in groups, but, unlike the *mamuttones*, they were not accompanied by *issoadores* and their movement was governed by a rhythm that was clearly different from the one used in Mamoiada. Likewise, in Fonni there was another carnival custom. Men, among the tallest and most robust, disguised themselves as «bears», wearing cow and sheep skins and covering their faces with cork masks. They were chained by a «tamer» – in the typical

island costume and cork mask – who let the «bears» free when common masked groups approached. Terrified, they hastily left» (*Della Maria* 1958a: 3–4)¹.

In Orani, the recreation of the local carnival was based on the testimonies of the town's elders and on an old model of a face mask kept at the Sardinian Ethnographic Museum in Nuoro. *Su bundu*, over his shirt, vest, trousers and leggings, wears *su saccu*, an orbace cape that completely covers the body, or otherwise an orbace coat with sleeves and a belt. Both the cape and the coat have a voluminous hood to which a large cork mask with long horns, nose and moustache is attached. Traditionally, the mask and nose are red while the horns, whiskers and chin are white. More recently, non-coloured natural cork masks are also used. *Sos bundos* also carry wooden pitchforks, *sos trivutzos*, with which they disturb the bystanders, sometimes drawing them in the pantomime.

More recently, another figure from the Orani carnival has been rediscovered, *su maimone*. He too wears a cork mask and has a fox fur on his head that falls on his back. He also wears goat skins and two hedgehog skins on his shoulders. On his back, he carries animal bones, while in his hand he has a stick, *sa matzoca e punta*, also lined with a hedgehog skin. Several documents were used for the reconstruction of *su maimone*. The first is a letter from 1955 written by the priest Raimondo Bonu that said: «The masks of Orani, as in the rest of Sardinia, are linked to the feast of St. Anthony in January, when the Sardinian carnival begins. Among the most significant, «*Su Bundu*» *su fizu e su deus de su 'entu* (The son and the god of the wind); a figure between myth and history who represents good and evil. Dressed in black orbace, he represents evil. Dressed in white orbace he represents the good, with a cork mask handcrafted by expert artisans; in his hand «*su furcone*» a long stick. “*Su maimone*” the crazy mask dressed in boar, sheep, goat or calf skins with a cork mask similar to *su “Bundu”*, on the shoulders a load of bones tied with dried intestines. They went around making the noise of the wind»². The second document is an alleged poem written in 1772 by Father Bonaventura Licheri, a Jesuit friar who, according to some scholars, visited the island to evangelize the populations still considered pagan along with Father Giovanni Battista Vassallo:

[...] Totus de ogni edade, faghen sos ballos tundos, che su 'entu sos Bundos,
andan a muilos.

E non tenen acuilos, inghirian su fogu, sos meres de su logu, sunu bessidos.

De fresi sun bestidos, Nieddos e biancos, chintos in sos fiancos, cun sos batazos.

Chi sonan che sonazos, Bundos e Maimones, cun peddes de sirbones, 'ervegh' e 'igu.

Cun carazas de ortigu, Faghen sa 'oghe' e su 'entu, Suta su firmamentu, Sa pagania.

¹ Pietro Nurra, as we have seen, does not mention the *s'urtzu* mask. It should be pointed out that Nurra did not attend the Fonni carnival but he was interested in the improvisers who mourned the death of Narcisu in the last days of the carnival and he asked a group of people to stage the funeral pantomime. In line with Della Maria, however, Pietrina Moretti, who traces the disguises with animal skins and skulls and the use of zoomorphic masks to a widespread masquerade of the bear in numerous communities of Sardinia (1963), reported that the bear from Fonni was followed by *sos buttudos*, who wore a cork mask, discarded clothes and a belt with numerous bells (*Moretti* 1967: 28).

² http://www.subundhu.it/il_gruppo/riferimenti_storici.php#bonu – ultimo accesso 19.01.2017 ore 18:20.

[...]¹

The main masks of the Samugheo carnival are, as mentioned, the *mamutzones*, *s'urtzu* and *su omadore*. The former wear black or white goat skins and carry a leather structure on which several bells and cowbells hang and fall on the chest and on the back. Some walk with a stick, their faces are blackened with soot and they wear a cork headdress on their heads, also covered in skins, which leaves the face uncovered and on which goat horns are stuck. *S'urtzu* wears animal skins, he has a large cowbell hanging on his neck, his face is blackened with carbon black and his head is surmounted by the head of a goat complete with horns. Finally, *su omadore* wears a long black orbace coat, leather leggings, has a stick and a rope, *sa soghitta*, to tie *s'urtzu*. He too has a blackened face and carries a small pumpkin over his shoulder. While *s'urtzu* hops, limps, throws himself on the audience, throws himself on the ground and *su omadore* tries to bring him back to order, the *mamutzones* advance in hops, making the bells ring. Then *s'urtzu* is subjugated and thrown to the ground. At that point, one by one, the *mamutzones* take off their cork masks, put them back on the ground and continue to turn in a circular way. From time to time the *mamutzones* gore themselves, imitating the impetuous behaviour of the goats.

The alleged poem written by Bonaventura Licheri in 1772 also has some verses on the carnival of Samugheo and apparently *sos mamutzones*, in the past, were called *sos ossudos*:

[...] E in su fogulone / brincant inghiriados, / cun peddes cumbinados, / sunt sos Ossudos.

Cun casiddos corrudos, / sambene pro caratza, / peddes de ogni ratza / che unu cunflitu.

Paret unu delitu / cun ossos in s'ischina, / ligados a istintina / fagent su ballu. [...]²

The process of reconstruction of Sardinian masks has intensified exponentially in the last 20 years and has been accompanied by the publication, in 2005, of the poems by Father Bonaventura Licheri, which have played a fundamental role in the revival of several Sardinian carnivals. As a matter of fact, these poems have been used for the reconstruction of the masks and while some local scholars and various members of cultural and folkloristic associations do not doubt the presence of Bonaventura Licheri in the Sardinian masquerades, and consequently believe the Jesuit's poems to be reliable, others argue that the compositions have been written in recent times only to prove the existence of masks and carnivals that have long since disappeared and to support the process of recovery and reinvention³.

It is not possible here to dwell further on the reinvention process of Sardinian carnivals. There are more than 50 communities affected by the phenomena of carnival revival and, certainly, it is an analysis by default (*Mannia* 2017b).

¹ Everyone, no matter their age, do the *Ballos Tundos* (traditional Sardinian dance) like the wind the *Bundhos* (*Bundos*), they moan (bellow). And they have no limits, they surround the fire, the masters are driven away. They are dressed in black and white orbace clothes, knockers on their hips. They sound like rattles, *Bundos* and *Maimones* with boar, sheep and ox skins. With cork masks. They have the same voice as the wind, Under the stars, paganism. In http://www.subundhu.it/il_gruppo/riferimenti_storici.php#bonu – ultimo accesso 19.01.2017 ore 18:20.

² And in the bonfire they jump in circles, dressed in skins: they are *sos Ossudos*. With cylindrical cork vases adorned with horns, they have blood for a mask, skins of every race as in a conflict. It looks like a crime: with bones in their backs, tied by intestines, they do the dance. In http://www.mamoiada.org/_pdf/_mamuthiss/Licheri2005.pdf – ultimo accesso 19.01.2017, ore 18:50.

³ For further analysis see *Mannia* 2017b.

Among the carnival events on the island, the Sartiglia of Oristano is of particular interest. It is an equestrian carousel, which takes place on the last Sunday and the last Tuesday of Carnival. The horse race is configured as a test of skill that winds through the inner streets of the city, attracting thousands of visitors every year.

The Sunday Sartiglia is organized by the farmers' *Gremio* (corporation), placed under the protection of St. John the Baptist; the one Tuesday is prepared by the carpenters' *Gremio*, «protected» by St. Joseph.

On the day of Candlemas, the presidents of the two *Gremi* choose their respective *componidori*, the race leader. From this moment on, preparations are frantic, including the control of the clothing of *su componidori*, whose dressing, both on Sunday and Tuesday, is one of the central moments of the entire event. The *componidori* seats on chair on a table sprinkled with wheat and flowers. A woman, *sa massaia manna*, and two girls, *sas massaieddas*, dressed in traditional clothes will be charged of helping him getting dressed.

Su componidori wears a white shirt, a leather jacket, honey-coloured trousers, boots, and a belt on the hips. The sleeves of the shirt are closed with ribbons and tapes: the ones distinguishing the *Gremio* of the peasants are red, those characterizing the *Gremio* of the carpenters are turquoise and pink. The closure of the jacket is also different: the one of *su componidori* of the peasants is fastened on the front with strips of leather, the one of *su componidori* of the carpenters is closed with heart-shaped silver studs. The robing ceremony ends with an embroidered white veil that descends from the head to the shoulders, an androgynous mask – earth-coloured for the peasants, lighter for carpenters – and a cylinder. All the phases are accompanied by the rolling of the drums and, once the robing is finished, they bring in a horse for *su componidori*. The animal is brought close to the table and from this moment the rider can no longer touch the ground until the end of the event. The president of the *Gremio* hands out a bouquet of periwinkle and violets, *sa pipia 'e maju* to *su componidori*, with which he blesses the bystanders from the horse. Thus begins the Sartiglia: first *su componidori* and then the other riders chosen by him, including *su secundu* and *su terzu* (lit. the second and third, i.e. those who make up the triad with the leader), launch the galloping horses and with a sword they try to pierce a star hanging from a thread stretched along the path. After this first challenge, the president of the *Gremio* gives the *componidori* the *stocco* – a wooden sword, with which the skill test is repeated (a test reserved only to the trio). The more stars you manage to skewer the more prosperous the year will be.

The carousel ends with *sa remada*: the *componidori*, lying on his horse, spurs the animal to a gallop and blesses the *Gremio* and the audience. This phase introduces the *pariglie*, that is the acrobatics on horseback of the riders who took part in the Sartiglia shortly before, and this is also concluded by the *componidori* and his *secundu* and *terzu* who perform another *remada*. Lying on his horse, he blesses the audience with *sa pipia 'e maju* while the horses are galloping, then he reaches the other riders who greet him with a thunderous applause while he continues to bless the bystanders.

In Sardinia, carnival events generally end on Shrove Tuesday. An interesting exception is the Ovodda carnival which ends on Ash Wednesday, *Su Mercuris de Lessia*. Those who participate in the carnival ritual blacken their faces with burnt cork soot and pour into the streets of the town mingling with the audience. It is a transgressive carnival, without rules, which involves an excessive consumption of alcohol, dances and songs and the derision of the puppet Don Conte, who is transported on a cart pulled by a donkey through the streets of Ovodda. Don Conte is made with old rags, he usually has male features and pronounced

genitals. On Ash Wednesday, Don Conte is tried, condemned to the stake and thrown from a bridge on the outskirts of the town.

The Ovodda carnival expresses the disapproval of facts not accepted by the community, subsumes the desecration of authority, the contestation of power, through the condemnation and elimination of the puppet, a process that can be documented, with different ritual practices depending on the context, also in Gavoi with *Zizzarrone*, in Tonara with *Coli Coli*, in Lodine with *Su Ziomo*, in Olzai with *Juvanne Martis Sero*, in Fonni with *Narcisu* or *Ce homo*. And this leads back to the classic interpretations of the carnival as an agrarian ritual in which the elimination of evil is necessary for the propitiation of good.

In Bosa as well the carnival, one of the most transgressive on the island, ends with the burning of the *Giolzi* after long celebrations involving the entire community. The centrepiece of the Bosa carnival is Shrove Tuesday, when the participants wear old and dark women's clothes, blacken their faces and carry in their arms or on a wheelbarrow a dismembered puppet with its genitals in evidence. The masked participants perform satirical funeral lamentations, *s'attittidu*, with sexual allusions and try to attract the attention of the onlookers to the puppet, asking *unu tikkirigheddu de latte* (a little milk) to refresh the child who has been abandoned by his mother devoted to carnival frolicking. Sexual references are central to the Bosa carnival representation, which exalts subversion, licentiousness, freedom.

In the evening, the masked participants wear white clothes, usually sheets, and their blackened faces are covered with a pillowcase. Holding a lantern or a candle, they run through the streets of Bosa, illuminating the genitals of the people who approach them. Afterwards, they prepare the stake for the *Giolzi*, puppets of straw and rags dressed in torn clothes or barrels of wine coated in rags as well. The various puppets are gathered, tried and burned at the stake.

Between the two phases of the Bosa carnival there is the parade of allegorical floats that mocks and criticizes themes and characters connected to political and social issues, both locally and nationally, through the declamation of irreverent satirical poems. In this sense, the Bosa carnival represents an exemplary case of political and social criticism and condemnation that still expresses the cultural institutionalization of an extraordinary, exceptional disorder, however controlled and regulated by specific rules imposing well-defined behaviours. It is a carnival that has managed to institutionalize, and therefore to control, social reprobation through sarcastic and irreverent songs, thus becoming an instrument through «which popular protest against «authority» and «power» generally turns into political denunciation» (*Atzori* 1978: 5).

In Tempio Pausania the parade of floats and King George burning on the stake are the central moments of the most impressive and famous allegorical carnival on the island. King George, formerly called *Gjolgju Puntogliu*, is a papier-mâché puppet seated on the throne symbolizing power, authority. Starting from Fat Thursday he attracts all the attention and honours of the people: he goes to the city with his court and his ambassadors in search of *Mannena*, his future wife. The wedding is celebrated on Sunday but already on Shrove Tuesday, in the late afternoon, the King is accused of a whole series of misdeeds committed during the year, and among these he is guilty of having corrupted *Mannena* first marrying her and then getting her pregnant during the carnival celebrations. For these reasons King George is sentenced to death: the will is read and finally burned at the stake amidst allegorical cries and tears. The King dies leaving behind an heir, *Mannena's* son, who will play King George in the next carnival.

Final remarks

«Carnival is dead; it is dead, and not to be resurrected year after year, as was once the case. It was an old-fashioned celebration. And today what is most important to us is above all to be modern. Religious people believe that, as a remnant of paganism, it is dead and it should remain so; in fact, not even the rationalists like carnival very much. However, it was neither religious fervour nor the activism of the “left” that decreed its extinction, but rather the affirmation of a concept of life that is neither pagan nor anti-Christian, but more simply secularized, a bureaucratic secularism whose origin dates back to several decades ago» (*Caro Baroja* 1989: 19 [1965]).

This is what Julio Caro Baroja wrote in the mid-1960s. It was a period of extensive economic, social and cultural transformations, which, in several European regions, saw traditional carnival performances decline or disappear completely. Only a few years later, this decline was indeed followed by a progressive, controversial and uneven effort to recover, recreate and reinvent masks and representations. The Spanish scholar, in fact, was among the first to research the reasons for the resurrection of the carnival, but also of its eclipse.

Today it is widely proven that the deconstruction of the traditional agro-pastoral economy – at least in the Mediterranean area – and the consequent change in the ideological references of the societies that based their «existence in the world» on the intervention of transcendent forces have had a decisive influence on the disappearance or on the redefinition of numerous ceremonial events and primarily of carnival phenomena.

Ever since the 1970s, the Carnival has always come back to life. From that moment, there has been an ever-growing need for a «return to tradition» and, therefore, a greater demand for festive experiences rooted in the past: «The old ritual and symbolic apparatuses, [...] liberated from greater constraints of tradition as a result of the disintegrating processes, can now assume new values and respond to different needs in their initially unexpected revival» (*Bravo* 2003: 35). Popular traditions prove to be, on a community level, the most effective means of dealing with the phenomena of globalization and, more than any other ceremonial event with a certain religious dimension, the carnival has been largely used in processes of rediscovery and invention of a new identity, but also from the point of view of tourism. There are several communities that rediscover and re-propose the carnival every year, often imitating masks and representations already recovered elsewhere in a process of emulation which in some areas, for example in Sardinia, has consolidated roots. *Pro loco*, tourism institutions, cultural and folkloristic associations, municipalities, patrons and sponsors have long been at the centre of the carnival revival and many carnivals depend on public funding. It is a very common practice, especially when a carnival representation acquires a certain fame, «to do everything possible to launch it into the tourist production and consumption channels. In other words, you want people to enjoy your Carnival but you also want to sell and make a good profit out of it. It goes without saying that in the past there was no possibility of drawing on public sources of funding, and the Carnival was only consumed and enjoyed, but it could not be sold» (*Orrù* 1999: 31).

In Sardinia, but also in other regions, the enhancement and revival of masks and carnivals have marked the re-birth of this specific festive moment. For instance, in reference to animal disguises, Piercarlo Grimaldi has recently observed that the recovery of the carnival theme is the last «unprecedented cultural process of a reawakening of interest on the part of contemporary, postmodern society» (*Grimaldi* 2012: 140) – a «symbolic re-wildening» that can be recorded in different areas of the Peninsula. But in my opin-

ion it is should also be noted that in recent years, with the spreading on a local level of a more or less defined idea of »heritage« (in this regard, see the recent issues, 28-29 and 37-39, of *Museum Anthropology*), we are witnessing a 'further and new phase of re-elaboration and re-semanticization of the carnival. The rediscovery and revival of masks and representations is accompanied in an increasingly defined way by the need for *Pro Loco*, cultural associations and folkloristic groups to distinguish, to protect their carnival from this uncontrollable flourishing of carnival practices. In many communities, the carnival is assumed and represented in terms of cultural heritage by local institutions and administrations, probably influenced by the contemporary anthropological research. *Mamuthones* and *issohadores* from Mamoiada, the Sartiglia of Oristano, the *Carrasciali Timpiesu* are just a few examples of how the community identifies itself with its own carnival and of how it is recognized from the outside for its carnival. For these reasons, the need to capitalize and certify tradition strongly emerges, within a dialectic of political demands, identity needs, passions and cultural affiliations, and economic interests. A process that inspires even more the search for carnivals, their recognition and their protection and enhancement, also through the creation of brands. This happened recently in Sardinia, where some regional councillors presented a draft law (n. 400 / 27.02.2017) in order to establish a «Regional Register of Traditional Masks of Sardinia» and a Scientific Committee at the Regional Superior Institute for Ethnographic (ISRE), as well as to establish general rules on how to register masks and on the issue of the Trademark of Tradition. The draft's authors write: «The ancestral anthropomorphic and zoomorphic masks refer to the millennial history of Sardinia and evoke with their symbolism mysterious, ceremonial rites, propitiatory dances and a close relationship between a man and the earth. Often these masks, bearers of a history that is long forgotten, cross the boundaries of regional knowledge and with their strong symbolic value and the aura of mystery that surrounds them, they are part of the representation of the immense cultural heritage that our land still cherishes». An «invaluable wealth», a «cultural legacy» to be protected and valued with «common sense» and «scientific rigor», preserving it through the law «from the pressure of modernization» and «a certain way of inventing and recovering masks and traditions for the only folkloristic consumption which, without serious, transparent and convincing origins and without the slightest scientific confirmation, in the long run will generate confusion, create cultural and financial damage». The draft law allows that a community can oppose the request for registration of an identical or similar mask from another municipality, a measure that also extends to the adoption of an identical or similar name. Municipalities have «the right to make exclusive use of the mask for the benefit of their own community, including through the authorization of use by third parties who are an expression of that community». The proposal of the Councillors, embellished with identity poetics, stereotypes and representations, effectively outlines the probable near future of numerous ceremonial events and in particular the change that has led from the elaboration, management and use of a cultural expression by a community to its management by local associations and finally to its administration by institutions, which combine the need for protection and enhancement with tourism and economic requests.

Similarly, the draft law n. 189 was presented on March 15th, 2013 to the Senate of the Republic, to guarantee "constant and certain" funding for carnivals that have national and international importance. In particular: 50% of the resources would go to the Viareggio Carnival Foundation, while the remaining 50% should be divided among the other nation-

ally renowned carnival events, no more than eight. The Ministry of Cultural Heritage and Activities and Tourism assigns annual funding for «historical carnival events», in order to «recognize their historical and cultural value in the context of the Italian Tradition and their potential to implement the attractiveness and competitiveness of local tourism». The recipients of this contribution include the Carnival of Viareggio, Venice, Ivrea, Putignano, Oristano, Mamoiada, Tricarico, etc.

A further step in the process of institutionalizing the tradition is the request for registration in the Representative List of the Intangible Cultural Heritage of Humanity. For example, the carnival of Binche in Belgium (2008), the carnival of Oruro in Bolivia (2008), the carnival of El Callao in Venezuela (2016), the carnival of Granville in France (2016) are already registered. The Surova Festival in Pernik, Bulgaria, which was included in the List in 2015, celebrates the New Year with masked processions: *Kukeri* and *Survakari*.

Distinction, protection and enhancement with respect to other masks and representations, therefore, are the principles followed by groups and associations and for these reasons the inclusion in the representative list of UNESCO is supported by a growing number of communities. It is the maximum degree of institutionalization of a festive phenomenon that boasts the recognition of an international powerful institution, but at the same time it reveals an evident paradox, since «despite the concerns and appeals of UNESCO for the safeguarding of its cultural heritage, they trigger and produce both material and symbolic changes in that same heritage» (Testa 2014: 419).

The carnival period no longer actualizes the deep connection between masks and the dead, between the chthonic dimension and the rebirth of nature and therefore of life, between the renewal of time and New Year's celebrations. Today's carnivals are despatialized and decalendarized, that is the sacred space-time in which the carnival performances originated has become a showcase that can attract the audience depending on personal tastes. Carnival masks and rites respond to the new needs and anxieties of contemporary man, they are inscribed with new meanings within the local ceremonial calendars, taking root in the community identity. The traditional carnivals have been re-functionalized and institutionalized and they have thus become «an authentic symbol of post-modernity» (Buttitta 2010: 248), «the oxymoron of a new-born ancient celebration» (Clemente 1997: 101). Certainly, even today's carnivals, beyond these new connotations, continue to subsume in the contemporary the time of the extraordinary transgression, representation and improvisation, and for these reasons a new time is coming for carnivals, with new symbols, new meanings, new ritual codes, new needs.

References

- Alziator, F. 1955. Bucrani e mimi ottanesi [Octane bucrani and mimes]. «*Cagliari Economica*» 9: 3–8.
- Alziator, F. 1956. Presupposti allo studio del Carnevale sardo [Prerequisites for the study of the Sardinian Carnival]. «*Lares*» XXII: 49–55.
- Alziator, F. 1957. *Il folklore sardo* [Sardinian folklore]. Cagliari: La Zattera.
- Atzori, M. 1978. Potere e ideologia: spettacolo e contestazione in alcuni esempi del Carnevale in Sardegna [Power and ideology: spectacle and contestation in some examples of the Carnival in Sardinia]. *Studi sardi* XXIV: 593–625.
- Atzori, M. 1988. *Cavalli e feste. Tradizioni equestri della Sardegna* [Horses and parties. Equestrian traditions of Sardinia]. Sassari: L'Asfodelo.
- Atzori, M. 1997. *Tradizioni popolari della Sardegna. Identità e beni culturali* [Popular traditions of Sardinia. Identity and cultural heritage]. Sassari: Edes.

- Atzori, M., L. Orrù, P. Piquerdu, and M.M. Satta. 1989. *Il Carnevale in Sardegna* [The Carnival in Sardinia]. Cagliari: 2D Editrice Mediterranea.
- Bachtin, M. 1979. *L'opera di Rabelais e la cultura popolare* [Rabelais's work and popular culture]. Turin: Einaudi.
- Baroja Caro, J. 1989. *Il Carnevale* [The Carnival]. Genova: Il Melangolo.
- Bonato, L. 2006. *Tutti in festa. Antropologia della cerimonialità* [All in celebration. Anthropology of ceremoniality]. Milan: Franco Angeli.
- Bravo, G.L. 2003. Orso e capra a nuova vita [Bear and goat to new life]. In *Bestie, santi, divinità. Maschere animali dell'Europa tradizionale* [Beasts, saints, divinities. Animal masks of traditional Europe], edited by P. Grimaldi, 35–43. Turin: Museo Nazionale della Montagna.
- Broccolini, A., Ballacchino, K. 2016, (eds.). *Carnevali del XXI secolo* [Carnivals of the 21st century]. *Archivio di Etnografia* numero monografico 1–2 (a.XI).
- Buttitta, A. 1996. *Dei segni e dei miti. Una introduzione alla antropologia simbolica* [Of signs and myths. An introduction to symbolic anthropology]. Palermo: Sellerio.
- Buttitta, I.E. 2010. *Carnevali di Sicilia fra tradizione e innovazione* [Carnivals of Sicily between tradition and innovation]. In *Il Carnevale e il Mediterraneo* [The Carnival and the Mediterranean], edited by P. Sisto, P. Totaro, 206–248. Bari: Progedit.
- Castelli, F., and P. Grimaldi (ed.). 1997. *Maschere e corpi. Tempi e luoghi del Carnevale* [Masks and bodies. Times and places of the Carnival]. Rome: Meltemi.
- Castelli, F., and P. Grimaldi (eds.). 1999. *Maschere e corpi. Percorsi e ricerche sul Carnevale* [Masks and bodies. Itineraries and research on Carnival]. Alessandria: Edizioni dell'Orso.
- Clemente, P. 1997. Più feste, più vere. Riflessioni addosso a “Carnevale senza Quaresima...” di Fabio Mugnaini [More parties, more real. Reflections on “Carnival without Lent ...” by Fabio Mugnaini]. In *Maschere e corpi. Tempi e luoghi del Carnevale* [Masks and bodies. Times and places of the Carnival], edited by F. Castelli, P. Grimaldi, 95–102. Rome: Meltemi.
- Della Maria, G. 1958a. Viaggio in Barbagia lungo le vie del folklore [Journey to Barbagia along the streets of folklore]. *L'Unione Sarda*» 26 August 1958.
- Della Maria, G. 1958b. Le maschere della Barbagia residui di un'era lontana [The Barbagia masks from a distant era]. *L'Unione Sarda*» October 19, 1958.
- Della Maria, G. 1959. Maschere antichissime nel carnevale di Ottana [Ancient masks in the Ottana carnival]. *L'Unione Sarda* February 15, 1959.
- Gallini, C. 1977. *Tradizioni sarde e miti d'oggi. Dinamiche culturali e scontri di classe* [Sardinian traditions and myths of today. Cultural dynamics and class clashes]. Cagliari: Edes.
- Grimaldi, P. (ed.) 2001. *Le spade della vita e della morte. Danze armate in Piemonte* [The swords of life and death. Armed dances in Piedmont]. Turin: Omega.
- Grimaldi, P. (ed.) 2003. *Bestie, santi, divinità. Maschere animali dell'Europa tradizionale* [Beasts, saints, divinities. Animal masks of traditional Europe]. Turin: Museo Nazionale della Montagna.
- Grimaldi, P. 2012. *Cibo e rito. Il gesto e la parola nell'alimentazione tradizionale* [Food and ritual. The gesture and the word in traditional food]. Palermo: Sellerio.
- Kezich, G. 2015. *Carnevale re d'Europa. Viaggio antropologico nelle mascherate d'inverno* [Carnival King of Europe. Anthropological journey in the winter masquerades]. Scarmagno: Priuli & Verlucca.
- Kezich, G. 2019. *Carnevale. La festa del mondo* [Carnival. The feast of the world]. Rome; Bari: Laterza.
- Le Roy Ladurie, E., 1981. *Il Carnevale di Romans* [The Carnival of Romans]. Milan: Rizzoli.
- Mannia, S. 2017a. (Ed.). *Oltre carnevale. Maschere, travestimenti, inversioni* [Beyond carnival. Masks, disguises, inversions]. Palermo: Fondazione Ignazio Buttitta.
- Mannia, S. 2017b. Al gran galà delle maschere. Considerazioni sulle pratiche carnevalesche nella Sardegna contemporanea [At the grand gala of masks. Considerations on carnival practices in contemporary Sardinia]. *Oltre carnevale. Maschere, travestimenti, inversioni* [Beyond carnival. Masks, disguises, inversions], edited by S. Mannia, 119–151. Palermo: Fondazione Ignazio Buttitta.

- Mannia, S. 2020. Politiche, potere, contestazione nei carnevali della Sardegna del terzo millennio: su battileddu di Lula [Politics, power, protest in the carnivals of Sardinia in the third millennium: su battileddu di Lula]. *Studi offerti a Mario Atzori. Etnografie in dialogo: curiosità e passioni* [Studies offered to Mario Atzori. Ethnographies in dialogue: curiosities and passions], edited by S. Mannia, G. Saba, 186–193. Sassari: Carlo Delfino.
- Marchi, R. 1951. Le maschere barbaricine [The barbarian masks]. *Il Ponte* 9–10: 1354–1361.
- Marchi, R. 1979. I “ciechi” di Orotelli [The “blind” of Orotelli]. *La Nuova Sardegna* February 25, 1979.
- Masala, F. 1955. Dietro le tragiche maschere dei Mamuthones l’eterna prigionia del popolo sardo [Behind the tragic masks of the Mamuthones, the eternal imprisonment of the Sardinian people]. *L’Unione Sarda* March 5, 1955.
- Masala, F. 1984. *Il riso sardonico* [Sardonic rice]. Cagliari: Gia Editrice.
- Masala, F. 1987. *Storia del teatro sardo* [History of the Sardinian theater]. Cagliari: Alfa Editrice.
- Masala, M. 1971. *Il simbolismo dei “mamuthones” di Mamoiada* [The symbolism of the “mamuthones” of Mamoiada]. *Frontiera* IV(2): 578–582.
- Massajoli, P. 1972. *I Mamutones* [The Mamutones]. *L’Universo* LII (4): 777–794.
- Massajoli, P. 1974. *Le maschere di Ottana* [The masks of Ottana]. *L’Universo* LIV (3–4): 471–490.
- Merche, S. 1986. *Folklore Sardo-Orotellese* [Sardinian-Orotellese folklore]. Nuoro: Arti grafiche A.R.P.E.F.
- Mirizzi, F. 2012. Per un repertorio delle maschere meridionali tra carnevali vissuti e carnevali della memoria [For a repertoire of southern masks between lived carnivals and carnivals of memory]. In *La maschera e il corpo* [The Mask and the Body], edited by P. Sisto, P. Totaro, 109–123. Bari: Progedit.
- Moretti, P. 1954. Mamutones e maimones [Mamutones e maimones]. *Lares* XX (3–4): 179–180.
- Moretti, P. 1963. La mascherata dell’orso in Sardegna e il significato dei «Mamuthones» [The masquerade of the bear in Sardinia and the meaning of the «Mamuthones»]. *Nuovo Bollettino Bibliografico Sardo e Archivio Tradizioni Popolari* VIII (43–44): 3–4.
- Moretti, P. 1967. La maschera dell’orso nel carnevale sardo [The bear mask in the Sardinian carnival]. *Lares* XXXIII (1–2): 23–31.
- Nurra, P. 1896. *Nella Barbagia settentrionale. Impressioni di viaggio* [In northern Barbagia. Travel impressions]. Sassari: Prem. Stab. Tip. G. Dessì.
- Orru, L. 1999. *Maschere e doni, musiche e balli. Carnevale in Sardegna* [Masks and gifts, music and dances. Carnival in Sardinia]. Cagliari: Cuccu.
- Pillonca, P. 1981. Dopo quarant’anni ritornano «sos thurpos» [After forty years «sos thurpos» return]. *La Nuova Sardegna* February 27, 1981.
- Rossi, A., and R. De Simone. 1977. *Carnevale si chiamava Vincenzo. Rituali di Carnevale in Campania* [Carnival was called Vincenzo. Carnival rituals in Campania]. Rome: De Luca Editore.
- Satta, M.M. 1982. *Riso e pianto nella cultura popolare. Feste e tradizioni sarde* [Laughter and tears in popular culture. Sardinian festivals and traditions]. Sassari: L’Asfodelo.
- Sisto, P., and P. Totaro (eds.). 2010. *Il Carnevale e il Mediterraneo* [Carnival and the Mediterranean]. Bari: Progedit.
- Sisto, P., and P. Totaro (eds.). 2014. *La maschera e il potere* [The mask and the power]. Bari: Progedit.
- Sordi, I. (ed.). 1982. Interpretazioni del Carnevale [Interpretations of the Carnival]. *La ricerca folklorica* numero monografico 6.
- Sordi, I. 1993. *Il carnevale di Ottana e le sue maschere*, in *Alle radici del teatro* (a cura del Centro teatrale S’Arza) [The Ottana carnival and its masks, in At the roots of the theater (edited by the S’Arza Theater Center)], 29–40. Sassari: Gallizzi.
- Spera, V.M. 2004. *Il sarmento e l’edera. Metamorfosi di un carnevale contadino. Le “propaggini” di Putignano fra arcaismo e televisione* [The sarment and the ivy. Metamorphosis of a peasant carnival. The “offshoots” of Putignano between archaism and television]. Perugia: Gramma Edizioni.

Testa, A. 2014. *Il carnevale dell'uomo-animale. Le dimensioni storiche e socio-culturali di una festa appenninica* [The man-animal carnival. The historical and socio-cultural dimensions of an Apennine festival]. Naples: Loffredo editore.

Toschi, P. 1955. *Le origini del teatro italiano* [The origins of the Italian theater]. Turin: Einaudi.

*Манниа, Себастиано**

Маски и карнавалы в современной Сардинии

DOI: 10.33876/2311-0546/2020-52-4/29-44

Карнавал занимает важное место в культурной жизни Сардинии и привлекает внимание ученых в силу постоянно обновляющихся значений и функций. Более того, институт карнавала относится к числу культурных акций, обладающих большим потенциалом влияния на существование локальных, спонтанно возникающих в его контексте групп активистов и культурных объединений, деятельность которых в свете карнавала активизируется, перепрофилируется, меняется: местные традиции переосмысливаются и приобретают новое звучание наряду со специфическими идентичностями и новыми формами выражения. В этом смысле можно говорить о новых карнавалах и о новом звучании культурного наследия в изменившихся экономических и социальных контекстах. Иными словами, сегодняшние образы и маски в русле современных потребностей и запросов общества отсылают к некой не исторически бытовавшей, но искусственно созданной, вымышленной традиции. Сардинские карнавалы являются наглядным примером тех спонтанных, эндогенных настроений и процессов, которые рождаются в современном локальном социуме прежде всего с целью удовлетворения «идентификационных потребностей». Это приводит к акцентированию, восстановлению, «вторичной подаче» и изменению ряда элементов традиции. Автор статьи пытается осмыслить отмеченный комплекс вопросов, подчеркнуть сложность и многогранность карнавального феномена на Сардинии.

Ключевые слова: *маски, карнавал, культурное наследие, Сардиния*

* **Манниа, Себастиано** – профессор культурной антропологии, этнологии и методологии антропологических исследований, департамент истории, гуманитарных исследований и образования, Университет Сассари (07100 Италия, Сассари, Виа Занфарино 62). Эл. почта: smannia1@uniss.it.

РОЛЬ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ТРАДИЦИОННОЙ ЖЕНСКОЙ ОДЕЖДЫ АРБРЕШЕЙ ИТАЛИИ В СОВРЕМЕННОМ СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Статья посвящена традиционной женской одежде арбрешей Сицилии, в частности этнической группы, проживающей в Пьяна-дельи-Альбанези. Арбреши – это выходцы с территории Балканского полуострова, мигрировавшие в итальянские земли в XV–XVIII вв. Традиционная одежда Пьяна-дельи-Альбанези рассмотрена как целостное этнокультурное явление, веками создаваемое и продолжающее жить в современном социокультурном пространстве. Автор прослеживает изменение женского костюма и выявляет специфику функционирования его отдельных элементов. Проведенное исследование позволяет заключить, что для традиционной одежды арбрешей характерны относительная устойчивость основных моделей женского платья, вариативность отдельных элементов внутри комплексов, заимствование предметов одежды в результате длительного межкультурного взаимодействия с представителями доминантной культуры, а также сильное влияние европейской моды на окончательное формирование внешнего облика костюма. Арбреши считают себя хранителями и продолжателями собственных традиций, поэтому стараются создать и законсервировать определенный тип костюма, который, несмотря на включённость заимствованных элементов, воспринимается носителями и транслируется в мировое культурное сообщество как национальный. Исследовательскую базу работы составили искусствоведческие и этнографические исследования, а также собственные полевые материалы автора, собранные в ходе полевых работ, проводившихся на Сицилии в Пьяна-дельи-Альбанези и Палермо (2016–2017 гг.), в Косово (2015 г.) и южной Албании (2014–2015 гг.).

Ключевые слова: арбреши, Пьяна-дельи-Альбанези, женская традиционная одежда, идентичность, традиции, культурная память

В традиционной культуре любого этноса одежда занимает особое место, так как в ней закодирована информация о восприятии окружающего мира. Она не только является медиативным звеном, связывающим её обладателя с другими культурами, но также участвует в процессе трансляции собственных традиций, стереотипов поведения и является важным фактором самоидентификации.

В связи с возросшим в последние десятилетия интересом к этническим меньшинствам, наблюдается возврат их представителей к собственным традициям, а также стремление к сохранению и популяризации своего культурного наследия. Представители албанской диаспоры в южной Италии и на Сицилии также пытаются адаптировать свою традиционную культуру в условиях социально-экономических и пространственно-временных трансформаций (*La Barbera* 2007: 111). Народный костюм перестаёт выполнять свою первостепенную функцию, его роль переосмысливается, он становится объектом культурной памяти для этноса, который переживает изменения во всех областях жизни.

Традиционную арбрешскую одежду можно считать одним из наиболее характерных элементов итало-албанской культуры наряду с религиозными ритуалами, прежде всего, церемонией венчания, проводимой в соответствии с греко-византийским обрядом, и местным диалектом албанского языка. Костюмы албанцев Италии и Сицилии – это важная часть культурного наследия, которое в XV веке привезли с собой албанские мигранты (*Guagliardi* 2004). Несмотря на явное стилистическое сходство, в их одежде прослеживаются региональные различия, выражающиеся в форме, цветовой палитре, материалах и аксессуарах. Это свидетельствует о том, что на формирование данного объекта культуры повлияли различные исторические контакты, происходившие в едином географическом и социокультурном пространстве.

Народный костюм является особым текстом, отражающим динамику изменений, наблюдаемых на всех уровнях жизни. Под влиянием различных инноваций меняется также специфика функционирования самого костюма и его отдельных элементов, поэтому целью данного исследования стало выявление данной специфики. Являясь составной частью материальной и духовной культуры и будучи неразрывно связанной со своим носителем, традиционная одежда арбрешей Италии выполняет функцию сохранения и трансляции культурной памяти. По этой причине использование концепта культурной памяти в отношении данного элемента культуры, представляется наиболее удачным подходом к изучению.

Основными методологическими принципами исследования послужили описательный, историко-типологический и сравнительно-исторический подходы. Рассматривая традиционный костюм как единый текст, имеющий определенную структуру и сложный комплекс различных элементов, каждый из которых выполняет соответствующую функцию, мы применили методы структурного и функционального анализа. Исторический подход позволил выявить основные закономерности генезиса и эволюции костюма. Исследовательскую базу работы составили этнографические и искусствоведческие исследования, а также собственные полевые материалы автора, собранные в ходе полевых работ, проводившихся на Сицилии в Пьяна-дельи-Альбанези и Палермо (2016–2017 гг.), в Косово (2015 г.) и южной Албании (2014–2015 гг.).

К истории вопроса

Основание Пьяна-дельи-Альбанези (центра компактного проживания албанской диаспоры на Сицилии) восходит к концу XV века, когда после вторжения османской армии на Балканский полуостров многочисленные группы албанских беженцев отправились в поисках убежища на побережье южной Италии, где они осели, основав большое количество новых поселений. Регионы, в которые миграция албанцев была

наиболее существенной, – это Калабрия, Сицилия, Молизе, Кампания, Апулия и Базиликата. К сожалению, историографические исследования, не всегда подкрепленные достаточной документацией, не позволяют доподлинно установить регионы происхождения переселенцев. Исходя из языка, религиозных обрядов, многочисленных ономастических и топонимических названий, можно утверждать, что арбреши, основавшие Пьяна-дельи-Альбанези, были родом из южных и центральных районов Албании, а также из Морея¹ – области на юге Греции (*Romata* 1964: 2).

Вплоть до первой половины XVIII века миграция албанского населения практически не прекращалась, насчитывается несколько периодов, в которые происходило переселение албанской диаспоры.

С середины XV века османы подчинили себе почти весь Балканский полуостров, за исключением небольшой прибрежной полосы вдоль Адриатического моря, которая включала в себя современную Албанию. В этом регионе албанцы под руководством Скандербега² оказывали сопротивление армиям султана в течение двадцати пяти лет (*Ariu* 1992). Благодаря своим военным успехам, Скандербег получил помощь и поддержку Альфонсо V Арагонского (1396–1458 гг.), короля Неаполя, который планировал расширить свою империю от Гибралтара до Босфора. Скандербег был связан с неаполитанским королем договором, который включал в себя признание протектората Неаполя над Албанией и одновременно обязывал Албанию предоставить в случае необходимости военную помощь Неаполю (*Zangari* 1940: 45).

Первые албанские колонии возникли в 1448 году, когда три тысячи албанских страдиотов³ во главе с Деметрио Рересом и его сыновьями Джорджио и Базилио были отправлены Скандербегом в Калабрию, чтобы оказать помощь Альфонсо V в подавлении вспыхнувшего восстания баронов (*Romata* 1964). В награду за военные услуги король Неаполя назначил Ререса губернатором Калабрии, а также передал ему земли, на которых были основаны первые арбрешские деревни (*Zangari* 1940: 52). Король считал, что присутствие албанцев в этом регионе также будет препятствовать любым дальнейшим попыткам восстания. Позднее, с нарастающим давлением османских завоевателей, Албанию стали покидать новые группы мигрантов, воспользовавшись тем, что в Калабрии уже были основаны первые колонии (*Mastroberti* 2008: 149).

Другая волна переселения восходит к 1461–1468 годам. В этот период в Неаполитанском королевстве вспыхнула гражданская война, и новый король Фердинанд I (1423–1494 гг.) вновь обратился к Скандербегу за помощью. Воспользовавшись установившимся перемирием с турками, Скандербег отправился со своим небольшим войском в Италию (*Ariu* 1992). По окончании войны многие из албанских солдат остались в Молизе, где они основали новые поселения (*Mastroberti* 2008: 150).

Самая крупная и продолжительная миграция албанского населения датируется 1468–1506 годами, когда после смерти Скандербега все большее число албанских городов и крепостей оказывалось под османским управлением (*Ariu* 1992: 76–78). Население Албании подвергалось преследованиям и массовым убийствам, поэтому многие албанцы последовали примеру тех, кто ранее поселился в южной Италии. Прибытие албанских беженцев могло в значительной степени укрепить экономику и демогра-

¹ Морея – средневековое название полуострова Пелопоннес.

² Скандербег, или Георг Кастриоти (1405–1468 гг.) – правитель княжества Кастриоти, вождь антиосманского албанского восстания, национальный герой Албании, воспеваемый в народных песнях (*Ariu* 1992: 56–62).

³ Страдиоты – наёмники балканского происхождения.

фию малонаселенных районов, поэтому многие из албанцев при одобрении католической церкви получили землю и права от местных феодалов (*Emmanuele* 1988: 90).

Часть беженцев обосновалась в Неаполитанском королевстве, в горных районах вокруг Беневенто, а также в провинции Потенца в Бариле, Джинестре, Маскито и Мелфи, где они заселили заброшенные деревни, разрушенные землетрясением (*Romata* 1964: 16). Остальные отправились в Калабрию, где в районе Козенца основали многочисленные деревни (*Zangari* 1940: 85). Семьи старой албанской знати поселились в Трани и Отранто. Тем временем на Сицилии появились новые поселения: в провинции Катания – Бьянкавилла, в Палермо – Палаццо-Адриано, а в 1488 году Бронте и Пьяна-деи-Гречи¹ (*Romata* 1964: 17).

Следующая волна миграции произошла в 1534 году и была массовым перемещением греческих и албанских беженцев из Морей, в частности из города Корона, чье население было в основном греческим, но существовало албанское меньшинство православной веры, которых местные жители называли *арванитами*. После подписания мирного договора между Карлом V (1500–1558 гг.) и Сулейманом I (1494–1566 гг.), город Корона был оставлен османам, однако по условиям договора граждане, которые захотели бы покинуть город, могли сесть на один из кораблей, посланных Карлом V, и найти убежище в Италии. Неаполитанское правительство наняло несколько торговых судов для переправы греческих и албанских (арванитских) семей Короны, которые предпочли найти новый дом в провинциях южной Италии. Около двух тысяч человек были перевезены к берегам Неаполитанского королевства (*Romata* 1964: 20).

Так, например, близ города Потенца (провинция Базиликата) были основаны деревни Бариле, Бриндизи-Монтанья, Джинестра, Мельфи, Сан-Костантино-Альбанезе, Сан-Пауло-Альбанезе и Сан-Джорджо-Лукано, а в Калабрии – Кастрореджио и Фарнета (*Romata* 1964: 22). Другая группа мигрантов обосновалась в городе Гречи в провинции Авеллино. Некоторые албанцы по-прежнему отправлялись заселять различные полуразрушенные фермерские дома в районе Таранто, другие же поселились на Сицилии, переехав жить в поселения, основанные ранее (*Mastroberti* 2008: 152).

С тех пор было еще несколько волн миграции с территории Албании, хотя и не таких значительных. Мигрировавшие в итальянские земли албанцы принадлежали в конфессиональном плане к католицизму или православию. После того, как поселенцы признали главенство папы, «Православная Церковь албанцев стала называться Римской католической церковью восточного обряда с вытекающим отсюда поклонением византийским святым, с греческими иконами, с молитвами и языками богослужения – греческим и арбрешским» (*Новик* 2011: 133).

Влияние соседей-итальянцев в значительной мере сказалось на всех уровнях культурно-социальной жизни: архитектура, способы ведения хозяйства, социальные институты, одежда, кухня и ритуальные практики. Многие из основанных мигрантами поселений со временем утратили свои этнокультурные особенности. Полностью ассимилированные албанские поселения в основном находятся в Апулии, что может быть объяснено равнинным расположением и близостью к крупным городам, таким как Таранто и Лечче (*Romata* 1964: 26).

Однако некоторые колонии, хотя и подверглись в значительной степени итальянизации, все же сохраняют хорошо узнаваемые черты, присущие албанской культуре. Деревни, население которых в наибольшей степени сохранило этническую и

¹ Пьяна-деи-Гречи – первоначальный вариант названия Пьяна-дельи-Альбанези.

лингвистическую самобытность, находятся в Калабрии и на северо-западе Сицилии, в отдаленных горных районах, которые долгое время в прошлом были недоступны для транспорта (Romata 1964: 27). В этих землях поселенцы продолжают вести привычный образ жизни, говорить на языке отцов, поддерживать византийский религиозный обряд, справлять народные праздники и передавать из поколения в поколение фольклор и ритуальные практики, а в сфере материальной культуры сохранять традиционный костюм, украшения и прочие предметы быта в аутентичном виде, характерном для запада Балканского полуострова.

Таким образом, в Южной Италии и на Сицилии появились районы, компактно заселенные албанцами, сохраняющими свой язык, обычаи, вероисповедание, а также прежний, бытовавший до начала переселения этноним *арбреш* (арбр. arbresh).

Традиционная женская одежда Пьяна-дельи-Альбанези

Говоря о традиционной одежде арбрешей Сицилии, мы можем выделить женские костюмы, так как мужская одежда со временем утратила свои специфические характеристики и довольно быстро вышла из употребления, в отличие от одежды калабрийцев¹, которая в значительно меньшей степени подверглась инновациям (La Barbera 2007). Кроме того, по словам информантов, в Калабрии с начала 60-х годов XX века в ходе реконструкции было создано около пятнадцати мужских костюмов в балканском стиле, предназначавшихся для самых важных мероприятий (ПМА 3).

Однако привезенный на Сицилию албанскими мигрантами оригинальный мужской костюм, испытав на себе влияние итальянской моды очень быстро утратил свои характерные особенности и региональные отличия, а затем был полностью вытеснен местной одеждой. По мнению информанта Габриэле Паррино (арбреш, 1990 г.р., Пьяна-дельи-Альбанези), это связано с тем, что на новых землях мужчинам приходилось думать о заработке, обустраивать быт и налаживать социальные связи с соседями-сицилийцами, в процессе чего албанцами были заимствованы не только местные обычаи, но и одежда. Приведем отрывок из его нарратива:

«Будучи албанцем, мигрировавшим в итальянские земли, ты вынужден принимать законы и обычаи того места, где теперь строишь новую жизнь. Кроме того, мужчины по своей природе больше стремятся к удобству и практичности, поэтому традиционная мужская одежда была так быстро утрачена. Я думаю, что женский костюм сохранился потому, что в нашем сознании женщина была драгоценным камнем, ядром своей семьи, поэтому заслуживала одеваться в самые лучшие и дорогие наряды. Албанки действительно пользовались большим уважением со стороны своих мужчин, несмотря на патриархальный уклад жизни» (ПМА 4: Паррино).

Сегодня в Пьяна-дельи-Альбанези для тех мероприятий, которые предполагают ношение традиционного костюма, мужчины используют традиционную албанскую или калабрийскую одежду, а именно: короткую бархатную куртку, белую рубашку, безрукавку, узкие длинные штаны, расшитые черной тесьмой, либо юбку *фустанеллу* (алб.

¹В XIX веке, во времена французской оккупации, появились первые отличия типичной мужской калабрийской одежды: классический конический головной убор из черной ткани с лентами разных цветов, короткая бархатная куртка, обтягивающие до колена бархатные брюки, заправленные в гетры, кожаные туфли со шнурками, завязанными под коленом (Zangari 1940: 75).

Рис. 1. Слева представлен женский арбрешский традиционный костюм, справа – мужской албанский. (Пьяна-дельи-Альбанези, 2015 г., фото из архива С. Скиро)

fustanella), шерстяные носки и характерную обувь с помпонами – *опинги* (алб. *oringa*) (ПМА 2). Мужской костюм или его отдельные элементы покупаются в Албании, Греции и Косово (Рис. 1).

Женская одежда, о которой пойдет речь в данной статье, является не только культурным наследием, признаком социального статуса, но и одним из ключевых маркеров идентичности современных арбрешей, и тем самым представляет особый интерес для исследования. В настоящее время костюмы продолжают привлекать ученых, экспертов моды, репортеров прессы и телевидения, туристов.

Традиционный костюм арбрешей стал частью этнической истории не только для представителей албанской диаспоры, но также для других языковых меньшинств Италии. Сегодня еще можно найти уникальные подлинные наряды XVII–XIX веков, которые удалось сберечь и передать последующим поколениям как семейную реликвию. В арбрешских сёлах еще есть пожилые албанские женщины, которые с гордостью носят свою старую одежду. С годами такие костюмы становятся все большей редкостью, а их ценность растет.

Традиционная одежда арбрешей Сицилии претерпевала значительные изменения на протяжении пяти веков, и на формирование ее отдельных элементов, богатство вышивки, используемые ткани и способ ношения повлияла сицилийская одежда XVII века, а также тенденции европейской моды XIX века. Окончательный же вид костюм приобрел в период между XIX – началом XX века, и новые формы дошли до наших дней практически без изменений.

Историко-научная реконструкция традиционной женской одежды в албанских общинах Италии представляет трудную задачу для исследователя. Чтобы проследить все этапы эволюции костюма, недостаточно использовать только графические данные, представленные иконографией, гравюрами и живописью. Поскольку богато украшенные одежды и драгоценности часто передавались по наследству, решающий вклад принадлежит систематическому исследованию таких архивных источников XVI и последующих веков, как завещания и содержащиеся в них письменные описания (*La Barbera* 2007: 112).

Одним из ключевых этапов восстановления первоначального облика костюма, становится изучение иконографических источников, которые, хотя и не могут дать исчерпывающего представления, но, безусловно, вносят эффективный вклад в лучшее понимание этого наследия народного искусства.

С появлением фотографии становится легче реконструировать историческую память, особенно в случае с женской традиционной одеждой, поскольку женщи-

ны позволяют себя фотографировать в самые важные события своей жизни. Кроме того, использование традиционной одежды часто связано с важными религиозными и историческими праздниками, а также семейными мероприятиями, когда представители того или иного этноса начинают позиционировать свои исторические корни и значительное лингвистическое, религиозное и традиционное наследие, которые на протяжении веков они сохраняли. Среди событий, во время которых фотографам удалось запечатлеть арбрешскую одежду, были костюмированные представления, ставившиеся в Лунгро в 60-х годах по эпическим произведениям, воспевающим жизнь и подвиги национального героя Скандербега, а также ежегодные пасхальные шествия в Пьяна-дельи-Альбанези.

Многие черты традиционного костюма Пьяна-дельи-Альбанези сближают его с одеждой, которую носили в XVII в. в Палаццо-Адриано¹ (город, также основанный албанцами), что, безусловно, предполагает общее происхождение, однако не совсем верно утверждать, что прототипом полностью послужил албанский костюм. С конца первого тысячелетия албанские земли испытывали влияние византийской культуры, о чем свидетельствуют яркие цвета, широкая драпировка, длинные широкие рукава, богатые ткани и использование золотной вышивки и драгоценных камней в убранстве одежды. С XV века при пошиве албанской одежды использовались ткани, технологии и крой, которые были приняты на западе, прежде всего в Венеции и Анконе. До вторжения Османской империи на Балканы албанское платье имело прямой или слегка расклешенный силуэт, поэтому мы можем сделать выводы, что не оно послужило прототипом традиционного арбрешского костюма (*Gjergji* 1988: 285).

Итальянская мода испытала на себе влияние как Византии, так и центров исламского мира. Венецианская республика на протяжении длительного времени имела тесные торговые связи с Византией, продолжившиеся после османского завоевания, но уже с турецким Константинополем. В Венецию поступали дорогие восточные ткани, меха и украшения, а также под влиянием ориентальной моды шло собственное производство, все это затем отправлялось в другие провинции Италии (*Новик* 2011: 142). Юг страны, в частности Калабрия, также был связан с Византией и Османской империей, что напрямую отразилось на манере одеваться. Так, в XVII в. в моду вошли широкие юбки с многочисленными складками, собранными на талии. В XVIII в. на юбке появляются полосы кружева, плетеного на коклюшках. Именно этот вид юбки и послужил прототипом арбрешского свадебного платья, который до конца XVIII в. использовался как обычный праздничный наряд (*La Barbera* 2007: 115–117).

О сильном влиянии не только сицилийской, но и испанской моды свидетельствует крой некоторых элементов костюма, таких как нижняя рубашка и жакет, надевавшийся сверху. Одной из самых специфических и, безусловно, оригинальных деталей является *кеза* (арбр. *keza*) – женский головной убор; когда-то он использовался всеми

¹ По сведениям, полученным от информантов, традиционная женская одежда Палаццо-Адриано сохранилась лишь в нескольких экземплярах, представленных в местных музеях, и более не является культурной реальностью для его жителей. В начале 2000-х годов монахиня византийского католического обряда Исидора Петта (1925–2016 гг.), арбрешка из Пьяна-дельи-Альбанези, попыталась реконструировать женский костюм, некогда бытовавший в Палаццо-Адриано. Прототипом послужила одежда, обнаруженная во время раскопок местных захоронений, а также современные костюмы Пьяна-дельи-Альбанези. В 2004 году Илария Паррино, представлявшая Палаццо-Адриано на ежегодном конкурсе *Miss Arbreshe*, победила в наряде, сшитом Исидорой Петтой (ПМА 4: Паррино).

женщинами и был представлен в праздничном и будничном вариантах. Сегодня он нагружен новой символикой и надевается только в день свадьбы. Драгоценности также являются неотъемлемой частью костюма. Серебряный пояс *брез* (арбр. brez) – это результат эволюции восточного серебряного пояса за счет постепенного увеличения и изменения внешнего вида его центральной бляхи (Schirò 2011: 239–243).

Практически непрерывное производство традиционной одежды в Пьяна-дельи-Альбанези связано с большим мастерством местных женщин. На протяжении веков албанки, владеющие как простой иглой, так и ткацким станком, превращали шёлковые, бархатные и атласные ткани, импортированные из Неаполя, в изысканную одежду, убранный кружевом, плетённым на коклюшках, или золотой вышивкой (Manali 2005). Сначала изготовление костюма было исключительно домашним трудом, причем женщин обучали этому умению с раннего детства, так что уже в подростковом возрасте девочка обладала достаточными техническими навыками, с помощью которых могла сама сшить наряд для важного события. Кроме того, в XVIII в. сестры коллегии Св. Марии, специалисты по вышивке золотом, основали школу, где обучали этому искусству незамужних девушек (Schirò 2011: 240).

Классификация традиционной одежды может быть произведена по её сезонному использованию. Зимнее платье изготавливали из шерстяных и полшерстяных тканей, а также бархата и тафты, при этом предпочтение отдавали в основном черному или серому цвету. Летние платья отличались большим разнообразием тканей из шелка и хлопка (тафта, атлас, креп-жоржет) и более яркими цветовыми характеристиками.

Праздничное платье традиционно предназначалось для самых значимых событий в жизни, таких как крещения и свадьбы, а также для крупных религиозных праздников: день Св. Георгия, Богородицы Одигитрии, Св. Димитрия. Оно представлено в двух вариантах, которые различаются по типу юбки.

Первая называется *нцилёна* (арбр. ncilona), сшитая из красного шёлка. По всему полю юбки идет орнамент, основным мотивом которого являются цветы. Её предшественницей была так называемая *пампинья* (арбр. rampinja) – парчовая юбка, с узором из разноцветных хлопковых нитей, со временем вместо парчи стали широко использовать дамаст¹. В последние десятилетия умелыми руками вышивальщиц Пьяна-дельи-Альбанези были созданы многочисленные *нцилёны*, украшенные богатой и обильной вышивкой, чей первоначальный орнамент был изменен на акантовый² с мелкими золотыми или серебряными цветами (La Barbera 2007: 123).

Второй вариант юбки – *джелона* (арбр. xhellona) – обрамлен рядами кружева, сплетённого из золотых или серебряных нитей на коклюшках. Количество таких рядов варьируется от одного до трех в зависимости от функции использования. *Джелона* с одним рядом кружева предназначалась для ежедневных религиозных служб, с двумя – для воскресной мессы, с тремя рядами – для более важных мероприятий, таких как праздник Святого Георгия, покровителя Пьяна-дельи-Альбанези (Schirò 2011: 232–233).

¹ Дамаст (дамаск) – шёлковая, шерстяная или хлопчатобумажная ткань полотняного или крепового переплетения, иногда в комбинации с атласом. Хлопчатобумажный дамаст используется для изготовления женского белья, в декоративных целях, шёлковый – в основном в декоративных целях. В XVIII веке эта ткань часто имитирует кружево. Названа по городу Дамаск в Сирии, где её изготавливали (Андреева 1997: 150).

² Акант – декоративная форма, восходящая к рисунку листьев травянистого растения акант (Плужников 1995: 12).

Другими частями, составляющими праздничный наряд, являются: белая льняная рубашка *линья* (арбр. *linja*) с длинными и широкими рукавами, украшенная кружевом, плетённым на коклюшках, кружевной элемент *петини* (арбр. *petini*)¹, покрывающий верхнюю часть груди; лиф *крахет* (арбр. *krahët*) без рукавов из красного шёлка, расшитый золотом, или бархатный жакет *джипуни* (арбр. *xhipuni*) с воротником и манжетами из темного бархата с вышивкой; синяя шелковая накидка *мандилина* (арбр. *mandilina*) с золотой окантовкой; по всему костюму завязаны шелковые накладки в виде лент *шкоккат* (арбр. *shkokat*). Часто в дополнение к *джелоне* женщины надевают фартук из черного кружева – *вантерья* (арбр. *vanterja*), но он может сочетаться также и с *ницлёной*. Главным и завершающим элементом обоих вариантов является серебряный пояс *брез* (арбр. *brez*), состоящий из нескольких массивных пластин. Центральная пластина пояса украшена изображением святого покровителя (*Sciascia* 1966: 140).

Рис. 2. Зимний вариант женского традиционного костюма (Пьяна-дельи-Альбанези, 2015 г., фото из архива С. Скиро).

Существовала также зимняя версия выходного платья, которое носили только замужние женщины, его основные элементы: широкая черная юбка из тафты, бархатный жакет *джипуни*, белая накидка с вышивкой «медовые соты» и накладка из четырех лент-лепестков на голову – *шкоккат* (Рис. 2).

Шкоккат имеют одинаковые цветочные мотивы в вышивке, исключение составляют лишь те, что крепятся к голове поверх прически и на спину, их орнамент может варьироваться. Различают разные виды *шкоккат* по количеству так называемых лепестков, которые формируют бант. В праздничном платье с юбкой *ницлёна* используется четырёхлепестковый бант, который украшает переднюю часть костюма и крепится на животе над серебряным поясом или прямо под ним. До 20-х годов XX века такое украшение имело только два лепестка. В выходном варианте костюма с юбкой *джелона* используется ленточный бант с пятью лепестками из расшитого золотой нитью шелка или бархата зелёного цвета. В обоих типах праздничного платья используется двухлепестковый бант для спины и четырёхлепестковый – для поддержания причёски (*Schirò* 2011). В свадебном костюме число *шкоккат* равняется двенадцати, что соответствует числу апостолов.

С конца 40-х годов XX в. практика плетения кружева из золотых нитей на коклюшках, служившего основным украшением *джелоны*, становится все большей редкостью и совсем исчезает, поэтому в 80-х и 90-х годах мастера занимаются изготовлением и реставрацией только юбки *ницлёны*. Невозможность плетения аутентичного кружева была связана также с ухудшившимся качеством золотых нитей, постоянно ломавшихся во время изготовления (*La Barbera* 2007: 113).

¹ Петини – кусок кружева, обрамленный тканью, который закладывают под лиф на груди (ПМА 3).

Традиционный свадебный костюм для арбрешей является одним из самых очевидных символов культурной самобытности. В отличие от выходного костюма, претерпевшего значительные изменения и утратившего своё первоначальное предназначение, свадебное платье арбрешей Сицилии по-прежнему используется и является более предпочтительным, чем так называемое европейское белое (или любое другое) платье (Сулоева 2019: 458–459).

Свадебный костюм, используемый в настоящее время, во многом соответствует праздничному варианту, что свидетельствует о том, что ранее его надевали и вне брачного контекста, в этом случае он сопровождался накидкой. Как и в праздничном костюме, здесь используется юбка *нцилёна* из красного шелка, расшитого цветочными узорами, а именно орнаментом *вити* (арбр. *viti*), который представляет собой переплетения цветов, разбросанные по всей поверхности ткани. Есть также и нижняя юбка, подол которой украшен мелкой вышивкой. Одним из ключевых элементов является *линья* – шелковая или льняная блуза, имеющая кружевную оторочку рукавов и нижней части подола, причем рукава расширяются от локтя вниз в соответствии с модой XV века. В то время рукав являлся самой драгоценной частью платья (Siragusa 2009). На блузу надевают *крахет* – шелковый лиф, вышивка которого сочетается с мотивами, использующимися в украшении юбки.

Большую выразительность костюму придают ленты *шюкат*. В отличие от выходного и праздничного платья, где *шюкат* украшают только голову, спину и живот

Рис. 3. Слева представлен костюм невесты с юбкой *нцилёна*, справа – праздничный вариант с юбкой *джерлона*. (Пьяна-дельи-Альбанези, 2015 г., фото из архива С. Скиро).

женщины, в свадебном платье помимо основных переднего и заднего бантов, используются дополнительные четырехлепестковые, которые крепятся по всей длине рукавов. Другой четырехлепестковый бант, также завязанный из лент, расшитых канителью, располагается спереди и покрывает живот невесты над юбкой (Schirò 2011: 235–237). Такой бант является не только аксессуаром свадебного костюма, но и символизирует будущее материнство (Рис. 3).

Еще одной важной деталью свадебного костюма является *кеза* – особый головной убор, полый внутри, изготовленный из бархата малинового или зеленого цвета и расшитый золотом или серебром (Bellusci, D'Agostino 2006, I: 170). *Кеза* используется для закрепления и поддержания вуали *скени* (арбр. *sqerì*) и становится символом нового социального статуса невесты (Schirò 2009: 94). Шелковая вуаль *скени* крепится к головному убору и с двух сторон к поясу невесты и используется только как элемент свадебного костюма.

Большую роль во всех вариантах традиционной женской одежды играют украше-

ния из драгоценных металлов, поскольку они дополняют и объединяют декоративные элементы во всем их многообразии. Главным среди украшений костюма является серебряный пояс *брез*, который состоит из пластин с изображением религиозных сюжетов, соединенных в центре при помощи особой шпильки, непременно выточенной вручную (Schirò 2014). Пояс используется в некоторых важных обрядах предсвадебного цикла, например, в ритуальном обмене подарками во время помолвки, происходящей в доме невесты. По сведениям, полученным от информантов, жених дарит своей невесте *брез*, который она должна будет надеть на церемонию венчания. Пояс изготавливается на заказ у местного мастера и стоит дорого, и в случае невозможности приобрести данное украшение, мать жениха одалживает невестке свой (ПМА 4).

В албанском языке слово *brez* означает не только непосредственно «пояс», но также «поколение, линии преемственности, потомство», что подтверждает тот факт, что пояс является также символом материнства (Thomai et al. 2002: 25). Обладательница пояса надеется получить заступничество и / или защиту избранного святого покровителя. Именно поэтому ключевыми фигурами, изображенными на центральной бляшке, становятся, св. Георгий, св. Дмитрий, Мадонна Одигитрия и др. (Siragusa 2009: 65). Следовательно, *брез* выступает не только как декоративный элемент женского традиционного костюма, но также выполняет религиозную и апотропеическую функцию. До 30-х годов прошлого века незамужние девушки не могли носить *брез*, поэтому в соответствии со своим статусом они получили особую терминологическую маркированность – *sbrezuame* («без пояса»). Однако сегодня его носят и до свадьбы, например в Страстную неделю и пасхальное воскресенье. По окончании литургии сотни девушек выходят на улицы деревни, чтобы принять участие в праздничном шествии (ПМА 3, 4).

Нами зафиксировано, что все три вида костюма – выходной, праздничный и свадебный, неизменно дополнены украшениями из золота или серебра. Среди основных: обручальное кольцо *доманти* (арбр. domanti), серьги с пятью подвесками *пиндаьет* (арбр. pindajet), которые обычно принимают форму распятия, чётки *русари* (арбр. rrusari), представляющие собой гранатовое ожерелье с медальоном, в который вставлено миниатюрное изображение святого покровителя, а также крест на бархатной ленте, инкрустированный драгоценными и полудрагоценными камнями (Schirò 2009: 100). Все эти изделия представляют огромную ценность и передаются по наследству от матери к дочери, однако не являются подлинно албанскими по происхождению. Подобные украшения из золота, иногда эмалированные, с инкрустациями из рубинов, изумрудов, бриллиантов и других камней старой огранки можно встретить и среди сицилийских ювелирных изделий XVII–XVIII веков (Di Natale 2000: 194) (Рис. 4).

Рис. 4. Украшения, дополняющие костюм. (Пьяна-дельи-Альбанези, 2019 г., фото из архива С. Скиро).

Комплекс траурной одежды включал юбку *фодийя* (арбр. *fodhija*) из черной тафты с бархатным подолом того же цвета, черный бархатный или шелковый жакет *джи-пунни*, кружевной элемент *петини*, покрывающий верхнюю часть груди. Отличительной чертой данного наряда являлась широкая накидка из черной тафты в форме полумесяца, которая крепилась к голове и ниспадала широкими складками (*La Barbera* 2007: 120). Замужние женщины носили траурное платье без драгоценностей. Однако на пятничную литургию, а также во время Страстной недели можно было дополнить наряд серебряным поясом. В те же праздничные дни молодые незамужние женщины надевали юбку *пампинья* из дамаста с черной мантией (*La Barbera* 2007: 121).

Стоит также упомянуть полностью вышедший к настоящему времени из бытования вариант повседневного костюма, который состоял из широкой юбки в пол, сшитой из черной тафты, бархата, атласа или хлопчатобумажной ткани различных цветов (черного, фиолетового, синего, зеленого и др.), блузы с широкими рукавами, плотно прилегающими к запястьям, а также плаща – белого в летний период, светло-синего – в зимний, окантованного белой шелковой лентой. Разнообразие используемых в наряде цветов также указывало на социальный статус женщины (*Schirò* 2009: 97).

Трансформации бытования женской традиционной одежды Пьяна-дельи-Альбанези в XX – начале XXI вв.

Ношение народной одежды не всегда было однородным и испытало несколько стадий упадка и подъёма. В XX веке традиционный костюм постепенно уступил место современной моде. Этот процесс не был единовременным, потребовался не один десяток лет, чтобы стремление к практичности и достижению экономического благополучия вытеснило традицию. В конце XIX века видеть женщин в традиционных платьях было частью повседневной жизни, однако новая европейская мода XX ввела практичную и легкую одежду, освободив женщин от длинных и объемных юбок. Албанки Сицилии не сразу приспособились к инновациям. Молодые женщины первыми отказались от повседневного варианта традиционного платья.

Затем в 30-х и 40-х годах комплекс с юбкой *джелона*, предназначенный для посещения церкви, стал менее предпочитаемым по сравнению с новой одеждой, которую присылали из Америки родственники, эмигрировавшие туда в предыдущие десятилетия. Вместо выходного платья использовался праздничный костюм с юбкой *нциллена*, при этом соответствие наряда степени важности события перестало строго соблюдаться (*Schirò* 2009: 93).

В послевоенный период и 50-е годы, отмеченные в Италии экономическими трудностями и бедностью населения, было не так легко найти дорогие материалы для изготовления парадного костюма. В те годы женская традиционная одежда Лунгро и Пьяна-дельи-Альбанези переживала упадок: костюмы больше не шили из дорогостоящих материалов, не использовали в отделке золотые и серебряные нити, популярными становились наряды более низкого качества, которые, тем не менее, по-прежнему могли позволить только состоятельные люди (*La Barbera* 2007: 129).

Традиционная одежда еще не окончательно исчезла, а продолжала быть популярной на свадьбах, религиозных праздниках и других значимых событиях общественной жизни. С 1960-х годов её использование начало ослабевать наряду со многими другими традициями, такими как похищение невесты будущим мужем во время це-

ремони помолвки. Традиционный костюм стал восприниматься новым поколением как пережиток прошлого. На один из ежегодных карнавалов (арбр. Kalivari), которые до сих пор проходят в Пьяна-дельи-Албанези, несколько представительниц арбрешской диаспоры выбрали в качестве маскарадного традиционный костюм, который было принято надевать только по особым поводам. Этот случай вызвал крайне негативную реакцию со стороны женщин старшего поколения, поскольку был расценен как проявление неуважения к собственным традициям (ПМА 4: Паррино).

Накануне экономического бума (середина 50-х – середина 70-х гг.) многие албанские женщины стали одеваться *all'italiana* или *da signora* («как итальянка»), что означало окончательный отказ от традиционного костюма в пользу практичности. Исключение составляло только свадебное платье, которое не утратило актуальности из-за своего особого предназначения и символической нагрузки (Guagliardi 2004). Однако сегодня мы являемся свидетелями повторного открытия культурной и исторической ценности этих характерных элементов народной культуры арбрешей. За последние тридцать лет – после повторного открытия языковых меньшинств на Сицилии и возросшего к ним интереса – возникли немногочисленные частные мастерские, занимающиеся изготовлением костюмов на заказ.

В условиях унификации и стандартизации современной культуры через средства массовой информации для представителей языковых меньшинств Италии становятся как никогда актуальными поддержание и развитие традиционных материальных памятников, и их трансляция в мировое культурное пространство. В качестве примера можно привести ежегодное празднование Пасхи, которое является не только одним из самых значимых религиозных событий, но также своеобразной опорой традиционной культуры арбрешей, символом преемственности поколений, а также живучести в условиях длительных межэтнических и межязыковых контактов.

В Страстную неделю в Пьяна-дельи-Албанези устраивают народные шествия, в которых участвуют все жители деревни. Ношение традиционного костюма становится своеобразным способом выразить личные и национальные значения, а также приобщиться к глобальным тенденциям. Это культурный и художественно-творческий процесс, в котором албанский этнос является одновременно создателем, хранителем и продолжателем такого этнокультурного явления, как костюм.

Традиционная одежда продолжает жить, хотя и в трансформированном виде, адаптированном под новые условия современной жизни. В ходе полевой работы, проведенной в Пьяна-дельи-Албанези в марте 2017 года, нами было отмечено, что именно в пасхальное воскресенье и дни, предшествующие ему, наблюдаются отклонения в традиционном способе ношения женского костюма. Частым явлением становится неверное сочетание элементов, относящихся к разным комплексам одежды. Например, в качестве верха к юбке *пампинья* вместо лифа без рукавов надевают болеро, сшитое из той же ткани, что и юбка. Некоторые из представительниц арбрешской диаспоры путают количество лент *шюкат*, присущих разным видам юбки, или добавляет их к рукавам или вороту куртки *джипуни*. Иногда наблюдается перегруженность образа современными аксессуарами, такими как часы, солнцезащитные очки, различная бижутерия, в то время как основные детали костюма (например, накидка и головной убор) отсутствуют (ПМА 3). Зачастую бросаются в глаза неуместная обувь или не соответствующие друг другу макияж и прическа (Рис. 5).

Рис. 5. Современная интерпретация традиционной женской одежды. (Пьяна-дельи-Альбанези, 2019 г., фото из архива С. Скиро)

Совсем иначе обстоит дело со свадебным платьем. Женщины уделяют гораздо больше внимания качеству пошива, богатству и выразительности отделки. Отдавая предпочтение традиционному варианту и отказываясь от так называемого европейского белого платья, они тем самым подчёркивают важность события, характеризующегося сменой социального статуса, а также маркируют свою этническую принадлежность. Данная модель платья символизирует единство духовной жизни албанского этноса и отдельного его представителя. Благодаря включению в комплекс таких элементов, как *брез* и *шюкат*, свадебный костюм приобретает особый сакральный смысл в сознании носителей.

Современное производство традиционной одежды по-прежнему является ручным трудом несмотря на то, что уже нет специалистов, способных сплести на коклюшках кружево из золотной нити, поскольку из-за ненадлежащего качества представленного на современном рынке золота, во время

обработки нить постоянно рвется (ПМА 3). Однако есть несколько частных мастерских, где занимаются изготовлением костюмов на заказ, поэтому арбрешские женщины по-прежнему покупают традиционную одежду для особых случаев. Одной из новых тенденций стал пошив одежды для детей. Девочек наряжают в уменьшенные копии женских костюмов, но без использования украшений и аксессуаров, а мальчиков – в традиционную албанскую одежду, купленную на Балканах (ПМА 4).

В наши дни в большинстве семей Пьяна-дельи-Альбанези имеется хотя бы один костюм, украшенный вышитым орнаментом золотого и серебряного цвета. Приведем цитату из нарратива Стефано Скиро (арбреш, 1988 г. р., Пьяна-дельи-Альбанези):

«В основном женские костюмы передаются от матери к дочери по наследству, поскольку изготовление на заказ стоит дорого, и не все могут это позволить. Стоимость полного комплекта праздничного костюма в 2008 году составляла приблизительно пятнадцать тысяч евро, в то время как свадебного – больше двадцати. К 2020 году стоимость костюма для Пасхи увеличилась до тридцати тысяч евро. В последнее время всё более популярной становится практика одалживания традиционной одежды у знакомых» (ПМА 3: Скиро).

Популяризация ношения традиционного костюма приобретает всё более выраженный характер. Существуют различные ассоциации, занимающиеся продвижением народной культуры арбрешей в современных СМИ. По словам информантки Джузеппины Скиро (арбрешка, 1970 г. р., Пьяна-дельи-Альбанези) организация

«Pro-Loco»¹ каждый год на Пасху устраивает розыгрыш лотереи, причём билеты вручаются тем, кто носит традиционную одежду как в пасхальное воскресенье, так и в течение Страстной недели. Кроме того, деятельность «Pro-Loco» направлена на распространение информации, связанной с историей и правилами ношения женских костюмов, поскольку за последние тридцать лет была зафиксирована тенденция неверной интерпретации традиционной одежды и ее отдельных элементов современной молодежью (ПМА 3: Дж. Скиро).

Также известны случаи использования женского костюма в рекламе и полиграфии. Так, в 1950 году была выпущена серия почтовых открыток, включавшая шесть хромолитографий с изображением традиционной одежды Сицилии, две из которых были посвящены нарядам Пьяна-дельи-Альбанези (в то время Пьяна-деи-Гречи). В последние годы женские костюмы были неоднократно задействованы в продвижении фестиваля канноли², а также рекламы сицилийской кухни, причём не все зрители отреагировали положительно. По мнению информантов, такая реклама выглядит весьма сомнительно и не вызывает одобрения в выборе лица, представляющего рекламный образ кампании.

Возмущение местных жителей вызывает и то, что традиционная одежда Пьяна-дельи-Альбанези представлена в качестве символа общесицилийской культуры, при этом нарушается право авторства, принадлежащее арбрешам как представителям отдельного этнокультурного сообщества. В качестве иллюстрации приведем слова информантов:

«К сожалению, интересы нашей общины не защищаются на законодательном уровне. До тех пор, пока правительство не начнет действовать, нашу традиционную одежду будут продолжать использовать в рекламе гостиниц и ресторанов. Такое кощунственное отношение к нашим культурным ценностям лишает нас дара речи. Поступать так – все равно что вскрывать чью-то могилу» (ПМА 4: Паррино).

«В нашей традиции костюм очень ценная одежда не только с экономической, но и культурной точки зрения, поэтому он должен использоваться в исключительных случаях, необходимо сохранять должное уважение и канонические условия его ношения. Для нас очевидно, что даже в рекламных целях прибегать к пошлости неприемлемо. Священное и мирское, безусловно, следует сравнивать, но в разумных пределах.» (ПМА 3: Дж. Скиро).

Данные высказывания свидетельствуют о том, что традиционная женская одежда является для носителей сакральным компонентом собственной культуры. Одним из ключевых факторов, повлиявших на формирование такого представления, стал религиозный, проявившийся в костюме арбрешей в наборе специальных символов. Именно он на протяжении длительного времени модифицировал заимствованные элементы, выстраивая тот облик костюма, который албанский этнос воспринимал как *свой*.

Арбреши считают себя хранителями и продолжателями собственных этнокультурных традиций, поэтому стараются создать и законсервировать некий тип костю-

¹ Pro-Loco – организация, занимающаяся продвижением традиционной культуры арбрешей Пьяна-дельи-Альбанези в средствах массовой информации (<https://www.prolocopianadeglialbnesi.com>).

² Канноли (итал. *cannoli* «трубочки») – традиционный сицилийский десерт, представляющий собой вафельную трубочку с начинкой из сыра рикотты.

ма, который несмотря на включённость заимствованных элементов, воспринимается носителями и транслируется в мировое сообщество как национальный.

Основные выводы

Создание этнического костюма – это сложный процесс, представляющий собой определённое перекодирование жизненного опыта, полученного в результате многовекового взаимодействия с другими народами, в зрительные образы. Одежда тесно связана с материальной и духовной культурой людей, языковыми контактами, а также с ритуальными и социальными составляющими жизни любого этноса.

Традиционная одежда арбрешей Италии и Сицилии – это целостное этнокультурное явление, веками создаваемое и продолжающее жить в современном социокультурном пространстве. Женские костюмы Пьяна-дельи-Альбанези представляют собой синтез традиций и искусства и выполняют важную этнодифференцирующую функцию. Тот вариант костюма, который сегодня арбреша позиционируют как свой национальный, является результатом объединения отличительных признаков собственной культуры и приобретенных с течением веков новых характеристик под влиянием религиозного фактора.

Для традиционной одежды арбрешей характерны следующие черты: относительная устойчивость основных моделей женского платья, вариативность отдельных элементов внутри комплексов, заимствование предметов одежды в результате длительного межкультурного взаимодействия с представителями доминантной культуры, а также сильное влияние европейской моды на окончательное формирование внешнего облика костюма. В совокупности эти черты представляют этническую специфику арбрешской традиционной одежды, затрудняющую или даже исключаящую в настоящее время какие-либо серьезные инновации. Сакральное отношение к такому элементу культуры, как костюм, по-прежнему является главным условием сохранения и популяризации этнического наследия арбрешей.

Несмотря на серьезное влияние социоэкономической модернизации и различные межэтнические взаимодействия, приведшие к значительным трансформациям в традиционной культуре и традиционных установках представителей албанского этноса, женские костюмы продолжают сохраняться в культурной памяти арбрешей и являются одним из основных механизмов репрезентации и передачи культурного кода, а также позиционирования этнической принадлежности в условиях проживания в полиэтничном обществе.

Источники

Siragusa 2009 – *Siragusa C.* Il matrimonio arbëresh a Piana degli Albanesi. Tradizione e innovazione. Università degli studi di Palermo. Facoltà di lettere e filosofia. Matricola № 0434460. Palermo, 2009.

ПМА 1 – Полевые материалы автора. Экспедиции в с. Зичишт, краина Корча (Албания). 2014–2015 гг. Свадебная обрядность албанцев и традиционный свадебный костюм. Полевая тетрадь.

ПМА 2 – Полевые материалы автора. Экспедиции в г. Приштина, Косово. 2015 г. Традиционный костюм албанцев Косово. Полевая тетрадь.

ПМА 3 – Полевые материалы автора. Экспедиция в с. Пьяна-дельи-Альбанези, провинция Палермо, (Сицилия). 2016–2017 гг. Полевая тетрадь: информанты – С. Скиро 1988 г.р., Г. Паррино 1990 г.р., Дж. Скиро 1970 г. р. и др.

ПМА 4 – Полевые материалы автора. Удаленный опрос информантов из с. Пьяна-дельи-Альбанези, провинция Палермо, (Сицилия). 2019–2020 гг. (информант – Г. Паррино 1990 г.р.).

Научная литература

- Андреева Р.П.* Энциклопедия моды. СПб.: Литера, 1997. 416 с.
- Арш Г.Л. Иванова Ю.В., Колпакова О.А., Смирнова Н.Д.* Краткая история Албании: С древнейших времен до наших дней / под ред. Г. Л. Арша. М.: Наука, 1992. 512 с.
- Новик А.А.* Украшения арбрешей Италии // Материалы полевых исследований МАЭ РАН. / отв. ред. Е.Г. Федорова. Вып. 2011 г. СПб.: МАЭ РАН, 2011. С. 133–154.
- Плужников В.И.* Термины российского архитектурного наследия: Словарь-гlossарий. М.: Искусство, 1995. 160 с.
- Сулоева М.А., Скиро С.* Арбреши Сицилии: сохранение свадебного костюма (полевые материалы 2016–2017 гг.) // XII Конгресс антропологов и этнологов России: сборник материалов. Ижевск, 3–6 июля 2017 г. / отв. ред.: А.Е. Загребин, М.Ю. Мартынова. Москва; Ижевск: ИЭА РАН, УИИЯЛ УрО РАН, 2017. С. 89–90.
- Сулоева М.А., Скиро С.* Традиционный женский костюм арбрешей Италии в контексте современной культуры // XIII Конгресс антропологов и этнологов России: сборник материалов. Казань, 2–6 июля 2019 г. / отв. ред. М. Ю. Мартынова. Москва; Казань: ИЭА РАН, КФУ, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. С. 458–459.
- Bellusci C., D'Agostino F.* Dizionario illustrato italiano-arbërisht-shqip. Storia e lingua albanese di Acquafredda, Civita, Ejanina, Firmo, Frascineto, Lungro, San Basile e dell'Albania. Vol. I. Collana: Minoranze Linguistiche. Montalto Uffugo: Edizioni Orizzonti Meridionali, 2006.
- Di Natale M.C.* Gioielli di Sicilia. Palermo: Flaccovio, 2000, 223 p.
- Emmanuele D.* Arberia: storia, cultura e folklore. Castrovillari, 1988, 260 p.
- Gjergji A.* Veshjet shqiptare në shekuj. Origjina. Tipologjia. Zhvillimi. Tiranë: Akademia e Shkencave e RPS të Shqipërisë: Instituti i Kulturës Popullore, 1988. 285 f.
- Guagliardi D.* La comunità albanese di Sicilia // La Diversità Arbëreshe. Vol. I: La formazione, la storia, l'insediamento. Cosenza: Falco Editore, 2004. 368 p.
- La Barbera M.* Il costume e i gioielli di Piana degli Albanesi // Tracce d'Oriente, catalogo della Mostra / A cura di M.C. Di Natale). Palermo 2007, Pp. 111–131.
- Manali P.* Hora e Arbëreshëvet. Piana degli Albanesi. Palermo: Comune di Piana degli Albanesi, 2005.
- Mastroberti F.* Le colonie albanesi nel Regno di Napoli tra storia e storiografia. Bari: Università degli studi di Bari. Cacucci editore 2008, Pp. 241–251.
- Romata E.* I paesi italo-albanesi dell'Italia meridionale. l'Accademia Nazionale delle Scienze di Washington, 1964. 27 p.
- Russo L.* Albanesi d'Italia. Palma Palermo, 1975.
- Schirò G.D.* Il costume tradizionale femminile di Piana degli Albanesi: fronti iconografiche // Miscellanea arbëreshe / A cura di Pietro Manali. Quaderni di Biblos: Società e Istituzioni 30/6. Palermo: Unione dei Comuni Besa, 2011. Pp. 231–250.
- Schirò G. D.* Tradizione ed evoluzione nel costume femminile arbëresh. In: Biblos, 2009. Pp. 91–104.
- Schirò S.* Per una storia del brezi: la cintura tradizionale di Piana degli Albanesi negli scritti di Sidney J.A. Churchill // Rivista dell'Osservatorio per le arti decorative in Italia. Palermo 2015. DOI: 10.7431/RIV10082014.
- Sciascia S.* Arte popolare e artigianato in Sicilia: Repertorio dell'artigianato siciliano // Unione delle Commercio Industria ed Agricoltura della Regione Siciliana. Rome: Salvatore Sciascia Editore, 1966. 140 p.
- Thomai et al.* Fjalor i shqipes së sotme. Tiranë: TOENA, 2002.
- Zangari D.* Le Colonie Italo-Albanesi di Calabria. Napoli, 1940. 175 p.

Suloeva, Marina A. *

Role and functioning of traditional female Arbresh clothes in Italy in modern sociocultural space

DOI: 10.33876/2311-0546/2020-52-4/45-63

The article is devoted to the traditional women's clothing of the Arbresh diaspora in Piana degli Albanesi in Sicilia. The Arbresh are immigrants from the Balkan Peninsula who migrated to Italian lands in the 15th century. The traditional clothes of Piana degli Albanesi are considered as an integral ethnocultural phenomenon that has been being created for centuries and continues to exist in the modern sociocultural space. The author traces the change in women's costume and reveals the specifics of its individual elements functioning. The Arbresh consider themselves to be keepers and successors of their own traditions, so they try to create and preserve a certain type of costume, which, despite the borrowed elements, is perceived and transmitted to the world community as an ethnic one. The research base of the work was made up of ethnographic and art studies, as well as the author's own field materials collected during fieldwork in Sicily in Piana degli Albanesi and Palermo (2016–2017), in Kosovo (2015) and southern Albania (2014–2015).

Key words: *Arbresh diaspora, Piana degli Albanesi, female traditional clothes, identity, traditions, cultural memory*

* **Suloeva, Marina A.** – PhD student, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Saint-Petersburg, Russia). E-mail: suloevamarina@yandex.ru

References

- Andreeva, R.P. 1997. *Entsiklopediia mody* [Fashion Encyclopedia]. St. Petersburg: Litera.
- Arsh, G.L., Iu.V. Ivanova, O.A. Kolpakova, and N.D. Smirnova. 1992. *Kratkaia istoriia Albanii: S drevneishikh vremen do nashikh dnei* [A Brief History of Albania: From Ancient Times to the Present], edited by G. L. Arsh, G. L. Moscow: Nauka.
- Novik, A.A. 2011. *Ukrasheniia arbreshei Italii. Materialy polevykh issledovaniy MAE RAN*. [Jewelry of the Arbëreshë people in Italy]. In *Materials of Field Research MAE RAS*, edited by E.G. Fedorova. St. Petersburg: MAE RAN: Pp. 133–154.
- Pluzhnikov, V.I. 1995. *Terminy rossiiskogo arkhitekturnogo nasledii: Slovar'-glossarii*. [Terms of Russian Architectural Heritage: Glossary]. Moscow: Iskusstvo.
- Suloeva, M.A., and S. Skiro. 2019. *Arbreshi Sitsilii: sokhranenie svadebnogo kostiuma (polevye materialy 2016–2017 gg.)*. [The Arbëreshë people of Sicily: preserving a wedding suit (field materials 2016–2017)]. XII Kongress antropologov i etnologov Rossii: sbornik materialov. Izhevsk, 3–6 iulia 2017 g. [XII Congress of Anthropologists and Ethnologists of Russia: a collection of materials. Izhevsk, July 3–6, 2017], edited by A.E. Zagrebin, M.Yu. Martynova, 89–90. Moscow; Izhevsk: IEA RAN, UIIIaL UrO RAN.
- Suloeva, M.A., and S. Skiro. 2019. *Traditsionnyi zhenskii kostium arbreshei Italii v kontekste sovremennoi kul'tury*. [The traditional female costume of the Arbëreshë people in Italy in the context of modern culture]. XIII Kongress antropologov i etnologov Rossii: sbornik materialov. Kazan', 2–6 iulia 2019 g. [XIII Congress of Anthropologists and Ethnologists of Russia: a collection of materials. Kazan, July 2–6, 2019], edited by A.E. Zagrebin, M.Yu. Martynova, 458–459. Moscow; Izhevsk: IEA RAN, UIIIaL UrO RAN.
- Bellusci C., and F. D'Agostino. 2006. *Dizionario illustrato italiano-arbërisht-shqip. Storia e lingua albanese di Acquafredda, Civita, Ejanina, Firmo, Frascineto, Lungro, San Basile e dell'Albania*. [Illustrated dictionary english-arbërisht-shqip. History and Albanian language of Acqua-

- formosa, Civita, Ejanina, Firmo, Frascineto, Lungro, San Basile and of Albania]. Vol. I. Collana: Minoranze Linguistiche. Montalto Uffugo: Edizioni Orizzonti Meridionali.
- Di Natale M.C. 2000. *Gioielli di Sicilia*. [Jewels of Sicily]. Palermo: Flaccovio.
- Emmanuele D. 1988. *Arberia: storia, cultura e folklore*. [Arberia: history, culture and folklore]. Castrovillari.
- Gjergji A., 1988. *Veshjet shqiptare në shekuj. Origjina. Tipologjia. Zhvillimi*. [Albanian clothes for centuries. Origin. The typology. Development.]. Tiranë: Akademia e Shkencave e RPS të Shqipërisë: Instituti i Kulturës Popullore.
- Guagliardi D., 2004. *La comunità albanese di Sicilia*. [The Albanian community of Sicily]. *La Diversità Arbëreshe: La formazione, la storia, l'insediamento* [Arbëreshe Diversity: Formation, history, settlement]. Vol. I. Cosenza: Falco Editore.
- La Barbera M., 2007. Il costume e i gioielli di Piana degli Albanesi. [The costume and jewels of Piana degli Albanesi]. *Tracce d'Oriente, catalogo della Mostra* [Traces of the East, catalog of the exhibition], edited by M.C. Di Natale. Palermo.
- Manali P., 2005. *Hora e Arbëreshëvet. Piana degli Albanesi*. [Hora e Arbëreshëvet. Piana degli Albanesi]. Palermo: Comune di Piana degli Albanesi.
- Mastroberti F., 2008. *Le colonie albanesi nel Regno di Napoli tra storia e storiografia*. [The Albanian colonies in the Kingdom of Naples between history and historiography], 241–251. Bari: Università degli studi di Bari; Cacucci editore.
- Romata E. 1964. *I paesi italo-albanesi dell'italia meridionale*. [The Italian-Albanian countries of southern Italy]. l'Accademia Nazionale delle Scienze di Washington.
- Russo L. 1975. *Albanesi d'Italia*. [Albanians of Italy]. Palma Palermo.
- Schirò G.D. 2001. Il costume tradizionale femminile di Piana degli Albanesi: fronti iconografiche. [The traditional female costume of Piana degli Albanesi: iconographic fronts]. In *Miscellanea arbëreshe*, edited by Pietro Manali, 231–250. Quaderni di Biblos: Società e Istituzioni 30/6. Palermo: Unione dei Comuni Besa.
- Schirò G.D. 2009. Tradizione ed evoluzione nel costume femminile arbëresh. [Tradition and evolution in women's costume arbëresh]. In: *Biblos*: 91–104.
- Schirò S. 2014. Per una storia del brezi: la cintura tradizionale di Piana degli Albanesi negli scritti di Sidney J.A. Churchill. [For a history of brezi: the traditional belt of Piana degli Albanesi in the writings of Sidney J. A. Churchill]. *Rivista dell'Osservatorio per le arti decorative in Italia*. Palermo. DOI: 10.7431/RIV10082014.
- Sciascia S. 1966. Arte popolare e artigianato in Sicilia: Repertorio dell'artigianato siciliano. [Popular art and crafts in Sicily: repertoire of Sicilian crafts]. *Unione delle Commercio Industria ed Agricoltura della Regione Siciliana*. Rome: Salvatore Sciascia Editore.
- Thomai J. 2002. *Fjalor i shqipes së sotme*. [The dictionary of modern Albanian language]. Tiranë: TOENA.
- Zangari D. 1940. *Le Colonie Italo-Albanesi di Calabria*. [The Italian-Albanian colonies of Calabria Napoli]. Naples.

© М.С. Морозова, А.С. Дугушина

ПЛЕМЯ МРКОВИЧИ НА ЮГЕ ЧЕРНОГОРИИ: ИЗУЧЕНИЕ БРАЧНОЙ ГЕОГРАФИИ

Статья посвящена браку и брачным стратегиям славяноязычной племенной общности мрковичей (mrkovići) на юге Черногории в зоне славянско-албанских контактов на западе Балкан. Рассматриваемая общность демонстрирует связь видимых результатов контакта в лексической системе мрковичского говора с этносоциальной ситуацией в регионе в целом и в отдельно взятых селах. В центре внимания находится брачная география мрковичей – картографированные направления и частотность брачных контактов, отражение в них тенденций племенной эндогамии и экзогамии и влияние на практики межэтнического взаимодействия. Подробно анализируются брачные контакты четырех населенных пунктов региона: Дапчевичи (Dapčevići), Луне (Lunje), Добра-Вода (Dobra Voda), Веля-Горана (Velja Gorana). Исследование основано на материалах полевых интервью, проведенных авторами в селах мрковичей в ходе нескольких сезонов экспедиций 2012–2015 гг. Исследование включает в себя истории отдельных семей и родов в широком контексте социальных, исторических и языковых изменений. Брачные контакты мрковичей с их соседями визуализированы с помощью программного обеспечения Gephi, позволяющего получить четкое представление о географии браков мрковичей, плотности и направлениях их брачных связей. После рассмотрения частных случаев каждого из четырех сел предлагаются некоторые обобщения о динамике брачных контактов и специфике возникновения этнической и языковой экзогамии у мрковичей. В заключении сделана попытка использовать результаты, полученные при анализе брачной географии мрковичей, для реконструкции общей картины славянско-албанского взаимодействия в условиях пограничья. Данные о брачных связях современных семейств в общности Мрковичи, сохраняющих свою «племенную» идентичность и память о нескольких поколениях предков, дополняют и уточняют сведения о миграционных процессах и этноязыковой ситуации прошлого на юге Черногории. Эти данные также расширяют представление о гетерогенности самого племени: дистрибуция брачных связей показывает, что, с одной стороны, племенная территория состоит из нескольких «брачных зон», соотносящихся с расселением старожильческого и пришлого населения и, с другой стороны, направления брачных контактов отражают развитие межэтнических связей мрковичей с соседними регионами.

Морозова Мария Сергеевна – к.ф.н., старший научный сотрудник отдела сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков и ареальных исследований, Институт лингвистических исследований РАН (199004 Санкт-Петербург, Тучков пер., 9). Эл. почта: morozovamaria86@gmail.com
Дугушина Александра Сергеевна – к.и.н., научный сотрудник отдела европеистики, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук (199034 Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 3). Эл. почта: dygi@inbox.ru

Ключевые слова: брачные контакты, Черногория, племя, мрковичи, славяне-мусульмане, албанцы, этническая экзогамия, славянско-албанские контакты

Введение

Для изучения контактных изменений в языках и диалектах полиэтнических, многоязычных и поликультурных сообществ Балканского полуострова важное значение имеет учет воздействия экстралингвистических факторов – культурных, этнических, конфессиональных, социально-политических. Представление о балканском языковом и культурном контакте прошлого и настоящего можно получить, исследуя его проявления на всех уровнях функционирования современных многоязычных сообществ, «от микроуровня семьи, махалы и села до макроуровня географической области, региона и государства» (Русаков, Соболев 2008: 15).

Исследованию межэтнических контактов и славянско-албанского двуязычия в различных балканских регионах (Curtis 2012, с библиографией; Соболев, Новик 2013, с библиографией; Морозова, Русаков 2018), албанизации славяноязычного и славянизации албаноязычного населения (Селищев 1931 и др.), социального порядка и структуры семьи албанцев и южных славян (Ровинский 1897; Šufflay 1925; Durham 1928; Ђурђевић 1984; Stoianovich 1994; Иванова 1988; Norcsa 2001; Todorova 2006) посвящено достаточно много работ. Одной из основных зон славянско-албанских контактов на западе Балкан является область вокруг озера Скадар, на границе современных Албании и Черногории. С раннего средневековья тесным контактам между албанцами и славянами в этой области и двустороннему славянско-албанскому двуязычию способствовали повседневные бытовые контакты – выпас скота на горных пастбищах, торговля и другие хозяйственно-экономические связи (Соболев 1990: 15), обычаи кумовства и поборимства, устанавливавшие отношения духовного родства, и не в последнюю очередь – родственные отношения, возникавшие вследствие смешанных браков (Hammel 1968; Каууба 1988: 91; Kaser 2008: 51–57). В османский период важным фактором для славянско-албанского взаимодействия на севере Албании и юге Черногории была исламизация части населения, что, вероятно, привело к укреплению брачных контактов внутри местного мусульманского сообщества, состоящего из албанцев и славян.

Рассматриваемый в статье пример славяноязычной племенной общности мрковичей на юге Черногории демонстрирует связь видимых результатов контакта в лексической системе мрковичского говора с этносоциальной ситуацией в регионе в целом и в отдельно взятых селах. В центре внимания находится брачная география мрковичей – картографированные направления и частотность брачных контактов, отражение в них тенденций племенной эндогамии и экзогамии и влияние на практики межэтнического взаимодействия¹.

¹ Терминами *племя* (серб. и черног. *племя/pleme*) у славян и *фис* (алб. *fis*) у албанцев принято обозначать группу людей, которые ведут свое происхождение от общего предка. Позднесредневековая племенная организация общества на территории западных Балкан, проявления которой сохраняются вплоть до нашего времени, характеризуется скорее не наличием реального или мифического предка, а проживанием нескольких родов с разным этническим происхождением (славянским, албанским, влашским) на общей закрепленной территории (Bogišić 1874: 514; Ердельяновић 1926/1997; Vanović 2015: 44). Браки внутри племени, или «племенная эндогамия», – явление, типичное для большинства черногорских племен, как правило, состоящих из нескольких родов, каждый из которых происходит от своего предка по мужской линии. Что касается экзогамных брачных связей с албанским населением соседних районов, известно, что схожая традиция существовала у племени кучей на юго-востоке Черногории (Ровинский 1897: 81–82; Ердельяновић 1907/1981: 117, 158–172; Каууба 1988: 91).

Брак и брачные стратегии, как представляется, могут быть важным инструментом в изучении языковой и этнической контактной ситуации. Следует заметить, что на Балканах долгое время не было систематической регистрации брачных отношений, и до XX в. относительно трудно реконструировать их специфику (Todorova 2006; Papa-Pandelejmoni 2012). Тем не менее полевые материалы, которые все еще можно собрать в различных балканских регионах, могут пролить некоторый свет на то, что происходит и происходило в этих регионах в (не столь отдаленном) прошлом. С глубиной статистической точки зрения эти эмпирические данные о родстве имеют, как правило, отрывочный и не полностью репрезентативный характер, но с точки зрения социальной истории и антропологии они представляют большой интерес.

Данное исследование основано на материалах полевых интервью, проведенных авторами в селах мрковичей в ходе нескольких сезонов экспедиций 2012–2015 гг.¹ Исследование включает в себя истории отдельных семей и родов в широком контексте социальных, исторических и языковых изменений. В качестве источников были использованы старые переписи и публикации сербских и албанских историков, диалектологов и этнографов (Joviћević 1922; Vuјović 1969; Pulaha 1974; Пејовић, Катисода 2009 [1879]), а также работы современных местных исследователей (Metanović 2012). Брачные контакты мрковичей были визуализированы с использованием программного обеспечения Gephi с открытым исходным кодом для сетевого анализа в виде «синхронных» наборов связей, соединяющих различные села мрковичей и их соседей. Такой способ визуализации позволяет получить четкое представление о географии браков мрковичей, плотности и направлениях их брачных связей.

Основные сведения об изучаемом регионе

Племя мрковичей на юге Черногории. Племенная область, или крайна², Мрковичи расположена в полиэтничном регионе Черногорского Приморья, на юге Черногории, к юго-востоку от города Бара. Крайна очерчена такими географическими константами, как горные хребты Лисинь и Румия на севере, массив Суторман на северо-западе, Адриатическое море на западе, хребет Можура на юге и река Меджуреч на востоке. На территории крайны расположено около двух десятков поселений (Рис. 1). Часть из них – относительно крупные села, в которых может проживать несколько родов. Остальные – небольшие *заселки* (серб. и чрнг. *zaselak/zaselak*), или кварталы, где обычно живут представители одного рода. С административной точки зрения заселки относятся к какому-либо крупному селу, но могут быть территориально удалены от него. В северо-западной части крайны находятся Дабезичи вместе с заселком Дапчевичи, Добра-Вода, Грдовичи, Лесковац, Печурице в заселком Равань, Веле-Село вместе с заселком Луне, и ныне опустевшие высокогорные поселения Меджуреч, Мали-Микуличи и Вели-Микуличи. В юго-восточной части лежат села Куне, Мала- и Веля-Горана, Пелинковичи и село Вукичи (также известное как Шкрета, от алб. *i/e*

¹ Коллектив экспедиций: А.Н. Соболев (рук., ИЛИ РАН), А.А. Новик (МАЭ РАН), М.С. Морозова (ИЛИ РАН), А.С. Дугушина (МАЭ РАН), Д.С. Ермолин (МАЭ РАН), А.Л. Макарова (ИЛИ РАН).

² Данный термин (серб. и хорв. *krajina*, алб. *krahinë*, болг. *краице* – от слав. **krajъ* ‘конец, отрезок’) используется в исследованиях по балканистике для обозначения минимальной антропогеографической территориальной единицы – небольшого района, представляющего единство в географическом, экономическом и этнографическом отношениях, но неоднородного по своему этническому и лингвистическому составу (Соболев 2013: 98).

shkretë ‘заброшенный; негодный’). Жители северо-западных сел считают себя «истинными мрковичами» (мрк. диал. *právi mrvkovići*), противопоставляя себя Горане. Жители Мала- и Веля-Гораны называют себя «горанцами» (мрк. диал. *goranci*), но также могут сказать, что они принадлежат к сообществу мрковичей.

Согласно последней переписи, крайна Мрковичи насчитывает 3346 жителей (Census 2011). Большая часть населения юга Черногории была исламизирована в XVIII–XIX вв. Исламизация охватила и мрковичей, и сегодня подавляющее большинство причисляющих себя к этому сообществу – мусульмане. Лишь несколько православных семей проживает в селе Добра-Вода.

Племя мрковичи принадлежит к старому населению региона: упоминания о мрковичах обнаруживаются в венецианских документах XVII в. (*Metanović* 2012), османских переписях на юге Черногории и Албании (*Pulaha* 1974), а также в описании Мариана Болицы 1614 г., в котором перечислено большинство сел, относящихся к современной территории мрковичей: Микуличи (*Michulich*), Грдовичи (*Gradoevich*),

Рис. 1. Карта племенной территории Мрковичи на юге Черногории.

Добра-Вода (*Dobra Voda*), Куне (*Cumgni*), Равань (*Raće*) и Горана (*Gorana*) (*Bolizza* 1866 [1614]: 297). Как полагает сербский этнограф Андрия Йовичевич, род мрковичей происходил из высокогорного села Микуличи, представители которого спустились в менее гористую местность в XIV или XV в. (*Jovičević* 1922: 62). Тем не менее большая часть современного племени мрковичей состоит из пришлых родов,

прибывших в регион в османское время из отдаленных районов Черногории и Албании. Причинами переселения чаще всего были либо кровная месть, либо действия османских чиновников в отношении христианских сербов и албанцев (Boehm 1986: 43). Семейные истории о далеких предках, которым пришлось бежать от кровной мести, можно услышать и в настоящее время среди славян-мусульман юга Черногории (см. полевые записи о трансграничной миграции из-за кровной мести у *Tošić* 2017: 88). Однако более важно то, что в XIX в. область Мрковичи и прилегающие к ней районы, исламизированные в XVIII в., привлекали славяноязычных мусульман, изгнанных или бежавших с территорий, контролируемых православными черногорцами. Согласно данным из работ П. Ровинского (1897) и А. Йовичевича (1922), многие семьи появились в южной части Черногории и присоединились к сообществу мрковичей именно в это время.

Мрковичи и их соседи. Ближайшими соседями мрковичей являются другие исламизированные черногорские племена (в селах Залево, Туджемили и Пода) на северо-западе и мусульманское (по большей части) и католическое население албаноязычных районов юга Черногории: крайны Ана-э-Малит на востоке, крайн Шестан и Края на севере и северо-востоке, города Улциня и его окрестностей на юго-востоке. Важным в этнографических источниках первой половины и середины XX в. является упоминание о тенденции нескольких мрковичских сел к установлению брачных контактов с албанцами и, как следствие, двуязычии их жителей (*Jovičević* 1922: 113; *Vujović* 1969: 79).

В настоящее время албанских невесток из Ана-э-Малит, Шестана, Края и Улциня, а также из Албании можно встретить почти во всех селах мрковичей, однако лишь в селах, расположенных вблизи «границы» с албанцами, то есть в юго-восточной части крайны, этническая и языковая экзогамия преобладает (*Дугушина, Морозова* 2016; *Морозова, Русаков* 2018: 274–275). Двуязычная ситуация характерна для сел Лесковац, Пелинковичи, Вукичи и Веля-Горана, в которых почти во всех семьях есть албаноязычные жены/невестки/бабушки (*Соболев* 2015: 545). В монолингвальных селах северо-запада племенной области, например в Добра-Воде и в заселке Луне, албанские жены не используют родной язык в повседневном общении, и албанский язык не выучивается детьми (*Морозова* 2017: 225).

Тем не менее во всех селах южнославянский мрковичский говор содержит следы албанского влияния в лексике, фонетике и синтаксисе (*Vujović* 1969; *Morozova* 2021, в печати). Например, в такой показательной группе лексики, как терминология кровного родства, наряду с турцизмами типа *bábo* 'отец', *ádža* 'дядя по отцу', *dája* 'дядя по матери', *hála* 'тетка по отцу', *téza* 'тетка по матери', распространенными у балканских мусульман (албанцев, боснийцев, торбешей, славян-мусульман Голоборды, см.: *Морозова* 2013), обнаруживаются албанские лексемы (*džyš* 'дед', *nanabába* 'бабка по отцу'), кальки (*babovéjli* 'дед по отцу', букв. «большой отец», ср. алб. *tatamádh*) и семантические модели, схожие с албанскими: напр. терминологическое неразличение внука и племянника: мрк. диал. *únuk*, ср. лит. алб. *nip* 'внук, племянник' и серб. и чрнг. *унук/unuk* 'внук', *синовац/sinovac* и др. 'племянник' (*Дугушина, Морозова* 2014; *Morozova* 2019). Албанские лексемы известны во всех селах крайны, оцениваются представителями сообщества мрковичей (в том числе монолингвальными) как архаичные и престижные (мрк. диал. *právo mrkóvsko* 'истинно мрковичское', *starínsko* 'старинное').

В этой ситуации интерес представляет выяснение путей распространения албанского контактного влияния в говоре мрковичей. Была ли это речь албанских невесток, которых брали, по-видимому, во все села мрковичей, идиом двуязычных славянок из Веля-Гораны, выдаваемых в другие села крайны, либо следует предполагать иной источник? Более точная реконструкция картины славянско-албанского этнического и языкового взаимодействия в регионе требует, как представляется, более глубокого понимания брачных стратегий мрковичей и их отношений с соседями.

О чем может рассказать брачная география мрковичей?

В поисках ответа на этот вопрос мы обратились к анализу брачных контактов племени мрковичей. Исследование, результаты которого представлены в этом разделе, основано на материалах интервью, проведенных нами в 2013–2015 гг. в четырех репрезентативных селах крайны Мрковичи: в Добра-Воде, Луне, Дапчевичах и Веля-Горане. Корпус материалов включает 133 брака разной степени давности (период с 1850 по 2010 годы) и разной направленности: охвачены все села крайны Мрковичи, а также брачные связи за ее пределами – браки с соседними албанскими и славянскими крайнами, и трансграничные связи с соседними государствами. Наши информанты предоставили различные сведения о брачных контактах не только представителей своего рода, но и других семейств племени мрковичи, которые были также учтены в нашем анализе. Эти данные, полученные в результате прямого опроса информантов, с достаточно высокой степенью достоверности представляют брачную географию племени мрковичей и учитывают частотность и направление брачных связей с другими селами региона, а также наличие браков между старожильческими и пришлыми братствами внутри сел.

Луне и Дапчевичи. Для старожильческого рода Лунич, проживающего в высокогорном заселке Луне и состоящего из нескольких семейств, круг постоянно поддерживаемых брачных контактов довольно узок и ограничивается ближайшими соседями. Изначально предпочтение, вероятно, отдавалось старым селам Дабезичи, Микуличи, Меджуреч (последнее, согласно Л. Вуйовичу, ранее было билингвальным). Затем возникли тесные брачные контакты с родом Дапчевичей, предки которых пришли из Цетиня в конце XIX в. (*Joviћević* 1922: 115) и ныне живут в одноименном заселке, а также в поселениях Луне и Дабезичи на склоне горы Лисинь. Появление в Луне второго рода сделало возможным браки внутри села. В 1930-х гг. двое братьев Дапчевичей, женившись в Луне, остались жить в домах своих жен, поскольку из-за отсутствия у женщин братьев необходимо было заботиться об их родителях. Позднее браки между Дапчевичами и Луничами продолжились: одна невеста была привезена в Луне из заселка Дапчевичи в конце 1940-х гг., а одна из Луне отправилась в Дапчевичи в следующем поколении. Едва ли не единственная связь с Веля-Гораной относится к 1930-м гг., когда три осиротевшие сестры из Луния были разом выданы в Веля-Горану. Поскольку других связей Веля-Гораны с высокогорными поселениями мрковичей нет, этот контакт можно считать скорее исключением. Браки с албанками для Луничей не типичны.

В отличие от Луничей, которые придерживаются «старых» устоявшихся стратегий брака, невесты из Дапчевичей выдавались и в западную часть крайны Мрковичи (в Луне, Грдовичи), и в восточную – в билингвальное село Лесковац и моно-

лингвальные Куне и Мала-Горану, что, как можно предположить, могло послужить условием для «обратной связи». Некоторые брачные узы Дапчевичей не ограничиваются местным сообществом мрковичей и выходят за его пределы, связывая братство с албаноязычным селом Муричи в Шестане, селом Крута в окрестностях Улциня (с албанским католическим и славянским мусульманским населением), а также со славяноязычными мусульманскими селами, такими как Залево к северу от Бара.

Широта брачной географии Дапчевичей, вероятно, связана с не столь давним появлением этого братства в Мрковичах и изначальным отсутствием брачных контактов со старожильческими родами. Соответственно, из «нижних» сел в горные поселения Луне и Дапчевичи могли попадать билингвальные славянки и албанки, привносящие специфические особенности контактного характера в местный идиом. Албанское влияние могло проникать и через речь славянок из Мала-Гораны, которая тесно связана брачными узами с билингвальной Веля-Гораной.

Добра-Вода. В настоящее время Добра-Вода является самым крупным мрковичским селом с населением более 1000 человек (Census 2011). Село впервые упоминается в источниках с начала XVII в. (*Bolizza* 1866 [1614]) и, по-видимому, является одним из старейших сел крайны Мрковичи. О некоторых старожильческих родах известно, что они пришли в Добра-Воду вскоре после вторжения турок-османов на территорию Черногории. Роды Бошковичей, Вуковичей, Джуровичей, Ивановичей, Вучковичей и православные Павловичи до расселения на своих нынешних местах проживали, как предполагает А. Йовичевич, в высокогорных селах на склонах Лисиня (*Jovihević* 1922: 78–79). «Пришлые» роды появились в Добра-Воде в XIX в. Большинство из них происходят из соседних славяноязычных или албаноязычных регионов, однако некоторые пришли из более отдаленных районов и предположительно могли иметь албанские корни.

Поскольку население Добра-Воды состоит из нескольких десятков родов различного происхождения, неудивительно, что наиболее тесные брачные связи существу-

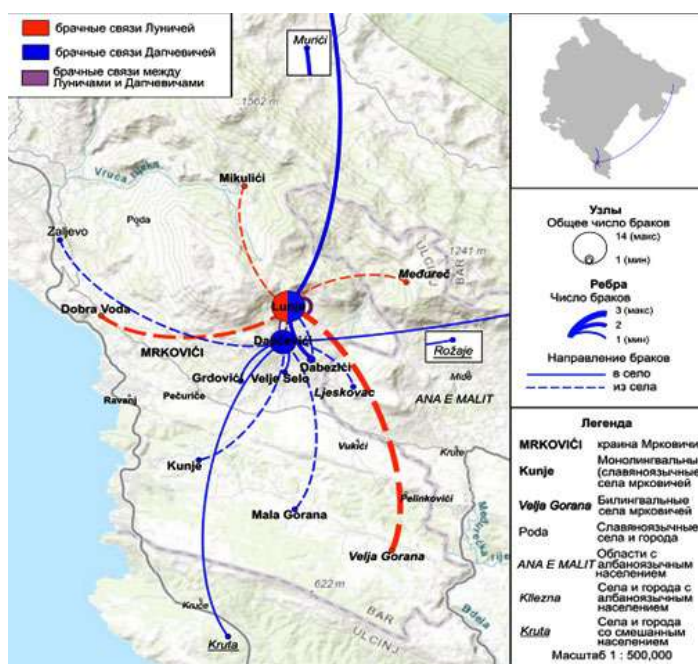

Рис.2. Брачные связи Луничей и Дапчевичей.

ют внутри села. Согласно нашим данным, 10 из 33 браков, которые были заключены жителями Добра-Воды в период с 1850-х по 2010-е годы, связывают роды, проживающие в самом селе, друг с другом. Помимо этого, невест нередко брали из высокогорных сел племенной территории мрковичей (Микуличи, Луне, Дабезичи, Печурице, Грдовичи) и монолингвальных сел низменности (Куне, Равань), а выдавали девушек по большей части в другие села (в Дабезичи, Куне, реже – в Мала- и Веля-Горану). Брачные отношения Добра-Воды с Микуличами и Грдовичами характеризует взаимный характер, вероятно, из-за того, что некоторые роды мигрировали из этих сел в Добра-Воду и сохранили старые брачные контакты. Только мрковичи, проживающие в Добра-Воде, поддерживают брачные связи с соседними славяноязычными племенами (Туджемили, Пода) и, как правило, берут из них невест. Для Добра-Воды в целом не характерна традиция браков с албанками и, несмотря на близкое соседство, мы не обнаруживаем здесь брачных связей с зоной тесных албанско-славянских связей, расположенной на границе с Ана-э-Малит (Пелинковичи, Лесковац). Сегодня в Добра-Воде встречаются невестки из албанской Шкодры и соседней албаноязычной области Ана-э-Малит, единичные для такого большого села, но это лишь примеры последних десятилетий, которые могли возникнуть вследствие либерализации подхода к выбору брачного партнера, характерной для настоящего времени.

Веля-Горана. Село Веля-Горана населяют три семейства: Ковачевичи, Вучичи и Османовичи. Их происхождение и история были реконструированы на основе полевых материалов в 2014–2015 гг. (Морозова, Русаков 2018: 288–290; Morozova 2020, в печати). Самое большое, семейство Ковачевичей, включает в себя два не связанных общим происхождением рода из разных этнических групп. Первый, по устному преданию, происходит от Данилы Ковачевича из окрестностей Грахова, города в черногорской общине Никшич. Опираясь на годы рождения его потомков, можно предположить, что переселение Данилы из Грахова в Веля Горану пришлось на конец 1850-х гг. и было связано

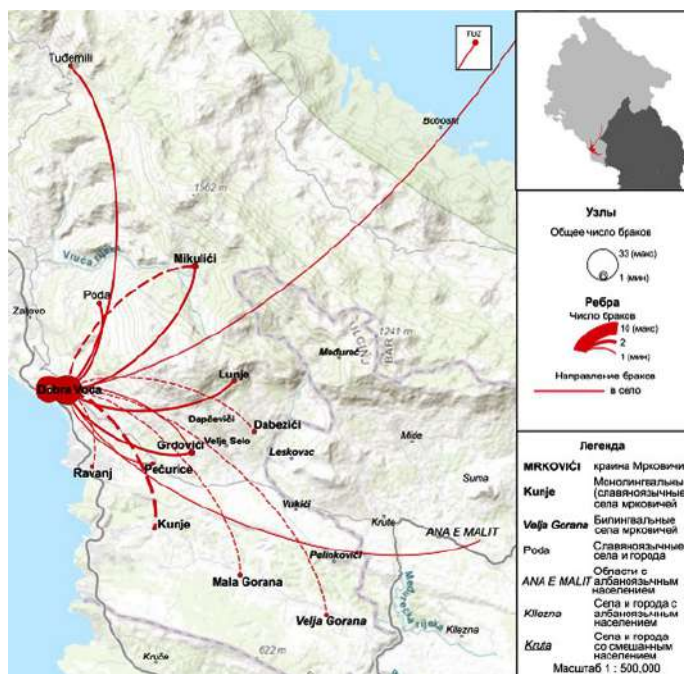

Рис. 3. Брачные связи жителей села Добра-Вода.

с битвой при Граховаце 1858 г., после которой город Граховац и его окрестности были переданы Османской империей Черногории (Морозова, Русаков 2018: 289). Первые представители второго рода, первоначально называвшегося Та(х)ировичи / Та(х)ири (то есть потомки Тахира), мигрировали в Веля-Горану из албанского села Мида (Ана-э-Малит) в последние десятилетия XIX в. В настоящее время представители двух родов по-разному объясняют истории своего переселения и причины их объединения под одной фамилией. По одной из версий, Та(х)ировичи были вынуждены сменить фамилию и назваться Ковачевичами в 1905 г., когда в край пришла австро-венгерская армия. Обнаружив в Веля-Горане всего два дома, в каждом из которых жила отдельная семья под своей фамилией, австрийцы потребовали оставить только одну фамилию. По другой версии, Та(х)ировичей заставил поменять фамилию черногорский король Никола Петрович-Негош (1860–1918), а третья версия информантов свидетельствует о том, что фамилию им меняли турки (Там же: 289–290).

Внутри билингвального села Веля-Горана существуют давние брачные связи между братствами Ковачевичей и Вучичей: их предки происходят из разных регионов Черногории, поэтому племенная эндогамия допускается. В начале XX в. браки с Вучичами появляются в родословной Ковачевичей, и это может указывать на то, что Вучичи поселились в Веля-Горане в 1890–1910-х годах. По словам информантов, Вучичи изначально были католиками, что, вероятно, свидетельствует об их албанском происхождении (Морозова, Русаков 2018: 288), хотя в настоящее время большинство представителей Вучичей не говорят на албанском языке. Что касается последнего рода в селе, Османовичей, то в Веля-Горане живет лишь четвертое поколение этой семьи. Первый Османович, мигрировавший в село в 1930-е гг., по происхождению албанец из Ана-э-Малит, женил на женщине из Вучичей и переселился в дом родителей супруги¹.

Диакронический обзор данных показывает, что, помимо браков внутри села, среди наиболее ранних связей Веля-Гораны имеются брачные контакты с албанцами из Мида и Клезны и браки с Мала-Гораной. Повторяющиеся взаимные брачные связи с Мала-Гораной, очевидно, мотивированы близостью двух сел друг к другу. Брачный обмен с селом Мида, родным для Та(х)ировичей, вероятно, способствовал установлению более тесных связей между ними и Ковачевичами. Кроме того, яркой особенностью Веля-Гораны являются старые, более чем столетней давности, связи с близлежащим албанским селом Клезна, в отношении которого А. Йовичевич предполагал, что в старые времена она принадлежало к общине Мрковичи, но никаких дополнительных объяснений и доказательств этому интересному предположению не дается (Јовићевућ 1922: 113).

¹ Как показывают наши данные, мрковичи, как правило, следовали практикам патрилокального или вирилокального брака. Большинство из обследованных нами 133 брачных пар жили или живут вместе в родителями мужа в одном селе и ведут общее хозяйство. Неолокальность некоторых современных семей можно рассматривать как результат миграции из села в город и эмиграции в страны Европы и США с 1960-х годов по настоящее время. Только 7 из 133 браков – уксорилокальные, когда переезд мужа в дом жены соответствует традиционным нормам и практикуется в связи в особыми обстоятельствами: жена является единственным ребенком или младшей дочерью в семье без сыновей, и молодая семья заботиться о родителях жены. Если мужчина не имеет своего состояния и переезжает в дом своей жены из соображений выгоды, такая практика оценивается сообществом негативно: мрк. диал. *íde na mirás* ‘он идет ради приданого’, мрк. диал. *Na ženino imánje* ‘ради состояния/хозяйства жены’.

При выборе невест предпочтение отдается близлежащим албаноязычным селам крайны Ана-э-Малит и окрестностей Улциня (Клезна, Круте, Миде и Зогань), а также селу Велипое на противоположной стороне албанско-черногорской границы¹. Из этих пунктов происходят албанские невестки, которые есть практически в каждой семье в Веля-Горане. В свою очередь, девушки из Веля-Гораны часто выходят замуж в албанские или этнически смешанные села (Клезна, Круте, Крута, Велипоя) или двуязычные села общины Мрковичи, такие как Вукичи и Пелинковичи.

Таким образом, для Веля-Гораны хронологически более старыми являются связи с Ана-э-Малит, что неудивительно, учитывая близкое соседство и албанское происхождение части родов, проживающих в этом селе. Дальнейшее расширение брачной географии охватывает албанские села приморской зоны и ближайшие мрковичские села, однако контакты с «истинными» мрковичами на северо-западе племенной территории на протяжении всей истории практически отсутствуют. В изначально славянской части сообщества Веля-Гораны довольно рано появляются брачные контакты с албанскими селами, а в изначально албанских семействах несколько позже закрепляются связи со славянскими родами. Тем не менее, все мужчины, рожденные в Веля-Горане, являясь билингвами, имеют локальную горанскую и мрковичскую идентичность, т.е. причисляют себя к славяноязычному сообществу мрковичей.

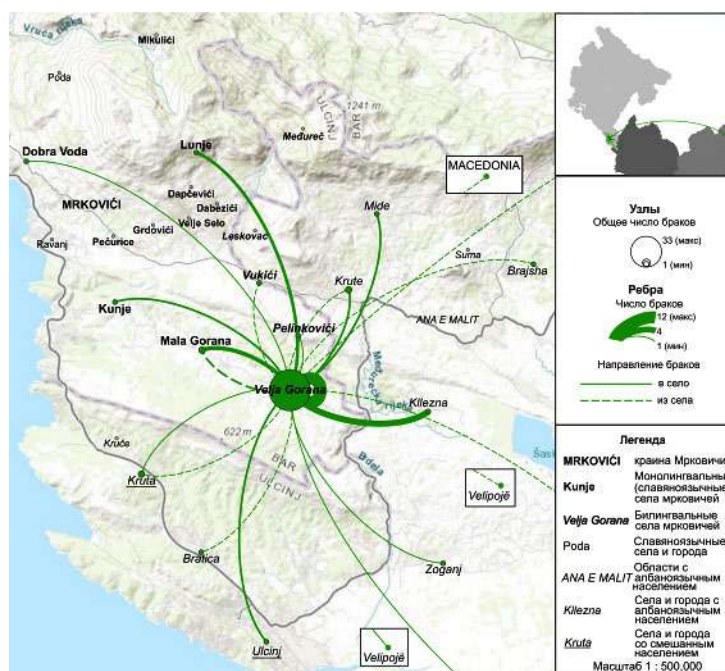

Рис. 4. Брачные связи села Веля-Горана.

¹ В отношении сел на территории Албании важно отметить, что политическая ситуация оказывала влияние на поддержание брачных контактов и ограничивала связи через границу. Например, перед закрытием границы между Социалистической Республикой Черногорией (СФРЮ) и Народной Республикой Албанией в 1962 г. Ковачевичи выдали невесту в село Велипоя. Во время коммунистического режима Энвера Ходжи семьи не поддерживали контактов друг с другом, поскольку государственная граница была закрыта и строго охранялась. После падения коммунистического режима в Албании связь сел была восстановлена, и в XXI в. девушка из Велипои вышла замуж в Веля-Горану.

Брачные контакты племени мрковичей. Как показано в предыдущих параграфах данного раздела, брачные контакты между различными братствами и селами могут быть важным фактором выстраивания отношений в сообществе. Семейные и генеалогические истории, собранные в селах Добра-Вода, Луне, Дапчевичи и Веля-Горана, могут послужить основой для некоторых обобщений о стратегиях брака племенной территории Мрковичи в целом и ее отношениях с ближайшими соседями.

На рис. 5 показана сеть брачных связей племени мрковичей, визуализированная с помощью программы Gephi. В отличие от вышеприведенных карт, точные географические местоположения и расстояния между селами не учитываются на этом графике. Группы (кластеры) узлов и их цвета отражают близость сел друг к другу на основе частоты браков между ними. Размер узла и исходящих из него линий (ребер) на графике соответствуют интенсивности связей (общее число браков, заключенных жителями села), а толщина ребер – количеству браков между двумя указанными селами.

Как можно видеть, большинство сел крайны Мрковичи объединены в компактные кластеры, примерно совпадающие с их географическим положением. Самые западные села образуют два кластера: один вокруг Добра-Воды (с селами Микуличи, Грдовичи, Равань и Печурице) и еще один – вокруг Луне (с селами Дабезичи и Меджуреч). Окрашивание одним цветом (светло-коричневый) указывает на то, что эти два кластера тесно связаны друг с другом. Они могут быть определены как основные для племенной территории Мрковичи. Кластер Добра-Воды включает в себя села, которые лежат в основной части крайны Мрковичи, и практикует типичные для сообщества брачные стратегии, такие как браки между родами внутри села, браки с близлежащими славяноязычными мусульманскими селами региона и весьма редкие брачные связи с албанцами. Кластер с заселком Луне в центре включает в себя несколько горных мрковичских сел, что обусловлено, по всей видимости, их относительной близостью друг к другу и высокогорной изоляцией от других.

Бледно-голубой цвет двух других кластеров с центрами в селлах Дапчевичи и Куне

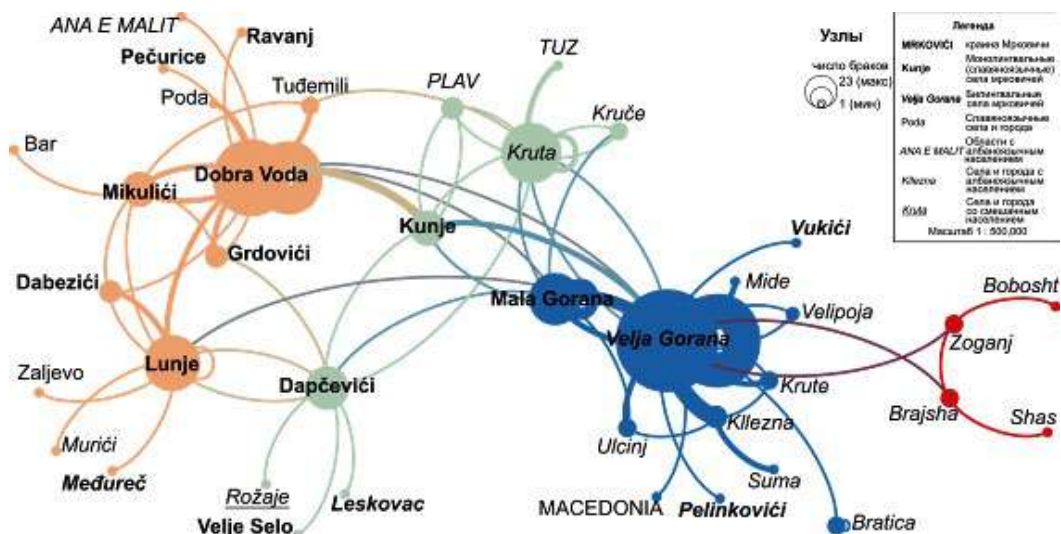

Рис. 5. Брачная география мрковичей и их соседей.

показывает, что брачные узы, характерные для этих сел, отличаются от типичной картины мрковичей. В случае с Дапчевичами это можно объяснить миграционным прошлым рода. Что касается Куне, то село географически попадает в зону между западной и восточной частями племенной территории, и его брачные связи, по-видимому, направлены как в основные села сообщества, так и в пункты за пределами крайны Мрковичи.

Обозначенные синим цветом кластеры с селами Мала-Горана, Веля-Горана, Вукичи и Пелинковичи, расположенными в восточной части племенной территории, не разделяют стратегии брака основных сел мрковичей. Они образуют кластеры с албанскими селами в регионе и за его пределами и имеют лишь редкие связи с западной частью племенной территории Мрковичи.

Заключение

В результате рассмотрения брачной географии нескольких репрезентативных сел крайны Мрковичи было установлено, что на протяжении более 150 лет их население сохраняет определенные брачные стратегии и направления брачных связей. Села восточной части крайны, расположенные по соседству с албаноязычными регионами, отличает традиция смешанных браков и, как следствие, билингвизм жителей. Для населения сел запада крайны («истинные мрковичи» из Добра-Воды и высокогорных поселений) характерна тенденция к заключению браков между собой. Исключением являются брачные контакты пришлого рода Дапчевичи, круг которых включает и «нижние» двуязычные села, откуда брали в жены билингвальных славянок, а также брачные связи западных сел с Мала-Гораной, где основным источником албанского языкового влияния, очевидно, была речь невесток из билингвальной Веля-Гораны. Таким образом, в монолингвальных селах крайны Мрковичи могло не быть албанского, но всегда присутствовал славянский билингвальный элемент, через который и происходило распространение албанского языкового влияния в системе мрковичского говора. В то же время наличие более или менее стабильных двуязычных ситуаций в таких селах, как Веля-Горана, позволяет экстраполировать наши наблюдения и на более отдаленное прошлое и предполагать, что этническая (и языковая) экзогамия могла быть устойчивой практикой во всем регионе Мрковичи и на территории южной Черногории в то время, когда миграции из славяноязычных районов не были массовыми (см. также об этом: Морозова, Русаков 2018; Morozova 2021, в печати). Ситуация в западных селах мрковичей и, вероятно, во всем районе изменилась в XIX в., когда большая часть населения прибыла из монолингвальных регионов Черногории. Пришлые роды, довольно значительные по численности, не стали следовать местной стратегии этнической (и языковой) экзогамии и, оставаясь монолингвальными, не устанавливали связей с соседними албаноязычными сообществами. В результате этническая экзогамия в настоящее время не характерна для всего племени мрковичей: она ограничена селами, которые расположены близко к этнической и языковой «границе» между албанцами и славянами.

На основе анализа наших данных можно выделить и другие закономерности в брачных практиках мрковичей. Прежде всего, следует признать, что единственная общая модель брака у мрковичей определяется строгой родовой экзогамией, а не религией, этнической принадлежностью, языком и другими факторами. Ти-

пичный балканский «симбиоз между старыми традиционными (часто языческими) практиками и ритуалами и более поздними религиозными нормами» (*Todorova* 2006: 31), вероятно, поддерживал сохранение экзогамии у мрковичей даже после их обращения в ислам.

Брачная география четырех сел племенной территории Мрковичи показала, что невест чаще всего брали из одного и того же села или ближайших пунктов, но отдавали, как правило, в более отдаленные села, что впоследствии становилось условием для «обратной связи»¹. Браки между родами внутри села можно объяснить их смешанным и частично миграционным характером. Пришлые роды стремились укреплять отношения со старожильческими через установление брачных контактов. Такое поведение сопоставимо со стратегией установления духовного родства между этнически и религиозно разными сообществами на Балканах (как, например, известные случаи установления крестного родства и кровного братства между православными черногорцами и католическими албанцами в Черногории (*Nopcsa* 2001; *Kaser* 2008)).

Политические границы, которые были довольно нестабильными в этом регионе в XIX и XX вв., похоже, не оказывали серьезного влияния на брачные контакты мрковичей с соседями. Единственным исключением является прерывание брачных контактов с албанскими селами во время политической изоляции Албании от Югославии во второй половине XX в. Брачные контакты с территорией Албании, которые находят свое продолжение уже после 1990-х годов после выхода страны из изоляции, типичны лишь для восточной части племенной области мрковичей. По всей видимости, более важным фактором, чем политические границы, были характерны для османского периода миграции, в ходе которых балканское население перемещалось из низменности в высокогорья и обратно, а также отход мусульманского населения из регионов, которые управлялись Османской империей, но в XIX в. попадали под контроль православных черногорцев (*Соболев* 2013: 149). На протяжении всего османского периода подобные миграции способствовали славянско-албанскому взаимодействию на юге Черногории и на севере Албании.

Данные о брачных связях современных семейств в крайне Мрковичи, сохраняющих свою «племенную» идентичность и память о нескольких поколениях предков, дополняют и уточняют сведения о миграционных процессах и этноязыковой ситуации прошлого на юге Черногории. Эти данные также расширяют представление о гетерогенности самого племени: дистрибуция брачных связей показывает, что, с одной стороны, племенная территория состоит из нескольких «брачных зон», соотносящихся с расселением старожильского и пришлого населения и, с другой стороны, направления брачных контактов отображают развитие межэтнических связей между населением крайны Мрковичи и соседними регионами.

Источники

Census 2011 – Popis stanovništva, domaćinstava i stanova u 2011. godini. Census of Population, Households and Dwellings in Montenegro. 2011. Tabela O17. Stanovništvo prema nacionalnoj, odnosno etničkoj pripadnosti po opštinama // Monstat. Zavod za statistiku Crne Gore. URL: <http://www.monstat.org/> (доступ от 02.08.2020).

¹ Здесь уместно сравнение стратегий черногорских племен в брачными стратегиями албанских *фисов* (*Иванова* 1988).

Научная литература

- Вујовић Л. Мрковићи дијалекат (с кратким освртом на сусједне говоре). Српски дијалектолошки зборник, 18. Београд: 1969. С. 73–399.
- Дугушина А.С., Морозова М.С. Культура семейного родства и родинной обрядности племени Мрковичи в условиях межэтнических и межъязыковых контактов в албанцами // XLIII Международная филологическая конференция: 11–16 марта 2014 г.: Тез. докл. СПбГУ, 2014. С. 147.
- Дугушина А.С., Морозова М.С. Мрковичи и их соседи: о чем может рассказать брачная география? // XLV Международная филологическая научная конференция, Санкт-Петербург, 14–21 марта 2016 г.: Тезисы докладов. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2016. С. 544–545.
- Ђурђевић Б. Постанак и развитак брдских, црногорских и херцеговачких племена. Одабрани радови (= Црногорска академија наука и умјетности. Посебни радови, 4). Титоград. 1984.
- Ердељановић Ј. Кучи // Ердељановић Ј. Кучи, Братоножићи, Пипери. Београд, 1981 [1907]. С. 1–343.
- Ердељановић Ј. Стара Црна Гора: Етничка прошлост и формирање црногорских племена // Ердељановић Ј. Стара Црна Гора: Етничка прошлост и формирање црногорских племена. Етничко сродство бокелја и црногораца. Подгорица, 1997 [1926]. С. 1–965.
- Иванова Ю.В. Албанци // Брак у народоџ Централној и Југо-Востоној Европџ / отв. ред. Ј.В. Иванова., М.С. Кашуба, Н.А. Красновој. Москва: Наука, 1988. С. 182–205.
- Јовићевић А. Црногорско приморје и Крајина // Српски етнографски зборник / Уред. Ј. Цвијић. Београд, 1922. Књ. 11. 171 с.
- Кашуба М.С. Народо Југославије // Брак у народоџ Централној и Југо-Востоној Европџ / отв. ред. Ј.В. Иванова, М.С. Кашуба, Н.А. Красновој. Москва: Наука, 1988. С. 182–205.
- Морозова М.С. Система терминов родства и семейный этикет // Голобордо (Gollobordë), Албанија. Из материјалов балканској експедициј РАН и СПбГУ 2008–2010 гг. / под ред. А. Н. Соболеџ, А. А. Новик. СПб.: Наука; München: Otto Sagner, 2013. С. 81–108.
- Морозова М.С. Албанский говор или говоры Гораны? Генезис и функционирование. Вестник СПбГУ. Язык и литература, 2017. № 14 (2). С. 222–237. DOI: 10.21638/11701/srbu09.2017.207.
- Морозова М.С., Русаков А.Ю. Черногорско-албанское языковое пограничье: в поисках «сбалансированного языкового контакта» // Slověne. 2018. Vol. 7. № 2. С. 258–302. DOI: 10.31168/2305-6754.2018.7.2.10.
- Пејовић С., Каписода М. (отв. ред.). Попис свега становништва Црне Горе по окружјима, варошима и селима (1879). Збирка докумената, 2. Цетиње, 2009.
- Ровинский П.А. Черногория в ее прошлом и настоящем. Том 2. Часть 1. Санкт-Петербург: Типография императорской Академии наук, 1897.
- Русаков А.Ю., Соболеџ А.Н. Субстанцијално-функциональная теория балканского языкового союза и славянские языки: Доклад. // XIV Международный съезд славистов (Охрид, Македония, 10–16 сентября 2008). СПб.: Наука, 2008.
- Селищев А.М. Славянское население в Албании (с иллюстрациями в тексте и в картую Албании). София, 1931.
- Соболеџ А.Н. Заметки о падежных системах сербохорватских говоров контактных зон // Јужнословенски филолог, 1990. № 41. С. 13–28.
- Соболеџ А.Н. Основы лингвокультурной антропогеографии Балканского полуострова. Т. I. Homo balcanicus и его пространство. СПб.: Наука; München: Otto Sagner, 2013.
- Соболеџ А.Н. Мрковичи (и Горана): языки и диалекты черногорского Приморья в контексте новейших балканистических исследований // Sprache und Kultur der Albaner. Zeitliche und räumliche Dimensionen. Akten der 5. Deutsch-albanischen kulturwissenschaftlichen Tagung. (5–8. Juni 2014, Buçimas bei Pogradec, Albanien) / hrsg. von B. Demiraj. Wiesbaden: Harrasowitz, 2015. P. 533–556.

- Соболев А.Н., Новик А.А.* (ред.). Голобордо (Gollobordë), Албания. Из материалов балканской экспедиции РАН и СПбГУ 2008–2010 гг. Санкт-Петербург: Наука, München: Otto Sagner, 2013.
- Banović B.* The Montenegrin Warrior Tradition: Questions and Controversies over NATO Membership. New York, 2015.
- Boehm Ch.* Blood Revenge: The Enactment and Management of Conflict in Montenegro and Other Tribal Societies. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1986.
- Bogišić V.* Zbornik sadašnjih pravnih običaja u južnih slovena. Knjiga prva. Gragja u odgovorima iz različnih krajeva slovenskoga juga. Zagreb, 1874.
- Bolizza M.* “Relatione et descriptione. Del Sangiacato di Scuttari, dove si da piena contezza delle citta et siti loro, villagi, case et habitatori, rito, costumi, havere et armi di quei popoli et quanto di considerabile minutamente si contenga in quel ducato, fatta da Mariano Bolizza, nobile di Cattaro. Di Venetia, li 25 maggio 1614” // *Turcs et Monténégrins* / ed. by Lenormant F. Paris, 1866 [1614]. P. 286–330.
- Curtis M. C.* Slavic-Albanian Language Contact, Convergence, and Coexistence. Ph.D. thesis. Ohio: the Ohio State University, 2012.
- Durham M.E.* Some tribal origins, laws and customs of the Balkans. London, 1928.
- Hammel E.A.* Alternative Social Structures and Ritual Relations in the Balkans. Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1968.
- Kaser K.* Patriarchy after Patriarchy: Gender Relations in Turkey and in the Balkans, 1500–2000. Berlin – Wien: Lit Verlag, 2008.
- Metanović M.* Istorija Mrkojevića // Nevladina organizacija Mrkojevići, 2012. URL: <http://mrkojevići.me/istorija.html/> (accessed on 02.01.2019).
- Morozova M.* Language Contact and Social Context: Kinship Terms and Kinship Relations of the Mrkovići in Southern Montenegro // *Journal of Language Contact*. 2019. № 2. Pp. 305–343. DOI:10.1163/19552629-01202003.
- Morozova M.* “Balanced language contact” in social context: Velja Gorana in southern Montenegro // *Between separation and symbiosis: Southeastern European languages and cultures in contact* / ed. by A. N. Sobolev. De Gruyter, 2021. В печати.
- Nopcsa F.B.* Reisen in den Balkan. Die Lebenserinnerungen des Franz Baron Nopcsa. Eingeleitet, herausgegeben und mit Anhang versehen von Robert Elsie. Dukagjini Balkan Books. Peja: Dukagjini, 2001.
- Papa-Pandelejmoni E.* Marriage in Shkodra in the first half of the 20th Century. Micro-level Data and challenges to Macro-Theories // *Albania. Family, Society and Culture in the 20th Century* / edited by A. Hemming, G. Kera and E. Pandelejmoni. Münster: LIT Verlag, 2012. P. 51–66.
- Pulaha S.* Defteri i regjistrimit të Sanxhakut të Shkodrës i vitit 1485. Tiranë, 1974.
- Stoianovich T.* *Balkan Worlds: The First and Last Europe*. New York: M.E. Sharpe, 1994.
- Šufflay M.* Srbi i Arbanasi (njihova simbioza u srednjem vijeku) // Библиотека архива за арбанаску старину, језик и етнологију. Историска серија. 1 / уред. X. Барић. Београд, 1925.
- Todorova M.* Balkan family structure and the European pattern: demographic developments in Ottoman Bulgaria. Second updated, rev. and enl. edition. Budapest – New York: CEU Press, 2006.
- Tošić J.* Travelling genealogies: tracing relatedness and diversity in the Albanian Montenegrin borderland // *Migrating borders and moving times: temporality and the crossing of borders in Europe* / edited by H. Donnan, M. Hurd and C. Leutloff-Grandits. Manchester University Press, 2017. P. 80–101.
- Morozova, Maria S., and Dugushina, Alexandra S.**

Pleme Mrkovići in southern Montenegro: A study of marriage geography

DOI: 10.33876/2311-0546/2020-52-4/64-82

The article analyses marriage and marriage strategies of the Slavic-speaking pleme community of Mrkovići in southern Montenegro with special attention paid to Slavic-

Albanian contacts in the western Balkans. The community demonstrates the visible results of the contact in the lexical system of the Mrkovići dialect with the ethnic and social situation in the region in whole as well as in separate villages. We focus on the marriage geography of Mrkovići mapping directions and frequency of marriage contacts, their reflection on community's endogamy and exogamy and their influence on interethnic communication practices. The marriage contacts of four settlements of the Mrkovići are analysed in detail: Dapčevići, Lunje, Dobra Voda, and Velja Gorana. The study is based on the fieldwork data collected by the authors in the villages of Mrkovići during several expeditions in 2012–2015. The study includes the family and lineage histories in the broad context of social, historical and linguistic changes. Marriage contacts of Mrkovići with their neighbours are visualized using Gephi software, which makes clear Mrkovići's geography of marriages, the density and directions of their marriage ties. After considering the four village cases, we offer some generalizations regarding the dynamics of the community's marriage network and specifics of ethnic and linguistic exogamy among the Mrkovići.

In conclusion, we attempt to use the results on Mrkovići marriage geography for the reconstruction of the general picture of Slavic-Albanian ethnic and linguistic interactions within the border area. The data on the marriage contacts of the modern Mrkovići families preserving their "tribal" identity and memory of several generations of ancestors, complements and clarifies the migration processes and ethno-linguistic situation in the past in the South of Montenegro. These data also expand the understanding of heterogeneity of the community itself: the distribution of marriage ties shows that, on the one hand, the tribal territory consists of several "marriage zones" correlated with the settlement of old-timers and newcomers, and on the other hand, the directions of marriage contacts reflect the development of interethnic contacts of Mrkovići with neighbouring regions.

Key words: marriage network, Montenegro, pleme, Mrkovići, Slavic Muslims, Albanians, ethnic exogamy, Slavic-Albanian contacts

* **Morozova, Maria S.** – senior researcher, Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg, Russia). E-mail: morozovamaria86@gmail.com

Dugushina, Alexandra S. – researcher, Peter the Great's Museum of Anthropology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg, Russia). E-mail: dygi@inbox.ru

References

- Banović, B. 2015. *The Montenegrin Warrior Tradition: Questions and Controversies over NATO Membership*. New York.
- Boehm, Ch. 1986. *Blood Revenge: The Enactment and Management of Conflict in Montenegro and Other Tribal Societies*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press.
- Bogišić, V. 1874. *Zbornik sadašnjih pravnih običaja u južnih slovena. Knjiga prva. Gragja u odgovorima iz različnih krajeva slovenskoga juga* [A collection of current legal customs of South Slavs. Book one. Materials in answers from different parts of the Slavic south.]. Zagreb.
- Bolizza, M. 1866 [1614]. "Relatione et descriptio. Del Sangiacato di Scuttari, dove si da piena contezza delle città et siti loro, villagi, case et habitatori, rito, costumi, havere et armi di quei popoli et quanto di considerabile minutamente si contenga in quel ducato, fatta da Mariano Bolizza, nobile di Cattaro. Di Venetia, li 25 maggio 1614" [Relation and description of the Sangiacato di Scuttari, where there is full knowledge of the cities and their sites, villages, houses and habitators, rites, customs, havere and weapons of those peoples and what is minutely considered in that duchy, made by Mariano Bolizza, noble of Kotor. Di Venetia, May 25, 1614]. In *Turcs et Monténégrins* [Turks and Montenegrins], edited by F. Lenormant, 286–330. Paris.

- Curtis, M.C. 2012. *Slavic-Albanian Language Contact, Convergence, and Coexistence*. Ph.D. thesis, Ohio State University.
- Dugushina, A.S., Morozova, M.S. 2014. Kul'tura semeynogo rodstva i rodninnoy obryadnosti plemeni Mrkovići v usloviyakh mezhetnicheskikh i mezhyazykovykh kontaktov s albantsami [The culture of family kinship and birth rituals of the Mrkovići tribe in the context of interethnic and language contacts with the Albanians]. In *XLIII Mezhdunarodnaya filologicheskaya konferentsiya*: 11–16 marta 2014 g. Tezisy dokladov [XLIII International philological conference 11–16 march 2014. Abstracts], 147. St. Petersburg.
- Dugushina, A.S., Morozova, M.S. 2016. Mrkovići i ikh sosedi: o chem mozhet rasskazat' brachnaya geografija? [Mrkovići and their neighbors: what the marriage geography tells?]. In *XLV Mezhdunarodnaya filologicheskaya nauchnaya konferentsiya, St. Petersburg, 14–21 marta 2016 g. Tezisy dokladov* [XLV International philological conference 11–16 march 2016. Abstracts], 544–545. St. Petersburg: Filologicheskii fakul'tet SPbGU.
- Durham, M. E. 1928. *Some tribal origins, laws and customs of the Balkans*. London.
- Đurđev, B. 1984. *Postanak i razvitak brdskih, crnogorskih i hercegovačkih plemena. Odabrani radovi* (= *Crnogorska akademija nauka i umjetnosti. Posebni radovi*, 4) [Origin and development of mountain, Montenegrin and Herzegovinian tribes. Selected papers (= Montenegrin Academy of Sciences and Arts. Special papers, 4)]. Titograd.
- Erdeljanović, J. 1981 [1907]. Kući [Kući]. In *Kući, Bratonožići, Piperi*, edited by J. Erdeljanović, 1–343. Beograd.
- Erdeljanović, J. 1997 [1926]. Stara Crna Gora: Etnička prošlost i formiranje crnogorskih plemena [Old Montenegro: Ethnic past and formation of Montenegrin tribes]. In *Stara Crna Gora: Etnička prošlost i formiranje crnogorskih plemena. Etničko srodstvo bokelja i crnogoraca* [Old Montenegro: Ethnic past and formation of Montenegrin tribes. Ethnic relationship of Bokelja people and Montenegrins], edited by J. Erdeljanović, 1–965. Podgorica.
- Hammel, E. A. 1968. *Alternative Social Structures and Ritual Relations in the Balkans*. Englewood Cliffs: Prentice-Hall.
- Ivanova, Yu. V. 1988. Albantsy [Albanians]. In *Brak u narodov Tsentral'noy i Yugo-Vostochnoy Yevropy* [Marriage among the people of Central and South-East Europe], edited by Yu.V. Ivanova, M.S. Kashuba and N.A. Krasnovskaya, 182–205. Moscow: Nauka.
- Jovičević, A. 1922. Tsrnogorsko Primorje i Krajina [Montenegrin Primorje and Krajina]. In *Srpski yetnografski zbornik* (11), edited by J. Tsvijić, 1–171. Beograd.
- Kaser, K. 2008. *Patriarchy after Patriarchy: Gender Relations in Turkey and in the Balkans, 1500–2000*. Berlin; Wien: Lit Verlag.
- Kashuba, M.S. 1988. Narody Yugoslavii [Peoples of Yugoslavia]. In *Brak u narodov Tsentral'noy i Yugo-Vostochnoy Yevropy* [Marriage among the people of Central and South-East Europe], edited by Yu.V. Ivanova, M.S. Kashuba and N.A. Krasnovskaya, 182–205. Moscow: Nauka.
- Metanović, M. 2012. Istorija Mrkojevića [The history of Mrkovici]. In *Nevladina organizacija Mrkojevići* [Nongovernmental organization Mrkojevici]. <http://mrkojevici.me/istorija.html> (accessed on 02.01.2019).
- Morozova, M. S. 2013. Sistema terminov rodstva i semeynyy etiket [System of kinship terms and family etiquette]. In *Golobordo (Gollobordë), Albaniya. Iz materialov balkanskoy ekspeditsii RAN i SPbGU 2008-2010 gg.* [Golobordo (Gollobordë), Albania. From the materials of the Albanian expedition of RAS and Saint Petersburg State University], edited by A.N. Sobolev and A.A. Novik, 81–108. St. Petersburg: Nauka; München: Otto Sagner.
- Morozova, M.S. 2017. Albanskiy govor ili govory Gorany? Genezis i funkcionirovaniye. [Albanian dialect or dialects of Gorana? Genesis and functioning]. *Vestnik SPbGU. Yazyk i literature* 14 (2): 222–237. DOI: 10.21638/11701/spbu09.2017.207.

- Morozova, M.S., and A.Yu. Rusakov. 2018. Chernogorsko-albanskoye yazykovoye pogranich'ye: v poiskakh «sbalansirovannogo yazykovogo kontakta» [Montenegrin-Albanian linguistic borderlands: in search of “balanced language contact”]. *Slověne* 7 (2): 258–302. DOI: 10.31168/2305-6754.2018.7.2.10.
- Morozova, M. 2019. Language Contact and Social Context: Kinship Terms and Kinship Relations of the Mrkovići in Southern Montenegro. *Journal of Language Contact* (2): 305–343. DOI:10.1163/19552629-01202003.
- Morozova, M. 2021. “Balanced language contact” in social context: Velja Gorana in southern Montenegro. In *Between separation and symbiosis: Southeastern European languages and cultures in contact*, edited by A.N. Sobolev. De Gruyter. In print.
- Nopcsa, F.B. 2001. *Reisen in den Balkan. Die Lebenserinnerungen des Franz Baron Nopcsa. Eingeleitet, herausgegeben und mit Anhang versehen von Robert Elsie*. Dukagjini Balkan Books. Peja: Dukagjini.
- Papa-Pandelejmoni, E. 2012. Marriage in Shkodra in the first half of the 20th Century. Micro-level Data and challenges to Macro-Theories. In *Albania. Family, Society and Culture in the 20th Century*, edited by A. Hemming, G. Kera, and E. Pandelejmoni, 51–66. Münster: LIT Verlag.
- Pejović, S., Kapisoda, M., eds. 2009. *Popis cjelokupnog stanovništva Crne Gore po okruzima, gradovima i selima (1879)* [Census of the entire population of Montenegro by districts, towns and villages (1879)]. Zbirka dokumenata, 2. Cetinje.
- Pulaha, S. 1974. *Defteri i regjistrimit të Sanxhakut të Shkodrës i vitit 1485. Golobordo (Gollobordë)* [Registration book of the Sandzak of Shkodra of 1485] Tiranë.
- Rovinski, P. A. 1897. *Crna Gora u prošlosti i sadašnjosti* [Montenegro in the past and present.]. Svezak 2. Deo 1. Sankt Peterburg: Tipografija carske akademije nauka.
- Rusakov, A.Yu., Sobolev, A.N. 2008. Substantial'no-funksional'naya teoriya balkanskogo yazykovogo soyuza i slavyanskiye yazyki: Doklad [Substantial-functional theory of the Balkan language union and Slavic languages: Report.] *XIV Mezhdunarodnyy s'yezd slavistov* [XIV International Congress of Slavists] (Okhrid, Makedoniya, 10–16 sentyabrya 2008). Saint Petersburg: Nauka.
- Selishchev, A. M. 1931. *Slavyanskoye naseleniye v Albanii (s illyustratsiyami v tekste i s kartoyu Albanii)* [Slavic population in Albania (with illustrations in the text and with a map of Albania)]. Sofia.
- Sobolev, A.N. 1990. Zametki o padezhnykh sistemakh serbokhorvatskikh govorov kontaktnykh zon [Notes on the case systems of the Serbo-Croatian dialects of the contact zones]. *Juzhnoslovenski filolog* 41: 13–28.
- Sobolev, A.N. 2013. *Osnovy lingvokul'turnoy antropogeografii Balkanskogo poluoostrova. Vol. I. Homo balcanicus i yego prostranstvo* [Foundations of linguocultural anthropology of the Balkan Peninsula. Vol I. Homo balcanicus and his space.]. St. Petersburg: Nauka; München: Otto Sagner.
- Sobolev, A.N. 2015. Mrkovići (i Gorana): yazyki i dialekty chernogorskogo Primor'ya v kontekste noveyshikh balkanisticheskikh issledovaniy [Mrkovići (and Gorana): languages and dialects of Montenegrin Primorye in the context of the latest Balkan studies]. In *Sprache und Kultur der Albaner. Zeitliche und räumliche Dimensionen. Akten der 5. Deutsch-albanischen kulturwissenschaftlichen Tagung*. (5.–8. Juni 2014, Buçimas bei Pogradec, Albanien), hrsg. von B. Demiraj, 533–556. Wiesbaden: Harrassowitz.
- Sobolev, A.N., and A.A. Novik (eds.). 2013. *Golobordo (Gollobordë), Albaniya. Iz materialov balkanskoy ekspeditsii RAN i SPbGU 2008–2010 gg.* [Gollobordë, Albania. From the materials of the Balkan expedition of the Russian Academy of Sciences and St. Petersburg State University 2008–2010]. St. Petersburg: Nauka, München: Otto Sagner.
- Stoianovich, T. 1994. *Balkan Worlds: The First and Last Europe*. New York: M.E. Sharpe.

- Šufflay, M. 1925. Srbi i Arbanasi (njihova simbioza u srednjem vijeku) [Serbs and Arbanasi (their symbiosis in the Middle Ages)]. In *Biblioteka arhiva za arbanasku starinu, jezik i etnologiju. Istoriska serija*. 1 [The Library of the Archive for Albanian antiquities, language and ethnology. New series 1], edited by Barić H. Beograd.
- Todorova, M. 2006. *Balkan family structure and the European pattern: demographic developments in Ottoman Bulgaria*. Second updated, rev. and enl. edition. Budapest; New York: CEU Press.
- Tošić, J. 2017. Travelling genealogies: tracing relatedness and diversity in the Albanian Montenegrin borderland. In *Migrating borders and moving times: temporality and the crossing of borders in Europe*, edited by H. Donnan, M. Hurd and C. Leutloff-Grandits, 80–101. Manchester University Press.
- Vujović, L. 1969. Mrkovički dijalekat (s kratkim osvrtom na susjedne govore) [Mrkovići dialect (with a brief overview of neighboring dialects)]. *Srpski dialektološki zbornik* (18): 73–399. Beograd.

МУЗЕЙНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

УДК 39+069

DOI: 10.33876/2311-0546/2020-52-4/83-102

© Ю.Н. Квашинин, А. Дыбчак, Я. Кукучка

ЗАГАДКИ СИБИРСКОЙ КОЛЛЕКЦИИ КРАКОВСКОГО ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО МУЗЕЯ*

В статье рассмотрены два предмета из Сибирской коллекции Краковского этнографического музея – женская шуба из оленьего меха и шапка из шкуры росомахи. В ходе исследования удалось выяснить имя дарителя – Исидора-Александра Собанского, сосланного в Сибирь участника Польского восстания 1863 г. Была обнаружена не известная ранее специалистам литография русского художника В.Д. Сверчкова, изображающая, в частности, женскую шапку и шубу, схожие с рассматриваемыми предметами из собрания Собанского. Установлено, что шапки из шкур росомахи были повседневным головным убором ненецких женщин на всем пространстве расселения этого этноса. Иногда такие шапки носили шаманы. Кроме того, сегодня известно, что женские шубы, аналогичные тем, что носили ненцы Канинского п-ова, до начала XX в. бытовали также в Приуралье и в низовьях Оби, куда их привозили из-за Урала невесты. В статье также затронуты малоизученные темы польских ссыльных в Западной Сибири и изображения ненцев в работах русских и зарубежных художников.

Благодаря ссыльным, вернувшимся на родину из Сибири, в Польшу попали предметы, составившие основу Сибирской коллекции музея. Она насчитывает более 350 экспонатов, среди которых одежда, обувь, головные уборы, изделия из бересты, меха, кожи и костей животных. Почти все вещи были изготовлены в XIX в. разными народами Севера и Сибири – ненцами, селькупками, эвенками, эвенками, чукчами, коряками, алеутами.

Ключевые слова: Краков, музей, Исидор-Александр Собанский, Собанские, сибирская ссылка, ненцы, литография, В.Д. Сверчков, росомаха, шапка, паница

Квашинин Юрий Николаевич – к.и.н., старший научный сотрудник, Институт проблем освоения Севера ТюмНЦ СО РАН (625026 Тюмень, Малыгина ул., 86, Россия). Эл. почта: ukwa@yandex.ru

Дыбчак Анджей – исследователь отдела неевропейской культуры, Краковский этнографический музей (31060 Краков, Краковская ул., 46, Польша). Эл. почта: dybczak@etnomuzeum.eu

Кукучка Яцек – куратор коллекций отдела неевропейской культуры, Краковский этнографический музей (31060 Краков, Краковская ул., 46, Польша). Эл. почта: kukuczka@etnomuzeum.eu

* Работа выполнена в рамках проекта «Antropologiczna reinterpretacja kolekcji syberyjskiej ze zbiorów Muzeum Etnograficznego w Krakowie, pochodzącej od polskich badaczy Syberii XIX wieku» (Рук. д. соц. н. Г. Кубица-Хеллер), поддержанного Национальной программой развития гуманитарных наук Министерства науки и высшего образования Республики Польша

Введение

Весной 2016 г. в Краковском этнографическом музее им. Северина Удзели (польск. *Muzeum Etnograficzne im. Seweryna Udzieli*) в рамках научно-исследовательского проекта «Антропологическая реинтерпретация Сибирской коллекции Этнографического музея в Кракове, собранной польскими исследователями Сибири в XIX в.» началась работа по атрибутированию и музеефикации предметов, более ста лет пролежавших в музейных запасниках и никогда ранее не исследованных специалистами. Сибирская коллекция насчитывает более 350 предметов, среди которых одежда, обувь, головные уборы, изделия из бересты, меха, кожи и костей животных. Почти все они были изготовлены в XIX в. разными народами Севера и Сибири – ненцами, селькупами, эвенками, эвенами, чукчами, коряками, алеутами. В Польшу предметы попали благодаря ссыльным, вернувшимся на родину из Сибири.

В нашей статье рассмотрены два весьма интересных предмета собрания Собанского: шапка из шкуры росوماхи и женская шуба из оленьей шкуры. Они загадали нам немало загадок, которые нам удалось разгадать общими усилиями. В ходе исследования мы установили личность и выяснили неизвестные ранее широкой публике страницы биографии дарителя. Им оказался польский ссыльный Исидор-Александр Собанский. В поисках дополнительных сведений о шапке и шубе мы разыскали забытую литографию знаменитого русского художника и витражиста В.Д. Сверчкова. Нам удалось уточнить сведения о назначении шапок из шкуры росوماхи. На многочисленных примерах мы подтвердили мнение исследователей о широком распространении однотипной женской одежды на пространстве от Канинской тундры до низовий Оби.

Исследование собрания Собанского началось с осмотра предметов, выявления их происхождения и назначения. Для подтверждения сложившихся мнений и догадок мы обратились к историческим и этнографическим работам различных авторов XIX–XX вв., к архивным документам и интернет-ресурсам.

Общие сведения о польских ссыльных, а также частную информацию об Исидоре-Александре Собанском и его семье мы почерпнули из трудов в А.Г. Алтуняна (*Алтунян* 2006), В. Бартенева (*Бартенева* 1896), А. Макарова (*Макаров* 1914), И.В. Цифановой (*Цифанова* 2005), Б.С. Шостаковича (*Шостакович* 1995), М. Яструна (*Яструн* 1963), М. Чайковского (*Чайковский* 1891). Кроме того, мы использовали Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ 1874) и материалы Тобольского архива (ГБУТО ГАТ 1, 2). Ценную устную информацию об Исидоре-Александре предоставил нам Михал Собанский (Michał Sobański), один из ныне живущих потомков рода Собанских.

Исторические сведения о бытовании меховых шапок и шуб у ненцев мы нашли в работах исследователей конца XVIII – первой половины XX в.: А.И. Андреева (*Андреев* в 1947), В. Бартенева (*Бартенева* 1896), Фр.М. Белявского (*Белявский* 1833), архимандрита Вениамина (*Вениамин*, арх. 1855), А.И. Дмитриева-Мамонова и К.М. Голодникова (*Дмитриев-Мамонов, Голодников* 1884), А.А. Дунина-Горкавича (*Дунин-Горкавич* 1911), В. Иславина (*Иславин* 1847), М.А. Кастрена (*Кастрен* 1860), Ю.И. Кушелевского (*Кушелевский* 1868), Н. Кострова (*Костров* 1856), Н.В. Латкина (*Латкин* 1892), И.И. Лепёхина (*Лепёхин* 1805), С. Максимова (*Максимов* 1871), П.С. Палласа (*Паллас* 1788), В.Н. Чернецова (*Чернецов* 1949).

Разобраться с происхождением и назначением шапки из росوماхи и оленьей шубы нам помогли сведения из статей и монографий российских и советских этно-

графов: М.Я. Бармич (*Бармич* 1989, 2014), А.В. Головнёва (*Головнёв* 1995), Б.О. Долгих (*Долгих* 1960), А.Д. Евсюгина (*Евсюгин* 1975, 1979), Л.Н. Жуковой (*Жукова* 2009), Ю.Н. Квашнина (*Квашнин* 2019), Л.В. Костикова (*Костиков* 1930), Е.Д. Прокофьевой (*Прокофьева* 1971), Н.Ф. Прытковой (*Прыткова* 1970), Л.А. Симанковой (*Симанкова* 2002), З.П. Соколовой (*Соколова* 2009), Е.Г. Фёдоровой (*Фёдорова* 1994), Г.П. Харючи (*Харючи* 2001), Л.В. Хомич (*Хомич* 1970, 1995).

Кроме указанных источников и литературы мы обращались к различным словарям, энциклопедиям, фотоальбомам музейных экспозиций, виртуальным коллекциям музеев.

Как твое имя, даритель?

Кто именно из Собанских является дарителем собрания, удалось выяснить далеко не сразу. На этикетках, прикрепленных к предметам, кроме фамилии была указана только первая буква имени – *I. Sobański*. Возникло предположение, что это один из польских повстанцев, сосланных в Сибирь в XIX в. Известно, что первые ссыльные поляки в Сибири появились после подавления русскими войсками выступлений Барской конфедерации 1768–1772 гг., далее последовали участники Ноябрьского восстания 1830–1831 гг., а затем заговорщики и повстанцы 1844–1850-х годов. Последними в этом ряду стали участники Январского восстания 1863–1864 гг. (*Шостакович* 1995: 13–14, 87).

Поиски повстанца по фамилии Собанский начались, как это часто бывает сегодня, в сети интернет. Первым, что удалось обнаружить, оказалось генеалогическое древо польских дворян Собанских герба Юноша (польск. *Sobański h. Junosza*). Это была огромная удача. Грамотно (на основе большого массива материалов) составленная автором сайта С.В. Котелко родословная позволила нам найти отправные точки для дальнейших разысканий. Здесь мы обнаружили восемь Собанских, имена которых начинались на букву «И»: трех Иеронимов, Илью, Иосифа, Игнатия, Исидора и Исидора-Александра (Древо Собанских). Из этого ряда мы отсеяли представителей старшего и младшего поколений. Первые не могли участвовать в польских восстаниях в силу преклонного возраста, вторые родились через много лет после их подавления. Дальнейшие поиски касались только Исидора и Исидора-Александра, сына и внука Матвея-Онуфрия-Тадеуша Собанского соответственно.

Исидор Матвеевич (1791–1847) и его младший брат Александр-Удальрик-Оттон-Никифор (1794–1861) владели несколькими имениями в Подольской губернии Российской империи. По воспоминаниям некоторых современников, это были «люди без всяких дарований», заядлые картежники и неудачливые торговцы, промотавшие свои поместья (*Чайковский* 1891: 87; *Алтунян* 2006: 345). Возможно, желанием поправить в случае успеха свои финансовые дела объясняется их участие в Ноябрьском восстании 1830–1831 гг. Однако и здесь братья Собанские ничего не добились. Их попытка организовать и возглавить повстанцев в Волынской губернии¹ обернулась полным крахом потому, что «сие движение было худо соображено, худо управляемо, выполнено без всякого усердия и плана» (*Алтунян* 2006: 345).

Исидору и Александру-Удальрику удалось избежать ареста и уехать в Париж, где

¹ Территория Подольской губернии, в отличие от Волынской, была практически безлесной, и повстанческим отрядам негде было укрыться.

брatья, видимо, присоединились к организованному в 1832 г. Польскому демократическому обществу (польск. *Towarzystwo Demokratyczne Polskie*). Будучи друзьями польского поэта Адама Мицкевича, который тесно сотрудничал с деятелями Великой эмиграции (польск. *Wielka emigracja*), они часто посещали его литературные вечера, где среди прочего обсуждались и политические вопросы (*Яструн* 1963: 316, 408, 598).

В 1847 г. в Париже скончался Исидор. Он был похоронен на кладбище Монмартр. Надпись по-французски на его усыпальнице гласит: «Граф Собанский (Исидор) 16 год польской эмиграции» (*Grave of Isidore Sobański*). Вдова Исидора, Северина Собанская (Потоцкая), пережила его на четверть века, а единственный сын Артур умер еще в 1830 г. в возрасте 16 лет (Древо Собанских). Об Александре-Удальрике известно, что он был женат на Мелании Уруской (1813–1887). В семье было трое детей: Регина, Александр-Иосиф и Исидор-Александр. Скончался Александр-Удальрик в 1861 г. (Там же).

Сведений о биографии дарителя собрания предметов Исидора-Александра Собанского в нашем распоряжении немного, некоторые из них требуют уточнения. Родился он в 1835 г. в Париже (Там же). Со слов Михала Собанского нам известно, что Александр-Удальрик, его жена Мелания и их сын Исидор-Александр переехали из Парижа в Швейцарию (ПМА 2019) после объявления амнистии по случаю коронации императора Александра II в августе 1856 г. (*Цифанова* 2005: 74). Они поселились недалеко от Цюриха в замке Кибург¹, купленном ими на аукционе. После смерти Александра-Удальрика в 1861 г. Исидор-Александр с матерью уехали в местечко Лучинец Могилевского уезда Подольской губернии, в одно из родовых поместий Уруских. Здесь молодой человек стал заниматься сначала общественной, а затем подпольной деятельностью, вступив в одну из групп, готовивших новое восстание.

Рис. 1. Исидор-Александр Собанский (1835–1907).

В июле 1863 г. Исидора-Александра как активного участника Январского восстания арестовали и заключили в Каменец-Подольскую крепость. По словам Михала Собанского, судебное дело Исидора-Александра состояло из 3 тыс. страниц. Этого было достаточно, чтобы получить суровый приговор. В январе 1865 г. вместе с партией других ссыльных повстанцев он оказался в Тобольске. Как минимум до 1866 г. «Исидор Александров Сабаньский» отбывал наказание в арестантской роте² (ГБУТО ГАТ 1. Л. 58об). Позднее (когда, точно не известно), согласно «Положению Западного Комитета о высылаемых из Царства Польского и Западного края по суду и административным порядком политических преступников», был отправлен на поселение на север Тобольской губернии (*Макаров* 1914: 7, 10–11, 22) и обосновался в с. Обдорском (ныне Салехард).

¹ Кибург – средневековый замок в Швейцарии; расположен к югу от г. Винтертур (кантон Цюрих).

² Арестантские роты – военные арестантские роты инженерного ведомства Российской империи, учрежденные как вид уголовного наказания в 1823 г.

В 1871 г. Исидор-Александр вместе со многими другими ссыльными поляками попал под амнистию (Список дворян). Высочайше утвержденным положением Комитета Министров от 17 мая «Об облегчении участи некоторых преступников, в ознаменовании дня рождения Его Императорского Высочества Великого Князя Георгия Александровича» польским ссыльным возвращались права состояния, они освобождались от надзора полиции, им «дозволялось жить повсеместно, за исключением столиц и столичных губерний, уроженцам же Царства Польского и Западных губерний, за исключением и сих губерний, а лицам, принадлежащим к духовному сословию Римско-Католического исповедания, кроме того и исключением Царства Польского» (ПСЗРИ 1874: 564).

Согласно этому положению в начале 1870-х годов Исидор-Александр был отправлен из г. Обдорска в г. Кострому. В 1878 г. срок его ссылки истек, и И.-А. Собанский уехал в Варшаву, а затем в Швейцарию, где купил замок Кефикон, расположенный, как и Кибург, недалеко от Цюриха. Там он прожил до момента продажи замка и отъезда в Одессу в 1888 г. Исидор-Александр женился (когда, точно не известно) на Марии Хлебицкой-Юзефович (1835 г.р.), вдове Юзефа Русецкого. Общих детей у них не было. Скончался Исидор-Александр в 1907 г., а его супруга намного раньше – в 1890 г. (Древо Собанских; *Minakowski n.d.*).

Как жил и чем занимался Исидор-Александр в Обдорске? На этот вопрос мы ответить не в силах, т.к. наш даритель не оставил никаких свидетельств об этом периоде своей жизни. На этикетках предметов его собрания написано не совсем разборчиво *Mys NGOKI* (мыс Нгоки). Такое или похожее географическое название не встречается ни на современных, ни на старых картах Ямала, ни в историко-этнографической литературе. Скорее всего, шапку и шубу он приобрел где-то в ближайших окрестностях Обдорска, но не дальше устья р. Надым. В период нахождения Исидора-Александра в ссылке Обская губа еще не была полностью освоена рыбопромышленниками, на ее берегах не было русских или коми-ижемских поселений, а ненцы и ханты вели кочевой или полуоседлый образ жизни. Добираться до удаленных уголков Обдорского края самостоятельно было очень сложно.

Собрание предметов, привезенных из Обдорского края, Исидор-Александр успел передать в 1878 г. в Варшавский музей промышленности и сельского хозяйства (с 1929 г. Музей техники и промышленности). В 1913 г. собрание было передано Краковскому этнографическому музею.

Ненцы на забытой литографии

Поиск предметов, аналогичных предметам из собрания Собанского, привел нас на сайт *Grafika.ru*, где среди прочих художественных произведений была обнаружена репродукция литографии XIX в. с изображением группы ненцев в традиционной зимней одежде. На ней изображены четыре человека: слева, повернувшись спиной, сидит ребенок в совике; рядом с ним стоит мужчина в совике, надетом поверх малицы; правее – еще один мужчина в шапке и малице, подпоясанной ремнем; справа на табурете, повернувшись спиной, сидит женщина в шубе с широкой опушкой по подолу из собачьего меха, на голове у нее по форме напоминающая капор шапка из шкуры росомахи с пришитыми сзади шумящими подвесками (медными бляхами), в затылочную часть шапки вшит полуовальный кусочек сукна. На ногах у всех четверых надеты пимы (Литография № 09-002893_A5).

Судя по характерным деталям одежды, на литографии изображены европейские ненцы. Прежде всего обращает на себя внимание женская шуба. Такой тип меховой верхней женской одежды распространен у самых западных групп ненцев в Канинской и Тиманской тундрах. Еще одна интересная деталь костюма, запечатленная на литографии, – мужская шапка с круглым дном. Отметим, что ненцы, кочующие к востоку от Урала, примерно в XVIII в. перешли на малицы с пришитыми капюшонами.

Похожие на изображенные на литографии женские шубы и мужские шапки можно увидеть на многочисленных фотографиях ненцев Архангельской губернии и открытках из серий «Типы Севера», «Типы северной России», «Дальний Север. Типы Самоедов», выпускавшихся московской фирмой «Шерер, Набгольц и К°» на рубеже XIX–XX вв. (Шерер... б.г.).

Интересна история и самой литографии, и ее автора. По сообщению модераторов сайта Grafika.ru, это изображение было приобретено на одном из аукционов у коллекционера из Европы. Оно находилось в папке с другими оригиналами, имеющими отношение к России. Более подробной информации нам предоставить не смогли.

В правом нижнем углу листа с изображением есть подпись «с нат. Влад. Сверчков». В XIX в. были известны два художника с такой фамилией: Н.Е. Сверчков – батальный и жанровый живописец и В.Д. Сверчков – работавший в жанре батальной, исторической и портретной живописи, прославившийся как мастер витражного дела. Иногда этих художников путают, приписывая некоторые работы Владимира Дмитриевича Николаю Егоровичу.

Когда мы обратились за консультацией к Т.В. Княжицкой, опубликовавшей

Рис. 2. Ненцы Архангельской губернии. Литография с натуры В.Д. Сверчкова (№ 09-002893_A5)

в 2010 г. специальное исследование о творчестве В.Д. Сверчкова (Княжицкая 2010), она ответила, что искусствоведам именно эта литография мастера до сих пор не была известна. Зарисовка ненцев в зимней одежде была сделана художником в Санкт-Петербурге, возможно, на рубеже 1840–1950-х годов, после завершения учебы в Риме. В 1856 г. В.Д. Сверчков снова уехал за границу. Вероятно, он не собирался возвращаться на родину, поэтому увез с собой большинство своих работ (Там же).

Художники, посещавшие Санкт-Петербург или жившие там, имели возможность рисовать ненцев с натуры. Ненцы приезжали в столицу из Архангельской губернии, они катали публику на оленьих упряжках во время народных гуляний по случаю праздников, например Масленицы. Помимо В.Д. Сверчкова их запечатлели на своих рисунках и литографиях

такие мастера XVIII–XIX вв., как Дж. Хирн¹, И.И. Шарлемань², Д.В. Уимпер³ и др. Ненецкую шубу без подола из собачьих шкур изобразил на своем полотне 1883 г. «Меншиков в Берёзове» В.И. Суриков.

Интересно отметить в связи с этим гравюру К. Крыжановского с рисунка А. Бальдингера «С.-Петербург. Сцены на Неве во время зимы», напечатанную в одном из номеров журнала «Всемирная иллюстрация». В комментариях к гравюре написано:

Рисунок, помещаемый в этом номере «Всемирной Иллюстрации», представляет снимок сцены, хорошо известной всякому петербуржцу. Изображенные на рисунке самоедские саночки, весьма сходны по устройству с обыкновенными нашими салазками топорной работы; сиденье на санках покрыто оленьей шкурой, на которой помещается человек, правящий тремя оленями, находящимися в упряжи. Охотников сделать прогулку на оленях немало; катаются, по преимуществу, дети, которым иногда стоит больших трудов и даже слез выманить на это удовольствие пятак из родительского кошелька. Уличные мальчишки здесь завсегдагаи: архангельский дядя охотно соглашается катать их за три или семь копеек, когда нет лучшей публики. Тут же рядом поставлена и юрта самоедов, весьма напоминающая собою киргизские юрты и называемая по-самоедски «чум». Дикае обитатели чума скрыты от любопытных глаз публики внутри жилища; желающие посмотреть на них и поговорить с ними могут удовлетворить свое желание за небольшую плату (ВИ 1877: 220, 222).

Столь подробное рассмотрение литографии В.Д. Сверчкова имеет самое непосредственное отношение к теме нашего исследования, т.к. женские шапка и шуба, изображенные на ней, практически идентичны предметам из собрания Собанского.

«В хохлатой шапке из меха росомахи»

Шапка из собрания Собанского сшита из меха разных животных: наружная часть – из шкуры росомахи, подклад – из оленьего меха, лицевая опушка – из белого собачьего меха. В затылочную часть вшит полуовальный кусочек красного сукна. Завязок у шапки нет. К заднему нижнему краю шапки пришиты три металлические цепочки с 12-ю латунными кольцами на концах (КЭМ. № 19106).

Подобные шапки у ненцев встретить сегодня практически невозможно. В XVII–XIX вв. их, конечно, шили, но все же преобладали шапки из оленьего меха. Это объясняется целым рядом особенностей росомахи. Вот как описывает ее Большая советская энциклопедия:

Росомаха (лат. *Gulo gulo*)... хищное млекопитающее семейства куньих. Длина тела до 105 см, хвоста до 23 см, высота в плечах до 45 см, весит 11–19 кг. <...> Волосистой покров густой, длинный, грубоватый. Окраска от светло- до темно-коричневой. <...> Росомаха широко распространена в тайге, в лесотундре, отчасти в тундре Европы, Азии и Северной Америки. Ведёт одиночный образ жизни... (БСЭ).

¹ Хирн Джозеф (годы жизни не известны) – английский художник. С 1878 г. жил и работал в Санкт-Петербурге и Москве.

² Шарлемань Иосиф Иосифович (1824–1870) – русский архитектор и художник.

³ Уимпер Джосия Вуд (1813–1903) – британский гравёр по дереву, иллюстратор и акварелист.

Рис. 3. Шапка (№ 19106).

Росомаха охраняет свой охотничий участок площадью 1,5–2,0 тыс. м² от особей своего пола, выходит кормиться в сумерки. У Брокгауза и Ефрона читаем: «...тело коренастое, очень неуклюжее; хвост короткий, очень густоволосый; спина дугообразно изогнута кверху; голова большая, с удлинённой, но тупой мордой; ноги короткие и сильные, ступни крупные, подошва покрыта волосами» (Брокгауз, Ефрон 1899: 125). Шапка Собанского шита из шкуры росомахи сибирской (лат. *Gulo gulo sibiricus*) – наиболее мелкого представителя вида, характерной особенностью которого является полоса светлой шерсти (в отличие от ярко-белой у дальневосточного подвида), идущая по бокам от лопаток до хвоста.

Народы Севера и Сибири добывали росомаху во все века попутно. Причинами этому были не только ее малочисленность, рассеянное обитание и сумеречный образ жизни, но и низкая стоимость меха. В XVII в. соотношение входящих в ясак

шкур росомахи и соболя в некоторых областях Сибири составляло примерно 1:15. Оценивалась росомаха вполовину стоимости соболя (Долгих 1960: 180, 216, 333). В конце XIX в. за шкуру росомахи на аукционе давали от 2 до 5 руб., в то время как за хорошую шкурку соболя – 150 руб. Можно сказать, что охота на росомаху велась больше по необходимости, т.к. этот прожорливый, всеядный зверь в огромном количестве истреблял боровую дичь и систематически опустошал ловушки промышленников (Брокгауз, Ефрон 1899: 125; 1900: 647).

Первым упоминанием росомахи в русских источниках можно считать, на наш взгляд, строки из новгородского сказания «О человецех незнаемых в Восточной стране», составленном в конце XV в. В описании земли Баид и ее жителей говорится: «А соболи же у них таковы: черны велми и великы, шерсть живого соболя по земли ся волочит» (Плигузов 1993: 80).

Народы Севера и Сибири использовали разные части меха росомахи в изготовлении разных элементов одежды. Кеты полосами из шкурок с лап росомахи украшали парки; чукчи шили из шкур капоры; коряки обшивали мехом заднюю часть капора; долганы делали лицевую опушку женских шапок; юкагиры – опушки малахаев и подоло в женской зимней одежды, шили капоры из кусочков темного и белого цвета (Левин, Потапов 1961: 333; Симанкова 2002: 36, 37, 40; Гемуев и др. 2005: 677; Жукова 2009: 73, 95, 108).

По данным А. Пиге, шапки с длинными ушами из шкур росомахи носили богатые саамы (Пиге 1873: 6). В работах З.П. Соколовой имеются краткие сведения об использовании меха росомахи для пошива шапок хантами и манси (Гемуев и др. 2005: 123; Соколова 2009: 241). У северных (ляпинских) манси, как отмечает Е.Г. Фёдорова, женские шапки шились в виде капора из лап росомахи или лисы на подкладе из шкуры оленя (Фёдорова 1994: 194). Женские шапки манси, изготовленные из целой широкой полосы шкуры росомахи, известны по коллекциям Российского этнографического му-

зья (Прыткова 1970: 44). В ответах на «вопросы о ясачных и других разного звания иноверцах Берёзовской округи» 1782 г. среди предметов одежды ненцев упоминаются женские «россамачьи и собольи шапки большие» (Андреев 1947: 98). Суконные шапки, обложенные мехом росомахи или лисицы, носили, по данным Н.А. Кострова, женщины у енисейских ненцев-юраков (Костров 1856: 21). О бобровых и «росомаховых» шапках ненецких женщин, украшенных погремушками, колокольчиками и медными бляхами, сообщают в одной из памятных книжек Тобольской губернии А.И. Дмитриев-Мамонов и К.М. Голодников (Дмитриев-Мамонов, Голодников 1884: 13–14), дословно повторяя текст из книги Фр.М. Белявского (Белявский 1833: 163). В фондах МАЭ РАН (Кунсткамера) хранится женский головной убор из шкуры росомахи, бытование которого отмечено Н.Ф. Прытковой у канинских и ямальских ненцев. Шапка капорообразного покроя, двухслойная: к росомашьему верху пришит подклад из оленьего меха, в затылочную часть вшит полуовальный кусочек (6×11 см) красного сукна. Завязок у шапки нет, к заднему нижнему краю пришиты три металлические цепочки с медными бляхами на концах (Прыткова 1970: 43–45).

Шапка из росомахи есть не только на литографии В.Д. Сверчкова, но и в альбоме Г.-Т. Паули «Этнографическое описание народов России» 1862 г. Рассказ о «самоедах канинской стороны» сопровождается иллюстрацией, где изображены, как явствует из подписи, «мезенские самоеды» – женщина и мужчина в традиционной зимней ненецкой одежде на фоне тундры. На голове женщины четко прорисована шапка из густого росомашьего меха, который невозможно спутать ни с каким другим. Под рисунком с левой стороны написано по-французски: «Нарисовано Виале по оригиналам и костюмам Русского Императорского географического общества» (Pauli 1862: 3–5).

У исследователей до сих пор не сложилось единого мнения о назначении шапок из росомахи. Собиратели говорили о них как о головных уборах невест или свах, писатели-краеведы как о шаманских шапках. При этом у манси шапка из росомахи была обычным головным убором (Максимов 1871: 504; Прыткова 1970: 44; Евсюгин 1979: 36). Рассмотрим вопрос о назначении шапок из росомахи подробнее.

По данным Л.В. Хомич, специальных свадебных нарядов у ненцев не было, во время церемонии использовалась новая или нарядная одежда. На голову невесты в западных тундрах надевали *няндуй сава* (досл. «острая шапка») – «высокую шапку полукруглой формы, сшитую из двух кусков меха (пыжика) без донышка, с пришитыми короткими ушами». Сзади к ней пришивали *сава нгэ* (досл. «ноги шапки») – две длинные полосы из камуса (шириной 8 см), обильно украшенные мозаичным орнаментом из сочетания белого и темного меха и суконными вставками». Полосы свисали поверх паницы, опускаясь ниже талии (Хомич 1995: 145, 181). Похожие описания шапки невесты дают А.Д. Евсюгин (Евсюгин 1979: 73) и М.Я. Бармич (Бармич 1989: 36, 2002: 39).

Сведения о росомашьих шапках у женщин-свах, на наш взгляд, либо ошибочны, либо фиксируют редкие исключения. По многим источникам, приводимым, в частности, в работах Л.В. Хомич, известно, что сватали невесту обычно мужчины – родственники жениха (Хомич 1995: 176–177).

В с. Ома Заполярного р-на Ненецкого автономного округа, в семье канинских ненцев Канюковых до недавнего времени хранилась шапка из шкуры росомахи, практически идентичная находящимся в коллекциях Российского этнографического музея и МАЭ

РАН (Кунсткамера), а также шапке Собанского. Сотрудники Ненецкого краеведческого музея в г. Нарьян-Маре не смогли приобрести шапку Канюковых для своей экспозиции¹, но включили ее описание в каталог «Сакральные предметы ненцев Архангельских тундр». В каталоге она названа «женской шаманской шапкой». Утверждая это, авторы ссылаются на работу А.В. Головнёва (*Головнёв* 1995: 483), который, в свою очередь, ссылается на М.А. Кастрена (*Меньшакова, Талеева* 2011: 9). М.А. Кастрен в описании своего путешествия по р. Уса к Полярному Уралу говорит об увиденном им «странном существе» в женской шубе и шапке, которое обходило по кругу костер, разведенный на передней части каюка, отвешивая поклоны по сторонам света и произнося заклинание ветра. О шапке он написал следующее: «Голову, плечи и часть лица покрывало нечто в роде сплошного колпака из шкуры росوماхи, украшенного блестящими медными кружками, бренчащими за спиной». Автор с крайней иронией обрисовывает старуху, совершавшую «ритуал», и нигде не говорит о ней как о шаманке, хотя и выслушивает ее рассказы о некогда живших ненецких шаманах (*Кастрен* 1860: 167–169).

Едко и насмешливо рассказывает известный краевед С. Максимов о шамане «в хохлатой шапке из меха росوماхи, с наличником, из-под которого выглядывало его красное, лоснящееся лицо, с плутовато бегающими, кровавыми глазами». Однако при описании камлания автор эту шапку не упоминает (*Максимов* 1871: 504–505). Возможно, шаман снял ее после того, как вошел в чум, а может быть, камлал не снимая, дабы произвести большее впечатление на русских, не верящих в его «чудеса». Интересно, что в примечании к отрывку о шамане С. Максимов среди прочего пишет: «Шапка, сшитая белью (нитками), а не оленьими жилами, по обыкновению, и украшенная по местам пуговицами, медвежьими когтями, иногда теми же оловянными бляхами, называется *севботць* (Там же: 505). Здесь явно идет речь не о шапке из росوماхи.

Некоторую путаницу в этот вопрос вносит Л.В. Хомич. Она приводит отрывок из сочинения архимандрита Вениамина, в котором почти дословно повторяется описание шапки шамана, данное С. Максимовым, только с упоминанием суконных полосок и лоскута 8×5 вершков. Интересно, что эти описания совпадают с описаниями шаманских суконных масок, которые Л.В. Хомич называет *сэвбабць* (*Хомич* 1995: 236–238). Шапку ненецкого шамана «из ровдужного или суконного на подкладке околыша с двумя перекрещивающимися на темени полосами – типа венца» описывала Е.Д. Прокофьева (*Прокофьева* 1971: 10). О шапке из разноцветного сукна с подшитыми к ней побрякушками и наглазником писал А.Д. Евсюгин (*Евсюгин* 1979: 27).

Обобщая все вышесказанное, можно обоснованно предположить, что у ненцев шапки из меха росوماхи были хотя и редким, но обычным женским головным убором. К одежде невесты, а тем более свахи, они не имели отношения. Шаманы надевали их для того, чтобы произвести впечатление на доверчивых зрителей, а во время камлания традиционно использовали суконные шапки с наглазниками.

«Распашная, мехом наружу, без подкладки»

Женская шуба из собрания Собанского, как и все шубы такого типа, называется *паница*. Это русифицированная форма ненецкого слова *пань* (обозначает женскую зимнюю одежду), образованная с помощью уменьшительно-ласкательного суффикса *иц(а)*². Паницей называют женскую одежду только европейские ненцы. К вос-

¹ Дом, где она хранилась, сгорел.

² Ср.: метель – метелица.

току от Урала бытует название *ягушка*, от русского сибирского *яга*, восходящего к тюркскому *яргак*, *ергак* – распашная шуба мехом наружу (*Даль* 1880: 536).

Паница Собанского представляет собой распашную шубу: верхняя часть сшита из белой оленьей шкуры мехом наружу; на груди, рукавах и на спине – узоры из контрастных продольных полос темного меха; подол – из полос темного и светлого собачьего меха, перемежающихся вставками из цветного сукна; воротник – из меха песца; рукавиц нет (КЭМ. № 24211).

По классификации Л.В. Хомич, у ненцев имеется два типа женской зимней одежды. Первый, *лидяг паны* или *таряв паны*, – бобровая или беличья паница. Разновидностью этого типа автор называет *пена паны* – паницу, сшитую из камуса (шкурки с ног оленя). Такие паницы были распространены в Канинской и Тиманской тундрах, но встречались также в Малоземельской и Большеземельской. Второй тип, *не паны*, – женская одежда из шкурки трехмесячных телят (*няблюев*), в Канинской тундре она называется по-русски – *тулуп*. В качестве повседневной рабочей одежды ненки используют старые, поношенные паницы или тулупы. Летом носят легкую суконную одежду – *ной паны*, *нояця*, схожую по покрою с паницей (*Хомич* 1995: 136–143).

Более детально рассматривает женскую одежду ненцев Канинской тундры М.Я. Бармич. Она выделяет шесть ее типов, сшитых из шкур разных животных: 1) *лидяг паны*; 2) *таряв паны*; 3) *пенко паны* (*сэрко* – белая, *париденя* – черная); 4) *хоба паны* – паница из шкурки няблюев с узорами (также *сэрко* и *париденя*); 5) *ходы паны* – осенняя рабочая паница из темных шкурки няблюев без узоров; 6) *тулуп* – из шкурки няблюев. Летнюю суконную одежду она называет по-канински – *нойча* (*Бармич* 2014: 231–235).

Название паницы зависит от материала, из которого она сшита. На верхнюю часть *таряв паны* идут шкурки няблюев, в промежутки между ними (на узоры) – шкурки бобра или белки, в швы вставляют лоскутки разноцветного сукна. Подол шьется отдельно из горизонтально расположенных поочередно полос оленьего и собачьего меха. Затем обе части паницы сшиваются вместе. Воротник делается из шкурки песца. К рукавам пришивают рукавицы из камуса. Характерной особенностью этих типов паниц является отсутствие вертикальных конструктивных швов (*Хомич* 1995: 136–137; *Бармич* 2014: 232–233).

Для верхней части *пена* (*пенко*) *паны* берут шкуры, снятые с ног осеннего взрослого оленя, которые отличаются гладким, блестящим, твердым волосом, плотно прилегающим к коже; к ним меньше прилипает снег. Белый и темный мех сшивают в виде узоров. Считается, что чем больше белого меха, тем наряднее одежда. Готовую паницу украшают полосками цветного сукна на груди, рукавах и по бокам спины. Подол шьется так же, как у бобровой или беличьей паницы (*Хомич* 1970: 103, 1995: 137).

Рис. 4. Паница (МЕК № 24211)

Подобным образом изготавливают и *хоба паны*. По одним данным для них используют шкуры няблноев (Бармич 2014: 233), по другим – шкуры выростков (шестимесячных телят), которые имеют плотную густую шерсть и не побиты оводом (Хомич 1970: 103). Можно определенно сказать, что паница Собанского представляет собой, по классификации М.Я. Бармич, *сэрко хоба паны*, сшитую для повседневной носки (Бармич 2014: 233). Совершенно такая же по виду паница, с незначительными отличиями, хранится в фондах Ненецкого окружного краеведческого музея под № 1245/2(М-123). Она принадлежала Павле Изосимовне Канюковой, 1900 г.р., родом из Канинской тундры. В описании экспоната говорится следующее:

Паница. Длина 114 см. Ручная работа. Распашная, мехом наружу, без подкладки. Правая пола заходит за левую. Четыре пары кожаных завязок вверху, одна внизу. Левая вторая и нижняя завязки из ткани. Воротник-шалка из оленьего и лисьего меха. Рукава широкие в пройме, заужены к обшлагоу, сшиты с наплечной частью лифа из полос контрастного оленьего меха. Без рукавиц. Перед из светлого оленьего меха. В области предплечья узкие вертикальные полосы чередующегося контрастного меха с цветными суконными прошивками. Борта из белого меха оленя с выпушкой из лисьего и собачьего меха. Спинка под воротником из белых оленьих лбов, горизонтальных и вертикальных полос контрастного меха. Подол собран из полос черно-белого собачьего меха и цветного сукна (Журавлёва 2006: 19).

У паницы Собанского нет подклада, который шьется обычно из шкур телят-выростков мехом внутрь и называется по-ненецки *янд*. В литературе имеются несколько противоречивые сведения о подкладе. В работе В. Иславина о европейских ненцах понятия *янды*, *яндица* и *панница* смешаны (Иславин 1847: 31). Г.А. Старцев называет *jandy* нижней одеждой ненецких женщин (Старцев 1930: 49). По данным Л.В. Хомич, подклад к панице не пришивают, а просто надевают под нее (Хомич 1995: 137). Однако у И.И. Лепёхина написано, что *паны* – это женская малица и совик европейских ненок, сшитые вместе и не разделяющиеся на две части (Лепёхин 1805: 228). К востоку от Урала, по сведениям А.А. Дунина-Горкавича, ненецкие женщины летом носили ягушки, выпарывая из них подклад (Дунин-Горкавич 1911: 85). Из этого можно сделать вывод, что в разных районах проживания ненцев складывались разные традиции пошива и ношения женской одежды.

Для подола паницы ненцы издавна использовали собачьи шкуры. Этот элемент женской зимней одежды до определенного времени бытовал у всех ненцев на пространстве от Мезени до Енисея. Это отмечала еще Л.В. Хомич, приводя в пример работы различных исследователей (Хомич 1995: 142). П.С. Паллас, основываясь на материалах В. Зуева, писал об одежде обдорских самоедок: «Платье на груди и на спине делается из молодых оленьих кож... Подол вокруг окладен в три ряда бахрамою из дорогих шкур» (Паллас 1788: 91). В описании Енисейской губернии Н.В. Латкина говорится: «У юрочки-шеголихи парка шьётся из пыжиков на манер капота... по подолу идёт опушка из собачьего меха, а повыше ее прошвы из чёрных и белых оленьих шкур; прошвы эти оторачиваются по краям полосками красного сукна» (Латкин 1892: 136). Подробно описывает одежду ненок Обдорского края В. Бартенев: «Ягушка – шуба, подбитая снизу оленьим мехом, а снаружи украшенная собачиной и полосами разноцветного сукна, так, что внизу по подолу идёт полоса белой собачины, затем выше

полоса красного сукна (вершка 3 шириной), потом полоса чёрной собачины, далее жёлтое сукно» (*Бартенев* 1896: 130–131). Описание ягушки с подолом из собачьей шкуры имеется и в работе Ю.И. Кушелевского «Северный полюс и земля Ялмал». Это произведение, однако, выгодно отличается от трудов других авторов, поскольку содержит сделанные с натуры рисунки тобольского художника М.С. Знаменского¹. На шести рисунках изображены самоедские женщины. Ягушками (тулупами) их одежду назвать трудно. По цвету шкур (белый), покрою и узорам они напоминают паницы *хоба паны* или *пена паны* (*Кушелевский* 1868: 60). Паницы из белых шкур с собачьими подолами, схожие с изображениями М.С. Знаменского, можно увидеть на рисунках Е. Корнеева², сделанных им во время экспедиции по Азиатской и Европейской России 1802–1805 гг. (*de Rechberg, Depping* 1812–1813).

Каким же образом паницы канинских ненек попадали в низовья Оби? На наш взгляд, этому способствовали брачные союзы европейских ненцев с сибирскими. Отношения между ними сложились задолго до прихода русских, а в активную фазу вступили в начале XVII в., когда русские «гуляющие люди» организовали самовольную торговлю с ненцами, кочевавшими по притокам Печоры. Перекупщики доверяли ненцам свои товары, которые те везли через Урал и обменивали на пушнину у ненцев, кочевавших по притокам Оби, Надыма и Пура. Торговые контакты приводили к возникновению устойчивых брачных союзов. Некоторые ненцы поселялись на новом месте насовсем, оформляя официальные документы о переходе из Архангельского ведомства в Берёзовское (*Квашин* 2019: 98–110).

В XVIII в. трансуральские семейные отношения ненцев стабильно сохранялись. Информацию об этом можно почерпнуть в материалах переписей того времени. К примеру, в ревизской сказке 1795 г. по Берёзовскому уезду у приуральско-ямальских ненцев зафиксировано всего 859 браков. Их них 188 (21,8%) были заключены с ненцами Архангельского ведомства. Причем было взято в замужество у архангельских ненцев разных родов 164 женщины, а выдано замуж 24. Брачные связи надымско-тазовских ненцев были направлены в это время преимущественно на восток (ГБУТО ГАТ 2. Л. 77–176).

Архангельские невесты привозили в Приуралье и на Ямал свое приданное, которое включало и меховую одежду. Кроме того, через год после свадьбы, когда молодая навещала родителей, ей дарили одного или нескольких оленей и новую шубу (*Евсюгин* 1975: 89; *Костиков* 1930: 22). Из этого следует, что паницы канинского типа в низовьях Оби не были редкостью. Подтверждение мы находим на «шторках» Николая Шахова, изготовленных в 1830–1840-е годы и описанных впервые В.Н. Чернецовым (*Чернецов* 1949: 7–33). На шторке II изображены сцены быта рыбаков, среди которых шесть женщин, одетых в паницы канинского типа. Внизу подписано: «Губа морская» (МАЭ № 5753-2) – имеется в виду Обская губа. На шторке III, показывающей быт обитателей окрестностей Обдорска, нарисованы две женщины в таких же паницах, управляющие оленьими упряжками (МАЭ № 5753-3). Похожие изображения женщин в паницах обнаруживаем на одном из рисунков Н.И. Жерена³, приложенных к работе Фр.М. Белявского о поездке к Ледовитому морю (*Белявский* 1833).

¹ Знаменский Михаил Степанович (1833–1892) – русский писатель, мемуарист, литератор, художник, карикатурист, археолог, этнограф, краевед.

² Корнеев Емельян Михайлович (1782–1839) – русский гравёр, рисовальщик, путешественник, мастер видовой графики.

³ Жерен Николай Иванович – русский рисовальщик и литограф, сын известного художника И.М. Жерена.

Паницы и ягушки сибирских ненек хорошо видны на пяти фотографиях в приложении к работе А.А. Дунина-Горкавича «Тобольский Север» (Дунин-Горкавич 1911: 10, 11, 14, 18, 32). В альбоме ямальских экспедиций В. Евладова 1928–1929 гг. на фотографии, подписанной «Люди Северного Ямала», около оленьей упряжки рядом с мужчиной в малице стоит женщина в панице (Лица 1998: 126).

Отдельные паницы канинского типа до сих пор можно встретить в разных уголках Ямало-Ненецкого автономного округа. Этнографы находили их в конце XX – начале XXI в. в Ямальском, Надымском и Тазовском районах. Часто эта одежда хранится в вещевых нартах или сараях как семейная реликвия и надевается только по праздникам (Харючи 2001: 186; Сязи 2005: 35, 39, 118; ПМА 2005). В собрании Российского этнографического музея в Санкт-Петербурге имеется 22 экземпляра паниц, собранных в канинской, малоземельской, большеземельской тундрах и на о. Колгуев, а также три экземпляра из района Обдорска и Южного Ямала (Каранетова 2008: 66). Две паницы, приобретенные на п-ове Ямал, находятся в коллекции Музейно-выставочного комплекса им. И.С. Шемановского в Салехарде.

* * *

Мы рассмотрели всего два предмета из Сибирской коллекции Краковского этнографического музея – шубу и шапку из собрания Собанского. Однако сколько интересных сведений мы отыскали, исследуя их происхождение и назначение! Нам удалось пролить свет на некоторые факты биографии дарителя – Исидора-Александра Собанского, не самого известного представителя рода Собанских. В ходе работы была обнаружена не известная ранее литография В.Д. Сверчкова, на которой женщина одета в шубу и шапку, очень похожие на предметы из собрания Собанского. Мы выяснили, что шапки из шкур росوماхи были частью повседневной одежды ненецких женщин на всем пространстве расселения этого народа. Иногда их носили шаманы. Мы уточнили сведения о том, что паницы канинского типа бытовали не только у ненцев европейских тундр, но и в Приуралье, и в низовьях Оби, куда их привозили невесты.

Кроме этого, мы вышли на такие еще ждущие своих исследователей, малоизученные темы, как польские ссыльные в Западной Сибири и изображение ненцев в работах русских и зарубежных художников.

Надеемся, что изучение остальных предметов Сибирской коллекции Краковского этнографического музея принесет не менее интересные результаты.

Источники и материалы

Брокгауз, Ефрон 1899 – Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. Т. XXVII. СПб., 1899.

Брокгауз, Ефрон 1900 – Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. Т. XXXа. СПб., 1900.

БСЭ – Росوماха // Большая советская энциклопедия. <http://bse.sci-lib.com/article097681.html>
ВИ 1877 – Всемирная иллюстрация. 1877. № 428. IX год. Т. XVII. № 12. 12 марта 1877 года.

ГБУТО ГАТ 1 – Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске» (ГБУТО «ГА в г. Тобольске»). Ф. И-152. Оп. 1. Д. 145, Дело об облегчении участи отданных в военную службу за участие в мятеже. 1866 г.

ГБУТО ГАТ 2 – Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государствен-

- ный архив в г. Тобольске» (ГБУТО «ГА в г. Тобольске»). Ф. И-154. Оп. 8. Д. 72, Ревизские сказки о крещённых инородцах Обдорской волости. 1795 г.
- Даль* 1880 – *Даль В.* Толковый словарь живаго великорусскаго языка. Т. 1. Спб.; М.: Изд-во М.О. Вольфа, 1880.
- Дмитриев-Мамонов, Голодников* 1884 – *Дмитриев-Мамонов А.И., Голодников К.М.* (Сост.). Памятная книжка Тобольской губернии на 1884 г. Тобольск: Тип. губернского правления. 1884.
- Древо Собанских – Древо Собанских // Путешествуя Историей: история архитектурных памятников, особняков, бывших имений и семей, ими владевших. <http://sergekot.com/drevo-sobanskih>
- Журавлёва* 2006 – *Журавлёва Т.Ю.* (сост.) Ненецкая зимняя одежда в собрании ненецкого краеведческого музея. Каталог. Нарьян-Мар, 2006.
- КЭМ – Краковский этнографический музей. Сибирская коллекция / Собрание И.-А. Собанского: шапка (№ 19106); шуба (№ 24211).
- Литография № 09-002893_A5 – Ненцы Архангельской губернии. Редкая литография по рисунку с натуры Владимира Сверчкова // Графика.ру. <http://www.grafika.ru/item/09-002893?г=4395> (дата посещения: 05.06.2019).
- Меньшакова, Талеева* 2011 – *Меньшакова Е.Г., Талеева Л.П.* (Сост.). Сакральные предметы ненцев Архангельских тундр. Нарьян-Мар: Ненецкий краеведческий музей, 2011.
- Пика* 1998 – *Пика Т.И.* (сост.) Земля Ямал. Альбом ямальских экспедиций В.П. Евладова. М.: Советский спорт, 1998.
- ПМА 2005 – Полевые материалы Ю.Н. Квашнина, 2005 г. с. Сё-Яха, Ямальский р-н ЯНАО. Тетрадь № 1.
- ПМА 2019 – Полевые материалы А. Дыбчак, Я. Кукучка, 2019 г. Варшава, Польша. Информант: Михал Собанский.
- ПСЗРИ 1874 – Полное собрание законо в Российской империи. СПб., 1874. Т. 46. Отд. 2.
- Список дворян – Список дворян участников польского восстания 1863 года, освобожденных в 1871 году // Европейское общество генеалогии и геральдики в Эстонии. <http://genealogia.baltwillinfo.com/ukr/04.pdf>
- Сязи* 2005 – *Сязи А.М.* (авт.-сост.) Узоры северного сияния: в 2 т. Т. II, Самодийские народы. Салехард: Артвид; СПб.: Русская коллекция, 2005.
- Чайковский* 1891 – Записки Михаила Чайковского (Садык-паши) // Киевская старина. Т. XXXIV. Киев: Тип. Г.Т. Корчак-Новицкого, 1891. С. 85–96.
- Шерер... б.г. – Каталог открыток // Шерер, Набгольц и К°. <http://www.scherercards.ru>
- de Rechberg, Depping* 1812–1813 – *Rechberg C.C., Depping G.B.* Les peuples de la Russie ou description des moeurs, usages et costumes des diverses nations de l'Empire de Russie, accompagnee de figures colones. Paris: D. Colas, 1812–1813.
- Grave of Isidore Sobański – Grave of Isidore Sobański https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/0/02/Cimetiere_de_Montmartre_-_Tombeau_du_Comte_Isidor_Sobański_001.JPG
- Minakowski* n.d. – *Minakowski M.J.* Genealogia potomkow Seimu Wielkiego. <https://www.sejm-wielki.pl/b/9.112.222>
- Pauli T.* Description ethnographique des peuples de la Russie. Saint-Petersbourg: Imp. de F. Bellizard, 1862.

Научная литература

- Алтунян А.Г.* Анализ политических текстов. М.: Университетская книга; Логос, 2006.
- Андреев А.И.* Описания о жизни и упражнении обитающих в Туруханской и Березовской округах разного рода ясачных иноверцах // Советская этнография. 1947. № 1. С. 84–103.
- Бармич М.Я.* Шапки ненцев полуострова Канин // Полевые исследования ГМЭ народов в СССР 1985–1987 гг. / Отв. ред. О.В. Лысенко Л.: Гос. музей этнографии народов СССР, 1989. С. 35–36.

- Бармич М.Я.* Лексическая характеристика языка канинских ненцев // Вопросы уралистики 2014. СПб.: Нестор-История, 2014. С. 148–299.
- Бартенев В.* На крайнем северо-западе Сибири. СПб.: Типо-лит. М.Ф. Пайкина, 1896.
- Белявский Фр.* Поездка к Ледовитому морю. М.: Институт Восточных языков, 1833.
- Вениамин*, арх. 1855 – *Вениамин*, архимандрит. Самоеды мезенские // Вестник ИРГО. СПб.: Тип. Э. Праца, 1855. Ч. 14. С. 77–140.
- Гемуев И.Н., Молодин В.И., Соколова З.П.* (Отв. ред.). Народы Западной Сибири. Ханты. Манси. Селькупы. Ненцы. Энцы. Нганасаны. Кеты. М.: Наука, 2005.
- Головинов А.В.* Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург: УрО РАН, 1995.
- Долгих Б.О.* Родовой и племенной состав народов в Сибири в XVII в. М.: Наука, 1960.
- Дунин-Горкавич А.А.* Тобольский Север. Этнографический очерк местных инородцев. Т. III. Тобольск: Губернская типография, 1911.
- Евсюгин А.Д.* Свадебные обряды европейских ненцев в XIX – начале XX века // Советская этнография. 1975. № 1. С. 85–91.
- Евсюгин А.Д.* Ненцы архангельских тундр. Архангельск: Северо-Западное книжное изд-во, 1979.
- Жукова Л.Н.* Очерки по юкагирской культуре. Ч. 1. Новосибирск: Наука, 2009.
- Иславин В.* Самоеды в домашнем и общественном быту. СПб.: Министерство гос. имуществ, 1847.
- Каратетова И.А.* Традиционная женская зимняя одежда ненцев (к вопросу о происхождении) // Археология и этнография Приобья: материалы и исследования. Томск: Изд-во ТГПУ, 2008. Вып. 2. С. 64–72.
- Кастрен М.А.* Путешествие Александра Кастрена по Лапландии, северной России и Сибири (1838–1844, 1845–1849). М.: Тип. А. Семена. 1860.
- Квашин Ю.Н.* «Сие семейство отыскано и теперь находится в Обдорской волости...» (размышления над списком самоедов Берёзовского округа 1832 года) // Арктика и Север. 2019. № 35. С. 94–118. <https://doi.org/10.17238/issn2221-2698.2019.35.94>
- Княжицкая Т.В.* Литографии по рисункам В.Д. Сверчкова в собрании Государственного музея истории Санкт-Петербурга. Из истории раннего творчества мастера // Труды Государственного музея истории Санкт-Петербурга. Вып. 12. СПб., 2010. С. 12–21.
- Костиков Л.В.* Законы тундры // Труды Полярной комиссии. Вып. 3. Л.: АН СССР, 1930.
- Костров Н.* Юраки // Записки СО ИРГО. Кн. II. СПб.: Тип. Э. Праца, 1856. С. 19–32.
- Кушелевский Ю.И.* Северный полюс и земля Ялмал. СПб.: МВД, 1868.
- Латкин Н.В.* Енисейская губерния, ее прошлое и настоящее. СПб.: Тип. В.А. Тиханова, 1892.
- Левин М.Г., Потанов Л.П.* (Ред.) Историко-этнографический атлас Сибири. М.; Л.: АН СССР, 1961.
- Лепёхин И.И.* Путешествие академика Ивана Лепехина. Ч. IV. в 1772 г. СПб.: Имп. АН, 1805.
- Макаров А.* Очерк водворения по Тобольской губернии переселенцев из Царства Польского и Западных губерний после мятежа 1863 года // Оттиск из ЕТГМ. Вып. XXII. Тобольск: Тип. Тобольского Епархиального Братства, 1914.
- Максимов С.* Год на севере. СПб.: Тип. А. Траншеля, 1871.
- Паллас П.С.* Путешествие по разным местам Российского государства. Ч. 3. СПб.: Имп. АН, 1788.
- Пиге А.* Северное Поморье (лопарь, самоеды, зыряне и русские промышленники). М.: Тип. А.И. Мамонтова и К°, 1873.
- Плигузов А.И.* Текст-кентавр о сибирских самоедах. М.; Ньютонвилль: Oriental Research Partners, 1993.
- Прокофьева Е.Д.* Шаманские костюмы народов в Сибири // Сборник МАЭ. Т. XXVII. Л.: Наука, 1971. С. 5–100.
- Прыткова Н.Ф.* Одежда народов самодийской группы как исторический источник // Одежда народов Сибири / Отв. ред. С.В. Иванов. Л.: Наука, 1970. С. 3–99.

- Симанкова Л.А. Одежда долган в коллекциях Таймырского окружного музея // Музейный вестник. Вып. 2. Дудинка: Б.и., 2002. С. 30–43.
- Соколова З.П. Ханты и манси: взгляд из XXI в. М.: Наука, 2009.
- Старцев Г.А. Самоеды (ненча). Л.: Институт народов Севера, 1930.
- Фёдорова Е.Г. Историко-этнографические очерки материальной культуры манси. СПб.: МАЭ РАН, 1994.
- Харючи Г.П. Традиции и инновации в культуре ненецкого этноса. Томск: Томский ун-т, 2001.
- Хомич Л.В. Одежда канинских ненцев // Одежда народов Сибири / Отв. ред. С.В. Иванов. Л.: Наука, 1970. С. 100–121.
- Хомич Л.В. Ненцы. Очерки традиционной культуры. СПб.: Русский двор, 1995.
- Цифанова И.В. Польские переселенцы на Северном Кавказе в XIX веке: особенности процесса адаптации. Дис. ... канд. ист. наук. Ставропольский гос. ун-т, Ставрополь, 2005.
- Чернецов В.Н. Быт хантов и манси по рисункам XIX в. // Сборник МАЭ. Т. X. М.; Л.: АН СССР, 1949. С. 7–33.
- Шостакович Б.С. История поляков в Сибири (XVII–XIX вв.). Иркутск: Иркутский ун-т, 1995.
- Яструн М. Мицкевич. Жизнь замечательных людей. М.: Молодая гвардия, 1963.

*Kvashnin, Yuri N., Dybczak, Andrzej, and Kukuczka, Jacek**

Enigmas of the Krakow Ethnographic Museum Siberian Collection

Doi: 10.33876/2311-0546/2020-52-4/83-102

Two objects from the Siberian collection of the Krakow Ethnographic Museum are discussed in the article – a women's fur coat from deer fur and a hat from wolverine skin. In the course of the study, the name of the donor was found out – Isidor-Alexander Sobansky, a Polish rebel of 1863, exiled to Siberia. A previously unknown to specialists lithography by the Russian artist Vladimir Sverchkov was discovered; it depicts a woman's hat and a fur coat similar to objects from the Sobansky collection. It is known that hats from wolverine skins were part of everyday clothes of Nenets women throughout the territory of the Nenets settlement. Sometimes they were worn by shamans. The article proves that until the beginning of the 20th century women's fur coats of the Nenets of the Kaninsky peninsula were also worn in the Urals and in the lower Ob, having been brought there by brides. In addition, the article touches on poorly studied topics of the Polish exile in Western Siberia and the depiction of the Nenets in the works of Russian and foreign artists.

Thanks to the exiles who returned to their homeland from Siberia, the items that formed the basis of the Siberian collection came to Poland. The collection contains more than 350 items, including clothing, footwear, hats, products from birch bark, fur, leather and animal bones. Almost all of them were made in the 19th century by different peoples of the North and Siberia – Nenets, Selkups, Evenks, Evens, Chukchi, Koryaks, Aleuts.

Key words: *Krakow, museum, Isidore-Alexander Sobanskiy, Sobanskie, Siberian exile, Nenets, lithography, V.D. Sverchkov, wolverine, cap, panitsa*

* **Kvashnin, Yuri N.** – candidate of historical Sciences, senior researcher, Institute of the Problems of Northern Development Tyumen Scientific Center, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Tyumen, RF), E-mail: ukwa@yandex.ru

Dybczak, Andrzej – department of non-European culture, the Krakow ethnographic Museum (31060 Cracow, Cracow street, 46, Poland). E-mail: dybczak@etnomuzeum.eu

Kukuczka, Jacek – curator of collections department of non-European culture, the Krakow ethnographic Museum (31060 Cracow, Cracow street, 46, Poland). E-mail: kukuczka@etnomuzeum.eu

The research is published as part of the state assignment of the project “Antropologiczna reinterpretacja kolekcji syberyjskiej ze zbiorów Muzeum Etnograficznego w Krakowie, pochodzącej od polskich badaczy Syberii XIX wieku” (Head of the Ministry of Social Sciences G. Kubica-Heller), supported by the Ministry of Humanities higher education of the Republic of Poland

References

- Altunian, A.G. 2006. *Analiz politicheskikh tekstov* [Analysis of Political Texts]. Moscow: Universitetskaya kniga; Logos.
- Andreev, A.I. 1947. *Opisaniia o zhizni i uprazhnenii obitaiushchikh v Turukhanskoi i Berezovskoi okrugakh raznogo roda yasachnykh inovertsakh* [Descriptions about the Life and Activity Living in the Turukhansk and Berezov Districts of Various Kinds Yasak Infidels]. *Sovetskaia etnografiia* 1: 84–103.
- Barmich, M.Ya. 1989. *Shapki nentsev poluostrova Kanin* [Nenets Caps of the Kanin Peninsula]. In *Polevye issledovaniia GME narodov SSSR 1985–1987 gg.* [Field Research of the GME of the Peoples of the USSR 1985–1987], edited by O.V. Lysenko, 35–36. Leningrad: Gosudarstvennyi muzei etnographii narodov SSSR.
- Barmich, M.Ya. 2014. *Leksicheskaia kharakteristika yazyka kaninskikh nentsev* [Lexical Characteristics of the Kanin Nenets Language]. In *Voprosy uralistiki 2014* [Questions Of Uralistics 2014], 148–299. St. Petersburg: Nestor-Istoriia.
- Bartenev, V. 1896. *Na krainem severo-zapade Sibiri* [In the far Northwest of Siberia]. St. Petersburg: Tipo-litographiia M.F. Paikina.
- Beliavskii, Fr. 1833. *Poezdka k Ledovitomu moriu* [Travel to the Arctic Sea]. Moscow: Institut Vostochnykh yazykov.
- Chernetsov, V.N. 1949. *Byt khantov i mansi po risunkam XIX v.* [Life of Khanty and Mansi According to Drawings of the 19th Century]. *Sbornik MAE X*: 7–33.
- Dolgikh, B.O. 1960. *Rodovoi i plemennoi sostav narodov Sibiri v XVII v.* [Clan and Tribal Composition of the Peoples of Siberia in the 17th Century]. Moscow: Nauka.
- Dunin-Gorkavich, A.A. 1911. *Tobolskii Sever. Etnograficheskii ocherk mestnykh inorodtsev* [Tobolsk North: Ethnographic Essay of Local Foreigners]. Vol. III. Tobolsk: Gubernskaia tipografiia.
- Evsyugin, A.D. 1975. *Svadebnye obriady evropeiskikh nentsev v XIX – nachale XX veka* [Wedding Ceremonies of European Nenets in the 19th – Early 20th Centuries]. *Sovetskaia etnografiia* 1: 85–91.
- Evsyugin, A.D. 1979. *Nentsy arkhangel'skikh tundr* [Nenets of the Arkhangelsk Tundra]. Arkhangelsk: Severo-Zapadnoe knizhnoe izdatel'stvo.
- Fedorova, E.G. 1994. *Istoriko-etnograficheskie ocherki materialnoi kultury mansi* [Historical and Ethnographic Essays on the Mansi Material Culture]. St. Petersburg: MAE RAN.
- Gemuev, I.N., V.I. Molodin, and Z.P. Sokolova, eds. 2005. *Narody Zapadnoi Sibiri: Khanty, Mansi, Sel'kupy, Nentsy, Entsy, Nganasany, Kety* [Peoples of Western Siberia: Khanty, Mansi, Selkups, Nenets, Enets, Nganasans, Kets]. Moscow: Nauka.
- Golovnev, A.V. 1995. *Govoriashchie kultury: traditsii samodit'sev i ugrov* [Talking Cultures: Traditions of Samoyeds and Ugrians]. Ekaterinburg: UrO RAN.
- Islavin, V. 1847. *Samoedy v domashnem i obshchestvennom bytu* [Samoyeds in Home and Public Life]. St. Petersburg: Ministerstvo gosudarstvennykh imushchestv.
- Karapetova, I.A. 2008. *Traditsionnaia zhenskaia zimniaia odezhda nentsev (k voprosu o proiskhozhdenii)* [Traditional Women's Winter Clothing of the Nenets (on the Issue of Origin)]. In *Arkheologiya i etnografiia Priob'ia: materialy i issledovaniia* [Archeology and Ethnography of the Ob Region: Materials and Studies]. Vol. 2: 64–72. Tomsk: Izdatel'stvo TGPU.
- Kastren, M.A. 1860. *Puteshestvie Aleksandra Kastrena po Laplandii, severnoi Rossii i Sibiri (1838–1844, 1845–1849)* [Travel of Alexander Castren in Lapland, Northern Russia and Siberia (1838–1844, 1845–1849)]. Moscow: Tipografiia A. Semena.

- Khariuchi, G.P. 2001. *Traditsii i innovatsii v kulture nenetskogo etnosa* [Traditions and Innovations in the Culture of the Nenets Ethnos]. Tomsk: Tomskii universitet.
- Khomich, L.V. 1970. *Odezhda kaninskikh nentsev* [Clothing of the Canin Nenets]. In *Odezhda narodov Sibiri* [Clothing of the Peoples of Siberia], edited by S.V. Ivanov, 100–121. Leningrad: Nauka.
- Khomich, L.V. 1995. *Nentsy. Ocherki traditsionnoy kultury* [Nenets: Essays on Traditional Culture]. St. Petersburg: Russkii dvor.
- Kniazhitskaia, T.V. 2010. Litografii po risunkam V.D. Sverchkova v sobranii Gosudarstvennogo muzeia istorii Sankt-Peterburga. Iz istorii rannego tvorchestva мастера [Lithographs by V.D. Sverchkov in the Collection of the State Museum of the History of St. Petersburg: From the History of the Early Work of the Master]. In *Trudy Gosudarstvennogo muzeia istorii Sankt-Peterburga* [Collection of Works of the State Museum of the History of St. Petersburg]. Vol. 12: 12–21. St. Petersburg.
- Kostikov, L.V. 1930. *Zakony tundry* [The Laws of the Tundra]. *Trudy Poliarnoi komissii* [Proceedings of the Polar Commission]. Vol. 3. Leningrad: AN SSSR.
- Kostrov, N. 1856. Yuraki [Yuraki]. *Zapiski Sibirskogo otdela imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva* II: 19–32.
- Kushelevskii, Yu.I. 1868. *Severnyi polius i zemlia Yalmal* [North Pole and Yalmal Land]. St. Petersburg: Ministerstvo vnutrennikh del.
- Kvashnin, Yu.N. 2019. “*Sie semeistvo otyskano i teper’ nakhoditsia v Obdorskoj volosti...*” (*razmyshleniia nad spiskom samoedov Berezovskogo okruga 1832 goda*) [“This Family has Been Found and is Now Located in Obdorsk Region...” (Reflections on the List of Samoyeds of Berezovsky District in 1832)]. *Arktika i Sever* 35: 94–118. <https://doi.org/10.17238/issn2221-2698.2019.35.94>
- Latkin, N.V. 1892. *Eniseiskaia guberniia, ee proshloe i nastoiashchee* [Yenisei Province, Its Past and Present]. St. Petersburg: Tipografiia. V.A. Tikhanova.
- Lepekhin, I.I. 1805. *Puteshestvie akademika Ivana Lepekhina. P. IV. V 1772 g.* [The Travel of Academician Ivan Lepekhin. P. IV. In 1772]. St. Petersburg: Imperatorskaia AN.
- Levin, M.G., and L.P. Potapov, eds. 1961. *Istoriko-etnograficheskii atlas Sibiri* [Historical and Ethnographic Atlas of Siberia]. Moscow; Leningrad: AN SSSR.
- Makarov, A. 1914. *Ocherk vodvoreniia po Tobol’skoi gubernii pereselentsev iz Tsarstva Polskogo i Zapadnykh gubernii posle miatezha 1863 goda* [Essay of the Placement of Immigrants from the Kingdom of Poland and the Western Provinces in the Tobolsk Province after the Rebellion of 1863]. In *Ottisk iz Ezhegodnika Tobolskogo gosudarstvennogo muzeia* [Overprint from the Yearbook of the Tobolsk State Museum]. Vol. XXII. Tobolsk: Tipografiia Tobolskogo Eparhialnogo Bratstva.
- Maksimov, S. 1871. *God na Severe* [Year in the North]. St. Petersburg: Tipografiia A. Transhelia.
- Pallas, P.S. 1788. *Puteshestvie po raznym mestam Rossiiskogo gosudarstva* [Traveling to Different Places of the Russian State]. St. Petersburg: Imperatorskaia AN.
- Pige, A. 1873. *Severnoe Pomorie (lopari, samoedy, zyriane i russkie promyshlenniki)* [Northern Pomorie (Lopars, Samoyeds, Zyryans and Russian Industrialists)]. Moscow: Tipografiia A.I. Mamontova i K°.
- Pliguzov, A.I. 1993. *Tekst-kentavr o sibirskikh samoedakh* [Text-Centaur about Siberian Samoyeds]. Moscow; Newtonville: Oriental Research Partners.
- Prokofieva, E.D. 1971. *Shamanskie kostiumy narodov Sibiri* [Shamanistic Costumes of the Peoples of Siberia]. *Sbornik MAE XXVII*: 5–100.
- Prytkova, N.F. 1970. *Odezhda narodov samodiiskoi grupy kak istoricheskii istochnik* [Clothing of the Peoples of the Samoyed Group as a Historical Source]. In *Odezhda narodov Sibiri* [Clothing of the Peoples of Siberia], edited by S.V. Ivanov, 3–99. Leningrad: Nauka.

- Shostakovich, B.S. 1995. *Istoriia poliakov v Sibiri (XVII–XIX vv.)* [History of Poles in Siberia (17th–19th Centuries)]. Irkutsk: Irkutskii universitet.
- Simankova, L.A. 2002. Odezhda dolgan v kollekttsiakh Taimyrskogo okruzhnogo muzeia [Dolgan Clothes in the Collections of the Taimyr District Museum]. In *Muzeinyy vestnik* [Museum Herald]. Vol. 2: 30–43. Dudinka.
- Sokolova, Z.P. 2009. *Khanty i mansi: vzgliad iz XXI v.* [Khanty and Mansi: a Look from the 21st Century]. Moscow: Nauka.
- Startsev, G.A. 1930. *Samoedy (nencha)* [Samoyeds (Nencha)]. Leningrad: Institut narodov Severa.
- Tsifanova, I.V. 2005. *Polskie pereselentsy na Severnom Kavkaze v XIX veke: osobennosti protsessy adaptatsii* [Polish Immigrants in the North Caucasus in the 19th Century: Features of the Adaptation Process]. PhD diss. Stavropol State University.
- Veniamin, arhimandrit. 1855. *Samoedy mezenskie* [Mezen Samoyed]. *Vestnik Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva* 14: 77–140.
- Yastrun, M. 1963. *Mitskevich* [Mickiewicz]. Moscow: Molodaia gvardiia.
- Zhukova, L.N. 2009. *Ocherki po yukagirskoi kulture* [Essays on Yukagir Culture]. P. 1. Novosibirsk: Nauka.

© А.А. Лебедева

БЕГУЩАЯ ПО ВОЛНАМ ВРЕМЕНИ: МОДЕЛЬ КАНОЭ ИЗ XIX в.

В корабельном фонде Центрального военного-морского музея хранится модель микронезийского каноэ, изготовленная в 1819 г. по чертежам, снятым непосредственно с судна островитян в ходе плавания Отто Евстафьевича Коцебу 1815–1818 гг. Этот предмет, реконструирующий доконтактный облик микронезийского каноэ, является чрезвычайно ценным источником по традиционной культуре мореплавания региона. Однако именно в таком качестве модель ранее не привлекала внимания исследователей.

В ходе проведенной работы мы, во-первых, рассмотрели исторический контекст появления предмета, что позволило провести его атрибуцию. Во-вторых, были определены конструктивные параметры модели путем проведения обмеров и создания теоретического чертежа. Данные были конвертированы в графические программы. Микронезийские каноэ – высокотехнологичные объекты традиционной культуры, в них реализованы самобытные принципы судостроения, основанные на эмпирическом использовании островитянами законов гидро- и аэродинамики, сегодня выраженных сложными формулами и уравнениями. Поэтому для «активации» исследовательского потенциала модели необходимо оперировать этими точными техническими данными. Только такой подход может обеспечить адекватный анализ конструктивных характеристик для корректной постановки и решения вопросов, связанных с мореходными возможностями каноэ. Настоящее исследование, таким образом, задумано, как первое в серии, посвященной данному предмету.

Ключевые слова: Микронезия, модель, каноэ, технологии, реконструкция

Появление модели и культурный контекст

Начиная рассказ о модели каноэ № 360, хранящейся в корабельном фонде Центрального военно-морского музея, непросто выбрать точку отсчета. В этом изящном предмете неразрывно переплетены такие сюжеты, как первые русские кругосветные плавания, формирование ранних этнографических источников по Океании, история изучения этого региона, в частности в аспектах, связанных с высокоразвитой культурой традиционного судостроения. Находящаяся в прекрасном состоянии модель была дополнительно отреставрирована в 2016 г. (в основном косметические работы) и неоднократно принимала участие в выставках. Тем не менее за 200 лет с момента своего создания она ни разу не становилась объектом исследования, позволивше-

Рис. 1. Фотография модели каноэ № 630 из фондов ЦВММ. Изображение из БД КАМИС ЦВММ

руководством Глотова по распоряжению морского министра де Траверсе. В 1819 г. передана музею (МПМ № 630).

Сам факт создания модели хорошо отражен в документах: имеется указ Государственного Адмиралтейского департамента № 170, рапорт заведующего мастерской А.Я. Глотова (РГА ВМФ. Д. 548. Л. 166) и запись в Генеральной описи МГАД о поступлении модели судна островов графа Румянцева в Музей 11 февраля 1819 г. (РГА ВМФ Д. 1203)¹.

«7 февраля

*В Государственный Адмиралтейский департамент
Чиновника 7 класса и кавалера Глотова*

Рапорт

По особому приказанию сделанному мне от Министра Морских сил Адмирала Маркиза Ивана Ивановича де Траверсе, велено построить модель судна с островов Графа Румянцева, открытых Капитан-лейтенантом Коцебу. Каковому судну подлинный образец сего февраля 3-го дня мне был дан. Посему, выполняя волю Министра, то что таковая Модель у меня в Мастерской сделана, которую Департаменту честь имею представить, покорно прошу о записке оной дать мне указ, ибо желание Министра есть то, что бы таковая Модель судна островов Графа Румянцева, открытых Коцебу находилась в Модель Каморе».

¹ История создания модели неразрывно связана с судьбой ранних этнографических коллекций из Океании, переданных после расформирования Музеума Адмиралтейского департамента в МАЭ РАН. Вследствие сложной музейной судьбы этого собрания (в настоящий момент коллекция МАЭ РАН № 736) многие его предметы до сих пор точно не атрибутированы и проходят «глухими списками»; в частности, у нас нет прямых указаний на наличие в коллекции вещей из экспедиции Коцебу. Однако сам факт создания модели по чертежам, говорит о сборе этнографической информации, а значит, возможности существования и других объектов. «Существуют и вполне материальные следы: некоторые вещи из коллекции № 736 атрибутируются как происходящие с Маршалловых островов, с островов Туамоту и, возможно, с о-ва Тонгарева. Вероятно, коллекция Коцебу в 1819 г. была передана в Адмиралтейский департамент без указа (либо указ был утрачен)» (Белков 2015:188).

го бы ввести в научный оборот ее значимый потенциал (Рис. 1).

Согласно паспорту музейного предмета, модель изготовлена по обмерным чертежам, снятым во время кругосветного плавания на бриге «Рюрик» 1815–1818 гг. и представляет судно жителей островов графа Румянцева в архипелаге Россиян, открытом Коцебу в 1816 г. (ныне это о-в Тикей в арх. Туамоту). Модель делалась в Модельной мастерской Морского музея под

Слева:

«Касательно постройки Модели в модельной мастерской
Февраля 7 дня 1819».

Ниже, другой рукой:

«*Опред: 7 февраля О запи...* (неразборчиво. – А.Л.)

Модели в число прочих по Модель Каморе дать Г. Глотову указ...

(Дальше неразборчиво. – А.Л.)

Указ № 170».

В дальнейшем по мере преобразования музейной документации предмет последовательно фигурирует в разных описях (КК 1866, 1887) и, несмотря на изменение номера, его судьба без труда прослеживается до сегодняшнего дня. В то же время в приведенной выше выписке из музейного паспорта заложена немалая интрига, касающаяся, с одной стороны, географической атрибуции модели, с другой – предыстории ее создания.

Традиционные каноэ всех, за незначительным исключением, регионов и островных групп Океании обладают характерными особенностями, отличающими их от судов большинства других регионов ойкумены. Это или катамараны с двумя равновеликими корпусами, или лодки, оснащенные аутригером¹. Поплавок аутригера в некотором смысле можно рассматривать как второй редуцированный корпус, что и объединяет оба конструктивных решения, зародившихся в культуре австронезийцев – предков большинства современных народов островной Юго-Восточной Азии и Тихого океана.

Трудно сказать, по какой причине эта группа населения около 5 тыс. лет назад покинула материковую часть Юго-Восточной Азии: была ли это необходимость, связанная, например, с неспособностью противостоять соседним народам, или просто дух мореплавания был у них в крови. Часть их устремилась на запад и достигла Мадагаскара; здесь (как и на юге о-ва Цейлон, через который, вероятно, лежал путь этой группы) мы также видим каноэ с балансиrom. Основной поток мигрантов избрал восточное направление. В своем продвижении через цепи островов Индонезии, Филиппин и Меланезии и далее в открытый океан они сталкивались с необходимостью адаптировать судостроительную культуру к изменяющейся окружающей среде. Мобильность этих групп, вероятно, поначалу не позволяла освоить навыки металлообработки даже на тех территориях, где встречались руды металлов, а позднее, по мере изменения географических условий, это стало невозможно в связи с исчезновением и самого ресурса. На отдаленных небольших островах, в особенности на коралловых атоллах Микронезии, возникает дефицит основного строительного материала – древесины. Все это заставило искать новые технологические и конструктивные решения, в частности альтернативу широкому, тяжелому и в достаточной мере заглубленному корпусу, бытовавшему в более привычных для нас судостроительных традициях Европы и Азии. На смену лодкам с двойным балансиrom, относящимся, по всей видимости, к ранним этапам мореходной истории австронезийцев² (Лебедева 2013: 62–79) и до сих пор распространенным на Филиппинах и в Индо-

¹ *Outrigger* (англ.), *balancier* (фр.), в русских источниках встречается термин «коромысло». Представляет собой параллельный борту поплавок, вынесенный на некоторое расстояние от корпуса с помощью системы балок.

² Проблема генезиса многокорпусных судов в индонезийско-океанийском регионе подробнее рассмотрена в монографии автора «Искусство мореплавания народов Микронезии». СПб., 2013.

незии, приходят более приспособленные к новым условиям навигации катамаран и/или каноэ с одним аутригером. Каждое из этих решений направлено на достижение остойчивости (важнейшей мореходной характеристики судна), которой был лишен узкий, длинный и незначительно заглубленный корпус.

В то же время, несмотря на общность происхождения и сходство конструктивных принципов, суда различных регионов и островных групп внутри Океании обладают локальной спецификой, которая не исчерпывается различием между названными формами (*Haddon, Hornell* 1936, 1937, 1938; *Howe* 2007). Варьируются конфигурации корпуса и поплавок, набор и расположение балок аутригера (от пары брусьев до сложных конструкций из продольных и поперечных связующих деталей), отличается парусное вооружение. Если добавить к этому тот факт, что сведения о каноэ разных регионов, в особенности восходящие к периоду ранних контактов, неравноценны, а порой и противоречивы, то нужно учитывать возможность ошибки в географической атрибуции судна (модели).

В частности, именно лодки островов Туамоту описаны очень скудно. Однако мы с большой долей вероятности можем предполагать, что это были катамараны, как и большинство полинезийских судов для межостровных плаваний (*Howe* 2007: 117). Рассматриваемая же модель представляет собой каноэ с аутригером. Карта распространения такого каноэ чрезвычайно широка, оно встречается во всех трех регионах Океании и демонстрирует значительное разнообразие форм. Несмотря на это, нам нет необходимости «прикладывать» модель ко всем точкам этой карты, достаточно сопоставить ее с маршрутом капитана Коцебу и материалами его экспедиции, в т.ч. с рисунками художника Луиса Хориса¹ (*Choris* 1822: XI, XII), относящимися к двум микронезийским архипелагам: Каролинским и Маршалловым островам.

Лодки всех островных групп Микронезии с точки зрения конструкции типологически схожи и представляют наиболее специализированный вариант каноэ с одним аутригером. Его основная особенность – взаимозаменяемые (одинаковые) нос и корма, благодаря чему оно приспособлено к двустороннему движению. Это, в свою очередь, позволяет каноэ маневрировать таким образом, что аутригер всегда остается с наветренного борта – именно в этом положении он работает оптимально. К особенностям маневрирования адаптирован т.н. латинский океанийский парус на качающейся мачте, переносимый при смене галса не на другой борт, а на другую оконечность лодки². Соотношение длины и ширины корпуса каноэ с аутригером, чье основание выполнено из одного древесного ствола, привело к значительному увеличению скоростных качеств. В особенности это проявляется, когда при крене лодки поплавок аутригера поднимается над водой и переходит в «неводоизмещающее состояние» вследствие уменьшения т.н. сопротивления формы. Можно заметить, что возможность развивать значительную скорость стала важным условием успешного достижения отдаленных островов на судне, которое (в отличие от полинезийских катамаранов) не может вместить большое количество запасов.

¹ Луис Хорис – участник плавания Коцебу, художник. В его альбоме цветных литографий представлены ценные материалы по этнографии посещенных экспедицией регионов.

² См., напр.: «Для поворота на другой галс отдается во первых шхот, чтобы остановить ход лодки; потом галсовый угол паруса снимается с банки, в которую упирался и несется под ветром мачты к такой же банке в другом конце лодки, в которую сторону наклоняется и мачта... опустя легонько угол паруса на банку, натягают шхот, и лодка пошла вперед другим галсом» (*Литке* 1834: 55).

Существующие внутрирегиональные различия касаются и незначительных для гидродинамики особенностей, таких как набор аутригера или украшение штевней¹. Данные особенности, однако, вполне информативны при определении географической привязки. Характерный облик нашей модели хорошо узнаваем в маршалльском каноэ на рисунках Хориса. Видим мы чрезвычайно похожие изображения и в более поздних визуальных источниках по этому региону (*Heermann* 2009: 201, 205), включая фотографии из коллекции МАЭ РАН, датируемые концом XIX в. (МАЭ РАН. И-1704-2/35, И-1704-2/40).

Другими словами, поводов для сомнений не остается, а ошибка, скорее всего, закралась вследствие недостаточного учета изобразительных источников, с одной стороны, и благодарности капитана Коцебу снарядившему экспедицию графу Николаю Петровичу Румянцеву – с другой. Дело в том, что Коцебу действительно побывал на обоих архипелагах. И хотя его основные открытия связаны именно с Маршаллами, в архипелаге Туамоту им был обнаружен небольшой островок, который он назвал в честь Румянцева. В начале января 1916 г. «Рюрик» дошел до северной части группы Радак на Маршалловых островах. Здесь большой группе атоллов (ныне Вотье) Коцебу также присваивает имя мецената (*Коцебу* 1821. Ч. I: 60, 61; Ч. II: 85).

Помимо рисунков, фотографий и моделей, существует одно, чрезвычайно важное для нас упоминание, которое одновременно является еще одним подтверждением географической атрибуции нашей модели и мостиком ко второй отмеченной проблеме. Упоминание это принадлежит перу участника экспедиции, естествоиспытателя Адельберта Шамиссо²: *«Капитан Коцебу приказал тщательно изготовить достаточно большую модель местного судна при помощи самых опытных островитян Отдиа»*³. Капитан уделил ему столько внимания, сколько оно того заслуживает с точки зрения моряка» (*Шамиссо* 1986: 141). Таким образом, идея создания модели маршалльского каноэ принадлежит непосредственно Коцебу, и, более того, предполагалось, что она будет реализована непосредственно на месте. Однако из паспорта предмета явствует, что на месте были сделаны только обмерные чертежи. Мы не находим у участников экспедиции указаний на то, с чем это было связано; кроме того, к величайшему сожалению, это любопытнейшее изображение на данный момент не обнаружено. Особый интерес вызывает тот факт, что модель снабжена неаутентичным парусным вооружением. Как известно, т.н. теоретический чертеж судна представляет только его корпус в трех проекциях; возможно, не было сделано дополнительных зарисовок парусного оснащения, и оно восстанавливалось по памяти или же было добавлено к модели позднее – все эти вопросы остаются без ответов. Детализация изображения, несомненно, зависела и от автора, а нам также не известно, был ли это моряк, разбирающийся в судостроении, или художник экспедиции Хорис. Продолжая в своей книге рассказ о микронезийских лодках, Шамиссо отмечает некоторые неточности, допущенные Хорисом в изображении маршалльского каноэ, причем именно в части оснастки. В боковой проекции художник поместил основание мачты на подветренную платформу (*Choris* 1822: XI), в то время как шпор⁴ (который действитель-

¹ Носовая и кормовая вертикальные или наклонные части корпуса.

² Помимо ботанических и зоологических наблюдений Шамиссо уделял много внимания культуре исследуемых земель. Оригинальное издание его трудов вышло в 1836 г. на немецком языке и включает даже лингвистические исследования.

³ Вотье.

⁴ Нижний конец мачты.

но смещался от диаметральной плоскости) устанавливается «на балке вне корпуса со стороны поплавка» (Шамиссо 1986: 142). На следующем рисунке (*Choris* 1822: XII) мачта изображена с правильной стороны, но «вынесена в сторону поплавка дальше, чем это имеет место в действительности. В целом рисунки Хориса неполны», – делает достаточно категоричное заключение Шамиссо. Можно также добавить, что парус нарисован в спущенном виде, и, таким образом, это изображение также не могло послужить ключом к реконструкции вооружения модели.

Неудивительно, что микронезийские каноэ привлекли внимание русских моряков. Сотни лет назад древние корабли эмпирическим путем освоили то, что мы теперь называем теорией корабля. Их «летучие проа» были самыми быстроходными парусными судами в мире, и именно на них человек достиг наиболее труднодоступных земель – затерянных в Великом океане крошечных коралловых атоллов.

Историко-теоретический аспект

Географические открытия русских мореплавателей были одними из последних в Тихом океане. Дальнейшая колониальная история океанийских народов привела, кроме прочего, не просто к упадку, а и к фактическому искоренению традиционного мореплавания. Под натиском цивилизации, с одной стороны, и в результате осознанных действий колониальных властей – с другой, были утрачены навыки и тонкости судостроительного мастерства, уникальные методы безынструментального ориентирования. Осознание потери пришло лишь в последней трети XX в., когда по всей Океании возникают общества по возрождению традиционного мореплавания (первое в этом ряду – «Polynesian Navigation Society» на Гавайских островах). Их активистами проделана колоссальная работа в этой области, и тем не менее часть этого культурного наследия утрачена безвозвратно.

В начале 90-х годов прошлого века подобное сообщество возникает и на Маршалловых островах (*Alessio* 1993; *Alessio, Kelen* 2004). Его вдохновитель Дэнис Алесслио особо выделял именно русские источники среди прочих, легших в основу реконструкции каноэ этого региона. «Капитан Отто Коцебу впервые посетил цепи Ратак и Ралик на борту брига “Рюрик” <...> На борту находились Адальберт фон Шамиссо в качестве натуралиста и Луис Хорис в качестве художника... Действительно, первое подробное описание маршалльского каноэ с аутригером принадлежит Шамиссо» (*Alessio* 1993: 14).

Реконструкция традиционного мореплавания – это не просто работа по сохранению культурного наследия, это важная часть более широкой и все еще крайне неравномерно изученной проблемы освоения Тихого океана, которой мы вскользь коснулись в начале статьи. Общеизвестна теория, согласно которой Марианские острова, Палау и, возможно, запад Каролинских островов заселялись непосредственно с Филиппин около 3,5–4 тыс. лет назад, а спустя 500–1000 лет были освоены восток Каролин, острова Маршалловы и Гилберта. Состоящие полностью из атоллов, эти области представляют особенную сложность с точки зрения изучения ранних этапов истории, т.к. в силу геологических причин здесь практически отсутствуют археологические памятники. Предполагается, что в этногенезе населения этих островов принимали участие меланезийские народы, пришедшие с юга, тем не менее конкретный регион указывается с осторожностью. Таким образом, датировки обеих волн заселения определены приблизительно, а промежуточный период практически не изучен.

Освоение тех или иных территорий – это не в последнюю очередь вопрос физической возможности их достижения; в нашем случае эти возможности слагаются из мореходных качеств каноэ и особенностей окружающей среды (преобладающие ветра, течения и т.п.). Совместное влияние этих факторов буквально выстраивало те или иные маршруты: одинаковая для нас пустыня океана, с точки зрения мореплавателей древности, была четко зонирована на «дороги» и «бездорожье». Экспериментальный метод поиска ответа на вопрос, откуда и куда можно пойти, рассматривая мореходные свойства судна и навигационные условия, в которых оно движется, связан с именем Тура Хейердала. Отдельные экспериментальные плавания осуществлялись и в рамках деятельности упомянутых сообществ по реконструкции традиционного мореплавания в Океании (Финни 1996; Finney 1991).

В уже упоминавшейся выше монографии автора этих строк с учетом имеющихся данных о заселении Микронезии, специфики акватории (от восточных рубежей Филиппин и Индонезии, северных границ Меланезии до микронезийских архипелагов), особенностей микронезийских каноэ и того факта, что все они относятся к одному конструктивному типу, сделана попытка закрыть белые пятна в истории освоения «крошечных островов».

Культура «микронезийского каноэ», по всей видимости, начала формироваться где-то в филиппино-индонезийском регионе. Затем она стала распространяться на северо-восток. Некоторые группы вышли в океан непосредственно из Юго-Восточной Азии, сформировав население западных микронезийских архипелагов. Другие группы могли продвигаться вдоль островов несколько дальше на юго-восток, в Меланезию, по пути приобретая новые культурные черты, но затем также были вынуждены отодвинуться на север, участвуя в заселении и этногенезе юго-восточной части Микронезии.

Указанная Гребнером зона северо-восточных границ Меланезии может объясняться не только последующим влиянием микронезийской культуры, но и самим происхождением микронезийской «мореходной школы». В своем проникновении на северо-восток предки микронезийцев использовали северо-восточные границы Индонезии и Меланезии в качестве плацдарма. Они стали той линией, по которой впервые обозначил себя новый тип каноэ, возникновение которого было связано с продвижением в океан. Специфическая судостроительная традиция тем самым оставалась неизменной, позволяя, существовать как бы на «кромке» океана и сохранять соответствующие знания и умения, которые могли быть востребованы в любой момент (Лебедева 2013: 83–84).

Очевидно, впрочем, что это не более чем предположение. В этой связи, суммируя все вышеизложенное, эффективным подходом к решению проблемы представляется поэтапное исследование. Начинаться оно должно с предварительного анализа указанных факторов в их взаимодействии для получения «коридора значений»; за этим следуют экспериментальная проверка полученных данных и, с ее учетом (при необходимости) корректировка выводов. Модель каноэ с Маршалловых островов из собрания ЦВММ применительно к региону своего происхождения, несомненно, может служить ценным источником и отправной точкой для такого исследования, поскольку является копией аутентичного каноэ 200-летней давности, т.е. доконтакт-

ного для этого региона периода. Модель отличается тонкой работой и демонстрирует (за упомянутым исключением в части парусного вооружения) все особенности микронезийского каноэ, включая неочевидную (!) для европейца незначительную асимметрию обводов бортов. Это еще одна удивительная конструктивная находка микронезийских корабелов, позволяющая противостоять дрейфу. Уплощенный борт располагается с подветренной стороны, благодаря худшему обтеканию здесь возрастает давление, каноэ «упирается» в воду и снос под ветер¹ уменьшается. Примечательно, что Алессио не было известно о существовании модели, и он ориентировался только на опубликованные источники из экспедиции на «Рюрике»; тем не менее исследователь особо отмечал значимость материалов экспедиции Коцебу с точки зрения их детальности, исторической и этнографической ценности. Все это не только дает нам право рассматривать модель № 360 в указанном Алессио контексте, но и (принимая в расчет то, что как материальный объект она имеет ряд преимуществ перед текстами и изображениями) обязывает отнестись к ней с особым вниманием.

Принципы обмера и построения изображений

На текущем этапе исследования была поставлена задача обмера модели и создания на его основе теоретического чертежа, а также трехмерных изображений с использованием современных компьютерных технологий².

Для проведения обмера на подставку модели постелили масштабнo-координатную чертежную бумагу, приняв верхнюю поверхность подставки за горизонтальную плоскость (по осям XY), а диаметрoльное сечение основного корпуса – за вертикальную плоскость (по осям XZ). На плоскость XY с помощью угольника было перенесено 52 точки: две опустили с оконечностей штевной и 12 пар, разбивающих корпус на 12 сечений, – с верхней кромки бортов; аналогичным образом была построена горизонтальная проекция поплавка аутригера. В заданных парах точек с помощью профильной линейки были сняты шаблоны сечений основного корпуса и аутригера. Используя эти шаблоны (YZ), положение заданных точек на плоскости XY и высоту (Z) – расстояние до плоскости XY, мы получили проекции корпуса по трем осям, что и стало основой для создания теоретического чертежа. Для воспроизведения деталей, которые не могут быть учтены при проецировании, было сделано несколько сотен фотографий в высоком разрешении с разных ракурсов. Чертежи были отсканированы и переведены в кривые в программе CorelDRAW. Из экспортированных кривых в 3ds Max по сечениям были построены формы основного корпуса и аутригера. Затем с учетом фотографий в трех проекциях были воссозданы остальные части судна.

¹ Под воздействием силы ветра всякое парусное судно в большей или меньшей степени отклоняется от курса в подветренную сторону. Противостоять этому негативному эффекту и удерживать нужный курс (угол к ветру) помогает сопротивление подводной части корпуса. На современных яхтах эту задачу выполняют плавниковые кили или подъемные шверты – доски, вставляемые в прорезь в днище; на старинных парусниках этому способствовала (в целом менее эффективно) достаточно большая площадь погруженной в воду поверхности корпуса.

² Данные работы выполнены инициативной группой специалистов в составе: П.В. Дудченко (обмер модели, расчет площади парусного вооружения), И.В. Адамчик (чертежи), Д.А. Чирков (компьютерная обработка модели, создание 3D изображения). Автор выражает им особую благодарность за помощь и высокий профессионализм.

Второй задачей была реконструкция парусного вооружения, которое, как упоминалось, на модели не соответствует традиционному оснащению каноэ. Площадь паруса и соотношение длин его сторон были приняты с опорой на иллюстративные источники и расчеты кренящего и восстанавливающего моментов. Необходимо отметить, что эти параметры наиболее уязвимы и нуждаются в корректировке в ходе практического тестирования (Рис. 2, 3, 4)¹.

В некоторой степени процесс движения от модели вновь к чертежам напоминает перевод фразы с языка на язык и последующий обратный перевод – в то же время, очевидно, что мы не ставим задачу реконструировать чертежи из экспедиции Коцебу. Инновационные методы исследования открывают новые возможности в изучении технологических характеристик этнографического объекта. Результаты необходимо формулировать не только в описательно-вербальном поле гуманитарных наук, но и в сфере точных расчетов. В этом случае на основе полученных материалов можно построить увеличенную копию модели. Эксперименты на открытой воде с подобным предметом предполагают получение данных для анализа особенностей поведения каноэ в различных ветро-волновых условиях.

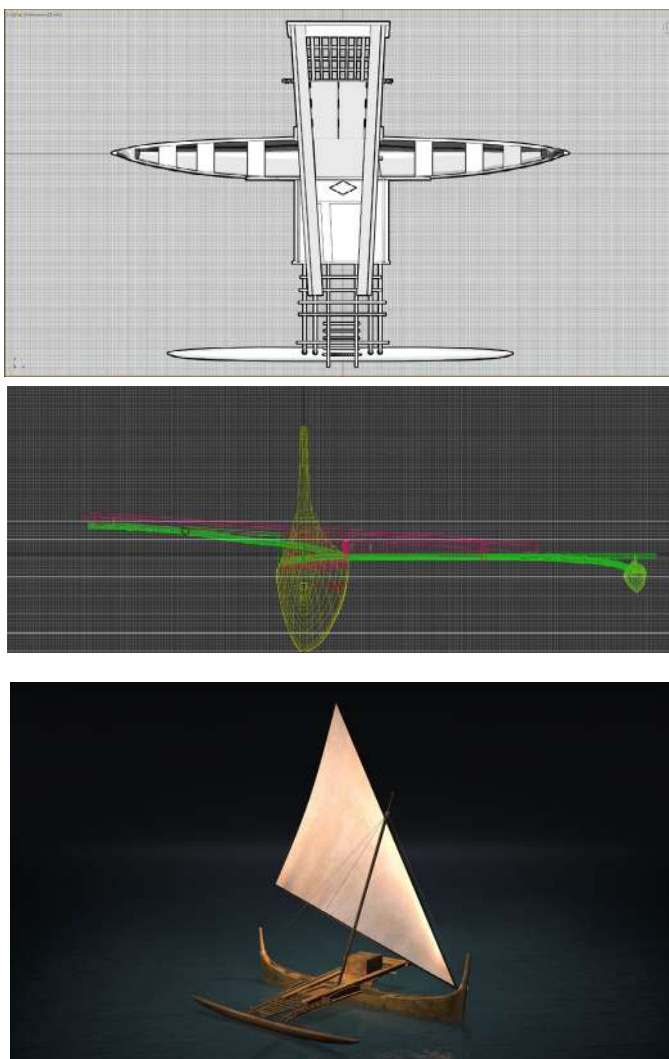

Рис. 2, 3 и 4. Изображения модели, сделанные на основе обмеров и чертежей с помощью графических программ.

Список сокращений

РГА ВМФ – Российский государственный архив военно-морского флота
 МГАД – Музей Государственного Адмиралтейского департамента
 ЦВММ – Центральный военно-морской музей

¹ К публикации прилагаются только некоторые, наиболее интересные с демонстрационной точки зрения изображения.

Источники и материалы

- КК 1866 – Краткий каталог 1866 г. СПб. М.-К. № 361.
КК 1887 – Краткий каталог 1887 г. ММ. № 2357.
МАЭ РАН – МАЭ РАН. Фотографии И-1704-35; И-1704-40 // Коллекция МАЭ РАН.
МПМ № 630 – Музейный паспорт модели № 630 // Корабельный фонд ЦВММ.
РГА ВМФ – РГА ВМФ. Ф. 215. Оп. I. Д. 548: Материалы об учреждении модельной мастерской при модель камере, о присылке моделей и чертежей из Кронштадта и экипажных магазинов и об ассигновании средств на ремонт моделей / представления, рапорты, ведомости, 1919 г.; Д. 1203: Опись музейных экспонатов, 1919 г.

Научная литература

- Белков П.Л.* Очерки истории ранних океанийских коллекций МАЭ. СПб.: МАЭ РАН, 2015.
Коцебу О.Е. Путешествие в Южный океан и в Берингов пролив для отыскания северо-восточного морского прохода, предпринятое в 1815, 1816, 1817 и 1818 годах, иждивением Его Сиятельства Господина Государственного Канцлера, гр. Н.П. Румянцева на корабле «Рюрик» под начальством флота лейтенанта Коцебу: В 2-х ч. СПб.: Типография Ник. Греча, 1821.
Лебедева А.А. Мореходное искусство народов Микронезии. СПб.: Наука, 2013.
Литке Ф.П. Путешествие вокруг света, совершенное по повелению Государя Императора Николая I на военном шлюпе Сенявине в 1826, 1827, 1828 и 1829 годах Флота Капитаном Федором Литке. Ч. I. СПб.: Типография Х. Гинце, 1834.
Финни Б. Возрождение полинезийского мореплавания // Этнографическое обозрение. 1996. № 3. С. 37–51.
Шамиссо А. Путешествие вокруг света. М.: Наука, 1986.
Alessio D. Walap of Enewetak. Measuring, Lashing and Construction Techniques of Voyaging Canoes of Enewetak Atoll. Maduro, 1993.
Alessio D., Kelen A. Waan Aelōñ in Majōl. Canoes on the Marschall Islands // Life in the Republic of the Marschall Islands / Eds. A.L. Loeak, V.C. Kiluwe, L. Crowl. Majoro: University of Pacific Studies, 2004. P. 192–225.
Choris L. Voyage pittoresque autour du monde avec des portraits de sauvages d’Amerique, d’Asie, d’Afrique et de rites du Grand ocean; des paysages, des vues maritimes, et plusieurs objets d’histoire naturelle. Paris: F. Didot, 1822.
Finney B. Myth, Experiment and the Reinvention of Polynesian Voyaging // American Anthropologist. 1991. Vol. 93 (2). P. 383–404.
Haddon A.C., Hornell J. Canoes of Oceania. Vol. 1, Canoes of Polynesia, Fiji and Micronesia. Honolulu: Bishop Museum Press, 1936.
Haddon A.C., Hornell J. Canoes of Oceania. Vol. 2, Canoes of Melanesia, Queensland and New Guinea. Honolulu: Bishop Museum Press, 1937.
Haddon A.C., Hornell J. Canoes of Oceania. Vol. 3, Definition, General Survey and Conclusions. Honolulu: Bishop Museum Press, 1938.
Heermann I. (herausg.) Südsee-Oasen. Leben und Überleben im Westpazifik. Stuttgart: Linden-Museum, 2009.
Howe K.R. (ed.) Vaka moana, Voyages of the Ancestors: The Discovery and Settlement of the Pacific. Honolulu: University of Hawaii Press, 2007.

Lebedeva, Arina A. *

Floating on waves of time: canoe model from XIX century

DOI: 10.33876/2311-0546/2020-52-4/103-114

In the ship storage of the central Naval Museum there is a model of a Micronesian canoe, which dates back to the first quarter of the XIX century. The model was carved according to the scheme of Micronesian canoe that was made during the voyages of Otto von Kozebue in 1815–1818. Thus, the model is an object of exceptional value for understanding the traditional navigational culture of the region. However, the item has not been studied yet. Firstly, we attributed the model by investigating the historical context of its appearance in the museum collection. Then, accurate technical and constructive data were acquired by measuring of the item and making a theoretical drawing of it; the data were uploaded to digital graphic programs. Micronesian canoes are the hi-tech objects of traditional culture, which demonstrate the original shipbuilding principles, based on the empirical knowledge of physical laws of the islanders. To activate the investigative potential of the model we need to have exact technical parameters. It is the only way to analyze the constructive specifications and solve the questions of seafaring possibilities of the canoes. This publication is the first in the series, devoted to this item.

Key words: *model, canoe, Micronesia, reconstruction*

***Lebedeva, Arina A.** – PhD in Hist, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg, Russia). E-mail: Sheremet@kunstkamera.ru

References

- Alessio, D. 1993. *Walap in Enewetak: Measuring, Lashing and Construction Techniques of Voyaging Canoes of Enewetak Atoll*. Maduro.
- Alessio, D., and A. Kelen. 2004. Waan Aelōñ in Majōl: Canoes oh the Marschall Islands. In *Life in the Republic of the Marschall Islands*, edited by A.L. Loeak, V.C. Kiluwe, and L. Crowl, 192–225. Majoro: University of Pacific Studies.
- Belkov, P.L. 2015. *Oчерки istorii rannikh okeaniiskikh kolleksii MAE* [Essays on the History of the Early Oceanian Collections of the MAE]. St. Petersburg: MAE RAN.
- Choris, L. 1822. *Voyage pittoresque autour du monde avec des portraits de sauvages d’Amerique, d’Asie, d’Afrique et de rites du Grand ocean; des paysages, tes, vues maritimes, et plusieurs objets d’histoire naturelle* [Illustrated Voyage around the World with Portraits of Savages from America, Asia, Africa and the Rites of the Great Ocean; Landscapes, Yours, Maritime Views, and Several Objects of Natural History]. Paris: F. Didot.
- Finney, B. 1991. Myth, Experiment and the Reinvention of Polynesian Voyaging. *American Anthropologist* 93 (2): 383–404.
- Finni, B. 1996. Vozrozhdenie polineziiskogo moreplavaniia [Revival of Polynesian Navigation]. *Etnograficheskoe obozrenie* 3: 37–51.
- Haddon, A.C., and J. Hornell. 1936. *Canoes of Oceania*. Vol. 1, *Canoes of Polynesia, Fiji and Micronesia*. Honolulu: Bishop Museum Press.
- Haddon, A.C., and J. Hornell. 1937. *Canoes of Oceania*. Vol. 2, *Canoes of Melanesia, Queensland and New Guinea*. Honolulu: Bishop Museum Press.
- Haddon, A.C., and J. Hornell. 1938. *Canoes of Oceania*. Vol. 3, *Definition, General Survey and Conclusions*. Honolulu: Bishop Museum Press.
- Heermann, I., ed. 2009. *Südsee-Oasen. Leben und Überleben im Westpazifik* [Pacific Oases: Life and Survival in the Western Pacific]. Stuttgart: Linden-Museum.

- Howe, K.R., ed. 2007. *Vaka moana, Voyages of the Ancestors: The Discovery and Settlement of the Pacific*. Honolulu: University of Hawaii Press.
- Kotsebu, O.E. 1821. *Puteshestvie v Yuzhnyi okean i v Beringov proliv dlia otyskaniia severo-vostochnogo morskogo prokhoda, predpriniatoe v 1815, 1816, 1817 i 1818 godakh, izhdiveniem Ego Siiatel'stva Gospodina Gosudarstvennogo Kantslera, gr. N.P. Rumiantseva na korable "Riurik" pod nachal'stvom flota leitenanta Kotsebu: V 2 ch.* [A Voyage to the Southern Ocean and the Bering Strait to Find the Northeastern Sea Passage, Undertaken in 1815, 1816, 1817 and 1818 at the Expense of His Excellency the State Chancellor, c. N.P. Rummyantseva on the Ship "Rurik" under the Command of the Fleet Lieutenant Kotzebue: in 2 p.]. St. Petersburg: Tipografiia Nik. Grecha.
- Lebedeva, A.A. 2013. *Morekhodnoe iskusstvo narodov Mikronezii* [Navigational Art of the Peoples of Micronesia]. St. Petersburg: Nauka.
- Litke, F.P. 1834. *Puteshestvie vokrug sveta, sovershennoe po poveleniiu Gosudaria Imperatora Nikolaia I na voennom shliupe Seniavine v 1826, 1827, 1828 i 1829 godakh Flota Kapitanom Fedorom Litke* [Voyage Around the World, Made at the Behest of the Tsar and Emperor Nicholas I on the Military Sloop Senyavin in 1826, 1827, 1828 and 1829 by Fleet Captain Fedor Litke]. P. I. St. Petersburg: Tipografiia Kh. Gintse.
- Shamisso, A. 1986. *Puteshestvie vokrug sveta* [Voyage Around the World]. Moscow: Nauka.

© Е.Г. Гущина, Т.А. Титова, Е.В. Фролова

КОНЦЕПЦИИ РАЗВИТИЯ ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО МУЗЕЯ КАЗАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В XIX В.

На основе архивных материалов в статье рассмотрены концепции развития этнографического музея Казанского университета. Особое внимание уделено этапам создания этнографического собрания, специфике формирования коллекций и особенностям реорганизации музейных структур. Авторами отмечены проблемы, с которыми столкнулся музей на этом пути, одной из них стало отсутствие заинтересованных специалистов-этнографов. Вместе с тем отмечается, что само функционирование этнографического музея в XIX в. способствовало накоплению большого разнопланового собрания, которое могло быть использовано для сопровождения учебного процесса и проведения научных исследований в Казанском университете в последующие периоды.

По мнению авторов, практически за столетнюю историю своего существования этнографическое собрание Казанского университета несколько раз меняло свою «прописку», оказываясь в фондах различных структурных подразделений, и, по сути, так и не оформилось в музей. Профиль же этнографического подразделения зачастую определялся научными интересами его руководителя. Т.о. это собрание сформировалось не в результате запланированного, целенаправленного пополнения, а спонтанно, в значительной степени за счет различных подарков университету, поэтому большую часть этнографических предметов музея составляли экспонаты из регионов, далеких от «малого отчества».

Ключевые слова: этнографический музей, концепция, история этнографии, коллекция, музейное дело, этнография

Казанский университет в XIX в. уже в силу специфики географического положения (в столице многонационального региона на востоке Российской империи) становится одним из центров этнографического изучения народов страны и сопредельных государств Северной, Центральной и Восточной Азии. При этом в универ-

Гущина Елена Геннадьевна – к.и.н., директор Этнографического музея Казанского (Приволжского) федерального университета (420111, Казань, ул. Кремлевская, 18). Эл. почта: egguschina@mail.ru

Титова Татьяна Алексеевна – профессор, д.и.н., профессор кафедры истории Татарстана, археологии и этнографии Казанского (Приволжского) федерального университета (420111, Казань, ул. Кремлевская, 18). Эл. почта: tatiana.titova@ Rambler.ru

Фролова Елена Валерьевна – доцент, к.и.н., доцент кафедры истории Татарстана, археологии и этнографии Казанского (Приволжского) федерального университета (420111, Казань, ул. Кремлевская, 18). Эл. почта: elenaieup@mail.ru

ситете так и не была создана отдельная структура, целью которой стало бы развитие этнографии как науки и учебной дисциплины: этнографическая тематика разрабатывалась на отдельных кафедрах Отделения словесных наук. С одной стороны, это объяснялось тенденциями развития самой этнографии, в то время еще не выделившейся в самостоятельную дисциплину с конкретными предметным полем, целями, задачами и методами. Быт народа, его нравы, обычаи связывались с различными сторонами человеческой деятельности, поэтому рассматривались учеными в рамках различных научных направлений (истории, статистики, географии, права). С другой стороны, в университете не было штатных специалистов, долгое время планомерно занимающихся этнографической тематикой.

Становление этнографии в Казани напрямую связано с созданием профильного музея, что было продиктовано не столько необходимостью развития нового направления, сколько стремлением сохранить уже собранные к этому времени материалы. Поскольку формирование этнографических коллекций первоначально не было направлено на решение научных или образовательных задач, новая структура должна была способствовать накоплению большого разнопланового собрания, которое можно было бы использовать как в учебном процессе, так и в научных изысканиях и культурно-просветительской деятельности. Несмотря на то что необходимость создания нового структурного подразделения была очевидна, к этой работе реально приступили только в первой четверти XX в., именно тогда в Казанском университете под руководством Б.Ф. Адлера была сформирована научная школа и создан Этнографический музей (Гущина 2019: 183–187).

Тем не менее к обсуждению логики сбора экспонатов ученые неоднократно обращались и в XIX в., пытаясь придать музею определенную траекторию развития. Одним из первых структурных подразделений, занимавшихся формированием этнографических собраний, стал Кабинет редкостей (1815 г.), поначалу входивший в состав прописанного в Уставе университета Кабинета естественной истории. Достаточно быстро Кабинет редкостей выделился в самостоятельное структурное подразделение, но в определенной степени на его финансирование влияло то, что в Уставе он не был зафиксирован (Устав 1804: 30–32). Отметим, что музеи гуманитарного профиля в других университетах России появились позже, а их собрания состояли из коллекций живописи, скульптуры, древностей и нумизматики, поэтому Кабинет редкостей, содержащий в т.ч. и этнографические коллекции, был действительно во многом уникален.

Первые восемь лет заведующим Кабинета редкостей был ординарный профессор кафедры естественной истории и ботаники Отделения физических и математических наук К.Ф. Фукс (Загоскин 1902: 97). Его основной профессиональной деятельностью была врачебная практика, но помимо этого он занимался исследованиями в области истории, нумизматики, археологии и этнографии. Какой-либо концепции развития Кабинета редкостей у К.Ф. Фукса не было, более того, несмотря на свой интерес к этнографии татар, он не стремился к сбору и пополнению этнографических коллекций (Гущина 2019: 24).

Следует отметить, что курировали деятельность университетских кабинетов/музеев сотрудники высокого статуса – ординарные и экстраординарные профессора. В штате музеев предполагались надзиратели (чуть позже эту должность стали называть «хранитель»; как правило, надзирателями/хранителями были профессора, адъюнкты или сотрудники-кандидаты, оставленные при университете для подготовки

к профессорскому званию). Должностные обязанности хранителей были достаточно обширны: они следили за порядком, отвечали за сохранность материалов, вели учетную документацию и курировали работу студентов и преподавателей с коллекциями. По факту же в кабинете/музее, особенно если он не был «прописан» в Уставе и на него не выделялись штатные должности и бюджетные деньги, был только заведующий, а хранитель зачастую занимался сразу несколькими музеями. Сам факт, что руководство кабинетами доверялось профессорам, свидетельствует о том, что коллекции рассматривались как важная часть учебного процесса, как база для научных изысканий (Бурлыкина 1996: 17). Такая практика сохранялась в Казанском университете на протяжении XIX–XX вв.

Первые этнографические предметы в собрании Кабинета редкостей – по большей части костюмы народов Сибири – были переданы в дар студентами и сотрудниками университета и подшефных ему образовательных организаций (Гущина 2019: 34). А первая крупная коллекция состояла из материалов, собранных И.М. Симоновым на островах Океании во время Первой русской антарктической экспедиции (1819–1821 гг.). Но систематическое пополнение Кабинета редкостей тематическими этнографическими коллекциями и целенаправленная деятельность по формированию качественного музейного собрания связаны с развитием в Казанском университете востоковедения и именем О.М. Ковалевского, в период работы в Казани (1824–1862 гг.) занимавшегося восточными языками (тюркскими, арабским, фарси и монгольским) (Валеев 2002: 5–7). Отметим, что после ухода К.Ф. Фукса (в 1823 г.) за восемь лет сменилось несколько заведующих кабинетом.

Для изучения народов Востока университет организовывал экспедиции в места их проживания, и в результате был собран огромный материал по филологии, географии и страноведению. Многочисленные предметы быта и культа дополнили коллекции музеев университета (Столярова и др. 2015: 38). В 1828 г. О.М. Ковалевский вместе со студентом А.В. Поповым был командирован на четыре года в Иркутск для изучения монгольского языка, в этот период он посетил Забайкалье, Монголию и Китай. Ученый общался с носителями языка, а благодаря личному знакомству с бурятскими ламами и установившимся дружественным отношениям с представителями других этносов он получил возможность собрать очень редкие и ценные экспонаты. В университет О.М. Ковалевский привез большое собрание рукописей и книг, ценную коллекцию китайских, монгольских и бурятских бытовых и культовых вещей (Отчет 1840: 36–37).

По возвращению в Казань О.М. Ковалевский становится заведующим Кабинетом редкостей, он совмещает эту деятельность с преподавательской работой. Одной из причин прихода О.М. Ковалевского на эту должность, как нам кажется, явилось его желание заняться исследованием собранных в экспедиции полевых материалов. Предназначение Кабинета редкостей ученый видел в т.ч. в сопровождении учебного процесса и научных исследований по направлению «Востоковедение». Нами не обнаружено каких-либо документов, в которых О.М. Ковалевский прямо излагал бы свои идеи по развитию возглавляемого им структурного подразделения. Но анализ архивных материалов позволяет говорить о том, что ученый стремился придать кабинету характер музея культуры народов Востока, что прежде всего отвечало научным интересам самого заведующего. Помимо экспедиционных материалов, привезенных для музея О.М. Ковалевским, этнографическая коллекция при нем

пополнялась передаваемыми в дар или целенаправленно приобретаемыми на выделенные университетом средства предметами, отражающими традиционную бытовую и религиозную культуру народов Забайкалья. Восточное собрание Кабинета редкостей продолжало планомерно расширяться в 40–50-е годы XIX в. за счет передаваемых безвозмездно буддийскими священнослужителями, предположительно лично знакомыми с О. М. Ковалевским, вещей, а также за счет экспедиционных материалов российских ученых и даров различных официальных лиц. При этом нельзя утверждать, что пополнение Кабинета редкостей новыми предметами происходило только в рамках Восточного собрания. В это время в музее появились коллекции по народам Америки (от Д.Ф. Зарембо, В.Ф. Берви), а также «непрофильные» экспонаты – окаменелости, пушечные ядра и т.п. К началу 50-х годов XIX в. в его фондах насчитывалось уже 553 предмета на сумму 1978 рублей (Записки 1843: 52).

С середины 1850-х годов, после отъезда О.М. Ковалевского в Санкт-Петербург, начавшаяся планомерная работа по комплектованию музея восточными коллекциями была остановлена. Кабинет редкостей, оставшийся без заведующего, оказался в состоянии стагнации: пополнения экспонатами не происходило, решение вопросов определения положения подразделения в структуре университета и назначения нового руководителя затягивалось. Только в 1856–1860 гг. в музее сменилось три заведующих (В.И. Григорович, С.В. Ешевский, Н.А. Попов). Вместе с тем этот период стал временем поиска пути дальнейшего развития. Определение траектории комплектования фондов новыми коллекциями, разработка новых целей и задач связаны с именами историков С.В. Ешевского и пришедшего в 1860 г. на должность заведующего Кабинетом редкостей Н.А. Фирсова.

Несмотря на то что С.В. Ешевский лишь около года проработал руководителем подразделения, именно ему принадлежит идея его реорганизации. По инициативе С.В. Ешевского Кабинет редкостей был переименован в Музей местных древностей и этнографии. Изменилось не просто название, изменилась стратегия развития и появилась определенная концепция. Согласно плану С.В. Ешевского, в новом музее должно было быть сформировано крупное собрание предметов, прежде всего связанных с археологией. Это соответствовало задачам университета и способствовало развитию исторических дисциплин, в т.ч. этнографии (Отчет 1858: 19). Уже название нового подразделения очерчивало сферу деятельности ученых Императорского Казанского университета и в целом Поволжья – изучение родного края, развитие краеведения и археологических изысканий; о комплексных этнографических исследованиях народов Поволжья (что в источниках часто обозначается как «современность») речь не шла.

Для реализации своей идеи С.В. Ешевский обратился к заведующим учебными заведениями Казанского учебного округа с просьбой передавать в университет сведения о «местных древностях» (Отчет 1858: 22). Анализ текста обращения показывает, что под «местными древностями» имелись в виду прежде всего памятники археологии – могильники, курганы, развалины зданий и т.п. С.В. Ешевский понимал, что могут возникнуть сложности в отборе, поэтому рекомендовал использовать в качестве методического руководства «записку о собирании Русских древностей,

изданную археологическим обществом»¹. И уже в 1858 г. в Музей местных древностей и этнографии поступило сразу несколько разрозненных археологических предметов, найденных и собранных на территории Среднего Поволжья. В основном это были экспонаты, относящиеся к периоду Волжской Булгарии (ГА РТ. Д. 2186. Л. 9).

После отъезда С.В. Ешевского в Москву пополнение фондов предметами «древностей» уже не носило массового характера, прежде всего из-за отсутствия заинтересованного в развитии музея руководителя. Сам музей превратился в хранилище этнографических (восточноазиатские, сибирские, поволжские, океанийские, американские коллекции) и по большей части археологических («булгарские древности», вещи, относящиеся к каменному и бронзовому векам) предметов, которые не были четко дифференцированы по темам.

В 1860 г. музей возглавил Н.А. Фирсов, который и оставался его руководителем на протяжении более чем 30 лет. Это был период перемен, обусловленных принятием нового Университетского устава 1863 г. и необходимостью устранения расхождений между прописанными в нем и реально существующими музеями. В судьбе коллекций (в их слиянии или разделении) значительную роль играл фактор наличия/отсутствия заведующего и хранителя, способных обеспечивать нормальное функционирование подразделения. В результате в 1885 г. было принято решение о создании Музея отечествоведения (по сути, преемника Музея местных древностей и этнографии с его краеведческим профилем), куда были переданы этнографические коллекции. Н.А. Фирсов ставил задачу пополнения уже существующего собрания историческими, археологическими и этнографическими экспонатами, раскрывающими традиционную культуру народов северо-востока России, но сам не предпринимал никаких реальных шагов в этом направлении, а деньги, выделяемые университетом для музея, шли на создание исторической библиотеки (Гущина 2019: 63), и лишь изредка приобретались отдельные предметы. При этом в дар музею передавалось значительно больше предметов из различных регионов мира. Получалось, что большая часть собрания по-прежнему оставалась экзотической, а коллекции, характеризующие культуру и быт народов Поволжья, были небольшими, фрагментарными и, как отмечалось выше, в основном археологическими. Таким образом, идея музея как презентационного пространства истории народов северо-востока Российской империи не была реализована.

В этот период Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете начинает развивать новую комплексную дисциплину – финноугроведение. Один из представителей нового направления историк И.Н. Смирнов предпринимает попытку скорректировать деятельность Музея отечествоведения, он обсуждает необходимость его реорганизации с Н.А. Фирсовым. По мнению И.Н. Смирнова, «провинциальный музей» с ограниченными средствами априори не может претендовать на отражение истории и культуры всех народов России, однако он может представлять «малое отечество» – Поволжье и прежде всего финно-угорские народы, которые и должны стать объектом его исследования. Для того чтобы сформировать в музее качественный презентационный материал, С.И. Смирнов предлагал собирать коллекции непосредственно в экспедициях. Он справедливо указывал на то, что уже

¹ По всей видимости, имеется в виду «Записка для обозрения русских древностей», вышедшая в качестве приложения в первом сборнике «Записок Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества». По своей сути «Записка...» представляла собой программу собирания памятников старины.

хранящиеся в фондах предметы и коллекции, имеющие отношение к этнографии народов Поволжья, разрозненны и дают «весьма неопределенное представление о том, как живут местные финские народности». Кроме того, ученый отмечал, что большая часть находящихся в музее предметов – это элементы костюма, а бытовой и культурной утвари практически нет (ГА РТ. Д. 1395. Л. 1–2).

И.Н. Смирнов подчеркивал важность научного комплектования музея археологическими и этнографическими коллекциями по народам Волго-Уралья, рассматривая этнографические коллекции по «современной культуре» как способ дешифровки предметов, собранных во время раскопок: «Без ясных представлений о современной культуре финских народностей края невозможны основательные археологические исследования; без коллекций, рисующих современный быт местных финнов, неясны коллекции, доставленные путем раскопок» (ГА РТ. Д. 1395. Л. 1–2).

Н.А. Фирсов поддерживал основную идею И.Н. Смирнова о создании комплексного музея по этнографии народов Поволжья и отмечал, что для это нужно использовать систему целенаправленного научного комплектования фондов, в отличие от применявшейся ранее, когда основная часть предметов передавалась в дар или покупалась «по случаю». Предполагалось, что ежегодно будут выделяться средства на организацию научных экспедиций. Этот проект развития Музея отечествоведения поддержала администрация университета, и в 1888–1895 гг. под руководством И.Н. Смирнова был организован ряд экспедиций в места компактного проживания финно-угорских народов на территории Среднего Поволжья (в Казанскую, Нижегородскую, Вятскую, Пермскую, Уфимскую губернии). По результатам исследований И.Н. Смирнов выступал с докладами на собраниях историко-филологического факультета и Общества археологии, истории и этнографии. Позже, обобщив материалы поездок, он опубликовал в «Известиях Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете» фундаментальные историко-этнографические очерки «Черемисы», «Вотяки» и «Мордва».

Однако нельзя утверждать, что задуманная Н.А. Фирсовым и И.Н. Смирновым концепция развития Музея отечествоведения была реализована полностью. Безусловно, в результате экспедиционной деятельности в эти годы фонды музея пополнились предметами и ценными фотографиями по этнографии финно-угорских (в основном марийцев, удмуртов) и тюркских (чуваша, кряшены) народов Поволжья. Была создана тематическая экспозиция, в основу которой был положен сравнительно-сопоставительный принцип, что позволяло И.Н. Смирнову делать выводы о генезисе, взаимовлиянии и типологии элементов традиционной культуры народов Волго-Уральского региона (*Смирнов* 1892: 443). Но экспозиция содержала информацию не по всем народам края, а представленные коллекции отличались размерами и не позволяли составить полную картину региона.

В 1896 г. должность заведующего Музеем отечествоведения занял историк Д.А. Корсаков. Он, как и его предшественники, продолжил комплектовать фонды предметами по «местному отечеству», но пополнение шло в меньших масштабах, чем ранее, и в основном приобретались образцы русского декоративно-прикладного искусства (головные уборы, парчовые сарафаны и холодники, бытовая утварь). Вместе с тем в дар музею по-прежнему передавались интересные собрания по народам Неевропейской России и мира (и таких предметов поступало достаточно много). Так, в это период Н.Ф. Катанов передал в музей коллекцию по хакасскому шаманизму.

Кроме того, на состояние Музея отечествоведения и его экспозиции большое негативное влияние оказывало отсутствие постоянного, подходящего по размеру, оборудованного помещения. Музей располагался на антресольном этаже западного крыла главного университетского здания над учебными аудиториями и делил помещения с начавшим реально функционировать и пополняться коллекциями Музеем изящных искусств и древностей. Только в 1895 г. для Музея отечествоведения были выделены две дополнительные комнаты, что должно было бы разгрузить пространство, однако в них для удобства работы преподавателей и ученых были перенесены библиотека и лекторий (Сведения 1896: 45), кроме того, здесь же в упакованном виде хранились коллекции Общества археологии, истории и этнографии, т.к. у него не было своего помещения. Из-за нехватки площадей экспонировалась только часть собрания. Большинство предметов просто были сложены в коробки и сундуки, не предназначенные для нормального хранения культурных ценностей. Коллекции не были систематизированы, большая их часть была недоступна (не только для работы, но и просто для ознакомления), не велась планомерная работа с фондами (Протоколы 1899: 38).

Более того, в процессе развития этнографического отдела Музея отечествоведения сказывалась и нехватка специалистов. Для организации научного описания и разбора предметов нужен был руководитель, занимающийся этнографической тематикой, владевший вопросами музееведения. Заведующие Музеем отечествоведения Н.А. Фирсов и Д.А. Корсаков, хоть и обладали энциклопедическими знаниями, но все же были классическими историками. Этнографию они воспринимали как вспомогательную дисциплину, которая полезна для подготовки учителей истории и географии. Занимаясь историей России, они планировали музей, в котором ведущее место занимали бы экспозиции по русскому населению, тогда как коллекции по «инородцам» служили бы своеобразной иллюстрацией перехода от более «примитивной» культуры к более «цивилизованной». Еще И.Н. Смирнов в свое время, обосновывая важность преподавания этнографии и географии на историко-филологическом факультете, отмечал, что практическая цель такого преподавания – воспитание учительских кадров, которые в интересах государства способствовали бы «ассимиляции инородцев с господствующей народностью» (Протоколы 1899: 38).

Не имея необходимых навыков работы с этнографическими коллекциями (даже просто музееведческих навыков), ни Н.А. Фирсов, ни Д.А. Корсаков не могли реализовать потенциал собраний Музея отечествоведения – да и предметы по народам мира и неевропейской части России составляли значительную его часть. Возникли сложности с научной систематизацией, описанием и экспонированием многих этнографических предметов. Вот почему большая часть закупок этого времени была связана с пополнением библиотеки и «исторических» собраний различными предметами: портретами, грамотами, фотографиями, имеющими отношение к императорской фамилии или представителям местной администрации. Из этнографических собраний только финно-угорское более-менее планомерно формировалось и развивалось. По сути, хранящиеся в музее коллекции могли наглядно представлять культуру народов не только «малого отечества», но и гораздо большего числа регионов России и мира, но они не были задействованы ни в учебном, ни в научном процессах, не представляли интереса ни для студентов, ни для преподавателей. Д.А. Корсаков планировал организовать в музее особый отдел с пособиями по истории и географии (учебники, карты, атласы, картины, приборы), с которыми должны были знакомиться студенты

историко-филологического факультета, но использование этнографических коллекций им вообще не рассматривалось. Сложность и разнородность музейного собрания, отсутствие каталогов, научного описания и планомерной работы с фондами – все это требовало принятия каких-то решений. Д.А. Корсаков предложил начать с систематизации собрания портретов русских деятелей и запланировал создание коллекций по географии (виды местностей, городов, типы населения) (Протоколы 1899: 139).

* * *

Таким образом, практически за столетнюю историю своего существования этнографическое собрание Казанского университета несколько раз меняло свою «прописку», оказываясь в фондах различных структурных подразделений, и, по сути, так и не оформилось в музей. Это собрание сформировалось не в результате запланированного, целенаправленного пополнения, а спонтанно, в большей степени за счет различных подарков университету. Профиль же этнографического подразделения зачастую определялся научными интересами его руководителя. Так, Кабинет редкостей в 30-х годах XIX в. приобрел характер этнографического музея по культуре народов Востока, что было связано с деятельностью О.М. Ковалевского, занимавшегося востоковедением; в эти годы, благодаря экспедициям ученых восточного разряда, Кабинет редкостей пополнился большим числом материалов по народам Азии. Именно в этот период этнографические коллекции стали восприниматься как научный источник для изучения традиционной материальной и духовной культуры. Планомерное развитие кабинета в рамках востоковедения было прервано переводом восточного разряда университета в Санкт-Петербург в середине XIX в.

Отсутствие заинтересованного и разбирающегося в материале руководителя сказалось на дальнейшем функционировании музея и привело к отрыву музейного собрания от исследовательских практик. Позднее были предприняты попытки сменить вектор развития в сторону краеведения и отечествоведения. В большей степени эти планы удалось реализовать в 1880–1890-е годы благодаря целенаправленной работе Н.И. Смирнова. Тем не менее проект Музея истории, археологии и этнографии малого отечества не был полностью воплощен. Этнографическое собрание по народам Волго-Уралья было неоднородным, только финно-угорские коллекции можно охарактеризовать как наиболее полные, но и они не отвечали задаче комплексного отражения какого-либо народа, а показывали материальную культуру отдельных локальных групп. При этом большую часть этнографических предметов музея составляли экспонаты из регионов, далеких от «малого отечества». Смена руководителей, их недостаточная квалификация в работе с этнографическими предметами, как и отсутствие у заведующих музейно-научных навыков, не позволили реализовать в полной мере потенциал коллекций и тормозили развитие музея.

Источники и материалы

ГА РТ – Государственный архив Республики Татарстан. Ф. 977. Оп. Истфилфак.

Загоскин 1902 – Загоскин Н.П. История Императорского Казанского университета за первые 100 лет его существования. Казань: Типо-литография Императорского Казанского университета, 1902. Т. 3.

Записки 1843 – Записки о кабинетах и других заведениях при Императорском Казанском университете, со времени учреждения каждого из них по 1 мая 1843 г. Казань: Универси-

- тетская типография, 1843.
- Отчет 1840 – Отчет о состоянии Императорского Казанского университета за 1839–1840 академический год. Казань: Тип. Казанского ун-та, 1840.
- Отчет 1858 – Отчет о состоянии Императорского Казанского университета за 1857–1858 академический год. Казань: Тип. Казанского ун-та, 1858.
- Протоколы 1899 – Протоколы заседаний Совета Императорского Казанского университета за 1898 год // Ученые записки Императорского Казанского университета. Казань: Типография университета, 1899. № 9.
- Сведения 1896 – Сведения о состоянии Казанского университета за 1894 г. и первое полугодие 1895 г. // Ученые записки Императорского Казанского университета. Казань: Типография университета, 1896. № 1.
- Смирнов 1892 – Смирнов И.Н. Музей Отечествоведения // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. 1892. Т. X. Вып. 4. С. 442–446.
- Устав 1804 – Устав Императорского Казанского университета. [Б.м.: Б. и.], 1804.

Научная литература

- Бурлыкина М.И. Университетские музеи дореволюционной России (XVIII – первая четверть XX вв.). Сыктывкар: Сыктывкарский гос. ун-тет, 1996.
- Валеев Р.М. Осип Михайлович Ковалевский, 1801–1878. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2002.
- Гущина Е.Г. Этнографическое собрание Императорского Казанского университета: история формирования и развития // Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Казань, 2019. Т. 39. № 1–2.
- Столярова Г.Р., Гущина Е.Г., Титова Т.А. Восточные коллекции Кабинета редкостей Казанского Императорского университета // Вестник КАЗГУКИ. 2015. № 4. Ч. 2. С. 37–40.
- Gushchina, Elena G., Titova, Tatiana A., and Frolova, Elena V.*

Scientific concepts of the Ethnographic Museum of Kazan University in the 19th century

DOI: 10.33876/2311-0546/2020-52-4/115-124

The article discusses the developmental concept of the Ethnographic museum of Kazan University in the context of development of ethnographic knowledge. Particular attention is paid to the stages of formation of the ethnographic collection, the specifics of formation of collections and aspects of reorganization of museum structures. The authors highlighted the problems that the museum collection faced in the period under review: the lack of interested ethnographers and planned museum work. However, it was concluded that functioning of the Ethnographic museum in the XIX century contributed to accumulation of a large diverse collection, which provided support for the educational process and scientific research at Kazan University later.

Over almost a hundred-year history the ethnographic collection of Kazan University changed its affiliation several times, ending up in funds of various structural divisions, and, in fact, never became a museum. The profile of an ethnographic unit was often defined by the scientific interests of its head. Thus, this collection was formed not as a result of a planned, purposeful replenishment, but rather spontaneously, largely due to various gifts to the university, and therefore, most of the museum's ethnographic exhibits came from regions that were far from the “small motherland”.

Key words: *ethnographic museum, concept, history of ethnography, collection, museum work, ethnography*

* **Gushchina, Elena G.** – Candidate of Historical Sciences, Director of the Ethnographic Museum of Kazan Federal University (Kazan, Russia). E-mail: egguschina@mail.ru

Titova, Tatiana A. – Professor, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of History of Tatarstan, Archeology and Ethnography Kazan Federal University (Kazan, Russia). E-mail: tatiana.titova@rambler.ru

Frolova, Elena V. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History of Tatarstan, Archeology and Ethnography of Kazan Federal University (Kazan, Russia). E-mail: elenaieup@mail.ru

References

- Burlykina, M.I. 1996. *Universitetskie muzei dorevoliutsionnoi Rossii (XVIII – pervvaia chetvert' XX vv.)* [University Museums of Pre-Revolutionary Russia 18th – the First Quarter of the 20th Centuries]. Syktyvkar: Syktyvkarskii gosudarstvennyi universitet.
- Valeev, R.M. 2002. *Osip Mikhailovich Kovalevskii, 1801–1878* [Osip Mikhailovich Kovalevskiy, 1801–1878]. Kazan: Izdatel'stvo Kazanskogo universiteta.
- Gushchina, E.G. 2019. Etnograficheskoe sobranie Imperatorskogo Kazanskogo universiteta: istoriia formirovaniia i razvitiia [Ethnographic Collection of the Imperial Kazan University: History of Formation and Development]. *Izvestiia obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom universitete* 39 (1–2).
- Stoliarova, G.R., E.G. Gushchina, and T.A. Titova. 2015. Vostochnye kollektsii Kabineta redkosti Kazanskogo Imperatorskogo universiteta [Eastern Collections of the Cabinet of Rarities of Kazan Imperial University]. *Vestnik KAZGUKI* 4 (2): 37–40.

©И.А. Гринько, А.А. Шевцова

«ДЛЯ МУЗЕЕВ ЕСТЬ ТАБУ»: ЗАПРЕТИТЕЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ В КУЛЬТУРЕ РОССИЙСКИХ МУЗЕЕВ

В статье исследуется институт музейных табу. Актуальность исследования обусловлена несколькими факторами, в первую очередь, развитием в последние три десятилетия взаимоотношений «музей-посетитель» и ростом в них роли последнего. Помимо этого, тема важна потому, что именно запреты во многом формируют профессиональную этику, а, следовательно, и сам статус профессии. Целью данной работы было стремление показать неоднозначность современных музейных табу с точки зрения их рациональности и степень влияния последних на функционирование самого музейного института. Основным источником исследования стал опрос музейных сотрудников и анализ систем запретов в музеях Российской Федерации. Главный вывод авторов следующий: современная система музейных табу была сформирована не только отношением к музею как к сакральному пространству, но и культурой советских запретительных практик. Часть профессионального сообщества осознает проблемы с количеством и качеством запретов, однако в целом обсуждение данной темы само по себе табуировано. Это влечет за собой целый ряд проблем, ключевая из которых – отсутствие единой системы стандартов при работе с посетителем, что становится источником потенциальных конфликтов. Также исследование показало, что в профессиональной музейной среде пока отсутствует консенсус не только по внешним запретам, но и по базовым вопросам внутренней корпоративной культуры.

Ключевые слова: музей, музейная антропология, табу, запреты, корпоративная культура, антропология организаций

*«Конечно, есть музеи и церкви, жирные, как домашние коты, они с легкостью задирают цены и вывешивают всевозможные запреты: их мало кто минует»
Дмитрий Бавальский. «Музей воды»*

В 2016 г. свет увидела книга директора Государственного Эрмитажа М.Б. Пиотровского «Для музеев нет табу. 50 статей за 10 лет» (Пиотровский 2016). Очевидно, что название монографии носит несколько провокационный характер и связано прежде всего с творческими проектами Эрмитажа, которые периодически подвергались критике «общественности» за излишнюю авангардность.

Гринько Иван Александрович – к.и.н., MA in cultural management, начальник управления музейно-туристского развития, ГАУК «МОСГОРТУР», (121099 Москва, 2 Смоленский пер., 1), докторант ИЭА РАН. Эл. почта: iagrinko@yandex.ru

Шевцова Анна Александровна – д.и.н., профессор кафедры культурологии, Московский педагогический государственный университет (119991 Москва, Малая Пироговская, 1). Эл. почта: ash@inbox.ru

При этом использование термина «табу» не выглядит случайным. Сам М.Б. Пиотровский часто подчеркивал сакральный характер музея, как института. Поэтому не удивительно, что по отношению к музею слово «табу» в отличие от запрета подразумевает специфичность, мнимую или реальную алогичность, ярко выраженную сакрализацию, традиционность и низкую степень формализованности. Несмотря на то, что в современной антропологии данный термин уже не пользуется былой популярностью (Encyclopedia... 2002), на наш взгляд, он еще уместен в исследовательской практике. Примеров того, что тема может быть объектом антропологического анализа, можно привести много. В частности, яростно отстаиваемый музейными сотрудниками, но в большинстве случаев не имеющий особого смысла запрет на фотосъемку в постоянной экспозиции вызывает в памяти распространенное среди традиционных обществ и хорошо знакомое антропологам поверье о том, что фотоаппарат имеет мистические свойства (Wright 2008).

При том, что музейные запреты и ограничения остаются постоянным предметом для шуток и мемов минимум 70 лет (Шевцова, Гринько 2019), попытки конструктивно обсудить эти вопросы в профессиональной среде практически не предпринимаются. Между тем, в любом музее существуют как минимум две группы табу разной степени формализованности: 1) то, что нельзя делать посетителям; 2) внутрикорпоративные запреты и ограничения.

Первая группа значительно больше второй, поскольку сохранение историко-культурного наследия подразумевает ряд серьезных ограничений, традиционное же в профессиональном кругу восприятие музея как храма, а его посещения как квазирелигиозного ритуала (Сорокин 2013, 1995), умножает количество возбранений, табуируя даже обыденное. Duncan Количество только официальных запретов в некоторых музеях достигает двух десятков. Например, в Государственном историческом музее их 15, в Александровском парке, подразделении музея-заповедника «Царское село», – 20, в ГМИИ им. Пушкина и Третьяковской галерее – по 32.

Учитывая отсутствие внятных комментариев, часть из них однозначно воспринимается именно как табу. Ассоциация «музей – запрет» стала настолько прочной, что даже исследователи запретительных надписей в качестве примера берут именно музеи (Покровская, Кудинова 2011). Некоторые антропологи полагают, что уже сам формальный статус музея меняет отношение к пространству и включает ряд самоограничений (Утехин 2012), но далеко не всегда у посетителя есть шанс взять инициативу в свои руки и разобраться, «что в музейной этике продиктовано здравым смыслом, а что – его отсутствием» (Идема 2016: 14).

Помимо формализованных запретов, существуют еще целая система неформализованных, например, на использование телефона, обсуждение экспонатов (Василий Верещагин...) или грудное вскармливание в музейном пространстве (Жильцова 2019; Чемерис 2020). В данном случае мы сталкиваемся с реальным табуированием, поскольку никаких логических обоснований для подобных запретов не приводится.

С учетом того, что функционал музеев продолжает расширяться, а роль посетителей в его деятельности растет (Simon 2010; Dolak, Sobanova 2018) рано или поздно границы табу потребуются пересмотреть, или как минимум перевести их в систему запретов (Покровская, Кудинова 2011). В противном случае, развитая, но при этом не унифицированная система табу станет серьезным тормозом на пути развития музейной сети. Эта дилемма между желанием стать комфортным и демократичным

пространством, официально заявленным в новом определении музея (Новое определение понятия «музей» 2020), и необходимостью следовать системе запретов и табу может стать одной из ключевых в музейном менеджменте.

Помимо этого, существует и внутрикорпоративные запреты, которые регламентируют функционирование музейного коллектива. Частично они формализованы в Кодексе этики ИКОМ, однако существуют и внутренние ограничения в разных музеях. Все эти запреты и табу прямо или опосредовано влияют на запретительные практики в отношении посетителей.

В данном исследовании была сделана попытка ответить на ряд вопросов, касающихся отношения профессионального сообщества к институту музейных табу. Как музейные сотрудники воспринимают систему внешних и внутренних запретов? Как они трактуют подобные запреты и табу? Как они оценивают их количество?

Данный вопрос ранее не освещался в работах музеологов, хотя, на наш взгляд, это важнейший элемент корпоративной культуры, от которого во многом зависит успешность функционирования музея как социокультурного института. Отдельные исследователи придерживаются точки зрения, что этика и система запретов являются основами музейной профессии (*ван Менш* 2014). Однако создается ощущение, что сама тема запретов в музее находится под запретом.

В рамках исследования мы опросили 115 сотрудников, представляющих российские музеи разного уровня (федеральные, региональные, муниципальные, частные) через онлайн-форму с полузакрытыми вопросами и множественным выбором. Респондентами стали 98 женщин и 17 мужчин. Кроме того, при работе были использованы открытые интервью с музейными работниками и официальные материалы с сайтов музеев.

Возраст респондентов: моложе 23 лет – 2,6%, 23–34 года – 32,2%; 35–44 года – 38,3%; 45–54 – 20,0%; старше 55 лет – 7,0%.

При этом 24,4% опрошенных трудятся в музее менее пяти лет. У 28,7% респондентов стаж музейной работы 5–9 лет, у 27,8% – 10–19 лет, у 19,1% – 20 и более лет, что подразумевает хорошее понимание функционирования музея как системы.

Отношение к системе музейных запретов в целом можно оценить, как индифферентное. Так, на вопрос, мешают или помогают музейным сотрудникам принятые запреты для посетителей, почти половина респондентов (45,2%) ответила: «Не помогают и не мешают». Остальные мнения распределились следующим образом:

- 4,3% – Только мешают.
- 6,1% – Скорее мешают.
- 33% – Скорее помогают.
- 11,3% – Только помогают.

Индифферентность выразилась и при оценке количества самих запретов. 67,8% посчитали, что их количество оптимально. Сторонники ужесточения системы запретов остались в меньшинстве – 16,5%.

Сразу стоит отметить, что ряд музейных запретов не в состоянии логически интерпретировать и считают странными сами сотрудники. Вот примеры подобных табу из российских музеев (стилистика ответов сохранена):

- Смотреть на экспонаты в витринах, стоящих в коридоре, ведущем в выставочный зал.
- Нельзя останавливаться у экспоната.

- Ходить на экскурсию в сланцах и шевелить пальцами ног.
- Находиться в зале не более 5 минут.
- Не дышать на витрины.
- Не заводить самолет.
- Запрещено обсуждать экспонат экспозиции (родители с детьми).
- Не поворачиваться к картинам спиной!
- Не смотреть в окна.
- Не использовать писсуары не по назначению.

Здесь надо подчеркнуть, что речь во многих случаях идет именно о табуировании, а не о запретах, поскольку данные запреты с трудом объясняются логически и скорее направлены на поддержание сакрального порядка в музейном пространстве. В этом признаются и сами сотрудники музея, объясняя, например, запрет на использование сотового телефона: *«Этот запрет нигде не прописан – просто это такие этические нормы»* (Серебренникова 2013). Хотя нельзя исключать, что введение ряда подобных ограничений связано с печальными прецедентами.

В этом контексте достаточно странно выглядит истовое табуирование сидения на полу или ступенях, особенно если в музейных залах нет стульев или скамей, а в музее, например, организовано учебное занятие, подразумевающее минимум 45-минутное нахождение в зале. Как писал Томислав Шола, *«Церковь, которая целиком полагается на веру, послушание и некоторый мазохизм своих прихожан, может позволить себе игнорировать их уставшие ноги и больные спины, но музеи – нет»* (Шола 2013: 62).

Парадоксально, что несмотря на очевидную сакрализацию музейного пространства, часть запретов имеет ярко выраженный антирелигиозный характер, например, запрет проводить молебны в Русском музее или *«прикладываться к иконам»* в Музее русской иконы.

Иногда строгость ограничений компенсируется необязательностью их соблюдения, например, категорический и обозначенный в правилах посещения запрет *«пронести живые цветы»* обходится, если букет предназначен в подарок художнику или куратору. Аналогичная ситуация существует и с табуированием алкоголя (Гринько 2018).

Среди опрошенных музейных сотрудников 15,7% считают, что число запретов в музее избыточно. При этом в вопросе о введении новых ограничений 45,2% респондентов высказалась еще категоричнее: *«Никаких дополнительных запретов»*.

Очевидно, что многие из запретов прямо противоречат новой парадигме музея, как *«пространства демократизации, инклюзии и полифонии мнений, созданного для критического осмысления и обсуждения прошлого и будущего»* (ИКОМ, официальный сайт). Так в некоторых музеях запрещается *«комментировать пояснения научного сотрудника, вступить с ним в полемику»*. Интересно, что Белорусский государственный музей истории ВОВ, который еще в 2017 г. попал в прессу из-за такого табу, убрал его из списка запретов, оставив менее определенное *«перебивать экскурсовода, а также иными способами препятствовать проведению экскурсии»* (Белорусский государственный музей истории ВОВ, сайт). Нельзя *«перебивать экскурсовода»*, то есть, по сути, задавать вопросы по ходу рассказа, а не в конце экскурсии в ритуальные полторы минуты (*«Вопросов нет? Так, мальчик, слезь оттуда. Всего доброго, все свободны»*), во множестве других музеев, например, в Музее Великой Отечественной войны на Поклонной горе. Возможно, некоторые музеи начали осознавать негативное влияние наличия лишних запретов на свой публичный

образ, однако, к сожалению, в десятках музеев по-прежнему запрещается «вступать в полемику с музейным сотрудником».

Йохан Идема называет музейных зрителей «глазами музея» и «пехотой мира искусства». По его словам, «чтобы справиться со всеми фотолюбителями, нарушителями правил проноса газировки и начинающими арт-критиками, зрители должны обладать бдительностью полицейского и чуткостью воспитательницы в детском саду» (Идема 2016: 19). Интервью с этими многосторонними специалистами, ответственными за соблюдением правил и запретов, показывают, что они всерьез воспринимают табуирование многих вещей: «По пятницам с 17.00 до 19.00 у нас бесплатный вход, и тяжело следить за потоком людей, надо не пропустить никого даже с бутылкой воды, потому что мы не знаем, что в этой воде» (Смородинова 2020).

Очевидно, что здесь, с одной стороны, мы сталкиваемся с классическим табу, поскольку у зрителя, очевидно, нет логического понимания запрета, с другой стороны, чувствуются и отголоски советских массовых фобий, уже описанных антропологами (Архипова, Кирзюк 2020). Влияние советской охранительной культуры возникает не на пустом месте, а зачастую культивируется внутренними музейными документами. Вот отрывок из «Инструкции для начинающего зрителя» (Козьмодемьянский музейный комплекс 2020, сайт): «*Ваша бдительность удваивается при наличии необычных посетителей. Посетитель, представляющийся как гость хранителя, фотограф, срочно вызванный слесарь, носильщик, которому поручено забрать экспонат для выставки...* Проконтролируйте основания их визита. Никому не доверяйте заранее».

Несмотря на возможную обоснованность подобных инструкций, их тональность и формулировки близки к советскому агитационному плакату 1930–1950-х годов из серии «Будь бдителен», и на наш взгляд, не совсем подходят для выстраивания корпоративной культуры в XXI веке.

Традиция следования подобным табу настолько глубока, что необходимость следить за их соблюдением по-прежнему включают даже в учебники для экскурсоводов (Скобельцына, Шарухин 2018), функционал которых все же отличается от функционала зрителей. Эта сакрализация прошлого и ушедшего, в том числе представление об «инструкциях, написанных кровью» и вере в то, что пенсионер на стульчике в углу сможет в одиночку противостоять злоумышленнику, вооруженному пепси-колой, – распространенный музейный грех, который Шола называет «пасеотропией» (Шола 2013: 246).

Любопытен список потенциальных запретов, которые музейщики хотели бы видеть в своих музеях (стилистика ответов сохранена):

- Соблюдение правил поведения детьми (для контроля родителями) – 3,5%.
- Не посещать музей в состоянии алкогольного опьянения – 4,3%.
- Не посещать музей в верхней одежде и с большими сумками – 4,3%.
- Не проносить с собой еду/напитки – 6,1%.
- Не трогать экспонаты – 6,1%.
- Громко разговаривать – 10,4%.
- Другое – 23,5%.
- Никаких дополнительных запретов – 45,2%.

Помимо вполне обоснованных и логичных запретов, которые связаны с сохранностью музейных экспонатов (отказ от больших сумок), здесь, как это ни странно,

мы видим базовый и имеющийся в правилах посещения практически каждого музея запрет на прикосновения к экспонатам. Показательно, что наибольшей популярностью пользуется потенциальный запрет на громкие разговоры, который фактически никак не формализуется (как именно измеряются децибелы?) и позволяет трактовать его в зависимости от пожеланий работников музея.

Нельзя не отметить, что под «Соблюдением правил поведения детьми» может скрываться и многочисленное табу, связанные с появлением в музеях маленьких детей: кормление грудью, использование колясок и т. д. В данном случае речь действительно идет об открытом табуировании, а не о логически обусловленном запрете, поскольку музей может разрешать использование колясок людьми с ОВЗ, и в то же время вводить запрет на детские. При этом, вводя подобные запреты, музеи формально нарушают законодательство, которое относит родителей с колясками (а также детей, беременных и кормящих женщин, лиц с временными нарушениями здоровья, лиц с избыточным весом; лиц старших возрастов) к маломобильным группам граждан.

Многие музейные сотрудники согласны с тем, что ряд запретов следует отменить, так как они начинают негативно сказываться на посетительском опыте, а следовательно, и на посещаемости музея. Среди вариантов ответа на вопрос, какой из запретов для посетителей музеев вам кажется лишним, были отмечены:

- Употребление бутилированной воды – 3,5%
- Запрет на проход с небольшими животными – 3,5%
- Обсуждение экспозиции – 3,5%
- Фотосъемка (в том числе бесплатная) – 12,2 %
- Другое – 23,5%
- Таких запретов нет – 53,9%

Два пункта из этого перечня напрямую противоречат списку желаемых запретов, что подчеркивает отсутствие согласия о границах и содержании запретов внутри самого профессионального сообщества. Это влечет за собой отсутствие единых стандартов работы с посетителем, что в итоге негативно сказывается на образе отрасли в целом. Интерес вызывает пункт с платной фотосъемкой, которая уже была признана незаконной прокуратурой и судами субъектов Российской Федерации (*Ларцева* 2018).

Что касается системы внутренних табу, снова половина респондентов (48,7%) ответила «не помогают и не мешают», что подчеркнуло слабую рефлексию на тему запретов. Остальные мнения распределились следующим образом:

- 10,4% – Только мешают.
- 10,4% – Скорее мешают.
- 22,6 % – Скорее помогают.
- 7,8% – Только помогают.

Из действующих запретов в музеях респонденты отметили следующие:

- Нарушать трудовую дисциплину (опоздания, несоблюдение этики, дресс-кода и т. д.);
- Принимать пищу на рабочем месте;
- Дискредитировать работу учреждения, обсуждать рабочие моменты в соцсетях);
- Обсуждать заработную плату;
- Принимать подарки;

- Проводить экскурсии без согласования;
- Отвечать грубостью на грубость посетителей;
- Фотографироваться в фондах.

Как видно из этого списка, большая часть запретов носит общекорпоративный характер. Среди них стоит отметить пункт об обсуждении рабочих моментов в социальных сетях, который вызвал бурные дискуссии на фестивале Интермузей-2019. Речь шла даже о создании отдельного кодекса для сотрудников, посвященного поведению в виртуальном пространстве (Русский музей... 2019). Однако при этом сама лексика обсуждения, например, утверждение, что сотрудники *«странно комментируют многие вещи»*, больше говорили о желании ввести табу, чем о структурной работе по внедрению корпоративной культуры. Любопытен последний пункт с фотографированием в фондах: в зависимости от контекста и статуса музейного сотрудника появление в социальных сетях фотографии с музейными предметами может стать как объектом восхищения, так и жесткой неконструктивной критики, что еще раз подчеркивает проблемы в согласовании профессиональных норм.

При этом, среди узкопрофессиональных ограничений, в отличие от списка внешних запретов, трудно найти откровенные табу – так или иначе они вытекают из интересов музея как института, идет ли речь об источниках внебюджетного финансирования или о безопасности фондов. Возможно, поэтому абсолютное большинство респондентов не смогло найти ответ на вопрос, какой запрет для работников в вашем музее вам кажется лишним.

- Несоблюдение дресс-кода (запрет на джинсы, футболки без лого музея и т. д.) – 7,8%.
- Запрет на научно-исследовательскую деятельность – 3,5%.
- Запрос у охраны для перемещения по музею – 1,7%.
- Таких запретов нет – 80%.
- Другое – 3,5%.

По сути, профессиональное сообщество считает сложившуюся систему запретов достаточной и адекватной. Очевидно, что указанные случаи с запретом на научно-исследовательскую деятельность или передвижения по музею являются исключением из правил, а единственным значимым запретом является соблюдение дресс-кода. Последнее можно расценивать как довольно прохладное отношение к корпоративной культуре.

Ответы на вопрос *«Какой запрет Вы бы хотели ввести для работников?»* больше касаются внутренней жизни рабочего коллектива и не несут музейной специфики. Опять же показателен взгляд части респондентов на необходимость соблюдения дресс-кода, и его противоречие предыдущей подборке.

- Несоблюдение дресс-кода – 7,8%.
- Переключать работу на других – 4,3%.
- Частые перекуры – 1,7%.
- Есть на рабочем месте – 3,5%.
- Обсуждать личные дела при посетителях, громко разговаривать, сплетничать – 9,6%.
- Таких запретов нет – 48,7%.
- Другое – 24,3%.

Здесь показательно количество респондентов, считающих, что необходимость в лишних запретах для коллег отсутствует. В то же время, из внимания профессионального сообщества выпали некоторые табу, которые обеспечивают устойчивое развитие сообщества, предотвращая очевидный конфликт интересов, – например, членство (или даже председательство) в жюри конкурса, где участвует ваш музей.

Следует признать, что табуирование и запретительная тональность в современном музее прямо противоречит его магистральным линиям развития. Для модернизации системы запретов и приведение ее в соответствие с запросами сегодняшнего дня необходимы как минимум четыре важных инструмента. Первый – четкое и вежливое объяснение запрета, которое мотивирует посетителя: «Так, например, типичному для всех русских музеев объявлению «Руками не трогать» соответствует куда более пространственный итальянский вариант *«Per favore non toccate le sculture. Le superficie possono essere dennegiate anche dalle mani pulite»* (Пожалуйста, не трогайте скульптуры. Поверхность может быть повреждена даже чистыми руками)» (Покровская, Кудинова 2011: 44).

Во-вторых, представляется полезным использование юмора, который во многих случаях сам по себе табуирован в музеях. Но юмор может сгладить потенциально конфликтную ситуацию, сокращает дистанцию с посетителем и снимает негатив с запрета (Гринько 2017). Более того, юмористически оформленный запрет может быть распространен в социальных сетях и медиа, что позволит заранее подготовить будущих посетителей к правилам музея. Здесь мы подходим к третьему моменту – не прямой стратегии работы с посетителями, например, через пособия о нормативном поведении для детей (Шалаева 2009). Однако этот вариант невозможен без хотя бы приближенной унификации и стандартизации запретов, что является четвертым условием.

Многие кейсы, упомянутые респондентами, с учетом специфики российского законодательства, могут и должны стать предметом отдельных судебных разбирательств.

Пока же можно сделать следующие предварительные выводы по поводу института музейных табу в российских музеях.

- По факту, посетитель музея зачастую сталкивается с набором табу, а не единой системой аргументированных и прозрачных запретов.
- Данная система продуцируется восприятием музея как сакрального пространства и культурой советских запретительных практик, при этом музеи отказываются признать простую мысль, что «граждане не должны быть благодарны кому-либо за то, что по праву принадлежит им с точки зрения гуманистической этики» (Шола 2013: 82).
- Часть профессионального сообщества осознает проблемы с количеством и качеством запретов, однако в целом обсуждение запретов само по себе табуировано.
- Отсутствует единая система стандартов при работе с посетителем. Это очень важный момент, поскольку он становится источником потенциальных конфликтов с посетителями, которые из опыта посещения нескольких музеев могут сформировать определенную систему поведения, которая может быть расценена как нарушение правил.
- В профессиональной среде пока отсутствует консенсус по базовым вопросам внутренней корпоративной культуры.

В целом, современную ситуацию с запретами можно трактовать как проявление системного кризиса институтов российской музейной сети.

Источники и материалы

- Белорусский государственный – Сайт Белорусского государственного музея истории ВОВ. <http://www.warmuseum.by/index.php/o-muzee/pravila-povedeniya-v-muzee> (дата обращения: 22.06.2020).
- Василий Верещагин – Василий Верещагин и война взглядов: скандал вокруг экскурсий в Третьяковке // Архив. https://artchive.ru/news/3500~Vasilij_Vereschagin_i_vojna_vzgljadov_skandal_vokrug_ekskursij_v_Tret'jakovke (дата обращения: 07.04.2020).
- Жильцова – Жильцова Д. «Достали эти овуляхи»: почему женщин «гоняют» за кормление грудью в музеях Москвы. 12.11.2019. <https://riamo.ru/article/392281/dostali-eti-ovulyahi-pochemu-zhenschin-gonyayut-za-kormlenie-grudyu-v-muzeyah-moskvy.xl> (дата обращения: 07.04.2020).
- ИКОМ – Официальный сайт ИКОМ. <https://icom.museum/en/standards-guidelines/museum-definition/> (дата обращения: 22.06.2020).
- Козьмодемьянский музейный – Сайт Козьмодемьянского музейного комплекса. <http://www.kmkmuzey.ru/fondymuzeya/instsmotr> (дата обращения: 04.04.2020).
- Новое определение – Новое определение понятия «музей» // ИКОМ России. <http://icom-russia.com/data/events/novoe-opredelenie-ponyatiya-muzey/> (дата обращения: 07.04.2020)
- Русский музей – Русский музей планирует ввести кодекс этики для сотрудников. 30.05.2019 // ТАСС. <https://tass.ru/kultura/6495612?fbclid=IwAR3MhnXSSCsQBvJrizwC9YkEg2XFTLfa6NN8753u5QobdoTZhHXEYolm-hs> (дата обращения: 04.04.2020).
- Серебренникова – Серебренникова К. Только без рук // Новые Известия. 04.10.2013. <https://newizv.ru/news/society/04-10-2013/190134-tolko-bez-ruk> (дата обращения: 07.04.2020)
- Смородинова – Смородинова Е. Руками не трогать // Телеканал «Поехали». <https://www.poechali.tv/adventures/9202> (дата обращения: 04.04.2020).
- Чемерис – Чемерис А. «С этим надо дома сидеть»: Двум мамочкам запретили кормить малышей грудью в Эрмитаже // Комсомольская правда. 25.02.2020. <https://www.spb.kp.ru/daily/27096/4169404/> (дата обращения 07.04.2020).

Научная литература

- Архипова А., Кирзюк А. Опасные советские вещи: Городские легенды и страхи в СССР. М.: Новое литературное обозрение, 2020. 536 с.
- Гринько И.А. Юмор в музейном пространстве // Обсерватория культуры. 2017. Т. 14, № 3. С. 315–321.
- Гринько И.А. В поисках зинфанделя // Музей. 2018. № 11. С. 33–36.
- Идема Й. Как ходить в музей. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. 128 с.
- Ларцева Л. Правомерность взимания платы за фотосъемку в музее // Учреждения культуры и искусства: бухгалтерский учет и налогообложение. 2018. № 4. С. 13–15.
- Мени П. ван. Этика и музеология // Вопросы музеологии. 2014. № 1 (9). С. 128–138.
- Гринько И. А., Гнедовский М. Б. (ред.) Музейные стандарты: международный опыт: колл. монография [Электронный ресурс]. М.: Перспектива, 2019. 97 с.
- Пиотровский М.Б. Для музеев нет табу. 50 статей за 10 лет. СПб.: Арка, 2016. 304 с.
- Покровская Е.А., Кудинова Е.В. Инструкционно-запретительные надписи как инструмент идеологического воздействия (на материале русского и итальянского языков) // Политическая лингвистика. 2011. № 2. С. 43–48.
- Скобельцына А.С., Шарухин А.П. Технология и организация информационно-экскурсионной деятельности. 2-е изд. М.: Юрайт, 2018. 262 с.
- Сорокин В.Н. Креативные индустрии и музеи: учебное пособие / Мин-во образования и науки РФ, Новосиб. гос. пед. ун-т. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2013. 57 с.
- Утехин И.В. Место действия. Публичность и ритуал в пространстве постсоветского города. М.: Strelka Press, 2012. 37 с.
- Шалаева Г.П. Правила поведения для воспитанных детей. М.: АСТ, 2009. 160 с.

- Шевцова А.А., Гринько И.А. Музеи и советская сатира // Человек и культура. 2019. № 2. С. 80–96. https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=28444 (дата обращения: 07.04.2020) DOI: 10.25136/2409-8744.2019.2.28444
- Шола Т.С. Вечность здесь больше не живет. Толковый словарь музейных грехов. Тула: Музей-усадьба Л.Н. Толстого «Ясная поляна», 2013. 358 с.
- Dolak J., Šobaňova P. Museum presentation. Palacki University Olomouc, 2018. 379 p.
- Duncan C. Civilizing Rituals: Inside Public Art Museums (Re Visions: Critical Studies in the History and Theory of Art). Routledge, 1995. 192 p.
- Simon N. Participatory museum. Santa Cruz: Museum 20, 2010. 390 p.
- Barnard A. (ed.) Taboo // Encyclopedia of social and cultural anthropology / ed. by Alan Barnard and Jonathan Spencer. London: Routledge, 2002. 1016 p.
- Wright C. «A devil's engine»: Photography and spirits in the Western Solomon Islands // Visual Anthropology: Published in cooperation with the Commission on Visual Anthropology. 2008. No. 21. P. 364–380.

Grinko, Ivan A., Shevtsova, Anna A.*

“There are taboos for museums”: prohibitive practices in the culture of Russian museums

DOI: 10.33876/2311-0546/2020-52-4/125-135

This article analyzes the institute of museum taboos. The relevance of this study is due to several factors, primarily the development of relationships between the museum and the visitor in the last three decades. The prohibitions also influence the shaping of professional ethics, and, consequently, the status of the profession. The main aim of this work was to show the ambiguity of the contemporary taboos in Russian museums and their impact on the functioning of the museum itself.

The research was mainly based on a survey of museum employees and analysis of the systems of prohibitions in museums of the Russian Federation. The main conclusion of the research is as follows: the contemporary system of museum taboos was formed not only by attitude to the museum as a sacred space, but also by the culture of Soviet prohibitive practices. Part of the professional community is aware of the problems with the quantity and quality of prohibitions, however, in general, the discussion of prohibitions is taboo itself. This entails a number of problems, the key one being the absence of a unified system of standards in working with a visitor, which is a cause of potential conflicts. The study showed that in the professional museum community there is still no consensus not only on external prohibitions, but also on basic issues of internal corporate culture.

Key words: *museum, museum anthropology, taboos, bans, corporate culture, anthropology of organizations*

- * **Grinko, Ivan** – PhD in history, MA in cultural management, Head of the Department for Museum and Tourism Development, SAIC “MOSGORTUR” (Moscow, Russia). E-mail: iagrinko@yandex.ru
- Shevtsova, Anna** – Doctor of Historical Sciences, Professor at the Department of Cultural Studies, Moscow State Pedagogical University (Moscow, Russia). E-mail: ash@inbox.ru

References

- Arhipova, A. and A. Kirzyuk. 2020. *Opasnye sovetskie veshchi: Gorodskie legendy i strahi v SSSR*. [Dangerous Soviet things: Urban legends and fears in the USSR]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

- Dolak, J. and P. Šobaňova. 2018. *Museum presentation*. Palacki University Olomouc. 379 p.
- Duncan, C. 1995. *Civilizing Rituals: Inside Public Art Museums* (Re Visions: Critical Studies in the History and Theory of Art). Routledge.
- Grin'ko, I.A. 2017. Yumor v muzejnom prostranstve. [Humor in the museum space]. *Observatoriya kul'tury*. Vol. 14 (3) :315–321.
- Grin'ko, I.A. 2018. V poiskah zinfandelya. [In Search of the Zinfandel]. *Muzej*. 11:33–36.
- Grin'ko, I.A. and M.B. Gnedovskiy *Muzejnye standarty: mezhdunarodnyj opyt: kollektivnaya monografiya*. [Museum standards: international experience: a collective monograph], edited by I.A. Grin'ko; M.B. Gnedovskiy. Moscow: Perspektiva.
- Idema, J. 2016. *Kak hodit' v muzej*. [How to visit an art museum]. Moscow: Ad Marginem Press.
- Larceva, L. 2018. Pravomernost' vzimaniya platy za fotos'emku v muzee. [Legality of charging fees for photographing in a museum]. *Uchrezhdeniya kul'tury i iskusstva: buhgalterskij uchet i nalogooblozhenie* 4:13–15.
- Mensh, P. van. 2014. Etika i muzeologiya [Ethics and museology]. *Voprosy muzeologii* 1 (9): 128–138.
- Piotrovskij, M.B. 2016. *Dlya muzeev net tabu. 50 statej za 10 let*. [There are no taboos for museums. 50 articles in 10 years]. St. Petersburg: Arka.
- Pokrovskaya, E.A. and E.V. Kudinova. 2011. Instrukcionno-zapretitel'nye nadpisi kak instrument ideologicheskogo vozdejstviya (na materiale russkogo i ital'yanskogo yazykov). [Instructions and prohibitions as an instrument of ideological influence (based on the material of the Russian and Italian languages)]. *Politicheskaya lingvistika* 2: 43–48.
- Shalaeva, G.P. 2009. *Pravila povedeniya dlya vospitannyh detej*. [Rules of conduct for raised children]. Moscow: AST.
- Shevtsova, A.A. and I.A. Grinko. 2019. Muzei i sovetskaya satira [Museums and Soviet satire]. *Chelemek i kul'tura* 2: 80–96. https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=28444 (accessed 04.04.2020). DOI: 10.25136/2409-8744.2019.2.28444
- Shola, T.S. 2013. *Vechnost' zdes' bol'she ne zhivet. Tolkovyj slovar' muzejnyh grekhov*. [Eternity doesn't live here anymore. Dictionary of the Museum Sins]. Tula: Muzej-usad'ba L.N. Tolstogo «Yasnaya polyana».
- Simon, N. 2010. *Participatory museum*. Santa Cruz, Museum 20.
- Skobel'cyna, A.S. and A.P. Sharuhin. 2018. *Tekhnologiya i organizaciya informacionno-ekskursionnoj deyatel'nosti*. [Technology and organization of information and excursion activities]. 2nd ed. Moscow: Yurajt.
- Sorokin, V.N. 2013. *Kreativnye industrii i muzei: uchebnoe posobie*. [Creative industries and museums: a manual] / Min-vo obrazovaniya i nauki RF, Novosib. gos. ped. un-t. Novosibirsk: Izdatel'stvo NGPU.
- Taboo In *Encyclopedia of social and cultural anthropology*. 2002. Ed. by Alan Barnard and Jonathan Spencer. London: Routledge.
- Utekhin, I.V. 2012. *Mesto dejstviya. Publichnost' i ritual v prostranstve postsovetskogo goroda*. [Scene. Publicity and ritual in the space of the post-Soviet city]. Moscow: Strelka Press.
- Wright, C. 2008. «A devil's engine»: Photography and spirits in the Western Solomon Islands. *Visual Anthropology*: Published in cooperation with the Commission on Visual Anthropology 21: 364–380.

СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ АДАПТАЦИЯ И ИНТЕГРАЦИЯ МИГРАНТОВ В РОССИИ: К ВОПРОСУ О МЕЖКУЛЬТУРНОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ*

В статье рассматриваются концептуальные подходы, практические меры, слабые стороны и положительные новации в сфере реализации государственной миграционной политики и государственной национальной политики РФ в отношении адаптации и интеграции мигрантов. Изучен характер взаимодействия мигрантов и принимающего российского общества и его влияние на адаптационные и интеграционные процессы. Проанализировано восприятие культурных отличий в молодежной среде (по результатам исследования в школах и вузах г. Москвы). Делается вывод, что большинство россиян не настроено на активное взаимодействие с инокультурными мигрантами, что является препятствием для успешной интеграции мигрантов. Потенциал для успешных интеграционных процессов наблюдается в образовательной среде.

Несмотря на то, что в нашей стране на сегодняшний день отсутствуют полноценные условия для успешной интеграции мигрантов, в последние несколько лет происходят положительные изменения. Если раньше государственные институты выполняли функции преимущественно по социальной адаптации мигрантов (административно-правовой аспект), то в настоящее время со стороны органов власти увеличивается поддержка некоммерческих организаций, осуществляющих деятельность по адаптации и интеграции мигрантов в принимающее общество; поддерживаются и распространяются лучшие практики общественного сектора, который всегда понимал важность осуществления проектов, нацеленных на тесное взаимодействие мигрантов и местного сообщества.

Ключевые слова: государственная миграционная политика, государственная национальная политика, адаптация и интеграция мигрантов, межкультурное взаимодействие, стереотипы, восприятие культурных отличий в молодежной среде

С 2012 г. адаптация и интеграция мигрантов в нашей стране на декларативном уровне становится одним из приоритетных направлений как государственной ми-

Кульбачевская Ольга Вячеславовна – научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии РАН, эксперт Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов (119334 Москва, Ленинский проспект, 32а). Эл. почта: ola_kul@mail.ru

* Публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН

грационной, так и государственной национальной политики РФ. В то время были приняты такие основополагающие документы в области управления миграцией и межнациональными отношениями как Концепция миграционной политики Российской Федерации до 2025 года и Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации до 2025 года.

Одним из важных условий формирования и реализации государственной миграционной политики России (далее – ГМП), согласно действовавшей до конца октября 2019 года Концепции государственной миграционной политики, было создание условий для адаптации и интеграции мигрантов, а одной из главных задач – содействие адаптации и интеграции, формированию конструктивного взаимодействия между мигрантами и принимающим сообществом. Эта Концепция предписывала «создание инфраструктуры, обеспечивающей содействие адаптации и интеграции, включая центры информационной и правовой поддержки мигрантов, курсы изучения языка, истории и культуры Российской Федерации, а также создание специализированного канала и циклов телепередач, ориентированных на социокультурную и языковую адаптацию мигрантов». Причем создание инфраструктуры, включающей центры информационной и правовой поддержки мигрантов, курсы изучения языка, истории и культуры Российской Федерации, а также создание специализированного канала и циклов телепередач, ориентированных на социокультурную и языковую адаптацию мигрантов, планировалось, согласно Концепции, на первом этапе реализации государственной миграционной политики РФ (2012–2015 гг.): На этом же этапе планировалось создание инфраструктуры для проживания трудовых мигрантов. Однако в Плане мероприятий по ее реализации в 2012–2015 годах (первый этап) мероприятия по созданию инфраструктуры, обеспечивающей содействие адаптации и интеграции, отсутствуют, также нет речи о создании центров для мигрантов. В План основных мероприятий по реализации ГМП на втором этапе (2016–2020 годы) в первую очередь были включены мероприятия по нормативно-правовому обеспечению в сфере статусов мигрантов и регулирования миграции, а также мероприятия, направленные на международное сотрудничество в сфере трудовой деятельности. Мероприятий по адаптации и интеграции мигрантов в этом Плане также не было.

Адаптация и интеграция мигрантов предусматривается также Стратегией государственной национальной политики РФ (далее – ГНП) на период до 2025 года. В Плане мероприятий по реализации ГНП есть подпрограмма «Создание условий для социальной и культурной адаптации и интеграции мигрантов». В рамках этой подпрограммы ставка делается на некоммерческие организации, национально-культурные автономии, религиозные организации и молодежные объединения, реализующие проекты в области адаптации и интеграции мигрантов (путем законодательного закрепления в категории «социально ориентированные» проектов НКО по адаптации и интеграции; финансовая поддержка таких проектов). К сожалению, в настоящее время прописанное в Стратегии ГНП государственно-общественное партнерство в области адаптации и интеграции мигрантов не является равноправным и скоординированным, в первую очередь, на федеральном уровне (подробнее см.: *Тишков и др.* 2019). Что касается уровня регионального, то здесь ситуация может быть еще хуже, т.к. следование основным целям и задачам государственной миграционной и национальной политики носит для субъектов РФ рекомендательный характер. Кроме того, результаты экспертизы региональных госпрограмм, которую провел Институт этнологии и антропологии РАН

совместно с Сетью этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов в 2016 г., показали, что субъекты РФ при реализации национальной политики на местах уделяют очень мало внимания теме миграции. С другой стороны, именно в регионах встречаются эффективные практики по адаптации и интеграции мигрантов, реализуемые общественными организациями или муниципальными структурами (см., например: *Якимов, Панич* 2018).

В октябре 2018 г. была утверждена новая Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы. Эта концепция, пришедшая на смену Концепции государственной миграционной политики 2012 г., была принята «в связи с необходимостью актуализации целей, задач и основных направлений деятельности Российской Федерации в сфере миграции» (цит. по: Указ Президента РФ № 622). В новом документе отмечается, что «в 2012–2017 гг. миграционный приток в Российскую Федерацию компенсировал естественную убыль населения и стал источником дополнительных трудовых ресурсов для национальной экономики» (цит. по: Там же). То есть говорится о безусловной в данном случае пользе массового притока мигрантов. В этой связи логичным должно стать пристальное внимание к вопросам комфортного и бесконфликтного существования старожильского и «нового» населения в различных российских регионах, а, значит, необходима актуализация задач по социально-культурной адаптации и интеграции мигрантов. Согласно новой Концепции миграционной политики на 2019–2025 гг. условия для адаптации мигрантов будут создаваться за счет формирования институтов и механизмов социальной и культурной адаптации, принятию мер, препятствующих пространственной сегрегации мигрантов, и обеспечения иностранным гражданам равных возможностей для получения государственных услуг в сфере миграции. Одной из основных целей миграционной политики на современном этапе является, в числе прочего, поддержание межнационального и межрелигиозного мира и согласия в российском обществе, защита и сохранение «русской культуры, русского языка и историко-культурного наследия народов России, составляющих основу ее культурного (цивилизационного) кода» (цит. по: Там же). В концепции говорится об открытости России для иностранных граждан, которые уважают многообразие региональных и этнокультурных укладов жизни российского населения. В отношении социально-культурной адаптации мигрантов указывается, что с 2012 г. «разработаны и проходят проверку на практике подходы к социальной и культурной адаптации различных категорий иностранных граждан, в том числе в рамках соответствующих программ и в формате государственно-общественного партнерства, с участием общественных и образовательных организаций, учреждений культуры и спорта» (цит. по: Там же).

Отметим, что в новой миграционной концепции, в отличие от предыдущей, термин «интеграция» отсутствует. Если учесть, что в нашей стране до сих пор не существует однозначных дефиниций и четкого разграничения понятий «адаптация» и «интеграция», и при этом зачастую под ними подразумевается один и тот же сценарий для мигрантов – знание и принятие ими новых социально-культурных условий и норм жизни, можно выдвинуть предположение, что термин «интеграция» исключен из новой концепции за ненадобностью. Получается, что интеграция мигрантов теперь уже не является целью и задачей миграционной политики?

Несмотря на то, что в России в последние годы есть подвижки в области социокультурной адаптации мигрантов (оказание ряда госуслуг административного,

правового и социального характера для мигрантов; в небольшом объеме существуют центры по языковой и социокультурной адаптации на базе средних и высших образовательных учреждений, а также библиотек (в основном, это курсы по изучению русского языка); услуги неправительственных центров и организаций по адаптации и интеграции мигрантов, спектр которых гораздо шире по сравнению с государственными), тем не менее, инфраструктура, охватывающая всю страну и созданная на государственной основе с применением единых стандартов обучающих, информационных и социокультурных программ для мигрантов, до сих пор отсутствует. К настоящему моменту мы так и не наблюдаем ни специализированного канала и циклов телепередач, ориентированных на социокультурную и языковую адаптацию мигрантов, ни инфраструктуры для проживания трудовых мигрантов. К настоящему времени решением вопросов по социокультурной адаптации и интеграции мигрантов в основном занимался общественный сектор, располагающий опытом и хорошими методиками, но не имеющий административных и финансовых ресурсов, вследствие чего институты гражданского общества не могли оказывать услуги мигрантам в необходимом количестве и масштабе. Неудивительно, что новая концепция ГМП вновь вынуждена обратиться к вопросу формирования институтов и механизмов адаптации мигрантов. Как и следовало ожидать, в этом деле предусматривается координация деятельности федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов РФ и органов местного самоуправления в сфере миграции. В процесс координации не включены институты гражданского общества, однако от них все так же ожидается участие в реализации миграционной политики, но при условии невмешательства в деятельность федеральных органов государственной власти и местного самоуправления. Что имеется в виду под невмешательством, сказать трудно. Означает ли это также невозможность для неправительственного сектора дополнять и влиять (на основании своего практического опыта, экспертной деятельности и информационных возможностей) на принятие государственных решений в сфере адаптации мигрантов?

Адаптировать собираются тех мигрантов, кто испытывает «сложности в адаптации, обусловленные особенностями их культуры и привычного жизненного уклада, а также иными факторами». Согласно концепции ГМП, мигранты должны адаптироваться к правовым, социально-экономическим, культурным и иным условиям жизни в Российской Федерации. Если сюда добавить одну из определяющих целей миграционной политики – защиту и сохранение русской культуры и историко-культурного наследия народов России, а также требование к мигрантам уважать региональные и этнокультурные уклады жизни российского населения, становится очевидным, что мигранты в нашей стране должны быть только адаптированы к местным условиям, а интеграции и удовлетворению собственных культурных запросов и нужд мигрантов почти не уделяется внимание. Хотелось бы подчеркнуть, что в адаптации в нашей стране в первую очередь нуждаются мигранты, приезжающие из сельской местности в большие города, то есть это преимущественно социальная адаптация к урбанистическому пространству, а не проблемы этнокультурного характера (но также важна языковая адаптация, поскольку, чем больше проходит времени с момента распада СССР, тем больше мигрантов, не знающих или плохо знающих русский язык, приезжают к нам из бывших союзных республик). Кроме того, элементы культур тех мигрантов, кто относится к представителям народов, входящих в список народов РФ

(народы Средней Азии и Кавказа), не должны отчуждаться в российской среде. И, как нам представляется, не следует вопросы социокультурной адаптации мигрантов соотносить с темой межэтнических и межконфессиональных отношений в общественно-политическом дискурсе, в первую очередь в СМИ, поскольку миграционная тема в этом контексте на фоне бытования негативных стереотипов о мигрантах (об этом подробнее будет сказано ниже) усилит потенциал конфликтогенности в сфере межэтнического взаимодействия. При этом очевидно, что необходима скоординированная государственная система мер по социальной и культурной адаптации мигрантов, направленная на недопущение и противодействие негативным процессам в сфере взаимодействия мигрантов и принимающей стороны и на интеграцию общества на основе общих позитивных ценностей (Дмитриев, Пядухов 2006: 94). Не следует забывать, что мы живем во времена очень интенсивной глобализации, массовых миграционных перемещений, когда многие мигранты пребывают в странах въезда длительное время, и потому интегративные процессы – это почти неизбежность. И эффективность и безболезненность этих процессов в первую очередь зависит от политики государства. На важность темы адаптации и интеграции мигрантов обращают внимание многие исследователи и эксперты (см., например: Арутюнян 2005: 26–40; Мукомель 2005: 238). Какие меры в этом отношении предпринимает государство на современном этапе?

22 февраля 2019 г. распоряжением Правительства РФ № 265-р был утвержден план мероприятий по реализации в 2019–2021 годах Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы. План содержит раздел II «Создание условий для адаптации иностранных граждан к правовым, социально-экономическим, культурным и иным условиям жизни в Российской Федерации». Два из семи основных мероприятий этого раздела посвящены освоению мигрантами русского языка, знаний по истории и основам законодательства и их популяризации (основные исполнители – Минпросвещения России, Минобрнауки России, МИД России и Минкультуры России). Отдельным направлением выделены практические меры, направленные на административно-правовую легализацию мигрантов – совершенствование законодательства в части урегулирования правового статуса лиц без гражданства, находящихся на территории Российской Федерации без документов, удостоверяющих личность (исполнители – МВД России, Минфин России, ФСБ России). Еще одно тематическое направление – это мероприятия по предотвращению конфликтов на межнациональной и межконфессиональной почве между местным населением и мигрантами – мониторинг и анализ конфликтных ситуаций с участием иностранных граждан на почве межнациональных или межрелигиозных отношений и подготовка предложений по мерам, направленным на их предупреждение (исполнители – ФАДН России, МВД России, ФСО России). Новым положительным моментом является наличие в списке мероприятий следующего характера – организация регулярных встреч с представителями общественных и религиозных организаций в целях выработки алгоритма реагирования и взаимодействия при проведении проверок по обращениям, связанным с нарушением прав мигрантов. Непосредственные задачи в области социокультурной адаптации и интеграции (заметим, что в плане появляется термин «интеграция») возложены на Федеральное агентство по делам национальностей (ФАДН России), которое отвечает за проведение анализа и выработку предложений по созданию комплексной многоуровневой

системы адаптации и интеграции иностранных граждан в РФ с учетом многообразия укладов жизни населения РФ и обеспечения соблюдения национальных интересов России. Также на ФАДН возложены задачи по проведению мероприятий по социальной и культурной адаптации мигрантов «в целях обеспечения на территории Российской Федерации межнационального и межрелигиозного мира и согласия» (цит. по: Распоряжение Правительства РФ № 265-р) (как видим, в данном случае мигранты увязываются с рисками межэтнических и межконфессиональных конфликтов, в то время как логичнее было бы обосновать необходимость адаптации и интеграции учетом права каждого жителя РФ, временного или постоянного, на социальное и культурное благополучие).

ФАДН России, согласно Указу Президента Российской Федерации от 24.08.2017 № 399 «О внесении изменения в Указ Президента Российской Федерации от 31 марта 2015 г. № 168 «О Федеральном агентстве по делам национальностей»» наделен полномочиями по выработке государственной национальной политики и социокультурной адаптации мигрантов. В соответствии с указом, он должен заниматься выработкой и реализацией политики в сфере социальной и культурной адаптации и интеграции иностранных граждан, а также нормативно-правовым регулированием и оказанием государственных услуг в сфере национальной политики, социальной и культурной адаптации и интеграции иностранных граждан. Во исполнение поручения Президента РФ от 4 декабря 2016 г. № Пр-2338 (п. 2б) ФАДН был подготовлен проект Федерального закона «О социальной и культурной адаптации и интеграции иностранных граждан в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». До настоящего времени проект закона не внесен в Государственную Думу России. На наш взгляд, принятие такого закона было бы полезно и своевременно, это дало бы возможность законодательного разграничения полномочий и обеспечение координации действий органов государственной власти и органов местного самоуправления в отношении политики социокультурной адаптации мигрантов. Кроме того, как уже отмечалось, в нашей стране до сих пор не существует четкого определения и разграничения понятий «адаптация» и «интеграция» в отношении мигрантов. Принятие закона о социокультурной адаптации мигрантов разграничило бы эти понятия, что позволило бы избежать различных трактовок федеральными и региональными ведомствами и структурами, а, значит, исключило бы возможность искаженного толкования поставленных задач в рамках государственной миграционной и национальной политики.

Проект закона содержит определение понятий «социальная и культурная адаптация иностранных граждан» и «социальная и культурная интеграция иностранных граждан». Первое определяется как «процесс освоения иностранными гражданами, временно пребывающими на территории Российской Федерации с целью осуществления временной трудовой деятельности, и членами их семей русского языка, социальных и культурных, правовых и экономических норм российского общества». Интеграция иностранных граждан определяется как «процесс освоения иностранными гражданами, временно или постоянно проживающими на территории Российской Федерации, русского языка, социальных, культурных, правовых, экономических норм российского общества на уровне, необходимом для временного или постоянного проживания в Российской Федерации, формирования устойчивых правовых, экономических, социальных и культурных связей между иностранными гражданами и российским обще-

ством» (цит по: Проект Федерального Закона «О социальной и культурной адаптации и интеграции иностранных граждан в Российской Федерации»).

В научном сообществе адаптация и интеграция трактуются более широко и многогранно. Понятийный аппарат в отношении адаптации и интеграции, как справедливо отмечает Е.А. Омельченко, складывался в ходе разработки многочисленных концепций, при использовании разных подходов, поскольку эти процессы являются предметом изучения в рамках и на стыке значительного круга научных дисциплин (этнологии, социологии, демографии, политологии, психологии и др.). Поэтому «междисциплинарность используемых подходов предопределяет и сложность унификации понятийного аппарата» (цит по: *Омельченко 2019*). Многозначное и многоплановое содержание процессов адаптации и интеграции определяет тот или иной набор параметров, по которым изучаются эти явления. Адаптация может изучать личностный уровень как с точки зрения психологического состояния личности (ожидания, ценностные ориентации и нормы), так и как процесс приспособления с целью обеспечения социальной жизни (*Берри 2001: 189–193; Рэдклифф-Браун 2001; Проскуракова 2007: 59*).

Адаптация индивидуума или группы может рассматриваться как целостный, системный процесс, включающий социальные, культурные, языковые и экономические составляющие и подразумевающий взаимодействие с новой средой, усвоение ее норм (*Драч, Матяш 2001; Колесникова, Алиханян 2014: 65*).

Некоторыми исследователями применяется понятие «этнокультурная адаптация», при этом под адаптацией понимается не просто усвоение норм, ценностей и традиций принимающего сообщества, но и овладение языком этнического большинства (см. напр.: *Макаров 2010а*). Е.А. Омельченко предлагает избегать термина «этнокультурная адаптация» и заменять его «понятиями «языковая» и «культурная адаптация», поскольку в понятие «этнокультурный» вкладывается, в основном, содержание, имеющее отношение к конкретным этносам, а в случае адаптации мигрантов к российскому обществу ставится задача освоения ими русского языка – государственного языка и языка самого крупного этноса РФ, но культурная адаптация должна происходить с учетом реалий современного многонационального российского государства, а не к русской культуре» (цит. по: *Омельченко 2019*). Здесь следует выразить солидарность с мнением российской исследовательницы и обратить внимание на то, что в научной литературе большинство дефиниций понятия «интеграция» обязательно указывают на необходимое условие для принимающего общества сотрудничать и включать в себя новых в культурном отношении людей, рассматривать их как полноправных членов; интеграция подразумевает объединение культурных составляющих в одно целое без потери культурной идентичности каждой из сторон (*Berry, et al 2002: 306; Сухов 2011: 83; Мартынова 1998: 11–39*). Также исследователи отмечают, что интеграция – это двусторонний процесс, подразумевающий обязательства и ответственность обеих сторон, требующий от мигрантов принятия в качестве приоритетных норм и ценностей нового общества, а от местного сообщества – готовности положительно принимать культурное многообразие (*Мукомель 2013: 695; Дмитриев, Пядухов 2013: 51*). Исходя из того, что в новой концепции миграционной политики отсутствует термин «интеграция», а также принимая во внимание, что в ряде основополагающих документов в сфере миграции и национальной политики и в общественно-политическом дискурсе (включая СМИ) делается акцент на принятие мигрантами норм и образа жизни принимаю-

щего общества (при этом не актуализируется вопрос об ответственности местного населения как равноправного актора интеграционных процессов), можно предположить, что Россия ориентируется на стратегию ассимиляции мигрантов этническим большинством. С другой стороны, возможно, что в госструктурах нет достаточного понимания важности проблемы взаимодействия мигрантов и населения России.

Очевидно, что адаптация и интеграция мигрантов зависит от характера миграционной политики в стране приема, слаженности и скоординированности работы государственных и общественных институтов и, конечно же, от характера отношения к приезжающим местного населения. Эти факторы влияют на то, какую стратегию пребывания в новой для себя инокультурной среде будут выбирать мигранты. (В данной статье не рассматриваются такие факторы влияния, как личностные особенности, цель и длительной пребывания мигранта в стране приема, его дальнейшие миграционные намерения.) С точки зрения бесконфликтного межэтнического сосуществования наиболее предпочтительной и эффективной является интеграция, когда мигранты имеют возможность сохранить приверженность своей культуре и в то же время усвоить инокультурные атрибуты. Как было отмечено выше, интеграция предполагает межкультурный диалог между мигрантами и доминирующим этническим большинством, усвоение вновь прибывшими базовых ценностей, норм, знаний и образцов новой социокультурной среды, и адаптацию со стороны принимающего сообщества социальных институтов к потребностям и запросам новых этнических групп.

Одним из основных препятствий для реализации эффективной политики по адаптации и интеграции мигрантов (которое государство почти не видит и не учитывает) является практически полное отсутствие межкультурного диалога между мигрантами из Средней Азии и Кавказа и местным населением. Несмотря на вполне благополучную ситуацию в сфере взаимоотношений мигрантов и местного населения в Московском регионе, в ходе наших опросов (проводимых Институтом этнологии и антропологии РАН совместно с Сетью этнологического мониторинга) в течение нескольких лет выявляется потенциал активных участников протестных акций в Москве от одной пятой до одной трети опрошенных. Степень заинтересованности местного населения в интеграции мигрантов не очень высокая. Взаимодействие между ними очень поверхностное (на уровне обмена приветствиями с дворниками и общением покупателей с кассирами и продавцами). Значительная часть местных равнодушна к теме интеграции мигрантов, а равнодушные содержат в себе определенную степень латентного неприятия и может быть активизировано при стечении обстоятельств. Здесь также надо иметь в виду фактор фрустрации (Карлов 2017: 5), который может усилить межэтническую напряженность или сработать как детонатор. Причем в периоды экономической, социальной нестабильности этот фактор может проявиться со стороны принимающего населения, особенную актуальность он приобретает в связи с пандемией коронавируса и периодами самоизоляции. Но может он проявиться и со стороны мигрантов, находящихся на неизбежной для процесса адаптации стадии культурного шока. Отметим, что местное население даже не догадывается о такого рода трудностях у мигрантов, и склонно замкнутое, недружелюбное отношение со стороны некоторых мигрантов включать в список негативных стереотипов о них.

Негативные стереотипы и список миграционных рисков формируется в первую очередь через призму культурных отличий. Такой подход применяют СМИ и националистически настроенные люди и организации. Это имеет влияние на обществен-

ное сознание. Поэтому в ходе наших исследований некоторые москвичи высказывались за ограничительные меры именно в этноязыковой и этнокультурной сферах, такие как, например, запрет на общение в рабочее время на негосударственном и нерусском языке, запрет на демонстрацию своих культурных особенностей.

Некоторые исследователи полагают, что историческая память о совместном проживании разных народов и религий на территории одного большого государства (СССР) может способствовать успешному протеканию адаптационных и интеграционных процессов (*Дробот* 2012: 152–170). Однако автором данной статьи был проведен анализ нескольких тысяч комментариев, оставляемых читателями под статьями на тему миграции в электронных СМИ. Анализ показал, что подавляющее большинство комментариев имеет негативную окраску и враждебный настрой к мигрантам (лишь несколько процентов от общего числа комментаторов выступают в их защиту). С учетом того, что комментарии под такого рода статьями в основном пишут люди с активно недоброжелательным настроением, тем не менее, на их основе можно составить список негативных стереотипов о мигрантах. Одним из наиболее часто повторяющихся оказался стереотип, связанный именно с исторической памятью, но имеющей в данном случае отрицательную коннотацию: представители Средней Азии характеризуются как неблагодарные предатели и обидчики, убивавшие и изгонявшие из своих республик русское население после распада СССР. Таким образом, в данном случае историческая память является препятствием для успешной адаптации и интеграции мигрантов из Средней Азии в России. К другим наиболее часто встречающимся стереотипам о среднеазиатах относятся следующие: «немытые дикари», «необразованные», «грязнули», «ленивые», «неспособные к эволюции», «лживые», «торгаши», «агрессивные», «злые», «коварные», «сила темная». Негативные стереотипы опасны тем, что личностные особенности получают распространение на целые этнические группы и подпитывают этноцентризм и «цивилизационную спесь». Можно сказать, что россияне не настроены на активное взаимодействие с инокультурными мигрантами, здесь имеет место быть скорее игнорирование (для большинства) либо негативное отношение с культурным дистанцированием. Такое взаимодействие можно назвать «пассивным взаимодействием» (поскольку отказ от действия также является действием).

Интересно, что комментарии в защиту мигрантов также выявляют негативные стереотипы, но уже в отношении русских. В ответ на многочисленные обвинения мигрантов из Средней Азии в лени, неряшливости, нецивилизованности, некоторые комментаторы говорят о том, что без мигрантов российские города утонули бы в мусоре, что не мигранты, а русские склонны к лени, отмечают падение уровня культуры в стране.

Очевидно, что более тесное общение происходит в школах и вузах, когда дети-мигранты и местные обучающиеся объединены общими образовательными процессами. Кроме того, молодые люди в большей степени, чем взрослые, открыты ко всему новому. Изменения у детей в свою очередь влияют на родителей. Поэтому образовательные учреждения являются лучшей средой для приобретения навыков межкультурного диалога и интеграции детей-мигрантов в российскую среду. В этой связи с 2017 по 2018 г. Институт этнологии и антропологии РАН совместно с Сетью этнологического мониторинга проводил исследование (серию опросов) в московских школах и вузах, в задачи которого входило выявление запросов на этнокультурное образование, а также характера взаимоотношений в учебных коллективах, где учатся инокультурные учени-

ки и студенты. Опросы проводились путем анкетирования в средних образовательных учреждениях г. Москвы (школах, лицеях, гимназиях), расположенных в районах с различным уровнем инфраструктуры и социальной «статусности», и вузах (гуманитарная и естественнонаучная направленность представлена в равных пропорциях)¹.

В почти равных долях в выборке представлены обучающиеся женского и мужского пола (девочек и девушек немногим больше). Возрастные когорты – менее 18 лет и 18-29 лет – поделились поровну.

Подавляющее большинство опрошенных указали одну национальность, пятая часть школьников и студентов имеет двойную этническую идентичность. К русским отнесли себя около двух третей респондентов, среди других национальностей в выборке наиболее заметны представители народов Кавказа. Десятая часть школьников и студентов имеет два родных языка и еще чуть более одного процента – три родных языка. Среди тех, кто не общается на родном языке (пятая часть от общего числа респондентов), большая часть не делает этого по причине того, что мало либо совсем не знает своего родного языка. В два раза меньше, по сравнению с этой группой, школьников и студентов с нерусским родным языком, испытывающих стеснение при использовании своего языка. Остальные опрошенные – и это подавляющее большинство (80%) – не испытывают никаких проблем при общении на родном языке. С учетом того, что русских в выборке две трети (а не 80%), можно констатировать, что значительное количество обучающихся с нерусским родным языком чувствуют себя свободно при использовании родного языка в московских школах и вузах. Это может говорить о существенном уровне толерантности по отношению к иноязычным соученикам. Здесь также отметим, что у школьников и студентов г. Москвы преобладает гражданская идентичность. Более двух третей опрошенных предпочитают, чтобы окружающие воспринимали их как граждан страны, и, скорее всего, для таких молодых людей национальность не будет иметь большого значения при выстраивании отношений с иноэтничными товарищами по учебе. Этническая и региональная идентичность характерна лишь для десятой части учеников и студентов.

Более половины респондентов относятся нейтрально и треть позитивно к совместному обучению с мигрантами. Отрицательное отношение к присутствию в своих классах и группах мигрантов обозначила небольшая (девятая) часть опрошенных. При этом почти половина школьников и студентов полагает, что мигранты полностью интегрированы в учебные коллективы. Еще четверть сходится во мнении о том, что присутствует значительная или определенная интеграция мигрантов. И только десятая часть говорит о полной изоляции вновь прибывших соучеников.

Все это свидетельствует о, в целом, спокойном климате межнациональных и межкультурных отношений в школах и вузах г. Москвы. Это косвенно подтверждают также данные о том, что подавляющее большинство респондентов (почти 90%) за последний год не испытывали негативного к себе отношения из-за языка, на котором говорят, своей национальности и религии. Сталкивались с негативным отношением чуть более десятой части (половина из них – из-за национальности, другая половина – из-за языка и религии в равных долях), в то время как молодых представителей нерусских национальностей в выборке в четыре раза больше.

¹ Общая выборка составила 600 человек, из них 50% – учащиеся средних образовательных учреждений, 50% – студенты вузов. В опросах приняли участие школьники старших классов и студенты в возрасте от 13 до 29 лет.

Общие итоги исследования показали, что восприятие культурных отличий у московской молодежи в целом характеризуется нейтральностью на фоне довольно слабого интереса к изучению различных национальных культур. Московским школьникам и студентам среди предметов, связанных с национальными культурами, в большей степени при обучении были бы интересны национальная кухня, история и география родного края, история своего народа и народов региона проживания, а также национальная культура и искусство, народное изобразительное творчество, народные ремесла. Однако отметим, что обучающихся, проявляющих интерес к такого рода предметам и желающих их изучать, менее половины опрошенных. В первую очередь такие знания, по мнению школьников и студентов, нужны для сохранения традиций и ощущения принадлежности к своему народу (то есть, в знаниях других культур нет потребности). Изучение других национальных культур (для ознакомления) востребовано только третью обучающихся. Еще около трети школьников и студентов полагает, что знания о различных национальных культурах нужны всем гражданам России. Для пятой части интерес к изучению национальных культур имеет практический характер: по их мнению, знания о культурах необходимо осваивать для получения специальных навыков и умений в случае выбора для себя в будущем определенных профессий (связанных в первую очередь с туристическими услугами и гостиничным хозяйством).

Молодые москвичи при общении в первую очередь обращают внимание на демографические и персональные отличия (возраст, пол, внешность, интеллект, увлечения и интересы вне учебы). Однако для почти половины опрошенных школьников и студентов при выстраивании отношений в учебных коллективах в той или иной мере имеют значение культурные отличия. Пятая часть респондентов частично учитывает их в отношениях с окружающими, вдвое меньше учеников подчеркивают культурные отличия, для десятой части характерно обостренное восприятие инокультурных соучеников. Для школьников и студентов, выделяющих культурные отличия, очень важным является, каких традиций и норм поведения придерживаются члены учебного коллектива; на втором месте стоит язык, на котором разговаривают; на третьем – национальность. На религиозные отличия обращает внимание меньшее количество молодых москвичей (но, как покажет дальнейший анализ, общение с людьми с другой религией является для таких москвичей наименее предпочтительным).

Анализ стереотипных отношений к культурным отличиям показывает, что наибольший интерес у учащихся средних и высших учебных заведений г. Москвы вызывают люди, приехавшие из других мест и отличающиеся своими традициями и нормами поведения. Также значительный интерес вызывают ученики другой национальности. А вот интерес к иноязычным выражен слабее. В отношении людей с религиозными отличиями характерна высокая степень нейтральности («ничего не ощущаю»).

Наиболее часто респонденты выражают желание поддержать соучеников, приехавших из других мест и отличающихся от них по языку. В отношении соучеников с религиозными особенностями опять наблюдается наименьшая готовность поддерживать и высокая степень нейтральности.

В общении с людьми, разговаривающими на других языках и отличающихся традициями и нормами поведения, респонденты видят для себя новые возможности. В меньшей степени, но также значительное число школьников и студентов могут открыть для себя что-то новое при общении с соучениками, приехавшими из рос-

сийских регионов и других стран. Почти не видят для себя новых перспектив при общении с соучениками с религиозными отличиями.

Готовность доверять людям с культурными отличиями среди опрошенных выражена слабо, но, тем не менее, приезжим из других мест и отличающимся по языку школьники и студенты готовы доверять в большей степени.

Несмотря на то, что исследование выявило максимальный интерес со стороны респондентов к тем, кто отличается от них традициями и нормами поведения, в то же время распределение ответов показывает и наибольшее число школьников и студентов, нежелающих общаться с такими людьми и не одобряющих их. Также наблюдается большое число случаев, когда испытывается неодобрение и возникают препятствия для общения с людьми другой национальности и религии. Около пятой части школьников и студентов испытывают тревожность в связи с наличием в учебных коллективах людей с культурными отличиями (в первую очередь это касается соучеников с другими традициями, национальностью и религией).

В целом по результатам исследования можно сказать, что в учебных коллективах московских школ и вузов преобладают нейтральные стереотипные отношения. В целом их придерживаются более половины обучающихся. Состав нейтральных стереотипов выглядит следующим образом: «Особого доверия нет, но и не тревожат» – треть опрошенных; «Не поддерживаю, но и не отрицаю» – четверть опрошенных; «Мне от этого нет ни выгод, ни проблем» – четверть опрошенных; «Особого интереса нет, но общение допускаю» – пятая часть респондентов.

Треть опрошенных придерживается позитивных стереотипов о культурных отличиях. Из них две трети ощущают интерес, четверть хотят поддержать, четверть чувствуют новые возможности при общении с инокультурными, более десятой части готовы им доверять.

Более десятой части школьников и студентов (15%) разделяют негативные стереотипы в межкультурном взаимодействии. Треть из них ощущает тревогу в присутствии инокультурных соучеников, более четверти ощущают препятствия для общения, пятая часть не одобряет культурные отличия и более десятой части не желают общаться с людьми, отличающимися от них по культурным признакам.

В отношении культурных отличительных признаков общие итоги опроса показывают, что наиболее лояльное отношение с вектором в сторону интереса и настроенности на общение характерно в случае с отличием по языку. При этом показатели по признаку национального отличия (непосредственно связанного с национальным языком) выглядят «хуже» с точки зрения настроенности на общение – больше респондентов, относящихся к этому отличию нейтрально и негативно. Это, как представляется, можно объяснить тем, что иноязычные ученики и студенты в ходе учебного процесса довольно редко пользуются национальными языками. В большей степени на отношение респондентов к инокультурным должны оказывать поведенческие, бросающиеся в глаза отличительные признаки (что, по всей видимости, и происходит в случае с отличительными традициями и нормами поведения). Наибольшая степень нейтрального отношения при высокой отметке негативных стереотипов и низкой позитивных отмечается по отношению к членам учебных коллективов с религиозными отличиями.

В ходе исследования ученикам и студентам было предложено пройти рисуночный тест. На картинках с изображением учебных коллективов в различных ситуациях (перемена, экскурсия, отдых) респондентам предлагалось отметить местопо-

ложение соучеников-мигрантов, учеников с религиозными особенностями и другим родным языком. В зависимости от их расположения на картинках по бальной шкале оценивалась степень интегрированности инокультурных молодых людей в учебные коллективы. Результаты тестов показали высокую, по ощущению опрашиваемых, степень интегрированности соучеников с другим родным языком (две трети обозначили полную интеграцию и еще пятая часть определяет иноязычных как значительно интегрированных в свой коллектив либо интегрированных в определенной степени). Полную изоляцию отметила десятая часть опрашиваемых. В отношении учеников с иной религией ощущение полной их интегрированности выражено у респондентов в меньшей степени (половина от общего числа опрошенных обозначила полную интеграцию, пятая часть так же, как и в предыдущем случае, – значительную или определенную интеграцию). И десятая часть опрашиваемых ощущает, что соученики с религиозными особенностями полностью изолированы от коллектива.

Резюмируя, можно сказать, что климат межкультурного взаимодействия в школьной и студенческой среде г. Москвы, в целом, достаточно благоприятный. При преобладании нейтральности в отношениях между учениками разных культур и наличии негативных стереотипов (у более десятой доли учащихся) преимущественным все же является вектор в сторону позитивного взаимодействия. В качестве рекомендации следует обратить внимание государственных институтов на возможность использовать образовательный процесс в качестве одного из инструментов при проведении успешной политики по адаптации и интеграции мигрантов. Необходимо внедрить в школы и вузы единую методику по воспитанию навыков ведения межкультурного диалога. Актуальность этого вопроса подтверждают результаты исследования А.Я. Макарова, изучившего тему адаптации и интеграции путем сравнительного исследования учащихся из числа мигрантов и немигрантов. Он пришел к выводу, что адаптация детей мигрантов в московских школах является процессом стихийным, поскольку целенаправленной программы по адаптации не существует, при этом учителя сталкиваются с трудностями, поскольку не имеют специальных навыков и опыта при работе с иноэтничными мигрантами (Макаров 2010b: 95–101). Некоторые исследователи указывают также на встречающийся перекос в образовательной системе – это ориентация на ассимиляцию детей-мигрантов (Ушакова 2014: 198).

В заключение хочется сказать, что, несмотря на то, что в нашей стране на сегодняшний день отсутствуют полноценные условия для успешной интеграции мигрантов, в последние несколько лет происходят положительные изменения. Если раньше государственные институты выполняли функции преимущественно по социальной адаптации мигрантов (в административно-правовой части), то в 2017 г. ФАДН России утверждает «Методические рекомендации по актуальным вопросам реализации государственной национальной политики, формированию в местном сообществе позитивных межнациональных и этноконфессиональных отношений, а также по выявлению и предупреждению межнациональных конфликтов», в которых прописаны меры в сфере социальной и культурной адаптации и интеграции мигрантов в российское общество. Во-первых, усиливается работа по обучению русскому языку, истории России и основам законодательства РФ. Со стороны органов власти увеличивается поддержка некоммерческих организаций, осуществляющих деятельность по адаптации и интеграции мигрантов в принимающее общество. Регионам с большим количеством мигрантов рекомендовано проработать вопрос о целесоо-

бразности создания специальных миграционных центров на базе НКО. И, наконец, рекомендовано поддерживать и распространять лучшие практики, включая разработку и тиражирование специальных изданий, пособий, направленных на работу по социальной и культурной адаптации и интеграции членов семей иностранных граждан в российское общество. НКО всегда понимали важность осуществления проектов, нацеленных на тесное взаимодействие мигрантов и местного сообщества, а, значит, теперь появляется возможность поддержки со стороны государства и более широкого распространения таких проектов, методик, опыта.

В качестве рекомендаций следует добавить также следующее: нужно доносить до россиян информацию о том, что присутствие инокультурных мигрантов (часть которых впоследствии становится гражданами РФ) – объективное, уже существующее явление; рассказывать о трудностях адаптации в чужой стране (в том числе и о неизбежном культурном шоке как одной из стадий адаптационных процессов), об общих ценностях, присущих культурам мигрантов и принимающей стороны; о высоких образцах культур мигрантов; о негативном влиянии враждебного и равнодушного отношения со стороны местного населения на процессы адаптации и интеграции и на общий климат в сфере межэтнических отношений. Для решения этих задач основная роль должна отводиться средств массовой информации (газетам и, особенно, телевидению).

Источники и материалы

- Проект Федерального Закона «О социальной и культурной адаптации и интеграции иностранных граждан в Российской Федерации» (подготовлен ФАДН России) (не внесен в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 30.05.2017). <https://mgimo.ru/upload/2018/10/FZ-o-adaptacii.pdf>.
- Распоряжение Правительства РФ от 22 февраля 2019 г. № 265-р об утверждении плана реализации первого этапа Концепции государственной миграционной политики на 2019–2025 годы. <http://static.government.ru/media/files/EeWin7FntuWj0nblXpJiiAyYFXtT69XC.pdf>.
- Указ Президента РФ от 31 октября 2018 г. № 622 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы». <http://www.kremlin.ru/events/president/news/58986>.

Научная литература

- Арутюнян Ю.В. О потенциале межэтнической интеграции в московском мегаполисе // Социологические исследования. 2005. № 1. С. 26–40.
- Берри Дж. У. Аккультурация и психологическая адаптация: обзор проблемы // Развитие личности. 2001. № 3–4. С. 189–192.
- Дмитриев А.В., Пядухов Г.А. Интеграция трудовых мигрантов в мегаполисе: локальные модели, контекст идентичности (методология и методы исследования) // Социологические исследования. 2013. № 5. С. 51.
- Дмитриев А.В., Пядухов Г.А. Этнические группы трудящихся-мигрантов и принимающее общество: взаимодействие, напряженность, конфликты // Социологические исследования. 2006. № 9. С. 94.
- Драч Г.В., Матяш Т.П. (под ред.) Культурология: краткий тематический словарь. Ростов н/Д: Феникс, 2001.
- Дробот Г.А. Глобальная миграция: факторы, последствия, регулирование, диаспоры // Социально-гуманитарные знания. М., 2012. № 2. С. 152–170.
- Карлов В.В. Фактор фрустрации в истории межэтнических конфликтов в России от начала XX века до наших дней / Власть, информационные технологии, массовое сознание: ос-

- новные тенденции современного политического развития / под ред. А.Ю. Полунова. М.: АРГАМАК-МЕДИА, 2017. С. 5.
- Колесникова Ю.Н., Алиханян Н.Г.* Проблемы образования и адаптации детей-мигрантов в Германии / Социально-культурная адаптация и интеграция мигрантской молодежи к поликультурному образовательному пространству. Проблемы, поиски, решения. Материалы Третьей региональной научно-практической конференции в рамках III Международного научно-практического форума «Человек, семья и общество» / под ред. В.И. Петришев, Красноярск 17-18 ноября 2014. Красноярск: Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, 17-18 ноября 2014. С. 15–20.
- Макаров А.Я.* Особенности этнокультурной адаптации детей мигрантов в московских школах // Социологические исследования. 2010b. № 8. С. 95–101.
- Макаров А.Я.* Социокультурная адаптация детей мигрантов в образовательной среде (на примере московского мегаполиса): диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук. 22.00.04. М., 2010а. 209 с.
- Мартынова М.Ю.* Политика государств Европы в сфере защиты прав этнических меньшинств / Этнические проблемы и политика государств Европы / отв. ред. М.Ю. Мартынова, Н.Н. Грацианская. М., ИЭА РАН, 1998. С. 8-39.
- Мукомель В.И.* Адаптация и интеграция мигрантов // Миграция в России 2000–2012. Хрестоматия / под ред. И.С. Иванова. В 3-х т. М.: Спецкнига, 2013. Т. 1. Ч. 2. С. С. 695.
- Мукомель В.И.* Социокультурные аспекты интеграции / сегрегации иноэтничных мигрантов в российский социум / Миграционная политика России: Постсоветские контексты. М., 2005. С. 238.
- Омельченко Е.А.* Интеграция детей из семей иноэтничных мигрантов в российское общество: теория и практика в реалиях современной системы образования: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.07 / Омельченко Елена Александровна; [Место защиты: ФГБУН Ордена Дружбы народов Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук], 2019. 463 с.
- Проскуракова О.Л.* Адаптация мигрантов как социальный процесс // Вестник Омского государственного университета. 2007. № 4. С. 59.
- Рэдклифф-Браун А.Р.* Структура и функция в примитивном обществе. Очерки и лекции. М.: Восточная литература, 2001. 304 с.
- Сухов А.Н., Трыканова С.А.* Миграция в Европе и ее последствия: учеб. пособие / 2-е изд., стереотип. М.: Флинта: МПСИ, 2011. С. 83.
- Тишков В.А., Степанов В.В., Барышина Н.А., Кульбачевская О.В., Мартыненко А.В., Мартынова Е.П., Мокин К.С., Подлесных О.Н., Савин И.С., Черных А.В.* Миграция и межнациональные отношения: ресурс государственно-общественного партнерства в России / ред. В.А. Тишков, В.В. Степанов. М.: ИЭА РАН, 2019. 340 с., 133 илл.
- Ушакова С.С.* Социокультурная адаптация этнических мигрантов и их детей в поликультурном пространстве мегаполиса (на материалах города Москвы) // Коммуникология, 2014. Том 4. № 2. С. 198.
- Якимов А.Н.* (автор и сост.), *Панич Б.Л.* (ред.) Адаптация и интеграция мигрантов. Сборник эффективных практик. Санкт-Петербург: «L-PRINT», 2018. 72 с.
- Berry J., Poortiga Y., Segall M., Dasen P.* Cross-cultural Psychology: Research and Applications / 2nd edition. Oxford University Press, Inc., 2002. P. 306.

*Kulbachevskaya, Olga V.**

Socio-cultural adaptation and integration of migrants in Russia: on the issue of intercultural interaction

DOI: 10.33876/2311-0546/2020-52-4/136-152

The article examines conceptual approaches, practical steps, weaknesses and positive innovations in the implementation of the State Migration Policy and the State National Policy of the Russian Federation in relation to adaptation and integration of migrants. The article studies the nature of interaction between migrants and the host Russian society and its impact on adaptation and integration processes. It analyzes the perception of cultural differences among young people (based on the results of research done in schools and universities in Moscow). The majority of Russians are not inclined to actively interact with foreign-cultural migrants, which is an obstacle to successful integration of migrants. The potential for successful integration processes is observed in the educational environment.

Despite the fact that our country currently lacks full-fledged conditions for successful integration of migrants, positive changes have been taking place in the past few years. If earlier state institutions performed functions primarily for the social adaptation of migrants (administrative and legal aspect), now the authorities are increasing support for non-profit organizations that work on adaptation and integration of migrants into the host society; the best practices of the public sector, which has always understood the importance of implementing projects aimed at close interaction between migrants and the local community, are supported and disseminated.

Key words: *state migration policy, state national policy, adaptation and integration of migrants, intercultural interaction, stereotypes, perception of cultural differences among young people*

* **Kulbachevskaya, Olga V.** – Institute of Ethnology and Anthropology, RAS (Moscow, Leninskiy prospect, 32a). E-mail: ola_kul@mail.ru

The research is published as part of the Research Plan of the Institute of Ethnology and Anthropology (Russian Academy of Sciences, Moscow)

References

- Arutyunyan, Yu.V. 2005. O potentsiale mezhetnicheskoi integratsii v moskovskom megapolise [On the potential of interethnic integration in the Moscow megalopolis]. *Sociological research* 1: 26–40.
- Berry J., Y. Poortiga, M. Segall, P. Dasen. 2002. *Cross-cultural Psychology: Research and Applications* / 2nd edition. Oxford University Press.
- Berry, J.W. 2001. Akkulturationsiya i psikhologicheskaya adaptatsiya [Acculturation and psychological adaptation: an overview of the problem]. *Personal development* 3–4: 189–192.
- Dmitriev, A.V., and G.A. Pyadukhov. 2006. Ethnicheskie gruppy trudyaschihsya migrantov v megapolise i primimayushee obschestvo: vzaimodeistvie, napryazhennost i konflikty [Ethnic groups of migrant workers and host society: interaction, tension, conflicts]. *Sociological research* 9: 94.
- Dmitriev, A.V., and G.A. Pyadukhov. 2013. Integratsiya trudovykh migrantov v megapolise: lokalnye modeli, kontekst identichnosti (vetodologiya i metody issledovaniya) [Integration of labor migrants in the megalopolis: local models, identity context (methodology and research methods)]. *Sociological research* 5: 51.
- Drach, G.V., and T.P. Matyash. 2001. Kulturologiya: kratkiy tematicheskiy slovar [Kulturology: a brief thematic dictionary]. Rostov n/D: Feniks.
- Drobot, G.A. 2012. Globalnaya migratsiya: factory, posledstviya, regulirovanie, diaspori [Global migration: factors, consequences, regulation, diasporas] *Social and humanitarian knowledge*. 2: 152–170. Moscow.
- Karlov, V.V. 2017. Faktor frustratsii v istorii mezhetnicheskikh konfliktov v Rossii ot nachala XX veka do nashikh dnei [Factor of frustration in the history of interethnic conflicts in Russia from the beginning of the XX century to the present day]. In *Vlast', informatsionnye tekhnologii, massovoe soznanie: osnovnye tendentsii sovremennogo politicheskogo razvitiia* [Power, information technologies, mass consciousness: main trends of modern political development],

- ed. by A. Yu. Polunova, 5. Moscow: ARGAMAK-MEDIA.
- Kolesnikova, Yu.N. 2014. Problemy obrazovaniya i adaptatsii detei-migrantov v Germanii [Problems of education and adaptation of migrant children in Germany]. In *Sotsial'no-kul'turnaia adaptatsiia i integratsiia migrantskoi molodezhi k polikul'turnomu obrazovatel'nomu prostranstvu. Problemy, poiski, resheniia. Materialy Tret'ei regional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii v ramkakh III Mezhdunarodnogo nauchno-prakticheskogo foruma "Chelovek, sem'ia i obshchestvo"* [Socio-cultural adaptation and integration of migrant youth to a multicultural educational space. Problems, searches, solutions. Materials of the Third regional scientific and practical conference in the framework of the III International scientific and practical forum "Man, family and society"], 65. Krasnoyarsk.
- Makarov, A.Ya. 2010a. *Sociokulturnaya adaptatsia detei migrantov v obrazovatelnoi srede (na primere moskovskogo megapolisa)* [Socio-Cultural adaptation of migrant children in the educational environment (on the example of the Moscow metropolis)]: PhD diss. Moscow.
- Makarov, A.Ya. 2010b. Osobennosti ethnokulturnoi adaptatsii detei migrantov v moskovskikh shkolakh [Features of ethno-cultural adaptation of migrant children in Moscow schools] *Sociological research* 8: 95–101.
- Martynova, M.Yu. 1998. Politika gosudarst Evropy v sphere zaschity prav ethnicheskikh menshinstv [Policy of European States in the sphere of protection of the rights of ethnic minorities]. In *Etnicheskie problemy i politika gosudarstv Evropy* [Ethnic problems and politics of European States], edited by M. Yu. Martynova, N.N. Gratsianskaia, 8–39. Moscow: IEA RAS.
- Mukomel, V.I. 2005. Sociokulturnye aspekty integratsii / segregatsii inoethnichnykh migrantov v rossiiski sotsium [Sociocultural aspects of integration / segregation of non-ethnic migrants in the Russian society]. In *Migratsionnaia politika Rossii: Postsovetskie konteksty* [Migration policy of Russia: Post-Soviet contexts]. Moscow.
- Mukomel, V.I. 2013. Adaptatsiya i integratsiya migrantov [Adaptation and integration of migrants] In *Migratsiia v Rossii 2000–2012. Khrestomatiia* [Migration in Russia 2000-2012. The anthology], edited by I.S. Ivanov. In 3 volumes, Vol. 1, Ch. 2. Moscow: Spetskniga.
- Omelchenko, E.A. 2019. *Integratsiya detei iz semei inoethnichnykh migrantov v rossiiskoe obshchestvo: teoriya ii praktika v realiyakh sovremennoi sistemy obrazovaniya: dissertatsiya ... doktora istoricheskikh nauk: 07.00.07* [Integration of children from families of non-ethnic migrants into Russian society: theory and practice in the realities of the modern education system: dissertation ... doctor of historical Sciences: 07.00.07]. Moscow: Institute of Ethnology and anthropology RAS.
- Proskuryakova, O.L. 2007. Adaptatsiya migrantov kak socialnyi protsess [Adaptation of migrants as a social process]. *Bulletin of Omsk state University* 4: 59.
- Radcliffe-Brown, A.R. 2001. *Struktura i funktsia v primitivnom obshchestve. Ocherki i lektsii* [Structure and function in primitive society. Essays and lectures]. Moscow: Eastern literature.
- Sukhov, A.N., S.A. Trukhanov. 2011. *Migratsiya v Evrope ii ee posledstviya: ucheb. Posobie 2-e izd., stereotip* [Migration in Europe and its consequences : studies'. Stipend. 2nd edition, stereotype]. Moscow: Flinta; MPSI.
- Tishkov V.A., V.V. Stepanov, N.A. Baryshnaya, O.V. Kulbachevskaya, A.V. Martynenko, E.P. Martynova, K.S. Mokin, O.N. Podlesnykh, I.S. Savin, A.V. Chernykh. 2019. *Migratsiya i mezhnatsionalnye otnosheniya: resurs gosudarstvenno-oschestvennogo partnerstva v Rossii* [Migration and ethnic relations: a resource for state-public partnership in Russia], edited by V.A. Tishkov and V.V. Stepanov. Moscow: IEA RAS.
- Ushakova, S.S. 2014. Sotsiokulturnaya adaptatsia ethnicheskikh migrantov i ikh detei v polikulturnom prostranstve megapolisa (na materialakh goroda Moscvy) [Sociocultural adaptation of ethnic migrants and their children in the multicultural space of the megalopolis (based on the materials of the city of Moscow)]. *Kommunikologiya*, Vol. 4. No. 2.
- Yakimov, A.N. (author-compiler), and B.L. Panich (ed.). 2018. *Adaptatsia i integratsiya migrantov* [Adaptation and integration of migrants. Collection of effective practices]. Saint Petersburg: «L-PRINT».

МИГРАЦИОННЫЕ ПЛАНЫ ВЫПУСКНИКОВ РОССИЙСКИХ ШКОЛ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ*

Миграционный фактор может оказывать различное воздействие на социально-экономическое развитие территорий в зависимости от конкретных условий и сложившихся практик. На примере трех различных субъектов Российской Федерации – Москвы, Калининградской и Кировской областей – в статье сделана попытка рассмотреть взаимосвязь миграционной ситуации в регионе и миграционных установок молодого поколения. Анализ специфики миграционных процессов, проведенный на основе результатов ряда экспертных работ и сведений официальной государственной статистики за последние десять лет, позволяет выделить некоторые характерные направления в передвижении населения в каждом из выбранных регионов. В качестве эмпирических данных были взяты материалы массовых опросов школьников и студентов. Текущий срез миграционных намерений учащихся старших классов представлен в контексте региональных особенностей в стратегиях миграции молодежи, что дает возможность оценить потенциальную реализацию их планов в общероссийском масштабе. В целом можно говорить о вероятном сохранении в ближайшие годы сложившихся тенденций миграционного поведения молодежи. Все озвученные респондентами установки – на смену своего постоянного места жительства либо, напротив, желании связать жизнь со своим настоящим местопребыванием – соотносятся с данными о реальном перемещении молодых россиян для каждой из территорий.

Ключевые слова: *учащиеся старших классов; миграционные планы; региональные особенности миграционных процессов; межрегиональная миграция молодежи; Москва; Калининградская область; Кировская область*

Миграционное движение населения является одним из значимых факторов демографического развития территорий. На сегодняшний день Россия является активным участником мировых миграционных процессов. По последним данным Российская Федерация располагается на втором месте после США по суммарному потоку приехавших и выехавших международных мигрантов (ИОМ 2020: 26). При этом согласно сведениям официальной государственной статистики, число прибывших в Россию на продолжительный срок иностранных граждан с 1991 года по настоящее время неизменно превышает число выбывших за рубеж россиян (Общие итоги 2020), и сложившийся миграци-

Зыкина Ольга Александровна – младший научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (119991 Москва, Ленинский просп., 32а). Эл. почта: ol_ya_z@mail.ru

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (грант № 20-59-00014)

онный прирост вплоть до 2017 года в полной мере компенсировал естественную убыль населения в нашей стране (Численность 2011–2020). Внутривососсийская миграция по масштабам на порядок превосходит миграцию международную, и ее влияние на демографическую ситуацию в стране достаточно существенно (Там же).

Миграционные процессы вносят свои коррективы в изменение не только численности, но и структуры населения отдельно взятой территории за счет имеющихся различий между приезжими и коренными жителями по возрастному, половому, этноконфессиональному, семейному составу. Наряду с этим наличие устойчивых направлений миграции зачастую способствует перераспределению трудовых ресурсов между странами, регионами, городами, районами (Мкртчян 2014). Причиной этому служат, в частности, активные перемещения молодых людей¹, которые составляют среди мигрантов наиболее многочисленную группу. Как следует из статистических материалов по нашей стране за последние годы, около половины от общего числа мигрантов как международных, так и переселявшихся в пределах России – находились в возрасте 14–35 лет. Кроме того, первый и наиболее масштабный пик миграции в России приходится на когорту 17–19 лет (Численность 2011–2020). В значительной степени такое миграционное поведение в этом возрасте объясняется потребностью в получении высшего образования².

В контексте влияния миграции на демографические и социально-экономические процессы в регионах Российской Федерации и активного участия в них молодого поколения вопросы, связанные с изучением миграционных установок современной молодежи, являются предметом пристального внимания ученых. Однако, большинство исследований в этой сфере охватывает в первую очередь студентов (Варшавская, Чудиновских 2014; Симонян 2018; Фадеева, Софронов: 2018 и др.), анализ миграционных намерений школьников проводится относительно редко (Флоринская, Рощина 2008; Флоринская 2017; Мкртчян 2017). Поскольку самая массовая волна переездов связана с переходом учащихся на следующую ступень образования и именно на уровне старших классов школы часто осуществляется первый выбор последующего места проживания, миграционные планы старшеклассников могут в дальнейшем существенно влиять на изменения структуры населения в регионе в случае их реализации. В настоящей работе сделана попытка не только показать текущий срез миграционных намерений учащихся старших

¹ В действующих Основах государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года к молодежи относят людей от 14 до 30 лет, а в некоторых случаях, определенных нормативными правовыми актами РФ и субъектов РФ, – до 35 и более лет (Основы 2014: 2). Новая редакция данного законопроекта, которая сейчас находится на этапе обсуждения, предусматривает увеличение предельного возраста молодых людей до 35 лет (ТАСС 15 июля 2020). С учетом предполагаемых изменений терминологии в нормативно-правовой документации в настоящей работе к молодому населению отнесены лица в возрасте от 14 до 35 лет.

² Как показывает ряд исследований, в большинстве случаев начало миграционной биографии выпадает на окончание школы и выбор нового места обучения (см., напр. Семенова 2017: 104–105; Мкртчян 2017: 227; Карачурина, Мкртчян 2017: 102–103), и студенческая миграция является одной из трех наиболее значимых компонент, необходимых для анализа и прогноза миграционных процессов в России (Ермаков, Никитина 2015: 27). Следует также отметить, что если прежде массовый переезд осуществлялся молодыми людьми в первую очередь в возрасте 17–19 лет (Кашицкий, Мкртчян, Лешуков 2016: 173), то с 2014 года начинают все более активно менять регион пребывания 20–24-летние; в 2018 году эта возрастная когорта и вовсе становится ведущей в межрегиональной внутривососсийской миграции (Численность 2011–2020). Вероятно, здесь сыграл свою роль окончательный переход на Болонскую систему образования в России, предусматривающий введение двух ступеней высшего образования – возник новый этап жизни человека, когда территориальное перемещение оказывается не только возможным, но зачастую необходимым.

классов, но и рассмотреть региональные особенности в стратегиях поведения молодежи на примере трех различных субъектов Российской Федерации – Москвы, Калининградской и Кировской областей, – что представляется актуальным также ввиду небольшого числа сравнительных исследований по данной проблематике.

Миграционные планы старшеклассников столичного региона России: Москва

Москва как столица и как один из крупнейших мегаполисов мира представляет собой особую городскую агломерацию России, предлагающую широкие возможности для получения образования, трудоустройства, организации досуга. Москва является безусловным центром притяжения мигрантов со всей страны и из-за рубежа. Миграция стала главным фактором увеличения численности населения города, по меньшей мере, с 1960-х годов. Миграционный прирост превосходил естественный в 1960-е гг. в 1,2 раза, в 1970-е и 1980-е гг. – в 3 раза, а с 1989 вплоть до 2011 гг. миграция была единственным источником роста населения в Москве и компенсировала установившуюся естественную убыль (Зайончковская, Иоффе 2013). В последнее десятилетие, с 2011 г., миграционный прирост превышает естественный¹ в среднем в 5 раз (Москва 2014: 9, 12; Численность 2012–2016; Москва 2020: 11–14). Если же рассматривать объемы миграционных потоков на территории столицы в масштабах России, то участие Москвы в общей миграции сопоставимо с долей ее населения в составе страны и держится на уровне 7-11%².

По показателю интенсивности миграционного прироста³ Москва занимает ведущие позиции, но, тем не менее, уступает ряду регионов, в частности, многим городам Московской области. Соседствующие со столицей города фактически срослись с ней и выполняют роль ее спальных районов, а потому заселяются весьма активно (Мкртчян 2014: 390). Однако суммирование данных по Москве и Московской области уже выводит столичный регион в тройку лидеров среди всех субъектов Российской Федерации по темпам увеличения численности своих жителей за счет миграции. Более детальный анализ распределения мигрантов по территории Москвы, показывает, что она занимает первое место в России по скорости миграционного притока сельского населения (Численность 2020). В условиях Москвы сельские поселения могут быть востребованными и в качестве элитного частного жилья, и, напротив, в случае поиска относительно недорогих вариантов проживания (Мкртчян 2015: 110). Отличительной особенностью столицы может также считаться выраженная зависимость интенсивности миграционного прироста от экономической ситуации в стране, что хорошо видно по данным за 1991–1993 гг. (Зайончковская, Иоффе 2013), а за последнее десятилетие – по материалам за 2016 и 2019 гг. (Численность 2011–2020). В эти периоды зна-

¹ Естественный прирост населения в Москве, наблюдающийся в последние годы, также может быть в определенной степени связан с постоянным миграционным приростом. Согласно последней переписи населения 2010 г. более 40% женщин в возрасте 17–39 лет, живущих в Москве в 2010 г., не являлись уроженками столицы, соответственно можно говорить о существенном вкладе мигрантов в увеличение рождаемости в данном регионе (Мкртчян, Карачурина 2013: 106).

² Доля Москвы в общей межрегиональной миграции по России равна 7-11 %, где 7% – в среднем за последние десять лет по количеству выбывших за пределы региона, 11% – по числу прибывших. В общей международной миграции на территории страны участие Москвы составляет порядка 5-6%, где 5% в среднем за последние десять лет по количеству новых жителей региона, 6% – по числу выехавших за рубеж граждан (Численность 2011–2020).

³ Более подробно о зависимости миграционного прироста в Московском столичном регионе от удаленности территорий от Москвы см. (Мкртчян 2015).

чения миграционного прироста для Москвы сильно снижаются в пользу Московской области и ряда региональных центров европейской части нашей страны. Еще одной характерной чертой Москвы является наличие гораздо меньшего, чем в других крупных городах России, миграционного оттока. На данный момент в столице наблюдается повышенная доля старожилов (62%), мигранты с личным опытом переезда сейчас составляют сравнительно небольшое меньшинство – 11%¹.

При всей важности официальных статистических сведений для описания миграционного движения населения многие исследователи подчеркивают недостаточность этих данных для адекватного представления о миграционных потоках в России и, в том числе, в столичном регионе. В частности, в ходе оценки только 1/3 трудовой миграции по Москве было выявлено, что количество официально принятых на работу трудовых мигрантов в 11 раз больше числа трудовых мигрантов, переехавших в город на постоянное место жительства. Кроме того, значительная часть временных трудовых мигрантов, нанятых Москвой, проживает на территории области, из-за более дешевой аренды жилья. Таким образом действительный объем новых москвичей для столицы оказывается несколько большим (в пределах 1 млн), чем зарегистрировано (*Зайончковская, Иоффе* 2013). В равной степени отмечается «невидимость» для статистики реального выезда из Москвы той части ее жителей, которая сохраняет постоянную регистрацию в городе с целью получения социальной поддержки на более высоком уровне по сравнению с другими регионами России, например, региональных доплат к пенсии (*Мкртчян* 2015: 110–111).

Москва – один из крупнейших в мире образовательных центров, который ежегодно привлекает большое число учебных мигрантов. Максимальный прирост московского населения за счет миграции приходится на возраст 15–19 лет, что дополнительно поддерживается размещением на ее территории студенческих общежитий. В то же время, в отличие от рядовых региональных столиц, в Москве не менее силен приток 20–29-летних, и по группе 30–39-летних он все еще очень значим (*Мкртчян* 2014: 394). Анализ возрастного профиля миграции за последние десять лет показал, что среди приезжих москвичей доля лиц в трудоспособных возрастах по отношению к общему числу мигрантов выше, чем в среднем по России. Впрочем, в последние четыре года распределение по возрастной структуре новых столичных жителей несколько изменилось из-за резкого увеличения категории пожилых людей². В целом, как можно видеть, миграция способствует «омоложению» населения региона.

¹ В среднем по крупным городам России миграционный опыт жителей заметно отличается от московского – доля старожилов достигает 38–40%; число новых горожан, осуществивших переезд во взрослом возрасте, составляет 26–28% (*Горшков* 2018: 122, 125).

² В России, как и по всему миру (ЮМ 2020: 26), в миграционные процессы вовлечены в первую очередь люди трудоспособного возраста, что во многом определяется необходимостью серьезных, в том числе финансовых, вложений, наличием большого числа рисков и длительным сроком потенциальной окупаемости переезда. Согласно данным по ежегодному миграционному приросту в Москве соотношение возрастных категорий за последние десять лет выглядит следующим образом: лица моложе трудоспособного возраста от общего числа приезжих в среднем за 2010–2014 гг. составляли 7% и в среднем за 2015–2019 гг. – 12%; мигранты в трудоспособных возрастах – 84% и 74% соответственно; люди старше трудоспособного возраста – 9% и 14%. Если суммировать сведения о межрегиональных и межстрановых перемещениях в пределах России за это же время, то распределение по возрасту их участников будет таким: лица моложе трудоспособного возраста от общего числа переселенцев в среднем за 2010–2014 гг. составляли 13% и в среднем за 2015–2019 гг. – 17%; мигранты в трудоспособных возрастах – 76% и 72% соответственно; люди старше трудоспособного возраста – 11% в среднем за все годы (Численность 2011–2020).

В рамках настоящей работы рассмотрим, каким образом соотносится непрерывный поток мигрантов в Москву с миграционными планами самих москвичей. В качестве основных эмпирических данных были использованы материалы массового опроса и глубинных интервью, которые собраны автором в ходе сравнительного исследования в 2018–2019 гг.¹ В анкетировании приняли участие 148 школьников 9–10 классов из 6 учебных заведений, расположенных в Северном, Северо-Восточном, Юго-Западном, Западном и Восточном административных округах города Москвы.

В ходе опроса респондентам предлагалось ответить на вопрос о своих миграционных намерениях либо, напротив, желании связать свою дальнейшую жизнь с регионом текущего местопребывания. Готовы переехать на постоянное место жительства в другую страну 32% школьников, в другой регион России – 7%. Следует отметить, что девушки настроены на зарубежную миграцию несколько больше, чем юноши (36% против 28% соответственно). Кроме того, еще около трети подростков затруднились с ответом на этот вопрос, и, очевидно, могут ситуативно выстроить свою жизненную траекторию вне России. Только 22% опрошенных старшеклассников хотели бы остаться в Москве. В ряде случаев был задействован вариант «другое», в котором учащиеся чаще всего определяли зависимость решения о миграции от конкретных жизненных обстоятельств либо озвучивали желание уехать за границу лишь на некоторое время².

Таким образом, Москва является одним из самых привлекательных для мигрантов городов России. Наблюдается устойчивый прирост населения за счет миграции при существенно более низком оттоке, чем в других крупных региональных центрах страны. В условиях Москвы в результате притока лиц преимущественно в молодых и трудоспособных возрастах текущий демографический рост способствует экономическому. Вместе с тем, фактически более двух третей молодых москвичей не уверены в своей готовности продолжать жизнь в Москве и не рассматривает столицу как перспективное место для своего развития. Каждый третий из опрошенных старшеклассников заявлял о своем намерении переехать из России в другую страну на постоянное место жительства.

¹ В 2018–2019 гг. в рамках изучения российской идентичности в представлении молодежи был проведен опрос среди учащихся школ и вузов Москвы и Кировской области. В общей сложности в исследовании приняли участие более 500 студентов и около 400 старшеклассников. Итоговая выборочная совокупность по школьной группе включает 148 анкет по Москве и 156 анкет по Кировской области; из них 50% заполнены девушками и 50% – юношами; профильность обучения для школьников не котирировалась. По студенческой группе общая выборка для Москвы составляет 108 анкет, из них 51 (47%) заполнены юношами и 57 (53%) – девушками; по социогуманитарному профилю обучаются 50% респондентов, по инженерному и естественно-научному – 50%. Были опрошены студенты МГУ им. М.В. Ломоносова, МГМУ им. Сеченова, ГАУГН, НИУ ВШЭ, МПГУ, НИУ МГСУ, РХТУ им. Д.И. Менделеева. Выборочная совокупность по Кировской области построена на основе опроса учащихся ВятГУ и КирГМУ и включает 300 анкет: 131 (44%) из них выполнены юношами и 169 (56%) девушками; социогуманитарное и естественно-научное направления обучения представлены в равных долях. Все выборки среди школьников и студентов могут считаться сбалансированными; на отдельных этапах все они формировались по принципу случайного отбора.

² В студенческой группе распределение ответов на этот же вопрос выглядит следующим образом: хотели бы переехать на постоянное место жительства в другую страну 28% респондентов и в другой регион России – 6%; затруднились с ответом – 27% учащихся; планируют остаться в Москве – 27%; воспользовались вариантом «другое» – 13% опрошенных.

Миграционные планы старшеклассников приграничного региона России: Калининградская область

Приграничное и приморское геополитическое положение Калининградской области, с одной стороны, определяет особое значение данного региона в процессах коммуникации России со странами Западной Европы и создает необходимые условия для выстраивания конструктивного международного взаимодействия, в том числе на личностном уровне в рамках межкультурного диалога. С другой стороны, крайнее западное и эксклавное месторасположение области и ее роль российского форпоста в Европе становятся основой для формирования в некоторой степени замкнутого общества с присущими ему оригинальными свойствами. Миграционное движение населения в этой ситуации оказывается одновременно и важным критерием демографической безопасности региона, и источником стабильного либо неустойчивого его развития в зависимости от значений сальдо миграции.

Калининградская область является одним из наиболее привлекательных для переезда регионов нашей страны и в последние годы по ежегодному миграционному притоку населения на 1000 человек входит в число пяти самых успешных субъектов Российской Федерации, опережая по данному параметру даже Москву (Численность 2011–2020). Миграционный прирост характерен для Калининградской области практически за весь период ее существования, при этом коэффициент миграционного прироста здесь был выше, чем в среднем по России¹. Особенно высоким он оказался в 1990–1998 гг., когда в область прибыло много мигрантов из Прибалтики и Закавказья. В последующем среди прибывающих из-за рубежа стали преобладать русскоязычные выходцы из Казахстана и Средней Азии (Федоров 2017: 9). В целом, стабильный миграционный прирост в Калининградской области во многом определяется наличием активного обмена населением с зарубежными странами², поскольку суммарно за последние десять лет он на 60% сформирован за счет разницы между числом приехавших иностранных граждан и количеством россиян, выехавших за границу³ (Численность 2011–2020).

Сопоставление миграционных процессов на Северо-Западе России и в странах Балтии (Карачурина, Мкртчян 2014), а также сравнительное исследование по приморским регионам Западного побережья России (Лялина 2019) позволяют говорить

¹ Если ориентироваться на результаты одного из специальных исследований, данные по миграционному приросту в последние десять лет по Калининградской области могут быть чуть завышены в связи с не вполне корректным учетом спецконтингентов. Всероссийская перепись для военнослужащих по призыву в 2010 году осуществлялась по месту дислокации воинских частей, а не по месту призыва, в отличие от 2002 года, что в отдельных городах и районах привело к искажению численности контингентов молодежи. После пересчета и снятия этой диспропорции по нескольким административно-территориальным единицам Калининградской области было выявлено не увеличение, а снижение общего числа молодых людей (Карачурина, Мкртчян 2014: 73–74). Представленные расчеты влекут за собой возможные изменения и по числу мигрантов в молодых возрастах.

² Более подробно о специфике международной миграции в Калининградской области в постсоветское время см.: Емельянова 2010; Зимовина 2014.

³ Тесные миграционные связи с соседними государствами являются отличительной чертой приграничных субъектов Российской Федерации (Лялина 2019). Высокий вклад международного компонента в миграционное движение населения Калининградской области подтверждает эту тенденцию. По внутренним регионам России доля международных переселений от общего числа миграций существенно ниже: для Москвы этот показатель равен только 14%; по Кировской области сальдо международной миграции (положительное) не превышает 13% от численного значения общего миграционного оттока населения в области (Численность 2011–2020).

о Калининградской области как о регионе с относительно благоприятной миграционной ситуацией. Постоянный миграционный прирост в области, с одной стороны, суммарно компенсирует естественную убыль населения, которая наблюдается в 1992–2019 годы, с другой – способствует «омоложению» возрастной структуры населения, так как среди приезжих большой процент составляют молодые люди (Численность 2011–2020). Однако, здесь стоит добавить, что в Калининградскую область переезжает немало и пожилых людей: если в среднем по России доля лиц старше трудоспособного возраста равна 11% от общего числа мигрантов, то для Калининградской области этот же показатель почти вдвое выше – 19-20 %¹.

Следует отметить несколько важных особенностей Калининградской области в плане трудовой миграции как наиболее крупного и экономически значимого миграционного потока. В условиях эксклавного положения в области более активно привлекается иностранная рабочая сила, нежели трудящиеся-мигранты из других регионов России (Федоров 2019: 190). Кроме того, высока доля трудовых мигрантов не только из центральноазиатских республик, что свойственно в общем практически для всех российских регионов, но также и из приграничной Беларуси (Там же: 188). Одновременно с большим числом прибывающих в поисках работы новых жителей в Калининградской области фиксируется повышенный отток российских граждан за рубеж, главным образом для работы в судоходстве и на промышленных предприятиях, связанных с морским рыболовством и переработкой рыбы. На Калининградскую область приходится более 17% всех выезжающих на заработки за границу россиян. Еще бóльшую долю демонстрирует только Краснодарский край – 23,5%. В конечном счете в Калининградской области при общем миграционном приросте населения сальдо по трудовой миграции оказывается практически нулевым (Там же: 186).

В целом по ключевым миграционным показателям Калининградская область может считаться одним из наиболее благополучных регионов России. На фоне средней ситуации по стране и в сравнении с географически близкими территориями миграционная обстановка в области оценивается скорее положительно. Приграничное расположение региона и интенсивные трансграничные перемещения его жителей в значительной степени определяют высокую мобильность населения Калининградской области и обеспечивают бóльшую часть установившегося миграционного прироста. В то же время более детальное изучение вопроса показывает ряд существующих сложностей и противоречий демографического развития региона в связи с миграцией. В частности, здесь отмечаются неоднозначное влияние трудовой миграции и даже имеющий место отрицательный отбор².

В таких условиях, когда процесс накопления человеческого капитала подвержен воздействию многих факторов и может иметь различный исход, представление о миграционных намерениях молодого поколения видится необходимым. Исследований по данной теме на материалах Калининградской области относительно мало. В рамках текущей работы остановимся подробнее на результатах одного из них, поскольку оно охватывает именно школьную группу.

¹ Доля мигрантов старше трудоспособного возраста по Калининградской области в среднем в 2010–2014 гг. равна 20%; в 2015–2019 гг. – 19% (Численность 2011–2020).

² В частности, говорится о том, что новые калининградцы чаще пополняют ряды потребителей городских благ, тогда как та часть городского сообщества, которая ориентирована на участие в их производстве, сокращается (Вендина 2016: 13).

В 2014 г. было проведено анкетирование среди учащихся старших классов Калининградской области, всего было опрошено 1172 ученика. Опросный лист включал несколько тематических блоков. Главный акцент был сделан на вопросах, связанных с особенностями формирования идентичностей в специфических условиях области, и на соотношении общероссийского, регионального и этнического компонентов в самосознании подростков (*Григорьева, Мартынова* 2017: 5). Среди прочего учащихся спрашивали о желаемом месте жительства и предполагаемой миграции. На вопрос «Где бы вам хотелось бы жить, если бы это зависело только от Вашего желания?» ответили все 1172 респондента, большинство из них дали несколько вариантов ответа. Почти каждый третий (29%) хотел бы жить в другой стране, но около 14% опрошенных рассматривают зарубежные страны как альтернативу Москве, Санкт-Петербургу, Калининграду и Калининградской области. При этом был назван широкий перечень зарубежных стран, в которых хотелось бы жить: США, Англия, Германия, Азербайджан, Южная Корея, Франция, Италия, Австралия, Канада, Япония, Швейцария и другие. Вместе с тем, 39% (457 чел.) опрошенных старшеклассников рассматривают Калининград и Калининградскую область как желаемые места их жительства. В их числе 12% (162 чел.) не исключают вместе с Калининградом и областью иные варианты: Санкт-Петербург, Москву, другие города России, другие страны (Там же: 105). Суммируя, можно представить полученные данные следующим образом: не планируют уезжать из Калининградской области 27% респондентов; готовы в равной степени обосноваться как в Калининграде, так и в других городах России и мира – 12%; ориентированы на проживание за границей, но допускают возможность остаться в России – 14%; без сомнений хотели бы жить в другой стране – 15%¹.

Высокая интенсивность миграций молодых людей в связи с поступлением в вузы определяет важность сведений о выбранном городе или стране для продолжения обучения в ходе оценки потенциальных пространственных перемещений молодежи. В том же исследовании 2014 г. на вопрос о желаемом месторасположении образовательного учреждения следующей ступени отреагировали 99% (1165 чел.) из всех опрошенных

¹ Интересно сопоставить эти данные с результатами массовых социологических опросов студенческой молодежи в 2013 и в 2016 г. В 2013 г. о настроенности на эмиграцию заявляли 63% опрошенных студентов и уже 59% – в 2016 г. (*Симолян* 2017: 321–322). По другому исследованию 2016 г. на близкий по смыслу вопрос о желании переехать за рубеж на постоянное место жительства было получено следующее распределение ответов: вариант «меня это не привлекает» выбрали 19,4% опрошенных; обязательно воспользовались бы такой возможностью – 54,3%; затруднились с ответом 26,3% (*Винокуров* 2017: 70). Как можно видеть на примере последнего из опросов, при заполнении анкеты вариант переезда в другой регион России в этих исследованиях, судя по всему, не предлагался. Возможно, именно такая сосредоточенность опросного листа на внешней миграции приводит к высокой доле потенциальных эмигрантов от общего числа респондентов, поскольку по двум другим категориям значения сравнимы с результатами тех исследований, в которых предлагается больше трех вариантов ответа. Кроме того, среди студентов вузов Калининградской области достаточно много приезжих, и студенческие выборки несколько отличаются по составу от выборочной совокупности при анкетировании учащихся школ в регионе. Как показывает опрос 2016 г., желание остаться в Калининградской области и связать с ней свою дальнейшую жизнь и карьеру почти в вдвое выше у местных студентов нежели у выходцев из других регионов России. Анализ полученных данных только по ответам респондентов, родившихся на территории области, показывает уже несколько иное соотношение категорий: не хотят и не собираются переезжать за рубеж после окончания вуза 39,2% опрошенных студентов-калнинградцев; хотели бы уехать, но текущие обстоятельства им не позволяют – 43,8%; планируют эмиграцию и уже прикладывают усилия для переезда – 17% (*Винокуров* 2017: 71). Таким образом, если сравнивать ответы старшеклассников и студентов-калнинградцев об их миграционных планах, то распределение выбранных позиций оказывается достаточно близким.

старшеклассников. Большинство из них (57% или 666 чел.) предполагают поступать в местные учебные заведения, находящиеся в основном в Калининграде. Главный аргумент такого выбора – близость от дома родителей и хороший уровень преподавания (51% всех ответов). Однако здесь же отмечается отсутствие у оставшейся части выпускников школ сформированного на момент опроса решения и определенного ответа, так как они откладывают свой конкретный выбор на момент поступления с учетом, что будут подавать документы в несколько вузов в нескольких городах. Среди озвучивших такую позицию 11% (129 чел.) включили Калининград как один из возможных вариантов и называют его как альтернативу городам: Санкт-Петербургу – 64 чел., Москве – 11 чел., другому городу России; либо другой стране, в том числе, Польше¹, Германии, Литве – 19 чел. (*Григорьева, Мартынова 2017: 102–103*).

Рассматривая миграционные намерения учащихся старших классов в контексте сложившейся миграционной ситуации в Калининградской области, можно отметить потенциальную нестабильность протекающих демографических процессов. Постоянный миграционный прирост скорее не обеспечивает увеличения объема задействованных в экономической системе трудовых ресурсов. Рост численности населения оказывается в диссонансе с экономикой области и создает дополнительные риски регионального развития (*Федоров 2019: 48*). Наряду с этим по результату опросов многие из молодых калининградцев настроены переехать в другой город или даже другую страну, и только около трети однозначно планируют дальнейшую жизнь в своем регионе.

Миграционные планы старшеклассников провинциального региона европейской части России: Кировская область

Согласно официальной статистике по ключевому относительному показателю, характеризующему интенсивность миграции, – коэффициенту миграционного прироста (оттока) – на текущий момент Кировская область располагается на 70 месте из 85 среди всех субъектов Российской Федерации и на 12 месте из 14 по Приволжскому федеральному округу (Численность 2020: табл. 1.10)², попадая в обоих случаях в нижнюю четверть списка. Это свидетельствует о том, что Кировская область вхо-

¹ В одной из научных работ, основанной на массовых опросах студентов и экспертных интервью, для калининградцев особенно выделены в качестве желаемых вузов для продолжения обучения вузы Гданьска и Сопота. Опираясь на опросы студентов в Калининграде, авторы подчеркивают, что в данном случае стремление молодых людей переехать в другую страну вызвано не переживаемыми трудностями и плохими перспективами развития дома, а ожиданиями найти впоследствии высокооплачиваемую и интересную работу по специальности там, где (как им кажется) она есть у всех, и обучение в университетах стран ЕС – первый шаг на этом пути. Наличие диплома, признаваемого в западных странах, воспринимается как стартовое условие успешной карьеры и жизни в целом (*Зотова, Гриценко, Себенцов 2018: 63*).

² По коэффициенту миграционного прироста Кировская область опережает сопредельные северные регионы соседних федеральных округов: Республика Коми (СЗФО) – 85; Архангельская область (СЗФО) – 73. Однако, при этом отстает, и часто – существенно, от смежных южных и восточных субъектов Приволжского федерального округа, а также северо-западных регионов Центрального и Северо-Западного федеральных округов: Нижегородская область – 24; Республика Марий Эл – 34; Республика Татарстан – 30; Удмуртская республика – 68; Пермский край – 57; Костромская область (ЦФО) – 45; Вологодская область (СЗФО) – 61 (Численность 2020: табл. 1.10).

дит в число территорий, заметно теряющих свое население в результате миграции¹. В то же время, на протяжении последнего десятилетия при общем отрицательном сальдо миграции Кировская область одновременно демонстрировала определенную стабильность развития по коэффициенту миграционного прироста, без резких перепадов его значений и с преимущественно положительной тенденцией сокращения оттока населения на 1000 человек, что несколько смягчает ситуацию². Следует также отметить существенные различия в движении городского и сельского населения Кировской области: по городам преимущественно наблюдается миграционный прирост, который в целом держится на уровне среднего миграционного прироста по России; при этом в сельских поселениях идет массовый отток жителей с фактически самой высокой интенсивностью среди всех сельских территорий в нашей стране³.

Основная часть миграций в Кировской области представляет собой перемещение населения внутри России; на зарегистрированные международные переезды в среднем за последние пять лет приходится порядка 3,5% по числу прибывших и 3% по числу выехавших за пределы области (Численность 2016–2020). Анализ ключевых направлений межрегиональных миграционных потоков, к которым относится около трети всех переселений по Кировской области, позволяет выделить следующие значимые регионы выезда кировчан: Москва и Московская область; Санкт-Петербург; Республика Коми; Республика Татарстан; Республика Марий Эл, Нижегородская область. Встречное передвижение российских граждан с целью продолжительного проживания в Кировской области во многом связано с этими же регионами; из них наиболее часто

¹ Обозначенная проблема не является новой для Кировской области, поскольку в XX веке миграционная убыль населения наблюдалась в регионе с некоторой периодичностью регулярно: отмечалась в послевоенные годы; наиболее интенсивно проявлялась в 1960–1970-е в результате массового переезда сельских жителей; несколько снизилась по масштабам в 1980-е. В период 1990-х число приехавших в Кировскую область мигрантов начинает превышать число выбывших за ее пределы кировчан, что во многом было связано с вынужденной и возвратной миграцией из стран СНГ и регионов Севера (Чернышев 2014: 51). С 2000 года вновь утвердилась тенденция миграционного оттока населения из области (Кировская 2005: 30; Кировская 2011: 29); с 2010 по 2015 годы миграционная убыль населения в Кировской области превышала естественную (Кировская 2015: 16; Кировская 2019: 23), в последние пять лет в 2015–2019 гг. находится на уровне 2,8–4,7 тыс. человек в год (Численность 2016–2020).

² При сравнении с соседними регионами за последние десять лет схожая с Кировской областью стабильность развития по коэффициенту миграционного прироста с положительной тенденцией сокращения оттока населения присутствует только в Республике Марий Эл, где общая ситуация по этому вопросу несколько лучше, и в 2019 году впервые за долгое время отмечается миграционный прирост. Только в двух из девяти прилегающих к Кировской области административно-территориальных субъектах РФ – в Нижегородской области и в Республике Татарстан – суммарное число прибывших за последние десять лет мигрантов превышает общее число выбывших жителей региона, но в обоих случаях наблюдается постепенное снижение коэффициента миграционного прироста, и в Нижегородской области этот показатель дважды достигал отрицательных значений. На близлежащих территориях с менее интенсивным оттоком населения на 1000 человек, чем в Кировской области – Пермском крае, Вологодской области, Костромской области, Республике Удмуртия – масштабы выбытия меняются более резко, особенно в Костромской области, и, за исключением Удмуртии, также характеризуются увеличением оттока населения. В Архангельской области и Республике Коми проблема демографического развития в связи с миграцией является сложной и стояла гораздо острее, чем в среднем по субъектам РФ, которые теряют своих жителей в процессе миграции; в обоих регионах может быть отмечена положительная тенденция сокращения оттока населения в это десятилетие, но численность выехавших с их территории мигрантов по-прежнему довольно высока (Численность 2012–2020).

³ Для соседних с Кировской областью регионов характерна большая равномерность развития городских и сельских территорий по миграционному движению населения, но при этом во всех из них, за исключением Республики Марий Эл и Республики Татарстан, за последние два года отмечалась миграционная убыль как городского, так и сельского населения (Численность 2019–2020: табл. 1.10).

звучат Республика Коми, Санкт-Петербург, Москва и Московская область, Республика Марий Эл¹. При изучении возрастного состава участников межрегиональной и международной миграции за последние десять лет заметно, что по Кировской области число молодых людей среди таких мигрантов оказывается бóльшим, чем в среднем по России: в процентном отношении представлены преимущественно когорты граждан трудоспособного возраста и моложе; одновременно жители старше трудоспособного возраста практически не присутствуют в перемещениях, выходящих за границы области². С учетом установившегося в последние годы миграционного оттока населения это может приводить к постепенному сокращению численности молодежи в регионе.

Вопросы, связанные с миграцией молодого поколения, стоят в Кировской области весьма остро и проходят обсуждение, в том числе, в рамках совместной работы научного сообщества и местной администрации (*Саралиева 2011*). Вместе с тем специальных исследований по данной проблематике, как и статистических сведений, пока еще мало.

С целью анализа миграционных установок учащихся старших классов Кировской области обратимся к материалам 2018–2019 гг.³ В ходе массового анкетирования были опрошены ученики четырех школ в трех районах г. Кирова, итоговая выборка составила 156 анкет. Вопрос, направленный на описание миграционных планов, показал, что только 8% участников опроса уверенно связывают свою дальнейшую жизнь и карьеру с Кировской областью, еще 26% затруднились при ответе на этот вопрос, 40% рассматривают варианты переезда в другой регион Российской Федерации, 21% склонны уехать на постоянное место жительства или длительный срок в другую страну⁴. Все те, кто предложили свой вариант ответа, в основном в равной степени готовы к переезду внутри страны и за границу (в одном случае обрисована даже ожидаемая траектория «переехать учиться в другой регион, потом уехать работать в другую страну»), кто-то подчеркивает, что может не иметь возможностей для

¹ Из общего числа уехавших из Кировской области в 2018 году 18% направились в Москву и Московскую область, 8% – в Санкт-Петербург, 7% – в Республику Коми, 6% – в Республику Татарстан, 6% – в Республику Марий Эл, 5% – в Нижегородскую область (ПРО Город 2019). Данные траектории перемещения остаются наиболее востребованными уже многие годы и сохраняют свою значимость в последнее десятилетие (Кировская 2015: 63; Кировская 2019: 51).

² За последние десять лет профиль возрастного состава мигрантов по Российской Федерации на основе межрегиональных и межстрановых перемещений населения выглядит следующим образом: в среднем за 2010–2014 гг. в трудоспособном возрасте находились 76% мигрантов, 13% были моложе трудоспособного возраста и 11% – старше трудоспособного возраста; в среднем за 2015–2019 гг. – 72%, 17% и 11% соответственно. Этот же профиль по Кировской области заметно сдвинут в сторону молодых возрастов как для прибывших, так и для выехавших за пределы региона и по миграционному оттоку сводится к следующим цифрам: в среднем за 2010–2014 гг. в трудоспособном возрасте находились 85% мигрантов, 14% были моложе трудоспособного возраста и 1% – старше трудоспособного возраста; в среднем за 2015–2019 гг. – 77%, 17% и 6% соответственно (Численность 2011–2020).

³ Более подробно об этом исследовании и особенностях формирования выборочной совокупности см. выше.

⁴ В опросе принимали участие, в том числе, лицейские классы, ученики которых нацелены на поступление в ведущие университеты страны и мира. Если отбросить данные по этим анкетам, то распределение ответов будет выглядеть чуть лучше: хотели бы переехать на постоянное место жительства в другую страну 25% респондентов и в другой регион России – 29%; затруднились с ответом – 27% учащихся; планируют остаться в Кирове – 14%; воспользовались вариантом «другое» – 5% опрошенных.

переезда, либо уехал бы только на короткий период времени¹.

Насколько успешно молодые люди реализуют свои миграционные планы, можно в некоторой степени представить на основании данных о траектории миграции студентов, окончивших кировские вузы в 2014 г. По сведениям о выпускниках, официально трудоустроившихся в течение календарного года после получения диплома, чуть менее 85% молодых специалистов начали свою трудовую деятельность вскоре после завершения обучения и около 40% из них – в другом регионе России. Среди наиболее значимых направлений миграции могут быть названы: Москва, где трудоустроились 26% выпускников кировских вузов 2014 г., покинувших область; Республика Коми – 19%; Нижегородская область – 9% (Фадеева, Софронов 2018: 112, 116).

Общая миграционная ситуация в Кировской области может быть определена как достаточно сложная. Постоянный миграционный отток населения преимущественно в молодых и трудоспособных возрастах, фиксируемый в области в последние годы, остается действующим негативным фактором демографического и, как следствие, экономического развития в регионе. Отсутствие резких колебаний по интенсивности оттока жителей и практически минимальные изменения в численности городского населения являются очень хрупким основанием для достижения состояния стабильности. Текущее исследование показало сохранение массовой стратегии молодых людей по переезду из Кировской области в другие субъекты Российской Федерации и за границу. На примере двух последовательных измерений по миграционным установкам школьников в малых городах России (Флоринская 2017: 119) можно утверждать, что отмеченная тенденция может быть критичной и может ухудшаться с течением времени.

Заключение

Согласно официальным данным государственной статистики в целом по России сальдо миграции держится в рамках положительных значений, и миграционная ситуация складывается относительно благоприятно. Однако, если рассматривать движение населения по отдельным субъектам Российской Федерации, то его результаты будут существенно отличаться. В ходе настоящего исследования для анализа территориальной специфики миграционных процессов были выбраны три принципиально разных региона: столичный – г. Москва, приграничный – Калининградская область и провинциальный регион европейской части России – Кировская область. В каждом из представленных случаев можно видеть свой уникальный набор факторов, условий и их проявлений. В столице в связи с имеющимися широкими возможностями самореализации, карьерного роста и улучшения благосостояния происходит концентрация населения и, в первую очередь, молодого. В Москву едут молодые люди со всей территории нашей страны и из-за рубежа. Но одновременно именно в столице формируется основной поток мигрантов, российских граждан, которые уезжают впоследствии за границу. Характерное эксклавное положение Калининградской области обеспечивает тесное взаимодействие региона с зарубежными странами и значительную часть постоянного притока мигрантов. Здесь же возникают и определенные риски дальнейшего развития. Наиболее критичная обстановка наблюдается в Кировской области, где уже длительное время идет отток молодого трудоспособного населения без его замещения.

¹ Для сравнения, соотношение категорий по студенческой группе (300 анкет) выглядит следующим образом: хотели бы переехать на постоянное место жительства в другую страну 29% респондентов и в другой регион России – 29%; затруднились с ответом – 26% учащихся; планируют остаться в Кирове – 12%; выбрали вариант «другое» – 5% опрошенных.

Сопоставление миграционных планов учащихся старших классов в контексте текущей региональной ситуации позволяет отметить несколько важных моментов. Первый из них касается вероятного сохранения в ближайшие годы сложившихся тенденций миграционного поведения молодежи. Все озвученные респондентами установки – на смену своего постоянного места жительства либо, напротив, желанием связать жизнь со своим настоящим местопребыванием – соотносятся с данными о реальном перемещении молодых россиян для каждой из территорий. Кроме того, можно выделить некоторые различия в ответах учащихся в зависимости от региона. В наибольшей степени ориентированы на проживание в своей области молодые калининградцы (чуть менее трети), в то время как уже только четверть москвичей связывают свою дальнейшую жизнь с регионом рождения, а подавляющее большинство кировчан настроены на выезд. В свою очередь школьники Москвы в значительно большей степени рассматривают миграцию в зарубежные страны и очень редко планируют уехать в другой регион России, а для учеников кировских и калининградских школ осуществление переезда за границу или в крупный российский город довольно часто является равноценным. Впрочем, следует сказать и об общей для всех трех групп категории ответов, в которой старшеклассники свидетельствуют об отсутствии у них строгого решения по поводу будущего места проживания и трудоустройства.

Источники и материалы

- ИОМ 2020 – World Migration Report 2020, ИОМ (2020). International Organization for Migration Publishing, Geneva, 2020. 477 p.
- PRO Город 2019 – Назван топ-7 регионов, куда переезжают жители Кировской области / Новости 02 июля 2019 [Электронный ресурс] // Портал независимого регионального СМИ с главными новостями Кирова и Кировской области «PRO Город Киров»: [веб-сайт]. <https://progород43.ru/amp/64765> (дата обращения: 25.10.2020).
- Кировская 2005 – Кировская область в 2004 году: стат. ежегодник в 3 ч. Ч. 1: Население и социальная сфера. Киров: Тер. орган Федеральной службы гос. статистики по Киров. обл., 2005. 152 с.: ил.
- Кировская 2011 – Кировская область в 2010 году: стат. ежегодник в 3 ч. Ч. 1: Население и социальная сфера. Киров: Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Кировской области, 2011. 152 с.: ил.
- Кировская 2015 – Кировская область в 2014 году: стат. ежегодник в 3 ч. Ч. 1: Население и социальная сфера / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Кировской области. Киров, 2015. 172 с.: ил.
- Кировская 2019 – Кировская область в 2018 году: стат. ежегодник / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Кировской области. Киров, 2019. 296 с.: ил.
- Международная миграция 2020 – Международная миграция / Демография. Население. Официальная статистика. [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики (Росстат): [веб-сайт]. <http://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 25.10.2020).
- Москва 2014 – Москва в 2000–2014 гг.: Краткий статистический справочник / Мосгорстат. М., 2014. 74 с.
- Москва 2020 – Москва в 2015–2019 гг.: Краткий статистический сборник / Мосстат. М., 2020. 69 с.
- Общие итоги 2020 – Общие итоги миграции населения (по потокам передвижения) / Демография. Население. Официальная статистика. [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики (Росстат): [веб-сайт]. <http://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 25.10.2020).
- Основы 2014 – Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года [Электронный ресурс] // Правительство России: [веб-сайт]. <http://>

static.government.ru/media/files/ceFXleNUqOU.pdf (дата обращения: 25.10.2020).

ТАСС 15 июля 2020 – Границу возраста молодежи в России планируется сдвинуть до 35 лет. 15 июля 2020. [Электронный ресурс] // Информационное телеграфное агентство России (ИТАР-ТАСС): [веб-сайт]. <https://tass.ru/obschestvo/8968473> (дата обращения: 25.10.2020).
Численность 2011–2020 – Численность и миграция населения Российской Федерации. Вып. 2011–2020. [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики (Росстат): [веб-сайт]. <http://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283> (дата обращения: 25.10.2020).

Научная литература

- Варшавская Е.Я., Чудиновских О.С.* Миграционные планы выпускников региональных вузов России // Вестник Московского университета. Сер. 6: Экономика. 2014. № 3. С. 36–58.
- Вендина О.И.* Города на границе: испытание этнокультурным разнообразием. Города на современных границах Российской Федерации (часть 2) // Городские исследования и практики. 2016. Т. 1. № 4. С. 7–25.
- Винокуров В.В.* Интеллектуальная миграция студенческой молодежи Калининградской области: ожидания и реальность // Власть. 2017. №7. С. 69–74.
- Горшков М.К.* (отв. ред.). Столицы и регионы в современной России: мифы и реальность пятнадцать лет спустя. М.: Весь мир, 2018. 312 с.
- Григорьева Р.А., Мартынова М.Ю.* Молодежь в городах Калининградской области // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. М.: ИЭА РАН, 2017. Вып. 260. 132 с.
- Емельянова Л.Л.* Международная трансграничная миграция в регионе юго-восточной Балтики: факторы, структура, последствия // Балтийский регион. 2010. № 4 (6). С. 61–71.
- Ермаков С.П., Никитина С.Ю.* Возрастные особенности миграции в субъектах Российской Федерации в 2000–2010 гг. // Народонаселение. 2015. № 3. С. 15–29.
- Зайончковская Ж.А., Иоффе Г.В.* Динамика расселения в Московском регионе как отражение постсоветских трансформаций // Вопросы географии. Сб. 135: География населения и социальная география / отв. ред. А.И. Алексеев. М.: Издательский дом «Кодекс», 2013. С. 188–223.
- Зимовина Е.П.* Миграции и процесс трансформации полиэтничной структуры населения Калининградской области в постсоветский период // Балтийский регион. 2014. № 2 (20). С. 111–127. DOI: 10.5922/2074-9848-2014-2-7.
- Зотова М.В., Гриценко А.А., Себенцов А.Б.* Повседневная жизнь в российском пограничье: мотивы и факторы трансграничных практик // Мир России. 2018. Т. 27. № 4. С. 56–77. DOI: 10.17323/1811-038X-2018-27-4-56-77.
- Карачурина Л.Б., Мкртчян Н.В.* Возрастные особенности межрегиональной миграции населения в России // Регион: экономика и социология. 2017. № 4. С. 101–125. DOI: 10.15372/REG20170405.
- Карачурина Л.Б., Мкртчян Н.В.* Центры и периферия в странах Балтии и регионах Северо-Запада России: динамика населения в 2000-е годы // Балтийский регион. 2014. № 2 (20). С. 62–80. DOI: 10.5922/2074-9848-2014-2-4.
- Кашницкий И.С., Мкртчян Н.В., Лешуков О.В.* Межрегиональная миграция молодежи в России: комплексный анализ демографической статистики // Вопросы образования. 2016. Т. 13. № 3. С. 169–203. DOI: 10.17323/1814-9545-2016-3-169-203.
- Лялина А.В.* Некоторые особенности внешних миграционных процессов в приморских регионах Западного побережья России // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Естественные и медицинские науки. 2019. № 4. С. 57–74.
- Мкртчян Н.В.* Миграция в Москве и Московской области: региональные и структурные особенности // Региональные исследования. 2015. № 3 (49). С. 107–116.
- Мкртчян Н.В.* Миграция молодежи из малых городов России // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 1. С. 225–242. DOI: 10.14515/monitoring.2017.1.15.
- Мкртчян Н.В.* О влиянии миграции на возрастной состав населения регионов, городов и районов России // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. 2014. Том 12. С. 381–396.

- Мкртчян Н.В., Карачурина Л.Б. Миграция и естественное движение населения городов и административных районов России в 1990–2010 гг.: ключевые факторы различий // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. 2013. Т. 11. С. 95–114.
- Сарашева З.Х. (отв. ред.). Молодежь как ресурс регионального развития: материалы Международной научно-практической конференции, 27–28 октября 2011 г. Киров: ВятГГУ, 2011. 656 с.
- Семенова В.В. (отв. ред.). Социальная мобильность в России: поколенческий аспект. М.: Институт социологии РАН, 2017. 384 с.
- Симонян Р.Х. Миграционные настроения российской молодежи: региональный аспект // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 6. С. 312–326. DOI: 10.14515/monitoring.2017.6.16.
- Симонян Р.Х. Студенческая молодежь приграничных регионов России // Социологические исследования. 2018. № 4. С. 82–89. DOI: 10.7868/S0132162518040098.
- Фадеева И.М., Софронов Д.А. Траектории межрегиональных миграций выпускников вузов Приволжского федерального округа // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2018. № 1 (45). С. 108–119. DOI 10.21685/2072-3016-2018-1-13.
- Федоров Г.М. (под ред.). Проблемы экономической безопасности регионов Западного порубежья России. Калининград: БФУ им. И. Канта, 2019. 267 с.
- Федоров Г.М. О сценариях демографического развития Калининградской области // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Естественные и медицинские науки. 2017. № 3. С. 5–21.
- Флоринская Ю.Ф. Выпускники школ из малых городов России: образовательные и миграционные стратегии // Проблемы прогнозирования. 2017. № 1 (160). С. 114–124.
- Флоринская Ю.Ф., Рощина Т.Г. Оценка уровня миграционной мобильности молодежи малых российских городов (по опросам выпускников школ) // Проблемы прогнозирования. 2008. № 3 (108). С. 125–139.
- Чернышев К.А. Современные проблемы миграции молодежи Кировской области // Региональная экономика: теория и практика. 2014. № 48 (375). С. 48–58.

Zykina, Olga A. *

Migration plans of Russian high school students: a regional dimension

DOI: 10.33876/2311-0546/2020-52-4/153-169

The migration factor can have a different impact on the socio-economic development of territories, depending on the specific conditions and established practices. Using the example of three different subjects of the Russian Federation – Moscow, Kaliningrad and Kirov regions – the article attempts to study the relationship between the migration situation in the region and the migration attitudes of the younger generation. An analysis of the specifics of migration processes, based on the results of a number of expert works and information from official state statistics over the past ten years, suggests some typical directions for the Russian population movement in each of the regions. The empirical data are based on the results of a mass survey of high school and university students. This paper presents an up-to-date cross-section of the migration intentions of high school students in the context of regional aspects of youth migration strategies, which allows for assessing the feasibility of their plans on a national scale. In general, one can talk about the likely preservation of the prevailing trends in the migration behavior of young people in the coming years. All the attitudes reported by the respondents – to change their permanent place of residence or, on the contrary, to stay within their current place of residence – correlate with the data on the real movements of young Russians for each of the territories.

Key words: high school students; migration plans; regional specifics of migration processes; interregional migration of youth; Moscow; Kaliningrad region; Kirov region

* **Zykina, Olga A.** – junior researcher, Institute of Ethnology and Anthropology RAS (Moscow, RF).
E-mail: ol_ya_z@mail.ru

The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research (RFFI, project No. 20-59-00014)

References

- Chernyshev, K.A. 2014. Sovremennye problemy migratsii molodezhi Kirovskoi oblasti [The present-day problems of youth migration of the Kirov region]. *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika* 48 (375): 48–58.
- Fadeeva, I.M., Sofronov, D.A. 2018. Traektorii mezhregional'nykh migratsii vypusknikov vuzov Privolzhskogo federal'nogo okruga [Interregional migration trajectories of high schools graduates in Volga federal district] *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Povolzhskii region. Obshchestvennye nauki* 1 (45): 108–119. DOI 10.21685/2072-3016-2018-1-13.
- Fedorov, G.M. 2017. O stsenariyakh demograficheskogo razvitiya Kaliningradskoi oblasti [Demographic development scenarios for the Kaliningrad region]. *Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Ser.: Estestvennye i meditsinskie nauki* 3: 5–21.
- Fedorov, G.M. (ed.). 2019. *Problemy ekonomicheskoi bezopasnosti regionov Zapadnogo porubezh'ya Rossii* [Problems of economic security of the Western border regions of Russia]. Kaliningrad: BFU im I. Kanta.
- Florinskaya, Yu.F. 2017. Vypuskniki shkol iz malykh gorodov Rossii: obrazovatel'nye i migratsionnye strategii [School graduates from small towns in Russia: educational and migration strategies]. *Problemy prognozirovaniya* 1 (160): 114–124.
- Florinskaya, Yu.F., Roshchina, T.G. 2008. Otsenka urovnya migratsionnoi mobil'nosti molodezhi malykh rossiiskikh gorodov (po oprosam vypusknikov shkol) [Estimating the migratory mobility of the youth living in small Russian towns: a school leavers' interview]. *Problemy prognozirovaniya* 3 (108): 125–139.
- Gorshkov, M.K. (ed.). 2018. *Stolitsy i regiony v sovremennoi Rossii: mify i real'nost' pyatnadtsat' let spustya* [Capitals and regions in modern Russia: myths and reality fifteen years later]. Moscow: Ves' mir.
- Grigorieva, R.A., Martynova, M.Y. 2017. Molodezh' v gorodakh Kaliningradskoi oblasti [Youth in the cities of the Kaliningrad region]. *Issledovaniya po prikladnoi i neotlozhnoi etnologii* 260. Moscow: IEA RAN.
- Karachurina, L.B., Mkrtychyan, N.V. 2014. Tsentry i periferiya v stranakh Baltii i regionakh Severo-Zapada Rossii: dinamika naseleniya v 2000-e gody [The Baltics and Russian North-West: the core and the periphery in the 2000s]. *Baltiiskii region* 2 (20): 62–80. DOI: 10.5922/2074-9848-2014-2-4.
- Karachurina, L.B., Mkrtychyan, N.V. 2017. Vozrastnye osobennosti mezhregional'noi migratsii naseleniya v Rossii [Age specific of interregional migration in Russia]. *Region: ekonomika i sotsiologiya* 4 (96): 101–125. DOI: 10.15372/REG20170405.
- Kashnitskiy, I.S., Mkrtychyan, N.V., Leshukov, O.V. 2016. Mezhregional'naya migratsiya molodezhi v Rossii: kompleksnyi analiz demograficheskoi statistiki [Interregional migration of youths in Russia: a comprehensive analysis of demographic statistics]. *Voprosy obrazovaniya* 13 (3): 169–203. DOI: 10.17323/1814-9545-2016-3-169-203.
- Lialina, A.V. 2019. Nekotorye osobennosti vneshnikh migratsionnykh protsessov v primorskikh regionakh Zapadnogo porubezh'ya Rossii [Some features of external migration processes in the coastal regions of the Western borderlands of Russia]. *Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Ser.: Estestvennye i meditsinskie nauki* 4: 57–74.
- Mkrtychyan, N.V. 2014. O vliyaniy migratsii na vozrastnoi sostav naseleniya regionov, gorodov i raionov Rossii [To the degree of migration influence on the population age structure in Russian regions, towns and districts]. *Nauchnye trudy: Institut narodnokhozyaystvennogo prognozirovaniya RAN* 12: 381–396.
- Mkrtychyan, N.V. 2015. Migratsiya v Moskve i Moskovskoi oblasti: regional'nye i strukturnye osobennosti [Migration in Moscow and Moscow region: regional and structural peculiarities]. *Regional'nye issledovaniya* 3 (49): 107–116.
- Mkrtychyan, N.V. 2017. Migratsiya molodezhi iz malykh gorodov Rossii [The youth migration from small towns in Russia]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye*

- peremeny 1: 225–242. DOI: 10.14515/monitoring.2017.1.15.
- Mkrtchyan, N.V., Karachurnia, L.B. 2013. Migratsiya i estestvennoe dvizhenie naseleniya gorodov i administrativnykh raionov Rossii v 1990–2010 gg.: klyuchevye faktory razlichii [Migration and natural movement of the population of cities and administrative regions of Russia in 1990–2010: key factors of differences]. *Nauchnye trudy: Institut narodnokhozyaistvennogo prognozirovaniya RAN* 11: 95–114.
- Saraliev, Z.K.-M., ed. 2011. *Molodezh' kak resurs regional'nogo razvitiya: materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, 27–28 oktyabrya 2011 g.* [Youth as a resource for regional development: materials of the International scientific and practical conference, October 27–28, 2011]. Kirov: VyatGGU.
- Semenova, V.V., ed. 2017. *Sotsial'naya mobil'nost' v Rossii: pokolencheskii aspekt* [Social mobility in Russia: generational dimension]. Moscow: Institut sotsiologii RAN.
- Simonyan, R.H. 2017. Migratsionnye nastroeniya rossiiskoi molodezhi: regional'nyi aspekt [Migration attitudes of Russian youth: a regional dimension]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* 6: 313–326. DOI: 10.14515/monitoring.2017.6.16.
- Simonyan, R.H. 2018. Studencheskaya molodezh' prigranichnykh regionov Rossii [Student youth of the border regions Russia]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* 4: 82–89. DOI: 10.7868/S0132162518040098.
- Varshavskaya, E.Ya., Chudinovskikh, O.S. 2014. Migratsionnye plany vypusknikov regional'nykh vuzov Rossii [Migration intentions of graduates of Russia's regional higher educational institutions]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 6, Ekonomika* 3: 36–58.
- Vendina, O.I. 2016. Goroda na granitse: ispytanie etnokul'turnym raznoobraziem. Goroda na sovremennykh granitsakh Rossiiskoi Federatsii (chast' 2) [The cities on the border: the ethno-cultural diversity test. The cities on the border of the Russian federation. (Part 2)]. *Gorodskie issledovaniya i praktiki* 1 (4): 7–25.
- Vinokurov, V.V. 2017. Intellektual'naya migratsiya studencheskoi molodezhi Kaliningradskoi oblasti: ozhidaniya i real'nost' [Intellectual migration of students of Kaliningrad region: expectations and reality]. *Vlast'* 7: 69–74.
- Yemelyanova, L.L. 2010. Mezhdunarodnaya transgranichnaya migratsiya v regione yugovostochnoi Baltiki: faktory, struktura, posledstviya [International cross-border migration in the south-east Baltic: factors, structure, consequences]. *Baltiiskii region* 4 (6): 61–71.
- Yermakov, S.P., Nikitina, S.Y. 2015. Vozrastnye osobennosti migratsii v sub'ektakh Rossiiskoi Federatsii v 2000–2010 gg. [Age specifics of migration in the Russian Federation subjects during 2000–2010]. *Narodonaselenie* 3: 15–29.
- Zayonchkovskaya, Zh.A., Ioffe, G.V. 2013. Dinamika rasseleniya v Moskovskom regione kak otrazhenie postsovetских transformatsii [The dynamics of settlement in the Moscow region as a reflection of the post-Soviet transformations]. In *Voprosy geografii. Sb. 135: Geografiya naseleniya i sotsial'naya geografiya* [Geography issues. Dig. 135: Geography of population and social geography], edited by A.I. Alekseev, 188–223. Moscow: Izdatel'skii dom «Kodeks».
- Zimovina, E.P. 2014. Migratsii i protsess transformatsii polietnichnoi struktury naseleniya Kaliningradskoi oblasti v postsovet'skii period [Migration and the transformation of multiethnic population structure in the Kaliningrad region of the post-soviet era]. *Baltiiskii region* 2 (20): 111–127. DOI: 10.5922/2074-9848-2014-2-7.
- Zotova, M.V., Gritsenko, A.A., Sebentsov, A.B. 2018. Povsednevnyaya zhizn' v rossiiskom pogranič'e: motivy i faktory transgranichnykh praktik [Everyday life in the Russian Borderlands: the motives and determinants of cross-border practices]. *Mir Rossii* 27 (4): 56–77. DOI: 10.17323/1811-038X-2018-27-4-56-77.

© А.М. Белов, Н.А. Белова

ДИНАМИКА ОТНОШЕНИЯ РОССИЯН К ТРУДОВЫМ МИГРАНТАМ С 2014 ПО 2019 гг. (ПО МАТЕРИАЛАМ КОСТРОМСКОЙ ОБЛАСТИ)*

В статье приведены результаты исследования межэтнических отношений в одном из слабо развитых регионов Центрального федерального округа – Костромской области. При анализе материала были задействованы такие источники как местная и федеральная статистика, результаты пяти массовых опросов в г. Костроме и его предместьях, публикации СМИ, отчеты администрации области, прокуратуры и МВД и др. Совокупный анализ этих данных позволил увидеть комплексную картину изменений межэтнических отношений в указанном регионе с 2014 по 2019 гг. В ходе исследования была обнаружена медленная позитивная динамика межэтнических отношений и ее зависимость от уровня благосостояния граждан.

По мнению авторов, для укрепления межэтнического согласия и роста солидарности между народами необходимы более решительные действия со стороны местных властей. В первую очередь важно повышать образовательный уровень населения, распространять знания о культурах народов и ценности каждого этноса, организовывать просветительские курсы, которые бы носили систематический, регулярный характер. Для улучшения сложившейся ситуации необходимо совершенствовать методику проведения и менять подход к мероприятиям в сфере межэтнических отношений. Также в ходе исследования была выявлена определенная негативная роль СМИ, которые используют этнические маркеры в негативном ключе, оскорбляя чувства этнического меньшинства и формируя заведомо непривлекательный портрет приезжего мигранта, что неприемлемо с точки зрения политической культуры. Журналистам области необходимо сформировать этический кодекс освещения проблем взаимоотношений местного населения и мигрантов.

Ключевые слова: мигранты, межэтнические отношения, отношение к мигрантам, проблема интеграции мигрантов в центральной России

Проблемы миграции, адаптации мигрантов и их взаимоотношений с местными жителями являются ключевыми и актуальными не только для современной науки, но и для мирового сообщества в целом. Сейчас этот аспект социальных и экономи-

Белов Андрей Михайлович – д.и.н., профессор, Костромской государственный университет (156005, г. Кострома, ул. Дзержинского, д. 17). Эл. почта: belovi_1957@mail.ru

Белова Наталья Андреевна – к.и.н., научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии РАН (119334, Москва, Ленинский пр. 32а). Эл. почта: belovanatalia86@gmail.com

* Публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН

ческих отношений представляет особую важность еще и потому, что межэтническое благополучие в той или иной стране влияет на общество в целом, затрагивая и изменяя разные стороны его жизни. Содействие адаптации и интеграции мигрантов, формирование конструктивного диалога между мигрантами и принимающим сообществом – важная задача не только государственной миграционной, но и национальной политики. Она направлена на воспитание толерантного отношения к мигрантам у местных жителей и одновременно инкорпорацию иностранных мигрантов в российское общество, недопущение конфликтов между приезжими и другой частью населения страны.

Научные исследования миграционной ситуации актуальны, т.к. разработанные на основе полученных данных методики и рекомендации позволяют, на наш взгляд, выработать грамотный подход к устранению многих проблем. Рассматривать ситуацию необходимо комплексно, используя разнообразные источники и материалы, включая мониторинг СМИ, социологические опросы в сочетании с экспертными интервью, статистические данные и т.д. В этой связи исследования социальных антропологов представляют особую не только научную, но и общественную значимость, поскольку они соединяют в себе методики разных дисциплин и тем самым выявляют не только средний показатель, но и более глубокие нюансы проблемы. А это важно для понимания сложностей, которые, по мнению россиян, может создавать соседство с представителями других культур. Как показывает научная практика, их не выявляют статистические показатели.

Изучение проблем миграции началось еще в XIX в. и не теряет своей научной актуальности до сих пор. На сегодняшний день масштаб глобализации и интеграции общества делают процесс перемещения населения одним из ключевых в мире. Собственно поэтому разные отрасли современной науки уделяют большое внимание всестороннему изучению миграции и миграционных процессов.

В зарубежной историографии вопросы миграции представлены в трудах G.J. Vořjas, L.A. Sjaastad, M.P. Todaro. Эти ученые придерживаются концепции, что ключевое принимаемое решение о смене места жительства основывается на ожидаемой разнице в доходе. В таких моделях человек ожидает финансовую выгоду от переезда, которая превышает издержки миграции. Согласно классике западных исследований E.G. Ravenstein, люди чаще переезжают в поисках более высокооплачиваемой работы. Он подробно разобрал закономерности миграции и пришел к выводу, что в Англии и Шотландии женщины гораздо чаще мигрируют, чем мужчины, а из сельской местности население уезжает быстрее, чем из городов. Ключевой причиной переезда по его данным становилось отсутствие стабильного заработка (*Ravenstein 1885; Ravenstein 1889*). Таким образом, причинами, побуждавшими людей к миграции уже в XIX веке было наличие работы, обеспечивающей более высокий и стабильный уровень дохода. Все это компенсировало затраты мигранта, улучшая его материальное и социальное положение в обществе.

Другой исследователь N.A. Galevska обратила внимание на разные стратегии и подходы при исследовании миграции. Больше всего ее интересовал подробный анализ «методики изучения миграции». Она пришла к выводу, что качественные методы, такие как биографические интервью, включенное наблюдение, экспертный опрос, являются более ценными и достоверными источниками, чем опора на количественные (статистические) методы. Статистические данные показывают лишь

среднее значение, не раскрывая конфликтные моменты, которые могут привести к трагическим последствиям (*Galevska 2018*).

Кроме этого, в зарубежной науке очень актуальна тема незаконной миграции в Европу и даже работорговли. Так, L. Camel в своей работе отмечает, что итальянский парламент принял решение о дополнительном размещении в Нигерии 470 военных для борьбы с незаконной миграцией и как следствие с работорговлей (*Kamel 2018: 1*). Социолог J. Carling обращалась к причинам современной миграции и в этой связи изучала миграционные настроения молодежи Сенегала. M. Czaika и H. De Haas из Оксфорда рассмотрели вопрос влияния виз на международную миграцию. Немецкий социолог и одновременно профессор Оксфорда H. De Haas определил основные детерминанты международной миграции.

Еще один важный аспект, который часто поднимается в исследованиях – изучение реакции общества на миграцию и мигрантов. Работы зарубежных ученых посвящены проблемам реакции на мигрантов принимающего общества (страны). Например, Emma Borgnäs, Eduardo Acostamadiedo проанализировали ряд факторов, влияющих на отношение к иммигрантам в 18 странах Западной и Северной Африки. По результатам всемирного опроса «Gallup World Poll» была изучена взаимосвязь между общественным мнением о миграции и возможностями у мигрантов легального трудоустройства, доступностью для них общественных благ в принимающем сообществе, а также доверием к государственным учреждениям (полиции и правительству).

Российский социолог-демограф Л.Л. Рыбаковский, который всесторонне изучал и рассматривал миграцию, выделил следующие значимые факторы, сопровождающие миграцию: селективная функция; территориальное перераспределение населения; повышение мобильности населения. Эти составляющие, по его мнению, приводят к нескольким последствиям: экономическим, социальным, демографическим, этническим и геополитическим (*Рыбаковский 2017*). В рамках исследования мы рассмотрим социальные, демографические и этнические результаты миграции. Действительно миграция и мигранты могут существенно менять социальные показатели региона, увеличивать или уменьшать численность населения, компенсируя или наоборот усиливая влияние его естественной убыли, а также повышать долю этнического и религиозного меньшинства, изменяя привычную социально-культурную структуру регионов. Как показывают данные Росстата, миграционный прирост на 90,8% компенсировал естественную убыль населения в РФ. В целом по России миграционный прирост увеличился с 2018 г. в 2 раза. В основном приезжают к нам из стран СНГ (*Информация 2019: 119, 123*). Это повышает актуальность исследования этнокультурных аспектов миграций, т.к. социально-демографическая структура центральных регионов России в этническом плане традиционно была довольно однородна и любые изменения воспринимаются местными жителями как нежелательные, несущие за собой скрытую угрозу из-за опасений деформации привычного образа жизни.

В России вопросом миграций последние, как минимум, 20 лет успешно занимается Институт этнологии и антропологии РАН. Это такие известные ученые как В.А. Тишков, М.Ю. Мартынова, В.В. Степанов, Е.И. Филиппова и др. Новые методики института по выявлению уровня ксенофобии и межэтнической напряженности апробированы и используются специалистами разных областей. Собственно по этим методикам авторы и осуществляли сбор данных для выяснения ситуации в одном из депрессивных регионов ЦФО – Костромской области, где, несмотря на относительно небольшое предста-

вительство других этносов и внешнее спокойствие межнациональных отношений, есть ряд серьезных проблем, требующих постоянного изучения и внимания не только со стороны ученых, но и властей. По нашим данным ситуация в области контролируется, но отчеты не публикуются в открытом доступе для ознакомления, что подтверждает завышение официальных показателей «дружелюбности» и «миролюбия», о которой часто говорят местные власти (Межнациональный мир 2016). Авторы предпринимали ряд попыток знакомства с новыми региональными исследованиями и официальными отчетами, но все наши письма-запросы остались без ответа. В официальных документах преимущественно приводятся такие формулировки как «дружелюбие», «бесконфликтность» и «терпимость». Притом, что конкретные цифры, результаты анализа, статистика не публикуются, а опубликованные материалы описывают идеализированную картину. Например, в сборнике «Межнациональный мир Костромской области», подготовленном администрацией субъекта и выпущенном в 2016 г., в своем вступительном слове заместитель губернатора области А.В. Соколов сообщает, что «на территории Костромской области проживают представители 104 национальностей, каждая из которых обладает своей уникальной культурой, традициями и обычаями <...> Последние данные социологических исследований говорят о том, что почти 94% жителей Костромской области с симпатией относятся к людям другой национальности» (Межнациональный мир 2016: 5). Детальное рассмотрение результатов социологического опроса, проводимого по заказу информационно-аналитического управления Костромской области, характеризуют обстановку как спокойную и бесконфликтную (75%). А вот на «доброжелательные отношения, способствующие внутреннему согласию» указали всего 15%. Причем количество респондентов, отметивших «напряженность» и «конфликтность» ситуации, немного меньше и составило 10% (там же: 158).

Теперь хотелось бы обосновать, почему объектом нашего исследования стала Костромская область. В дореволюционной России регион считался одним из самых развитых и занимал 5-е место по промышленному развитию в Российской империи, уступая первенство только столичным губерниям. В демографическом отношении он считался также перенаселенным, т.к. общее количество жителей достигало 1 млн 819 тыс. чел. (Белов 2009: 9). Сейчас, после распада СССР, этот субъект Федерации является одним из экономически слаборазвитых регионов, общее количество жителей насчитывает чуть более 600 тыс. чел., а ведущие отрасли промышленности пребывают в упадке. К тому же внешний долг региона равен сумме его годового бюджета. В 2018 г. было принято решение о внешнем экономическом сопровождении, которое нацелено на выведение области из затянувшегося кризиса (Скудаева 2018).

Из-за сложной экономической ситуации люди уезжают из сельской местности в города. У местного населения низкие зарплаты и доходы. По сути демографическая ситуация сейчас является настолько критической, что села и деревни вымирают повсеместно, число жителей растет только в городах. Существуют целые деревни, заброшенные жильцами. В результате Костромская область в 2018 г. вошла в пятерку регионов с наибольшим количеством заброшенных деревень, а в число вымерших попал каждый третий населенный пункт. Но пресс-центр КПРФ рисует еще более печальную ситуацию: «Оказывается, у нас насчитывается 1201 населенных пункт, в котором никто не живет. <...> А если соотнести число заброшенных деревень с численностью населения, то Костромская область и вовсе окажется лидером печального рейтинга» (Костромскую область объявили 2018). Профессор-региона-

лист из МГУ Н. Зубаревич подтверждает сильную депопуляцию и миграционный отток местных трудоспособных жителей, что типично для «постаревшего» Нечерноземья (Кузнецов, Уханков 2019). В целом такая демографическая и экономическая ситуация характерна для всей России и не выходит за среднестатистические показатели, особенно она типична для центральной части страны. Изучение проблемы взаимоотношений мигрантов и местного населения необходимо еще и потому, что без дополнительных рабочих рук и выравнивания демографической структуры населения за счет миграции, невозможно создание благоприятного экономического условия для развития региона. Поэтому внешняя миграция может рассматриваться как способ разрешения проблем в Костромской области. Но встает другая проблема: а готовы ли местные жители к таким кардинальным мерам?

Костромская область – один из территориально крупнейших субъектов РФ, входящих в Центральный федеральный округ. Она занимает площадь 60,2 тыс. кв. км. и была образована в 1944 г. по указу Президиума ВС СССР от 13.08.1944 в составе РСФСР (Мандельштам 1956: 43–44). Демографическая ситуация в регионе, как и в целом в России, характеризуется естественной убылью населения. Коэффициент естественной убыли составляет -3,6 (Костромская область в цифрах 2020: 12). Необходимо отметить, что с 2010 г. (-5,6) коэффициент естественной убыли населения постепенно снижался и в 2015–2016 гг. составил -2,3, когда произошел подъем рождаемости в области (Костромская область. Ст. ежегодник 2018). Отчасти этому способствовал экономический рост, незначительное улучшение и стабилизация уровня жизни костромичей (Костромская область 2018). Не последнюю роль сыграло увеличение материнского капитала, составившего около 453 тыс. руб. Эта сумма на 25% выше размера выплат 2010 г.

Состояние Костромской области в 2011 г. оценивалось специалистами как сложное, а регион рассматривался как «слабо развитый» (Экономика Костромской области 2011). По качеству жизни среди регионов РФ Костромская область была на 73 позиции в 2010 г. При этом за 5 лет уровень жизни костромичей изменился в лучшую сторону, а область к 2015 г. поднялась на 53 место в аналогичном рейтинге. Несмотря на заявления местных властей об улучшении экономической ситуации в регионе и значительном повышении уровня благосостояния населения, в 2019 г. регион опустился на 62 место. Падение в рейтинге «качества жизни регионов» началось с 2016 г. Это указывает лишь на эпизодическое улучшение экономики области (см.: Рейтинг 2011; Рейтинг 2015; Рейтинг 2016; Рейтинг 2019). В инвестиционном рейтинге 2019 г. региону присвоен IC7 уровень или «умеренная инвестиционная привлекательность – первый уровень». Но в рейтинге это последняя по привлекательности группа и предпоследнее место (VII ежегодный рейтинг 2019: 10, 12).

Согласно официальной стратегии развития области объем ВРП на душу населения в 2017 г. (обобщающий показатель экономического развития региона) в 2,6 раза ниже среднего по регионам ЦФО и в 2 раза ниже, чем в среднем по стране. По данному показателю регион занимает 16 место в ЦФО и 62 место в Российской Федерации (Стратегия 2030: 7–8).

Динамика социально-экономических показателей демонстрирует снижение реальных располагаемых денежных доходов населения в 2018 г. на 10% к предыдущему году, при резком росте безработицы (в 2020 г. – 7,3 раза). Необходимо отметить, что рост реальной заработной платы в процентном соотношении к предыдущему 2017 году был незначительным – 10% (Костромская область в цифрах 2020).

Интересно, что Премьер-министр РФ М.В. Мишустин во время своего визита в Кострому 13 марта 2020 г. озвучил главные проблемы Костромской области: «Есть немало проблем, которые касаются достаточно чувствительных для населения вопросов. Это прежде всего ситуация с уровнем жизни, доступностью медицины, качеством образования. Уровень зарплат работников образовательных учреждений, среднего медицинского персонала здесь, к сожалению, меньше (чем в среднем по России)». Премьер также выделил ключевую проблему в области влияющую на миграционный отток из сельской местности – медленная газификация деревень и городов: «Достаточно медленно идет газификация населенных пунктов: XXI век, центр России, не север, а люди живут здесь без газа в домах. Это просто непозволительно, такого не должно быть. Получается, что регион с богатейшей историей и хорошим инвестиционным потенциалом по-прежнему пользуется канализацией советских времен, а люди вынуждены лечиться в больницах, построенных еще при царе-батюшке. Это не просто грустно, это недопустимо» (Михаил Мишустин назвал 2020)

Еще одной важной проблемой региона является кадровый дефицит. Многие вакансии остаются незамещенными и область испытывает острую нехватку квалифицированных кадров – учителей, врачей, инженеров, а также рабочих специальностей. К сожалению, Министерство науки и высшего образования РФ регулярно снижает набор на бюджетные места бакалавриата и магистратуры по гуманитарным специальностям, перераспределяя их в пользу столичных ВУЗов. Между тем не известны факты приезда выпускников столичных ВУЗов в учебные заведения региона. Сложной остается и проблема кадров в обрабатывающей промышленности. В этой связи директор департамента по труду и социальной защите А. Столяров в интервью отметил, что в регионе высокий долг по заработной плате: «С задолженностью по заработной плате картина у нас достаточно серьезная. На данный момент это 100 миллионов рублей. Две трети всех организаций-должников находятся в стадии банкротства, то есть уже не работают. <...> В основном, жители региона трудятся на обрабатывающих производствах – 22% от всех работающих, в торговле – 14% и образовании – 10%. За последние 9 лет люди предпочитали бросать работы в сельском и лесном хозяйстве, строительстве и торговле. При этом доля костромичей, желающих работать в промышленности, напротив, возросла» (Пять фактов 2019).

В официальных докладах администрации области также указывается острый дефицит квалифицированных кадров, к нему добавляется еще и увеличившийся в разы миграционный отток населения: «Миграционная ситуация в последние годы характеризуется оттоком населения региона, что оказывает влияние на сокращение численности населения и усугубляет сложившийся кадровый дефицит на рынке труда, так как покидают субъект в основном граждане трудоспособного возраста. В 2018 году миграционная убыль составила 2 777 человек, с 2013 года увеличилась более чем в 9 раз» (Стратегия 2030: 15). В «Стратегии развития Костромской области 2030» отмечается, что главными трудностями и вызовами Костромской области являются не только высокая миграция в соседние регионы и естественная убыль населения, но и резкий разрыв в доходах между сельским и городским населением, отчего происходит миграция из села в город, запустение деревень и появление неперспективных районов (Там же: 24).

Представленная демографическая проблема не случайна и пока не поддается решению, потому что в большинстве регионов и в целом по РФ естественная убыль

компенсируется миграцией. Повторимся, что по данным РОССТАТА миграция на 90% компенсировала в 2020 г. естественную убыль населения РФ, тем самым мы хотим сказать, что для повышения экономического потенциала области необходимо увеличение количества иностранной трудовой силы. Но наши исследования в сфере взаимоотношений местных жителей и мигрантов с 2014 г. показывают, что к резкому увеличению количества иностранцев в Костромской области жители пока не готовы.

Международная миграционная ситуация в 2020 году характеризуется значительным снижением прибывших в Костромскую область иностранных граждан. Количество иностранных граждан и лиц без гражданства, поставленных на первичный миграционный учет, сократилось на 73% и составило 2 924 человека (8 мес. 2019 г. – 10 925), что обусловлено принимаемыми на территории России мерами по борьбе с новой коронавирусной инфекцией (закрытие границы Российской Федерации) (Краткая характеристика 2020).

Согласно Костромастату в области легально трудится всего 2 357 иностранных работников, однако в реальности эта цифра, очевидно, больше потому что не учитывает тех, кто гражданство уже получил, но по-прежнему воспринимаются местными жителями как иностранцы. Наибольшее число мигрантов прибыло в Костромскую область из стран СНГ: Таджикистана, Украины, Киргизии, Армении (Миграционные процессы 2019). Иностранцы задействованы в обрабатывающем производстве, строительстве, сельском и лесном хозяйстве, сфере услуг. Большая часть привлеченных иностранных работников осуществляют свою деятельность по наиболее востребованным профессиям – каменщик, штукатур, маляр, бетонщик, швея. Четверть иностранцев работает подсобными рабочими, грузчиками, уборщиками. Средний уровень заработной платы иностранных работников по Костромской области в этих отраслях составил 29 тыс. руб., также сотрудники миграционного центра отмечают, что при официальном оформлении патентов, доход мигрантов не ниже официального. Иногда даже выше, чем в некоторых отраслях, например, в медицине и образовании (ПМА 2020).

Другое исследование также свидетельствует, что дефицит кадров Костромской области катастрофичен. По данным демографа Эмиля Паина, при сохранении текущих тенденций северо-восточным районам области в долгосрочной перспективе грозит почти полное запустение – ряд территорий в центре региона и на восточных окраинах за последние 30 лет потерял около половины своей молодежи трудоспособного возраста. Кроме того, в источнике приводятся данные двух предпринимателей, которые основали фермерские хозяйства в Кологривском и Чухломском районах. Оба говорят о невозможности задействования местных жителей для организации высокопроизводительного производства. Местные жители «отвыкли, разочаровались, разъехались, сгинули» (Кузнецов, Уханков 2019). Это же подтверждают и наши полевые материалы 2014–2020 гг. По оценкам местных предпринимателей найм иностранной трудовой силы не столько выгоден в материальном отношении, сколько обусловлен общим отношением костромичей к труду и к своим обязанностям. Мигранты готовы перерабатывать часы и настроены зарабатывать. Иногда «в сезон» их трудовой день может достигать и 18 часов, но за это они получают не только дополнительные денежные средства за переработку, но питание и проживание бесплатно, что существенно экономит их бюджет и позволяет отправлять весь доход на родину. К тому же приезжие более аккуратные и исполнительные работники, что отмечают почти все работодатели. Некоторые трудятся у них не один год.

Ради таких специалистов они оформляют и покупают патенты. Например, фермер из д. м. Безгачево Костромского района отмечал, что его устраивает работоспособность мигрантов, их молчаливость, неприязнительность, отсутствие вредных привычек: «Я сам не люблю алкоголь, много бед от него. А наши все пьют, хоть одного тут непьющего видела? А мигранты работают и работают, ничего не спрашивают. Мне очень нравится» (муж., 45 лет, ПМА 2020). Другой предприниматель из с. Мисково Костромского района отмечал, что на сезонном сборе садовой клюквы выгоднее нанимать мигрантов, потому что они не только готовы работать по 12-15 часов (пока светло), но и «бережно ягоды собирают, после них все поле чистое и доход в три раза выше, потому что чистые и не помятые ягоды дороже оцениваются» (ПМА 2019).

Все это указывает на то, что количество иностранной рабочей силы будет с каждым годом неуклонно расти, а вот общественность и сами жители к этому еще не готовы, о чем говорят заголовки СМИ и комментарии респондентов. Именно поэтому для изучения общественного мнения о проблемах миграции и межкультурной интеграции по программе ИЭА РАН и Сети этнологического мониторинга в течение пяти лет регулярно проводились опросы жителей г. Костромы. В рамках исследования осуществлялось анкетирование взрослого населения г. Костромы и районов, постоянно проживающего на территории региона более одного года, разных возрастных групп и уровня образования. Всего за пять лет в опросах поучаствовало более 2 тысяч жителей, с которыми проводилось не только анкетирование, но и экспертное интервью с дополнительными вопросами.

Мы уделяли особое внимание миграционным настроениям лиц старше 30 лет, занятых в физическом труде и имеющих среднее или среднее специальное образование, поскольку «дешевая рабочая сила» в лице мигрантов делает местных жителей соответствующего возраста, образования и квалификации потенциально более уязвимыми на региональном рынке труда. По результатам наших опросов примерно треть от общего числа респондентов хотели бы переехать в другой город или даже страну. При более детальном анализе выяснилось, что в основном это костромичи в возрасте от 18 до 35 лет. Наиболее популярными и привлекательными для молодежи являются Москва, Санкт-Петербург, Ярославль, при этом респонденты стали указывать на желание переехать в другие страны – Германию, Канаду, США и др. Как правило, основными причинами миграции являются низкий уровень развития экономики региона, неразвитость социальной инфраструктуры, невысокий уровень жизни. Вот характерное мнение женщины 22 лет: «Мне бы хотелось переехать туда, где зарплата будет существенно выше, чем у нас в Костроме. Тут очень сложно устроится на хорошую работу, зарплаты маленькие» (ПМА 2019). Этот показатель подтверждает указанные выше миграционные тенденции и настроения молодой части жителей области, обнаруженные в других источниках. Это подтверждает, например, официальная статистика. В течение 2019 г. из области уехало 9 747 чел. (от общего числа жителей это всего 1,5%), но вернулось 8 279 чел. В основном костромичи переехали в Ярославскую область – 1 497 чел.; Московскую область – 1 246 чел., г. Москву – 1 146 чел.; г. Санкт-Петербург 750 чел.; Ивановскую область 705 чел.; Ленинградскую область – 442 чел. Основные причины переезда: личные и семейные обстоятельства (26,9%); переезд в связи с работой или учебой (25,7%), приобретение жилья (7,1%), возвращение к прежнему месту жительства (1,3%) (Миграционные процессы 2019: 1).

Вместе с тем удельный вес не желающих переезжать значительно превысил половину опрошенных респондентов и составил 69%. Вероятнее всего, отсутствие желания менять место жительства связано с возрастом, а также социальным положением или жилищным вопросом – многие имеют семью и не могут уехать в другой регион, оставив членов своей семьи на самообеспечение. Есть и категория людей, кто работает вахтовым методом, уезжая на заработки в Северные районы нашей страны или мегаполисы. Такая тенденция выявилась в последнее десятилетие.

Костромской регион с этнической точки зрения с древнейших времен относился к исконно русской земле. Несмотря на то, что здесь население этнически однородное (по данным переписи 2010 г. 97% русских), в последние годы в регионе имели место конфликты с межэтническим оттенком. Таким случаем стал конфликт, произошедший между местными молодыми людьми и выходцами с Кавказа в г. Нерехта в 2012 году, в результате которого один из местных был убит и еще двое получили ранения. «Стояла реальная опасность националистической вспышки», – так оценил события в Нерехте губернатор С. Ситников (Губернатор об убийстве 2012). Однако экстренные меры, направленные на урегулирование ситуации в регионе смогли предотвратить массовые выступления жителей города, вместе с тем проблема активно обсуждалась костромской общественностью.

История является скорее исключением в отношении жителей к представителям других этносов. Как следствие актуальности изучения причин конфликтов, в анкету был включен вопрос: «Согласны ли Вы с таким мнением, что мигранты чаще совершают преступления, чем местные жители?». В таблице 1 мы проследили динамику ответов костромичей за 5 лет (см. табл. 1).

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «Считаете ли вы, что мигранты чаще чем местные жители совершают преступления?», в %

Варианты ответов	2014	2019
1) Да	42,0	23,0
2) Нет	30,0	57,0
3) Затрудняюсь ответить	28,0	20,0

Удельный вес респондентов, согласных с тем, что большинство преступлений совершают мигранты, за пять лет снизился почти в два раза и теперь большинство жителей не считает, что мигранты усиливают криминогенную обстановку. Данная динамика показывает планомерное изменение отношений в лучшую сторону. К слову, федеральная статистика говорит о том, что удельный вес преступлений, совершенных иностранными гражданами, составляет 3,4% (Состояние преступности 2020: 44). Основная опасность, на которую указывали респонденты в личных разговорах, это статьи и новости СМИ. В СМИ всячески подчеркивается, что представители других этносов несут угрозу. Вот, например, один из недавних заголовков: «Цены снижаются, мигранты разбегаются...». А дальше автор пишет, что «уважаемые» источники опубликовали сразу «две хороших» новости: снижение количества «мигрантов-гастарбайтеров» и рост цены на патент для иностранцев. Т.е. получается, что костромичам надо радоваться отсутствию иностранцев в городе. Мы сде-

лали небольшую подборку заголовков, которые показывают, какой образ мигранта рисуют местные СМИ: «Братья-гастарбайтеры устроили крупный героиновый бизнес в Костроме»; «У мигрантов в Костроме врачи обнаружили ВИЧ, сифилис и туберкулез»; «Таджик получил условный срок за нападение на костромичку»; «Иностранный любовник забил кормящую мать на глазах ее детей»; «Молодого узбека осудили за убийство на пилораме»; «Мигрант бросил торговать сухофруктами ради наркобизнеса в Костроме»; «Хитрый мигрант пытался разжалобить полицейских слезливой историей»; «Задержанные в Костроме наркоторговцы “топили” за ЗОЖ. Два брата-гастарбайтера не употребляли ни наркотики, ни алкоголь, занимались спортом – но не чурались травить героином других» (ГТРК Кострома; k1news.ru и др.). Если прочитать все эти заголовки, то вряд ли сложится положительное мнение о приезжих у местных жителей. И властям необходимо задуматься об организации семинаров, для обучения межэтнической этике местных журналистов с приглашением опытных экспертов, которые смогут повысить уровень толерантности и усилят понимание тонкости межэтнической темы.

В личных беседах местное население выражает некую скрытую угрозу со стороны мигрантов, их связь с диаспорами, поддержка “своих”, заставляет население с большей осторожностью относиться к приезжим. Вот пример комментария молодого костромича: «В новостях постоянно – тут мигрант наркотиками торгует, а здесь убил кого-то, тут еще чего-то. Они хамы все такие. Едут в общественном транспорте все громко разговаривают, места не уступают. У себя они не такие дерзкие. А тут к нам никакого уважения» (муж., 33 г., Кострома 2019). Т.е. если бы не было негативного образа, сформированного СМИ возможно и к мигрантам не было такого негативного отношения.

Вместе с тем, необходимо отметить, что отношение населения к мигрантам, приезжающим из разных государств, неоднородно. Большинство опрошенных респондентов – 70,5%, доброжелательно настроены к приезжим из Белоруссии, участники указывали на близость народов, добрососедские отношения между государствами и уважительное отношение друг к другу. «Белорусы не мигранты, они славяне, относятся к нам уважительно! У них такая же культура и обычаи, я в них угрозы не вижу» (жен., 62 г. Кострома, 2020); «Белорусы наши братья» (муж., 43 г., Кострома, 2020); «Вообще я против приезда мигрантов, но если белорусы хотят, пусть приезжают» (Жен., 63 г., Кострома 2014). Наиболее нежелательными были названы граждане Таджикистана (68,5% высказываний против) и скорее всего такое отношение связано, по мнению опрошенных, с тем, что мигранты из этой страны плохо понимают русский язык, культуру местного населения, а их диаспоры замкнуты. Приезжие не стремятся найти общий язык с местными жителями, а иногда ведут себя «через-чур вызывающе» и «хамят». Из высказываний следует, что они иногда, вероятно из-за языкового барьера или своего характера, «агрессивно реагируют на замечания местного населения». Но и тут мнения неоднозначные. И в этом вопросе незаменимы общественные организации. Лидер Среднеазиатской общины С. Хусаинов в беседе признавался, что приехав в Россию у многих ребят «сносит крышу»: «У нас там очень все строго, многое под запретом. А тут и общество намного свободнее, и родителей нет. Все это приводит к тому, что молодой человек (именно мужчина, а не девушка – Н.Б.) теряет контроль и забывает, что в этой стране он гость. Приходится наставлять, беседовать, пытаться объяснить. Много раз ездил и останавливал драки с местной молодежью,

предотвращал поножовщину, один раз сам пострадал от своего же. С девушками все проще, они и тут дома сидят, стараются быть скромными» (ПМА 2018).

Еще немаловажным фактом является заинтересованность в интеграции в российское сообщество. По результатам нашего исследования это воспринимается принимающим сообществом более позитивно, чем временная миграция. К этому относятся как к «донорству», «выкачке денег и ресурсов», «желанию нажиться» и «обогатиться» за счет России (ПМА 2020).

Для получения более полной картины отношения к приезжим местных жителей в ходе опроса респондентам был задан вопрос: «Как Вы относитесь к тому, что в Вашем регионе мигрантов будут нанимать на малоквалифицированные виды труда» (см. табл. 2).

Таблица 2

Отношение респондентов к тому, что иностранных трудовых мигрантов могут нанимать для малоквалифицированного труда в жилищное хозяйство (в %).

Ответы	В 2014 г.	В 2019 г.
1). Положительно	14,5	60,0
2). Отрицательно	35,0	8,0
3). Нейтрально	45,0	28,0
4). Затрудняюсь ответить	5,5	4,0

Как мы видим из таблицы 2, мнение костромичей существенно изменилось в лучшую сторону. Теперь уже больше половины положительно воспринимают мигрантов при найме в строительстве, сельском хозяйстве, сфере ЖКХ (60%). Удельный вес костромичей, которые отрицательно относятся к найму мигрантов на малоквалифицированный труд, снизился в 4 раза. Вероятно, это связано с тем, что в областном центре местное население может найти более квалифицированную работу относительно без затруднений. К тому же жители отмечают тот факт, что мигрантов очень мало в городе, а после введения карантина их количество еще более сократилось. Это подтверждает и таблица 3.

Местные жители понимают, что труд мигрантов необходим и трудно заменим, потому что многим нравится чистота во дворах и подъездах, возможность доставки грузов в труднодоступные места и подъем до квартиры, иногда и сборка оборудования, помощь в хозяйстве и быту. Например, жен. 1937 г.р.: «Мы на даче сделали ремонт и всю мебель выкинули. В магазинах отказываются везти в деревню, ссылаясь на бездорожье, и надо доплачивать. А тут в одной молодой компании двое азербайджанцев и нашли, и занесли в дом, и собрали, и стоит-то дешевле в три раза» (ПМА 2020). Но в целом понимания и осознания потребности в мигрантах пока нет. Костромичи находятся где-то по середине и чаще всего выдают заученные еще с советского времени фразы – «русский с китайцем братья на век»; «они тоже люди»; «им надо помогать» (ПМА 2019). Вместе с тем до дружелюбности еще далеко. Поскольку даже признанные эксперты в этом вопросе не отличаются должной терпимостью: «Мигранты зарабатывают очень и очень неплохо, около 17 тыс., а я получаю около 20 тыс. руб. С чего это им такие зарплаты платить надо?» (жен., 32 г.). «У меня

есть друг мигрант-азербайджанец. Живет в Костроме 40 лет, уважаемый человек. Но если беда случится на него положится я не смогу. Доверия нет» (муж., 35 лет); «Я нормально их воспринимаю. – А если дочка за таджика замуж соберется? – (Н.Б.) Шутишь что ли. Не дай Бог» (ПМА 2018).

Таблица 3

**Как Вам кажется, приезжие из других государств
отнимают работу у местных жителей?**

Варианты ответов	2014 г.	2019 г.
1) Приезжие отнимают работу у местных жителей	53,0	11,5
2) Местные жители сами не хотят занимать некоторые рабочие места	27,0	44,5
3) И то, и другое	–	35,5
4) Другой ответ	–	1,5
5) Затрудняюсь ответить	20,0	7,0

Мы задались целью выявить как изменилось отношение местного населения к идее обучения мигрантов русскому языку, считая это своеобразным индикатором готовности воспринимать мигрантов каждодневно, в повседневной жизни. По результатам исследования большая часть опрошенных респондентов поддержала идею обучения мигрантов русскому языку. Вместе с тем, мнения разделились, т.к. большинство считает, что мигранты сами должны оплачивать подобные курсы. Высказывалось соображение, что выделяемые государством денежные средства должны идти на поднятие пенсий и зарплат бюджетникам. Примерно треть общества (33% в 2014 г. и 29% в 2019 г.) согласилась, что мигранты должны иметь такую возможность безвозмездно. Доля тех, кто высказался за возможность остаться и жить в России выросла на 10% и стала составлять четверть респондентов. А вот тех, кто не поддерживает эту идею сократилась в 2 раза. Все это подтверждает наше наблюдение: население в целом доброжелательно к тем мигрантам из стран СНГ, которые стремятся преодолеть языковой барьер и интегрироваться в российское общество, особенно на это указывает тот факт, что 48% респондентов высказались за предоставление детям мигрантов бесплатного образования еще в 2014 г., а в 2019 г. 64% высказалось нейтрально за совместное обучение детей в школах. Вместе с тем положительно восприняло такую идею всего 10%, а отрицательно 25%. Также удельный вес респондентов, кто назвал бы соотечественниками всех граждан бывшего СССР составил почти 40%, а 39% высказались за предоставление бесплатных консультаций в специализированных центрах (например, юридической помощи). В целом местное население нейтрально воспринимает идею интеграции мигрантов, но особого энтузиазма по этому поводу не выражает, как и желания участвовать в подобных мероприятиях или концертах.

Подводя итог, хотелось бы отметить, что, учитывая результаты нескольких опросов жителей г. Костромы, качественные и экспертные интервью, которые мы собирали в течение пяти последних лет, можно сделать вывод, что регулярная и качественная работа систематического характера имеет свои позитивные результаты. Безусловно, уровень жизни непосредственно сказывается на количестве предрасположений, возникающих в принимающем сообществе. Большое влияние оказывают

СМИ, задавая тон заголовками и используя этнические маркеры в статьях («гастарбайтеры», «мигранты» и т.д.). В целом эти проблемы разрешаемы. Но картина позитивного восприятия мигрантов и дружественного межэтнического взаимодействия в регионе не наблюдается. Необходимо усиливать методику и характер самих мероприятий местных властей. Сейчас они носят массово-развлекательный характер и слабо влияют на межэтническое благополучие в Костромской области, где в отдалённых районах еще не видели темнокожих (афроамериканцев) и воспринимают их как «дикивинку». Нужны более решительные меры образовательного характера.

Введение дополнительных занятий в школах, университетах, проведение не только конференций и семинаров научного характера, но и в целом организация их в первую очередь в доступных для простых граждан местах позволят усилить понимание и осознание важности межнационального мира и благополучия. Полезно проведение семинаров или мастер-классов для журналистов, учеников и учителей, где в дружественной обстановке, при участии членов этнических общин, молодые костромичи будут знакомиться с другими культурами, их традициями и нравами, узнавать зачем мигранты приехали к нам и почему жизнь на Родине для них менее привлекательна, чем в России.

Источники и материалы

- VII ежегодный рейтинг 2019 – VII ежегодный рейтинг инвестиционной привлекательности регионов России 2019. http://www.ra-national.ru/sites/default/files/Obzor_Rating_Investment_Regions_VII_2020.pdf.
- Главный эксперт 2019 – Главный эксперт России назвала причины упадка Костромской области // *Kostroma.Today*. 16 августа 2019. Об этом сообщает «Рамблер». Далее: https://news.rambler.ru/other/42670920/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink сообщает «Рамблер».
- За период пандемии 2020 – За период пандемии из Костромы уехала треть мигрантов. Россия, КТРГ Кострома. <https://gtrk-kostroma.ru/news/za-period-pandemii-iz-kostromy-uekhala-tret-migrantov/> (дата публикации 16.08.2020).
- Информация 2019 – Информация о социально-экономическом положении России. Минэкономразвития России. Федеральная служба государственной статистики (РОССТАТ). М.: РОССТАТ, 2019: 119, 123.
- Костромская область в цифрах 2020 – Костромская область в цифрах. Стат.сб. / Костромастат. Кострома: Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Костромской области (Костромастат), 2020.
- Костромская область. Ст. ежегодник 2018 – Костромская область. Статистический ежегодник. В двух томах. Том 1.: Стат.сб./Костромастат. – К., – 2018. – 265с.: табл.: 16.
- Костромской губернатор 2019 – Костромской губернатор рассказал об экономическом процветании Костромской области: самое главное. *Kostroma.Today*. https://news.rambler.ru/other/42237256/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата публикации 25.05.2019).
- Костромскую область 2018 – Костромскую область объявили «вымирающим регионом». 04.09.2018 // *Kostromanews*. <https://kostroma.news/news/kostromskuii-oblast-obyavili-vymirayushhim-regionom>.
- Краткая характеристика 2020 – Краткая характеристика состояния преступности в Костромской области за январь – август 2020 года. Управление МВД России по Костромской области. <https://44.xn--b1aew.xn--p1ai/Dejatelnost/%D1%81%D1%82%D0%B0%D1%82%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B0-%D0%B8-%D0%B0%D0%BD%D0%B0%D0%B%D0%B8%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B0/%D1%81%D0%BE%D1%81%D1%82%D>

- 0%BE%D1%8F%D0%BD%D0%B8%D0%B5-%D0%BF%D1%80%D0%B5%D1%81%D1%82%D1%83%D0%BF%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8/item/21161856/.
- Кузнецов, Уханков 2019 – «Типичный депрессивный регион». С чем Костромская область отмечает свое 75-летие. Перспективы и трудности одного из самых закредитованных субъектов страны. <https://7x7-journal.ru/articles/2019/08/15/tipichnyj-depressivnyj-region-schem-kostromskaya-oblast-otmechaet-svoe-75-letie> (дата публикации 15.08.2019).
- Миграционные процессы 2019 – Пресс-выпуск. Миграционные процессы в Костромской области в 2019 году. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Костромской области КОСТРОМАСТАТ. Кострома, 2019. <https://kostroma.gks.ru/storage/mediabank/%D0%9C%D0%B8%D0%B3%D1%80%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%BE%D0%BD%D0%BD%D0%B0%D1%8F%20%D0%BE%D0%B1%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BA%D0%B0-2.pdf>.
- Михаил Мишустин назвал 2020 – Михаил Мишустин назвал главные проблемы Костромской области. Кострома, 13 марта 2020. REGNUM. <https://regnum.ru/news/polit/2883887.html>
- Отдельные показатели миграционной ситуации в Российской Федерации за январь – июнь 2020 года с распределением по странам и регионам.
- Пять фактов о рынке 2019 – Пять фактов о рынке труда в Костромской области // Новостной портал k1news.ru. <https://k1news.ru/news/economy/pyat-faktov-o-rynke-truda-v-kostromskoy-oblasti/>.
- Стратегия 2030 – Стратегия социально-экономического развития Костромской области на период до 2030 года. https://www.economy.gov.ru/material/file/9f80ba8311828a1cfda980aca7e588c7/Strat_KO.pdf.
- Губернатор об убийстве 2012 – Губернатор об убийстве в Нерехте: национальные диаспоры должны контролировать свою молодежь // Электронный ресурс: <http://k1news.ru/news/politics/gubernator-ob-ubiystve-v-nerekhte-natsionalnye-diasporu-dolzhny-kontrolirovat-svoyu-molodezh/> (дата публикации: 13 июня 2012).
- Состояние преступности 2020 – Состояние преступности в России за январь – июнь 2020 года. Главное управление правовой статистики и информационных технологий. Сборник подготовлен на основании формы федерального статистического наблюдения № 4-ЕГС и ведомственного отчета МВД России формы 1-А. Москва, 2020.
- Полевые материалы автора. Опрос в г. Костроме в октябре 2014 г. Интервью, полевые заметки, фотографии, база данных.
- Полевые материалы автора. Опрос в г. Костроме в октябре 2019 г. Интервью, полевые заметки, фотографии, база данных.
- Экономика Костромской области 2011 – Экономика Костромской области / Электронный ресурс: <http://newsruss.ru/doc/index.php>.
- Рейтинг 2011 – Рейтинг социально-экономического положения субъектов РФ. Итоги 2011 года. http://vid1.rian.ru/ig/ratings/rating_regions_2012.pdf.
- Рейтинг 2016 – Рейтинг регионов по качеству жизни – 2017. <https://riarating.ru/regions/20180214/630082372.html>.
- Международный мир Костромской области. Кострома: ООО «НПО Энерго Пром», 2016.
- Скудаева 2018 – Скудаева А. Долговая перегрузка. Костромская область попала под особый контроль федерального казначейства. Российская газета. <https://rg.ru/2018/01/30/reg-cfo/kostromskaia-oblast-popala-pod-kontrol-federalnogo-kaznachejstva.html> (31.01.2018).

Научная литература

- Белов А.М. (отв. ред., сост.) Служение отечеству. Руководители Костромской губернии и области, 1778–2009 гг.: ист. биогр. очерки. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2009.
- Заславская Т.И. Избранные произведения. М.: Экономика, 2007. Т. 1. Социальная экономика и экономическая социология. 734 с.

- Заславская Т.И.* Избранные произведения. М.: Экономика, 2007. Т. 2. Трансформационный процесс в России: в поиске новой методологии. 591 с.
- Ионцев В.А.* Международная миграция населения: теория и история изучения. М.: Диалог-МГУ, 1999.
- Мандельштам Ю.И.* (под ред.) Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 г. – июль 1956 г. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1956. С. 43–44.
- Мартынова М.Ю.* Толерантность и культурная традиция. М.: Изд-во РУДН, 2002.
- Рыбаковский Л.Л.* Миграция населения: вопросы теории. М.: ИСПИ, 2003. 239 с.
- Рыбаковский Л.Л.* Нелегальная иммиграция в приграничных районах Дальнего Востока // Социологические исследования. 1992. № 12.
- Рыбаковский Л.Л.* Исследование миграции в России // Социология в России / под ред. В.А. Ядова. М.: Изд-во Ин-та социологии РАН, 1998.
- Рыбаковский Л.Л., Сигарева Е.П., Харламова Н.Н.* Этническая гомогенность народов России // Народонаселение. 2000. № 23. С. 59–75.
- Степанов В.В.* Этнический и религиозный состав населения ПФО // Миграционная ситуация в регионах России. Выпуск второй: Приволжский федеральный округ / под общей ред. Ж.А. Зайончковской. М.: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, 2004.
- Тишков В.А.* Единство в многообразии: публикации из журнала «Этнопанорама» 1999–2008 гг. Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2008.
- Тишков В.А.* Этническое и религиозное многообразие – основа стабильности и развития российского общества: Статьи и интервью. М.: Московское бюро по правам человека, “Academia”, 2008.
- Тишков В.А., Степанов В.В.* (под ред.) Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2012 году: Ежегодный доклад. М.: ИЭА РАН, 2013. С. 144–150.
- Юдина Т.Н. Миграционные процессы: теория, методология и практика социологического исследования. Дисс. д. социол. н., М., 2004.
- Borgnäs, E., and E. Acostamadiedo. Public opinion on immigration in North and West Africa: exploration of the available evidence // Migration in West and North Africa and across the Mediterranean: trends, risks, development and governance, edited by Philippe Fargues and Marzia Rango, 2020. Pp. 406–417. Geneva. <https://publications.iom.int/system/files/pdf/ch35-public-opinion-on-immigration.pdf>.
- Borjas, G.J. Self-selection and the earnings of immigrants. *The American Economic Review*. 1987. No. 77 (4). Pp. 531–553.
- Borjas, G.J. Economic theory and international migration. *International Migration Review*. 1989. No. 23 (3). Pp. 457–485.
- Borjas, G.J. The economics of immigration. *Journal of Economic Literature*. 1994. No. 32 (4). Pp. 1667–1717.
- Borjas, G.J. and Bratsberg, B. (1996). Who leaves? the outmigration of the foreign-born. *The Review of Economics and Statistics*. 1996. No. 78 (1). Pp. 165–176
- Caponi, V. Heterogeneous human capital and migration: Who migrates from Mexico to the US? *Annals of Economics and Statistics / Annales d’Economie et de Statistique*. 2010. No. 97/98. Pp. 207–234.
- Creighton, M.J. The role of aspirations in domestic and international migration. *The Social Science Journal*. 2012. No. 50 (1).
- Galevska, N.A. Research approaches to migration // Migrations and refugees in a globalized world: responsibilities and responses. Ohrid, Macedonia. 2018. https://www.researchgate.net/publication/328876091_RESEARCH_APPROACHES_TO_MIGRATION
- Kups, S. Topics in Migration Research. PhD diss. Santa Monica: RAND Corporation, 2014.
- Ravenstein, E.G. The laws of migration part 1. *Journal of the Royal Statistical Society*. 1885. No. 48. Pp. 157–227.
- Ravenstein, E. G. The laws of migration part 2. *Journal of the Royal Statistical Society*. 1889. No. 52: 241–301.
- Ruedin, D. Attitudes to immigrants in South Africa: personality and vulnerability. *Journal of Ethnic*

- and Migration Studies. 2019. No. 45 (7). Pp. 1108–1126. DOI: 10.1080/1369183X.2018.1428086.
- Taylor, E. J. The new economics of labour migration and the role of remittances in the migration process. *International Migration*. 1999. No. 37 (1). Pp. 63–88.
- U.S. Immigration and Customs Enforcement. FY 2013 ICE Immigration Removals. ERO Annual Report, U.S. Immigration and Customs Enforcement. 2014.
- United Nations Conference on Sustainable Development. Migration and sustainable development. RIO 2012 Issues Briefs 15, United Nations Conference on Sustainable Development. 2012.
- Whitaker, B.E. and J. Giersch. Political Competition and Attitudes towards Immigration in Africa. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2015. No. 41 (10). Pp. 1536–1557. DOI:10.1080/1369183X.2014.996534.
- Kamel L. TOSTOPMIGRATION, STOP THE ABUSE OF AFRICA'S RESOURCES. <http://www.aljazeera.com/indepth/opinion/stop-migration-stop-abuse-africa-resources-180213114944137.html> (15/02.2018)
- Carling J. The complexity of global migrations // *Aula mediterranea*. 2018. No. 62.
- Czaika, M. and De Haas, H. "The Effect of Visas on Migration Processes" // *International Migration Review*. 2017. No. 51 (4). Pp. 893–926.
- De Haas, H. The determinants of international migration. Conceptualizing policy, origin and destination effects, DEMIG project paper, 2. Oxford: International Migration Institute, 2011.

*Belov, Andrey M., Belova, Natalia A.**

Dynamics of the Russians' attitudes towards labor migrants in the period from 2014 to 2019 (based on materials from the Kostroma region)

DOI: 10.33876/2311-0546/2020-52-4/170-187

The article presents the results of a study of interethnic relations in one of the underdeveloped regions of the Central Federal District – the Kostroma region. Local and federal statistics, the results of five mass polls in the city of Kostroma and its suburbs, media publications, reports of the regional administration, the prosecutor's office and the Ministry of Internal Affairs were involved in the study. The composite analysis of these data reveals a comprehensive picture of changes in interethnic relations in the specified region from 2014 to 2019. The study revealed a slow positive dynamics of interethnic relations and its dependence on the level of well-being of citizens.

According to the authors, more decisive action on the part of local authorities is necessary to strengthen interethnic harmony and increase solidarity between different ethnic groups. First of all, it is important to raise the educational level of the population, to disseminate knowledge about the cultures and values of each ethnic group, to organize educational courses that would be systematic and regular. To improve the current situation, it is necessary to develop the methodology and change the approach to activities in the field of interethnic relations. The study also revealed a certain negative role of the media, which use ethnic markers in a negative way, hurting the feelings of ethnic minorities and deliberately forming an unattractive portrait of a visiting migrant, which is unacceptable from the point of view of political culture. The journalists of the region are recommended to formulate an ethical code of coverage of relations between the local population and migrants.

Key words: *migrants, interethnic relations, attitudes towards migrants, the problem of the integration of migrants in central Russia*

* **Belov, Andrey M.** – Doctor of Hist., Professor, Kostroma State University (Kostroma, Russia).
E-mail: belovi_1957@mail.ru

Belova, Natalia A. – PhD in hist., Institute of Ethnology and Anthropology RAS (Moscow, Russia).
E-mail: belovanatalia86@gmail.com. <https://orcid.org/0000-0002-7675-7419>

The research is published as part of the Research Plan of the Institute of Ethnology and Anthropology (Russian Academy of Sciences, Moscow)

References

- Belov, A.M. (ed.) 2009. *Sluzhenie otechestvu. Rukovoditeli Kostromskoi gubernii i oblasti, 1778–2009 gg.: ist. biogr. ocherki* [Serving the Fatherland. Leaders of the Kostroma province and region, 1778–2009: ist. biogr. Essays]. Kostroma: KSU im. N.A. Nekrasov.
- Borgnäs, E., and E. Acostamadiedo. 2020. Public opinion on immigration in North and West Africa: exploration of the available evidence. In *Migration in West and North Africa and across the Mediterranean: trends, risks, development and governance*, edited by Philippe Fargues and Marzia Rango, 406–417. Geneva. <https://publications.iom.int/system/files/pdf/ch35-public-opinion-on-immigration.pdf>.
- Borjas, G.J. 1987. Self-selection and the earnings of immigrants. *The American Economic Review* 77 (4): 531–553.
- Borjas, G.J. 1989. Economic theory and international migration. *International Migration Review* 23 (3): 457–485.
- Borjas, G.J. 1994. The economics of immigration. *Journal of Economic Literature* 32 (4): 1667–1717.
- Borjas, G.J. and B. Bratsberg. 1996. Who leaves? the outmigration of the foreign-born. *The Review of Economics and Statistics* 78 (1): 165–176
- Caponi, V. (2010). Heterogeneous human capital and migration: Who migrates from Mexico to the US? *Annals of Economics and Statistics. Annales d'Economie et de Statistique* (97/98): 207–234.
- Carling J. 2018. The complexity of global migrations. *Aula mediterranea* 62.
- Creighton, M. J. (2012). The role of aspirations in domestic and international migration. *The Social Science Journal* 50 (1).
- Czaika, M. and De Haas, H. 2017. “The Effect of Visas on Migration Processes”. *International Migration Review* 41 (4): 793–817.
- De Haas, H. 2011. *The determinants of international migration. Conceptualizing policy, origin and destination effects, DEMIG project paper, 2*. Oxford: International Migration Institute.
- Galevska, N.A. 2018. Research approaches to migration. In *Migrations and refugees in a globalized world: responsibilities and responses. Ohrid, Macedonia*. https://www.researchgate.net/publication/328876091_RESEARCH_APPROACHES_TO_MIGRATION
- Iontsev, V.A. 1999. *Mezhdunarodnaia migratsiia naseleniia: teoriia i istoriia izucheniia* International population migration: theory and history of study. Moscow: Dialogue-MGU.
- Kamel L. *To stop migration, stop the abuse of Africa's resources*. <http://www.aljazeera.com/indepth/opinion/stop-migration-stop-abuse-africa-resources-180213114944137.html> (15/02.2018)
- Kups, S. *Topics in Migration Research*. PhD diss. Santa Monica: RAND Corporation, 2014.
- Mandelstam, Yu.I. (ed.) 1956. *Sbornik zakonov SSSR i ukazov Prezidiuma Verkhovnogo Soveta SSSR. 1938 g. – 1956 g.* [Collection of laws of the USSR and decrees of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR. 1938 – July 1956]. Moscow: State Publishing House of Legal Literature.
- Martynova, M.Yu. 2002. *Tolerantnost' i kul'turnaia traditsiia* [Tolerance and cultural tradition]. Moscow: RUDN University Publishing House.
- Migration Review* 51 (4): 893–926.
- Ravenstein, E. G. 1889. The laws of migration part 2. *Journal of the Royal Statistical Society* 52: 241–301.
- Ravenstein, E.G. 1885. The laws of migration part 1. *Journal of the Royal Statistical Society* 48: 157–227.
- Ruedin, D. 2019. Attitudes to immigrants in South Africa: personality and vulnerability. *Journal of Ethnic and Migration Studies* 45(7): 1108–1126. DOI: 10.1080/1369183X.2018.1428086.
- Rybakovsky, L.L. 1992. Illegal immigration in the border regions of the Far East. In *Sotsiologicheskie issledovaniia* 12.
- Rybakovsky, L.L. 1998. Research of migration in Russia. In *Sotsiologiia v Rossii* [Sociology in Russia], edited by V.A. Yadov. Moscow: Publishing house of the Institute of Sociology of the

- Russian Academy of Sciences.
- Rybakovsky, L.L. 2003. *Migratsiia naseleniia: voprosy teorii* [Population migration: theoretical questions]. Moscow: ISPI.
- Rybakovsky, L.L., E.P. Sigareva and N.N. Kharlamova. 2000. tnicheskaiа gomogennost' narodov Rossii [Ethnic homogeneity of the peoples of Russia]. *Narodonaselenie* 23, 59–75.
- Stepanov, V.V. 2004. Etnicheskii i religiozniі sostav naseleniia PFO [Ethnic and religious composition of the population of the Volga Federal District]. In *Migratsionnaia situatsiia v regionakh Rossii. Vypusk vtoroi: Privolzhskii federal'nyi okrug* [Migration situation in the regions of Russia. Second edition: Volga Federal District], edited by J.A. Zayonchkovskaya. Moscow: Institute for Economic Forecasting RAS.
- Taylor, E. J. (1999). The new economics of labour migration and the role of remittances in the migration process. *International Migration* 37(1):63– 88.
- Tishkov V.A., and V.V. Stepanov (ed.) 2013. *Etnopoliticheskaia situatsiia v Rossii i sopedel'nykh gosudarstvakh v 2012 godu: Ezhegodnyi doklad* [Ethnopolitical situation in Russia and neighboring states in 2012: Annual report]. Moscow: IEA RAN.
- Tishkov, V.A. 2008. Edinstvo v mnogoobrazii: publikatsii iz zhurnala “Etnopanorama” 1999–2008 gg. [Unity in diversity: publications from the magazine “Ethnopanorama” 1999–2008]. Orenburg: Publishing Center OGAU.
- Tishkov, V.A. 2008. Etnicheskoe i religioznoe mnogoobrazie – osnova stabil'nosti i raz-vitiia rossiiskogo obshchestva: Stat'i i interv'iu [Ethnic and Religious Diversity – the Basis of Stability and Development of Russian Society: Articles and Interviews]. Moscow: Moscow Bureau for Human Rights, “Academia”.
- U.S. Immigration and Customs Enforcement. 2014. *FY 2013 ICE Immigration Removals. ERO Annual Report, U.S. Immigration and Customs Enforcement.*
- United Nations Conference on Sustainable Development. 2012. *Migration and sustainable development. RIO 2012 Issues Briefs 15, United Nations Conference on Sustainable Development.*
- Whitaker, B.E. and J. Giersch. 2015. Political Competition and Attitudes towards Immigration in Africa. *Journal of Ethnic and Migration Studies* 41(10):1536–1557. DOI:10.1080/1369183X.2014.996534.
- Yudina, T.N. 2004. *Migratsionnye protsessy: teoriia, metodologiia i praktika sotsiologicheskogo issledovaniia* [Migration processes: theory, methodology and practice of sociological research]. Diss. doctora sociol. science. Moscow.
- Zaslavskaya, T.I. 2007. *Izbrannye proizvedeniia. Tom 1. Sotsial'naia ekonomika i ekonomicheskaiа sotsiologiia* [Selected works. Vol. 1. Social economy and economic sociology]. Moscow: Economics.
- Zaslavskaya, T.I. 2007. *Izbrannye proizvedeniia. Tom 2. Transformatsionnyi protsess v Rossii: v poiske novoi metodologii* [Selected works. Vol. 1. Transformational process in Russia: in search of a new methodology]. Moscow: Economics.

**ГРУЗИНСКАЯ ДИАСПОРА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ:
НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ***

В жизни грузинской диаспоры Северной Осетии в последние годы важным событием стал праздник Ломисоба. Он проводится в первую среду после дня Святой Троицы в окрестностях селения Балта, расположенного на Военно-грузинской дороге. Истоки этого праздника уходят в грузинский регион Мтиулети, где местные жители почитают св. Георгия Ломисского, именной праздник которого – Ломисоба – ежегодно проводится в селении Млета. Грузины Балты, как и жители соседних селений Чми и Нижний Ларс, сохраняют в быту немало народных традиций из сферы духовной культуры (народные верования, семейная и календарная обрядность); отчасти этому способствует сохранение постоянных контактов с сородичами из соседних районов Грузии. Праздники в большинстве полиэтничных регионов Кавказа, как правило, всегда создавали благоприятные условия для общения представителей не только разных народов, но и разных конфессий. Как свидетельствуют собранные материалы, эта особенность праздничной культуры сохраняется и в наши дни.

Ключевые слова: *грузинская диаспора, Северный Кавказ, Северная Осетия, духовная культура, праздник Ломисоба, межэтнические отношения*

На сегодняшний день одна из наиболее значительных и старейших грузинских диаспор на территории Российской Федерации сосредоточена в Республике Северная Осетия – Алания (РСО-А). По данным Всероссийской переписи населения 2010 г. в республике проживает 9 095 этнических грузин. Среди регионов Российской Федерации это третья по численности грузинская диаспора, больше только в Москве (38 934 чел.) и в Краснодарском крае (17 826 чел.), всего грузин в России – 157 803 чел. (Социально-демографический 2012: 87, 94, 95, 96).

Начало формирования грузинской диаспоры в пределах Северного Кавказа традиционно связывается с Персидским походом Петра I в 1722–1723 гг. и присоединением на непродолжительное время части прикаспийских территорий, находившихся во

Синанов Борис Андреевич – к.и.н., старший научный сотрудник, Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева Владикавказского научного центра Российской академии наук (Владикавказ, пр. Мира, 10). Эл. почта: boris-sinanov@yandex.ru.

Соловьева Любовь Тимофеевна – к.и.н., старший научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии РАН (Москва, Ленинский пр., 32А). Эл. почта: lubsolov@gmail.com.

* Публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН

владении Ирана. В течение всего XVIII в. на российских территориях Северного Кавказа грузинские поселения сосредотачивались в двух районах – в Прикаспии и в Притеречье. В Прикаспии основными центрами поселенцев-грузин были крепость Святого Креста и Дербент. В свою очередь в Притеречье местом локализации переселенцев из Грузии выступали Кизляр и Моздок, а также небольшие поселения на левом берегу Терека, позже преобразованные в станции, такие как Шелковская (Сарафанниково), Новогладковская и Сасоплинская. И если в прикаспийских территориях грузинские общины просуществовали лишь до 1735 г., то общины грузин Притеречья оказались более устойчивыми и продолжили свою историю вплоть до XX в., частично ассимилировавшись с местным населением, в том числе через переход в казачье сословие, частично, мигрировав в другие регионы России. Немногочисленные потомки первопоселенцев Притеречья проживают до наших дней в городах Моздок и Кизляр.

Рис. 1. Возобновленный храм святителя Николая Чудотворца. Селение Нижний Ларс. Фото 2018 г.

Исследователи выделяют две основные предпосылки возникновения и существования компактных грузинских поселений на Северном Кавказе. Первой причиной было бедственное состояние Грузии. За предшествующие несколько веков усиленно шел процесс разрушения грузинского этнического массива. Ко второй половине XVIII в. процесс рассеяния грузинского этноса достиг катастрофической степени. Набеги на территорию Восточной Грузии, организуемые со стороны Дагестана, имели следствием захват пленных с целью получения выкупа или использования их в качестве рабов. «Уведенные насильственно на северный склон Большого Кавказа малыми группами жители Грузии спасались от плена и рабства бегством в российские пределы. Конечно, это удавалось лишь малой части пленных» (Гамрекели 1968: 93).

К другим формам этнической миграции относят добровольные переселения, изгнания, бегство от гнета или от кары. Социально-экономические условия Грузии в течение всего XVIII в. давали немало поводов для подобного перемещения жителей Грузии на Северный Кавказ. Вследствие этого, оказавшись в сложной ситуации у себя на родной земле, либо в неволе на северном склоне Кавказа, часть представителей грузинского этноса была заинтересована в обретении свободы и новой родины.

Второй предпосылкой возникновения грузинских поселений была экспансия России на Кавказ. Расширяя свои границы на юге, государство было заинтересовано в благонадежном населении, которое и было представлено в лице исповедующих христианство грузин и армян.

Общая численность грузин Притеречья в последней четверти XVIII в. насчитывала 2,5–3 тыс. чел. На протяжении второй половины XVIII столетия грузинская община Кизляра составляла от 25 до 15% гражданского населения, и от 53 до 20%

гражданского населения Моздока. И хотя в абсолютных выражениях численность грузин Притеречья была невелика (от 470 чел. в 1775 г., до 805 чел в 1798 г. – в Кизляре, и от 120 чел. в 1764 г. до 933 чел. в 1789 г. – в Моздоке), исследователи подчеркивают значимость их во взаимоотношениях Грузии, России и Северного Кавказа (*Гамрекли* 1968: 51–52, 95).

В дальнейшем, с расширением территорий Российской империи в направлении Центрального Кавказа, новые грузинские поселения стали возникать и в центре региона, крепостях – Владикавказ, Грозный, Нальчик и слободе Алагир. Наблюдается следование грузинских поселений за изменением российских границ, за расположением российских гарнизонов на Северном Кавказе.

В XIX в. экономические причины вынуждают часть представителей различных этнокультурных общностей грузин (рачинцы, мохевцы, мтиулы и др.) к переселению на расположенные по соседству северные склоны Центрального Кавказа. В 1870–1880-е годы началось активное переселение грузин в Алагир. Первым грузином-поселенцем считали Шио Джапаридзе, происходившего из селения Они Рачинского уезда Кутаисской губернии. С 1879 до середины 1880-х годов в Алагир переселились около 200 семей рачинцев (по другим данным – 120) (*Канукова, Федосова* 2011: 134). Имеретины из Рачинского уезда переселялись в Алагирское ущелье в надежде на спасение от нищеты и голода, поразивших население в связи с неурожаями, случавшимися на протяжении нескольких лет (*Цориева* 2011: 165).

Острая нехватка плодородной земли горной Грузии стала причиной раннего отходничества и развития ремесел. Рачинцы были известны как столяры, пильщики, каменщики, хлебопеки. Для жителей Верхней Рачи самой удобной для переселения на Северный Кавказ в Россию была Военно-Осетинская дорога, проходившая через Мамисонский перевал. Строительство Алагирского серебро-свинцового завода и нового поселения привлекло рачинцев – столяров, плотников, пильщиков, специалистов по обжигу извести.

Рачинцы старались открыть в Алагире грузинскую школу, но долгое время не находили поддержки властей. В 1899 г. им было разрешено основать церковно-приходскую школу. Она была устроена в доме Алексея Лобжанидзе. Лишь в ноябре 1911 г. состоялось торжественное открытие нового здания грузинской школы. Школа была построена на участке Д.Л. Метревели в 1907–1908 гг. на добровольные пожертвования, собранные в разных уголках Кавказа.

По данным на январь 1899 г. в Алагире проживали 736 грузин. Большинство из них занимались ремеслами, строительными работами. Дома многих русских и осетин были возведены руками рачинских строителей. Грузины приобретали земли у местного населения, у завода и обзаводились хозяйством. Благодаря трудолюбию и умению приноровиться к новым условиям жизни они значительно улучшили свое материальное положение. Некоторые из них с годами становились настолько состоятельными, что могли позволить себе отправлять детей учиться в учебные заведения Тифлиса и Кутаиси. Многие грузинские священнослужители, к примеру, Габриел Бочоришвили, Филипп Унгиадзе, И. Елиосидзе, Ш. Двашвили, несли церковную службу в Алагирском соборе и работали учителями в церковноприходской школе (*Цориева* 2011: 165). Рачинцы находились в Алагире в статусе «временнопоселенных». По некоторым данным, в Алагире проживало 400 осетинских семей, 300 грузинских и около 200 русских (*Канукова, Федосова* 2011: 135).

Во Владикавказе грузины живут на протяжении всей его истории. В бытность крепостью владикавказских грузин вместе с армянами насчитывалось 99 человек (*Канукова, Федосова* 2011: 140), но с преобразованием в город численность грузин заметно выросла, хотя и была подвержена колебанию. Из отчета начальника Терской области и Наказного атамана Терского казачьего войска за 1910 г. следует, что в 1894 г. в городе насчитывалось 950 грузин, в 1897 г. – 1612, в 1903 г. – 830, а в 1910 г. – 3070 (*Многонациональные...* 2012: 258).

Грузинское население Владикавказа формировалось в ходе одиночных или групповых, немногочисленных миграций (*Канукова, Федосова* 2011: 140). Современники указывали на существование в городе «мохевской» части, где компактно проживали грузины-мохевцы (переселенцы из области Хеви). Они появились во Владикавказе в начале XX в. Крупные торговцы, выходцы из Грузии, предприниматели, владельцы гостиниц жили в центре города, а основная масса грузинских переселенцев обосновалась во Владимирской, Молоканской слободках и на Шалдоне.

Грузины из Душетского уезда в начале 1890-х годов поселялись в Осетинской слободке, где самовольно возводили постройки. К началу XX в. увеличилась численность городского населения вообще и грузинского в частности, особенно в затеречной части города. В 1911 г. настоятель Константино-Еленинской церкви указывал, что там проживало 1373 грузина.

Экономическая основа грузинской общины была достаточно крепкой, что позволило ей создавать диаспорную структуру.

В ноябре 1888 г. во Владикавказе состоялось торжественное открытие грузинской школы. Ее основали по инициативе грузинского просветителя и общественного деятеля Михаила Зааловича Кипиани (1833–1891), при активном участии грузинской общины города. Занимая с 1871 г. пост управляющего межевой частью Терской области, Кипиани принимал активное участие в передовых начинаниях владикавказской интеллигенции. Он также был одним из инициаторов создания «Общества распространения образования и технических сведений среди горцев Терской области», впервые перевел на грузинский язык труды В.Г. Белинского, активно сотрудничал в кавказских газетах. Михаил Кипиани хорошо знал одного из основоположников осетинского литературного языка Коста Хетагурова и дружил с ним (*Киреев* 2015: 13–14). В начале 2000-х годов на фасаде школы была установлена мемориальная доска в память о дружбе Коста Хетагурова и Михаила Кипиани.

Первое время грузинская школа располагалась в арендованном помещении, но затем для нее построили специальное здание. Просторный актовъй зал использовался для проведения различных мероприятий не только грузинами, но и осетинами, армянами и другими этническими общинами.

При грузинской школе 1 ноября 1898 г. епископом Владикавказским и Моздокским Владимиром (Сеньковским) был освящен храм святой равноапостольной Нины, просветительницы Грузии. Распоряжением Святейшего Синода храм был объявлен приходским «с причтом из священника и псаломщика» (Терские ведомости 1898). Помимо городского населения к приходу храма был причислен хутор Камбилеевский, а общая численность прихожан – этнических грузин – на начало века составляла 2068 человек (*Беляев* 2008: 308). Первыми клириками храма стали священник Георгий Григорьевич Натадзе и диакон Георгий Александрович Таблиев.

После революции 1917 г. самая ранняя попытка закрыть церковь была предпринята в августе 1928 г. Городской совет постановил изъять у грузинской общины помещение церкви святой Нины, а чуть позже потребовал очистить здание храма от церковной утвари. Православная грузинская община попыталась обжаловать это решение, но безрезультатно. Ответ был однозначным: церковь закрыть. Однако реальных шагов со стороны власти не последовало, и храм продолжал действовать еще пять лет. Только в октябре 1933 г. здание церкви было передано под библиотеку артиллерийского полка, а с 1935 г. стало использоваться как одно из помещений грузинской школы. В 1933 г., накануне закрытия, в этом храме был крещен уроженец Владикавказа будущий Католикос-Патриарх всея Грузии Илия II. В октябре 1997 г. в ходе своего визита во Владикавказ Патриарх Илия II посетил грузинскую школу и помещение бывшей церкви. Средняя общеобразовательная грузинская школа № 19 функционирует и сегодня.

13 марта 2011 г. в Неделю Торжества Православия, при собрании большого количества молящихся, в храме было совершено первое с момента закрытия богослужение. Праздничный молебен совершил благочинный церковью Владикавказского округа протоиерей Василий Шауэрман в сослужении священника храма Покрова Пресвятой Богородицы иерея Георгия Болотаева, который в 2013 г. был назначен ответственным за восстановление храма. С этого года, несмотря на аварийное состояние, молебны в храме совершаются регулярно. Богослужения проходят на церковнославянском, грузинском и осетинском языках. 27 января 2016 г. в возрождаемом храме равноапостольной Нины состоялась первая в новейшей истории храма Божественная литургия. Богослужение совершил протоиерей Константин Джигоев, получивший образование в Мцхетской духовной семинарии, в совершенстве владеющий грузинским языком и имеющий опыт служения на грузинском языке. Помимо богослужений, силами прихода в храме с 2015 г. проводятся рождественские праздники, интерьер церкви пополняется преподносимыми в дар новыми иконами, а в 2016 г. был возведен временный иконостас.

Возрождение церковной жизни происходит и в приграничном с Грузией селении Нижний Ларс (официально входит в состав городского округа города Владикавказ). Село является первым российским населенным пунктом на границе с Грузией и расположено в 6 километрах от нее. В Нижнем Ларсе проживает около 150 человек (40 домов), в подавляющем большинстве это этнические грузины-мохевцы.

Первый православный храм в честь Святителя Николая Чудотворца был построен в селении в 1839 г. В 1895 г. его перестроили и вновь освятили. К этому времени его прихожанами являлись жители не только Нижнего Ларса, но и окрестных сел – Чми и Балта. Под сводами храма вместе молились грузины, осетины, русские (начало XX в. – около 400 человек). В годы советской власти храм был закрыт и со временем пришел в запустение. К 2010 г. остались только стены, местами покрытые глубокими трещинами. В 2011 г. с благословения Владикавказской епархии местными энтузиастами было принято решение о возведении нового храма на месте старого, в основу которого были положены камни то разобранной старой церкви.

В сентябре 2017 г. архиепископ Владикавказский и Аланский Леонид посетил строящийся храм в Нижнем Ларсе, и обсудил с его настоятелем священником Георгием Болотаевым и представителями местной православной общины вопросы жизнедеятельности прихода. 19 декабря 2019 г., в день памяти святого Николая Чудотворца, в одноименном храме прошли престольные торжества. На первую литургию

в храме Святителя Николая Чудотворца собрались десятки православных верующих – местных жителей, а также паломников из Владикавказа и ближайших сел.

На сегодняшний день основные строительные работы практически завершены. Продолжается обустройство прилегающей территории и оформление внутреннего убранства храма.

Согласно данным последней переписи 2010 г., грузинское население Республики Северная Осетия–Алания составляет 9 095 чел., или 1,3% общей численности населения (Социально-демографический 2012: 96). Грузины являются шестым по численности этносом в республике. Основное грузинское население проживает во Владикавказе, а также в населенных пунктах, расположенных у границы с Грузией по Военно-грузинской дороге: Балта, Чми и Нижний Ларс. На сегодняшний день организационно 600 представителей грузинского этноса являются членами грузинского национально-культурного общества «Единство» – «Эртоба», зарегистрированного в республике с 1 апреля 1990 г. (Сайт газеты «Северная Осетия») и около 30 человек объединены в общество «Иверия» Моздокского района.

Таблица 1

**Динамика этнического состав населения Северной Осетии 1989–2010 гг.
(по официальным данным Переписей населения 1989, 2002 и 2010 гг.)**

Этносы	Переписи					
	1989		2002		2010	
	человек	в % к итогу	человек	в % к итогу	человек	в % к итогу
Все население	632 428	100,0	710 275	100,0	706 423 ¹	100,0
Осетины	334 876	52,9	445 310	62,7	459 688	65,1
Русские	189 159	29,9	164 734	23,2	147 090	20,8
Ингуши	32 783	5,2	21 442	3,0	28 336	4,0
Армяне	13 619	2,1	17 147	2,4	16 235	2,3
Кумыки	9478	1,5	12 659	1,8	16 092	2,3
Грузины	12 284	1,9	10 803	1,5	9095	1,3

Как видно из приведенной таблицы, незначительное снижение численности грузинского населения в период с 1989 по 2010 гг., чаще всего, не связывается с грузино-югоосетинскими конфликтами начала 1990-х годов и августа 2008 г. Указанные события, в некоторых случаях, действительно, могли стать поводом для того чтобы покинуть пределы Северной Осетии (главным образом, в начале 1990-х годов), но все же, не привели к массовому исходу грузин из республики. Интеграция грузинского населения Северной Осетии, в первую очередь, потомков одних из первых поселенцев Владикавказа и Моздока, с одной стороны, и взаимопроникновение культур, родственные связи, православная вера и знание грузинского языка большей частью югоосетин-

¹ Указавшие свою национальность. Все население – 712 980 чел.

Рис. 2. Селение Балта. Часовня св. Георгия Победоносца.

ских переселенцев – с другой, свели к минимуму возможность возникновения межэтнических противоречий.

Как показывают полевые материалы, представители грузинской диаспоры, проживающие на Северном Кавказе, сохраняют в быту немало традиционных элементов из сферы духовной культуры (народные верования, семейная и календарная обрядность и т.д.). В жизни представителей грузинской диаспоры Северной Осетии и соседних регионов в последние годы важным событием

стал праздник Ломисоба. Он проводится в первую среду после дня Святой Троицы в окрестностях с. Балта. Истоки этого праздника уходят в грузинский регион Мтиулети, где местные жители почитают св. Георгия Ломисского, именной праздник которого – Ломисоба – ежегодно проводится в мтиульском селении Млета.

Как отмечает в своем исследовании В.В. Бардавелидзе, *Ломисас хати*, расположенное в селении Млета, было важным региональным святилищем. По народным представлениям, оно считалось общим покровителем двух горных регионов Восточной Грузии – Мтиулети и Гудамакари, поэтому наибольшим почитанием оно пользовалось именно у мтиулов и гудамакарцев (Бардавелидзе 2015: 22).

Ломисас хати, по народным представлениям, считалось очень «сильным», могущественным, поэтому оно почиталось и в соседних горных регионах Восточной Грузии. Ломисский св. Георгий упоминается не только в мтиульских священнослужебных текстах, но также в пшавских и мохевских. В народе верят, что Ломисский св. Георгий способен помочь бездетным, тяжелобольным, сюда приходят молиться о выздоровлении, о даровании детей, об исцелении от слепоты и других недугов, о благополучии семьи. Живущие в Северной Осетии грузины традиционно посещали этот праздник.

По рассказам местных жителей, в 1950-е годы один из жителей с. Балта, Симон Павлиашвили, перенес несколько камней из святыни в Млета в окрестности своего села, где им было сооружено святилище в честь св. Георгия Ломисского. Симона Павлиашвили в народе почитали как ясновидящего и называли «мона». Предки Симона Павлиашвили происходили, судя по рассказам его потомков, из селения Павлиани Ахалгорского района. В селении Павлиани тоже было святилище Ломисского св. Георгия, и деканозов там выбирали именно из фамилии Павлиашвили. Он же, следуя указаниям высших сил, начал возводить святилища Эртабрдзанеблоба и Мариамоба. Из Грузии он принес и металлический крест.

Это произошло в 1950-е годы, когда власти не только закрывали христианские храмы, но и боролись с местными святынями. Судя по рассказам местных жителей, Симон Павлиашвили также пострадал от властей и даже провел несколько

лет в заключении из-за того, что он возвел святое место – традиционную для горных регионов Восточной Грузии каменную постройку с нишей для возжигания свечей и с каменным крестом наверху.

Почему же в селении Балта появился как бы «филиал» так глубоко почитаемого в Грузии святилища? Подобная практика, как отмечают исследователи, была повсеместно распространена среди грузин-горцев. Одной из главных причин этого, как правило, были миграции.

Как отмечает В.В. Бардавелидзе, «по древнему обычаю грузины во время переселений брали с собой какую-нибудь реликвию своего святилища – горсть земли, небольшой обломок с ниши, либо камушек, священную чашу или что-либо другое и помещали его на культовую “башню”, которую выстраивали во имя своего иконного покровителя на новом месте жительства». Например, переселение хевсур и пшавов в Тушети было «одним из путей внедрения культа их божеств» в этом регионе (Бардавелидзе 2015: 26).

Следует отметить, что грузины, предки которых переселились в Северную Осетию из Мтиулету (жители с. Балта) и Хеви (жители с. Нижний Ларс, Чми), никогда не забывали своих главных святилищ (Ломиси для мтиулов и Самеба/Самебис хати для мохевцев), периодически совершая туда паломничества. Это могло быть связано с тем или иным обетом; во время ежегодных праздников в этих храмах обычно крестили детей. Так, Элгуджа Павлиашвили (деканоз) вспоминает, как его отец Симон ходил на моление в свое родовое святилище Ломисского св. Георгия в с. Павлиани и вел туда на заклание трехлетнего бычка. Причем он отметил интересную деталь: по его словам, скотина, которую ведут на заклание, обычно идет спокойно, не сопротивляясь. Его отец часть пути шел пешком, и бычок «охотно» шел за ним, не доставляя никаких хлопот. И в настоящее время местные жители-грузины сохраняют глубокую веру в силу и могущество Ломисского св. Георгия и Гергетской Троицы – Самебис хати.

Святилище Ломиси, возведенное около с. Балта, также глубоко почиталось местным христианским населением. Здесь полагалось соблюдать определенные правила: например, с территории вокруг святилища нельзя было ничего брать; из мяса принесенных в жертву животных нельзя было жарить шашлыки – его обязательно варили, сюда не полагалось приносить водку или араку, только вино или пиво. В народе известно немало случаев, когда нарушение правил, неподобающее поведение в святилище и поблизости от него приводили к неприятным событиям, которые воспринимались как наказание за совершенный проступок. По народным представлениям, нельзя было нарушать обет, который давали в том или ином случае. По местной традиции, когда по обету приносили в жертву барашка, то полагалось делать это три

Рис. 3. Селение Балта. Праздник Мариамоба, 28 августа. Фото 2019 г.

года подряд. Сохраняется и традиционный ритуал – приношение в жертву баранов (белого или «красного»), пива или вина, пирогов «гулиани када», возжигание восковых свечей. В отличие от Ломисоба в Млета, здесь не принято приношение в жертву кур в виде «гапрена» (груз. «гапрена» – «улететь», «полет», т.е. кур выпускали возле храма или святого места, позволяли им «улететь»).

В 1998 г. около с. Балта, рядом со святилищем, были возведены часовня во имя св. Георгия Победоносца и кладовая для хранения припасов и инвентаря. Ежегодно обустроивается окружающая территория. В часовне в дни праздников священники проводят богослужения, совершают таинство Крещения. Около святого места избранные народом деканозы благословляют принесенные пожертвования.

Праздник Ломисоба в с. Балта в последние годы становится особенно многолюдным, его посещают в основном христиане – не только грузины, но и осетины, армяне, русские. Он стал важным явлением и в общественной жизни республики, которое находит широкое отражение в СМИ и социальных сетях. Любопытно, что хотя число посещающих Ломисоба и приносящих в жертву животных (барашков) весьма значительно, здесь нет выступлений против этого. В Грузии же уже несколько лет развивается движение за запрещение жертвоприношений животных, составляются петиции, где эти традиции объявляют жестокими и осуждаются как отсталые.

Праздники в большинстве полиэтничных регионов Кавказа, как правило, всегда создавали благоприятные условия для общения представителей не только разных народов, но и разных конфессий. Как свидетельствуют собранные материалы, эта особенность праздничной культуры сохраняется и в наши дни.

Отметим еще один момент. Конечно, появление государственной границы осложнило проведение традиционного паломничества грузин Северной Осетии к своим региональным и родовым святыням, которые находятся сравнительно недалеко – в соседних регионах Грузии – Хеви (Гергетская Самеба), Мтиулети (Ломисский св. Георгий) и многие другие. Тем не менее, появление «филиала» святилища Ломиси в селении Балта относится еще к 1950-м годам, когда подобной границы еще не было.

Помимо широко известного святилища Ломисского св. Георгия, в окрестностях Балты есть еще несколько святилищ: Эртабрдзанелоба (туда идут молиться на 2-й день после Ломисоба (там проводят ночное моление – «гамистева»). Из принесенного на Ломисоба мяса берут 7 бараньих лопаток, варят около Эртабрдзанелоба. Несут туда также свечи и *гулиани када*, как и на Ломисоба, – пирог с начинкой (муку пережаривают на топленом масле и добавляют сыр). Имеются и другие святилища: например, Мариоба (здесь молятся в день Успения Богородицы) и др.

Большинство фамилий грузин с. Балта (Бутхузи, Карелидзе, Миделашвили, Павлиашвили, Тиникашвили, Элошвили, Циптаури) происходит из Ксанского ущелья (Ахалгори), где у них имеются свои родовые святилища. Обосновавшиеся в окрестностях селения Балта представители этих фамилий также возвели «филиалы» своих родовых святилищ (Гандзи, Кашветоба, Цихисмтавармоцме, Тиникаант сахмто, Груисис цминда Гиорги и др.).

Видимо, в строительстве «филиалов» родовых святилищ можно видеть и стремление сакрально «освоить» территорию в окрестностях села, и желание грузин-переселенцев «приблизить» свое главное родовое святилище к месту их нового обитания, поскольку Ломисский св. Георгий воспринимается как покровитель всей общины, а родовые святилища – как покровители определенных семейных коллек-

тивов. Таким образом, ландшафт в окрестностях с. Балта постепенно был сакрально «освоен» грузинами-переселенцами, причем если день Ломисоба в последнее время стал практически общереспубликанским праздником, то дни молений в других святилищах остаются событиями, которые представляются важными только для жителей данного поселения. Аналогичная ситуация наблюдается и в других грузинских селениях Северной Осетии. Так, в с. Нижний Ларс имеются святилища, где устраиваются праздники Иваноба, Гиоргоба, Атенгеноба.

Следует отметить, что сохранение многих элементов этнической культуры (в первую очередь семейная обрядность, праздничная культура) характерно не только для сельчан, но и для представителей грузинской диаспоры, живущих в городах. В значительной степени это связано с тем, что грузинская диаспора прочно сохраняет свою этническую идентичность; способствует этому также наличие постоянных контактов грузинского населения Северной Осетии с сородичами из соседних регионов Грузии.

Источники и материалы

Гамрекели 1968 – Гамрекели В.Н. Документы по взаимоотношениям Грузии с Северным Кавказом в XVIII в. Тбилиси, 1968. 335 с.

Многонациональные 2012 – Многонациональные и поликонфессиональные традиции Осетии. Исторический ракурс. Сборник документов / сост. Н. Чиплакова, Л. Засеева, Л. Ленник. Владикавказ, 2012. 332 с.

Сайт газеты «Северная Осетия» – Сайт газеты Северная Осетия. Перевыборы в «Эртобе» <http://sevosetia.ru/Article/Index/231220>.

Социально-демографический 2012 – Социально-демографический портрет России: По итогам Всероссийской переписи населения 2010 года / Федер. служба гос. статистики. М.: ИИЦ «Статистика России», 2012. 183 с.

Терские ведомости 1898 – Терские ведомости. 1898. № 144. 6 декабря.

Научная литература

Бардавелидзе В.В. Древнейшие религиозные верования и обрядовое графическое искусство грузинских племен. М.: Наука – Восточная литература, 2015. 445 с.: ил. – (Этнографическая библиотека / редколл.: В.А. Тишков (пред.) и др.).

Беляев Иоанн, протоиерей. Русские миссии на окраинах. Историко-этнографический очерк. (Исторический очерк распространения и восстановления христианства среди осетин). Преосвященный Иосиф, епископ Владикавказский (1821–1890). Историко-биографический очерк жизни и деятельности «апостола Осетии» и первого архипастыря Владикавказской епархии (Составил священник Иоанн Попов) / Сост., ред. А.А. Горобец. Владикавказ: Олимп, 2008. 416 с., ил. 16, карта – (Кавказ христианский).

Канукова З.В., Федосова Е.В. Этнокультурное пространство Северной Осетии. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2011. 296 с.

Киреев Ф.С. Из истории храма святой равноапостольной Нины // Чырыстон Ир (Православная Осетия). 2015. № 1 (4). С. 13–15.

Цориева И.Т. Пути исповедимые... Из истории основания равнинных поселений на Кавказе в конце XVIII – XIX в. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2011. 253 с.

*Sinanov, Boris A., Solovyeva, Lyubov T.**

The Georgian Diaspora in the North Caucasus: Some Aspects of Spiritual Culture

DOI: 10.33876/2311-0546/2020-52-4/188-198

In recent years, the Lomisoba holiday has become an important event in life of the Georgian diaspora in North Ossetia. It is held on the first Wednesday after the Holy Trinity (Troitsa) in the vicinity of the village Balta, located on the Georgian Military Highway. The origins of this holiday go to the Georgian region of Mtiuleti, where locals venerate St. George of Lomisy, whose personal holiday – Lomisoba – is held annually in the village Mleta. The Georgians of Balta, as well as the inhabitants of the neighboring villages Chmi and Nizhny Lars, maintain many folk traditions from the sphere of spiritual culture (folk beliefs, family and calendar rituals). This is partly due to the maintenance of constant contacts with relatives from neighboring regions of Georgia. As a rule, holidays in most of the multi-ethnic regions of the Caucasus have always created favorable conditions for communication between representatives not only of different peoples, but also of different confessions. According to the collected materials, this is still the case for the festive culture.

Key words: *the Georgian diaspora, North Caucasus, North Ossetia, spiritual culture, the Lomisoba holiday, interethnic relations*

* **Sinanov, Boris A.** – PhD in hist., V. I. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of the Vladikavkaz Scientific Centre of RAS (Vladikavkaz, Russia). E-mail: boris-sinanov@yandex.ru

Solovyeva, Lyubov T. – PhD in hist., Senior researcher, Institute of Ethnology and Anthropology, RAS (Moscow, Russia). E-mail: lubsolov@gmail.com

The research is published as part of the Research Plan of the Institute of Ethnology and Anthropology (Russian Academy of Sciences, Moscow)

References

- Bardavelidze, V.V. 2015. *Drevneishie religioznye verovaniia i obriadovoe graficheskoe iskusstvo gruzinskikh plemen* [The oldest religious beliefs and ceremonial graphic art of the Georgian tribes], edited by V.A. Tishkov. Moscow: Nauka – Vostochnaia literatura, (Etnograficheskaiia biblioteka).
- Beliaev Ioann, protoierei. 2008. *Russkie missii na okrainakh. Istoriko-etnograficheskii ocherk. (Istoricheskii ocherk rasprostraneniia i vosstanovleniia khristianstva sredi osetin). Preosviashchennyi Iosif, episkop Vladikavkazskii (1821–1890). Istoriko-biograficheskii ocherk zhizni i deiatel'nosti "apostola Osetii" i pervogo arkipastyria Vladikavkazskoi eparkhii (Sostavil sviashchennik Ioann Popov)* [Russian missions on the outskirts. Historical and ethnographic sketch. (Historical sketch of the spread and restoration of Christianity among the Ossetians). Joseph, Bishop of Vladikavkaz (1821–1890). Historical and biographical sketch of the life and work of the "Apostle of Ossetia" and the first archpastor of the Vladikavkaz diocese (compiled by priest Ioann Popov)], edited by A.A. Gorobets. Vladikavkaz: Olimp.
- Kanukova, Z.V. and E.V. Fedosova. 2011. *Etnokul'turnoe prostranstvo Severnoi Osetii* [Ethnocultural space of North Ossetia]. Vladikavkaz: IPO SOIGSI.
- Kireev, F.S. 2015. Iz istorii khrama sviatoi ravnoapostol'noi Niny [From the history of the temple of St. Nina Equal to the Apostles]. *Chyryston Ir (Pravoslavnaia Osetiia)* 1 (4): 13–15.
- Tsorieva, I.T. 2011. *Puti isповедимye... Iz istorii osnovaniia ravninnykh poselenii na Kavkaze v kontse XVIII – XIX v.* [From the history of the founding of lowland settlements in the Caucasus at the end of the 18th – 19th centuries.] Vladikavkaz: IPO SOIGSI.

© Д.И. Джумаев

ПРЕДСВАДЕБНЫЕ ОБРЯДЫ У ЛЕЗГИНСКИХ НАРОДОВ ДАГЕСТАНА: СОХРАНЕНИЕ ТРАДИЦИЙ И СОВРЕМЕННЫЕ ИННОВАЦИИ

Статья посвящена изменениям в традиционных обрядах предсвадебного цикла. Автор рассматривает новые тенденции и инновации в современной свадьбе, подчеркивает роль глобализации в вытеснении традиционных обрядов, раскрывает особенности бытовой жизни и культуры народов Южного Дагестана – рутулов, агулов, цахуров, лезгин, табасаранцев. Хотя традиции и современные свадебные обряды имеют сходство у многих народов, проживающих на территории Дагестана и всего Северного Кавказа, обряды вышеназванных народов имеют ряд отличительных особенностей и деталей. Сравнение традиционной и современной свадьбы позволяет выявить наиболее устойчивые черты этнической культуры.

Выводы основываются на полевых исследованиях, которые проводились в 2019 г. в Рутульском районе Республике Дагестан. Они включали опрос жителей населенных пунктов региона – селений Ихрек, Аран, Верхний Катрух, Лучек и др. Информантами выступали представители полиэтничного населения региона (лезгины, рутулы, агулы, табасаранцы, цахуры). Кроме того, опрашивались представители этих народов в социальных сетях Инстаграм и ВКонтакте, а также студенты Северо-Кавказского федерального университета. Анализ полученных данных позволил выявить мнение респондентов о значимости предсвадебных обрядов в современной жизни.

Ключевые слова: народы Южного Дагестана, современная свадьба, свадебный обряд, обычай, семья, современные тенденции, калым

Изучение свадебной обрядности является одним из важных направлений филологических исследований этнографического кавказоведения. Именно в этой области традиционно-бытовой культуры в значительной степени сохраняются многочисленные элементы этнической культуры. Свадебный цикл представляет собой многоэтапное действо, в котором каждый из элементов обладает глубокими функциональными нагрузками и символическими коннотациями. При этом в структуре обряда важнейшее значение имеет весьма разветвленный блок предсвадебных ритуалов, которые стали предметом нашего внимания.

Полевые исследования проводились в 2019 г. в Рутульском районе Республике Дагестан, в ходе которых осуществлялся опрос жителей населенных пунктов региона – селений Ихрек, Аран, Верхний Катрух, Лучек и др. Информантами выступили

пали представители полиэтничного населения региона (лезгины, рутулы, агулы, табасаранцы, цахуры). Кроме того, опрашивались представители этих народов в социальных сетях *Инстаграм* и *ВКонтакте*, а также студенты Северо-Кавказского федерального университета. Анализ полученных данных позволяет выявить мнение респондентов о значимости предсвадебных обрядов в современной жизни. Для сравнения привлечен также материал научных исследований ряда авторов.

Свадьба в Южном Дагестане – общественное событие, важное не только для конкретной родственной группы, но и для всего селения. Это не просто соединение двух членов общества, но и возможность собрать родственников и друзей, чтобы совместно отпраздновать событие, поэтому на свадьбы приходили жители всех окрестных аулов, приезжали гости из разных точек Дагестана. В древние времена жители аулов жили «от свадеб до свадеб».

Заключению брака предшествовало несколько строго обязательных этапов, и готовиться к нему начинали уже с рождения детей (*Агаширинова* 1987: 54), в том числе накапливая материальный потенциал для предстоящего дарообмена между семьями. Между тем, по народным представлениям совершеннолетними считались люди, достигшие 15-16 лет. По достижении юношей этого возраста родители и старшие родственники начинали искать невесту, подключая к этому важному делу всех друзей и соседей. Выбрав семью, где была девушка на выданье, прежде всего стремились узнать побольше о ней самой и ее родственниках. Чтобы считаться достойной невестой, девушка должна была обладать определенными личными чертами, такими, как эмоциональная сдержанность, знание этикета, трудолюбие. Важное значение имели физическое здоровье, отсутствие каких-либо физических уродств и психических заболеваний у родственников, происхождение рода и материальное благополучие семьи. Обращалось внимание на сословное происхождение. Как правило, в XIX в. отказ следовал, если кандидат на руку и сердце дочери был ниже по социальной иерархии. Память о сословном происхождении сохранялась в XX в. у цахуров и табасаранцев, т.е. у тех народов, которые имели социальную организацию в виде султаната (цахуры) и майсумства (табасаранцы). Те народы, которые были организованы в вольные общества, такой социальной стратификации не имели. Чаще всего народы Южного Дагестана старались заключать брак среди представителей своей национальности. Более того, предпочитались браки, в которых жених и невеста принадлежали к одному роду.

После того, как сыну находили достойную невесту, начинался очень важный период сватовства и сговора. Наиболее распространенным был сговор *Чьелъ лъабши*, который осуществляли в отношении подростков или уже взрослых юношей и девушек. Сватовство – *Ибьтыб* – у народов Южного Дагестана всегда проходило, в отличие от других предсвадебных обрядов, при участии узкого круга родственников. Причиной служило опасение возможного отказа со стороны родителей невесты, о чем не принято было информировать знакомых. Поэтому нередко сторона жениха заблаговременно, через доверенных посредников, старалась выяснить, будет ли дано согласие на брак родственниками невесты. В качестве свата у лезгин, табасаранцев обычно выступал уважаемый, авторитетный мужчина, который, как это было принято, начинал разговор издали, только намекая на цель своего посещения (*Ризаханова* 2005: 45). После традиционного обращения свата: «Просим вас стать отцом и матерью» – «*Дикья дыкис хьдылмар*» (имя жениха), родители невесты

давали согласие на брак или же отказывали. В случае согласия родители невесты по традиции произносили: «*Иншааллах*» («Если Богу будет угодно»). А остальные поздравляли: «*Нуабарак ишиий, сахъдыц лахъдыи дават*» («Поздравляем всех, желаем благополучной свадьбы»).

В традиционном быту существовала еще одна из форм заключения брака, основанная на колыбельном сговоре – *Къба лыын*¹. В старину родители договаривались о браке детей с младенческого возраста. Это было обусловлено тем, что, в условиях бытовавших в этом регионе брачных запретов и ограничений, было довольно трудно найти подходящего жениха или невесту. В большей степени этот обычай был распространен среди зажиточных семей. В подобном случае отец мальчика давал отцу девочки в качестве обеспечения договора какую-либо ценную вещь, после чего дети считались «сговоренными с колыбели». По народным представлениям, нарушение подобного договора не допускалось.

Наряду с наиболее традиционной формой – браком по сговору – у всех народов Южного Дагестана существовал брак похищением, или умыканием – *дават* в различных его вариантах. Умыканию невест посвящена большая этнографическая литература, обязанная своим появлением главным образом тому, что этот способ заключения брака считается древнейшим и в прошлом едва ли не универсальным. Э. Тайлор первым подразделил умыкание на три формы: враждебное, мирное (или супружеское) и формальный захват, понимая под первым насильственное похищение девушки, под вторым – похищение с согласия девушки и без ведома или с ведома ее родни и под третьим – имитацию похищения во время свадебного обряда (Тайлор 1989: 358).

Дават в Южном Дагестане также имел ряд разновидностей. Так, он мог иметь насильственный характер в случае несогласия невесты на брак, а также быть фиктивным, если умыкание происходило с согласия девушки. Такой ход событий позволял избежать больших расходов на калым и устройство свадьбы, а также заключить брак вопреки воле родственников избранной девушки. Согласно традиционным представлениям народов Южного Дагестана, если девушка провела ночь – *Юшааргыни* – под кровом чужого мужчины, она считалась опозоренной. Если ей удавалось убежать от похитителя до рассвета, то полагали, что девушка смогла защитить свою честь. Если же нет – родственникам не оставалось другого выхода, кроме как дать согласие на немедленное заключение брака. Однако разъяренные родичи могли объявить и кровную месть за позор дочери и сестры, что не упрощало участь несчастной, которая вследствие произошедшего утрачивала надежду на достойную партию.

Между тем, при нормативном течении событий после получения сватами согласия жених в сопровождении родственников прибывает в дом девушки с подарками. В этот день принято исполнять специальные обрядовые песни. Так, у рутулов до настоящего времени во время посещения родственниками жениха дома невесты поют старинную песню:

*Буьлбуьлсэн, багъгэзирсэн
Соловей ты, по садам ты ходишь,
Джейран сэн, дагъгэзирсэн,
Джейран ты, по горам ты ходишь.
Марал бахъшлысона*

¹ Все термины приведены на рутульском языке.

Красавица с взглядом марала
Бизинэвэгэлрэн
В наш дом (теперь) идёшь ты!
Гуьзгуькалдыулабыр ад,
Подобные зеркалу, глаза имеющая,
Садафкалдысылабыр ад,
Подобные слоновой кости, зубы имеющая,
Сер ка лыIхдыкьашбыркьуд,
Как сажа, чёрные брови имеющая,
ХуIляIхдыкьамЧелийгьад.
Длинную косу имеющая,
ЙыIкьчIумул ка гаIдды ад,
Талию тонкую, как соломинка,
ЙыIкькьизиледкемере ад
Талия золотым поясом перехваченная
Ирдымарджамгардана ад
На шее красные кораллы имеющая
Джангуьзелсус, ес хана ад!
Дорогая красавица-невеста, к нам идущая! (ПМА 1: Гасанова)

В данной песне зеркало символизирует глаза невесты – чистые как родники, лучистые как солнце, ясные как облака. В подобном описании внешности, особенно нарядов невесты, отражены традиционные эстетические представления рутулов о красоте горянки.

После сговора жених уже имел право навещать невесту, а в старину, согласно бытовавшему в этом регионе Дагестана адату, жених и невеста после сватовства могли вместе спать, но до заключения брака жених не имел права прикасаться к телу невесты. Известен следующий случай: при имаме Шамиле невеста из рутульского селения Шиназ убила кинжалом своего жениха, намеревавшегося нарушить указанный адат; при этом она не только избежала какого бы то ни было порицания, но и заслужила всеобщую похвалу (ПМА 1: Абдулсаламова).

В настоящее время в предсвадебном цикле у народов Южного Дагестана фиксируются значительные изменения. Рассмотренный материал свидетельствует, что раньше до свадьбы молодые люди могли вообще не знать друг друга (Алимова 1988: 59). В настоящее время в Южном Дагестане молодежь имеет возможность заводить знакомства самостоятельно. Но и теперь юноши и девушки прислушиваются к мнению старших и родителей, а помолвка и вступление в брак без благословения родителей по народным представлениям недопустимы.

Брачный возраст сегодня значительно изменился. На основании данных, полученных мной в ноябре 2019 г. в ходе опроса молодых людей в социальных сетях (в общем опросе приняли участие 34 девушки и 43 юноши), можно заключить, что многие современные девушки не торопятся вступать в брак. Свое решение они объясняют тем, что хотят получить высшее образование и профессию. Так, самым распространенным возрастом, когда девушка готова выйти замуж, является 22-25 лет. При этом мужчины тоже не торопятся создавать семью, как это было в прошлом веке, и считают, что наиболее подходящий средний возраст для брака – 28-30 лет. Это также связывается с необходимостью завершения учебы и получением специальности, со службой в армии. Немало случаев, когда перед созданием семьи мужчины уезжают на заработки в другие города и страны. Итоги опроса показывают,

какое число девушек и парней выбирают средний возраст женитьбы и замужества в современных реалиях: 26 девушек считают, что замуж следует выходить в возрасте 23-26 лет, 8 девушек – в 19-21 лет, 32 парня – 28-32, 7 парней – 21-25.

Наши полевые исследования подтверждают мнение исследователей, которые полагают, что в настоящее время сословное происхождение не играет такой роли, как материальное состояние (Булатова 2003: 176). Информанты отмечают, что стало гораздо меньше случаев, когда браки заключаются по расчету, главным основанием брака многие молодые люди стали считать взаимную любовь (ПМА 11: Магомедшерифова: Ибрагимов).

Однако несмотря на то, что молодые люди часто знакомятся сами, окончательное решение о заключении брака, как правило, принимают родители. Получить согласие родителей совершенно необходимо даже в том случае, когда молодые люди самостоятельно решают пожениться. Как и в прошлом, сообщить о своем выборе родителям лично молодые, как правило, стесняются и обращаются с просьбой сделать это к старшему брату или старшей сестре.

Сватовство – *ибътитыр* – в настоящее время происходит, как только юноша или его семья определяют с кандидатурой потенциальной невесты. Тогда на общесемейном совете тщательно анализируют поведение и репутацию девушки, смотрят на благосостояние семьи, наводят справки о ее родителях. Если все устраивает, посылают сватов к родителям избранницы, обычно старших родичей или друзей. У агулов в этом случае принято приглашать в дом жениха отца девушки. Однократным посещением сватов дело не ограничивается: по народным представлениям считается, что приличная девушка не может дать ответ тотчас, нередки и случаи отказа, когда жених не устраивает родителей девушки или ее саму.

Кража невест в наши дни преследуется по закону, поэтому происходит, как правило, по взаимному согласию молодых и их родителей, как традиционный, стилизованный под старину обряд (Гаджиева 1985: 97). Однако, имеют место и конфликты на почве похищения. Так, в 2017 г. в с. Ихрек была украдена девушка, похитители с девушкой сбежали в горы, где скрывались три дня. Родители девушки подали на них в суд и забрали дочь. Затем, получив материальную компенсацию (1 млн рублей), они взяли заявление из суда. Однако односельчане осудили родителей девушки, которые получили деньги, несмотря на то, что девушка сбежала с похитителями, и эта семья была вынуждена навсегда покинуть село. Таким образом, общественное мнение сельчан, которое во многом основывается на нормах адата, продолжает играть в обществе значительную роль (ПМА 1: Гасанова).

Современные процессы глобализации, взаимовлияние культур из-за подвижности населения привели к тому, что стали исчезать многие, казалось бы, незыблемые, традиции. Это относится, прежде всего, к обычаю избегания. Молодые люди уже называют друг друга по имени, что было не принято еще в 1960-х годах.

Вследствие актуализированности проблемы, важно обратиться к традициям предсвадебного дарообмена у народов Южного Дагестана. В традиционном обществе он следовал после сговора. Вскоре после получения согласия мать юноши приходила к девушке и надевала ей серебряные кольца и браслет (ПМА 2: Магомедшерифова), после чего девушка считалась сговоренной. Этот обычай сохранился с XIX в., однако если в старые времена дарили украшения из серебра, теперь принято дарить золотые вещи (Ризаханова 1988: 75). У народов Южного Дагестана существовал обычай,

когда подарки невесте вместе с девичьим приданым выставлялись на всеобщее обозрение, их развешивали на веревках около дома невесты. В день, когда невесте и ее родственникам дарят подарки, стороны также договариваются о размерах и составе приданого, о сумме «выкупных» за невесту и калыма. Обговаривался также вопрос о выплате стороне невесты стороной жениха калыма (выкупа). В состав калыма входила верхняя одежда, надеваемая невестой в день свадьбы, постельные принадлежности и другое имущество. Все это считалось собственностью невесты, однако отбиралось у неё в случае, если она впоследствии оставляла мужа по собственному желанию. Тогда же назначаются дни свадьбы.

В современном предсвадебном цикле свадебный дарообмен также присутствует. Поскольку заключение брака требует значительных материальных затрат, средства на выплату калыма и на приданое начинают собирать с рождения ребенка. Для девочки приготавливают хозяйственные принадлежности, ткани, украшения. Чтобы достойно провести обряд помолвки, родители юноши должны обеспечить пышное застолье. К этому времени они обязаны подготовить отдельное жилье для молодых, подарки и деньги для калыма родителям невесты. Размеры калыма и приданого не зафиксированы: в каждом случае стороны договариваются согласно своему положению в обществе и благосостоянию. При этом даже небогатые семьи стремятся показать свою щедрость (Курбанов 1974: 358).

В общественном мнении утвердилось точка зрения, что калым – это исконная дагестанская традиция. Во время опросов я интересовался у респондентов их мнением о генезисе этой традиции и функциональности калыма в современных условиях.

«Дело в том, что калым был подарком жениха своей невесте, сделанным им своими руками. Этим подарком жених показывал, что он состоявшийся человек, умеет что-то делать, способен трудиться и стать главой семьи. Это было кольцо, амулет или ваза, сделанные его руками, либо что-то иное, в зависимости от того, из какого района был жених, и какие там были ремесла. Пример: жители аула Ихрек были хорошими каменщиками, а жители Джилихура – лудильщиками, в этом ремесле и показывалось искусство жениха», – говорит Замина Гасилова (ПИМА 2: Гасилова). Калым появился как явление во времена, когда еще главенствовало натуральное хозяйство и люди занимались традиционными ремеслами. Естественно, тогда он был актуален. «Нынешняя инфантильная молодежь сама ничего не умеет делать и за счет родителей обеспечивает калым невесте, и это не тот традиционный калым, это абсолютно изменённая, нынешняя формула», – считает большинство информантов.

Опрос молодых людей в возрасте 18-25 лет, проведенный в соцсетях, выявил преобладающие мнения. Был задан вопрос: «Необходим ли калым сейчас?». Типичными были следующие ответы: «Мне кажется, реконструировать прошлое не имеет смысла, уже мало кто занимается ремеслами, тем более жители городов. Девушке будет приятно получить подарки, но это не должен быть подарок, сделанный за счет взятых в долг денег, а именно по способностям семьи. Это нужно, особенно в селах, чтобы никто не ощущал себя неполноценным»; «Если подарок сделан своими руками, то хорошо, это память и свидетельство того, что парень трудоспособен, то есть умеет что-то делать. А если говорить о калыме в современное время, когда это тысячи и миллионы рублей, очевидно, что это деньги родителей и демонстрация состоятельности именно родителей, нежели будущего мужа».

Но, с другой стороны, считается, что деньги, украшения и подарки, подаренные девушке перед свадьбой, могут служить ей некой “подушкой безопасности” в случае развода. «Если какие-то вещи, подаренные невесте до брака, при разводе остаются ей, то в них есть соответствующий смысл и такая традиция обоснована. Но если эти вещи у нее отбираются, то такая традиция обретает комическую составляющую. Вопрос с размером калыма в нынешних условиях сложно регулируем, впрочем, хотя сейчас в Дагестане предпринимаются попытки его ограничения, большинство молодежи считает, что это уже хорошо» (ПМА 3: Семедова).

Между тем, свадьба и сватовство – *Дават зе Ибьтыр* – еще одна возможность или вынужденная необходимость для дагестанцев наглядно продемонстрировать свое экономическое благосостояние, успешность, а иногда – настоящую роскошь. Время от времени умы, души и мессенджеры простых дагестанцев попадают во власть вихря фотографий и видеозаписей со сватовства детей бюрократов и просто состоятельных родителей, где избранницам дарят букеты из сотен роз, корзины с иностранной валютой, чак-чак, украшенный золотыми монетами, коллекцию шуб и одежду общемировых дизайнерских брендов. При виде такого роскошных свадеб у многих жителей республики возникает стремление сделать и своим детям так же.

Комплект золотых украшений, меховая шуба, айфон самой последней модели, гардероб с парфюмерией, дорогими конфетами, фруктами, цветами и изощренными кондитерскими композициями в придачу сейчас составляют среднестатистический перечень обязательных презентов дагестанской невесте. Отличаться может лишь вид меха (шикарный соболь в пол или норковый полушубок), караты бриллиантовых камней и граммы золота, но железное правило для многих дагестанских семей одно – калым или вышеупомянутый «чемодан», как его называют, невесте необходимо преподнести.

Автор статьи решил обратиться к дагестанцам в социальной сети *ВКонтакте* с просьбой рассказать, какую сумму денег в их сельских общинах, семьях и среди родственников принято давать невесте. Приведу некоторые ответы: «Бывает – 500 000 и 1 000 000 рублей, кто очень состоятельный»; «150–250 тысяч в среднем» (ПМА 3: Абдуллаев); «Дают 150–250. 250 тыс. давал сам. Но нельзя давать круглую сумму, кратную 10» (ПМА 3: Халилов Халил); «Около 50 тысяч. Больше этого запретили на собрание села, и этого придерживаются все» (ПМА 3: Ахмедов Беслан); «Я платил махр – 50 тысяч и по желанию, и на усмотрение родителей жениха что-нибудь из золотых изделий» (ПМА 3: Джумаев Мадрид).

Впрочем, какой-то определенной ставки или тарифа, общего для всех регионов и селений Южного Дагестана, не существует. «У табасаранцев как минимум 150–200 тысяч, доходит до 500 тыс.» (ПМА 3: Мирзоев); «Я считаю, что давать семья жениха должна столько, сколько может. Я стремлюсь повлиять на родителей. Чтобы не просили калыма», – указала свою принципиальную позицию Джамиля Семедова (ПМА 3: Семедова). Как правило, в настоящее время у лезгин калым включает обеспечение молодых собственным жильем, обставленные мебелью спальню и кухню, сервизы, шубу, несколько чемоданов одежды, комплекты бриллиантов и золота, определенную сумму денег. Будущей невестке требовалось целиком обставить зал, принести с собой домашнюю утварь, занавески, ковры. Цена вещей из приданого может существенно различаться, главное, чтобы был такой «комплект» (ПМА 3: Дарманаева). Судя по комментариям интернет-пользователей, у дагестанцев все же есть приблизительная

неофициальная ставка 100-250 тыс. руб. Но, как подчёркивают многие, главное для молодоженов – обоюдная любовь и стремление создать семью.

Следующим элементом предсвадебного цикла было обручение. Оно носило характер церемониального акта оповещения родственников, близких, всех односельчан о желании двух семей породниться, поэтому приглашались не только родственники, но и многие односельчане. После проведения этого обряда отказаться от брака без весомых на то причин не могла ни одна из сторон. Временами обручение проходило и в более узком кругу. Церемония обручения зависела от экономического положения семьи. Существовали и некоторые причины отсрочки брака, например, недавняя гибель родственника, тяжелая болезнь близкого и т.д. В этот период представители жениха ходили в дом невесты с подарками, иногда их сопровождали близкие родственники. Безусловно, у каждого народа и в каждом населенном пункте число и значимость подарков не были одинаковыми. У лезгин иногда подарки жениха и приданное невесты выставлялись и вывешивалось, как уже было сказано, на веревках во дворе невесты для всеобщего обозрения и оценки. На обручение традиционно приносили кольцо, платок. Так, в некоторых селениях на следующее утро после обручения (*йишиб тибдыкан*) подружки или двоюродные сестры невесты ходили за водой, надев платок, кольцо, принесенные сватами. Этим, во-первых, общество оповещалось о предстоящем событии громким пением женщин свадебных песен, а во-вторых, односельчанам демонстрировались подарки (Пчелинцева 1979: 105–110).

По традиции, после сватовства молодым людям давали возможность пообщаться друг с другом. Принято, чтобы жених со своими друзьями приходил в дом «как будто бы тайком». Вначале молодых наедине не оставляли. В доме невесты на этот случай обычно оставались только женщины – сестры, жены старших братьев, реже – мать невесты. Визит жениха не означал, что он непременно сможет поговорить и увидеться с невестой. Только после неоднократных визитов ему удавалось остаться с будущей женой наедине. Жених и его друзья приходили к избраннице с подарками и перед уходом в свою очередь получали подарки от нее. Обычай посещения женихом невесты приобретал определенное воспитательное значение, так как встречи были подчинены при этом суровым правилам и общепринятому этикету. Таким образом, можно сделать вывод, что предсвадебным обрядам придавалась большое значение. Начинался этот цикл выбором невесты, потом сватовством, и завершался непосредственными приготовлениями к свадьбе (Смирнова 1980: 98).

Сейчас в аулах Южного Дагестана принято советоваться с муллой по поводу заключения брака в соответствии с нормами ислама. Так, мулла аула Ихрек Исмаилов М. учит: «В исламе есть обязательства мужа перед женой после заключения исламского брака. Он обязан ей дать жилье (оно может быть временным), обеспечение пропитанием и сезонную одежду. В исламе есть только два сезона: зимний и летний. Естественно, муж должен обеспечить жену зимней и летней одеждой. Поэтому речи об осенней и весенней обуви не идет» (ПМА 2: Магомедшерифова). «Что мы даем невесте в Дагестане во время сватовства – “чемодан”, калым, кольцо одеваем – все это второстепенные вещи, которые ислам не запрещает, но и требовать тоже нельзя», – подчеркивает Фаина Исламова (ПМА 3: Исламова). Официальное мусульманское оформление брака выглядит более скромным, чем традиционная свадьба. Однако к началу XX в. даже на западе Северного Кавказа, где ислам укоренился позднее и слабее, чем на востоке, уже всегда совершалось обычное для мусульман оформление брака муллой (*нечех, неках*)

с участием двух свидетелей (векил) и составление им брачного контракта (*кебин-хак*). При браке по сговору это обычно делалось в доме родителей невесты, при браке похищением – в доме, где находилась похищенная (Смирнова 1983: 64).

Многие обычаи в сознании людей объясняются с точки зрения мусульманской религии. Это способствует сохранению таких традиций. Любой мужчина, имел право сказать: «Она мне пока не является женой. Когда я сделаю *никях*, и буду ей законным мужем по исламу, вот тогда я буду ее полностью обеспечивать, одевать, кормить, дарить дорогие подарки». Но будущий муж также все, что обязан был дать жене в последующем, мог предоставить ей и заранее. Ислам это тоже подразумевает. «Это как обязательное выполнение столпа у мусульман – выплатить *закят*. Его можно выплатить наперед. Это было право человека», – разъяснила суть этого обычая Расият Баламова (ПМА 3: Баламова).

Говоря о новациях в современной жизни народов Южного Дагестана, следует отметить ослабление эндогамных запретов. Сейчас молодые люди не всегда их придерживаются, хотя и стараются соблюдать. Такая тенденция стала преобладать в самое последнее время, начиная с 2010-х годов. Одной из главных причин этого является стремление сохранить теплые отношения между породнившимися семьями после того, как брак распадается. Сейчас молодые люди отдают предпочтение неродственным бракам, а нередко и межнациональным. Инициаторами таких браков зачастую выступают мужчины (ПМА 1: Хайирбеков). Так, самыми распространенными межнациональными браками являются союзы между лезгинами, табасаранцами и агулами. Во многих аулах Южного Дагестана есть такие смешанные семьи. В большинстве случаев будущие супруги познакомились во время обучения, живя в одном городе, на работе, или же во время отдыха. Характерно, что межнациональные браки заключаются между молодыми людьми одинакового образовательного уровня. Тем не менее и в настоящее время большинство браков создается в Дагестане между представителями одной национальности. Такой выбор наши информанты объясняют стремлением сохранить обычаи и традиции своего народа, которые передаются из поколения в поколение (ПМА 1: Агамова). В Дагестане кровнородственным связям, как в старину, так и сейчас, уделяется большое внимание.

Таким образом, можно сказать, что в наше время в традиционной культуре, в том числе, обрядовой жизни народов Южного Дагестана произошли и продолжают происходить существенные изменения, которые коснулись и свадебных обрядов. Можем сделать вывод о том, что современные предсвадебный цикл народов Южного Дагестан сохраняют черты традиционного сватовства, но появляются и новые элементы, к которым относится свободный выбор супругов, увеличение брачного возраста, отсутствие браков среди несовершеннолетних, постепенное исчезновение обычая избегания, обычая выставлять подарки и приданое невесты на всеобщее обозрение, а также предпринимаемые попытки регулирования размера калыма. Процессы глобализации и развитие рыночной экономики способствуют тому, что сословное происхождение при заключении браков, которое имело место еще в советский период, уже не играет такой роли, как материальное благосостояние семьи. Вышеназванные факторы определяют в настоящее время и принятый у дагестанцев комплект подарков невесте – айфон последней модели, модные вещи, являющиеся элементами престижа. Постепенно уменьшается число эндогамных браков, нередко стали даже межнациональные браки.

Источники и материалы

- ПМА 1 – Полевые материалы автора: Джумаева Д.И. Экспедиция в Рутульский район в Дагестан. Июль 2019 г. (Информанты – Агамова Фатима 1963 г.р.; Гасанова Истарай 1979 г.р.; Хайирбеков Гасан. 1974 г.р.; Абдулсаламова Тамила 1989 г.р.).
- ПМА 2– Полевые материалы автора: Джумаева Д.И. Экспедиция в Рутульский район в Дагестан. Август 2019 г. (Информанты – Магомедшерифова Индира 1967 г.р.; Ибрагимов Нур 1977 г.р.; Магомедшерифова Гюльничак 1976. г.р.; Гасилова Замина 1962. г.р.).
- ПМА 3 – Полевые материалы автора: Джумаева Д.И. Список информантов в соопросе в социальных сетях: VK/Instagram. Октябрь 2019 г. (информанты- Абдуллаев Руслан; Халилов Халил; Ахмедов Беслан ; Мадрид Джумаев; Мирзоев Тимур; Семедова Джамия; Дарманаева Элина; Исламова Фаина; Баламова Расият).

Научная литература

- Агаширинова С.С.* Свадебные обряды лезгин XIX – начале XX вв. // Ученые записки ИИЯЛ Дагестанской АН. Махачкала: ИИЯЛ, 1978. С. 304.
- Алимова Б.М.* Брак и свадебные обычаи сельского населения Дагестана // Материалы сессии, посвященной итогам полевых исследований института ИИЯЛ в 1986–87 гг. Махачкала: Дагестанской ФАН СССР, 1988.
- Булатов А.Г.* Рутульцы в XIX–XX вв. Историко-этнографическое исследование. М.: ИЭА РАН, 2003.
- Булатов А.О.* Пережитки домонотеистических верований народов Дагестана в XIX–нач. XIX–XX вв. // Этнографическое обозрение. 1990. № 3. С. 146–154.
- Гаджиева С.Ш.* Семья и брак у народов Дагестана в XIX–начале XX в. М.: Наука, 1985.
- Курбанов К.* Брак и свадебные обряды цахуров XIX–XX вв. // Вопросы истории и этнографии Дагестана. Вып. V. Махачкала: ДГУ, 1974. С. 153–157.
- Мусаев Г.* Рутулы (XIX–начало XX в.): Историко-этнографическое исследование. Махачкала: Юпитер, 1997.
- Пчелинцева Н.Д.* Современная рутульская свадьба // Полевые исследования Института этнографии АН СССР. 1977. М.: Наука, 1979. С. 105–110.
- Ризаханова М.Ш.* Брак и свадебная обрядность лезгин (традиции и новации) // Брак и свадебные обычаи народов современного Дагестана / отв. ред. М.А. Агаларов. Махачкала: ИИЯЛ, 1988. С. 34–37.
- Ризиханова М.Ш.* Лезгини. XIX–начало XX в. Историко-этнографическое исследование. Махачкала: Эпоха, 2005.
- Смирнова Я.С.* Семья и семейный быт народов Северного Кавказа: Вторая половина XIX–XX в. М.: Наука, 1983.
- Смирнова Я.С.* Свадебный дарообмен у народов Северного Кавказа и его современная модификация // Советская этнография. 1980. №1. С. 98–104.

*Dzumayev, Denis I.**

Pre-wedding rituals among the Lesgin peoples of Dagestan: preservation of traditions and modern innovations

DOI: 10.33876/2311-0546/2020-52-4/199-209

The article is devoted to changes in traditional pre-wedding rituals, considers new trends and innovations in modern weddings, emphasizes the role of globalization in displacement of traditional rituals, reveals the features of everyday life and culture of the peoples of South Dagestan – Rutulians, Aguls, Tsakhurs, Lezghins, Tabasarans. Although modern traditions and wedding ceremonies are similar among many peoples living in Dagestan and

the entire North Caucasus, the ceremonies of the above-mentioned peoples have a number of distinctive features and details. A comparison of traditional and modern weddings reveals the most stable features of ethnic culture.

Key words: *peoples of South Dagestan, modern wedding, wedding ceremony, custom, family, modern trends, kalym*

* **Dzumayev, Denis I.** – PHD-student, Institute of Humamity of the North Caucasus State University (Stavropol, Russia). E-mail: den061094@gmail.com

References

- Agashirinova, S.S. 1978. Svadebnye obriady lezgin XIX nach. XX vv [Lezgin wedding ceremonies of the XIX – early XX centuries] In: *Ucheniye zapiski Instituta istoriyi, yazika i literaturi Dagestanskoy AN* [Scientific notes of the Institute of history, language and literature of the Dagestan Academy of Sciences]. Makhachkala: IYAL.
- Alimova, B.M. 1988. Brak i svadebnye obychai sel'skogo naseleniia Dagestana [Marriage and wedding customs of the rural population of Dagestan] In: *Materialy sessii, posviashchennoi itogam polevykh issledovaniy instituta Instituta istoriyi, yazika i literature. 1986–87 gg.* [Materials of the session devoted to the results of field research] Makhachkala: Dagestan FAN SSSR.
- Bulatova, A.G. 2003. *Rutul'sy v XIX–XX vv. Istoriko-etnograficheskoe issledovanie* [Rutul'sy in XIX–XX century. Historical and ethnographic research]. Moscow.
- Bulatov, A.O. 1990. Perezhitki domonoteisticheskikh verovaniy narodov Dagestana v XIX – nachale XIX–XX vv. [Remnants of pre-monotheistic beliefs of the peoples of Dagestan in the XIX – early XIX–XX centuries]. *Etnograficheskoe obozrenie* 3: 146–154.
- Gadzhieva, S.Sh. 1985. *Sem'ia i brak u narodov Dagestana v XIX – nachale XX v.* [Family and Marriage of the Dagestan People in XIX – early XX centuries] Moscow: Nauka.
- Kurbanov, K. 1974. Brak i svadebnye obriady tsakhurov XIX–XX vv. [Marriage and Wedding Ceremonies of the Tsakhur People in XIX–XX century] In *Voprosy istorii i etnografii narodov Dagestana* [Questions of History and Ethnography of Dagestan]. Vol. V: 153–157. Makhachkala: Dagestan State University.
- Musaev, G. 1997. *Rutuly (XIX nachalo XX v.): Istoriko-etnograficheskoe issledovanie* [Rutuls (XIX–early XX centuries). Historical and Ethnographical Reserch]. Makhachkala: Iupiter.
- Pchelintseva, N.D. 1979. Sovremennaia rutul'skaia svad'ba [Modern Wedding of Rutul People] In: *Polevye issledovaniia Instituta etnografii AN SSSR. 1977* [Field Research of the Institute of Ethnography USSR Academy of Sciences. 1977], 105–110. Moscow: Nauka
- Rizakhanova, M.Sh. 1988. Brak i svadebnaia obriadnost' lezgin (traditsii i novatsii) [Marriage and Wedding Ceremonies of the Lezgin People (Traditions and Innovations)]. In *Brak i svadebnye obychai narodov sovremennogo Dagestana* [Marriage and Wedding Ceremonies of the Modern Dagestan People], edited by M.A. Agalarov, 34–37. Makhachkala: Institute of history, language, and literature of the Dagestan Academy of Sciences7.
- Rizikhanova, M.Sh. 2005. *Lezginy. XIX–nachalo XX v. Istoriko-etnograficheskoe issledovanie* [Lezgin People. XIX–early XX centuries]. Makhachkala: Epokha.
- Smirnova, Ia.S. 1983. *Sem'ia i semeinyi byt narodov Severnogo Kavkaza: Vtoraia polovina XIX–XX v.* [Family and Family Life of the People in North Caucasus: second part of XIX–XX centuries]. Moscow: Nauka.
- Smirnova, Ia.S. 1980. Svadebnyi daroobmen u narodov Severnogo Kavkaza i ego sovremennaia modifikatsiia [Wedding Gift Exchange and its Modern Modification]. *Sovetskaya etnografiya* 1: 98–104.

© М.Ю. Донежук

УВАЖЕНИЕ СТАРШИХ У АДЫГОВ: ВОЗНИКНОВЕНИЕ И ТРАНСФОРМАЦИЯ ТРАДИЦИИ*

В статье рассматривается укоренившийся в адыгском обществе комплекс норм и правил поведения по отношению к людям старшего возраста. Целью исследования является определение мотивов возникновения социального института уважения старших и причин его трансформации, а также изучение динамики развития традиции с момента зарождения до наших дней. Поскольку автор видит истоки института не только в причинах нравственного характера, но и в тесной взаимосвязи появления установок почитания старших с хозяйственно-экономическими устоями общества, в работе предпринята попытка отследить изменения, произошедшие в материальной базе адыгов за последние 200 лет, и определить степень влияния на нормы проявления уважительного отношения к старшим процессов урбанизации адыгского общества. Автор приходит к следующим выводам: адыги вплоть до второй половины XIX века жили в основном за счет многоотраслевого натурального хозяйства, что ставило семьи перед необходимостью иметь в доме много рабочих рук. В условиях сложного хозяйствования, а также земельного права, которое полностью находилось в руках старшего в семье мужчины, складывались предпосылки для появления института уважения старших. Последовавшее за окончанием Кавказской войны вовлечение в российскую экономику, а позже Октябрьская революция, изменившие принципы земельного права, ограничили власть адыгского «большака». Процессы урбанизации, в которые адыги начали массово включаться в конце XX века, привели к трансформации некоторых традиционных правил внешних проявлений уважительного отношения к старшим.

Ключевые слова: адыги, черкесы, уважение старших, хабзэ.

В последние десятилетия, в условиях постоянно меняющегося мира, усложнения жизни и связанных с этим социальных и нравственных потрясений многие незыблемые традиционные устои общества заметно пошатнулись. Россия, а соответственно и населяющие ее народы окунулись в водоворот событий конца 1980-х и начала 1990-ых гг., не остались в стороне и адыги. Всплеск национального самосознания, который был спровоцирован «парадом суверенитетов», получение республиканского статуса Адыгейской автономией, массовое возвращение соотечественников, волею судьбы оказавшихся за пределами Родины в лихие годы середины XIX века, вступили в противоречие с резко меняющейся действительностью и процессами глобализации общества. Получение нового статуса, возможность сохранения самобытности, в т.ч.

Донежук Мурат Юсуфович – аспирант, стажер-исследователь, Институт этнологии и антропологии РАН (119991 Москва, Ленинский просп., 32а). Эл. почта: donmur@iea.ras.ru.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ грант «19-09-00482 А»

защиты языка и традиций в соответствии со своей Конституцией и многие другие аспекты сулили возможность укрепления национального самосознания. Но крушение обыденной жизни, изменение материальной базы, внутри которой сохранялись вековые обычаи и нормы жизни, замена традиционных институтов на институты государственные, привели к невозможности реализации выработанного многими поколениями потенциала. Постоянно растущее давление современности, привело к определенному пересмотру некоторых положений в институте уважения старших.

В рамках этой статьи, мы рассматриваем уважение старших как социальный институт. Для определения понятия «уважение», мы используем трактовку И.С. Кона: «Уважение – одно из важнейших требований нравственности, подразумевающее такое отношение к людям, в котором практически (в соответствующих действиях, мотивах, а также в социальных условиях жизни общества) признается достоинство личности» (Кон 1981: 353). Также, Кон указывает, что составной частью уважения является чуткость, вежливость, внимательное отношение к убеждениям и стремлениям, а вместе с тем деликатность и скромность (Там же). Тем самым, под словосочетанием «уважение старших», мы подразумеваем вежливое, внимательное, деликатное отношение к людям старшим по возрасту, проявляющееся не только в заверениях, но и подтверждающееся реальными действиями, которое поощряется обществом и воспринимается нравственным. Под определением социальный институт, мы подразумеваем «исторически сложившиеся, устойчивые формы организации совместной деятельности», в рамках которой «осуществляется социализация индивидов, обеспечивается преемственность в использовании культурных ценностей, передаче навыков и норм социального поведения» (Гвишиани, Латина 1989: 89). Т.е., для нас, институт уважения старших – это форма общественного взаимодействия, поощряющая вежливое, внимательное, деликатное отношение к старшим по возрасту представителям социума, осуществляющая меры по преемственной передаче этих установок.

Целью этого исследования является изучение причин трансформации института уважения старших у адыгов. Для достижения цели были поставлены следующие задачи: 1. определение изменений материального базиса адыгов, являющегося, на наш взгляд, одной из важных основ института уважения старших; 2. изучение картины, отображающей то, как выглядело уважение старших у адыгов; 3. рассмотрение влияния на этот институт урбанизации адыгов.

Важность исследования функционирования института уважения старших в современных реалиях обусловлена углубляющимся кризисом национального самосознания, которое в значительной степени утратило целостное представление о нормах, принципах нравственности и человечности. Поэтому, важно изучить, как формировалось почтение старших у адыгов. Выявив процесс выстраивания подобных отношений, можно будет проследить как изменился этот институт в наши дни.

Тема «уважения старших» или «института уважения старших» в первую очередь рассматривается в научных трудах с точки зрения педагогики, в то время как в исторических науках упоминается только в контексте института семьи. Так, Б.Х. Бгажников являющийся автором книги «Социальная организация семьи», в которой анализируется структура, организация и представления о семье у адыгов, не останавливается в своей работе на теме уважения старших, как отдельном предмете исследования. В монографии «Основания гуманистической этнологии» Бгажников также рассматривает уважение старших в контексте семьи. М.А. Меретуков в монографии «Семья и брак

у адыгских народов (XIX – 70-ые годы XX в.)» уделяет вопросу уважения старших не очень много внимания, включая его в комплекс семейных отношений в адыгском обществе. Э.Л. Коджесау, сделав акцент на патронимической структуре семьи, отметил, что власть и полномочия у главы семьи, обычно старшего в роду, весьма обширны. Также он отследил важную роль старшей женщины в адыгской семье (Коджесау 1962: 115–120). Очень интересной для нашей темы оказалась монография А.С. Марзей «Черкесское наездничество – «Зекгуэ» (Из истории военного быта черкесов в XVIII – первой половине XIX в.)», в которой рассматривается организация военных походов адыгов. В этом контексте исследователь упоминает и показывает, что даже на войне невозможно было отказаться от разделения общества по старшинству. Также мы можем отнести к полезной для нас историографии статьи, содержащие этнографические, тесно переплетенные с вопросом социального устройства данные. Так, автор работы «Кавказ: Адаты горских народов», рассказывая об устройстве народов Кавказа и основываясь на разных донесениях чиновников, упоминает и то, как адыги внимательны и уважительны к старикам. При этом, наличие информации по другим народам Северного Кавказа, позволяет сравнить во многом похожие установки, которые тем не менее, имеют достаточно серьезные различия. Особо хотелось бы выделить труды Султан Хан-Гирея, которые были объединены в книге «Султан Хан-Гирей: Избранные труды и документы». Хан-Гирей, проживавший среди адыгов с самого рождения и получивший хорошее образование, стал одним из тех выходцев адыгской знати, кому посчастливилось попасть в ряды Лейб-Гвардии Кавказско-Горского полускадрона его Императорского Величества. В своих трудах, он проанализировал многие аспекты жизни адыгов в первой половине XIX века. Он также затронул вопрос уважения старших и что особенно интересно, дал критику аталычества, как института, который за счет своих внутренних противоречий приводит к грызне между родными братьями и прививает ребенку большую любовь к аталыку (воспитателю), нежели к родителям.

С самого начала стоит разобраться, в чем заключается необходимость такого поведенческого комплекса, как «уважение старших». Важное место в этой связи занимают методы производства и восполнения материальных благ, таких как пища, одежда, жилье, орудия труда. На наш взгляд, натуральное хозяйство и уровень развития средств производства привели к образованию социальных институтов, одним из которых является уважение старших. Земли, населенные адыгами, левый берег реки Кубань, изобилующий плодородной почвой, удобной для организации пастбищ и пашень благоприятны для разведения крупного и мелкого рогатого скота, а также активного земледелия. «Мелкая вспашка земли, боронование полей перед севом, огораживание участков лесополосами, применение органических удобрений, мелиорирование, нивелировка местности, террасирование горных склонов, севооборот – таков неполный перечень агротехнических приемов, которыми в совершенстве владел горский крестьянин» (Шеуджен 1989: 31). Эти методы хозяйствования способствовали разделению труда в больших адыгских семьях, что позволяло возделывать обширные участки земли, освобождать от лесных массивов землю под пашни, заготавливать дрова и заниматься отгонным скотоводством. О необходимости больших семей в тех условиях упоминают З.А. Цеева и М.Н. Губжоков: «Главной причиной сохранения большой семьи являлось господство натурального хозяйства, в условиях которого многоотраслевая деятельность была возможна только в рамках крупных семейных общин» (Цеева, Губжоков 2017: 181). Показателен пример

русских переселенцев, которые в XIX в. в поисках «лучшей доли» отправились на теряющие своих хозяев земли Северного Кавказа. Как отмечают Л.Б. Заседателова и А.Е. Солдатова, одной из причин образования больших семей в среде русских переселенцев (которые впрочем сами переселялись из регионов где «процветали большие патриархальные семьи»), стало наличие обширной территории, пригодной для пашень и пастбищ, где требовалось много рабочих рук (Алгоритмы 2018: 379).

Показательно определенное сходство структуры славянской семьи с адыгской. М.Н. Покровский в книге «Русская история» описывал славянскую семью следующим образом: «Руководство всея семейным хозяйством и военная дисциплина, необходимая для обороны этого хозяйства, дают в его руки (отца – прим. М.Д.) громадную власть... О сопротивлении домовладыке не может быть и речи: господин-отец — самодержец в широчайшем значении этого слова. Он распоряжается всеми членами семьи, как своею собственностью. *Он может убить или продать сына или дочь, как продают свинью или козу*» (Покровский. 1922: 22). В устройстве адыгской семьи можно заметить те же устои и правила поведения: «Дети состоят в безусловном повиновении родителей своих, и воля отца есть для них непреложный закон, пока не достигнут совершеннолетия... Сын выполняет в точности приказания отца и не может сопротивляться оным; за неисполнение же оных отец имеет полное право поступать с ним по своему произволу» (Кавказ: Адаты 2010: 91).

Подобные сходства свойственны патронимической структуре семьи, которые могут существовать невзирая на разницу во времени, а отталкиваясь лишь от конкретного уровня общественно-хозяйственных отношений (Косвен 1963: 98). Интересно, что схожесть проявляется даже в значениях слов, которыми обозначались патронимии у славян и адыгов. Так, славянское слово *вервь* происходило от «вязать», а адыгское *хьабль*, обозначающее хозяйственное объединение родственников и имеет в корне слово *блэ* «заплетать». В обоих случаях основной мотив родственного узла является центральным (Бгажноков 2010: 59).

Но пример Покровского не случаен еще и потому, что адыгская семья на протяжении длительного периода времени являлась еще и военно-политическим образованием. Существование в условиях отсутствия центральной власти и государственного института наказания, заставляло семью заниматься вопросом обороны.

Эффективным способом упрочнения власти и консолидации сил вокруг главы семьи, стал земельный вопрос. Так, контролируя производительные силы и являясь собственником земли, отец мог препятствовать оттоку из дома членов семьи, а также концентрировать их на определенном фронте работы: «Никто из сыновей, достигнув совершеннолетия при жизни отца, не имеет права требовать выдела себе части имения, а большей частью все живут вместе с отцом, хотя и вступят в брак; по смерти же его разделяются оным, как сказано выше» (Кавказ: Адаты 2010: 91). Можно провести сравнение с чеченскими адатами, которые также касаются имущественного вопроса в семье. Отец в чеченской семье является представителем высшей власти, но, тем не менее, до определенного срока: «На домашнее имущество отец и сыновья имеют равное право, и последние могут заставить первого, когда им вздумается, делиться с ними, и по адату предоставляется им одинаковая доля с отцом» (Кавказ: Адаты 2010: 228). Но несмотря на то, что в чеченской семье, как и в адыгской, отец является носителем власти, она ограничивается возрастом детей, которые после достижения совершеннолетия становятся независимыми. В адыгской же семье отец

имеет исключительные права собственности вплоть до своей смерти, тем самым сосредотачивая неограниченную власть в своих руках.

Здесь стоит вернуться к теме патронимии в рамках земельного и производственного вопросов. Будучи основанной на принципах родовой связи, патронимия выполняла роль защитную, отвечала за вопросы воспитания детей и в немалой степени занималась хозяйственным регулированием. Так, патронимия у адыгов основывалась на близости семей, имевших общего предка, от имени которого образовывалось патронимическое название за счет прибавления окончания «кьо», что означало «сын»: Шумафькьо – Сын Шумафа; Болэтыкьо – Сын Болэта. Как отмечает Э.Л. Коджесау, такие родственные структуры имели общую хозяйственную базу, семьи из одной патронимии селились компактно, образовывая целые кварталы. В порядке вещей были общие орудия труда, скот, загоны, печи. Не считалось зазорным использовать плуг или прочие орудия труда члена патронимии, наоборот, отказ в предоставлении помощи, оценивался как оскорбление (*Коджесау* 1962: 117). Следовательно, мы можем говорить, что мужчина сосредотачивал вокруг себя родственников (детей) за счет своей земельной собственности. Благодаря земле он получал рычаги воздействия, которые обуславливали его полное господство над домочадцами.

Роль регулирования и управления в патронимии занимал самый старший в роду мужчина: «Во главе патронимии стоял старшина, который давал советы, распоряжения по всем вопросам, касающимся патронимии в целом. Чаще его выбирали из семьи, которая считалась первопоселенцами и из которой происходил предок патронимии. Если же в такой семье не было подходящего кандидата, старшину выбирали из другой семьи, наиболее близкой к семье первопоселенцев. Главой патронимии, таким образом, был обязательно старейший, который назывался своим личным именем, без прибавлений патронимического, и в конце концов становился со временем основоположником одной из вновь образующихся патронимий» (Там же). Практически во всех сферах материальной деятельности, будь то скотоводство, земледелие, садоводство и т.д., руководящую роль играло более опытное старшее поколение (*Меретуков* 1987: 50). Правило, что старейший в роду становился главой патронимии, распространялось в том числе и на дворян. Так, в романе «Черкесские предания» есть упоминание, что старший в роду князь становился «князем-старшиной». Такой титул давал большую власть, но только, если последний мог в полной мере использовать все полученные выгоды (*Султан Хан-Гирей* 2009: 321).

Правило старшинства не обходило и старшую женщину в роду – «гуацэ», которая становилась носителем власти в женской части патронимии и главным хранителем традиций и обрядов. Именно ей отводилась роль члена семьи, который первым зажжет огонь в очаге нового дома. Гуацэ не была ограничена жесткими рамками субординации, а потому могла проще и свободнее общаться с подчиненной ей частью рода (*Бгажноков* 2003: 228). Особенностью данной системы являлось не только личное уважение и исполнение воли старшего или старшей в роду, но также почтительное уважение к старшей семье в целом, дом которой становился местом собрания и решения важных вопросов рода.

В процессе своего развития норма «уважения старших» вышла за рамки некоего «инструмента», став самостоятельной частью культуры. В адыгском фольклоре и эпосе имеются упоминания о далеких временах, когда отношение к старшим не было таким безусловным. В народной памяти сохранилось сказание, повествующее, что в древности

адыги скидывали стариков со специальной скалы. Но один мужчина не смог решиться убить своего отца и сохранил ему жизнь. В дальнейшем мудрость и ум родителя уберегли жителей аула от голода, а прознав о том, кто давал ценные советы, адыги перестали убивать стариков и окружили последних уважением и почетом (Хум 1989: 52).

Занимательный сюжет, приводит известный нартовед А.М. Гадагатль: «Беспределен в своих правах Хасэ (Совет), выносящий смертные приговоры состарившимся, непригодным к труду и другим лицам. По решению Хасэ заочно осужденный вызывался на сборище нартов. Состарившегося нарта, не способного уже быть полезным обществу, ставили около сэнэф к1ад (бочка с вином), вручали ему ковш. Он, пронося хохы (тосты), пил за здоровье нартов. Он доходил до сильного опьянения. В таком виде его отводили в определенное место (обычно в дол) и там отсекали ему голову. В сказании о нарте Орзэмэсе повествуется о том, что таким образом нарты хотели лишиться жизни «бесполезного» Орзэмэса, но умной Сэтэнай удалось спасти его с помощью своего сына Саусырыко, которого она содержала тайно в подземном доме (ч1ыунэ) до совершеннолетия» (Гадагатль 1967: 120). Традиция отсылает нас в глубокую древность, в эпоху железа, с которой А.М. Гадагатль связывает зарождение нартского эпоса (Там же: 118–119).

Оставаясь в рамках сюжета о Саусырыко, который спас отца и тем самым положил конец убийствам стариков, стоит вспомнить о наместнике Тенгри-Хана (Бога неба) – Кагане. В тюркском мире Каган обладал абсолютной полнотой власти. Этот титул имеет глубоко уходящие в историю корни. Так, д.и.н. Т.С. Жумаганбетов приводит упоминания титула Каган, датируемые еще IV–V вв. н.э. и даже раньше (Вестник Челябинского 2008: 14). Но Каган нам важен не столько своей датировкой, а своей особенностью, которая роднит его с преданием о Саусырыко и Орзэмэсе: «В период обрушившихся бедствий убивали не простого древнего старца, а полного сил могущественного властителя, наместника Тенгри-хана (бога неба) на земле. Он обязан был представлять перед разбушевавшимися стихиями и просить, а скорее, требовать у верховного божества прекратить испытания и беды, посланные им на его народ» (Велецкая 2003). Т.е. само по себе убийство является своего рода жертвоприношением: «Итак, убийство уважаемых общиной, обществом стариков, убийство отца, идущего на смерть ради жизни, ради спасения от несчастья своей семьи, своего рода и, наконец, своего государства, как в случае с каганом, уже не кажется таким невероятным, чудовищным варварством, как это представлялось нам вначале» (Там же). Стоит сказать, что тут присутствует оговорка: могли убить не только состарившегося Кагана, но и еще молодого, полного сил монарха. Такой поворот событий зачастую был связан с особенностью назначения владыки. Перед началом властвования будущего Кагана душили, доводя его до беспомытного состояния. В этот момент задавался вопрос о том, сколько тот будет править. От названной цифры зависел срок правления, по истечению которого, даже молодого Кагана убивали (Там же). При сравнении этих двух примеров мы видим определенные параллели: в обоих случаях предполагалось убийство либо состарившегося, либо уже не способного выполнять свои функции властителя (семейного в том числе); в обоих случаях мы говорим о достаточно древних формах организации. Как в случае с нартом Орзэмэсом, который состарившись потерял прежнюю силу и авторитет на сборище нартов, так и утративший возможность защищать своих подданных Каган, являются частью представлений о «неможном человеке» ставшем обузой для общества.

Учтем, что физическая смерть в традиционном представлении адыгов как, впрочем, и у многих других народов не являлась концом жизни. После жизни земной наступало время встречи с богами и духами, тот самый момент, когда старший в семье мог заступиться за своих еще живых близких. А уважаемый в обществе человек имеет больше преимуществ в общении с богами или духами.

Итак, мы можем сделать вывод, что уважение к старшим это результат переплетения экономических факторов, основанных на праве собственности, где не последнюю роль играет и мировоззренческий комплекс. Тот самый комплекс, который в главном собственнике, т.е. в старшем, видит заступника перед богами и духами. Естественно, что по прошествии времени, эта конструкция обростала «мясом»: утверждались нормы обращения к старшему, поведение в присутствии старшего, почитание предков и многое другое.

Мы опираемся в своих выводах на сюжет о Саусырыко и Орзмэсе с определенной оговоркой. Можно согласиться с А.М. Гадагатль, что «будучи по своему типу сказочно-мифологическим, нартовский эпос не может быть признан историческим в том смысле, что главным содержанием его являются какие-либо конкретные исторические события и сюжеты. Но это не лишает, однако, нартовский эпос исторической значимости... В нем с исключительной художественной силой и правдивостью изображена историческая реальность: древний хозяйственный и общественный уклад жизни, обычаи и быт людей далекого прошлого, их психология и мировоззрение» (*Гадагатль* 1967: 28). Т.е. мы допускаем использование сюжета с нартом Саусырыко и его отцом Орзмэсом, оговаривая, что он не может быть исторически достоверным во всех деталях. Мы используем лишь центральную тему, которая описывается в текстах о спасении Орзмеса, как попытку передачи древних обычаев и нравов.

Суть правила уважения старших у адыгов отражает народная пословица: «*Кто не уважает старшего, тот сам в старости не получит уважения*» или ее вариация «*Родителям воздай свой почет – твой сын его тебе вернет*». Это нерушимый принцип, определяющий поведение человека в обществе старших, предостерегающий от нечаянных оплошностей. С самого малого возраста разграничение статуса «старшего» и «младшего» производилось особенно явно и подчеркнуто. Так, в присутствии старшего запрещалось сидеть, даже если младшему это предлагалось неоднократно: «Оба брата находятся здесь вместе со своими аталыками, или воспитателями, и похоже, здесь нет (как некоторые мне о том говорили) никакой помехи тому, чтобы они свободно входили в дом своего отца; единственное – они никогда не сидят в его присутствии и не едят, не отвернувшись» (*Бэлл* 2007: 120).

Если в комнату вошел старший, обязательно предписывалось встать. Впрочем, этот аспект касался абсолютно любого человека, о чем говорит и Дубровин: «Уважение к старшим по летам распространялось часто и на невольников, которые не исключались из этого правила» (*Дубровин* 1927: 95). Привитию подобного поведения способствовала общая обстановка в семье, которая показывала ребенку с первых дней жизни, какое отношение к друг другу царит в наименьшей ячейке общества. Воспитание дочери в мягкой обстановке, перед взором которой разворачивается картина обходительного и внимательного отношения к бабушке или дедушке со стороны родителей, как нельзя лучше воспитывало в ребенке подобные черты (См.: *Сообцокова* 2010: 163). Тем более, что непочтительное отношение или даже оскорбление старшего вне зависимости от пола, подвергалось общественному порицанию и наказанию (См.: *Бгажноков* 2003: 227).

Подобный «миру» дочки в семье, складывался и мир мальчика, правда место это не находилось в большом доме, где постоянно хлопотали с делами старшие. Уважение к старшим у мальчика воспитывалось в первую очередь в кунацкой. Кунацкая – отдельный гостевой дом, был местом сосредоточения острейших умов аула, пристанищем путешественников, где можно было подчерпнуть народной мудрости и наяву ощутить, как выстраивались отношения между младшими и старшими. Если мальчик, в чей дом пришел гость, был младшим в семье, то ему полагалось исполнять роль прислуживающего гостям. Подобная роль была весьма почетной и завидной, т.к. мальчик, стоявший около дверей, слышал все, что говорили старшие. В кунацкой обсуждались последние новости, разбирались случаи из жизни, рассказывались истории, пелись песни о подвигах героев старины и современности. Являясь местом сосредоточения знаний адыгского мира, кунацкая давала множество знаний подрастающему поколению. Даже в том случае, когда конкретная семья не имела своей кунацкой, а в ауле гостевал гость, мальчишки отправлялись к пристанищу путника.

Путешествия также являлись местом, где возрасту воздавался почет. В пути места старшего и младшего были строго регламентированы: младший располагался слева от старшего вне зависимости от того, пешее было движение или же верхом. Чтобы можно было определить старшего в партии всадников, нормы построения и движения группы в зависимости от ситуации несколько видоизменялись. Таким образом, партия разбивалась на группы по три всадника, где по центру располагался самый старший, слева от него средний по возрасту, а справа двигался самый младший. Такое построение позволяло не перестраиваться, если бы младшего отправили по поручению, ведь тогда, средний оставался слева от старшего, оставаясь готовым, помочь более опытному товарищу: «Молодые люди, по обычаю, прислуживали старикам, потому что прислуги никому иметь с собой не полагалось» (Марзей 2004: 118).

Походы имели и другой аспект, где важно уважение к старшим. Так по сведениям Султана Хан-Гирея, весной и осенью, князья собирали партии для наездничества и походов. В результате угонов скота, похищения людей добыча делилась на равные части между всеми участниками партии: «начиная со старшего летами, выбирает часть, которая ему более понравится; и таким порядком раздел добычи продолжается до самого конца. Здесь оказывается такое уважение старости и вообще возрасту, что всякий человек из партии, хотя бы он был просто повар, но старше князя летами, прежде этого последнего имеет право выбрать ту часть, которая ему понравится» (Султан Хан-Гирей 2009: 214). Естественно, что князь имел определенные права на захваченную добычу, поэтому ему отводилась определенная, неприкосновенная часть.

Особой статьей «дорожного» этикета являлось поведение всадника при встрече со старшим и не только старшим по возрасту: «Согласно этикету при встрече с почтенным старцем, с уважаемой пожилой женщиной, с признанной красавицей селения всадник непременно должен был спешиться за 20-50 метров до приближения к ним. Стоя на месте, он почтительно пропускал старших справа от себя» (Сообцокова Н.И. 2010: 127). Обращение к человеку, тем более к старшему, женщине или представителю более высокого сословия сидя на лошади, могло восприниматься как оскорбление. Тем не менее, были и исключения: «Прежде чем вступить в разговор с женщиной или старшим по возрасту или рангу мужчиной, всадник обязан был предварительно спешиться с коня или, если обстоятельства не позволяли этого, привстать на стременах» (Там же).

О разнице статуса и положения у младших и старших, очень красноречиво свидетельствует описанное в «Адатах горских народов» право наследования собственности усопшего отца: «Старший сын имеет преимущество: сверх своей части, он имеет право выбирать себе из каждого рода вещей по одной лучшей, например: одну лошадь, одного быка, одну шашку и пр. Младший сын получает одну какую-нибудь вещь, например лошадь или шашку. Средний сын получает только свою часть» (Кавказ: Адаты 2010: 104). Кроме привилегий материального плана, старший сын после смерти отца получал также и власть и уважение: «Старший брат в отношении к младшим, заступает некоторым образом место отца: пред ним без его приглашения не садятся младшие, а равно и за одним столом с ним не станут есть до тех пор, пока он их к тому не пригласит. Младший брат во всем оказывает услужливость, и где нет прислуги, там он для старшего заменяет ее» (*Султан Хан-Гирей* 2009: 250). Дубровин замечает, что младший не может проронить и слово перед старшим, будь то отец или брат (См.: *Дубровин*. 1927: 95). Тем не менее, бывали случаи, когда предпочтение отдавалось сыну, пусть не самому старшему, зато более опытному в разного рода делах (*Меретуков* 1987: 51). Следовательно, несмотря на жесткий стержень, по которому «дети находились в строгом повиновении у родителей, все их указания и распоряжения выполнялись беспрекословно, в семье соблюдался общий принцип подчинения младших старшим» (Там же: 358), бывали пусть и редкие, но все-же исключения. Хан-Гирей отмечает, что если дети бывали воспитаны аталыками, то система почтения старшинства могла давать сбои. Так, зачастую, отсутствовала привязанность родителей к детям, как и последних к родителям. А взаимоотношения братьев, воспитанных у разных аталыков, Хан-Гирей характеризует как: «друг друга не щадят, как лютейшие звери» (*Султан Хан-Гирей* 2009: 235–236).

Конечно, система «уважения старших» у адыгов не была настолько гибкой, чтобы без «утрат» пережить период мухаджирства в XIX веке. Изменение норм хозяйствования и землевладения, связанные с вхождением в государственную структуру Российской империи, затрудняли возможности для отгонного скотоводства, а также организации новых пашень за счет освобождения лесных массивов.

Дополнительные коррективы в жизнь адыгов внес XX век. После издания декрета о земле, а также коллективизации прежнее устройство семьи, основанное на старых земельных отношениях, стало «тяжеловесным». Отсутствие частной собственности на средства производства, к которым относилась в первую очередь земля, в правовом плане вырывало из рук адыгского «большака» имущественную власть над домочадцами. Для получения земельного участка достаточным было отделиться от большой семьи, благодаря чему могла отпасть необходимость в сложной структуре семьи. Так, гражданский кодекс РСФСР от 11.06.1964 года, предписывал: «Статья 130. Выдел из колхозного двора¹: При выходе одного или нескольких членов колхозного двора из его состава выдел доли в натуре производится с таким расчетом, чтобы не лишить двор необходимых для ведения его подсобного хозяйства построек, скота и сельскохозяйственного инвентаря... Право требовать выдела имущества при выходе из состава двора имеют члены двора, достигшие шестнадцати лет» (Гражданский 1964). Право на распоряжение имуществом, переданное в пользование колхозного двора, а не принадлежащее «боль-

¹ Колхозный двор – это семейно-трудовое объединение лиц, все или часть которых являются членами кол-хоза, выступающее во внешних и внутренних отношениях как единое целое. (Основы 1970: 302).

шаку», также сказалось на значимости последнего: «Статья 127. Владение, пользование и распоряжение имуществом колхозного двора: Владение, пользование и распоряжение имуществом колхозного двора осуществляется с согласия всех его членов» (Там же). Более того, начавшаяся массовая коллективизация уничтожила натуральные методы хозяйствования (См.: *Меретуков*. 1987: 111), что привело к отпадению в необходимости наличия большой семьи, как средства производства благ (Так же: 113).

Изменения в системе образования при Советской власти, а точнее появление по-настоящему массового образования, в том числе на национальных языках имело большое значение. Образование, благодаря которому новые поколения получали больше знаний, чем предыдущие, подрывали основы «незыблемости» знания старших, явившись своеобразной платой за движение вперед. Великая Отечественная война унесла жизни многих мужчин, которые были воспитаны еще «традиционной» культурой, не успев передать ее подрастающей молодежи. В 1987 году Меретуков дал следующую характеристику произошедшим изменениям: «Равным образом изменились отношения между старшим и младшим поколением семьи. Подросшие дети ведут себя с родителями и другими старшими родственниками несравненно более свободно и непринужденно. Это также понятно: исчезла частнособственническая основа родительской власти, некогда делавшая детей полностью зависимыми от главы семьи» (*Меретуков* 1987: 360).

Период с 1989 по 2002 годы стал эпохой активной урбанизации адыгов. Так, в 1989 году в городах проживало 31 841 адыгов. В это же самое время численность сельского населения составляла 63 598 человек (Всесоюзная 1989). На момент переписи 2002 года городское население практически удвоилось и насчитывало 60 053 человека. При этом сельское население не стало меньше, а наоборот увеличилось, составив 68 475 человек (Всероссийская 2010). За следующие восемь лет численность городского и сельского населения уменьшилась. Так, городское население насчитывало 56 980 человек против 60 053 человек в 2002 году, и 67 855 человек сельского населения против 68 475 в 2002-м (Всероссийская 2010). Тем не менее, за последние 10 лет можно предположить, что доля городского населения по отношению к сельскому возросла. При этом, вполне возможно, что выявить эту ситуацию будет не совсем просто, т.к. в адыгском обществе имеется тенденция переезда в города с сохранением своей аульской прописки.

Вопрос увеличения доли городского населения в рамках исследуемой темы является важным, т.к. изменение условий жизни и включение молодежи в новые отношения приводит к изменениям во всех традиционных институтах, в том числе и в институте уважения старших. Контроль аульского населения и вероятность получать репутационные санкции становятся менее значимыми. Влияет и тот фактор, что все города и поселки городского типа в Адыгее имеют пеструю национальную картину, где адыги не являются большинством. Тем самым, жесткие рамки размываются и не выдерживают в борьбе с городским ритмом жизни. Но нельзя сказать, что из-за этих условий уважение старших уменьшается. Правильней было бы говорить о переходе его в новые формы.

Например, общественный транспорт, особенно маршрутное такси, становится местом, где невозможно соблюдать правило, при котором младший не должен садиться перед старшим. Ситуация усугубляется тем, что количество людей становится просто огромным и из-за этого не всегда можно определить кто старше, а кто

младше. Но и в этой, казалось бы, патовой ситуации смогло проявиться уважение к возрасту. Так, есть негласное правило, по которому маршрутное такси делится не несколько зон: 1. пассажирские сиденья на уровне водителя, где есть отдельная, высоко расположенная дверь; 2. пассажирские сиденья в центре салона, в непосредственной близости от основной двери; 3. пассажирские сиденья в задней части салона, максимально далеко расположенные от дверей. В зоне 1 чаще всего садятся люди среднего возраста, преимущественно мужчины. Зона 2 предназначена для пожилых людей, а зона 3 – для младшего возраста. Объясняется это тем, что в зоне 1 находится два пассажирских места, и возможна ситуация, из-за которой придется попросить старшего выйти из транспорта, чтобы младший смог выйти на своей остановке. Подобное поведение по отношению к старшему считается неприличным, поэтому это место обычно оставляется для мужчин среднего возраста. Зона 2, расположенная непосредственно около двери, позволяет пожилым людям не протискиваться через ряды в самый конец салона, в то время, как это «неудобство» оставляется на откуп младшему поколению. Естественно, что смешанное население, большой приток студентов в два крупнейших ВУЗа региона и многие другие факторы не делают это поведение универсальным для всех адыгов. Но, тем не менее, оно имеет место и отвоевывает себе место под солнцем.

Подведем итог вышесказанному. Уважение старших у адыгов это целая система представлений и поведенческих норм. Зародившись на определенном уровне социальных и хозяйственных отношений, уважение старших выполняло роль хозяйственного регулятора, а также системы передачи знаний. Являясь изначально инструментом хозяйственной жизни, в последствии этот институт вышел за свои материальные рамки, превратившись в полноценного и тяжеловесного игрока в истории и социальных отношениях народа. Материальный базис (экономическая структура общества) адыгов, основанный на натуральном хозяйстве, начал стремительно меняться после вхождения в состав России. Отмена прежних сословных привилегий и резкое сокращение объемов пахотных и пашенных земель привели к ускоренному возникновению нуклеарных семей. Последовавшая за революцией 1917 года ломка «старых устоев» и создание новых экономических отношений, частью которого являлась коллективизация, окончательно уничтожила натуральные методы хозяйствования. Государственное регулирование, государственная монополия на землю и законодательные акты во многом уравнили положение членов семей. Постепенная урбанизация второй половины XX-го века и стремительный скачек 1990-ых годов, практически удвоившие число городских адыгов, напрямую сказались на институте уважения старших. Поставленные в новые условия «городского ритма» и наличия больших людских масс, уважение старших начало трансформироваться и стараться соответствовать новым жизненным реалиям. Произшедшие изменения в государственном устройстве и смена хозяйственных парадигм не поставили крест на институте уважения старших: уважение и почитание возраста остается весьма значимым ориентиром в жизни адыгов, который не утратил своей актуальности по сегодняшний день.

Источники и материалы

Бэлл 2007 – Бэлл Дж. Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837–1839 годов. Нальчик: Издательский центр Эль-Фа, 2007. Т. 1. 327 с.

- Всероссийская 2002 – Всероссийская перепись населения 2002 года. Национальный состав. Доступ: http://www.perepis2002.ru/ct/html/ТОМ_04_01.htm (дата обращения 04.03.20).
- Всероссийская 2010 – Всероссийская перепись населения 2010 года. Национальный состав и владение языками, гражданство. Доступ: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-01.pdf (дата обращения 05.03.20).
- Всесоюзная 1989 – Всесоюзная перепись населения 1989 года. Распределение городского и сельского населения областей и краев РСФСР по полу и национальности. Доступ: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_89_gs.php?reg=3 (дата обращения 04.03.20).
- Гвишиани* 1989 – Гвишиани Д.М., Лапина Н.И. (под ред.). Краткий словарь по социологии. Москва: Политиздат, 1989. 479 с.
- Гражданский 2001 – Гражданский кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 11.06.1964) (ред. от 26.11.2001). Доступ: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1838/ (дата обращения: 19.05.20).
- Губжоков 2018 – Губжоков М.Н. (сост.). Султан Хан-Гирей. Избранные труды и документы. Майкоп: ОАО Полиграф-Юг, 2018. 672 с.
- Дубровин* 1927 – Дубровин Н. Черкесы (Адыге). Краснодар: Издание общества изучения Адыгейской автономной области, 1927. 176 с.
- Кон* 1981 – Кон И.С. (под ред.). Словарь по этике. Москва: Политиздат, 1981. 430 с.
- Леонтович* 2010 – Леонтович Ф.И. Кавказ: Адамы горских народов. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2010. 384 с.
- Первушин* 1970 – Первушин А.Г. (под ред.) Основы советского права: Учебник для с.-х. вузов. Москва: Юридическая литература, 1970. 566 с.
- Хут* 1989 – Хут Ш.Х. Несказочная проза адыгов. Майкоп: Адыгейское отделение Краснодарского книжного издательства, 1989. 333 с.

Научная литература

- Бгажноков Б.Х.* Основания гуманистической этнологии. Москва: Издательство РУДН, 2003. 272 с.
- Бгажноков Б.Х.* Социальная организация семьи. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2010. 128 с.
- Велецкая Н.Н.* Языческая символика славянских архаических ритуалов. Москва: София, 2003. 237 с. <https://www.litmir.me/br/?b=29186&p=3> (дата обращения 03.03.20).
- Гадагатль А.М.* Героический эпос Нарты и его генезис. Краснодар: Краснодарское книжное издательство, 1967. 422 с.
- Жумаганбетов Т.С.* Власть Кагана в древнетюркской государственной организации // Вестник Челябинского государственного университета / отв. ред. А.Ю. Шагин. Вып. 27. 2008. Челябинск: Полиграфический участок издательского центра ЧелГУ, 2008. С. 14–19.
- Заседателова Л.Б., Солдатова А.Е.* Историко-этнографический очерк брачных и семейных традиций восточнославянского населения Северного Кавказа (XVII – нач. XX вв.) // Алгоритмы человечности. Опыт антропологического исследования / сост. и отв. ред. М.Н. Губогло. 2018 г. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2018. С. 378–385.
- Коджесау Э.Л.* Патронимия у адыгов // Советская этнография / сост. Толстов С.П., отв. ред. О.А. Корбе Вып. 2. 1962. М.: Издательство академии наук СССР, 1962. С. 115–120.
- Косвен М.О.* Семейная община и патронимия. Москва: Издательство Академии наук СССР, 1963. 219 с.
- Марзей А.С.* Черкесское наездничество – «Зеклуэ» (Из истории военного быта черкесов в XVIII – первой половине XIX в.). Нальчик: Издательский центр Эль-Фа, 2004. 302 с.
- Меретуков М.А.* Семья и брак у адыгских народов (XIX – 70-ые годы XX в.). Майкоп: Адыгейское отделение Краснодарского книжного издательства, 1987. 368 с.
- Покровский М.Н.* Русская история с древнейших времен. Москва: Государственное издательство, 1922. Т. 1. 268 с.

Сообцокова Н.И. Адыги-черкесы: люди, нравы, обычаи и традиции. Краснодар: Когорта, 2010. 352 с.

Цеева З.А., Губжоков М.Н. История и культура адыгов: учебное пособие. Майкоп: Издательство АГУ, 2017. 228 с.

Шеуджен Э.А. (под ред.) Адыгея Историко-культурный очерк. Майкоп: Адыгейское отделение Краснодарского книжного издательства, 1989. 136 с.

Donezhuk, Murat Yu. *

Respect for the elders among the Adygs: the emergence and transformation of the tradition

DOI: 10.33876/2311-0546/2020-52-4/210-223

The article discusses a set of norms and rules of behavior in relation to older people, which are deeply rooted in the Adyghe society. The aim of the study is to identify the motives for the emergence of this social institution and the reasons for its transformation, as well as to study the dynamics of the tradition from the beginning to the present day. Since the author sees the origins of the institution as determined not only by morality, but also by its close relationship with the economic foundations of society, the study aims to track the changes that have occurred in the material basis of the Adygs over the past 200 years and to estimate the influence of urbanization on the norms of manifestation of respectful attitude towards the elders. The author comes to the following conclusions: up to the second half of the 19th century, the Adygs relied mainly on diversified subsistence economy, which made families face the need to have many workers in the house. The prerequisites for the institution of respect for the elders formed in conditions of complex management and land law, which was completely in the hands of the eldest man in the family ("bolshak"). The involvement in the Russian economy that followed the end of the Caucasian War, and later the October Revolution, which changed the principles of land law, limited the power of the Adyghe "bolshak". The urbanization processes, in which the Adygs started to take part at the end of the 20th century, led to transformation of some of the traditional rules of external manifestations of respect for the elders.

Key words: *Circassians, Adygs, respect for elders, habze*

* **Donezhuk, Murat Yu.** – PhD-student, Institute of Ethnology and Anthropology RAS (Moscow, Russia). E-mail: donmur@iea.ras.ru

The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research (RFFI, project No. 19-09-00482 A)

References

Bgazhnokov, B.Kh. 2003. *Osnovaniia gumanisticheskoi etnologii* [The foundations of humanistic ethnology]. Moscow: RUDN Publishing House.

Bgazhnokov, B.Kh. 2010. *Sotsial'naia organizatsiia sem'i* [Social organization of the family]. Nalchik: Publishing Department of KBIGI.

Veletskaya, N. N. 2003. *Iazycheskaia simbolika slavianskikh arkhaiskikh ritualov* [Pagan symbolism of the Slavic archaic rituals]. Moscow: Sofia. <https://www.litmir.me/br/?b=29186&p=3> (accessed 03.03.20).

Gadagatl, A.M. 1967. *Geroicheskii epos Narty i ego genesis* [Heroic epic of Nart and its genesis]. Krasnodar: Krasnodar Book Publishing House.

- Zhumaganbetov, T.S. 2008. Vlast' Kagana v drevnetiurkskoi gosudarstvennoi organizatsii [The power of Kagan in the ancient Turkic state organization]. *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta* 27: 14–19.
- Zatedatlova, L.B., Soldatova, A.E. 2018. Istoriko-etnograficheskie ocherk brachnykh i semeinykh traditsii vostochnoslavianskogo naseleniia Severnogo Kavkaza (XVII – nach. XX vv.) [Historical and ethnographic sketch of the marriage and family traditions of the East Slavic population of the North Caucasus (XVII – early XX centuries)]. In *Algoritmy chelovechnosti. Opyt antropologicheskogo issledovaniia* [Algorithms of humanity. Experience of anthropological research], edited by M.N. Guboglo, 378–385. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences.
- Kojesau, E.L. 1962. Patronimiia u adygov [Patronymy of the Circassians]. *Sovetskaia etnografiia* 2: 115–120.
- Cosven, M.O. 1963. *Semeinaia obshchina i patronimiia* [Family community and patronymia]. Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR.
- Marzey, A.S. 2004. *Cherkesskoe naezdnichestvo – “Zeklue” (Iz istorii voennogo byta cherkesov v XVIII – per-voi polovine XIX v)* [Circassian horseback riding – “Zeklue” (From the history of the military life of the Circassians in the XVIII – first half of the XIX century)]. Nalchik: El-Fa Publishing Center.
- Meretukov, M.A. 1987. *Sem'ia i brak u adygsikh narodov (XIX – 70-ye gody XX v.)*. [Family and marriage among Adyghe peoples (XIX – 70s of XX century)]. Maykop: Adyghe branch of the Krasnodar Book Publishing House.
- Pokrovsky, M.N. 1922. *Russkaia istoriia s drevneishikh vremen* [Russian history since ancient times]. Moscow: State Publishing House.
- Soobtsokova, N.I. 2010. *Adygi-cherkesy: liudi, nrawy, obychai i traditsii* [Circassians of Adygea: people, customs, customs and traditions]. Krasnodar: Cohort.
- Tseeva, Z.A. and M.N. Gubzhokov 2017. *Istoriia i kul'tura adygov: uchebnoe posobie* [The history and culture of the Circassians: a training manual]. Maykop: ASU Publishing House.
- Sheujen, E.A. (Ed.) 1989. *Adygeia Istoriko-kul'turnyi ocherk* [Adygea Historical and Cultural Essay]. Maykop: Adyghe branch of the Krasnodar Book Publishing House.

ФИЗИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

УДК 572

DOI: 10.33876/2311-0546/2020-52-4/224-231

© *Е.В. Веселовская, О.М. Григорьева, И.Д. Бурцев*

АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЭКСТРАОРДИНАРНОГО ЧЕРЕПА ИЗ с. ТХИНА (АБХАЗИЯ)*

*Настоящая работа посвящена изучению необычного черепа из раскопок кладбища у с. Тхина Очамчирского района, Абхазия. Череп с нижней челюстью, очень крупных размеров с ярко выраженным рельефом. Исследовали краниологические особенности черепа и черты внешнего облика индивида по выполненным на его основе графической и скульптурной реконструкциям. Принадлежность данного индивида к виду современного человека *Homo sapiens* не вызывает сомнений; возможно, присутствуют черты экваториального антропологического типа. Выраженное своеобразие, связанное с укрупнением общих размеров черепа и значительным развитием рельефа, может быть результатом гетерозиса при метисации далеко отстоящих антропологических типов, к которым принадлежали его родители.*

Ключевые слова: *антропологическая реконструкция, внешний облик, череп из Абхазии, село Тхина*

Введение

Раскопки проводились в 1971 и 1975 годах на кладбище с. Тхина Очамчирского района Абхазии под руководством И.Д. Бурцева, при участии Н.И. Бурчак-Абрамовича и Л.Т. Яблонского. Обнаруженный в результате раскопок 1974 года череп № 74 с нижней челюстью имеет очень хорошую сохранность. Данная находка сразу привлекла внимание своими очень крупными абсолютными размерами и сильно развитым рельефом. Поэтому, после изучения стандартных краниологических измерений, было решено провести целый ряд дополнительных антропологических исследований. А именно, нас заинтересовало, насколько обнаруженные очень большие размеры мозгового чере-

Веселовская Елизавета Валентиновна – д.и.н., главный научный сотрудник Центра физической антропологии, Институт этнологии и антропологии РАН (Москва, Ленинский пр. 32-а) Эл. почта: veselovskaya.e.v.@yandex.ru

Григорьева Ольга Михайловна – к.б.н., старший научный сотрудник Центра физической антропологии, Институт этнологии и антропологии РАН (Москва, Ленинский пр. 32-а) Эл. почта: labrecon@yandex.ru

Бурцев Игорь Дмитриевич – к.и.н., журналист, работал в Институте Востоковедения РАН (Москва, ул. Рождественская, 12/1). Эл. Почта: inhomin@yandex.ru

* Исследование выполнено в рамках темы НИР «Эволюционный континуум рода *Homo*». Подтема «Антропология древних и современных популяций»

па соответствуют его внутреннему содержанию, т.е. необходимо было измерить объем мозговой капсулы. Также важно было узнать внешний облик данного индивидуума для установления его принадлежности к тому или иному антропологическому типу, что и было сделано путем выполнения графической и скульптурной реконструкций. Использование разработанной в Лаборатории специальной программы «Алгоритм внешности» позволило выявить также некоторые индивидуальные особенности данной находки.

Методы исследования

Череп № 74 был измерен по классической антропометрической программе (Алексеев, Дебец 1961) и по специальной программе для антропологической реконструкции (Веселовская 2018: 38–54). Объем мозговой коробки измеряли прямым заполнением ее сыпучим материалом.

Определение возраста проводилось по зарастанию черепных швов и степени стертости жевательной поверхности зубов. Швы мозгового отдела венечный и стреловидный заросли в значительной степени. Швы лицевой части черепа в основном зарощены. Зубы стертые значительно. По совокупности признаков возраст оценивается в 60-65 лет.

Было проведено восстановление прижизненного облика. Для этого использовали программу «Алгоритм внешности». Этот разработанный недавно методический подход служит комплексным руководством для перехода от размеров и описательных признаков черепа к соответствующим размерам и признакам головы. Он предлагает на базе последовательной детальной фиксации размеров и описательных характеристик черепа переходить к размерам головы в целом и отдельных ее элементов, а также давать антропологическую характеристику качественным признакам внешности. Применение метода «Алгоритма внешности» способствует более точному воспроизведению по черепу индивидуальных черт внешнего облика (благодаря широкому применению регрессионного анализа многие размеры головы рассчитывают на основе черепных), а также дополняет графический или скульптурный портрет антропологической характеристикой лица в терминах «словесного портрета». Описание внешности строится на системе индексов, которые характеризуют относительные пропорции. Использование этой программы позволяет восстанавливать внешний облик ряда представителей конкретных популяций и не обязательно в виде портретов. Возможно получение бланков прижизненных размеров и описательных признаков. Сопоставление результатов такой реконструкции с современным населением соответствующих территорий вооружает антропологов новыми инструментами для решения вопросов этногенеза, адаптации популяций, эпохальной изменчивости.

Описание черепа

Обнаруженный в результате раскопок 1974 года у с. Тхина череп № 74 обладает хорошей сохранностью, имеется нижняя челюсть (Рис. 1). Несколько поврежден участок альвеолярного отростка верхней челюсти. Череп очень крупных размеров с ярко выраженным рельефом в области глабеллы, надбровных дуг, затылка. Отличительной особенностью является гиперразвитие сосцевидных отростков височных костей. Имеется кость инков в области ламбдовидного шва также очень крупная. В месте

Рис. 1. Череп № 74 из раскопок кладбища у с. Тхина, Очамчирский район, Абхазия.

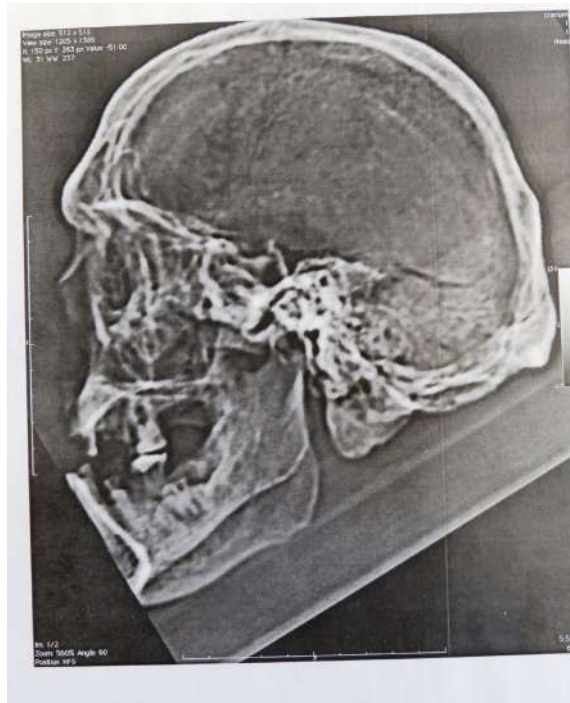

Рис. 2. Компьютерная томограмма черепа № 74. Хорошо виден рельеф в области глабеллы и затылка.

перегиба затылочной кости имеется дополнительный шов (Рис. 2).

Череп № 74 демонстрирует очень крупные размеры, большинство их попадает в категории больших и очень больших (Алексеев, Дебец 1961). Мозговой отдел головы велик. Вместимость мозговой капсулы, измеренная путем заполнения сыпучим материалом, составила 1440 куб. см., что вполне соответствует среднему показателю объема мозга для современных мужчин. Лицо также очень крупное. Однако по относительным пропорциям данный индивид вписывается в размах вариаций для человека современного вида.

Череп ранее был измерен М.А. Колodieвой и сопоставлен с серией современных абхазов; М.М. Герасимовой было осуществлено дополнительное антропометрическое и антропоскопическое изучение (Бурцев, Колodieва 1987: 21–23). Ниже мы приводим характеристику черепа № 74 с учетом вышеназванных исследований.

К особенностям данного черепа в первую очередь следует отнести значительное развитие рельефа, как в области глабеллы и надбровья, так и в затылочной и височной областях. Этот факт, а также необычайно крупные сосцевидные отростки височной кости свидетельствуют о чрезвычайном развитии мускулатуры. Особого описания заслуживает затылочная кость. Перегиб затылка от тела кости к ее чешуе представляет собой острый угол, в месте перегиба видны следы дополнительного шва. Выйные линии в виде гребней выражены чрезвычайно, что находит аналогии в краниосериях населения верхнего палеолита. Чешуя затылочной кости очень большой величины.

Череп отличает резкая горизонтальная профилировка подносовой

области, значительная выраженность клыковых ямок. Для находки из с. Тхины характерны брахикrania, гипсикrania, малая высота изгиба лба, большая длина лицевого отдела, резкая горизонтальная профилировка (по сравнению с массивными черепами абхазской серии). Значительно увеличены продольный диаметр черепа, скуловой диаметр, ширина орбит, выступание глабеллы и надбровных дуг.

Очень хорошо развиты височные линии, расстояние между верхними – 112 мм. Вообще череп отличается сильным развитием рельефа: шероховатости в местах прикрепления мышц имеют форму гребней, на скуло-челюстном шве и даже на скуловом отростке височной кости.

Нижняя челюсть характеризуется огромной величиной мышелковой ширины. Ветвь нижней челюсти очень высокая, относительно узкая. Высота тела и толщина тела нижней челюсти не выходят за пределы вариаций у современного человека. В отличие от большинства черепов, на нижней челюсти в области подбородка имеется по два питательных отверстия с каждой стороны. Ниже приведена таблица с указаниями основных размеров, взятых на исследуемом черепе, и рассчитанные по ним прижизненные размеры лица и мозгового черепа, вычисленные с использованием программы «Алгоритм внешности». (Табл. 1). Для этого сначала рассчитали прижизненные признаки головы на основе размеров черепа. Размеры живого лица и черепа получили путем прибавления толщины мягких тканей в соответствующих точках.

Таблица 1

Расчет прижизненных размеров головы за счет прибавления толщины мягких тканей в соответствующих точках

Размер на черепе	мм	Размер на живом лице	мм	*
Продольный диаметр gl-op	196	Продольный диаметр gl-op	212	ОБ
Поперечный диаметр eu-eu	156	Поперечный диаметр eu-eu	170	Б
Ширина лба co-co	138	Ширина лба co-co	150	
Наименьшая ширина лба ft-ft	117	Наименьшая ширина лба ft-ft	129	ОБ
Верхняя ширина лица fmt-fmt	117	Ширина лица на уровне глаз	129	
Ширина орбиты en (cr) – ek (cr)	48	Длина глазной щели	36	
Скуловой диаметр zy-zy	157	Скуловой диаметр zy-zy	169	ОБ
Симотическая ширина	11	Ширина переносья	17	
Ширина спинки носа nm-nm	15	Ширина спинки носа	21	
Ширина между альвеолярными возвышениями клыков c1-c1	42	Ширина носа	42	Б
Ширина между альвеолярными возвышениями клыков c1-c1	42	Расстояние между носогубными складками	57	С
Расстояние между 5-ми зубами верхней челюсти	60	Ширина рта che-che	64	С

Таблица 1 (продолжение)

Размер на черепе	мм	Размер на живом лице	мм	
Ширина между подбородочными отверстиями me-me	55	Ширина подбородка	70	ОБ
Угловая ширина нижней челюсти go-go	107	Угловая ширина нижней челюсти go-go	119	М
Физиономическая высота лица tr- (cr)-gn	203	Физиономическая высота лица tr-gn	212	ОБ
Морфологическая высота лица so-gn	149	Морфологическая высота лица от нижнего края бровей	157	О
Высота лба tr (cr)-so	55	Высота лба tr – нижний край бровей	55	С
Высота орбиты	39	Высота глазной щели	16,5	Б
Скулочелюстная высота zy-go	70	Скулочелюстная высота zy-go	77	
Высота носа so-ss	69	Высота носа от нижнего края бровей	69	Б
Высота положения раковинного гребня con-ss	18	Высота крыла носа	18	Б
Высота верхней челюсти ss-sd	18	Высота верхней губы	18	С
Высота нижней челюсти	53	Высота нижней челюсти	62	ОБ
Высота подбородка sm-gn	25	Высота подбородка sm-gn	33	С

* *Примечание.* В правой колонке таблицы представлены категории, в которые попадает каждый признак. ОБ – очень большой; Б – большой; С – средний.

Восстановление внешнего облика по черепу № 74

С использованием программы «Алгоритм внешности» была проведена реконструкция внешнего облика по данному черепу, и выполнены контурная (Рис. 3а), графическая (Рис. 3б) и скульптурная (Рис. 4) реконструкции. В таблице 2 представлены прижизненные размеры лица, полученные с использованием уравнений регрессии (Табл. 2).

Таблица 2

Уравнения регрессии, использованные для расчета прижизненных размеров

Прогнозируемый признак на лице	Признак на черепе	Уравнение регрессии
Физиономическая высота лица (ФВЛ)	Морфологическая высота лица (МВЛ) – 149	$ФВЛ=95,515+0,748x$ (МВЛ+7мм*) 212
Высота уха (ВУ)	Морфологическая высота лица (МВЛ) – 149	$ВУ=55,488+0,073x$ (МВЛ+7мм*) 67
Ширина носа (ШН)	Ширина между клыковыми точками (ШМК) – 42	$ШН=23,035+0,444xШМК$ 42
Ширина между носогубными складками (ШМН-ГС)	Ширина между клыковыми точками (ШМК) – 42	$ШМН-ГС=21,744+0,843xШМК$ 57
Ширина фильтра (ШФ)	Ширина между клыковыми точками (ШМК) – 42	$ШФ=7,295+0,118xШМК$ 12
Ширина рта (ШР)	Ширина зубной дуги (Pm2- Pm2) – 60	$ШР=21,817+0,700'(Pm2- Pm2)$ 64

* – толщина мягких тканей в точке гнатион.

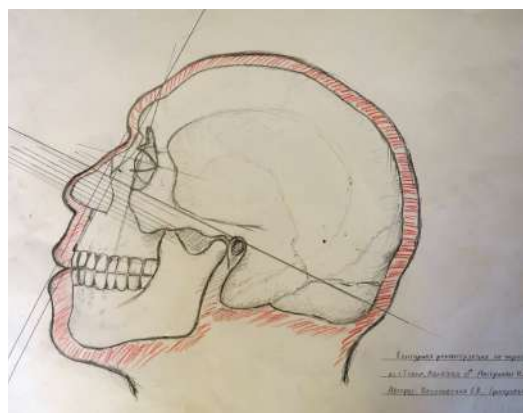

Рис. 3а. Контурная реконструкция по черепу № 74. Авторы: Веселовская Е.В., Григорьева О.М.

Рис. 3б. Графическая реконструкция по черепу № 74. Авторы: Веселовская Е.В., Григорьева О.М., Алехина О.В.

Словесный портрет – описание прижизненного облика

Согласно программе описания словесного портрета, у исследованного индивида обнаруживаются следующие характеристики его внешности.

Отмечается мезокефалия на границе с брахицефалией. Головной указатель равен 80, следовательно, голова в лобно-затылочном направлении средней длины.

Форма головы в профиль округлая

Лицо высокое и широкое, очень крупных размеров. Скуловой диаметр достигает огромной величины – 169 мм

Рис. 4. Скульптурная реконструкция по черепу в крыльях широкий, по высоте короткий, № 74. Авторы: Веселовская Е.В., Григорьева О.М.

Верхняя губа относительно невысокая. Ширина ротовой щели большая.

Нижняя челюсть в углах узкая. Подбородок по высоте и ширине средний, подбородочный выступ не выражен.

Вертикальная профилировка челюстная, фиксируется лицевой прогнатизм. Клыковые ямки на черепе очень глубокие, что усугубляет визуальное впечатление выступания вперед челюстного отдела.

Горизонтальная профилировка значительная.

Направление лба наклонное, линия лба прямая. Лоб по высоте средний. Надбровный рельеф очень мощный. Надбровные дуги заходят за середину надглазничного края орбиты.

Контур бровей прямой. Положение разреза глаз горизонтальное.

Глазные яблоки выпуклые. Глаза крупные. Складка верхнего века выражена слабо. Скулы не выступающие.

Переносье глубокое и узкое. Нос выступает вперед незначительно. В профиль спинка носа с легкой горбинкой.

Заключение

Облик, представленный на реконструированном портрете, не вызывает сомнений в принадлежности данного индивида к современному виду человека *Homo sapiens*, хотя и обладает рядом особенностей. Это, в первую очередь крупные размеры головы, с сильно развитыми мышцами, жевательными и шейными. При этом, собственно объем мозга вполне укладывается в пределы показателей, характерных для мужских популяций современного человека. В целом исследуемый индивид относится к европеоидному антропологическому типу, но также выделяются некоторые признаки, характерные для экваториальной расы. А именно: широкий в крыльях, мало выступающий довольно короткий нос, лицевой прогнатизм, значительное развитие челюстного отдела, крупные размеры рта.

По преданиям местных жителей известно, что отцом Хвита, так звали исследуемого нами индивидуума, являлся абхаз, который взял себе в жены необычную женщину. В 1975 г. при раскопках на сельском кладбище с. Тхина были изъяты останки женщины, предположительно матери Хвита, череп которой отличался большой длиной и прогнатностью (Буцев, Колodieва 1987). В дальнейшем, образец тканей ее останков был передан в Университет Копенгагена. Результаты генетического анализа пока еще не опубликованы, но по устному сообщению датских генетиков, у этой женщины была типирована гаплогруппа, распространенная в Африке, южнее Сахары, а также на генетическом уровне установлено родство этой женщины и изученного нами индивидуума.

Исходя из этого, можно предположить, что крупные размеры исследованного че-

репа объясняются гетерозисными явлениями в результате возможной принадлежности родителей к далеко отстоящим антропологическим типам (европеоидный и экваториальный).

Научная литература

Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краниометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1964.

Бурцев И.Д., Колодиева М.А. Результаты предварительного исследования черепа из с. Тхина, Абхазской АССР. Доклады МОИП, 1985. Общая биология. М.: Наука, 1987. С. 21–23.

Веселовская Е.В. «Алгоритм внешности» – комплексная программа антропологической реконструкции // Вестник Московского университета. Серия XXIII. Антропология. М.: Издательский Дом МГУ. 2018. № 2. С. 38–54.

*Veselovskaya, Elizaveta V., Grigorieva, Olga M., and Burtsev, Igor D.**

Anthropological description of an extraordinary skull from the village of Thin (Abkhazia)

DOI: 10.33876/2311-0546/2020-52-4/224-231

*This work is devoted to the study of a very unusual skull from the village of Thina, Abkhazia. The skull has the lower jaw, is very large and rather robust with pronounced relief. The metric traits of this skull and its external appearance were studied based on graphic and sculptural reconstructions made from it. It is concluded that this individual belongs to the modern human species *Homo sapiens*, one of its Equatorial variants. The unusual appearance of the skull might be explained by heterosis caused by possible miscegenation in this individual's ancestors.*

Key words: *anthropological reconstruction, appearance, skull from the village of Thina, Abkhazia*

* **Veselovskaya, Elizaveta V.** – Dr. of Hist., Institute of Ethnology and Anthropology RAS (Moscow, Leninsky Pr. 32-a). E-mail: veselovskaya.e.v.@yandex.ru

Grigorieva, Olga M. – PhD in biol., Institute of Ethnology and Anthropology RAS (Moscow, Leninsky Pr. 32-a). E-mail: labrecon@yandex.ru

Burtsev, Igor D. – PhD in Hist., Institute of Oriental Studies of the RAS (12/1 Rozhdestvenka str., Moscow). E-mail: inhomin@yandex.ru

The research is published as part of the Research Plan of the Institute of Ethnology and Anthropology (Russian Academy of Sciences, Moscow), “The evolutionary continuum of the genus *Homo*”, Subtopic “Anthropology of Ancient and Modern Populations”

References

Alekseev V.P., and G.F. Debets. 1964. *Kraniometriia. Metodika antropologicheskikh issledovaniï*. [Cranio-metry. Methods of anthropological research]. Moscow: Nauka.

Burtsev I.D., and M.A. Kolodieva. 1987. Rezul'taty predvaritel'nogo issledovaniia cherepa iz s. Tkhina, Abkhazskoi ASSR. [Results of a preliminary study of a skull from the village of Thin, Abkhazian ASSR]. *Doklady MOIP, 1985. Obshchaia biologiiia* [Reports of MOIP, 1985. General biology], 21–23. Moscow: Nauka.

Veselovskaia E.V. 2018. “Algoritm vneshnosti” – kompleksnaia programma antropologicheskoi rekonstruktsii [“Algorithm of appearance” – a comprehensive program of anthropological reconstruction]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. XXIII. Antropologiiia* 2: 38–54.

© А.А. Васильева, В.А. Васильев, М.А. Негашева

ПОЛИМОРФИЗМ ГЕНОВ ДОФАМИНОВОГО ТРАНСПОРТЕРА И ДОФАМИНОВОГО РЕЦЕПТОРА D2 АССОЦИИРОВАН С ОСОБЕННОСТЯМИ ТЕЛОСЛОЖЕНИЯ*

Одним из актуальных междисциплинарных направлений научных исследований является изучение механизмов, лежащих в основе формирования конституции человека. Полиморфизм генов нейромедиаторных систем довольно часто рассматривается в связи с различными аспектами состояния психики человека и особенностями телосложения. Цель исследования – поиск ассоциаций полиморфизма генов дофаминавого транспортера и дофаминавого рецептора D2 с особенностями телосложения и функциональными характеристиками сердечно-сосудистой системы. Использованы материалы комплексного антропогенетического обследования 216 юношей и девушек в возрасте 16–23 лет, проведенного в республике Мордовии. Соматометрическая программа включала измерение длины и массы тела, обхватов талии и бедер, толщины жировых складок на туловище и конечностях (под лопаткой, на плече, предплечье, животе, бедре и голени). Из функциональных показателей сердечно-сосудистой системы измерены систолическое и диастолическое артериальное давление, частота пульса. У всех респондентов собраны образцы буккального эпителия для генотипирования по локусу 3'-UTR VNTR DAT1 дофаминавого переносчика и по локусу DRD2/ANKK1 Taq1A (rs1800497) дофаминавого рецептора второго типа. С помощью U-критерия Манна-Уитни проведен сравнительный анализ средних значений морфофункциональных показателей в группах носителей различных генотипов исследуемых генов, по результатам которого выявлены достоверно значимые ($p < 0,05$) ассоциации: у девушек, обладающих хотя бы одним аллелем 9 по локусу DAT1 выше значения массы тела и обхвата бедер; у девушек – носителей генотипа C/C по локусу DRD2/ANKK1 Taq1A большие показатели массы тела, индекса массы тела, обхвата талии, жировых складок на животе, плече и бедре, а также

Васильева Александра Александровна – магистр (биология, антропология), аспирант кафедры антропологии биологического факультета, МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 12). Эл. почта: vasileva@mail.bio.msu.ru.

Васильев Василий Александрович – к.б.н., старший научный сотрудник лаборатории организации генома, Институт биологии гена РАН (Москва, улица Вавилова, д. 34/5). Эл. почта: shunka@mail.ru

Негашева Марина Анатольевна – д.б.н., профессор кафедры антропологии биологического факультета, МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 12). Эл. почта: negasheva@mail.ru

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Российского фонда фундаментальных исследований № 18-09-00290 «Биологические и социальные факторы микрорезволюционных изменений морфофункционального статуса и уровня полового диморфизма в популяциях современного населения» и программы «Постгеномные технологии и перспективные решения в биомедицине»

выше частота пульса по сравнению с обладательницами других генотипов. Для юношей достоверных различий морфофункциональных признаков у носителей разных генотипов обнаружено не было. Выявленные ассоциации полиморфизма генов *DAT1* и *DRD2* с морфофункциональными характеристиками, возможно, обусловлены комплексным влиянием генетических факторов на формирование особенностей телосложения в процессе онтогенеза человека. Полученные результаты могут представлять интерес для исследователей, занимающихся изучением генетических основ морфологической конституции, а также могут быть использованы в персонализированной медицине.

Ключевые слова: антропометрия; индекс массы тела; жиротложение; молодёжь Мордовии; генетика человека; *DAT1*; *DRD2/ANKK1 Taq1A*

Введение

Ген дофаминавого транспортёра *DAT1* и ген дофаминавого рецептора второго типа *DRD2* – одни из наиболее популярных у исследователей генов дофаминавой системы, которые часто рассматривают в связи с различными аспектами состояния психики человека. В последнее время полиморфизм этих генов также изучается в ассоциации с телосложением.

Переносчик дофамина (*SLC6A3*, или *DAT1*) играет важную роль в дофаминергической нейротрансмиссии, ограничивая активность дофаминергической системы в синапсах путем обратного захвата нейромедиатора в пресинаптический терминал. Ген человеческого транспортера дофамина (*DAT1/SLC6A3*) локализован на хромосоме 5p15.3. В данном гене обнаружен VNTR-полиморфизм (варьирующее число тандемных повторов) в 3'-некодирующей области (3'UTR) с числом повторов от 3 до 11. Длина одного повтора 40 пар оснований (п.н.). Два наиболее часто встречающихся в популяциях аллеля состоят из 9 и 10 повторов (*Vandenbergh et al.* 1992). Повышенный уровень экспрессии *DAT1* чаще связывают с аллелем 10, чем с аллелем 9 (*VanNess et al.* 2005), хотя некоторые исследователи сообщали об обратном (*Van Dyck et al.* 2005) или об отсутствии ассоциаций между генотипами и показателями экспрессии *DAT1* (*Krause et al.* 2006, *Costa et al.* 2011). Функциональный полиморфизм *DAT1* VNTR напрямую изменяет плотность и активность дофаминавого транспортёра в мозге, в основном, в полосатом теле. У лиц, имеющих две копии аллеля 10, концентрация переносчика выше и, значит, меньше дофамина в синаптической щели, чем у носителей аллеля 9 (*Heinz et al.* 2000). Следовательно, пресинаптический нейрональный мембранный белок DAT1 играет ключевую роль в прекращении нейротрансмиссии дофамина благодаря активному обратному захвату дофамина в пресинаптический терминал (*Giros, Caron* 1993). Ген *DAT1 (SLC6A3)* участвует в эмоциональной обработке данных и связанных с нарушением регуляции передачи дофамина патологиях, например, в развитии депрессивного расстройства. И депрессия, и ожирение ассоциированы с генотипом 9/9 рассматриваемого гена (*Bieliński et al.* 2017). На примере группы из 506 женщин была показана связь гомозиготности по аллелю с девятью повторами и более высоких значений индекса массы тела (ИМТ) (*Sikora et al.* 2013). Другие исследователи не выявили связи гена *DAT1* с ИМТ и ожирением (*Uzun et al.* 2015).

Ген *DRD2*, кодирующий дофаминавый рецептор D2, расположен на длинном плече хромосомы 11 (11q22.3–11q23.1) (*Eubanks et al.* 1992). Первоначально считалось,

что расположенный в 3'-некодирующем регионе однонуклеотидный полиморфизм (rs1800497) *DRD2* Taq1A (замена нуклеотидов C/T) относится к гену *DRD2*. Этот полиморфизм активно изучался как ген-кандидат в связи с психическими заболеваниями, так, например, аллель T (вариант A1) связан с опиатовой зависимостью (*Doehring et al.* 2009), а аллель C (вариант A2) – с шизофренией (*Nymberg et al.* 2014). Однако в результате точного секвенирования выяснилось, что этот полиморфизм находится рядом с геном *DRD2* в пределах гена *ANKK1* протеинкиназы PKK2, белка системы передачи пострецепторных внутриклеточных сигналов. Современное обозначение локуса – *DRD2/ANKK1* Taq1A. Функциональный полиморфизм вызывает замещение аминокислоты (Glu713Lys) в структуре фермента киназы, что может влиять на специфику связывания им субстрата и изменять нейротрансмиссию дофамина. Так, у носителей аллеля T (A1) снижен уровень связывания дофамина с рецептором D2 в полосатом теле по сравнению с носителями C (A2) аллеля (*Savitz et al.* 2013). Имеются данные о том, что rs180049 способен регулировать уровень экспрессии гена *DRD2* (*Doehring et al.* 2009). В то же время некоторые учёные считают, что данный полиморфизм не оказывает существенного влияния на доступность дофамина для рецептора (*Smith et al.* 2017). Согласно существующим данным среди лиц, страдающих психогенным перееданием (англ. binge-eating disorder) большинство являются гомозиготами по аллелю C rs1800497 (*Davis et al.* 2012). Однако не все исследователи приходят к такому выводу, поскольку не находят связей между рассматриваемым полиморфизмом и данным заболеванием (*Benton, Young*, 2016, *Palmeira et al.* 2019). Некоторые учёные считают, что при определённых условиях повышенному ожирению могут способствовать и генотип C/C, и генотип T/T (*Stice et al.* 2015). Аллель T по некоторым данным связан с повышенным ИМТ (*Stice et al.* 2008). У носителей аллеля T, независимо от того, страдают они ожирением или нет, могут быть снижены исполнительные функции (*Ariza et al.* 2012). Кроме всего прочего, молодые люди обоих полов, которые имеют генотип T+ и обладают избыточной массой тела, испытывают трудности в её снижении (*Winkler et al.* 2012). Среди страдающих ожирением детей и подростков в белорусской популяции значимо больше встречаются носители генотипа T/T (*Вязова, Солнцева* 2018). Было показано, что обладатели T+ генотипа более склонны к употреблению жареных блюд и продуктов с высоким содержанием сахара, чем носители T– генотипа (*Rivera-Iñiguez et al.* 2019).

Цель данного исследования – поиск ассоциаций полиморфизма генов *DAT1* и *DRD2* с особенностями телосложения и функциональными характеристиками сердечно-сосудистой системы.

Материалы и методы

В работе использованы данные комплексного антропогенетического обследования 216 условно здоровых юношей и девушек в возрасте 16–23 лет, проведенного в республике Мордовии (г. Саранск и сёла Зубово-Полянского района). Соматометрическая программа включала измерение длины и массы тела, обхватов талии и бедер, толщины жировых складок на туловище и конечностях (под лопаткой, на плече, предплечье, животе, бедре и голени) (*Негашева* 2017). Из функциональных показателей сердечно-сосудистой системы были измерены систолическое и диастолическое артериальное давление, частота пульса. Все материалы комплексного обследования, анализируемые в работе, собраны с соблюдением правил биоэтики, подписанием

протоколов информированного согласия и деперсонифицированием данных (экспертное заключение Комиссии МГУ по биоэтике, протокол № 55 от 26.03.2015).

По этнической принадлежности 73,6 % участников исследования русские, у 25,0% респондентов один из родителей русский, а другой – мордвин или оба родителя мордвина, 1,4 % обследованных – иноэтничные участники. Статистически значимых отличий по морфофункциональным признакам у представителей разноэтничных групп найдено не было, поэтому они были объединены в общую выборку.

Геномную ДНК выделяли из буккального эпителия с помощью набора реагентов для выделения ДНК из клинического материала «РИБО-преп» (ФБУН ЦНИИ Эпидемиологии Роспотребнадзора, Москва) согласно протоколу производителя. Амплификацию изученных локусов проводили методом локуспецифичной полимеразной цепной реакции синтеза ДНК. Для амплификации локусов *DATI* 3'-UTR VNTR и *DRD2* rs1800497 использовали набор реагентов GenePak®PCR MacterMix Core (ООО «Лаборатория Изоген») согласно протоколу производителя. Последовательности и температуры отжига праймеров представлены в таблице 1. Условия амплификации включали начальную денатурацию при 94 °С в течение 4-х мин и 35 циклов (30 циклов для *DATI*), состоящих из трех стадий: денатурация – 1 мин, 94 °С; отжиг праймера – 1 мин, X °С (таблица 1); элонгация – 1 мин, 72 °С. На последней стадии проводили заключительную элонгацию при 72 °С в течение 2 мин (10 мин для *DATI*). Для определения SNP (rs1800497) продукты амплификации делили на равные аликвоты по 10 мкл, одну из которых обрабатывали эндонуклеазой рестрикции *Taq1* («Fermentas») (5 ед. на пробу) при 65 °С в течение ночи. Аллели идентифицировали по размерам фрагментов ДНК после их электрофоретического разделения в агарозном геле. Продукты рестрикции фракционировали в 2 %-ном агарозном геле с прокраской бромистым этидиумом. Результаты анализировали и фотографировали на приборе «BioDocAnalyze».

Таблица 1

Полиморфизм локусов *DATI* VNTR, *DRD2* rs1800497 и условия проведения полимеразной цепной реакции

Локус	Последовательности праймеров	Температура отжига праймеров (X)	Рестриктаза	Аллели (размер фрагментов, п.н.)
<i>DATI</i> 3'-UTR VNTR	F: 5'-tgcggtgtagggaacggcctgag-3' R: 5'-cttctggaggtcacggctcaagg-3'	68 °С	–	11 (520) 10 (480) 9 (440) 8 (400) 7 (360)
<i>DRD2</i> / <i>ANKK1</i> Taq1A (rs1800497)	F: 5'-ccgtcgacggctggccaagtgtcta-3' R: 5'-ccgtgacccctctctgagtgatca-3'	66 °С	<i>Taq1</i> , 65 °С	T (310) C (180, 130)

* Примечание. F – прямой праймер, R – обратный праймер, п.н. – пар нуклеотидов.

Статистическая обработка полученных данных была проведена в пакете программ Statistica 10.0. На предварительном этапе статистического анализа рас-

пределение всех морфологических признаков было проверено на нормальность с помощью критерия Колмогорова-Смирнова с поправкой Лилиефорса. Затем для оценки достоверности межгрупповых различий показателей телосложения у индивидов с разными генотипами по двум локусам был применён непараметрический U-критерий Манна-Уитни.

Результаты

Средние значения длины и массы тела обследованных юношей составили 177,2 см и 71,0 кг; девушек – 163,4 см и 56,1 кг. У 10,2 % участников исследования отмечен дефицит массы тела (ИМТ меньше 18,5 кг/м²), в то время как у 13,9 % респондентов значения ИМТ превышали 24,99 кг/м², что свидетельствует об избыточной массе тела или ожирении (ИМТ рассчитан по формуле: $ИМТ = P/L^2$, где P – масса тела в килограммах, L – длина тела в метрах). Частоты встречаемости различных генотипов по локусам *DAT1* и *DRD2/ANKK1* Taq1A в выборке приведены в таблице 2. Для более эффективного поиска возможных морфогенетических ассоциаций все генотипы были сгруппированы по наличию/отсутствию аллеля 9 для локуса *DAT1* и по наличию/отсутствию аллеля T по локусу *DRD2/ANKK1*, поскольку численность индивидов с каждым отдельно взятым генотипом относительно невелика.

Таблица 2

Частоты встречаемости аллельных вариантов исследуемых генов в объединённой выборке

Локус	Генотип/Аллель	Численность	Частота встречаемости генотипа/аллеля
DAT1	9+ (9/10, 9/9, 8/9)	90	0,417
	9– (10/10, 8/10, 7/10, 10/11)	126	0,583
	11	4	0,010
	10	325	0,752
	9	100	0,231
	8	2	0,005
DRD2/ANKK1 Taq1A	7	1	0,002
	T+ (T/T, T/C)	166	0,769
	T– (C/C)	50	0,231
	T	171	0,396
	C	261	0,604

В таблицах 3 и 4 представлены результаты сравнительного анализа средних значений морфофункциональных характеристик у носителей различных генотипов генов *DAT1* и *DRD2*.

Таблица 3

**Морфофункциональные характеристики
носителей различных генотипов гена *DAT1***

Признак	Юноши				Девушки			
	Генотип							
	9+ (N=54)		9- (N=60)		9+ (N=36)		9- (N=66)	
	М	SD	М	SD	М	SD	М	SD
Масса тела, кг	71,9	12,5	70,2	11,9	58,2*	7,5	55,0*	7,6
Длина тела, см	177,3	6,4	177,0	6,7	164,3	5,5	163,0	5,8
Индекс массы тела (ИМТ), кг/м ²	22,9	3,6	22,3	3,2	21,6	3,3	20,7	2,6
Обхват талии, см	78,4	7,9	77,8	7,7	70,0	5,6	69,0	6,0
Обхват бёдер, см	96,4	7,6	95,1	7,1	95,7*	6,2	93,0*	6,0
Жировая складка под лопаткой, мм	12,1	7,7	11,6	5,9	13,9	6,6	13,7	5,6
Жировая складка на плече, мм	11,7	8,6	11,0	5,6	18,3	6,2	17,4	5,6
Жировая складка на предплечье, мм	5,5	2,8	6,0	2,9	8,0	4,1	7,9	3,4
Жировая складка на животе, мм	16,2	12,0	17,7	11,7	22,4	9,9	23,0	9,6
Жировая складка на бедре, мм	17,0	10,6	16,0	8,7	34,5	7,9	31,8	9,0
Жировая складка на голени, мм	13,3	6,6	13,5	5,7	20,5	7,2	19,4	6,2
Систолическое артериальное давление, мм рт. ст.	140,4	16,5	136,4	14,2	124,8	13,5	120,2	10,5
Диастолическое артериальное давление, мм рт. ст.	74,7	7,8	74,8	8,1	75,4	8,1	75,9	9,3
Частота пульса, ударов в минуту	74,7	12,4	75,5	13,2	82,0	13,0	82,5	12,0

Примечание. М – среднее арифметическое значение, SD – среднеквадратичное отклонение. * – уровень значимости $p < 0,05$.

Таблица 4

**Морфофункциональные характеристики
носителей различных генотипов гена *DRD2***

Признак	Юноши				Девушки			
	Генотип							
	Т+ (N=94)		Т- (N=20)		Т+ (N=72)		Т- (N=30)	
	М	SD	М	SD	М	SD	М	SD
Масса тела, кг	71,0	12,3	71,3	12,0	55,2*	6,7	58,7*	9,4
Длина тела, см	177,2	6,5	177,0	6,7	163,6	5,9	163,0	5,3
Индекс массы тела (ИМТ), кг/м ²	22,6	3,6	22,3	3,1	20,5**	2,2	22,1**	3,8
Обхват талии, см	77,9	7,6	78,8	8,3	68,5*	5,1	71,4*	6,8
Обхват бёдер, см	95,8	7,5	95,3	6,2	93,3	5,2	95,6	8,0
Жировая складка под лопаткой, мм	11,7	6,3	12,7	9,0	13,3	5,2	14,8	7,4
Жировая складка на плече, мм	11,4	7,4	10,6	6,1	16,7*	4,6	20,0*	7,4
Жировая складка на предплечье, мм	5,7	2,7	6,1	3,4	7,6	3,1	8,8	4,5
Жировая складка на животе, мм	16,5	11,6	19,3	12,6	21,0**	9,2	27,0**	9,6
Жировая складка на бедре, мм	16,1	8,8	18,5	13,1	31,5*	8,2	35,7*	9,2
Жировая складка на голени, мм	13,4	6,2	13,5	5,8	19,0	6,1	21,9	7,3
Систолическое артериальное давление, мм рт. ст.	138,4	15,4	138,1	15,6	121,8	11,9	122,3	12,0
Диастолическое артериальное давление, мм рт. ст.	74,7	8,2	75,1	6,9	75,1	8,4	77,3	9,8
Частота пульса, ударов в минуту	74,7	13,4	77,1	9,4	80,3*	11,3	87,2*	13,5

Примечание. М – среднее арифметическое значение, SD – среднее квадратическое отклонение. * – уровень значимости $p < 0,05$, ** – уровень значимости $p < 0,01$.

Обсуждение

Обследованные юноши и девушки Мордовии по значениям тотальных размеров тела (длина и масса тела, ИМТ, обхваты талии и бёдер) и функциональным параметрам сердечно-сосудистой системы (артериальное давление и частота пульса) соответствуют морфофункциональным показателям, характерным для своих сверстников из других регионов России, например, Москвы, Самары, Архангельска (Калмин и др. 2010, Колокольцев, Лебединский 2012, Бондарева и др. 2016, Синева и др. 2017).

Анализ результатов распределения аллельных вариантов генотипов по локусам *DAT1* и *DRD2/ANKK1* Taq1A в объединённой выборке показал наибольшую частоту встречаемости вариантов 10/10 и 9/10 (55,6 % и 36,6 % респондентов соответственно) для локуса *DAT1* и генотипа T/C (74,5 % участников исследования) локуса *DRD2/ANKK1* Taq1A, что согласуется с данными других авторов о распределении частот генотипов и аллелей двух локусов у русских и мордвы (Hu et al. 1999, Flegontova et al. 2009, Butovskaya et al. 2013).

С помощью U-критерия Манна-Уитни проведено сравнение значений морфофункциональных показателей юношей и девушек в группах носителей разных генотипов по двум локусам. В мужской группе между носителями генотипа 9+ и обладателями генотипа 9- локуса *DAT1* не было обнаружено достоверных различий, в то время как в группе девушек были выявлены статистически значимые различия между носителями разных аллельных вариантов *DAT1* ($p < 0,05$): у обладательниц генотипа 9+ больше средние значения массы тела (на 3,2 кг) и обхвата бёдер (на 2,7 см), чем у девушек, имеющих генотип 9- (таблица 3, рис. 1–2). Также следует обратить внимание, что среди девушек с генотипом 9+ доля индивидов с избыточной массой тела ($\text{ИМТ} > 24,9 \text{ кг/}$

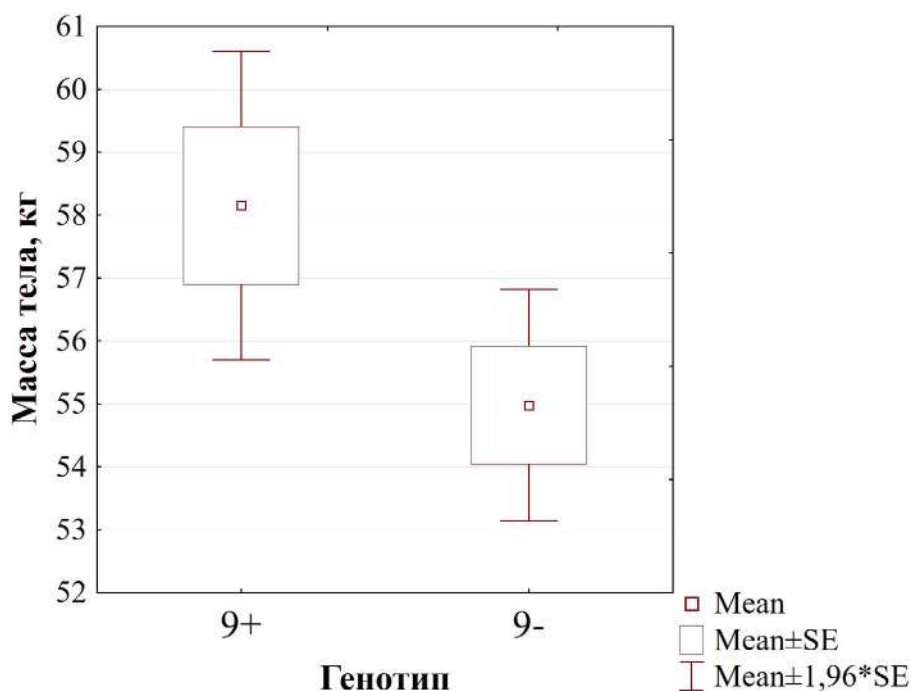

Рис. 1. Иллюстрация результатов сравнительного анализа средних значений массы тела в группах девушек с различными генотипами по гену *DAT1*.

м²) в 3,5 раза больше (11 %) по сравнению с группой носительниц генотипа 9– (3%; $p=0,0496$). Полученные результаты согласуются с данными других авторов о связи генотипа 9+ с повышенной массой тела (Sikora et al. 2013, Bieliński et al. 2017).

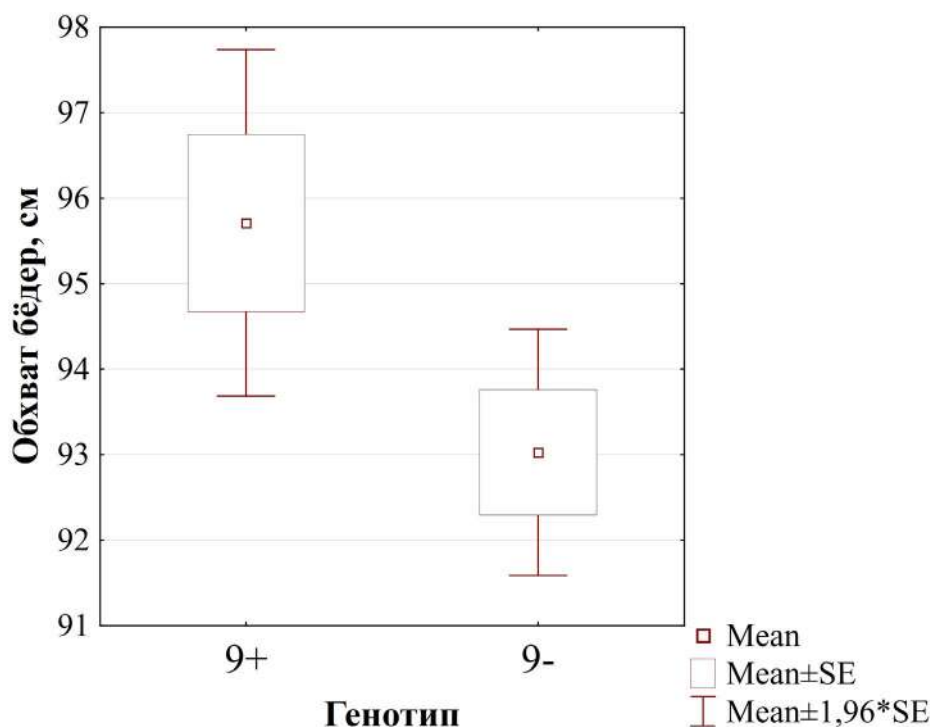

Рис. 2. Иллюстрация результатов сравнительного анализа средних значений обхвата бёдер в группах девушек с различными генотипами по гену DAT1.

В подгруппах мужчин с наличием и отсутствием аллеля T полиморфизма rs1800497 (*DRD2/ANKK1* Taq1A) не было найдено значимых отличий в особенностях телосложения. Для девушек же при сравнении аналогичных подгрупп получены статистически достоверные различия по нескольким морфофункциональным признакам. У девушек с генотипом T– (т.е. генотипом C/C) по сравнению с носительницами генотипа T+ (генотипы T/T или T/C) выше средние значения массы тела (на 3,5 кг), индекса массы тела, больше обхват талии (на 2,9 см), толще жировые складки на плече, животе и бедре, а также выше частота пульса, $p<0,05$ (таблица 4, рисунки 3-5).

Девушки с избыточной массой тела (ИМТ > 24,9 кг/м²) встречаются среди респонденток, имеющих генотип T–, в 2,5 раза чаще, чем в группе носительниц генотипа T+ (10 % и 4 % соответственно; $p=0,118$). Полученные в нашем исследовании результаты об ассоциации генотипа T– с повышенной массой тела согласуются с некоторыми литературными данными, в которых сообщается о склонности взрослых людей – носителей генотипа T– к психогенному и эмоциональному перееданию (Davis et al. 2012) и повышенному жиरोотложению (Stice et al. 2015). Хотя более распространённой является гипотеза о связи аллеля T с низкими уровнями дофамина в мозге и с ожирением (Stice et al. 2008, Winkler et al. 2012, Вязова, Солнцева 2018, Rivera-Iñiguez et al. 2019).

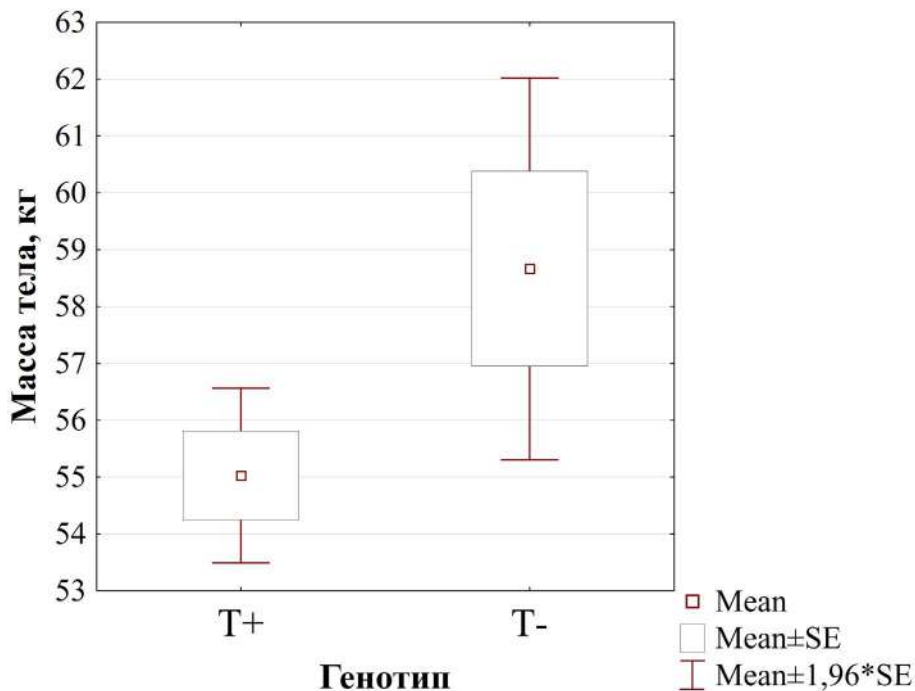

Рис. 3. Иллюстрация результатов сравнительного анализа средних значений массы тела в группах девушек с различными генотипами по гену DRD2.

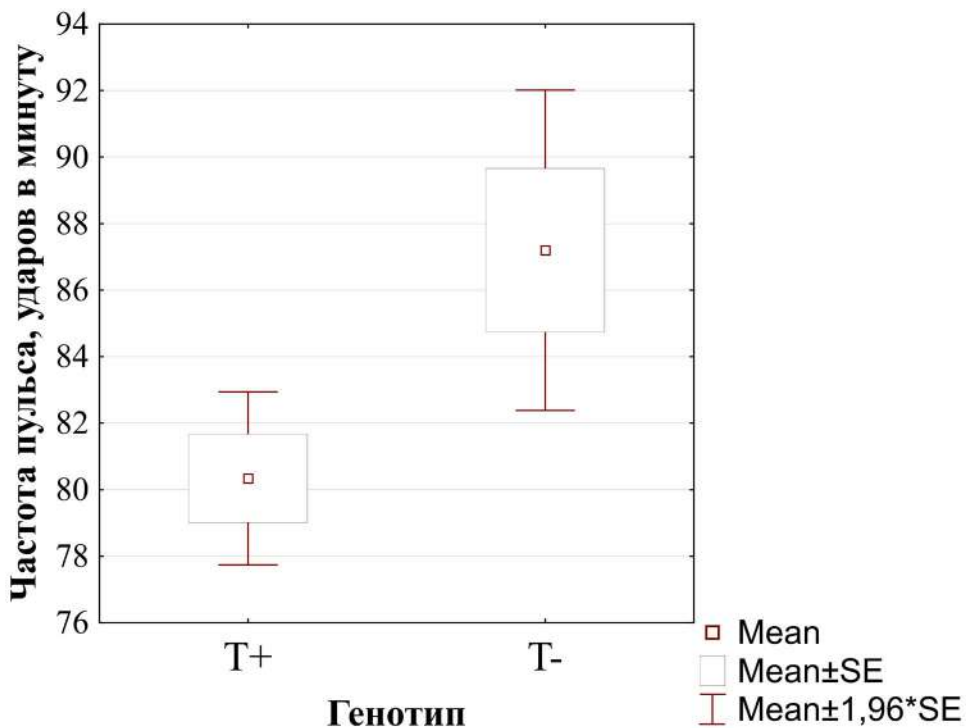

Рис. 4. Иллюстрация результатов сравнительного анализа средних значений частоты пульса в группах девушек с различными генотипами по гену DRD2.

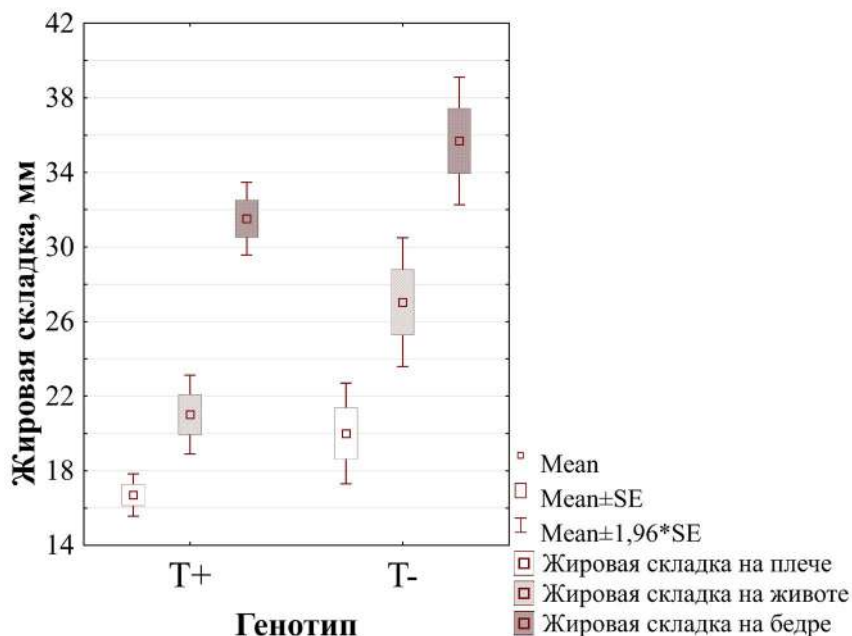

Рис. 5. Иллюстрация результатов сравнительного анализа средних значений жировых складок в группах девушек с различными генотипами по гену *DRD2*.

Многие междисциплинарные исследования посвящены изучению генетических механизмов, лежащих в основе формирования особенностей конституции человека. Полиморфизм генов нейромедиаторных систем в последнее время рассматривается не только в связи с различными аспектами состояния психики человека, но и с особенностями телосложения. Существуют две гипотезы, объясняющие взаимосвязь избыточного жиротложения с вариабельностью генов дофаминовой системы. Одна концепция предполагает, что более высокая доступность дофамина приводит к возрастающей чувствительности к вознаграждению и более сильному желанию употреблять вкусную пищу, которая может привести к перееданию и, следовательно, к ожирению (Davis *et al.* 2007). Другая гипотеза гласит, что низкие уровни дофамина в мозге человека могут привести к синдрому дефицита удовольствия и компенсироваться перееданием для достижения удовольствия (Avsar *et al.* 2017). Генотип 9+ по локусу *DAT1* связан с пониженной концентрацией дофамина в мозге, а генотип T- по локусу *DRD2/ANKK1 Taq1A* – с повышенной. Оба этих генотипа по нашим данным ассоциированы с избыточной массой тела и повышенным жиротложением (в большей степени генотип T-) у девушек. В связи с актуальностью поиска ассоциаций генетического полиморфизма с морфофункциональными и психосоматическими особенностями авторы считают необходимым проведение дальнейших исследований влияния генов дофаминовой системы на особенности телосложения с расширением спектра генетических маркеров и увеличением численности выборок.

Заключение

По результатам проведенного антропогенетического исследования в женской выборке выявлены достоверно значимые ассоциации полиморфизма генов *DAT1* и

DRD2 с морфофункциональными признаками: у носителей хотя бы одного аллеля 9 по локусу *DAT1* выше значения массы тела и обхвата бедер; у обладателей генотипа C/C по локусу *DRD2/ANKK1 Taq1A* больше масса тела, индекс массы тела, обхват талии, толщина жировых складок на животе, плече и бедре, а также выше показатели частоты пульса по сравнению с носителями других генотипов. Полученные ассоциации, возможно, обусловлены комплексным влиянием генетических факторов на формирование особенностей телосложения (в данном случае, на развитие массы тела, ИМТ и показателей жировотложения) в процессе онтогенеза человека. Выявленные связи полиморфизма генов дофаминового переносчика и дофаминового рецептора второго типа с морфофункциональными показателями могут представлять интерес для исследователей, занимающихся изучением генетических основ морфологической конституции, а также могут быть использованы в персонализированной медицине, например, для корректировки питания пациентов с генетической предрасположенностью к избыточному жировотложению.

Научная литература

- Бондарева Э.А., Негашева М.А., Грудиева А.В., Тарасова Т.В. Ассоциации T/A-полиморфизма гена FTO с характером жировотложения у юношей и девушек // Вестник Московского университета. Серия XXIII. Антропология. 2016. № 4. С. 69–77.
- Вязова Л.С., Солнцева А.В. Взаимное влияние генетического полиморфизма Taq1A гена дофаминового рецептора 2 типа, уровней дофамина и лептина крови на формировании разных форм ожирения у детей // Детская медицина Северо-Запада. 2018. Т. 7. № 1. С. 71.
- Калмин О.В., Афанасиевская Ю.С., Самотуга А.В. Оценка особенностей антропометрических параметров распределения соматотипов лиц юношеского возраста г. Краснодара и Краснодарского Края // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Медицинские науки. 2010. № 1 (13). С. 3–11.
- Колокольцев М.М., Лебединский В.Ю. Сравнительная характеристика уровня физического развития студенческой молодежи юношеского возраста Иркутской области // Бюллетень ВСНЦ СО РАМН. 2012. № 6 (88). С. 47–54.
- Негашева М.А. Основы антропометрии. Москва: Экон-Информ, 2017.
- Синева И.М., Негашева М.А., Попов Ю.М. Сравнительный анализ уровня физического развития студентов разных городов России // Вестник Московского университета. Серия XXIII. Антропология. 2017. № 4. С. 17–27.
- Ariza M., Garolera M., Jurado M.A., Garcia-Garcia I., Hernan I., Sánchez-Garre C., Vernet-Vernet M., Sender-Palacios M.J., Marques-Iturria I., Pueyo R., Segura B., Narberhaus A. Dopamine Genes (*DRD2/ANKK1-TaqA1* and *DRD4-7R*) and Executive Function: Their Interaction with Obesity // PLoS One. 2012. Vol. 7. № 7. P. e41482. DOI: 10.1371/journal.pone.0041482.
- Avsar O., Kuskucu A., Sancak S., Genc E. Are dopaminergic genotypes risk factors for eating behavior and obesity in adults? // Neurosci. Let., 2017. Vol. 654. Pp. 28–32. DOI: 10.1016/j.neulet.2017.06.023.
- Benton D., Young H.A. A meta-analysis of the relationship between brain dopamine receptors and obesity: a matter of changes in behavior rather than food addiction? // Int. J. Obes., 2016. Vol. 40. Suppl. 1. Pp. S12–S21. DOI: 10.1038/ijo.2016.9.
- Bieliński M., Jaracz M., Lesiewska N., Tomaszewska M., Sikora M., Junik R., Kamińska A., Tretyn A., Borkowska A. Association between COMT Val158Met and DAT1 polymorphisms and depressive symptoms in the obese population // Neuropsychiatr. Dis. Treat. 2017. Vol.13. Pp. 2221–2229. DOI: 10.2147/NDT.S138565.
- Butovskaya P.R., Butovskaya M.L., Vasilyev V.A., Lazebny O.E., Shibalev D.V., Veselovskaya E.V., Udina I.G., Ryskov A.P. Molecular-genetic polymorphisms of dopamine, serotonin and an-

- drogenic systems as molecular markers of success in judo wrestling sportsmen // *J. Bioanal. Biomed.*, 2013. № S3. P. 005. DOI: 10.4172/1948-593X.S3-005.
- Costa A., Riedel M., Müller U., Möller H.J., Ettinger U.* Relationship between SLC6A3 genotype and striatal dopamine transporter availability: A metaanalysis of human single photon emission computed tomography studies // *Synapse*. 2011. Vol. 65. № 10. Pp. 998–1005. DOI: 10.1002/syn.20927.
- Davis C., Patte K., Levitan R., Reid C., Tweed S., Curtis C.* From motivation to behaviour: a model of reward sensitivity, overeating, and food preferences in the risk profile for obesity // *Appetite*, 2007. Vol. 48. № 1. Pp. 12–19. DOI: 10.1016/j.appet.2006.05.016.
- Davis C., Levitan R.D., Yilmaz Z., Kaplan A.S., Carter J.C., Kennedy J.L.* Binge eating disorder and the dopamine D2 receptor: genotypes and sub-phenotypes // *Prog. Neuropsychopharmacol. Biol. Psychiatry*. 2012. Vol. 38. № 2. P. 328–335. DOI: 10.1016/j.pnpbp.2012.05.002.
- Doehring A., Hentig N., Graff J., Salamat S., Schmidt M., Geisslinger G., Harder S., Lotsch J.* Genetic variants altering dopamine D2 receptor expression or function modulate the risk of opiate addiction and the dosage requirements of methadone substitution // *Pharmacogenet. Genomics*. 2009. Vol. 19. № 6. Pp. 407–414. DOI: 10.1097/FPC.0b013e328320a3fd.
- Eubanks J.H., Djabali M., Selleri L., Grandy D.K., Civelli O., McElligott D.L., Evans G.A.* Structure and linkage of the D2 dopamine receptor and neural cell adhesion molecule genes on human chromosome 11q23 // *Genomics*. 1992. Vol. 14. № 4. Pp. 1010–1018. DOI: 10.1016/s0888-7543(05)80124-7.
- Flegontova O.V., Khrunin A.V., Lylova O.I., Tarskaia L.A., Spitsyn V.A., Mikulich A.I., Limborska S.A.* Haplotype frequencies at the DRD2 locus in populations of the East European Plain // *BMC Genet.* 2009. Vol. 10. P. 62. DOI: 10.1186/1471-2156-10-62.
- Giros B., Caron M.G.* Molecular characterization of the dopamine transporter // *Trends Pharmacol. Sci.*, 1993. Vol. 14. № 2. Pp. 43–49. DOI: 10.1016/0165-6147(93)90029-j.
- Hu Y., Hakkola J., Oscarson M., Ingelman-Sundberg M.* Structural and Functional Characterization of the 5'-flanking Region of the Rat and Human Cytochrome P450 2E1 Genes: Identification of a Polymorphic Repeat in the Human Gene // *Biochem. Biophys. Res. Commun.* 1999. Vol. 263. № 2. Pp. 286–293. DOI: 10.1006/bbrc.1999.1362.
- Krause J., Dresel S.H., Krause K.H., La Fougère C., Zill P., Ackenheil M.* Striatal dopamine transporter availability and DAT-1 gene in adults with ADHD: no higher DAT availability in patients with homozygosity for the 10-repeat allele // *World J. Biol. Psychiatry*. 2006. Vol. 7. № 3. Pp. 152–157. DOI: 10.1080/15622970500518444.
- Nyberg C., Banaschewski T., Bokde A.L., Büchel C., Conrod P., Flor H., Frouin V., Garavan H., Gowland P., Heinz A., Ittermann B., Mann K., Martinot J.L., Nees F., Paus T., Pausova Z., Rietichel M., Robbins T.W., Smolka M.N., Ströhle A., Schumann G., Klingberg T.* DRD2/ANKK1 polymorphism modulates the effect of ventral striatal activation on working memory performance // *Neuropsychopharmacology*, 2014. Vol. 39. № 10. Pp. 2357–2365. DOI: 10.1038/npp.2014.83.
- Palmeira L., Cunha M., Padez C., Alvarez M., Pinto-Gouveia J., Manco L.* Association study of variants in genes FTO, SLC6A4, DRD2, BDNF and GHRL with binge eating disorder (BED) in Portuguese women // *Psychiatry Res.* 2019. Vol. 273. Pp. 309–311. DOI: 10.1016/j.psychres.2019.01.047.
- Rand C.M., Patwari P.P., Rodikova E.A., Zhou L., Berry-Kravis E.M., Wilson R.J., Bech-Hansen T., Weese-Mayer D.E.* Rapid-onset obesity with hypothalamic dysfunction, hypoventilation, and autonomic dysregulation: analysis of hypothalamic and autonomic candidate genes // *Pediatr. Res.* 2011. Vol. 70. № 4. Pp. 375–378. DOI: 10.1203/PDR.0b013e318229474d.
- Rivera-Iñiguez I., Panduro A., Ramos-Lopez O., Villaseñor-Bayardo S.J., Roman S.* DRD2/ANKK1 TaqI A1 polymorphism associates with overconsumption of unhealthy foods and biochemical abnormalities in a Mexican population // *Eat. Weight. Disord.*, 2019. Vol. 24. № 5. Pp. 835–844. DOI: 10.1007/s40519-018-0596-9.
- Savitz J., Hodgkinson C.A., Martin-Soelch C., Shen P.H., Szczepanik J., Nugent A.C., Herscovitch*

- P., Grace A.A., Goldman D., Drevets W.C.* DRD2/ANKK1 Taq1A polymorphism (rs1800497) has opposing effects on D2/3 receptor binding in healthy controls and patients with major depressive disorder // *Int. J. Neuropsychopharmacol.*, 2013. Vol. 16. № 9. Pp. 2095–2101. DOI: 10.1017/S146114571300045X.
- Sikora M., Gese A., Czypicki R., Gąsior M., Tretyn A., Chojnowski J., Bieliński M., Jaracz M., Kamińska A., Junik R., Borkowska A.* Correlations between polymorphisms in genes coding elements of dopaminergic pathways and body mass index in overweight and obese women // *Endokrynol. Pol.* 2013. Vol. 64. № 2. Pp. 101–107.
- Smith C.T., Dang L.C., Buckholtz J.W., Tetreault A.M., Cowan R.L., Kessler R.M., Zald D.H.* The impact of common dopamine D2 receptor gene polymorphisms on D2/3 receptor availability: C957T as a key determinant in putamen and ventral striatum // *Transl. Psychiatry.* 2017. Vol. 7. № 4. P. e1091. DOI: 0.1038/tp.2017.45.
- Stice E., Burger K.S., Yokum S.* Reward Region Responsivity Predicts Future Weight Gain and Moderating Effects of the Taq1A Allele // *J. Neurosci.* 2015. Vol. 35. № 28. Pp. 10316–10324. DOI: 10.1523/JNEUROSCI.3607-14.2015.
- Stice E., Spoor S., Bohon C., Small D.M.* Relation between obesity and blunted striatal response to food is moderated by Taq1A A1 allele // *Science.* 2008. Vol. 322. № 5900. Pp. 449–452. DOI: 10.1126/science.1161550.
- Uzun M., Saglar E., Kucukyildirim S., Erdem B., Unlu H., Mergen H.* Association of VNTR polymorphisms in DRD4, 5-HTT and DAT1 genes with obesity // *Arch. Physiol. Biochem.* 2015. Vol. 121. № 2. Pp. 75–79. DOI: 10.3109/13813455.2014.985686.
- Van Dyck C.H., Malison R.T., Jacobsen L.K., Seibyl J.P., Staley J.K., Laruelle M., Baldwin R.M., Innis R.B., Gelernter J.* Increased dopamine transporter availability associated with the 9-repeat allele of the SLC6A3 gene // *J. Nucl. Med.* 2005. Vol. 46. № 5. Pp. 745–751.
- Vandenbergh D.J., Persico A.M., Hawkins A.L., Griffin C.A., Li X., Jabs E.W., Uhl G.R.* Human dopamine transporter gene (DAT1) maps to chromosome 5p15. 3 and displays a VNTR // *Genomics.* 1992. Vol. 14, № 4. Pp. 1104–1106. DOI: 10.1016/s0888-7543(05)80138-7.
- VanNess S.H., Owens M.J., Kilts C.D.* The variable number of tandem repeats element in DAT1 regulates in vitro dopamine transporter density // *BMC Genet.* 2005. Vol. 6. № 1. P. 55. DOI: 10.1186/1471-2156-6-55.
- Winkler J.K., Woehning A., Schultz J.-H., Brune M., Beaton N., Challa T.D., Minkova S., Roeder E., Nawroth P.P., Friederich H.C., Wolfrum C., Rudofsky G.* Taq1A polymorphism in dopamine D2 receptor gene complicates weight maintenance in younger obese patients // *Nutrition.* 2012. Vol. 28. № 10. Pp. 996–1001. DOI: 10.1016/j.nut.2011.12.018.
- Vasileva, Aleksandra A., Vasilyev, Vasiliy A., Negasheva, Marina A.*

Gene polymorphism of the dopamine transporter and dopamine receptor D2 is associated with physique*

DOI: 10.33876/2311-0546/2020-52-4/232-248

One of the topical interdisciplinary areas of scientific research is the study of the mechanisms underlying the formation of the human constitution. The polymorphism of the neurotransmitter systems genes is quite often considered in connection with various aspects of the human psyche and physique. The aim of the present study is to search for the associations of the dopamine transporter and dopamine D2 receptor gene polymorphisms with physique and functional characteristics of the cardiovascular system. The anthropogenetic examination of 216 males and females aged 16-23 years was conducted in the Republic of Mordovia. The body length and weight, the waist and hips circumferences, the skinfolds thickness on the trunk and extremities were measured, while the systolic and diastolic blood pressure, heart rate were determined as the functional indicators of the cardiovascular system. All respondents were genotyped at the

loci 3'-UTR VNTR DAT1 of the dopamine transporter and DRD2/ANKK1 Taq1A (rs1800497) of the second type dopamine receptor. Significant ($p < 0.05$) associations were found using the Mann-Whitney U-test (a comparative analysis of the average values) of morphofunctional indicators in people with different genotypes of the studied genes. Females with at least one allele 9 at the DAT1 are characterized by higher body weight and waist circumference compared with those with genotype 9-. Female carriers of the C/C genotype at the DRD2/ANKK1 Taq1A demonstrated higher indicators of body mass, body mass index, waist circumference, abdominal, triceps and thigh skinfolds, as well as a higher heart rate compared to other female genotypes. There were no significant differences in morphofunctional characteristics for males. The revealed associations of the polymorphism of the DAT1 and DRD2 with morphofunctional characteristics are probably due to the complex influence of genetic factors on the formation of body features. The results can be used in personalized medicine.

Key words: anthropometry; body mass index; fat deposition; youth of Mordovia; human genetics; DAT1; DRD2/ANKK1 Taq1A

* **Vasileva Aleksandra A.** – Lomonosov Moscow State University, Faculty of Biology, Department of Anthropology, (Leninskiye Gory, 1/12, Moscow). E-mail: vasileva@mail.bio.msu.ru

Vasilyev Vasily A. – Institute of Gene Biology RAS, Lab. of Genome Organization, (Vavilova 34/5, Moscow). E-mail: shunka@mail.ru

Negasheva Marina A. – Lomonosov Moscow State University, Faculty of Biology, Department of Anthropology, (Leninskiye Gory, 1/12, Moscow). E-mail: negasheva@mail.ru

The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research (RFFI, project No. 18-09-00290), Biological and social factors of microevolutionary changes in the morphofunctional status and level of sexual dimorphism in populations of the modern population” and the program “Post-genomic technologies and promising solutions in biomedicine”

References

- Ariza, M., M. Garolera, M.A. Jurado, I. Garcia-Garcia, I. Hernan, C. Sánchez-Garre, M. Vernet-Vernet, M.J. Sender-Palacios, I. Marques-Iturria, R. Pueyo, B. Segura, and A. Narberhaus. 2012. Dopamine Genes (DRD2/ANKK1-TaqA1 and DRD4-7R) and Executive Function: Their Interaction with Obesity. *PLoS One* 7 (7): e41482. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0041482>
- Avsar, O., A. Kuskucu, S. Sancak, and E. Genc. 2017. Are dopaminergic genotypes risk factors for eating behavior and obesity in adults? *Neurosci. Let.* 654: 28–32. <https://doi.org/10.1016/j.neulet.2017.06.023>
- Benton, D., and H.A. Young. 2016. A meta-analysis of the relationship between brain dopamine receptors and obesity: a matter of changes in behavior rather than food addiction? *Int. J. Obes.* 40 (1): S12–S21. <https://doi.org/10.1038/ijo.2016.9>
- Bieliński, M., M. Jaracz, N. Lesiewska, M. Tomaszewska, M. Sikora, R. Junik, A. Kamińska, A. Tretyn, and A. Borkowska. 2017. Association between COMT Val158Met and DAT1 polymorphisms and depressive symptoms in the obese population. *Neuropsychiatr. Dis. Treat.* 13: 2221–2229. <https://doi.org/10.2147/NDT.S138565>
- Bondareva, E.A., M.A. Negasheva, A.V. Grudieva, and T.V. Tarasova. 2016. Assotsiatsii T/A-polimorfizma gena FTO s kharakterom zhirootlozheniia u iunoshei i devushek [T/A-polymorphism of the FTO gene is associated with fat accumulation traits in youngsters]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seria XXIII. Antropologia* 4: 69–77.
- Butovskaya, P.R., M.L. Butovskaya, V.A. Vasilyev, O.E. Lazebny, D.V. Shibalev, E.V. Veselovskaya, I.G. Udina, and A.P. Ryskov. 2013. Molecular-genetic polymorphisms of dopamine, serotonin and androgenic systems as molecular markers of success in judo wrestling sportsmen. *J. Bioanal. Biomed.* S3: 005. <https://doi.org/10.4172/1948-593X.S3-005>
- Costa, A., M. Riedel, U. Müller, H.J. Möller, and U. Ettinger. 2011. Relationship between SLC6A3 gen-

- otype and striatal dopamine transporter availability: A meta-analysis of human single photon emission computed tomography studies. *Synapse* 65 (10): 998–1005. <https://doi.org/10.1002/syn.20927>
- Davis, C., K. Patte, R. Levitan, C. Reid, S. Tweed, and C. Curtis. 2007. From motivation to behaviour: a model of reward sensitivity, overeating, and food preferences in the risk profile for obesity. *Appetite* 48 (1): 12–19. <https://doi.org/10.1016/j.appet.2006.05.016>
- Davis, C., R.D. Levitan, Z. Yilmaz, A.S. Kaplan, J.C. Carter, and J.L. Kennedy. 2012. Binge eating disorder and the dopamine D2 receptor: genotypes and sub-phenotypes. *Prog. Neuropsychopharmacol. Biol. Psychiatry* 38 (2): 328–335. <https://doi.org/10.1016/j.pnpbp.2012.05.002>
- Doehring, A., N. Hentig, J. Graff, S. Salamat, M. Schmidt, G. Geisslinger, S. Harder, and J. Lotsch. 2009. Genetic variants altering dopamine D2 receptor expression or function modulate the risk of opiate addiction and the dosage requirements of methadone substitution. *Pharmacogenet. Genomics* 19 (6): 407–414. <https://doi.org/10.1097/FPC.0b013e328320a3fd>
- Eubanks, J.H., M. Djabali, L. Selleri, D.K. Grandy, O. Civelli, D.L. McElligott, and G.A. Evans. 1992. Structure and linkage of the D2 dopamine receptor and neural cell adhesion molecule genes on human chromosome 11q23. *Genomics* 14 (4): 1010–1018. [https://doi.org/10.1016/s0888-7543\(05\)80124-7](https://doi.org/10.1016/s0888-7543(05)80124-7)
- Flegontova, O.V., A.V. Khrunin, O.I. Lylova, L.A. Tarskaia, V.A. Spitsyn, A.I. Mikulich, and S.A. Limborska. 2009. Haplotype frequencies at the DRD2 locus in populations of the East European Plain. *BMC Genet.* 10: 62. <https://doi.org/10.1186/1471-2156-10-62>
- Giros, B., and M.G. Caron. 1993. Molecular characterization of the dopamine transporter. *Trends Pharmacol. Sci.* 14 (2): 43–49. [https://doi.org/10.1016/0165-6147\(93\)90029-j](https://doi.org/10.1016/0165-6147(93)90029-j)
- Hu, Y., J. Hakkola, M. Oscarson, M. Ingelman-Sundberg. 1999. Structural and Functional Characterization of the 5'-flanking Region of the Rat and Human Cytochrome P450 2E1 Genes: Identification of a Polymorphic Repeat in the Human Gene. *Biochem. Biophys. Res. Commun.* 263 (2): 286–293. <https://doi.org/10.1006/bbrc.1999.1362>
- Kalmin, O.V., Yu.S. Afanasievskaja, and A.V. Samotuga. 2010. Otsenka osobennostei antropometricheskikh parametrov raspredeleniia somatotipov lits iunosheskogo vozrasta goroda Krasnodara i Krasnodarskogo Kraia [Assessment of the characteristics of the anthropometric parameters of the distribution of somatotypes of young people of Krasnodar and the Krasnodar Territory]. *Izvestiia vysshikh uchebnykh zavedenii. Povolzhskii region. Meditsinskie nauki* 1 (13): 3–11.
- Kolokoltsev, M.M., and V.Yu. Lebedinsky. 2012. Sravnitel'naia kharakteristika urovnia fizicheskogo razvitiia studencheskoi molodezhi iunosheskogo vozrasta Irkutskoi oblasti [Comparative characteristics of level of physical development of young students of Irkutsk]. *Biulleten' VSNC SO RAMN* 6 (88): 47–54.
- Krause, J., S.H. Dresel, K.H. Krause, C. La Fougère, P. Zill, and M. Ackenheil. 2006. Striatal dopamine transporter availability and DAT-1 gene in adults with ADHD: no higher DAT availability in patients with homozygosity for the 10-repeat allele. *World J. Biol. Psychiatry* 7 (3): 152–157. <https://doi.org/10.1080/15622970500518444>
- Negashева, M.A. 2017. *Osnovy antropometrii* [Basics of Anthropometry]. Moscow: Ekon-Inform.
- Nymberg, C., T. Banaschewski, A.L. Bokde, C. Büchel, P. Conrod, H. Flor, V. Frouin, H. Garavan, P. Gowland, A. Heinz, B. Ittermann, K. Mann, J.L. Martinot, F. Nees, T. Paus, Z. Pausova, M. Rietschel, T.W. Robbins, M.N. Smolka, A. Ströhle, G. Schumann, and T. Klingberg. 2014. DRD2/ANKK1 polymorphism modulates the effect of ventral striatal activation on working memory performance. *Neuropsychopharmacology* 39 (10): 2357–2365. <https://doi.org/10.1038/npp.2014.83>
- Palmeira, L., M. Cunha, C. Padez, M. Alvarez, J. Pinto-Gouveia, and L. Manco. 2019. Association study of variants in genes FTO, SLC6A4, DRD2, BDNF and GHRL with binge eating disorder (BED) in Portuguese women. *Psychiatry Res.* 273: 309–311. <https://doi.org/10.1016/j.psychres.2019.01.047>
- Rand, C.M., P.P. Patwari, E.A. Rodikova, L. Zhou, E.M. Berry-Kravis, R.J. Wilson, T. Bech-Hansen, and D.E. Weese-Mayer. 2011. Rapid-onset obesity with hypothalamic dysfunction, hypoventilation, and autonomic dysregulation: analysis of hypothalamic and autonomic candidate genes. *Pediatr. Res.* 70 (4): 375–378. <https://doi.org/10.1203/PDR.0b013e318229474d>
- Rivera-Iñiguez, I., A. Panduro, O. Ramos-Lopez, S.J. Villaseñor-Bayardo, and S. Roman. 2019.

- DRD2/ANKK1 TaqI A1 polymorphism associates with overconsumption of unhealthy foods and biochemical abnormalities in a Mexican population. *Eat. Weight. Disord.* 24 (5): 835–844. <https://doi.org/10.1007/s40519-018-0596-9>
- Savitz, J., C.A. Hodgkinson, C. Martin-Soelch, P.H. Shen, J. Szczepanik, A.C. Nugent, P. Herscovitch, A.A. Grace, D. Goldman, and W.C. Drevets. 2013. DRD2/ANKK1 TaqIA polymorphism (rs1800497) has opposing effects on D2/3 receptor binding in healthy controls and patients with major depressive disorder. *Int. J. Neuropsychopharmacol.* 16 (9): 2095–2101. <https://doi.org/10.1017/S146114571300045X>
- Sikora, M., A. Gese, R. Czipicki, M. Gąsior, A. Tretyn, J. Chojnowski, M. Bieliński, M. Jaracz, A. Kamińska, R. Junik, and A. Borkowska. 2013. Correlations between polymorphisms in genes coding elements of dopaminergic pathways and body mass index in overweight and obese women. *Endokrynol. Pol.* 64 (2): 101–107.
- Sineva, I.M., M.A. Negasheva, and Yu.M. Popov. 2017. Sravnitel'nyi analiz urovnia fizicheskogo razvitiia studentov raznykh gorodov Rossii [Comparative analysis of physical development of students from different cities of Russia]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seria XXIII. Antropologia* 4: 17–27.
- Smith, C.T., L.C. Dang, J.W. Buckholtz, A.M. Tetreault, R.L. Cowan, R.M. Kessler, and D.H. Zald. 2017. The impact of common dopamine D2 receptor gene polymorphisms on D2/3 receptor availability: C957T as a key determinant in putamen and ventral striatum. *Transl. Psychiatry* 7 (4): e1091. <https://doi.org/10.1038/tp.2017.45>
- Stice, E., K.S. Burger, and S. Yokum. 2015. Reward Region Responsivity Predicts Future Weight Gain and Moderating Effects of the TaqIA Allele. *J. Neurosci.* 35 (28): 10316–10324. <https://doi.org/10.1523/JNEUROSCI.3607-14.2015>
- Stice, E., S. Spoor, C. Bohon, and D.M. Small. 2008. Relation between obesity and blunted striatal response to food is moderated by TaqIA A1 allele. *Science* 322 (5900): 449–452. <https://doi.org/10.1126/science.1161550>
- Uzun, M., E. Saglar, S. Kucukyildirim, B. Erdem, H. Unlu, and H. Mergen. 2015. Association of VNTR polymorphisms in DRD4, 5-HTT and DAT1 genes with obesity. *Arch. Physiol. Biochem.* 121 (2): 75–79. <https://doi.org/10.3109/13813455.2014.985686>
- Van Dyck, C.H., R.T. Malison, L.K. Jacobsen, J.P. Seibyl, J.K. Staley, M. Laruelle, R.M. Baldwin, R.B. Innis, and J. Gelernter. 2005. Increased dopamine transporter availability associated with the 9-repeat allele of the SLC6A3 gene. *J. Nucl. Med.* 46 (5): 745–751.
- Vandenbergh, D.J., A.M. Persico, A.L. Hawkins, C.A. Griffin, X. Li, E.W. Jabs, and G.R. Uhl. 1992. Human dopamine transporter gene (DAT1) maps to chromosome 5p15.3 and displays a VNTR. *Genomics* 14 (4): 1104–1106. [https://doi.org/10.1016/s0888-7543\(05\)80138-7](https://doi.org/10.1016/s0888-7543(05)80138-7)
- VanNess, S.H., M.J. Owens, and C.D. Kilts. 2005. The variable number of tandem repeats element in DAT1 regulates in vitro dopamine transporter density. *BMC Genet.* 6 (1): 55. <https://doi.org/10.1186/1471-2156-6-55>
- Viazova, L.S., and A.V. Solntseva. 2018. Vzaimnoe vliianie geneticheskogo polimorfizma TaqIA gena dofaminovogo retseptora 2 tipa, urovnei dofamina i leptina krovi na formirovanii raznykh form ozhireniia u detei [Mutual effect of TaqIA genetic polymorphism of the dopamine receptor type 2 gene, levels of dopamine and blood leptin on the formation of various forms of obesity in children]. *Detskaia meditsina Severo-Zapada* 7 (1):71.
- Winkler, J.K., A. Woehning, J.-H. Schultz, M. Brune, N. Beaton, T.D. Challa, S. Minkova, E. Roder, P.P. Nawroth, H.C. Friederich, C. Wolfrum, and G. Rudofsky. 2012. TaqIA polymorphism in dopamine D2 receptor gene complicates weight maintenance in younger obese patients. *Nutrition* 28 (10): 996–1001. <https://doi.org/10.1016/j.nut.2011.12.018>

**ПАМЯТИ УЧИТЕЛЯ. АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ ЦИРКУМБАЙКАЛЯ
В ТРУДАХ И.И. ГОХМАНА***

Статья посвящена памяти выдающегося советского и российского антрополога Ильи Иосифовича Гохмана. Констатирован широкий круг научных интересов исследователя. В сообщении рассмотрен региональный аспект деятельности ученого. Проанализированы работы И.И. Гохмана по антропологии населения Прибайкалья и Забайкалья. Ученый внес значительный вклад в изучение краниологии эпохи неолита, основываясь на материалах Фофановского могильника из Забайкалья. И.И. Гохман дал полную антропологическую характеристику и историческую интерпретацию краниологических данных по населению культуры плиточных могил бронзового века. Выделяются исследования им населения эпохи хунну, в которых была впервые зафиксирована европеоидная примесь у древнего населения Байкальской Сибири, впоследствии подтвержденная в совместной фундаментальной монографии В.П. Алексева и И.И. Гохмана. В статье проанализированы работы И.И. Гохмана по антропологическим материалам средневековых могильников Улан-Бор и Усть-Талькин в Прибайкалье. Особое место занимает концепция И.И. Гохмана о формировании центральноазиатской расы в результате метисации байкальской расы с европеоидами. Отдельно упомянута выдающаяся работа И.И. Гохмана «Происхождение центральноазиатской расы в свете новых палеоантропологических материалов». В ней ученым были введены новые краниологические индексы, дан новаторский анализ материала, изложена новая теоретическая концепция. И.И. Гохман ввел в научный оборот новые уникальные краниологические материалы, предложил новые теоретические разработки, в корне изменившие представления об антропологических процессах на территории Прибайкалья и Забайкалья. Работы И.И. Гохмана вызвали плодотворную дискуссию среди специалистов и дали импульс новым исследованиям по антропологии Байкальской Сибири.

Ключевые слова: антропология, краниология, центральноазиатская раса, Байкальская Сибирь, Прибайкалье, Забайкалье

Выдающийся советский и российский антрополог Илья Иосифович Гохман был не только научным руководителем, но и Учителем с большой буквы для автора настоящей статьи. Разумеется, у него было много учеников, но мне выпала честь быть одним из последних.

Бураев Алексей Игнатьевич – к.и.н., научный сотрудник Отдела истории и культуры Центральной Азии, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН. (670047, Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6. Россия). Эл. почта: burayev1961@mail.ru

* Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект XII.191.1.2). Межкультурное взаимодействие, этнические и социально-политические процессы в Центральной Азии, № ААА-А-А17-117021310264-4 (Intercultural relationships, ethnic and sociopolitical processes in Central Asia)

Круг научных интересов ученого был чрезвычайно широк. Однако, по нашему мнению, одной из главных заслуг И.И. Гохмана является сохранение российской краниологической школы. Его работы в области краниологии охватывают огромную территорию. Но предлагаемая работа, в силу собственной компетенции автора, носит подчеркнуто региональный характер.

Рассматриваемый регион в классических работах советского периода объединял две связанные озером Байкал территории: Прибайкалье и Забайкалье. В последние десятилетия для него очень часто используется термин «Байкальская Сибирь». Автор когда-то предлагал закрепить за этой территорией наименование «Циркумбайкалье», но название не прижилось. В этой связи, в статье будут использоваться все три названия, относящиеся к одному региону. Отметим, что Байкальская Сибирь – территория крайне интересная для изучения процессов расогенеза (на уровне малых рас) и этногенеза, что определяется чрезвычайно высокой динамикой населения региона. Действительно охотники эпохи неолита совершали рейды на довольно значительные расстояния от Приангарья до центральной Монголии, что зафиксировано археологически. В дальнейшем от эпохи бронзы до этнографической современности Байкальскую Сибирь населяли кочевники, которые, как известно, могли достаточно быстро перемещаться еще более масштабно. Кроме того, из письменных источников известно, что кочевые племена меняли свое название в пользу господствующего в центральноазиатских степях объединения (*Таскин* 1984: 45, 297–298) и, зачастую, просто вливались в него. Тем более, что территория с древнейших времен была довольно густо заселена. Поэтому неудивительно, что антропологи, в том числе и И.И. Гохман, достаточно давно обратились к изучению древнего и средневекового населения региона.

Нельзя не отметить, что регион исследовали и представители смежных гуманитарных наук. Так, письменные источники сохранили для потомков наименования многих племен, проделана значительная и нужная работа по сопоставлению китайских и тюркских источников с целью идентификации разных названий одного и того же племени. Археологам убедительно удалось идентифицировать часть племен с открытыми археологическими культурами. Во многих случаях определены происхождение, направление связей с соседями и миграционных потоков, дальнейшая историческая судьба племен и племенных объединений.

Все эти результаты были бы невозможны без привлечения данных палеоантропологии. Действительно, материальные традиции и даже название какого-либо народа могут передаваться без генетических контактов их носителей. Таким примерам в истории человечества «несть числа». В то же время, смена антропологического состава, безусловно, свидетельствует о появлении здесь нового населения. Таким образом, задача определения степени метисации или полной смены антропологического состава, в связи с особой динамичностью охотничьих и кочевых объединений, приобретает для рассматриваемой территории первостепенное значение.

Говоря об И.И. Гохмане, было бы неправильно не упомянуть других исследователей антропологического состава Циркумбайкалья. Начало изучению байкальского региона было положено в конце XIX в. Ю.Д. Талько-Грынцевичем, возглавлявшим Троицкосавско-Кяхтинское отделение Приамурского отдела Русского географического общества. Роль и значение работ Ю.Д. Талько-Грынцевича были всесторонне оценены в статье И.И. Гохмана «Антропологическое изучение Забайкалья в Троицко-Кяхтинском отделении Русского географического общества» (*Гохман* 1977). Тем самым был дан достойный пример отношения современных исследователей к своим предшественникам.

В дальнейшем свой вклад в антропологию циркумбайкальского региона внесли Г.Ф. Дебец, М.Г. Левин, М.М. Герасимов, И.М. Золотарева, Н.Н. Мамонова, М.М. Герасимова. Исследователями были введены в научный оборот репрезентативные антропологические материалы, дана историческая и расогенетическая интерпретация полученных данных.

Еще раз отметим особую роль Ильи Иосифовича Гохмана в антропологическом изучении Прибайкалья и Забайкалья. В 1954 г. выходит его первая работа, основанная на забайкальских материалах (в основном из Фофановского могильника), составивших небольшую серию из 8 черепов (Гохман 1954). В ней исследователь отметил антропологическую однородность серии, ее принадлежность к монголоидной расе и, более конкретно, к локальному варианту палеосибирской расы, распространенной в неолитическое время на территории Прибайкалья. Тем самым, автор включился в полемику о происхождении антропологических особенностей неолитического населения Прибайкалья, заключавшихся в некотором ослаблении монголоидного комплекса признаков по сравнению с другими древними и современными монголоидными группами региона. Собственно, обе точки зрения на указанную проблему были высказаны Г.Ф. Дебецем. В своих ранних работах по этой проблематике он указывал на несомненное наличие европеоидной примеси у неолитического населения Прибайкалья (Дебец 1930; Дебец 1948). Позднее, им же была обоснована прямо противоположная гипотеза о протоморфном монголоидном типе у неолитических племен Прибайкалья, характеризующимся сочетанием монголоидных и европеоидных особенностей. Разрешение этого вопроса Дебец поставил в зависимость от степени выраженности монголоидного комплекса признаков к востоку и северо-востоку от Прибайкалья (Дебец 1951).

Наиболее аргументировано против гипотезы о протоморфном недифференцированном типе неолитического населения Прибайкалья выступил М.Г. Левин (Левин 1958). Им были проанализированы все известные к тому времени черепа эпохи неолита с территории, лежащей к востоку и северо-востоку от Байкала, и сделан вывод о их несомненной монголоидности, что, в свою очередь, косвенно свидетельствовало о европеоидной примеси у неолитического населения Прибайкалья (Левин 1958: 157–163).

Во многом точка зрения М.Г. Левина, остающаяся наиболее аргументированной и по сей день, основана на материалах из Фофановского могильника, опубликованных И.И. Гохманом.

И.И. Гохман, пересмотрев свои взгляды на принадлежность черепов из Фофаново к локальному варианту палеосибирской расы (Гохман 1958), пошел значительно дальше, признав неоднородность неолитического населения Забайкалья, которое ранее представлялось гомогенной общностью (Гохман 1977: 159; Гохман 1980: 20). В статье 1980 г. им, в качестве гипотезы, были реконструированы исходные компоненты населения Забайкалья эпохи неолита: долихокранный европеоидный тип и мезо- или брахикранный, с резко уплощенным лицом (Байкальская раса) (Гохман 1980: 22). При этом само неолитическое население, по мнению автора, «не уступает по выраженности монголоидных признаков краниологическим сериям современных сибирских монголоидов» (Алексеев, Гохман 1984: 33).

Интерес исследователя к Байкальской Сибири не ограничился эпохой камня. В последующие ей эпохи бронзы и раннего железа здесь проживало население, оставившее памятники культуры плиточных могил. Первым исследователем антропологии населения культуры плиточных могил был так же Ю.Д. Талько-Грынцевич (Талько-Грынцевич 1906), но впервые полная антропологическая характеристика и историческая

интерпретация антропологических данных по населению культуры плиточных могил даны И.И. Гохманом (*Гохман* 1958; *Гохман* 1967; *Гохман* 1980). Им были отмечены генетическая преемственность между населением эпохи неолита и позднего бронзового века Забайкалья и несомненное участие последних в этнических процессах в регионе в гуннскую и последующие эпохи. Отметим, что, несмотря на малочисленность данной серии, краниологический материал из плиточных могил однороден и весьма выразителен. Поэтому нельзя не согласиться с И.И. Гохманом в том, что «на протяжении эпохи бронзы в Забайкалье формируется и концу ее уже складывается довольно однородный... антропологический тип, отличающий население Забайкалья от населения соседних территорий» (*Гохман* 1967). В систематическом плане исследователь отнес черепа из плиточных могил к байкальской расе.

В конце I тыс. до н.э. население культуры плиточных могил в степных районах Западного Забайкалья сменяют племена хунну. Их погребальные памятники были открыты и исследованы археологическими и антропологическими методами Ю.Д. Талько-Грынцевичем в 1896-1897 гг. (*Талько-Грынцевич* 1898-1900; *Талько-Грынцевич* 1905; *Талько-Грынцевич* 1928). В дальнейшем антропологические материалы хунну изучались Г.Ф. Дебецем и Н.Н. Мамоновой (*Дебец* 1948; *Мамонова* 1974). Исследователи идентифицировали полученные материалы с хунну, констатировали их монголоидность, не исключая наличия небольшой европеоидной примеси, связываемой с неолитическим населением Прибайкалья. Особое внимание в краниологической характеристике привлекла мезокrania хуннской серии, резко выделяющая их на фоне брахикраниого населения региона. Исходя из этого факта, Г.Ф. Дебец предположил, что хунну Забайкалья не являются прямыми потомками населения предшествующей стадии, имея ввиду брахикранное население эпохи неолита и черепа из херексуров (*Дебец* 1948: 123).

И.И. Гохман, подтвердив вывод Г.Ф. Дебеца об отсутствии генетической преемственности между хунну и их предшественниками на территории Забайкалья, и распространив его на носителей культуры плиточных могил в посвященной последним статье (*Гохман* 1958: 441), в дальнейшем усомнился в приходе хунну с другой территории (*Гохман* 1980: 29). К этому времени в распоряжении исследователя находился значительно больший по численности материал, расширилась география находок (Иволгинское городище) (*Гохман*, 1969: 166–173), кардинально изменилась даже расовая характеристика отдельных черепов. В работе 1977 г. автор прямо указывает: «Любой способ внутригруппового анализа серии хуннов Забайкалья показывает наличие в ней морфологически противоположных вариантов. В серии преобладают монголоидные черепа байкальского типа. Но наряду с ними имеются и совершенно европеоидные черепа с резко профилированным лицом, высоким переносьем, сильно выступающими носовыми костями» (*Гохман* 1977: 162–163). Новые данные позволили И.И. Гохману предположить, что один из компонентов, входящий в состав хунну, происходит от населения культуры плиточных могил. Другой, европеоидный – от западных соседей, однако и этими компонентами не исчерпывается антропологический состав хуннской серии. В фундаментальной монографии В.П. Алексеева и И.И. Гохмана «Антропология азиатской части СССР», авторы предположили и возможность небольшой примеси дальневосточной расы в антропологическом составе хунну. Там же была предложена версия о происхождении европеоидной составляющей в хуннской серии: «Что касается европеоидной примеси в составе хуннов, то она могла появиться либо в результате западных контактов непосредственно

в скифскую или гуннскую эпоху, либо быть унаследованной от неолитического населения Прибайкалья» (Алексеев, Гохман 1984: 69).

Современный анализ материала позволяет сделать вывод о синхронном сосуществовании различных расовых типов на территории байкальского региона в хуннское время. По всей видимости, европеоиды, дальневосточные монголоиды и автохтонное население региона активно контактировали между собой на всем протяжении I тыс. до н.э. и в первые века н.э. Таким образом, байкальский регион являлся маргинальным для монголоидных и европеоидных популяций. (Бураев 2006: 40–84).

Общепризнано, что процесс формирования центральноазиатской расы (как представлялось ранее – выражено монголоидной группы популяций) проходил на территории Циркумбайкалья. Современные народы центральноазиатской расы, проживающие на территории региона, зачастую представлялись едва ли не «образцом» монголоидности. В этой связи значительный интерес представляют антропологические материалы эпохи средневековья.

Открытие могильника Усть-Талькин в Прибайкалье (Седякина 1965: 196–202) значительно расширило представления об антропологии Байкальского региона. Впервые в распоряжении антрополога оказалась репрезентативная средневековая серия из одного, хронологически единого, могильника с территории Прибайкалья. Серию составляют 18 мужских и 12 женских черепов (Гохман 1963: 339). И.И. Гохман отметил выраженную однородность серии и ее несомненное сходство с сериями центральноазиатского антропологического типа. Наибольшее сходство усть-талькинские черепа обнаруживают с черепами забайкальских бурят, которые являются, по мнению исследователя, их прямыми потомками. При этом особое внимание было уделено резко выраженной брахикрании изученной серии. Именно эта черта в краниологической характеристике усть-талькинцев позволила И.И. Гохману предположить их связь с носителями культуры плиточных могил Забайкалья. Таким образом, обнаруживая сходство, как с древним, так и с современным населением региона, усть-талькинцы, согласно автору, имеют самое прямое отношение к формированию центральноазиатской расы. Поставив вопрос о наличии европеоидной примеси у усть-талькинцев, основываясь на их сходстве по некоторым признакам с енисейскими кыргызами, И.И. Гохман ответил на него в принципе отрицательно, не исключив все же такую возможность окончательно (Гохман 1963: 338–359).

В 1968 г. была опубликована статья И.И. Гохмана по антропологическим материалам, полученным при раскопках А.П. Окладникова на городище Улан-Бор (Окладников 1963: 273–281). Они неопровержимо свидетельствуют о проживании в Прибайкалье в VIII–IX вв. европеоидов памиро-ферганского облика (Гохман 1968: 108–126). Хронология и антропологическая характеристика серии не вызывает сомнения. На основании своих исследований, данных письменных источников и археологии, И.И. Гохман отнес эту группу населения к средневековым согдийцам (Гохман 1968: 124). Полученные данные позволили связать средневековое население с бурятской группой «саргул» и предположить возможность европеоидной примеси у последних (Гохман 1968: 125).

Улан-Борская серия глубоко повлияла на представления об антропологическом составе населения региона. Связи с ираноязычным миром стали реальностью. В то же время возник другой вопрос – сыграл ли этот компонент значительную роль в дальнейшей истории населения Байкальского региона? Небольшая численность черепов памиро-ферганского облика и значительная трудность определения европе-

оидного компонента в составе населения Прибайкалья и Забайкалья затрудняют ответ. И все же, создается впечатление, что влияние памиро-ферганского компонента на формирование складывающейся антропологической общности было либо крайне незначительным, либо отсутствовало вовсе (Бураев 2000: 72). Черепа из Улан-Бора отличаются от классических монголоидов кардинально. Кроме выраженной европеоидности бросается в глаза их грацильность, несвойственная антропологическому облику последующего населения региона.

Изучение антропологического состава древнего и средневекового населения региона позволило сделать вывод о наличии европеоидного влияния и, соответственно, возможности европеоидной примеси у современных центральноазиатских народов Прибайкалья и Забайкалья.

Формированию центральноазиатской расы посвящена выдающаяся по предложенным в ней подходам, новым методам и теоретической смелости автора, статья И.И. Гохмана «Происхождение центральноазиатской расы в свете новых палеоантропологических материалов» (Гохман 1980). Новаторский анализ материала и введение новых краниологических индексов (Гохман 1980: 7–8) позволили исследователю не только внести новые представления об антропологии Прибайкалья и Забайкалья, но и выдвинуть гипотезу о происхождении центральноазиатской расы.

И.И. Гохман предположил, что «...центральноазиатская раса сформировалась в результате метисации древней байкальской расы с европеоидами» (Гохман 1980: 33). В то же время, автор отметил, что фактор метисации не был единственным фактором формирования центральноазиатской расы. На основе в основном средневековых материалов, автор настоящего сообщения поддерживает гипотезу о метисационном происхождении центральноазиатской расы (Бураев 2000: 95). Действительно, сложно предположить долговременное сосуществование европеоидов и монголоидов на территории Байкальского региона без генетических контактов, притом, что зачастую представители различных рас захоронены в одних могильниках по однотипному обряду.

Работая с антропологическими материалами из Байкальской Сибири мне, естественно, пришлось иметь дело с материалами и работами И.И. Гохмана. Его профессионализм, глубокое исследовательское чутье, пионерские идеи дали импульс для моих собственных исследований. Основные положения настоящей статьи впервые были изложены в докладе на международной научной конференции «Проблемы изучения изменчивости в антропологии. Новое в многообразии традиционного» 16 мая 2019 г.

И.И. Гохман внес выдающийся вклад в антропологическое изучение Прибайкалья и Забайкалья. Им введены в научный оборот новые уникальные материалы, позволившие изменить представление об антропологических процессах на этой территории. Теоретические разработки И.И. Гохмана вызвали плодотворные дискуссии среди ученых и привели к новым исследованиям по антропологии Байкальской Сибири.

Научная литература

- Алексеев В.П., Гохман И.И. Антропология азиатской части СССР. М.: Наука. 1984.
- Бураев А.И. Средневековое население Прибайкалья и Забайкалья по данным краниологии. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского научного центра СО РАН. 2000.
- Бураев А.И. Антропология Прибайкалья и Забайкалья (древность и средневековье). Улан-Удэ: Изд-во Бурятского научного центра СО РАН. 2006.
- Гохман И.И. Материалы по антропологии древнего населения низовьев Селенги // Краткие

- сообщения Института этнографии АН СССР. М.; Л., 1954. Вып. XX. С. 59–67.
- Гохман И.И. Антропологические материалы из плиточных могил Забайкалья // Сборник музея антропологии и этнографии АН СССР. М.; Л., 1958. Т.8. С. 428–443.
- Гохман И.И. Палеоантропологические материалы из могильника Усть-Талькин в Прибайкалье // Сборник Музея антропологии и этнографии АН СССР. М.; Л., 1963. Т.21. С. 338–359.
- Гохман И.И. К вопросу об антропологических особенностях древних скотоводов в Забайкалье // Советская этнография, 1967. № 6. С. 95–100.
- Гохман И.И. Среднеазиатская колония в Прибайкалье // Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии. М., 1968. С. 108–126.
- Гохман И.И. Антропологическая характеристика черепов из Иволгинского городища // Труды Бурятского комплексного научно-исследовательского института. Улан-Удэ, 1969. Вып. 3. С. 66–173.
- Гохман И.И. Антропологическое изучение Забайкалья в Троицко-Кяхтинском отделении Русского географического общества // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. Л., 1977. Вып.7. С. 158–164.
- Гохман И.И. Происхождение центральноазиатской расы в свете новых палеоантропологических материалов // Исследования по палеоантропологии и краниологии СССР. Сборник Музея антропологии и этнографии АН СССР. Л., 1980. Т.36. С. 5–34.
- Дебец Г.Ф. Антропологический состав населения Прибайкалья в эпоху позднего неолита // Русский антропологический журнал, 1930. Т. XIX. Вып. 1–2. С. 7–50.
- Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР. (Труды института этнографии АН СССР; Т.4). М.; Л., 1948.
- Дебец Г.Ф. Антропологические исследования в Камчатской области. Труды Института этнографии СССР. М., 1951. Т.17.
- Левин М.Г. Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока. Труды Института этнографии АН СССР. М., 1958. Т.36.
- Мамонова Н.Н. К антропологии гуннов Забайкалья (По материалам могильника Черемуховая падь) // Расогенетические проблемы в этнической истории. М., 1974. С. 201–228.
- Окладников А.П. Новые данные по истории Прибайкалья в тюркское время // Тюркологические исследования. М.; Л., 1963. С. 273–281.
- Седякина Е.Ф. Могильник Усть-Талькин // Труды Бурятского Комплексного научно-исследовательского института СО АН СССР. Улан-Удэ, 1965. Вып.16. С. 196–202.
- Талько-Грынцевич Ю.Д. Материалы к палеоэтнологии Забайкалья. III // Труды Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела Русского географического общества. М., 1898–1900. Т. 1. Вып. 3. С. 35–76.
- Талько-Грынцевич Ю.Д. Древние аборигены Забайкалья в сравнении с современными инородцами. Сравнительно-антропологический очерк // Труды Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела Русского географического общества. СПб, 1905. Т. 8. Вып. 1. С. 32–51.
- Талько-Грынцевич Ю.Д. Население древних могил и кладбищ забайкальских // Бурятияведение. Верхнеудинск, 1928. № 1–3 (5–7). С. 91–103.
- Таскин В.С. Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху. М.: Наука, 1984.

*Buraev, Aleksey I.**

To the memory of the Teacher. Anthropological Studies of the Circum-Baikal region in the works of I.I. Gokhman

DOI: 10.33876/2311-0546/2020-52-4/249-257

The article is dedicated to the memory of the outstanding Soviet and Russian anthropologist Ilya Iosifovich Gokhman, who had a wide range of scientific interests. The study examines the regional aspect of his research and analyzes his works on anthropology of population of Baikal and Trans-Baikal regions. Gokhman made a significant contribution to the study of craniology of the Neolithic, based on the materials of the Fofanovo burial site from Trans-Baikal. He made a

complete anthropological description and historical interpretation of craniological data on the population of the Bronze Age slab graves culture. His outstanding research on the population of the Hunnu era first revealed the Caucasoid admixture among the ancient population of Baikal Siberia, which was later confirmed in a joint fundamental monography by V.P. Alekseev and I.I. Gokhman. The article also analyzes the work of Gokhman on anthropological materials of the medieval burial sites Ulan-Bor and Ust-Talkin in the Baikal region. Another important finding of the scientist is the concept of formation of the Central Asian race as a result of metisisation between the Baikal race and the Caucasians. His remarkable paper "The origin of the Central Asian race in the light of new paleoanthropological data" is separately mentioned. In it, Gokhman introduced new craniological indices, made a comprehensive analysis of the material and presented a new theoretical concept. He introduced new unique craniological materials, proposed new theoretical developments that fundamentally changed ideas about anthropological processes on the territory of Baikal and Trans-Baikal regions. The works of I.I. Gokhman provoked insightful debate among experts and gave impulse to new research on anthropology of Baikal Siberia.

Key words: *anthropology; craniology; Central Asian race; Baikal Siberia; Baikal region; Trans-Baikal region*

* **Buraev Aleksey I.** – Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (IMBTS SB RAS), Department of History and Culture of Central Asia (Sakhianovoi str, 6, Ulan-Ude, Russia). E. mail: buraev 1961@mail.ru

References

- Alekseev, V.P., I.I. Gokhman. 1984. *Antropologiya aziatskoi chasti SSSR* [Anthropology of the Asian part of the USSR]. Moscow: Nauka.
- Buraev, A.I. 2000. *Srednevekovoe naselenie Pribaikal'ya i Zabaikal'ya po dannym kraniologii* [Medieval population of the Baikal region and Transbaikalia according to craniology data]. Ulan-Ude: Izdatel'stvo Buryatskogo nauchnogo tsentra SO RAN.
- Buraev, A.I. 2006. *Antropologiya Pribaikal'ya i Zabaikal'ya (drevnost' i srednevekov'e)* [Anthropology of the Pribaikalia and Transbaikalia (antiquity and the Middle Ages)]. Ulan-Ude: Izdatel'stvo Buryatskogo nauchnogo tsentra SO RAN.
- Gokhman, I.I. 1954. Materialy po antropologii drevnego naseleniya nizov'ev Selengi [Materials on the anthropology of the ancient population of the lower reaches of the Selenga]. In *Kratkie soobshcheniia Instituta etnografii AN SSSR* [Brief reports of the Institute of Ethnography of the USSR Academy of Sciences]. Iss. XX: 59–67. Moscow; Leningrad.
- Gokhman, I.I. 1958. Antropologicheskie materialy iz plitochnykh mogil Zabaikal'ia [Anthropological materials from the slab graves of Transbaikalia]. In *Sbornik muzeia antropologii i etnografii AN SSSR* [Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography of the USSR Academy of Sciences] 8: 428–443. Moscow; Leningrad.
- Gokhman, I.I. 1963. Paleoantropologicheskie materialy iz mogil'nika Ust'-Tal'kin v Pribaikal'e [Paleoanthropological materials from the Ust' -Talkin burial ground in the Pribaikalie]. In *Sbornik Muzeia antropologii i etnografii AN SSSR*. [Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography of the USSR Academy of Sciences] 21: 338–359. Moscow; Leningrad.
- Gokhman, I.I. 1967. K voprosu ob antropologicheskikh osobennostyakh drevnykh skotovodov v Zabaikal'e [On the question of the anthropological characteristics of the ancient nomads of Transbaikalia]. *Sovetskaia etnografiia* 6: 95–100.
- Gokhman, I.I. 1968. Sredneaziatskaia koloniia v Pribaikal'e [Central Asian colony in the Pribaikalie]. In *Problemy antropologii i istoricheskoi etnografii Azii* [Problems of Anthropology and Historical Ethnography of Asia] edited by V.P. Alekseev and I.S. Gurich, 108–126. Moscow: Nauka.

- Gokhman, I.I. 1969. Antropologicheskaya kharakteristika cherepov iz Ivolginskogo gorodishcha [Anthropological characteristics of skulls from the Ivolginsky settlement]. In *Trudy Buriatskogo kompleksnogo nauchno- issledovatel'skogo instituta* [Works of the Buryat Integrated Research Institute]. Iss. 3: 166–173. Ulan-Ude.
- Gokhman, I.I. 1977. Antropologicheskoe izuchenie Zabaikal'ia v Troitsko-Kiakhtinskom otdelenii Russkogo geograficheskogo obshchestva [Anthropological study of Transbaikalia at the Troitsko-Kyakhta branch of the Russian Geographical Society]. In *Ocherki istorii russkoi etnografii, fol'kloristiki i antropologii* [Essays on the history of Russian ethnography, folklore and anthropology] edited A.M. Reshetov and T.V. Stanyukovich, 7: 158–164. Leningrad: Nauka.
- Gokhman, I.I. 1980. Proiskhozhdenie tsentral'noaziatskoi rasy v svete novykh paleoantropologicheskikh materialov [The origin of the Central Asian race in the light of new paleoanthropological materials]. In *Issledovaniia po paleoantropologii i kraniologii SSSR. Sbornik Muzeia antropologii i etnografii AN SSSR* [Research in paleoanthropology and craniology of the USSR. Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography of the USSR Academy of Sciences] edited by I.I. Gokhman, Leningrad: Nauka, 36: 5–34.
- Debets, G.F. 1930. Antropologicheskii sostav naseleniia Pribaikal'ia v epokhu pozdnego neolita. In *Russkii antropologicheskii zhurnal*, Vol. XIX. Iss. 1–2: 7–50.
- Debets, G.F. 1948. *Paleoantropologiya SSSR* [Paleoanthropology of the USSR]. Moscow–Leningrad.
- Debets, G.F. 1951. *Antropologicheskie issledovaniia v Kamchatskoi oblasti* [Paleoanthropological research in the Kamchatka region]. Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR.
- Levin M.G. 1958. Etnicheskaya antropologiya i problemy etnogeneza narodov Dal'nego Vostoka. In *Trudy Instituta etnografii AN SSSR* [Works of the Institute of Ethnography of the USSR Academy of Sciences] 36: 59–67. Moscow.
- Mamonova, N.N. 1974. K antropologii gunnov Zabaikal'ia (Po materialam mogil'nika Cheremukhovaia pad') [On the anthropology of the Huns of Transbaikalia (Based on materials from the Cheryomukhovaya Pad' burial ground)]. In *Rasogeneticheskie problemy v etnicheskoi istorii* [Race-genetic problems in ethnic history] edited by I.M. Zolotareva, 201–228. Moscow: Nauka.
- Okladnikov, A.P. 1963. Novye dannye po istorii Pribaikal'ia v tiurkskoe vremia [New data on the history of the Baikal region in Turkic time]. In *Tiurkologicheskie issledovaniia* [Turkological research] edited by A.K. Borovkov, 273–281. Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR.
- Sediakina, E.F. 1965. Mogil'nik Ust'-Tal'kin [Ust-Talkin burial ground]. In *Trudy Buriatskogo kompleksnogo nauchno-issledovatel'skogo instituta SO AN SSSR* [Works of the Buryat Integrated Research Institute]. 16: 196–202. Ulan-Ude.
- Tal'ko-Gryntsevich, Yu.D. 1898–1900. Materialy k paleoetnologii Zabaikal'ia [Materials for paleoethnology of Transbaikalia]. III. In *Trudy Troitskosavsko-Kiakhtinskogo otdeleniia Priamurskogo otdela Russkogo geograficheskogo obshchestva* [Works of the Troitskosavsko-Kyakhtinsky branch of the Amur branch of the Russian Geographical Society]. Vol. 1. Iss. 3: 35–76. Moscow.
- Tal'ko-Gryntsevich, Yu.D. 1905. Drevnie aborigeny Zabaikal'ia v sravnenii s sovremennymi inorodtsami. Sravnitel'no-antropologicheskii ocherk [Ancient Aborigines of Transbaikalia in Comparison with Modern Foreigners. Comparative anthropological essay]. In *Trudy Troitskosavsko-Kiakhtinskogo otdeleniia Priamurskogo otdela Russkogo geograficheskogo obshchestva* [Works of the Troitskosavsko-Kyakhtinsky branch of the Amur branch of the Russian Geographical Society]. Vol. 8. Iss. 1: 32–51. St.Petersburg.
- Tal'ko-Gryntsevich Yu.D. 1928. Naselenie drevnikh mogil i kladbishch zabaikal'skikh [The population of the ancient graves and cemeteries of the Trans-Baikal]. In *Buriatievedenie*, Verkhneudinsk: 1–3 (5–7): 91–103.
- Taskin, V.S. 1984. *Materialy po istorii drevnikh kochevykh narodov gruppy dunkhu* [Materials on the history of the ancient nomadic peoples of the Dunhu group]. Moscow: Nauka.

ОДОНТОЛОГИЯ СРЕДНЕВЕКОВОГО НАСЕЛЕНИЯ БЕЛАРУСИ*

В статье представлен новый материал по одонтологии средневекового и близкого к современности населения Беларуси. Основой для исследования послужили краниологические серии с территории г. Несвижа (Минская обл.), приуроченные к Костелу Божьего Тела. Одна из них была получена в ходе спасательных археологических работ на территории кладбища XVII–XVIII вв. у стен костела (55 индивидов), вторая – в ходе реставрационных работ в крипте. В поисках сравнительных материалов с территории Беларуси были также изучены две серии, характеризующие население г. Полоцка (Витебская обл.): серия XIII–XIV вв. с территории Нижнего замка (27 индивидов) и XVII–XVIII вв. с территории Полоцкого городища (41 индивид). Было установлено, что население, захороненное на кладбище при костеле Божьего тела в г. Несвиже и в крипте этого костела относится к кругу грацильных типов, однако в первом случае отчетливо выражены черты северного грацильного типа, во втором – мы можем говорить о присутствии некоего южного компонента в составе погребенных. В населении г. Полоцка мы можем констатировать гораздо более отчетливые различия между ранней и поздней выборками, выразившиеся в отнесении этих групп к двум разным одонтологическим типам: северному грацильному и средневропейскому.

Ключевые слова: физическая антропология, одонтология, северный грацильный тип, восточные славяне, белорусы

Введение

Сбор одонтологического материала, в первую очередь среди современного населения, на территории Белоруссии, был начат Л.И. Тегако еще в 1967 году и продолжен в начале 1970-х. Было обследовано население восточного и западного Полесья (Гомельская и Брестская области) (Тегако, Микулич, Саливон 1978). Выборки с территории Витебской области были отдельно проанализированы в коллективной работе, посвященной формированию антропологического состава населения Белорусского Поозерья (Тегако, Саливон, Микулич 1981). Все эти материалы, дополненные как современными выборками с других территорий, так и данными по сельскому населению XVIII–XIX вв., а также средневековому населению XI–XII вв., опубликованы в обобщающей сводке по этнической одонтологии СССР (Тегако, Саливон 1979). Современные белорусы представлены в ней 13-ю локальными выборками, которые охватывают Витебскую, Минскую,

Лейбова Наталья Александровна – к.и.н., старший научный сотрудник Центра физической антропологии, Институт этнологии и антропологии РАН (Москва, Ленинский пр. 32-а) Эл. почта: nsuvorova@mail.ru

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 18-59-00011 бел_a)

Могилевскую, Гомельскую и Брянскую области. Общее число обследованных составило 1181 человек. В последующие годы именно этот массив данных служил фактической основой для большинства работ по одонтологии населения Беларуси. Кроме того, в 1973 г. С.П. Сегедой был собран материал среди белорусов, Слуцкого р-на Минской обл. (Сегеда 1979), а в 1975 году В.Ф. Кашибадзе (Ващяевой) были так же обследованы белорусы Полоцкого р-на Витебской обл. (Ващяева 1977). Одонтологические характеристики белорусов в целом укладываются в рамки средневропейского одонтологического типа, который на территории Беларуси демонстрирует определенное своеобразие, выражающееся в некотором повышении частот лопатообразной формы верхних медиальных резцов и дистального гребня тригонида, что свидетельствует о легком налете восточных черт (Зубов, Халдеева 1989). Для них характерна более выраженная редукция латеральных резцов и вторых верхних моляров. Градиент территориальных различий признаков имеет преимущественное направление на северо-восток.

Говоря об изучении одонтологии современных белорусов нельзя не упомянуть масштабную обобщающую работу 2002 г. Р.У. Гравере. Материалы по одонтологии белорусов наряду с русскими и украинцами использованы ею для изучения изменчивости одонтологических признаков среди современных восточнославянских народов на территории Восточно-Европейской равнины. В отличие от А.А. Зубова и Н.И. Халдеевой, Р.У. Гравере не считает средневропейский одонтологический тип основным для белорусов, обнаруживая его присутствие только в двух группах из девяти: у белорусов Слуцкого р-на Минской области и Полоцкого р-на Витебской области (Гравере 2002: 92).

В последние десятилетия белорусские исследователи сфокусировались на изучении межпоколенной и эпохальной изменчивости размерных и описательных характеристик зубочелюстной системы населения Беларуси. В 1997–1999 гг. В.В. Гатальским в ходе экспедиционных выездов на территорию Минской, Могилевской, Гомельской, Брестской и Витебской областей и клинических обследований был собран новый материал, главным образом касающийся распространения патологий, а также некоторых показателей редукции зубо-челюстного аппарата, среди современного сельского и городского населения (всего обследовано 1563 человека) (Гатальский 2000). К сожалению, материал не опубликован по стандартной одонтологической программе, что не дает возможность привлекать его в сравнительном анализе.

В 2000-е годы в этом же ключе – изучении временной динамики структурных особенностей коронок зубов у населения Беларуси, О.В. Тегако были обследованы 502 школьника г. Минска (Тевако 2014).

Исследований по одонтологии средневекового и близкого к современности населения с территории Беларуси совсем немного. Одной из причин этого является плохая сохранность краниологического и одонтологического материала. Материалы более ранних эпох отсутствуют, т.к. на изучаемой территории практиковался обряд трупосожжения. До недавнего времени были опубликованы только данные по одонтологии краниологической серии из могильника XI–XII вв. г. Новогрудка (Гродненская обл.) и сборная серия белорусов XVIII–XIX вв., сформированная из краниологических материалов сельских могильников различных регионов Беларуси (Минская, Гродненская, Брестская, Гомельская, Витебская области) (Тевако, Саливон 1979). За последние годы к этим двум сериям добавилась выборка городского населения из могильника XVI–XVIII вв. в городе-замке Горы (Китов 2015). Показательно, что на краниологической

серии, содержащей 126 черепов, число наблюдений по ключевым одонтологическим признакам всего 8–43, что является следствием крайне плохой сохранности зубов.

Таким образом, несмотря на длительную историю одонтологических исследований на территории Беларуси, данных по средневековому населению и белорусам XVII–XIX вв. крайне мало. Любой новый материал, вводимый в научный оборот, обладает высокой ценностью, особенно, если это локальные выборки, а не сборные серии с большой территории.

Основные результаты

В 2018–2020 гг. по одонтологической программе нами были изучены четыре краниологические серии с территории Беларуси. Две серии происходят с территории г. Несвижа (Минская обл.) и приурочены к костелу Божьего Тела. Одна из них была получена в ходе спасательных археологических работ на территории кладбища XVII–XVIII вв. у стен костела (55 индивидов), вторая – в ходе реставрационных работ в крипте. Датировка ее затруднена, по косвенным данным – возможно, XVI в. В серии из крипты затруднительно посчитать точное число изученных индивидов, т.к. коллективное погребение было переотложено еще в древности и нижние челюсти не соотносятся с черепами. В ходе исследования 26 черепов были соотнесены с нижними челюстями, 32 черепа и 27 нижних челюстей остались несоотнесенными. Однако делать вывод, что индивидов 58 (по количеству черепов), было бы некорректно, т.к. коллективные погребения в полу крипты, к сожалению, были вскрыты не полностью.

Еще две серии характеризуют население г. Полоцка (Витебская обл.): серия XIII–XIV вв. с территории Нижнего замка (27 индивидов) и XVII–XVIII вв. с территории Полоцкого городища (41 индивид).

Во всех сериях часть индивидов была представлена лишь фрагментами челюстей или отдельными зубами. К сожалению, в силу сохранности материала и из-за высокой доли индивидов зрелого и старческого возраста, число наблюдений по отдельным признакам не так велико. Напомним, что в практике одонтологических исследований принято объединять данные по полу и анализировать суммарные серии (Зубов 1968; Зубов, Халдеева 1993).

Рассмотрим ключевые одонтологические признаки в изученных сериях из Несвижа и Полоцка (табл. 1).

Лопатообразность верхних резцов: у современных белорусов частота признака варьирует в диапазоне 0,9–10,7%. В средневековой серии XI–XII вв. из Новогрудки частота этого признака значительно выше – 20,0%, у сельского населения XVIII–XIX вв. – 12,6%. В исследованных нами сериях выраженной лопатообразности (баллы 2 и 3) описано не было. Единственный случай лопатообразности зафиксирован на латеральном резце из погребений с кладбища костела Божьего Тела в Несвиже.

Редукция верхнего латерального резца: у средневековых и современных белорусов выраженная редукция встречается редко – не чаще 3,0%. Однако определенная тенденция к редукции все же проявляется в распространенности слабoredуцированных форм (балл 1) латерального резца: у современных белорусов до 26,7% , у средневековых – до 33,3%. В сериях из Несвижа и Полоцка так же практически не отмечен балл 2, за исключением одного случая в Полоцке XIII–XIV вв. Балл 1 с наибольшей частотой зафиксирован на кладбище из Несвижа (25,0%), минимальное значение – в Полоцке XVII–XVIII вв. (5,3%).

Таблица 1

Одонтологическая характеристика средневекового и близкого к современности населения с территории Беларуси (гг. Несвиж и Полоцк)

Признаки	Несвиж XVII-XVIII вв. кладбище	Несвиж крипта	Полоцк XIII-XIV вв.	Полоцк XVII-XVIII вв.
Лопатообразность I ¹ ($\Sigma 2-3$)	0.0 0/18	0.0 0/7	0.0 0/11	0.0 0/17
Лопатообразность I ² ($\Sigma 2-3$)	4.2 1/24	0.0 0/13	0.0 0/13	0.0 0/19
Редукция I ² (балл 1)	25.0 6/24	11.1 2/18	15.4 2/13	5.3 1/19
Редукция I ² (балл 2)	0.0 0/24	0.0 0/18	7.7 1/13	0.0 0/13
Дифференциация корня P ¹ ($\Sigma 2-3$)	54.5 12/22	46.7 14/30	36.4 4/11	42.9 6/14
Hу M ² ($\Sigma 3+, 3$)	22.3 6/27	22.0 9/41	38.1 8/21	34.5 10/29
Бугорок Карабелли M ¹ ($\Sigma 2-5$)	38.1 8/21	33.3 5/15	53.8 7/13	35.7 5/14
Дистальный маргинальный бугорок M ¹	9.1 2/22	5.9 1/17	6.3 1/16	10.5 2/19
Непрерывный косой гребень M ¹	69.2 9/13	—	55.6 5/9 !	55.6 5/9 !
Средний балл редукции <i>те</i> M ¹	1.040	1.000	1.045	1.121
M ²	2.037	2.116	2.286	2.138
M ³	3.333	2.958	3.133	2.650
M ¹⁻³	2.137	2.024	2.155	1.970
M1(4)	16.0 4/25	27.6 8/29	25.0 4/16	4.5 1/22
M1(6)	0.0 0/25	0.0 0/29	0.0 0/16	0.0 0/22
M2(4)	88.9 24/27	81.8 27/33	85.7 12/14	81.5 22/27
Узор коронки M ₁ : Y	71.4 15/21	91.7 11/12	100 8/8	83.3 10/12
X	14.3 3/21	8.3 1/12	0.0 0/8	16.7 2/12
+	14.3 3/21	0.0 0/12	0.0 0/8	0.0 0/12
Узор коронки M ₂ : Y	12.0 3/25	29.2 7/24	25.0 3/12	27.8 5/18

Таблица 1 (продолжение)

Признаки	Несвиж XVII–XVIII вв. кладбищ	Несвиж критга	Полоцк XIII–XIV вв.	Полоцк XVII–XVIII вв.
X	60.0 15/25	62.5 15/24	25.0 3/12	66.6 12/18
+	28.0 7/25	8.3 2/24	50.0 6/12	5.6 1/18
Дистальный гребень тригонид на M1	0.0 0/15	9.1 1/11	22.2 2/9	0.0 0/16
Коленчатая складка метаконид на M1	30.8 4/13	0.0 0/7	16.7 1/6	0.0 0/12
Эпикристид на M1	0.0 0/14	10.0 1/10	0.0 0/9	0.0 0/16
<i>tami</i> M ₁	7.7 2/26	3.7 1/27	0.0 0/10	8.3 2/24
Протостилид ($\Sigma 2-5$) M ₁	0.0 0/20	0.0 0/10	0.0 0/13	0.0 0/20
Ямка протостилида (<i>p</i>) M ₁	10.0 2/20	8.3 1/12	23.1 3/13	40.0 8/20
Межкорневой затек эмали ($\Sigma 5-6$) M ²	15.0 3/20	12.8 5/39	26.3 5/19	23.1 6/26
M ₂	33.3 9/27	19.4 7/36	33.3 4/12	20.8 5/24
Гиподонтия хотя бы одного M3	52.6 10/19	–	53.8 7/13	42.9 9/21
M ³	36.4 8/22	15.2 7/46	17.6 3/17	21.7 5/23
M ₃	22.7 5/22	36.8 14/38	40.0 6/15	31.0 9/29
leo (3) M ¹	0.0 0/8	–	0.0 0/5	0.0 0/4
2med (II) M ₁	27.3 3/11	–	40.0 2/5	57.1 4/7

Редукция гипоконуса M² (3,3+): известно, что этот признак обладает отчетливой эпохальной динамикой и частота редуцированных вторых верхних моляров нарастает в направлении к современности. У белорусов диапазон изменчивости 45,3–72,5%, в изученных нами группах, как и следовало ожидать, доля редуцированных вторых верхних моляров существенно ниже: 22,0–38,1%. Интересно, что в обеих сериях из Несвижа показатель редукции практически идентичен: 22,0 и 22,3%. В сериях из Полоцка он выше и по своему значению близок к сериям из Новогрудки XI–XII вв. и сборной серии XVIII–XIX вв. (36,4% и 33,6% соответственно).

Бугорок Карабелли M¹: изученные нами группы близки по частоте распространения этого признака – 33,3–38,1%. Особняком стоит серия Полоцкого Нижнего замка XIII–XIV вв., демонстрирующая существенное повышение частоты признака – до 53,8%. Все эти значения существенно выше показателей, зафиксированных в серии из Новогрудки (4,6%), серии XVI–XVIII в. из города-замка Горы (7,0%), из сборной серии XVIII–XIX вв. (18,4%). То обстоятельство, что бугорок Карабелли с большей частотой зафиксирован на всех краниологических сериях, изученных автором, может навести на мысль, что мы имеем дело с методическими расхождениями. В изученных нами сериях такие частоты обусловлены главным образом встречаемостью балла 3, т.е. мы не могли искусственно завысить оценку этого признака. За исключением ранней серии из Полоцка, эти значения не достигают нижней границы диапазона изменчивости частоты встречаемости бугорка Карабелли у современных белорусов (27,6–51,4%) или находятся в нижней части диапазона.

Форма первых нижних моляров: шестибугорковая форма моляров на территории Беларуси встречается редко, в современных популяциях частота ее не превышает 4,3%. В сериях из Несвижа и Полоцка они не были отмечены ни разу, не зафиксированы они ни в могильнике из Новогрудки, ни в городе-замке Горы, в сборной серии белорусов XVIII–XIX вв. всего в 1,0% случаев.

Одним из ключевых показателей уровня редукции зубной системы является темп редукции первого нижнего моляра, т.е. частота встречаемости четырехбугорковых форм. Изученные серии неоднородны по этому показателю, в основном для них характерен высокий и очень высокий уровень редукции первого нижнего моляра (16,0–27,6%), за исключением серии с территории Полоцкого городища XVII–XVIII вв. (4,5%). В средневековой серии из Новогрудки и в сборной серии белорусов XVIII–XIX вв. четырехбугорковые первые нижние моляры зафиксированы с частотой 15,8 и 25,2%, в серии Горы редуцированных форм не отмечено. Для современных белорусов характерен размах 5,1–17,1%. Таким образом, мы видим, что уровень грацилизации первых нижних моляров у средневекового населения Беларуси был выше, нежели у современного.

Как и следовало ожидать, существенных различий по частоте встречаемости четырехбугорковых вторых нижних моляров между изученными группами нет, во всех сериях показатель довольно высок: 81,5–88,9%. Средневековая серия из могильника Новогрудка оказывается еще более грациальной (96,0%), белорусы XVIII–XIX вв. напротив, менее грациальны – 80,3%. Некоторые из современных белорусских групп демонстрируют еще более низкий уровень редукции, размах изменчивости охватывает частоты 71,2–88,8%.

Дистальный гребень тригониды M₁: этот восточный фен встречается в двух сериях, изученных нами – с повышенной в масштабе западного одонтологического ствола частотой 22,2 % в ранней серии из Полоцка, и в 9,1% случаев в серии из Несвижа (крипта). С частотой не выше 10% описан он и в остальных средневековых и близких к современности сериях с территории Беларуси. Для современных белорусов этот признак нетипичен и встречается в отдельных группах не чаще, чем в 7,1% случаев.

Коленчатая складка метакониды M₁: как и дистальный гребень тригониды, она отмечена в двух из четырех изученных нами группах – с высокой для территории Европы частотой (30,8%) у погребенных на кладбище в Несвиже и у погребенных в Полоцке на территории Нижнего Замка (XIII–XIV вв.).

Подробный разбор одонтологических особенностей изученных серий показывает, что по многим признакам характеристика погребенных в крипте костела Божьего Тела в г. Несвиже близка к характеристике населения, захороненного на кладбище XVII–XVIII вв. у стен костела (табл. 1). Для них характерно отсутствие лопатообразных форм медиальных и латеральных резцов, шестибугорковых первых нижних моляров. Они демонстрируют практически идентичный уровень грацилизации вторых верхних и нижних моляров, очень близкие значения встречаемости бугорка Карабелли. Единственный признак «восточного» комплекса, демонстрирующий повышенные значения в сериях из Несвижа – частота коленчатой складки метаконида на первом нижнем моляре у погребенных на кладбище (30,8%). Коленчатая складка – признак не очень стабильный, склонный к беспорядочной межгрупповой вариабельности, но в целом в группах, сохраняющих восточный характер. Для территории Прибалтики и Севера европейской части СССР этот признак является одним из лучших индикаторов восточного компонента особого «финского» характера. Частоты 30–40% отмечены у ряда финно-угорских народов, прежде всего саамов, мари, вепсов, карел, восточных латышей. В этой связи обратимся к такому показателю как частота четырехбугорковых первых нижних моляров. В изученной нами серии она составляет 16,0%, что дает основание отнести выборку к кругу грацильных вариантов. Вторые моляры также в значительной степени редуцированы, о чем свидетельствует частота встречаемости четырехбугорковых форм (88,9%). Сочетание повышенных частот редуцированных первых моляров и коленчатой складки метаконида является «классической» характеристикой носителей северного грацильного типа, широко распространенного среди финно-угорских народов. Сочетание черт восточного одонтологического ствола с высоким уровнем редукции нижних моляров, казавшееся когда-то противоречивым, впервые было описано А.А. Зубовым у эстонцев в 1972 г., а позднее получило в литературе наименование «северный грацильный тип». Было установлено, что нижние моляры, имеющие выраженный «западный» тип и одновременно высокие частоты такого восточного признака, как коленчатая складка метаконида, характерны для финнов Финляндии, коми, нескольких групп лопарей, а также для финнов Поволжья – мари горных и луговых. Для количественной оценки этого явления был предложен особый индекс ISC (произведение частот коленчатой складки метаконида и четырехбугорковых M_1), дифференцирующий финские популяции и соседние славянские и балтские. Для эстонцев, финнов, лопарей, коми, мари, некоторых групп удмуртов, ненцев, поляков Поморья значения ISC выше 200. Для группы из Несвижа (кладбище) значение этого индекса очень высокое – 492,8. Для жителей г. Несвижа характерны также и довольно высокие значения частоты бугорка Карабелли, что также вполне типично для носителей северного грацильного типа.

Имеются и некоторые различия между двумя сериями из Несвижа. Обе группы демонстрируют высокий уровень редукции первых нижних моляров, т.е. количество четырехбугорковых форм у них значительное. Но у захороненных в крипте грацилизация гораздо более существенная и частота 4-х бугорковых моляров (27,6%) приближается к мировому максимуму. На основании этого мы можем отнести обе серии к кругу грацильных одонтологических типов. Показатели встречаемости таких маркеров как коленчатая складка метаконида и дистальный гребень тригонида позволяют нам предполагать, что эти серии несут следы двух разных грацильных типов. Для серии с кладбища характерна высокая частота коленчатой складки при полном отсутствии дистального гребня тригонида, а в серии из крипты, напротив, отмечен дистальный

гребень тригониды при полном отсутствии коленчатой складки. Именно частоты этих двух маркеров являются разграничительными при отнесении групп к северному или южному грацильному типам. Таким образом, у населения, захороненного на кладбище мы видим черты северного грацильного типа, наиболее характерного для народов финно-угорского круга, в то время как у погребенных в крипте налицо южное влияние.

Материалы из Полоцка представлены двумя небольшими по объему сериями. Между собой две выборки из Полоцка различаются гораздо отчетливее, нежели выборки из Несвижа. Ключевым различием является уровень редукции первых нижних моляров: если серия XIII–XIV вв. относится к кругу грацильных типов, как и обе серии из Несвижа, то позднее население – к матуризованному варианту (всего 4,5% четырехбугорковых первых M_1). Различаются эти серии и по концентрации фенотипов восточной ориентации. В серии XIII–XIV вв. мы видим и дистальный гребень тригониды, и коленчатую складку метакониды. Значения обоих фенотипов повышены в масштабах западного одонтологического ствола. В серии же XVII–XVIII вв. полностью отсутствуют восточные маркеры: лопатообразные верхние медиальные резцы, шестибугорковые M_1 , коленчатая складка метакониды и дистальный гребень тригониды. Значительно серии различаются и по частоте встречаемости бугорка Карабелли: в ранней серии из Полоцка значение его очень высоко (53,8%) и не находит аналогий в средневековых материалах с территории Беларуси. Таким образом, позднесредневековое население из Полоцка, в отличие от более раннего, и в отличие от населения г. Несвижа может быть отнесено к носителям среднеевропейского одонтологического типа, для которого определяющими являются низкий уровень редукции нижних моляров и отсутствие признаков восточной ориентации.

Был осуществлен межгрупповой анализ (корреспондентный анализ) в два этапа. На первом этапе изученные нами серии из Несвижа и Полоцка сопоставлялись с тремя имеющимися средневековыми, близкими к современности и современными сериями белорусов (рис. 1). К сожалению, мы были вынуждены исключить из ана-

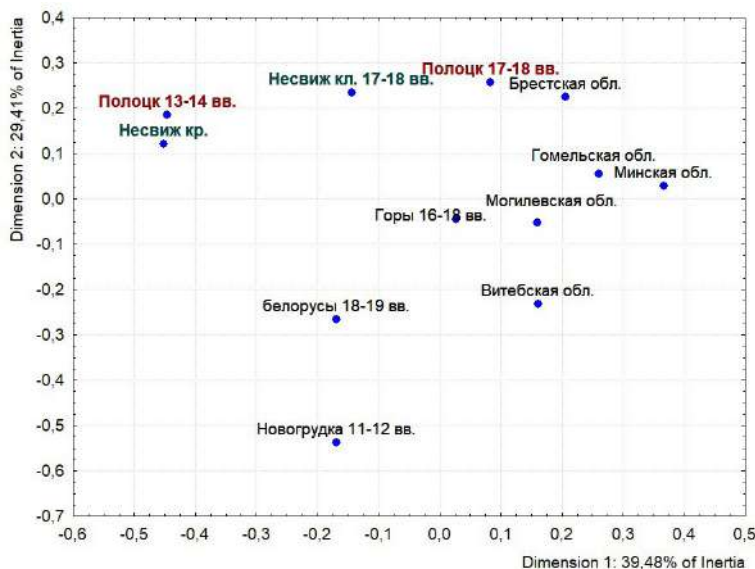

Рис. 1. Сопоставление серий из г. Несвиж и г. Полоцк и современных белорусских групп по данным одонтологии (correspondence analysis). Сравнительные серии по: Вацаева 1977; Тегако, Саливон 1979; Сегеда 1979; Котов 2015.

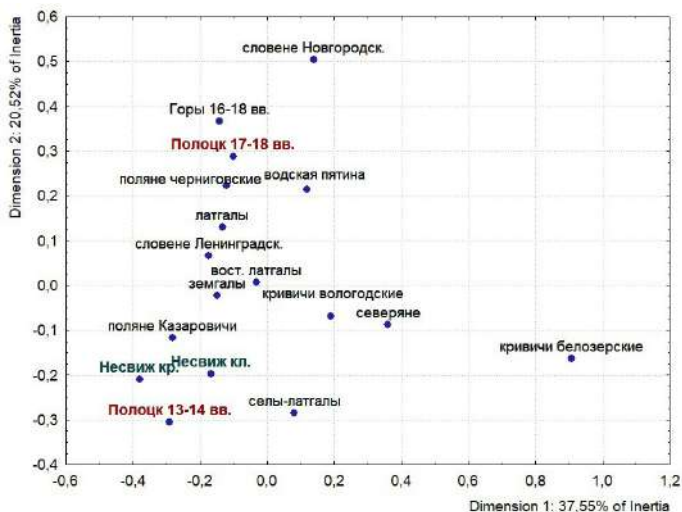

Рис. 2. Сопоставление средневековых серий белорусов, восточных славян и балтских племен по данным одонтологии (correspondence analysis). Сравнительные серии по: Гравере 2002; Китов 2015.

лиза такой важный признак как коленчатая складка метаконида, т.к. данные по нему имеются не для всех групп, привлекаемых для сравнения. Изученные нами серии дистанцируются от всех современных белорусских выборок, только серия из Полоцка XVII–XVIII вв. в какой-то степени смыкается с современными группами, сближаясь с населением Брестской области. Обращает на себя внимание значительная близость на фоне остальных групп серий из крипты костела Божьего тела в Несвиже и Полоцка XIII–XIV вв.

На втором этапе, уже по полному набору признаков, средневековое население Беларуси сопоставлялось со средневековым славянским населением и некоторыми балтскими племенами (рис. 2). Обе серии из Несвижа и в таком сравнительном масштабе сблизились с ранней полоцкой группой и с полянами XI–XIII вв. из с. Казаровичи, что подтверждает наблюдение о включении некоего южного компонента в одонтологический состав изученных групп. Поздняя группа из Полоцка существенно дистанцировалась от обеих несвижских и ранней полоцкой, сближившись с серией XVI–XVIII вв. из города-замка Горы и полянами черниговскими IX–XIII вв.

Заключение

Таким образом, в результате проведенных исследований были существенно расширены наши представления об одонтологических особенностях средневекового и позднесредневекового населения Беларуси, опиравшиеся до недавнего времени на данные всего трех выборок, одна из которых является сборной серией сельского населения XVIII–XIX вв. со всей территории Беларуси, две другие – локальные выборки XI–XII вв. из д. Новогрудка и XVI–XVIII вв. из города-замка Горы. Ценность изученных нами материалов заключается еще в том, что они дают возможность проследить временную динамику изменения одонтологических характеристик населения в рамках одного города (в Несвиже и в Полоцке). Было установлено, что население, захороненное на кладбище при Костеле Божьего тела в г. Несвиже и в крипте этого костела, хоть

и относится к одному кругу типов, все же имеет некоторые различия, свидетельствующие о присутствии некоего южного компонента в составе погребенных в крипте. Правда, здесь следует учитывать, что материал из крипты мы не можем рассматривать как палеопопуляцию, и это обстоятельство не могло не отразиться на общей характеристике группы. В населении г. Полоцка мы можем констатировать гораздо более отчетливые различия между ранней и поздней выборками, выразившиеся в отнесении этих групп к двум разным одонтологическим типам.

Научная литература

- Вацаева В.Ф. Одонтологическая характеристика русских западных и северо-западных областей РСФСР // Вопросы антропологии. 1977. Вып. 56. С. 102–112.
- Гатальский В.В. Межпоколенная и эпохальная изменчивость особенностей зубочелюстной системы в популяциях Белоруссии. Дисс. ... канд. биол. наук. Минск, 2000.
- Гравере Р.У. Одонтология восточно-славянских народов // Восточные славяне. Антропология и этническая история. 2-е изд. М.: Научный мир, 2002. С. 80–96.
- Зубов А.А. Одонтология. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1968.
- Зубов А.А., Халдеева Н.И. Одонтология в современной антропологии. М.: Наука, 1989.
- Зубов А.А., Халдеева Н.И. Одонтология в антропогенетике. М.: Наука, 1993.
- Китов Е.П. Одонтологическая характеристика серии городского населения Беларуси по материалам из могильника XVI – начала XVIII вв. в городе-замке Горы // Палеоантропология Беларуси. Минск: Беларуская навука, 2015. С. 154–158.
- Саливон И.И. Особенности одонтологических признаков современного населения в сравнении со средневековым // И.И. Саливон, Л.И. Тегако, А.И. Микулич. Очерки по антропологии Белоруссии. Минск, 1976. С. 107–140.
- Сегеда С.П. Украинцы // Этническая одонтология СССР. М.: Наука, 1979. С. 32–46.
- Тегако О.В. К проблеме изменчивости структурных особенностей зубов во времени // Вестник антропологии. 2013. Вып. 26 (4). С. 138–143.
- Тегако Л.И., Микулич А.И., Саливон И.И. Антропология Белорусского Полесья. Минск: Наука и техника, 1978.
- Тегако Л.И., Саливон И.И. Белорусы // Этническая одонтология СССР. М.: Наука, 1979. С. 47–67.
- Тегако Л.И., Саливон И.И., Микулич А.И. Биологическое и социальное в формировании антропологических особенностей. Минск: Наука и техника, 1981.

*Leibova, Natalia A.**

Dental non-metric traits of medieval Belarus population

DOI: 10.33876/2311-0546/2020-52-4/258-268

The article presents new material on the odontology of the medieval and near-modern population of Belarus. The study is based on craniological samples from the city of Nesvizh (Minsk region). The first one was obtained during the rescue archaeological works at the 17th–18th centuries cemetery at the walls of the Corpus Christi Church (55 individuals), the second one – as a result of restoration works in the crypt of the church. Two samples of the population of Polotsk (Vitebsk Region) were also studied as comparative materials from the territory of Belarus: the 13th–14th centuries sample from the Lower Castle (27 individuals) and the 17th–18th centuries sample from the Polotsk settlement (41 individuals). It was found that the populations buried in the cemetery at the Corpus Christi Church in the city of Nesvizh and in the crypt of this church are rather gracile, although in the first case the features of the northern gracile type are clearly expressed, and in the second case

the southern component is observed. In the population of Polotsk, we can see much more distinct differences between early and late samples, expressed in the classification of these groups to two different odontological types: the northern gracile and the central European.

Key words: *physical anthropology, dental anthropology, Northern Gracile type, Eastern Slavs, Belarusians*

* **Leibova, Natalya A.** – Institute of Ethnology and Anthropology, RAS (Moscow, Russia). E-mail: nsuvorova@mail.ru

The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research (RFFI, project No. 18-59-00011 bel_a)

References

- Vashchaeva, V.F. 1977. Odontologicheskaya kharakteristika russkikh zapadnykh i severo-zapadnykh oblastei RSFSR [Odontological characteristics of the Russian Western and North-Western regions of the RUSFSR]. *Voprosy antropologii* 56: 102–112.
- Gatal'skii, V.V. 2000. Mezhpokolennaia i epokhal'naia izmenchivost' osobennosti zucheliustnoi sistemy v populiatsiakh Belorussii [Intergenerational and epochal variability of the features of the dentoalveolar system in populations of Belarus]. PhD, Minsk.
- Gravere, R.U. 2002. Odontologiya vostochno-slavianskikh narodov [Odontology of the East Slavic peoples]. In *Vostochnye slaviane. Antropologiya i etnicheskaya istoriya* [Eastern Slavs. Anthropology and ethnic history], 80–96. Moscow.
- Zubov, A.A. 1968. *Odontologiya. Metodika antropologicheskikh issledovaniy* [Odontology. Methodology of Anthropological Research]. Moscow: Nauka.
- Zubov, A.A., Khaldeeva, N.I. 1989. *Odontologiya v sovremennoi antropologii* [Odontology in modern anthropology]. Moscow: Nauka.
- Zubov, A.A., Khaldeeva, N.I. 1993. *Odontologiya v antropofenetike* [Odontology in anthropogenetics]. Moscow: Nauka.
- Kitov, E.P. 2015. Odontologicheskaya kharakteristika serii gorodskogo naseleniya Belarusi po materialam iz mogil'nika XVI – nachala XVIII vv. v gorode-zamke Gory [Odontological characteristics of the series of urban population of Belarus based on materials from the burial ground of the XVI-early XVIII centuries. in the castle city of the Mountain]. In *Paleoantropologiya Belarusi* [Paleoanthropology of Belarus]. Minsk: Belaruskaya navuka.
- Salivon, I.I. 1976. Osobnosti odontologicheskikh priznakov sovremennogo naseleniya v sravnenii so srednevekovym [Features of odontological features of the modern population in comparison with the medieval one]. In I.I. Salivon, L.I. Tegako, A.I. Mikulich. *Ocherki po antropologii Belorussii* [Essays on the anthropology of Belarus], 107–140. Minsk.
- Segeda, S.P. 1979. Ukraintsy [Ukrains]. In *Etnicheskaya odontologiya SSSR* [Ethnic odontology of the USSR], 32–46. Moscow: Nauka.
- Tegako, O.V. 2013. K probleme izmenchivosti strukturnykh osobennosti zubov vo vremeni [On the problem of variability of structural features of teeth over time]. In *Vestnik antropologii* [Bulletin of anthropology], 26 (4): 138–143.
- Tegako, L.I., Mikulich, A.I., Salivon, I.I. 1978. *Antropologiya Belorusskogo Poles'ia* [Anthropology of The Belarusian Polesie]. Minsk: Nauka i tekhnika.
- Tegako, L.I., Salivon, I.I. Belorusy [Belarusians]. In *Etnicheskaya odontologiya SSSR* [Ethnic odontology of the USSR], 47–67. Moscow: Nauka.
- Tegako, L.I., Salivon, I.I., Mikulich, A.I. *Biologicheskoe i sotsial'noe v formirovaniy antropologicheskikh osobennosti* [Biological and social in the formation of anthropological features]. Minsk: Nauka i tekhnika.

С.Б. Боруцкая, С.В. Васильев

РЕКОНСТРУКЦИЯ ФИЗИЧЕСКОГО ТИПА ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ КРЫМСКИХ ТАТАР КЕРЧЕНСКОГО ПОЛУОСТРОВА*

В статье приводится комплексный палеоантропологический анализ населения, оставившего некрополь Биели (г. Керчь, Республика Крым). Большой интерес эта серия представляет в связи с изучением этногенеза крымских татар. В работе дается краниологическая характеристика позднесредневековых крымских татар. Приводятся реконструкции лица по черепу по методу М.М. Герасимова. Особое внимание уделено реконструированию физического облика данного населения. Выявлены высокая детская смертность и низкий показатель средней продолжительности жизни населения, что говорит о невысоком благополучии в изучаемой группе.

Ключевые слова: крымские татары, краниометрия, остеометрия, палеодемография

Введение

В мае-июле 2020 г. археологической экспедицией были проведены научные археологические исследования на памятнике археологии – поселение и некрополь Биели, входящего в полосу отвода и попадающего под разрушение в ходе строительства.

В настоящее время топоним Биели связан с урочищем, расположенным на Керченском полуострове в 1,5 км. к ЮЗ от пос. Октябрьское (адм. границы г. Керчь). В историческое время здесь существовало одноименное поселение, время его появления не установлено. В османский период истории региона рассматриваемая местность административно относилась к Орта – Керченскому кадьялыку Кефинского каймаканства, однако в доступных османских фискальных документах поселение не фигурирует. Наиболее раннее упоминание о деревне Биелит присутствует относится к 1774 году.

Археологическими разведками 60 годов прошлого века В.В. Веселова и И.Т. Кругликовой в районе урочища Биели были отмечены археологические остатки, атрибутированные в качестве значительного средневекового (предположительно татарского) поселения, зафиксированного в источниках как «Октябрьское VII». В настоящее время памятник отождествляется с деревней Биели.

Боруцкая Светлана Борисовна – к.б.н., старший научный сотрудник кафедры антропологии биологического факультета, МГУ им. М.В. Ломоносова (119234 Москва, Ленинские горы, 1/12) Эл. почта: vasbor1@yandex.ru

Васильев Сергей Владимирович – д.и.н., главный научный сотрудник Центра физической антропологии, Институт этнологии и антропологии РАН (119934, Москва, Ленинский пр. 32-а). Эл. почта: vasbor1@yandex.ru

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 18-09-00429

Данная работа является продолжением палеоантропологического исследования крымскотатарских некрополей позднесредневекового и нового времени (Васильев 2018; Васильев, Боруцкая 2018; Иванов, Васильев 2019).

Материалы и методы

Определение пола в нашей работе проводилось у индивидов старше 15 лет согласно традиционным методам антропологии с учетом развития морфологических особенностей черепа и посткраниального скелета (Добряк 1960; Алексеев, Дебец 1964; Алексеев 1966). В некоторых случаях также использовались измерительные признаки черепа согласно методике В.И. Пашковой (Пашкова 1958). Методика расчета различных показателей демографии группы базировалась на программе палеодемографического исследования, изложенной в работе Д.В. Богатенкова с соавторами (Богатенков 2003).

Исследование черепов проводилось по классической краниологической программе (Алексеев, Дебец 1964), а посткраниальных скелетов по программе, изложенной в пособии В.П.Алексеева (Алексеев 1966).

Результаты и обсуждение

Палеодемография.

В результате археологических раскопок было вскрыто 96 погребений. К сожалению, план проводимых работ не позволил охватить всю площадь кладбища, но большая часть территории все же была исследована. Из 96-ти костяков удалось идентифицировать по полу и возрасту 94 индивида. Два скелета были крайне фрагментарны. Таким образом, в палеодемографическом анализе были задействованы данные по 94 индивидам. Мы понимаем, что, во-первых, кладбище было вскрыто не целиком и, во-вторых, что датировка кладбища – 17-18 вв. может соответствовать как одному, так и двум столетиям формирования некрополя. Жалко, что индивидов было меньше даже 100, особенно если кладбище формировалось более столетия, хотя цифра 94 индивида тоже достаточно велика. Поэтому, проводя расчет палеодемографических индексов, мы понимали некоторую условность полученных результатов.

Половозрастные определения мы проводили с учетом ряда методик (Алексеев 1966; Дебец, Алексеев 1964; Пашкова 1963; Добряк 1960 и др.). Все индивиды были распределены в когорты по пятилетним интервалам. Палеодемографические индексы рассчитывались согласно методике Angel (1969) (Angel 1969, *цит. по Богатенкову* 2003). Результаты распределения индивидов по возрастным когортам (Dx), определения процентного соотношения индивидов по возрасту (Cx) в целом для группы процент дожития до соответствующей возрастной когорты (Lx) и вероятность смерти в соответствующей когорте (qx) представлены в таблице 1.

Таблица 1

**Некоторые палеодемографические показатели
для группы крымских татар из Биели**

Возрастная когорта	Dx (чел.)	Cx (%)	Lx (%)	qx
0-1 лет	5	5,320	100	0,053
0-5 лет	19	20,210	100	0,202
5-10 лет	14	14,894	79,790	0,187
10-15 лет	3	3,190	64,896	0,049
15-20 лет	6	6,382	61,706	0,103
20-25 лет	8	8,510	55,324	0,154
25-30 лет	15	15,96	46,814	0,341
30-35 лет	15	15,96	30,854	0,517
35-40 лет	7	7,450	14,894	0,500
40-45 лет	6	6,380	7,444	0,857
45-50 лет	0	0	1,064	0
50+ лет	1	1,064	1,064	1,000
Σ	94	100		

В таблице 2 представлены итоги распределения по возрастным когортам и расчета процентного распределения по возрастам мужчин и женщин по-отдельности.

Таблица 2

**Распределения по возрастным когортам мужчин и женщин группы
из Биели (17–18 вв)**

Возрастная когорта	Dx (чел.)	Cx (%)	Dx (чел.)	Cx (%)
	мужчины		женщины	
15-20 лет	2	7,41	4	12,90
20-25 лет	3	11,11	5	16,13
25-30 лет	5	18,52	10	32,26
30-35 лет	8	29,63	7	22,58
35-40 лет	7	25,93	0	0
40-45 лет	2	7,41	4	12,90
45-50 лет	0	0	0	0
50+ лет	0	0	1	3,23
Σ	27 чел.	100%	31 чел.	100%

Таким образом, группу составили 27 мужчин, 31 женщина, 36 детей и подростков до 15 лет. Процент детской смертности (PCD) составил 38,3%, что является не катастрофическим, но высоким показателем. При этом более 5% населения умирало в первый год жизни. Относительно всех детей этот показатель составил почти 13,9%, что является низкой величиной. При этом большинство детей умирало в возрасте 0-5 лет – 52,8%, то есть больше половины. Средний возраст смерти детей составил 5,28 лет.

Пик смертности в группе приходится на первую возрастную когорту, 0-5 лет. Последующие пики смертности наблюдаются в целом в группе уже у взрослых в возраст-

те 25-30, 30-35 лет, то есть в период наиболее интенсивной трудовой деятельности.

Процентное соотношение мужчин и женщин группы (PSR) соответствует 46,55% – 53,45%. То есть, женщин было намного больше. Обычно наблюдается иное соотношение.

У мужчин пик смертности приходится на интервалы 30-35 лет и 35-40 лет. То есть, это возраст примерно на когорту старше, чем получилось для всей группы в среднем. Пик смертности женщин группы приходится на 25-30 лет, то есть на время интенсивной трудовой деятельности и репродуктивной активности.

Процент индивидов в финальной возрастной когорте, С50+ лет, составил всего 1,06%, что является очень низким показателем, отражающим демографическое неблагополучие в данной группе.

Средняя продолжительность жизни в группе крымских татар из Биели (или средний возраст смерти в группе, (А)) составила 20,7 лет. Показатель не высокий.

Таким образом, в целом можно говорить о невысоком демографическом благополучии в группе крымских татар из Биели, о чем свидетельствуют такие показатели, как высокий процент детской смертности, крайне низкая представительность финальной возрастной когорты (причем это только женщины), низкий показатель средней продолжительности жизни населения.

Краниометрия

Нами было изучено по стандартной краниологической программе 10 черепов, 5 из которых принадлежали мужчинам и 5 – женщинам. Наиболее важные измерения и указатели, характеризующие форму черепа и его составляющих, приведены в таблицах 3 и 4.

Таблица 3

Краниометрические характеристики мужских черепов из некрополя Биели

№	Признак	N	X	S
1	Продольный диаметр	5	177,6	5,92
8	Поперечный диаметр	5	143,8	3,84
17	Высотный диаметр	5	136	4,0
5	Длина основания черепа	5	100,8	2,96
9	Наименьшая ширина лба	5	98,6	3,52
10	Наибольшая ширина лба	5	132,8	2,96
11	Ширина основания черепа	5	127,2	3,76
12	Ширина затылка	5	110,6	4,08
45	Скуловой диаметр	5	136,4	5,12
40	Длина основания лица	5	100,4	3,12
48	Верхняя высота лица	5	71,9	1,92
43	Верхняя ширина лица	5	107,4	2,16
46	Средняя ширина лица	5	100	2,80
55	Высота носа	5	50,9	20,8
54	Ширина носа	5	25,2	1,56

Таблица 3 (продолжение)

№	Признак	N	X	S
51	Ширина орбиты от мф.	5	40,86	1,29
52	Высота орбиты	5	32,26	0,55
77	Назо-молярный угол	5	141,2	2,56
<zm	Зиго-максиллярный угол	5	128,2	2,24
8/1	Черепной указатель	5	81,12	3,34
48/45	Верхний лицевой указатель	5	52,8	2,08
	Симотический указатель	5	41,8	3,48
54/55	Носовой указатель	5	49,54	2,83
52/51	Орбитный указатель	5	79,02	1,85

Таблица 4

Краниометрические характеристики женских черепов из некрополя Биели

№	Признак	N	X	S
1	Продольный диаметр	5	172,6	5,28
8	Поперечный диаметр	5	142	4,0
17	Высотный диаметр	5	128,4	1,28
5	Длина основания черепа	5	96,8	1,76
9	Наименьшая ширина лба	5	99	4,4
10	Наибольшая ширина лба	5	129,6	3,68
11	Ширина основания черепа	5	129,2	3,36
12	Ширина затылка	5	109,8	3,36
45	Скуловой диаметр	5	132,6	1,84
40	Длина основания лица	5	95,8	1,84
48	Верхняя высота лица	5	67,4	1,84
43	Верхняя ширина лица	5	107,2	1,92
46	Средняя ширина лица	5	99,2	2,96
55	Высота носа	5	49,54	1,23
54	Ширина носа	5	24,9	1,92
51	Ширина орбиты от мф.	5	39,42	1,38
52	Высота орбиты	5	32,44	1,13
77	Назо-молярный угол	5	142,8	1,44
<zm	Зиго-максиллярный угол	5	136,6	2,32
8/1	Черепной указатель	5	82,32	2,10
48/45	Верхний лицевой указатель	5	50,84	1,89
	Симотический указатель	5	35,16	4,75
54/55	Носовой указатель	5	50,24	3,29
52/51	Орбитный указатель	5	82,44	3,83

Череп исследованных крымских татар XVII – начала XVIII веков может быть описан как укороченный и широкий, брахикранный, форма сверху в большинстве

случаев овоидная. Череп средней высоты в абсолютных размерах. Вообще, большинство абсолютных размеров мозговой коробки попадают в категорию средних, за рядом нескольких исключений. Например, наименьшая и наибольшая ширина лба имеют большие значения.

Лицевая часть черепа мезогнатная, среднеширокая и средневысокая, по верхнелицевому указателю – мезенная. Углы горизонтальной профилировки входят в категорию средних и малых, т.е. лицо по европеоидным меркам хорошо профилировано. Орбиты низкие и среднеширокие (хамеконхные). В абсолютных размерах нос средний (мезоринный).

На графической реконструкции лица по черепу по методу М.М. Герасимова отчетливо видны все описанные морфологические характеристики (Рис. 1, 2). Автор реконструкции Алехина О.И.

*Рис. 1. Графическая реконструкция мужчины из погребения 21 (анфас).
Автор Алехина О.И.*

*Рис. 2. Графическая реконструкция мужчины из погребения 21 (профиль).
Автор Алехина О.И.*

Череп исследованных жительниц Крыма (некрополь Биели) может быть описан как укороченный и широкий, брахикранный, форма сверху в большинстве случаев овоидная. Череп средневысокий в абсолютных размерах. Вообще, большинство абсолютных размеров мозговой коробки попадают в категорию малых и средних, за рядом нескольких исключений. Например, ширина затылка и ширина основания черепа имеют большие значения.

Лицевая часть черепа мезогнатная, среднеширокая и средневысокая, по верхнелицевому указателю – мезенная. Углы горизонтальной профилировки входят в категорию средних, т.е. лицо по европеоидным меркам несколько уплощено. Орбиты достаточно высокие – мезоконхные. В абсолютных размерах нос широкий (хамеринный), со средневыступающим переносьем.

Графическая реконструкция лица женщины по черепу по методу М.М. Герасимова отражает все вышеперечисленные характеристики (Рис. 3, 4). Автор реконструкции Алехина О.И.

Рис. 3. Графическая реконструкция женщины из погребения 24 (анфас).
Автор Алексина О.И.

Рис. 4. Графическая реконструкция женщины из погребения 24 (профиль).
Автор Алексина О.И.

Остеометрия

Нами было измерено 13 мужских и 11 женских скелетов. Далее были рассчитаны индексы пропорций конечностей и некоторые показатели телосложения, индексы массивности (прочности) длинных костей конечностей и некоторые особенности этих костей в разных ярусах, рассчитана прижизненная длина тела. Некоторые индексы были сопоставлены с данными размаха их вариаций у человека современного типа (Алексеев 1966; Рогинский, Левин 1966; Хрисанфова 1968). Результаты расчета индексов пропорций и прижизненной длины тела представлены в таблицах 5 и 6.

Таблица 5

Индексы пропорций, некоторые показатели скелета и рассчитанная прижизненная длина тела у мужчин из крымско-татарского некрополя Биели

Индексы	n	X	min	max	Размах вариаций
Интермембральный 1п+1л / 2б+1бк	11	71,746	68,45	73,12	60-84
Плече-бедренный 1/2	12	73,29	70,98	75,97	68,8-72,9
Луче-большеберцовый 1/1	12	70,03	64,01	73,14	62-71
Луче-плечевой 1/1	13	76,82	73,56	80,68	71-82
Берцово-бедренный 1/2	11	80,45	77,32	85,13	77,3-86,6
Ширина плеч (см)	12	36,09	32,00	40,00	
Плече-ростовой	12	22,15	20,08	23,75	
Ширина таза (см)	11	27,56	24,50	29,70	
Тазовый	5	76,94	73,05	82,82	
Тазо-ростовой	11	16,92	14,74	18,08	
Реконструированная длина тела (см)	13	162,75 см	157,8	168,4	

Интермембральный индекс у мужчин имеет средние значения.

Плече-бедренный индекс оказался величиной средней, выше среднего и ультра-высокой, что соответствует (по большей части в группе мужчин Биели) относительно удлиненным плечевым отделам рук.

Луче-берцовый указатель имеет самые разные значения среди мужских индивидов из Биели.

Согласно луче-плечевому (брахиальному) индексу примерно у половины мужчин группы были немного укороченными предплечья, у остальных – немного удлиненные.

То же самое можно сказать и относительно длины голеней по сравнению с бедром. При этом индивидов с выражено удлиненными голеними не обнаружено.

Мужчины из группы Биели сильно различались по абсолютной ширине плеч. Встречаются индивиды и с крайне узкими плечами (минимум – 32 см), и с довольно широкими – до 40 см. Интересно, что относительная ширина плеч, согласно плече-ростовому индексу, у всех мужчин почти одинаковая. Самые узкие плечи были у самых низкорослых мужчин, широкие плечи – у наиболее высокорослых.

Мужчины из Биели также сильно различались и по ширине таза. В группе присутствовали как выражено узкотазые индивиды, так и широкотазые. Причем в данном случае размер таза не был сопряжен с ростом индивида, никак от этого не зависел.

Среди пяти индивидов, для которых удалось определить тазо-ростовой индекс и соответственно относительную высоту таза, только у одного таз был высоким, как и положено мужчинам. У остальных четырех людей таз был низким, как должно быть обычно у женщин. С длиной тела это так же не было сопряжено.

Таблица 6

Индексы пропорций, некоторые показатели скелета и рассчитанная прижизненная длина тела у женщин из крымско-татарского некрополя Биели

Индексы	n	X	min	max	Размах вариаций
Интермембральный 1п+1л / 2б+1бк	9	71,96	70,54	73,91	60-84
Плече-бедренный 1/2	11	74,16	72,21	77,14	68,8-72,9
Луче-большеберцовый 1/1	9	69,29	65,18	72,09	62-71
Луче-плечевой 1/1	11	76,46	74,63	78,42	71-82
Берцово-бедренный 1/2	9	81,52	78,70	87,19	77,3-86,6
Ширина плеч (см)	7	31,67	29,80	34,90	
Плече-ростовой	7	21,26	20,27	22,68	
Ширина таза (см)	7	25,83	24,00	28,40	
Тазовый	4	76,14	73,15	78,75	
Тазо-ростовой	7	17,34	16,15	19,32	
Реконструированная длина тела (см)	10	149,9 см	144,9	155,6	

Длину тела, которая могла быть у индивидов при жизни, мы рассчитывали по трем формулам (Пирсона и Ли, Дюпертюи и Хеддена, Бунака (*цит. по Алексееву* 1960)). Далее определялась средняя величина для каждого индивида. Разница в росте между мужчинами колеблется в пределах 10 см. Длину тела можно охарактеризовать как низкую и ниже среднего.

Для женщин группы в целом оказалось характерным среднее относительное соотношение длины руки к ноге, согласно значениям интермембрального индекса.

Плече-бедренный указатель оказался очень высоким. Минимальная величина соответствует максимальному значению этого индекса у человека современного типа (согласно размаху вариаций, взятого из литературных источников). Таким образом, женщин отличали выражено удлиненные плечевые отделы, согласно плече-бедренному индексу.

Значение луче-большеберцового соотношения оказалось в основном среднее, выше среднего и высокое.

Луче-плечевой (брахиальный) индекс у женщин данной группы соответствует величинам немного ниже среднего, средним и немного выше среднего. То есть, в целом, длина предплечья относительно плеча у женщин группы была средней.

Анализ берцово-бедренного, или крурального, индекса показал следующее. У большинства женщин группы этот показатель был средним и ниже среднего. Только у одной женщины величина индекса оказалась очень высокой, и еще у одной – выше среднего.

Ширина плеч оказалась очень малой у большинства индивидов. Только у одной женщины ширина плеч была немного побольше – около 35 см. Длина тела у нее была также побольше. Относительная же ширина плеч (согласно плече-ростовому индексу) у всех женщин была почти одинаковой.

Для женщин группы был также характерен довольно низкий таз средней ширины. Только у одной женщины ширина таза была чуть побольше, – 28,4 см. У нее же относительная ширина таза (по данным тазо-ростового индекса) оказалась наибольшей.

Расчитанная прижизненная длина тела варьирует в пределах 144,9 см – 155,6 см. Таким образом, женщины группы характеризовались низким ростом.

В таблицах 7 и 8 представлены результаты расчета индексов массивности (прочности) длинных костей конечностей и некоторые другие показатели.

Таблица 7

**Результаты расчета индексов массивности и других показателей
длинных костей конечностей мужчин из некрополя Биели**

Индексы	n	X	min	max	Размах вариаций
Ключица 6/1	12	27,86	24,39	32,26	20-30
Плечевая 7/1	13	21,13	19,11	22,77	18-22
Плечевая 6/5	13	84,82	75,00	95,45	...
Лучевая 3/1	12	18,84	17,09	20,08	14-18
Лучевая 5/4	12	74,81	66,67	87,50	...
Локтевая 3/2	11	17,28	15,58	19,21	15-18
Локтевая 11/12	12	78,00	63,16	93,33	...
Локтевая 13/14	12	78,77	72,00	95,65	...
Бедро 8/2	12	20,92	19,72	21,73	18-21
Бедро 6/7	12	...	85,71	110,71	...
Бедро 10/9	11	82,72	67,57	93,94	...

Таблица 7 (продолжение)

Индексы	n	X	min	max	Размах вариаций
ББК 10/1	12	24,36	22,39	25,68	20-22
ББК 10в/1	12	22,38	20,97	24,12	18-23
ББК 9/8	11	71,44	61,29	80,77	60-90
ББК 9а/8а	12	...	60,00	79,41	...

Массивность ключиц у большинства мужчин группы была выше среднего и даже высокой.

То же самое можно сказать и относительно массивности плечевых костей мужчин группы. При этом степень уплощенности тела костей посередине и соответствующий уровень развития костной основы дельтовидной шероховатости у индивидов группы сильно различаются.

Лучевые кости оказались довольно массивными и даже высоко массивными. Степень уплощенности диафиза и соответственно уровень выступающего межкостного края различны.

Массивность локтевых костей в единичных случаях низкая, а в основном – выше среднего и высокая. Степень уплощенности диафиза – сильно переменчива в данной группе. Уплощенность костей в верхней части диафиза в поперечном направлении – или низкая, или средняя. То есть в этом плане среди мужчин группы Биели были индивиды и с платоленичными локтевыми костями, и с эуроленичными. Индивидов с сильно выраженным гребнем супинатора не было.

Массивность бедренных костей у мужчин группы была средней, выше среднего и высокой. Степень уплощенности – различной. Примерно у половины индивидов кости были расширены, а задний пилеастр развит слабо. У другой половины бедренные кости в середине тела были хорошо развиты сагиттально, при этом и шероховатая линия выражена очень сильно. Уплощенность верхней части диафиза оказалась различной у разных мужчин. У двух индивидов кости были очень сильно уплощены в сагиттальном направлении, или гиперплатимеричны; у четырех индивидов – уплощены умеренно, или платимеричны; у пяти мужчин кости уплощены слабо, но верхний сагиттальный диаметр еще не больше поперечного (эуримеричные кости).

Большеберцовые кости отличались высокой массивностью, иногда ультравысокой. При этом уплощенность диафиза была различной. Так, большеберцовые кости четырех индивидов были сильно уплощены в поперечном направлении, или платикнемичны; у двух мужчин кости были уплощены умеренно, или мезокнемичны; у шести человек большеберцовые кости отличались расширенностью диафиза, то есть были эурикнемичными.

Степень массивности (или прочности) ключиц женщин из Биели была средняя и выше среднего.

Прочность плечевых костей варьировала от вариантов костей массивностью ниже среднего, до выше среднего и высокой. Уплощенность диафиза у большинства индивидов была слабой, только у трех женщин – выраженной. При этом дельтовидная бугристость у всех была развита довольно слабо.

Таблица 8

**Результаты расчета индексов массивности и других показателей длинных
костей конечностей женщин из некрополя Биели**

Индексы	n	X	min	max	Размах вариаций
Ключица 6/1	7	26,20	23,44	28,69	20-30
Плечевая 7/1	11	20,59	18,64	23,16	18-22
Плечевая 6/5	11	80,52	69,57	90,48	...
Лучевая 3/1	11	18,05	15,75	21,05	14-18
Лучевая 5/4	11	71,38	56,25	78,57	...
Локтевая 3/2	10	16,38	14,22	18,23	15-18
Локтевая 11/12	10	81,56	68,75	92,31	...
Локтевая 13/14	10	83,32	72,73	94,74	...
Бедро 8/2	11	20,21	18,37	23,12	18-21
Бедро 6/7	11	...	79,31	108,70	...
Бедро 10/9	11	79,87	67,65	93,10	...
ББК 10/1	9	23,23	20,82	25,59	20-22
ББК 10в/1	9	21,72	19,24	24,58	18-23
ББК 9/8	10	71,39	64,29	78,57	60-90
ББК 9а/8а	10	...	63,33	77,78	...

Лучевые кости отличались массивностью, иногда очень высокой. При этом тело костей было уплощено или очень сильно, или умеренно.

Массивность локтевых костей оказалась различной. У одних индивидов наблюдаются выраженно грацильные кости, у других средне-массивные, встречаются и индивиды с высоко массивными локтевыми костями. При этом диафиз, примерно посередине, у разных женщин был уплощен по-разному. В верхней части локтевые кости у трех женщин уплощены в поперечном направлении сильно (платоленичны); у семи женщин, то есть, у большинства, – кости умеренно расширены, или эуроленичны.

Бедренные кости по уровню прочности диафиза оказались различными: и грацильными, и средне-массивными, и массивными. В большинстве случаев диафиз в средней части уплощен в сагиттальном направлении, а шероховатая линия бедра развита слабо. Только у двух женщин бедренные кости оказались сильно уплощенными в поперечном направлении, но шероховатая линия все равно у них была выражена слабо. У трех женщин из группы Биели бедренные кости в верхнем ярусе диафиза оказались сильно уплощены в сагиттальном направлении, или гиперплатимеричными. У пяти индивидов уплощение большеберцовых костей сверху умеренное (кости платимеричные). У трех женщин бедренные кости оказались эуримеричными, то есть, достаточно слабо уплощенными сагиттально.

Большеберцовые кости подавляющего большинства женщин группы оказались массивными или даже ультра-массивными. Степень уплощенности диафиза, как и у мужчин группы, оказалась различной. У двух индивидов кости были сильно уплощены поперечно, или платикнемичными; у трех женщин кости были уплощены умеренно (мезокнемичны); у пяти индивидов (то есть, у половины женщин) кости были сильно расширены, или эурикнемичны.

Заключение

Таким образом, в изученной нами серии крымских татар из некрополя Биели (Крым) датируемой XVII – началом XVIII веками, нами было изучено 94 индивида.

Палеодемографический анализ выявил относительное неблагополучие группы.

Краниологический анализ показал, что мужская часть выборки брахикранная, со средней высотой лица, с хорошей горизонтальной профилировкой лицевого скелета и низкими орбитами. Женская часть выборки характеризуется брахикранией, средней высотой лица с ослабленной горизонтальной профилировкой лицевого скелета и широким носом.

Остеологическое исследование выявило высокую вариабельность группы по показателям пропорций конечностей, ширине плеч и таза. Можно отметить относительную удлинённость проксимального отдела руки, согласно плече-бедренному индексу. Прижизненная длина тела мужчин и женщин была ниже среднего и низкой.

Массивность костей и рук и ног у мужчин была высокой, у женщин массивными и ультра-массивными оказались только ключицы, лучевые и большеберцовые кости. Остальные кости по степени прочности были вариабельны. По другим показателям кости конечностей мужчин и женщин также были разнообразны.

Научная литература

Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краниометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1964.

Алексеев В.П. Остеометрия. М.: Наука, 1966.

Богатенков Д.В. Палеодемография Мистихали. // Т.И. Алексеева, Д.В. Богатенков, Г.В. Лебединская. Влахи. Антропо-экологическое исследование (по материалам средневекового некрополя Мистихали). М., 2003. С.19-49.

Васильев С.В. К краниологии крымских татар. // Вестник антропологии. 2018. № 4 (44). С. 27–33.

Васильев С. В., Боруцкая С. Б. Краниологическое исследование крымско-татарского некрополя Бахчи-Эли XIX–XX вв. // Известия Иркутского государственного университета. Серия Геоархеология. Этнология. Антропология. 2018. Т. 26. С. 146–153.

Добрjak В.И. Судебно-медицинская экспертиза скелетированного трупа. Киев: Госмедиздат УССР. 1960.

Иванов А.В., Васильев С.В. Краниологическая характеристика позднесредневековых крымских татар: по материалам некрополя у с. Батальное. // Вестник антропологии. 2019. № 4 (48). С.243-251.

Пашкова В.И. Определение пола и возраста по черепу. Ставрополь, 1958.

Пашкова В. И. Очерки судебно-медицинской остеологии. Ставрополь, 1963.

*Borutskaya, Svetlana B., Vasilyev, Sergey V. **

Reconstruction of the physical type of the late medieval Crimean Tatars of the Kerch Peninsula

DOI: 10.33876/2311-0546/2020-52-4/269-281

The article provides a comprehensive paleoanthropological analysis of the population from the Bieli necropolis (Kerch, Republic of Crimea). This sample is of great interest in connection with the study of the Crimean Tatars ethnogenesis. The work features a craniological characteristic of the late medieval Crimean Tatars and reconstructions of the face based on the skull by the method of M.M. Gerasimov. Particular attention is paid to

the reconstruction of the physical appearance of a given population. High infant mortality and a low indicator of the average life expectancy of the population were revealed, which reflects general low well-being in the studied group.

Key words: *Crimean Tatars, craniometry, osteometry, paleodemography*

* **Borutskaya, Svetlana B.** – PhD in biol., Moscow state University. M. V. Lomonosova (Moscow, Russia). E-mail: vasbor1@yandex.ru

Vasilyev, Sergey V. – Institute of Ethnology and Anthropology, RAS (Moscow, Russia). E-mail: vasbor1@yandex.ru

The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research (RFFI, project No. 18-09-00429)

References

- Alekseev, V.P., and G.F. Debets. 1964. *Kraniometriia. Metodika antropologicheskikh issledovaniy*. [Cranometry. Methods of anthropological research]. Moscow: Nauka.
- Alekseev, V.P. 1960. *Osteometriya*. [Osteometry] Moscow: Nauka.
- Bogatenkov, D.V. 2003. Paleodemografiya Mistixali. [Paleodemography Mistihali]. *Vlaxi. Antropo-ekologicheskoe issledovanie (po ma-terialam srednevekovogo nekropolya Mistixali)* [Vlachi. Anthro-ecological research (based on materials from the medieval necropolis of Mistihali)], edited by T.I. Alekseeva, D.V. Bogatenkov, G.V. Lebedinskaya, 19–49. Moscow.
- Vasilyev, S.V. 2018. K kraniologii krymskix tatar. [On the craniology of the Crimean Tatars] // *Vestnik antropologii* 4 (44): 27–33.
- Vasilyev, S.V., and S.B. Boruczskaya. 2018. Kraniologicheskoe issledovanie kry`msko-tatarskogo nekropolya Baxchi-E`li XIX–XX vv. [Craniological study of the Crimean Tatar necropolis of Bakhchi-Eli, XIX–XX centuries]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Geoarxeologiya. E`tnologiya. Antropolo-giya* 26: 146–153.
- Dobryak, V.I. 1960. *Sudebno-medicinskaya ekspertiza skeletirovannogo trupa*. [Forensic examination of a skeletonized corpse]. Kiev: Gos-medizdat USSR.
- Ivanov, A.V., and S.V. Vasilyev. 2019. Kraniologicheskaya xarakteristika pozdnesred-nevekovyx krymskix tatar: po materialam nekropolya u s. Batalnoe. [Craniological characteristics of the Late Middle Ages Crimean Tatars: based on the materials of the necropolis near the village. Battle]. *Vestnik antropologii* 4 (48): 243–251.
- Pashkova, V.I. 1958. *Opreделение pola i vozrasta po cherepu*. [Determination of gender and age from the skull]. Stavropol.
- Pashkova, V.I. 1963. *Ocherki sudebno-medicinskoj osteologii*. [Essays on forensic medical osteology]. Stavropol.

ИСТОРИОГРАФИЯ, ШКОЛЫ, КОНЦЕПЦИИ

УДК 39+930.1

DOI: 10.33876/2311-0546/2020-52-4/282-300

© *И.Ю. Винокурова*

ИЗ ИСТОРИИ ЭТНОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В АКАДЕМИЧЕСКОЙ НАУКЕ КАРЕЛИИ*

Статья посвящена истории этнологических исследований в Институте языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН и приурочена к его 90-летию. Представлены основные направления этнологических исследований, важнейшие достижения и их практическое применение. Первые попытки создания этнографического направления в ИЯЛИ были предприняты в начале 1930-х годов. Но в те годы всякое изучение и пропаганда национальных культур расценивались, как проявление национализма. В конце 1950-х годов в ИЯЛИ была создана первая этнографическая группа исследователей, которая проработала до середины 1960-х годов. Новые этнографы и первые этносоциологи появились в 1970-х годах. 1980-е годы – наиболее благоприятный период для развития академических этнографических исследований. В ИЯЛИ создается самостоятельный сектор этнологии. Постперестроечный период характеризовался усилением общественного интереса к публикациям о национальных традициях народов Карелии, эмиграцией и уходом некоторых сотрудников сектора этнологии в государственные учреждения власти. К числу несомненных достижений первого десятилетия XXI века можно отнести издание индивидуальных фундаментальных трудов, участие в проектах Института этнологии. Основными факторами, влияющими на развитие этнологических исследований в академической науке Карелии, являлись социально-политическая и экономическая обстановка в стране, доминирующие ориентации в центральных этнологических учреждениях России, особенности Карельского края как многонационального и пограничного региона.

Ключевые слова: *Карелия, этнология, этносоциология, научные достижения, прикладные работы*

В 2020 г. Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (ИЯЛИ) отмечает свой 90-летний юбилей. В настоящее время ИЯЛИ является авторитетным исследовательским центром на Северо-Западе России в области таких

Винокурова Ирина Юрьевна – д.и.н., ведущий научный сотрудник, заведующая сектором этнологии, Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (185910, Петрозаводск, ул. Пушкинская, 11). Эл. почта: irvin@sampo.ru.

* Финансовое обеспечение исследования осуществлялось из средств федерального бюджета на выполнение государственного задания КарНЦ РАН (№ АААА-А18-118030190092-2)

гуманитарных наук, как археология, история, этнология, языкознание, фольклористика, литературоведение. Каждая из этих наук имеет свою историю становления и развития в стенах Института. Настоящая статья посвящена истории этнологических исследований в академической науке Карелии.

Создание научного института и этнологические исследования

Попытки создания этнологического направления в Карелии, которая с населяющими ее коренными и пришлыми народами являлась актуальной территорией для изучения, были предприняты еще в начале 1930-х гг. первым фактическим¹ директором Карельского научно-исследовательского института (КНИИ), профессиональным этнографом С.А. Макарьевым. С.А. Макарьев родился в 1895 г. в д. Подщелье Шелтозерско-Бережной вол. Петрозаводского уезда Олонецкой губ. в вепско-русской крестьянской семье. В 1923–1927-х гг. С.А. Макарьев обучался на этнографическом отделении географического факультета ЛГУ (*Савватеев* 1999: 11, 14). Его учителями были выдающиеся этнографы: Л.Я. Штернберг, В.Г. Богораз-Тан, Д.К. Зеленин, Е.Г. Кагаров и др. В 1928 г. руководство СНК АКССР приглашает С.А. Макарьева на должность заведующего Карельским краеведческим музеем, и он переезжает в Петрозаводск, а в сентябре 1930 г. поручает ему организацию Карельского научно-исследовательского (комплексного) института, призванного «содействовать развитию естественно-производительных сил и культуры Карелии, ведению хозяйства на научной основе, подготовке местных научных кадров» (*Савватеев* 1999:18).

Первоначальную структуру КНИИ составили 6 секций: лесного хозяйства; сельскохозяйственная; развития естественных производительных сил; социально-экономическая; историко-революционная и, что особенно примечательно, этнографо-лингвистическая, состоящая из нескольких исследовательских групп. Но, несмотря на присутствие слова «этнография» в названии секции, ведущую роль в ней в те годы играли группы по подготовке словарей, археологии и собиранию фольклора. Об этом свидетельствует отчет С.А. Макарьева о работе этнографо-лингвистической секции за 5 лет. В нем приоритетом в работе секции указывался сбор языковых материалов и подготовка карельского и вепского словарей. Отмечались также значительные успехи в археологии, собирании и публикации фольклора (*Макарьев* 1935: 59).

Примечательно, что в отчете профессионального этнографа за 5 лет об этнографических исследованиях не сказано ни слова, хотя они были, например публикации самого С.А. Макарьева о вепсах (*Савватеев* 1999: 40–41). И это объяснимо, если вспомнить, что в конце 1920–1930-х гг. в стране начались резкие нападки на этнографию. Этнография была объявлена «буржуазным суррогатом обществоведения», изучающим народы, отставшие в своем развитии, и культурные пережитки, которые не вписывались в современное строительство коммунистического общества; обвинена в национализме и великодержавном шовинизме.

Деформация предметной области этнографии дополнялась жестокими репрессиями. В 1930-е гг. заниматься национальными проблемами, в частности связанными

¹ Первым официальным директором КНИИ, точнее почетным директором, был Председатель Совета Народных Комиссаров (СНК) Карельской Автономной Советской Социалистической Республики (АКССР), доктор философии Э.А. Гюллинг.

с финно-угорскими народами, стало невозможным и смертельно опасным. В стране начала проводиться политика, направленная на стирание национальных различий, уменьшения числа этнических общностей, что в конечном итоге должно было якобы привести к слиянию наций. Всякое изучение и пропаганда национальных культур расценивались, как попытка сдерживать этот «прогрессивный» процесс, как проявление национализма. Кроме того, в конце 1930-х гг. резко ухудшились взаимоотношения СССР с Финляндией (Петухов 1995: 445). Многие этнографы страны были арестованы и расстреляны¹. Такая же участь постигла в 1937 г. и С.А. Макарьева – талантливого организатора науки и ученого, так много сделавшего для создания КНИИ. Он обвинялся в том, что входил в шпионско-повстанческую националистическую организацию Карелии, ставящую своей целью «...отторжение КАССР от Советского Союза и присоединение ее к фашистской Финляндии» (Савватеев 1999: 33).

Вторым профессиональным этнографом, пришедшим на работу в КНИИ, был А.М. Линеvский – однокурсник С.А. Макарьева и его коллега по студенческим экспедициям. В 1934 г. незадолго до происшедших трагических событий С.А. Макарьев пригласил А.М. Линеvского на работу в КНИИ. Еще в 1926 г. во время студенческой этнографической экспедиции А.М. Линеvский открыл петроглифы в Беломорье, которые круто поменяли направление его исследований от этнографии к археологии. В течение 20 лет работы в Институте он в основном занимался археологией и литературной деятельностью (Савватеев 2010: 100–102).

Возрождение этнографии в Карелии (1950-1960-е гг.)

Создание этнографического направления в ИЯЛИ Карело-Финского филиала АН СССР стало возможно только в 1950-х гг., когда по всей многонациональной стране началось возрождение этнографии как самостоятельной науки, чудом спасшейся от упразднения после сталинской репрессивной политики. Основательницей этнографической науки в Карелии является Р.Ф. Никольская (до 1970 г. – Тароева) (1927–2009). Р.Ф. Тароева родилась в семье карелов-людиков в с. Мунозеро Карело-Финской АССР. В 1951 г. после окончания исторического факультета Петрозаводского государственного университета (ПетрГУ) была направлена в аспирантуру Института этнографии АН СССР (ИЭ) в Москву по специальности «этнография финно-угорских народов». Ее научным руководителем был назначен выдающийся этнограф и антрополог Н.Н. Чебоксаров. Тема диссертации постепенно приобрела название «Материальная культура северных карел во второй половине XIX в. и первой половине XX в. (по материалам района Калевалы)». Тема была выбрана в духе того времени. В истории, как русской, так и мировой этнографии систематическое изучение традиционной материальной культуры началось значительно позже, чем изучение духовной культуры (обрядов, обычаев, верований и т. д.). В 1930–1950-х гг. в советской этнографии исследование материальной культуры стало заметно преобладать, как более актуальное, опиравшееся на материалистическую идеологию (Чистов 1983: 14).

После окончания аспирантуры 1 января 1955 г. Р.Ф. Тароева была принята на должность младшего научного сотрудника ИЯЛИ. Почти сразу же состоялась защита ее кандидатской диссертации. Это была первая в отечественной науке работа,

¹ По данным А.М. Решетова, репрессии, начавшиеся еще в 1920-е гг., затронули около 500 этнографов и ученых смежных специальностей (Тумаркин 1999: 3).

посвященная этнографии карельского народа, проживающего в Карелии. Исследование в значительной степени основывалось на оригинальных, ранее неизвестных материалах, собранных автором в экспедициях.

Для ИЯЛИ защита первой диссертации по этнографии стала знаменательным событием. При секторе истории была сформирована «этнографическая группа», в которую, помимо Р.Ф. Тароевой, вошли четыре лаборанта-исследователя, т.е. были созданы благоприятные условия для проведения этнографических исследований. Однако, по рассказам очевидцев, первые годы работы молодого этнографа не всегда встречали понимание у ее коллег по сектору – историков. Изучение старых лодок, повозок, одежды, обрядов и т.д. воспринималось чем-то несерьезным. Такое отношение к этнографии наблюдалось по всей стране. Как отмечал С.В. Чешко, «официальная советская “историко-партийная” наука продолжала относиться к этнографии с некоторым пренебрежением и предубеждением» (Чешко 2005: 8). В 1958 г. в ИЯЛИ из Краеведческого музея перешел В.В. Пименов (1930–2012), окончивший с отличием единственную в стране на тот период времени кафедру этнографии МГУ и имеющий серьезные публикации. Он стал поддержкой в отстаивании профессиональных интересов. В.В. Пименов сочетал работу с учебой в заочной аспирантуре ИЭ в Москве. Тема его диссертационной работы носила название «Этнография вепсов» (НА КНЦ. Ф. 2. Оп. 35. № 1842. Л. 16). Таким образом, приход В.В. Пименова в ИЯЛИ означал возобновление вепских этнографических исследований, начатых С.А. Макарьевым в 1920–1930-х гг.

Этнографической группой ежегодно стали проводиться продолжительные полевые работы в вепских и карельских деревнях Карелии и за ее пределами. Исследователи выезжали не в одиночку, а организовывали большие коллективы экспедиций, включающие студентов, фотографов, художников. В частности, в их экспедициях не раз принимал участие известный иллюстратор «Калевалы» М. Мечев.

На рубеже 1950–1960-х гг. перед этнографами СССР была поставлена централизованная задача, признанная более актуальной, – «изучение ведущей роли рабочего класса в общественном развитии и в коренном преобразовании быта народов СССР в ходе революционной борьбы и построения социализма» (Будина, Шмелева 1977: 25). Этнографические исследования рабочего быта были начаты почти одновременно во многих республиках нашей страны.

В 1960–1961 гг. пришлось изменить тематику этнографических исследований и в ИЯЛИ. Р.Ф. Тароева и В.В. Пименов также оставили написание своих монографий, посвященных карелам и вепсам, и обратились к исследованию рабочего класса лесозаготовительной отрасли Карелии. Кроме этнографов, в исследовательскую группу вошли фольклористы У.С. Конкка и Т.И. Вяйзинен, экономист З.Н. Кильсева и биолог В.И. Ильина. Объектом изучения был выбран поселок лесозаготовителей Верхний Олонец. В 1960–1963 гг. в Верхнем Олонце проводился интенсивный сбор материала. Исследователи использовали метод вживания в этнографическую среду. Для этого они посещали партийные собрания, работали на лесозаготовках. В своем полевом дневнике Р.Ф. Тароева так описывала часть дня 25 марта 1960 г.: «Собрались поехать на работу на нижнюю биржу. <...> Володя¹ работал сучкору-

¹ В.В. Пименов.

бом, Тойво¹ – штабелевищиком, а мы с Нелей² – подносчиками сучьев. Очень долго пришлось ждать лесовозов и мы просидели в обогревательной будке около 2 часов. Во время отдыха пели песни» (НАКНЦ. Ф. 1. Оп. 29. № 93. Л. 29, 30–31). Методами сбора материала были также опрос населения и анкетирование. Полевые материалы подкреплялись и дополнялись архивными, газетными и литературными данными, часть из которых изучалась в местной библиотеке.

Итоги исследований были представлены в коллективной монографии «Верхний Олонец – поселок лесорубов» (Чистов 1964). Авторами большей части разделов в ней являлись этнографы. В отзывах специалистов книга справедливо характеризовалась как серьезный труд, интересный в методологическом отношении (Крупянская 1963: 31; Юхнева 1966: 178). Именно сегодня, когда в России происходит масштабная миграция сельских жителей в города и поселки эта монография приобретает для этнологов важное методическое значение. Хотя с позиции сегодняшнего состояния этнологической науки в Карелии можно сказать, что в тот период времени это исследование оказалось преждевременным. Как отмечал сам В.В. Пименов, «в процессе работы пришлось столкнуться с целым рядом трудностей, связанных с недостаточной этнографической изученностью Карелии вообще ...» (Чистов 1964: 9). Вместо того, чтобы собирать материалы по еще функционирующей в то время традиционной культуре коренных народов Карелии, фиксировать уходящие формы, этнографы направили свое профессиональное мастерство на изучение советского быта. Например, стали изучать одежду лесорубов, вместо стремительно исчезающей национальной одежды карелов и вепсов, или описывать современную свадьбу без изучения на тот период времени карельской традиционной свадьбы, тем самым упуская время. В отличие от нашей страны, в финляндской этнологии исследование подобных профессиональных сообществ и городского населения началось только с исчезновением финляндской деревни в 1960–1970-е гг. (Сурво В., Сурво А. 2011: 72).

Завершив работу над темой о Верхнем Олонце, В.В. Пименов и Р.Ф. Тароева вернулись к подготовке своих монографий. В конце 1964 г. В.В. Пименов закончил работу над кандидатской диссертацией и оформил ее в виде монографии «Вепсы. Очерк этнической истории и генезиса культуры». Рукопись не залежалась в письменном столе, уже на следующий год была опубликована (Пименов 1965). Выход этой монографии означал значительный прорыв в вепсоведении. До ее появления существовало считанное количество отечественных работ, в основном статей, по вепсскому языку и совсем немного описательных – по этнографии вепсов. Книга В.В. Пименова явилась первым наиболее полным исследованием этнической истории вепсов на основе данных смежных наук, а также их культуры, рассмотренной в развитии.

Далее в жизни В.В. Пименова произошли стремительные судьбоносные события: успешная защита кандидатской диссертации по книге «Вепсы» (8 февраля 1966 г.), через 10 месяцев – избрание по конкурсу на должность младшего научного сотрудника в ИЭ и переезд в родную Москву (НА КНЦ. Ф. 2. Оп. 35. № 1842. Л. 55–56). Закончился период его жизни в Петрозаводске и почти на 15 лет этнографическое изучение вепсов в ИЯЛИ.

В 1965 г. вышла в свет фундаментальная монография Р.Ф. Тароевой «Материальная культура карел (Карельская АССР)» (Тароева 1965), редактором которой был

¹ Т.И. Вязинен.

² Н.С. Полищук.

В.В. Пименов. Как отмечали рецензенты: «Эта книга – первая сводная работа по материальной культуре карел – является существенным вкладом в довольно скудную этнографическую литературу по данному вопросу» (Маслова, Санникова, Курсков: 1966: 176). Среди важнейших выводов следует назвать выделение севернокарельской и южнокарельской культурных зон, которое соответствует этнолингвистическому членению карелов.

Со времени издания книг В.В. Пименова и Р.Ф. Тароевой прошло уже 55 лет, но эти основополагающие работы по этнографии вепсов и карелов до сих пор не потеряли научную ценность.

В октябре 1967 г. Р.Ф. Тароева была назначена Ученым секретарем Президиума Карельского филиала АН СССР и проработала на этой должности 6 лет. По ее признанию, серьезно заниматься научной работой в эти годы у нее не было возможности. Таким образом, в 1967 г. успешно работающая в ИЯЛИ этнографическая группа распалась. На освободившееся в 1966 г. место В.В. Пименова пришел Ю.Ю. Сурхаско (1929–2002), окончивший в 1964 г. целевую аспирантуру в ИЭ в Москве. Он оставался единственным этнографом в ИЯЛИ до 1970 г.

Этнографические исследования в секторе фольклора и этнографии

С именем Ю.Ю. Сурхаско связано начало исследований семейной обрядности и верований карелов, которые сначала переместились в выделившийся в 1967 г. из сектора истории сектор археологии, а затем в образованный в 1972 г. сектор фольклора и этнографии. Появление сектора под таким, на первый взгляд, ассиметричным названием возникло под влиянием нового направления, созданного в Ленинградской части ИЭ К.В. Чистовым, который работал в ИЯЛИ с 1947 по 1961 г. и в дальнейшем продолжал поддерживать с его сотрудниками тесные связи. В 1968 и 1970 гг. К.В. Чистов организовал две конференции под названием «Фольклор и этнография», целью которых являлась попытка вновь вовлечь фольклор (в советском реестре наук отнесенный к филологии) в сферу этнографических исследований, которое было утрачено в разгромные для этнографии 1920–1930-е гг. (Байбурин 2011: 4–5).

Тема кандидатской диссертации Ю.Ю. Сурхаско была посвящена карельской свадебной обрядности. В 1977 г. вышел его капитальный труд «Карельская свадебная обрядность (конец XIX – начало XX в.)», на основе которого через год он защитил кандидатскую диссертацию. Эта работа получила высокую оценку в отечественной и зарубежной науке. Например, Н.В. Шлыгина писала: «К лучшим исследованиям свадебной обрядности за последние десятилетия принадлежит, несомненно, монография Ю. Сурхаско о карельской свадьбе» (Шлыгина 1991: 103).

В конце 1960-х – 1970-е гг. в Советском Союзе растет авторитет этнографических исследований. В ИЭ под руководством Ю.В. Бромлея учеными разрабатываются проблемы теории этноса, определяется место этнографии в системе гуманитарных наук. Происходящие процессы не могли не оказать влияние на развитие этнографической науки в Карелии. В секторе фольклора и этнографии появляются этнографы. С 1971 г., пройдя аспирантскую подготовку в Москве под руководством Г.С. Масловой, в нем начинает работать А.П. Косменко, избравшая предметом своей научной деятельности народное изобразительное искусство. Первым результатом ее работы стала защита кандидатской диссертации, посвященная народному изобразительно-

му искусству карелов Карельской АССР (в свете историко-культурных связей), состоявшаяся 10 июля 1975 г. в Москве.

В 1973 г. в ИЯЛИ возвращается Р.Ф. Никольская (Тароева), которая с 1977 по 1982 гг. возглавляет сектор фольклора и этнографии. Она включается в работу над коллективной темой «Сегозерские карелы». Выбор группы сегозерских карелов не был случаен. Полевые исследования 1950-х гг. показали, что культура Сегозерья характеризовалась многими чертами архаики и своеобразия и являлась переходной между северной и южной культурными зонами. Помимо Р.Ф. Никольской, главными исполнителями этой темы являлись А.П. Косменко, фольклорист У.С. Конкка и старший лаборант А.П. Конкка, принятый на работу после окончания историко-филологического факультета ПетрГУ. Завершение темы было ознаменовано выходом двух монографий (*Конкка, Конкка* 1980; *Никольская, Косменко* 1981). Обе монографии отличались особой подачей материала, что было характерно для работ фольклористов, а не этнографов: впервые достаточно сжатые очерки об основных сферах карельской культуры дополнялись документальными приложениями – рассказами информантов на родном языке.

В 1960–1970-е гг. в ИЭ бурно развивается этносоциологическое направление и создается сектор этносоциологии, руководимый Ю.В. Арутюняном. В 1967 г. сюда в целевую аспирантуру по специальности «этносоциология» после окончания исторического факультета ПетрГУ был направлен Е.И. Клементьев (1938–1917), ставший первым аспирантом этого сектора и в дальнейшем основавший этносоциологическое направление в ИЯЛИ. 7 марта 1972 г. Е.И. Клементьевым под руководством Ю.В. Арутюняна была защищена кандидатская диссертация по теме «Социальная структура и национальное самосознание (на материалах Карельской АССР)». В основу диссертации легли материалы, впервые проведенного в 1969 г. под руководством Е.И. Клементьева массового этносоциологического опроса 1231 представителя карельской национальности в 53 сельских поселениях Карелии (*Клементьев* 2015: 156).

В 1970-е гг. Е.И. Клементьев организовал еще два крупных этносоциологических исследования. Первое состоялось в 1972 г. по теме «Социально-этнические процессы в Карелии (на примере карельского городского населения)», в результате которого было опрошено 1150 карелов в 4 городах (Петрозаводск, Олонец, Кондопога, Беломорск) и 4 поселках городского типа. Предметом второго исследования 1979 г. явился образ жизни белорусов, русских и карелов, проживающих в 27 сельских населенных пунктах КАССР. Опросами было охвачено 1504 человека (*Клементьев* 2015: 157, 158). Во всех этносоциологических исследованиях помощником Е.И. Клементьева был А.А. Кожанов, который в 1973–1976 гг. после окончания ПетрГУ также обучался в аспирантуре по специальности «этносоциология» у Ю.В. Арутюняна. В 1976 г. А.А. Кожанов поступил на работу в сектор фольклора и этнографии ИЯЛИ. Диссертация А.А. Кожанова, защищенная в 1978 г., была посвящена изучению проблем этнической идентификации (на примере вепсов и карелов). Источниковедческую базу диссертации составили опросы 364 человек в Ведлозере, Пряже, Спаской Губе и Шелтозере в 1974–1975-х гг. (*Клементьев* 2015: 44–45).

Одновременно с А.А. Кожановым на работу в сектор фольклора и этнографии пришла З.И. Строгальщикова – представительница первого выпуска кафедры этнографии и антропологии ЛГУ, окончившая обучение в аспирантуре в Москве у В.В. Пименова. Уже в ЛГУ З.И. Строгальщикова занималась этнографией своего народа – вепсами. Ее кандидатская диссертация – исследование вепсского жилища (1900–1960 гг.) – отлича-

лась новыми методическими приемами, которые в то время активно разрабатывались В.В. Пименовым: системно-структурный подход к предмету изучения и статистические методы исследования его компонентов. Статистико-этнологическое направление В.В. Пименова формировалось частью во взаимодействии, а частью параллельно с этносоциологией (Комарова 2015: 58). Так или иначе, но З.И. Строгальщикова в дальнейшем примкнула к этносоциологическому направлению в ИЯЛИ.

Образование сектора этносоциологии и этнографии

К началу 1980-х гг. сектор фольклора и этнографии разросся и представлял собой три достаточно автономно работающие группы – фольклористов-филологов, этнографов и этносоциологов. 1 ноября 1983 г. был образован самостоятельный сектор этносоциологии и этнографии, в 1990 г. переименованный в сектор этнологии. Сектором в разные годы руководили к.и.н. Е.И. Клементьев (1983–1990), к.ф.н. В.П. Кузнецова (1990–2005), к.и.н. К.К. Логинов (2006–2008), д.и.н. И.Ю. Винокурова (2008–по настоящее время).

1980-е гг. стали наиболее благоприятным периодом для развития этнографической науки в Карелии. Сектор этносоциологии и этнографии в этот период пополнился профессиональными кадрами. Руководство ИЯЛИ всячески поощряло и финансировало этнографические экспедиции и командировки сотрудников для работы в архивах и библиотеках, выступлений на конференциях, которые не зависели от наличия позже появившихся грантов.

В этот период возобновились прерванные в 1965 г. исследования вепсов. В 1981 и 1983 гг. под руководством З.И. Строгальщиконой было осуществлено двухэтапное массовое статистико-этнографическое исследование вепского сельского населения с целью выявления современной этнокультурной ситуации. В ходе изучения похозяйственных книг 82 вепских поселений, опросов работников сельсоветов и заполнения 780 вопросников численность вепсов оказалась на 4,5 тыс. чел. больше, чем по данным Всесоюзной переписи населения 1979 г. Выяснилось, что при проведении переписей 1970 и 1979 гг. допускались грубейшие нарушения, инициированные вышестоящими органами власти: вепсы Ленинградской и Вологодской областей принудительно записывались русскими (Клементьев 2015: 51–54). Внедряемые на государственном уровне представления о «непрестижности» вепской национальности, насильственная запись вепсов русскими, ликвидация «неперспективных» деревень ускорили языковую и этническую ассимиляцию вепсов. Результаты обследования были обнародованы на научно-практической конференции «Проблемы сохранения языка и культуры вепсов» в 1987 г. (с. Озера Ленинградской обл.), а также совещании «Вепсы: проблемы развития экономики и культуры в условиях перестройки» в 1988 г. в Петрозаводске, и вызвали сильный резонанс в советском обществе перестроечного периода. Они стали основой формирования вепского национального движения, направленного на защиту правовых интересов вепсов, сохранение их языка и культурного наследия.

А.П. Косменко в эти годы занималась изучением вепского народного изобразительного искусства. В этот период выходит в свет серия ее статей и монография «Народное изобразительное искусство вепсов» (Косменко 1984), написанная с привлечением богатого свода археологических данных и полевого этнографического материала. Эти публикации ликвидировали одну из лакун вепской культуры.

И.Ю. Винокурова, пришедшая на работу в ИЯЛИ после окончания кафедры этнографии и антропологии ЛГУ, обращается к еще одной совершенно неизученной вепсской теме – календарной обрядности, предваряя исследование ежегодными систематическими сборами полевых материалов в вепсских деревнях. В 1983–1987 гг. она обучалась в заочной аспирантуре Ленинградской части ИЭ у Т.А. Бернштам и 11 октября 1988 г. защитила кандидатскую диссертацию, посвященную календарным обычаям, обрядам и праздникам вепсов в конце XIX – начале XX в.

Народный календарь другого прибалтийско-финского народа – карелов становится предметом изучения А.П. Конкка, вернувшегося в ИЯЛИ в 1982 г. после окончания аспирантуры в Ленинградской части ИЭ.

Еще одним выпускником кафедры этнографии и антропологии ЛГУ, появившимся в секторе этносоциологии и этнографии после окончания аспирантуры в Ленинградской части ИЭ в 1980-е гг. был К.К. Логинов. 3 апреля 1986 г. К.К. Логинов защитил кандидатскую диссертацию о традиционной материальной культуре заонежан. Его научным руководителем была Т.В. Станюкович.

С приходом К. К. Логинова в секторе этнологии появилось новое направление – исследование истории и культуры этнолокальных групп русского населения Карелии. Частью этой культуры был фольклор, который стал изучаться перешедшей в 1988 г. из сектора фольклора в сектор этнологии В.П. Кузнецовой, защитившей кандидатскую диссертацию по севернорусским свадебным причитаниям.

Группа этносоциологов в 1984 г. пополнилась В.Н. Бириним, обучавшимся в аспирантуре в ИЭ в Москве. В 1992 г. В.Н. Бирин защитил кандидатскую диссертацию на тему «Этнические аспекты брака и семьи сельского населения Карельской АССР в 1950-е – 1970-е годы» (Научный руководитель – Ю.В. Арутюнян).

Таким образом, приток новых дипломированных кадров из двух головных этнографических центров в Москве и Ленинграде окончательно оформил два основных исследовательских направления в секторе этнологии ИЯЛИ КарНЦ РАН – историческая этнография народов Карелии и этносоциология, которые с некоторыми изменениями продолжают сохраняться до сих пор.

Начало постперестроечного периода

Кардинальные перемены в политической и экономической жизни народов России, происшедшие на рубеже 1980–1990-х гг., способствовали резкой актуализации этничности и превращению ее в мощный политический ресурс (Тишков, Шабаетов 2011). В этот период в Карелии, как и в других национальных республиках, стремительно формируются этнополитические движения и национальные общественные объединения. Их программной целью являлось возрождение национальной культуры, особенно родных языков (Клементьев 2015: 57–58).

В период этнической мобилизации в обществе усилился интерес к этнологии, особенно к публикациям, касающимся национальных традиций народов, которые по сравнению с советским временем оказались невероятно востребованными в научной и практической жизни (Чешко 2005: 10). Ярким событием в Карелии и за ее пределами стала книга Р.Ф. Никольской «Карельская кухня» (Никольская 1986). Эта книга – одна из лучших по народной кулинарии – выдержала уже четыре издания и переведена на финский и шведский языки.

Существенным достижением сектора на рубеже второй половины 1980–1990-х гг. стала серия монографий. Издания З.И. Строгальщиковой (1986) и В.Н. Бирин (1992) представляли собой исследования, написанные на основе их кандидатских диссертаций. К публикациям этих лет относятся также работы, посвященные родильным и похоронно-поминальным обрядам и верованиям карелов (*Сурхаско* 1985) и изобразительному творчеству саамов Кольского полуострова (*Косменко* 1993).

В 1990-е гг., благодаря двум монографиям К.К. Логинова (*Логинов* 1993а, 1993б), а также написанной им в соавторстве с фольклористом В. П. Кузнецовой книге «Русская свадьба Заонежья (конец XIX – начало XX в.)» (*Кузнецова, Логинов* 2001), была воссоздана этническая история и традиционная культура русских Заонежья. Эта этнолокальная группа вызывает постоянный читательский интерес из-за территории своего расселения, образ которой в массовом российском сознании обычно ассоциируется с главной его достопримечательностью – знаменитым островом Киж и его замечательными памятниками древнерусского деревянного зодчества.

В 1990-е гг. вышли две монографии И.Ю. Винокуровой. Одна из них, написанная на основе диссертации, – представляет собой первое обобщающее исследование системы верований, обычаев, обрядов и праздников народного календаря вепсов (*Винокурова* 1994). Вторая – «Традиционные праздники вепсов Прионежья (конец XIX – начало XX в.)» (*Винокурова* 1996) – посвящена изучению праздничной культуры прионежских вепсов. Эти книги оказались востребованными работниками культуры при подготовке ежегодных вепских фольклорных праздников, играющих важную роль в национальном воспитании и сплочении народа.

Тяжелое социально-экономическое положение в стране и науке, открытие границ, привлечение этнологов на работу в государственные учреждения повлияли на состояние этнологической науки в Карелии. Профессионально окрепший и численно выросший до 13 человек сектор этнологии сократился наполовину. В 1990 г. А.П. Конкка эмигрировал в Финляндию и возвратился обратно только через 15 лет. А.С. Кожанов в 1988 г. перешел на работу в ПетрГУ. З.И. Строгальщикова с 1991 по 1999 г. являлась депутатом Верховного Совета Республики Карелии (РК), а затем депутатом Законодательного собрания РК, где возглавляла комиссию по национальным вопросам. В.Н. Бирин с 1993 г. стал работать в Государственном комитете по национальной политике и межнациональным отношениям РК. Таким образом, к началу 1990-х гг. группа этносоциологов в ИЯЛИ распалась, но научное сотрудничество ее членов сохранялось до ухода Е.И. Клементьева в 2017 г.

С 1990-х гг. политический заказ на разработки этнологов стал неотъемлемой частью работы сектора. Так, с 1990 по 2000 г. Е.И. Клементьевым (с привлечением А.А. Кожанова) было проведено 62 социологических исследования (по заказам Правительства РК, министерств, мэрии Петрозаводска и т.д.), в основном касающихся деятельности структур власти, готовились также аналитические отчеты по проблемам финно-угорской школы, сельским школам и т.д. (*Клементьев* 2015). З.И. Строгальщикова участвовала в создании многих законов, например, «О государственной поддержке карельского, вепского и финского языков в Республике Карелия» (2004) и др., в подготовке доклада для Министерства по региональной политике РФ о включении вепсов в перечень коренных малочисленных народов Севера.

Этнологические исследования в ИЯЛИ в XXI в.

На рубеже XX–XXI вв. сотрудники сектора этнологии были вовлечены во многие проекты Института этнологии и антропологии (ИЭА). Е.И. Клементьев и З.И. Строгальщикова, работавшие в ИЯЛИ, а также В.Н. Бирин и А.А. Кожанов участвовали в проекте «Национальные движения в СССР и в постсоветском пространстве» (рук. М.Н. Губогло), целью которого являлась публикация документов и материалов по этнополитической ситуации у различных народов России. Так, с 2005 по 2015 г. этносоциологами было издано 5 сборников документов, посвященных этнической мобилизации карелов, ингерманландских финнов и вепсов, а также карельскому национальному движению (Клементьев 2015: 84). Этими публикациями была создана значительная источниковедческая база по изучению теоретических и практических проблем развития трех прибалтийско-финских народов Карелии.

В 1993 г. на базе ИЭА была создана Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов (рук. В.А. Тишков), которая представляет собой сбор сведений экспертами из различных регионов страны по определенным индикаторам, позволяющим выявлять и отслеживать проблемные ситуации в регионах еще на стадии зарождения. Мониторинг в Карелии на протяжении многих лет осуществлялся Е.И. Клементьевым (Клементьев 2015: 92–95).

В 1992 г. ИЭА под руководством В.А. Тишкова начал работу над изданием много-томной серии «Народы и культуры», посвященной характеристике этнических общностей бывшего Советского Союза. В конце 1990-х гг. в ИЯЛИ велась работа над томом «Прибалтийско-финские народы России». В 2003 г. том был издан (Клементьев, Шлыгина 2003). В нем на междисциплинарной основе представлено системное описание саамов, карелов, вепсов, ижоры, води и российских финнов. Интегрирующую роль в этой работе сыграл сектор этнологии: помимо написания его сотрудниками значительной части разделов, посвященных вепсам и карелам, Е.И. Клементьевым проводились редактирование и координация работы с секторами ИЯЛИ, ПетрГУ и вторым редактором Н.В. Шлыгиной из ИЭА.

Принцип междисциплинарности широко используется до сих пор при осуществлении различных проектов, связанных с народами Карелии. В конце 1990-х – начале 2000-х гг. этнологи ИЯЛИ принимали активное участие в междисциплинарных экспедиционных и исследовательских проектах по изучению карельских и вепских поселений под руководством доктора архитектуры, академика В.П. Орфинского. Результатами исследований стали коллективные монографии о поселениях Суйсарь (Краснопольская, Орфинский 1997), Юккогуба (Орфинский 2001), Сямозеро (Орфинский 2008), в которых А.П. Конкка и К.К. Логинов являлись авторами ряда разделов и входили в состав редколлегий.

К числу несомненных достижений первого десятилетия XXI в. можно отнести издание индивидуальных фундаментальных трудов. Важным событием, демонстрирующим итог многолетней научной работы в области изучения народного изобразительного искусства, стала монография А.П. Косменко (2002), впервые в полном объеме рассматривающая традиционный орнамент финноязычных народов Северо-Запада (саамов, вепсов и карелов) на фоне сравнительного анализа с искусством других народов европейской России и Сибири. В 2011 г. вышло в свет 2-е дополненное издание этой монографии (Косменко 2011). Орнамент – важный элемент при конструировании этничности. Поэтому книги А.П. Косменко широко используются

при создании национальной символики, эмблематики, одежды для демонстрации «этнического лица» народа в различных презентациях.

Две монографии К.К. Логинова представляют собой плод его многолетних исследований этнолокальной группы русских, проживающих на берегу озера Водлозера в Пудожском крае. Первая работа (Логинов 2006) содержит описание особенностей этнической истории и культуры жизнеобеспечения водлозерской группы. Во втором труде (Логинов 2010) дается новый подход к исследованию обычаев и обрядов, связанных с семейными отношениями. Автор не только воссоздал данную часть соционормативной культуры Водлозерья, но и попытался выявить конфликтную сторону между участниками обычаев и обрядов. Помимо описания ранее неизвестных ритуалов жизненного цикла, сопровождающих родины, свадьбу, похороны, в монографии впервые представлены обряды, связанные с конфликтами в семейной жизни, которые всегда находились на далекой периферии этнологических исследований. Монографии о русских Водлозерья широко используются в прикладной деятельности Водлозерского национального парка, созданного в апреле 1991 г.

Комплексное изучение мифологической картины мира и его отдельных фрагментов у различных этносов – направление, которое стало одним из самых популярных среди этнологов, этнолингвистов и фольклористов в конце XX – начале XXI вв. В этот период И.Ю. Винокурова приступила к изучению вепсской мифологии. Выбор данной темы был связан с привлечением исследовательницы к работе в международном проекте «Энциклопедия уральских мифологий», руководимом выдающимися учеными Анной-Лееной Сиикала (Финляндия), Владимиром Напольских (Россия) и Михаем Хоппалом (Венгрия). Основная цель проекта состояла в том, чтобы создать на русском и английском языках серию энциклопедических словарей, которая будет представлять свод сведений по традиционному мировоззрению и мифологии народов уральской языковой семьи. Проект «Энциклопедия уральских мифологий» не имел постоянных источников финансирования. Предполагалось, что его российские участники будут заниматься подготовкой своих томов, включив ее в рабочие планы соответствующих научных учреждений. На подготовку рукописей к печати указывались примерные сроки – 5-6 лет. Однако уже тогда было ясно, что мифологии различных уральских народов изучены неравномерно и это обстоятельство отразится на сроках издания томов. Что касается вепсов, то к тому времени работ, касающихся их мифологии, было чрезвычайно мало. Для реконструкции вепсской мифологической системы требовались интенсивные полевые сборы и архивные изыскания. Руководители проекта, зная такую ситуацию, предполагали, что отдельный том по вепсской мифологии вряд ли получится.

И.Ю. Винокурова начала подготовку энциклопедических статей с описания галереи животных в вепсской мифологии. Первым этапом работы над ней стал сбор полевых материалов по специально разработанной программе. Полевые исследования конца XX – начала XXI в., проведенные с помощью вопросника, показали, что поверья и мифологические рассказы о животных до сих пор не потеряли актуальности у вепсского сельского населения. Комплекс мифологических представлений о мире фауны оказался значительным фрагментом традиционного мировоззрения вепсов. В 1995–2005 гг. научно-исследовательская деятельность И.Ю. Винокуровой (с некоторыми отступлениями, связанными с необходимостью выполнения других коллективных тем) в основном сосредоточилась на реконструкции этого фрагмента. Итогом ее стала монография «Животные в традиционном мировоззрении вепсов (опыт

реконструкции)» (Винокурова 2006). В 2009 г. на основе этой монографии автором была защищена докторская диссертация. Появление доктора наук по специальности «этнография, этнология, антропология» позволило открыть аспирантуру в ИЯЛИ по этой специальности и готовить научные кадры по этнологии.

В последующие годы И.Ю. Винокурова продолжала заниматься воссозданием других звеньев вепсской мифологии. Накопленные материалы и исследования позволили представить вепсскую мифологию в систематизированном энциклопедическом виде как отдельную книгу (том) «Мифология вепсов» (Винокурова 2015).

В русле данного направления работает также А.П. Конкка. Предметом его многолетних исследований является малоизученное явление прибалтийско-финской культуры – дерево «карсикко» – преимущественно хвойное дерево с определенным образом обрезанными ветвями, только вершиной или вырезанными в стволе знаками различной сложности. Дерево-знак используется в различных ритуалах, выступая в ипостаси мирового дерева с функциями оберега, медиатора между мирами, маркера сакральных границ. В 2011 г. А.П. Конкка защитил кандидатскую диссертацию по этой теме, а в 2013 г. издал монографию (Конкка 2013).

Исследования мифоритуальных традиций вепсов и карелов широко используются при подготовке музейных экспозиций. К ним обращался коллектив ансамбля Карелии «Кантеле» для подготовки театрализованных программ «Vepsänman poi-duz» («Вепские фантазии») и «Карсикко», «Союз вепсской молодежи Карелии» для написания сценария видеофильма «Вепсская свадьба». На местном телевидении выходило несколько видеосюжетов, посвященных «карсикко». В 2008 г. на основе монографии «Животные в традиционном мировоззрении вепсов (опыт реконструкции)» сотрудниками местного телевидения В. Славовым и Л. Смолиной был создан учебный фильм на вепском языке «Živatad vepsläižiden elos» («Животные в жизни вепсов»), который демонстрируется на различных национальных мероприятиях и при чтении лекций о вепсах перед студентами во многих городах России.

В настоящее время главным объектом изучения сотрудников сектора этнологии остаются прибалтийско-финские и русский народы Карелии и сопредельных территорий на всем протяжении их исторического развития. Сектор этнологии – практически единственное научное подразделение в России, объектом изучения которого являются вепсы и карелы. Исследования ведутся по следующим направлениям: историческая этнография; локальные группы народов Карелии и сопредельных территорий; мифология и этническое религиоведение; этносоциологические, этнодемографические и этнополитические процессы. Большое место в работе сектора занимают полевые исследования. Сотрудники организуют экспедиции самостоятельно или принимают участие в комплексных экспедициях совместно с другими учеными ИЯЛИ или образовательных учреждений Петрозаводска и Финляндии.

С начала своего самостоятельного существования коллектив сектора этнологии практически не обновлялся. Лишь с 2008 г. он начал пополняться молодежью. В настоящее время в секторе этнологии работают 8 человек: И.Ю. Винокурова (д.и.н., вед. н. с.), А.П. Конкка (к.и.н., с.н.с.), К.К. Логинов (к.и.н., с.н.с.), З.И. Строгальщикова (к.и.н., с.н.с.), В.П. Ершов (к. пед. н., н.с.), Ю.В. Литвин (к.и.н., н.с.), С.А. Минвалеев (м.н.с.), Г.В. Рывкина (м.н.с.).

Вливание молодых кадров способствовало обновлению научной тематики. Интересы Ю.В. Литвин сосредоточились на гендерных исследованиях – направле-

нии, активные разработки которого в зарубежной и отечественной науке начались в 1990-е гг. В 2013 г. Ю.В. Литвин под руководством О.П. Илюха защитила диссертацию, посвященную повседневной жизни карельской крестьянки во второй половине XIX – начале XX в. Объектом исследования С.А. Минвалеева стали людики, которые в российской науке считаются субэтнической группой карелов, а финляндскими учеными дифференцируются как самостоятельный этнос. Г.В. Рывкина изучает традиционную и современную культуру передвижения карелов.

В 2014–2019 гг. приоритетом в работе сектора этнологии стала подготовка и издание к 100-летию образования Республики Карелия монографии «Народы Карелии. Историко-этнографические очерки» (Винокурова 2019). Целью работы являлось создание свода современных знаний о трех народах – карелах, вепсах и русских, уже более тысячелетия мирно проживающих в Карельском крае и сопредельных юго-восточных областях, на основе результатов многолетних исследований в области различных гуманитарных наук. В подготовке монографии принял участие 31 автор, из них 19 сотрудников ИЯЛИ. Инициатива в создании книги принадлежала этнологам, как и написание более половины ее объема и редактирование. На республиканском конкурсе «Книга года Республики Карелия – 2019» монография была признана лучшей книгой года и победила в 3 номинациях: «Свет науки», «Искусство книги», «Мой край и его люди».

* * *

Перечислить все монографии, сборники, проекты, прикладные работы, награды сектора этнологии ИЯЛИ в рамках одной статьи не представляется возможным. Но и изложенные данные являются убедительным свидетельством актуальности и востребованности научных этнологических знаний в Республике Карелия. Основными факторами, влияющими на развитие этнологических исследований в ИЯЛИ, являлись социально-политическая и экономическая обстановка в стране, доминирующие ориентации в центральных этнологических учреждениях России, особенности Карельского края как многонационального и пограничного региона.

Источники

Научный архив – Научный архив Карельского научного центра (НА КарНЦ):

Ф. 2. – Ф. 2. Оп. 35. № 1842.

Ф. 1. – Ф. 1. Оп. 29. № 93.

Научная литература

Байбурин А.К. Несколько замечаний к теме «Фольклор и этнография» (вместо предисловия) // Фольклор и этнография: К девятидесятилетию со дня рождения К.В. Чистова: Сборник научных статей / Отв. ред. А.К. Байбурин, Т.Б. Щепанская. СПб.: МАЭ РАН, 2011. С. 3–7.

Бирин В.Н. Брак и семья сельского населения Карельской АССР в 1950–1970-е годы / В.Н. Бирин. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 1992. 254 с.

Будина О.Р., Шмелева М.Н. Этнографическое изучение города в СССР // Советская этнография. 1977. № 6. С. 21–31.

Винокурова И.Ю. Календарные обычаи, обряды и праздники вепсов (конец XIX – начало XX в.). СПб.: Наука, 1994. 124 с.

Винокурова И.Ю. Традиционные праздники вепсов Прионежья (конец XIX – начало XX в.). Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 1996. 139 с.

- Винокурова И.Ю.* Животные в традиционном мировоззрении вепсов (опыт реконструкции). – Петрозаводск, 2006: Издательство ПетрГУ. 447 с.
- Винокурова И.Ю.* Мифология вепсов: энциклопедия. Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2015. 521 с.
- Винокурова И.Ю.* (отв. ред.). Народы Карелии: историко-этнографические очерки. Петрозаводск: Периодика, 2019. 752 с.
- Клементьев Е.И.* Этносоциология в Карелии. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2015. 208 с.
- Клементьев Е.И., Шлыгина Н.В.* (отв. ред.). Прибалтийско–финские народы России М: Наука, 2003. 671 с.
- Комарова Г.А.* В.В. Пименов и статистико-этнографические исследования в отечественной этнографии // Больше чем этнограф. Сб. науч. ст., посвященный памяти профессора Владимира Владимировича Пименова / Отв. ред.-сост. В.В. Карлов, Т.С. Гузенкова. М.: Издательство Московского университета. 2015. С. 47–62.
- Конкка А.П.* Карсикко: деревья-знаки в обрядах и верованиях прибалтийско-финских народов. Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2013. 286 с.
- Конкка У.С., Конкка А.П.* Духовная культура сегозерских карел конца XIX – начала XX в. Л.: Наука, 1980. 216 с.
- Косменко А.П.* Народное изобразительное искусство вепсов. Л.: Наука, 1984. 220 с.
- Косменко А.П.* Народное изобразительное искусство саамов Кольского полуострова XIX–XX вв. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН. 1993. 170 с.
- Косменко А. П.* Традиционный орнамент финноязычных народов Северо-Западной России. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2002. 218 с.
- Косменко А.П.* Послания из прошлого. Традиционные орнаменты финноязычных народов Северо-Западной России. Петрозаводск: «Скандинавия», 2011. 303 с.
- Краснопольская Т.В., Орфинский В.П.* (отв. ред.). Село Суйсарь: История, быт, культура. Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 1997. 295 с.
- Крунянская В. Ю. Проблемы изучения современной культуры и быта рабочих СССР // Советская этнография. 1963. № 4. С. 28–34.
- Кузнецова В.П., Логинов К.К.* Русская свадьба Заонежья (конец XIX – начало XX в.). Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2001. 327 с.
- Логинов К.К.* Материальная культура и производственно-бытовая магия русских Заонежья (конец XIX – начало XX в.). Л.: Наука, 1993а. 147 с.
- Логинов К.К.* Семейные обряды и верования русских Заонежья. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 1993б. 227 с.
- Логинов К.К.* Этнолокальная группа русских Водлозерья. М.: Наука, 2006. 273 с.
- Логинов К.К.* Традиционный жизненный цикл русских Водлозерья : обряды, обычаи и конфликты. М.; Петрозаводск : Ун-т Дмитрия Пожарского, 2010. 412 с.
- Макарьев С. А. Научно-исследовательская работа в Карелии // Карело- Мурманский край. 1935. № 5–6. С. 58–60.
- Маслова Г., Санникова А., Курсков Г.* О книге Р.Ф. Тароевой «Материальная культура карел» // Советская этнография. 1966. № 4. С. 176–179.
- Никольская Р.Ф.* Карельская кухня. Петрозаводск: Карелия, 1986. 194 с.
- Никольская Р.Ф., Косменко А.П.* Материальная культура и декоративно-прикладное искусство сегозерских карел. Л.: Наука, 1981. 262 с.
- Орфинский В.П.* (отв. ред.). Деревня Юккогуба и ее округа. Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2001. 427 с.
- Орфинский В.П.* (отв. ред.). История и культура Сямозерья. Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2008. 811 с.
- Петухов В.П.* Вепсы // Прибалтийско-финские народы. История и судьбы родственных народов / сост. М. Йокиппи, Ювяскюля: Атена. 1995. С. 433–454.

- Пименов В.В. Вепсы. Очерк этнической истории и культуры. М.–Л.: Наука, 1965. 264 с.
- Савватеев Ю. А. В поисках достоверности: о жизни и деятельности А.М. Линевского : очерк // Север. 2010. № 8. С. 94–107.
- Савватеев Ю.А. Степан Андреевич Макарьев: жизнь и деятельность (к 100-летию со дня рождения) // Вепсы: история, культура, межэтнические контакты / науч. ред. И.Ю. Винокурова. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 1999. С. 10–41.
- Строгальщикова З.И. Традиционное жилище Межозерья.1900–1960. Опыт сравнительно-статистического анализа. Л., 1986. 107 с.
- Сурво В., Сурво А. Верхний Олонец – новые традиции // Фольклор и этнография: К девяностолетию со дня рождения К В. Чистова: Сборник научных статей / Отв. ред. А.К. Байбурин, Т Б. Щепанская. СПб.: МАЭ РАН, 2011. С. 68–75.
- Сурхаско Ю.Ю. Карельская свадебная обрядность (конец XIX – начало XX в.). Л.: Наука, 1977. 237 с.
- Сурхаско Ю.Ю. Семейные обряды и верования карел. Конец XIX – начало XX в. Л.: Наука, 1985. 172 с.
- Тароева Р.Ф. Материальная культура карел (Карельская АССР). М.–Л.: Наука, 1965. 225 с.
- Тишков В.А., Шабаетов Ю.П. Этнополитология: политические функции этничности: Учебник для вузов. М.: Издательство Московского университета, 2011. 376 с.
- Тумаркин Д.Д. (отв. ред.) Репрессированные этнографы. М.: Восточная литература, 1999. С. 3–8.
- Чешико С.В. От советской этнографии к российской этнологии // Этнографическое обозрение. 2005. № 2. С. 8–10.
- Чистов К.В. (ред.) Верхний Олонец – поселок лесорубов. Опыт этнографического исследования. М.; Л.: Наука. 1964. 195 с.
- Чистов К.В. Из истории советской этнографии 30–80 гг. XX века. К 50-летию Института этнографии АН СССР // Советская этнография. 1983. № 3. С. 3–18.
- Шлыгина Н. В. Свадебная обрядность прибалтийско-финских народов в конце XIX – начале XX в. (стадиальная и этническая специфика) // Этнографическое обозрение. 1991. № 2. С. 103–113.
- Юхнева Н. В. «Верхний Олонец – поселок лесорубов». Опыт этнографического описания // Советская этнография. 1966. № 5. С. 175–176.

*Vinokurova, Irina Yu.**

On the history of ethnological studies in Karelian science

DOI: 10.33876/2311-0546/2020-52-4/282-300

The article is devoted to the history of ethnological research at the Institute of Language, Literature and History of the Karelian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences and is dedicated to its 90th anniversary. It identifies the main areas of ethnological research, the most important achievements and their practical application. The first attempts to create an ethnographic field in ILLH were undertaken in the early 1930s. However, in those years, any study and propaganda of national cultures were regarded as manifestation of nationalism. At the end of the 1950s, the first ethnographic research group was created at ILLH, which worked until the mid-1960s. New ethnographers and the first ethno-sociologists appeared in the 1970s. The 1980s were the most favorable period for the development of academic ethnographic research, when an independent sector of ethnology was established in ILLH. The post-perestroika period was characterized by an increase in public interest in publications about national traditions of the peoples of Karelia and by emigration and departure of some employees of the ethnological sector to governmental institutions. The undoubted achievements of the first decade of the XXI century include

publication of individual fundamental works and participation in projects of the Institute of Ethnology. The main factors that influenced the development of ethnological research in the academic science of Karelia were the socio-political and economic situation in the country, the dominant orientations in the central ethnological institutions of Russia and the nature of the Karelian Territory as a multinational and border region.

Key words: *Karelia, ethnology, ethno-sociology, scientific achievements, applied research*

* **Vinokurova, Irina Yu.** – Doctor of history, Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Center RAS (Petrozavodsk, Russia). E-mail: irvin@sampo.ru

The research is published as part of the state assignment KarRC RAS (No. AAAA-A18-118030190092-2)

References

- Baiburin, A.K. 2011. Neskol'ko zamechaniy k teme "Fol'klor i etnografiya" (vmesto predisloviia) [A few comments on the topic "Folklore and Ethnography (instead of the foreword)]. In *Fol'klor i etnografiia: K devianostoletiiu so dnia rozhdeniia K.V. Chistova: Sbornik nauchnykh statei* [Folklore and Ethnography: to the 90th anniversary of K.V. Chistov birth. The collection of scientific articles], edited by A.K. Baiburin and T.B. Shchepanskaia, 3–7. St. Petersburg: MAE RAN.
- Birin, V.N. 1992. *Brak i sem'ia sel'skogo naseleniia Karel'skoi ASSR v 1950–1970-e gody* [Marriage and family of the rural population of the Karelian Autonomous Soviet Socialist Republic in the 1950–1970s.]. Petrozavodsk: Karel'skii nauchnyi tsentr RAN.
- Budina O.R., Shmeleva M.N. 1977. Etnograficheskoe izuchenie goroda v SSSR [Ethnographic study of the city in the USSR]. *Sovetskaia etnografiia* 6: 21–31.
- Cheshko, S.V. 2005. Ot sovetskoi etnografii k rossiiskoi etnologii [From Soviet Ethnography to Russian Ethnology]. *Etnograficheskoe obozrenie* 2: 8–10.
- Chistov, K.V., ed. 1964. *Verkhniy Olonets – poselok lesorubov. Opyt etnograficheskogo issledovaniia* [Upper Olonets is a lumberjack village. Ethnographic research experience]. Moscow; Leningrad: Nauka.
- Chistov K.V. 1983. Iz istorii sovetskoi etnografii 30–80 gg. XX veka. K 50-letiiu Instituta etnografii AN SSSR [From the history of Soviet ethnography 30–80 years. Twentieth century. On the 50th anniversary of the Institute of Ethnography of the USSR Academy of Sciences]. *Sovetskaia etnografiia* 3: 3–18.
- Klement'ev, E.I. 2015. *Etnosotsiologiya v Karelii* [Ethnosociology in Karelia]. Petrozavodsk: Karel'skii nauchnyi tsentr RAN.
- Klement'ev, E.I., Shlygina, N.V. (eds.). 2003. *Pribaltiisko–finskie narody Rossii* [Baltic–Finnish peoples of Russia]. Moscow: Nauka.
- Komarova, G.A. 2015. V.V. Pimenov i statistiko-etnograficheskie issledovaniia v otechestvennoi etnografii [V.V. Pimenov and statistics-ethnographic studies in domestic ethnography] In *Bol'she chem etnograf. Sbornik nauchnykh statei, posviashchennyi pamiati professora Vladimira Vladimirovicha Pimenova* [More than Ethnographer. The collection of articles to the 90th anniversary from birth of Vladimir Vladimirovich Pimenov], edited by V.V. Karlov and T.S. Guzenkova, 47–62. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta.
- Konkka, A.P., 2013. *Karsikko: derev'ia-znaki v obriadakh i verovaniakh pribaltiisko–finskikh narodov* [Karsikko: sign trees in the rites and beliefs of the Baltic-Finnish peoples]. Petrozavodsk: Izdatel'stvo PetrGU.
- Konkka, U.S., Konkka, A.P. 1980. *Dukhovnaia kul'tura segozerskikh karel kontsa XIX – nachala XX v.* [The spiritual culture of the Segozero Karelians of the late twentieth and early twentieth centuries]. Leningrad: Nauka.
- Kosmenko, A.P. 1984. *Narodnoe izobrazitel'noe iskusstvo vepsov* [Veps folk art]. Leningrad: Nauka.

- Kosmenko, A.P. 1993. *Narodnoe izobrazitel'noe iskusstvo saamov Kol'skogo poluostrova XIX–vv.* [Sami folk art of the Kola Peninsula of the 20th and 20th centuries]. Petrozavodsk: Karel'skii nauchnyi tsentr RAN.
- Kosmenko, A. P. 2002. *Traditsionnyi ornament finnoiazychnykh narodov Severo-Zapadnoi Rossii* [Traditional ornament of the Finnish-speaking peoples of North-West Russia]. Petrozavodsk: Karel'skii nauchnyi tsentr RAN.
- Kosmenko, A.P. 2011. *Poslaniia iz proshlogo. Traditsionnye ornamenti finnoiazychnykh narodov Severo-Zapadnoi Rossii* [Messages from the past. Traditional ornaments of the Finnish-speaking peoples of North-West Russia]. Petrozavodsk: Skandinaviia.
- Krasnopol'skaya, T.V., Orfinskii, V.P., eds. 1997. *Selo Suisar': Istoriia, byt, kul'tura* [Village Suisar History, Life, Culture]. Petrozavodsk: Izdatel'stvo PetrGU.
- Krupianskaya, V. Yu. 1963. Problemy izucheniia sovremennoi kul'tury i byta rabochikh SSSR [Problems of studying modern culture and life of workers of the USSR] *Sovetskaia etnografiia* 4: 28–34.
- Kuznetsova, V.P., Loginov, K.K. 2001. *Russkaia svad'ba Zaonezh'ia (konets XIX – nachalo XX)* [Russian wedding of Zaonezhie (late XX – early XX century)]. Petrozavodsk: Izdatel'stvo PetrGU.
- Loginov, K.K. 1993a. *Material'naia kul'tura i proizvodstvenno-bytovaia magiia russkikh Zaonezh'ia (konets XIX – nachalo XX v.)* [Material culture and production and domestic magic of Russians of Zaonezhie (late 20th – early 20th centuries)]. Leningrad: Nauka.
- Loginov, K.K. 1993b. *Semeinye obiady i verovaniia russkikh Zaonezh'ia* [Family rites and beliefs of Russian Zaonezhie]. Petrozavodsk: Karel'skii nauchnyi tsentr RAN.
- Loginov, K.K. 2006. *Etnolokal'naia grupa russkikh Vodlozer'ia* [Ethnolocal group of Russians Vodlozery]. Moscow: Nauka, 2006.
- Loginov, K.K. 2010. *Traditsionnyi zhiznennyi tsikl russkikh Vodlozer'ia : obiady, obychai i konfliktly* [The Traditional Life Cycle of the Russian Vodlozery: Rites, Customs, and Conflicts]. Moscow; Petrozavodsk : Universitet Dmitriia Pozharskogo.
- Makar'ev, S. A. 1935. Nauchno-issledovatel'skaia rabota v Karelii [Research work in Karelia]. *Karelo-Murmanskii krai* 5–6: 58–60.
- Maslova, G., Sannikova, A. and Kurskov G. O knige R.F. Taroevoi “Material'naia kul'tura karel' [About the book R. F. Taroev ‘Material culture of Karelian’]. *Sovetskaia etnografiia* 4: 176–179.
- Nikol'skaya, R.F. 1986. *Karel'skaia kukhnia* [Karelian cuisine]. Petrozavodsk: Kareliia.
- Nikol'skaya, R.F., Kosmenko, A.P. 1981. *Material'naia kul'tura i dekorativno-prikladnoe iskusstvo segozerskikh karel* [Material culture and arts and crafts of Segozero Karelians]. Leningrad: Nauka.
- Orfinskii, V.P., ed. 2001. *Derevnia Iukkoguba i ee okruga* [Yukkogub village and its districts]. Petrozavodsk: Izdatel'stvo PetrGU.
- Orfinskii, V.P., ed. 2008. *Istoriia i kul'tura Siamozher'ia* [History and culture of Syamozero]. Petrozavodsk: Izdatel'stvo PetrGU.
- Petukhov, V.P. 1995. Vepsy [Veps] In *Pribaltiisko-finskie narody. Istoriia i sud'by rodstvennykh narodov* [Baltic-Finish Peoples. History and Fate of kindred people], edited by M. Iokipii. Iuviaskiulia: Atena: 433–454.
- Pimenov, V.V. 1965. *Vepsy. Ocherk etnicheskoi istorii i kul'tury* [Veps. Essay on Ethnic History and Culture]. Moscow; Leningrad: Nauka.
- Savvateev, Yu. A. 2010. V poiskakh dostovernosti: o zhizni i deiatel'nosti A.M. Linevskogo : ocherk [In search of reliability: about the life and work of A. M. Linevsky: an essay]. *Sever* 8: 94–107.
- Savvateev, Yu.A. 1999. Stepan Andreevich Makar'ev: zhizn' i deiatel'nost' (k 100-letiiu so dnia rozhdeniia) [Stepan Andreyevich Makaryev: life and activity (on the occasion of the 100th anniversary of his birth)] In *Vepsy: istoriia, kul'tura, mezhetnicheskie kontakty* [Veps: history, culture, inter-ethnic contacts], edited by I.Yu. Vinokurova, 10–41. Petrozavodsk: Karel'skii nauchnyi tsentr RAN.
- Shlygina, N. V. 1991. Svadebnaia obriadnost' pribaltiisko-finskikh narodov v kontse XIX – nachale XX v. (stadial'naia i etnicheskai spetsifika) [Wedding ceremonies of the Baltic-Finnish peoples in the late twentieth – early twentieth century. (stadial and ethnic specifics)]. *Etnograficheskoe obozrenie* 2: 103–113.

- Strogal'shchikova, Z.I., 1986. *Traditsionnoe zhilishche Mezhozer'ia. 1900–1960. Opyt sravnitel'no-statisticheskogo analiza* [The traditional dwelling of the Interlakes. 1900–1960. The experience of comparative statistical analysis]. Leningrad: Nauka.
- Surkhasko, Yu.Yu. 1977. *Karel'skaia svadebnaia obriadnost' (konets XIX – nachalo XX v.)* [Karelian wedding ritual (end of the twentieth – beginning of the twentieth century)]. Leningrad: Nauka.
- Surkhasko, Yu.Yu. 1985. *Semeinye obriady i verovaniia karel. Konets XIX – nachalo XX v.* [Family rites and beliefs of the Karelians. The end of the twentieth – the beginning of the twentieth century]. Leningrad: Nauka.
- Survo, V., Survo, A. 2011. Verkhni Olonets – novye traditsii [Upper Olonets – new traditions]. In *Fol'klor i etnografiia: K devianostoletiiu so dnia rozhdeniia K.V. Chistova: Sbornik nauchnykh statei* [Folklore and Ethnography: to the 90th anniversary of K.V. Chistov birth. The collection of scientific articles], edited by A.K. Baiburin and T B. Shchepanskaia, 68–75. St. Petersburg: MAE RAN.
- Taroeva, R.F. 1965. *Material'naia kul'tura karel (Karel'skaia ASSR)* [Karelian material culture (Karelian Autonomous Soviet Socialist Republic)]. Moscow–Leningrad: Nauka.
- Tishkov, V.A., Shabaev, Yu.P., 2011. *Etnopolitologiia: politicheskie funktsii etnichnosti: Uchebnik dlia vuzov* [Ethnopolitology: Political Functions of Ethnicity: Textbook for High Schools]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta.
- Tumarkin, D.D., ed. 1999. *Repressirovannye etnografy* [Repressed ethnographers]. Moscow: Vostochnaia literatura.
- Vinokurova, I.Yu. 1994. *Kalendarnye obychai, obriady i prazdniki vepsov (konets XIX – nachalo XX v.)* [Calendar customs, rites and feasts of the Vepsians (late 20th – early 20th centuries)]. St. Petersburg: Nauka.
- Vinokurova, I.Yu. 1996. *Traditsionnye prazdniki vepsov Prionezh'ia (konets XIX – nachalo XX v.)* [The traditional Veps holidays of the Onega region (late 20th – early 20th centuries)]. Petrozavodsk: Izdatel'stvo PetrGU.
- Vinokurova, I.Yu. 2006. *Zhivotnye v traditsionnom mirovozzrenii vepsov (opyt rekonstruktsii)* [Animals in the traditional Vepsian worldview (reconstruction experience)]. Petrozavodsk: Izdatel'stvo PetrGU.
- Vinokurova, I.Yu. 2015. *Mifologiia vepsov: entsiklopediia* [Vepsian mythology: encyclopedia]. Petrozavodsk: Izdatel'stvo PetrGU.
- Vinokurova, I.Yu., ed. 2019. *Narody Karelii: istoriko-etnograficheskie ocherki* [The peoples of Karelia: historical and ethnographic essays]. Petrozavodsk: Periodika.
- Yukhneva, N. V. 1966. Verkhniy Olonets – poselok lesorubov. Opyt etnograficheskogo opisaniia [‘Upper Olonets – Lumberjack Village’. Ethnographic Description Experience] *Sovetskaia etnografiia* 5: 175–176.

© Е.Н. Квилинкова

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ПОДХОДЫ И ВКЛАД В МОЛДАВСКУЮ ЭТНОЛОГИЮ И ГАГАУЗОВЕДЕНИЕ М.Н. ГУБОГЛО

Статья посвящена Михаилу Николаевичу Губогло – известному ученому, профессору, который является одним из основателей российской этносоциологии и гагаузской этнологии. В статье анализируется практическая значимость использованных им новых этносоциологических методов и подходов в контексте гагаузской проблематики. Отмечается, что он исследовал не только вопросы этногенеза гагаузов, но и культуру повседневности этого народа. Рассматривается использованный им в работах подход, с помощью которого он в системе этнологического знания исследовал идентичности гагаузов, социальные функции их повседневности в послевоенный период и др. Констатируется, что примененный им биографический и автобиографический метод позволил проследить судьбу различных элементов соционормативной культуры гагаузов.

Раскрываются основные области вклада М.Н. Губогло в молдавскую этнологию и гагаузоведение. По его идее и под его руководством был успешно реализован ряд крупных масштабных проектов: проведены российско-молдавские симпозиумы, опубликованы коллективные монографии в престижной серии «Народы и культуры», изданы сборники и др. Благодаря приложенным им усилиям был дан мощный импульс молдавской этнологии, активизировались междисциплинарные исследования. Подчеркивается, что он внес неоценимый вклад в развитие молдавского гагаузоведения. Делается вывод о том, что в первом десятилетии XXI века состоялся переход гагаузоведения от описательной этнографии к аналитической этнологии.

Ключевые слова: Губогло, ученый, методы, вклад, молдавская этнология, гагаузоведение

Имя нашего соотечественника, известного российского этнолога и этносоциолога, доктора исторических наук, профессора, почетного академика Академии наук Молдовы хорошо известно специалистам всего мира. В прошлом году гагаузская наука и Гагаузия понесла невосполнимую утрату. На 82 году жизни остановилось сердце Михаила Николаевича Губогло (24 ноября 2019 г.).

Родился Михаил Николаевич в Чадыр-Лунге 25 октября 1938 г. В 1958 г. он поступил учиться в Кишиневский Государственный университет на исторический факультет. Здесь талантливую юношу заметили и дали рекомендацию для перевода в Московский государственный университет. По окончании вуза он продолжил учебу в аспирантуре.

Квилинкова Елизавета Николаевна – доктор исторических наук, доцент, старший научный сотрудник, Институт культурного наследия Молдовы (Молдова 2028 Кишинев, пр. Штефан чел Маре № 1). Эл. почта: cvilincova@mail.ru

М.Н. Губогло начинал свою научную деятельность с гагаузской проблематики. В 1967 г. он защитил кандидатскую диссертацию «*Малые тюркоязычные народы Балканского полуострова. К вопросу о происхождении гагаузов*» (Губогло 1967) в Институте этнографии АН СССР (ныне Институт этнологии и антропологии РАН), где и остался трудиться. Находясь в российском научном пространстве, Михаил Николаевич уделял большое внимание наиболее актуальным в то время вопросам нациестроительства, проблемам национальных меньшинств. Этому была посвящена тема его докторской диссертации – «*Этносоциальный аспект развития национально-русского двуязычия в СССР*» (Губогло 1984). В 1985 г. Михаилу Николаевичу было присвоено звание профессора. Многие годы он был бессменным руководителем Центра по изучению межэтнических отношений ИЭА РАН, в 1988–2005 гг. являлся заместителем директора, был президентом Ассоциации этнографов и антропологов России (1997–1999).

С начала 80-х гг. XX в. актуальным в этнологии и этносоциологии стало изучение роли этнического фактора в социально-экономическом и этнополитическом развитии народа, в сохранении самобытности, в восстановлении фрагментов этнической истории и ресурсов ментальности и т. д. В этот период М.Н. Губогло активно занимался разработкой нового этносоциологического направления. Под его руководством в 1990-х – начале 2000-х гг. на протяжении 10 лет проводились многочисленные этносоциологические исследования в разных регионах России и странах ближнего зарубежья, на основе которых им были подготовлены и изданы многочисленные научные труды. В них он исследовал связи между социальными трансформациями и этничностью в контексте теории идентичностей. М.Н. Губогло был одним из первых в российской науке, кто выделил и изучил этносоциальные аспекты национально-русского двуязычия (Губогло 1984). Тем самым он внес значительный вклад в развитие нового научного направления – этносоциологии.

В основу разработанного М.Н. Губогло нового междисциплинарного направления «легли конкретно-социологические исследования повседневной жизни, культуры и быта народов». В его этнополитологических работах представлены как «теория этнической мобилизации, многомерной идентичности, мобилизованного лингвицизма, двуязычия...», так и другие вопросы, сыгравшие «важную роль в осмыслении и гармонизации социокультурного облика российской нации» (Мартынова 2018: 14).

Отметим, что он стоял у истоков не только российской, но во многом и молдавской этнологии и этносоциологии. Выработанные им новые методы, методики и методические приемы исследования этнолингвистических процессов стали использоваться молдавскими этнологами. Кроме того, он внес огромный вклад в теорию этнополитики, «осмысление которого только начинается» (Шорников 2018: 73).

В настоящей статье мы рассмотрим практическую значимость использованных профессором М.Н. Губогло новых этносоциологических методов и подходов в контексте гагаузской проблематики и обозначим основные области его вклада в молдавскую этнологию и гагаузоведение.

Михаил Николаевич является не только одним из основателей российской этносоциологии, но и гагаузской этнологии. Начиная с 2004 г., словно стараясь наверстать упущенное им время (для своего народа), М.Н. Губогло, практически целиком погружился в гагаузскую проблематику, разрабатывая при этом новые методы, подходы и концепции. Одна за другой выходили в свет его книги, что является показателем

творческого вдохновения Михаила Николаевича, которое он черпал как в истории и культуре своего народа, так и в истории собственной жизни.

Одной из наиболее важных для М.Н. Губогло областей исследования, которой он уделял большое внимание, является роль русского языка в процессах национально-русского двуязычия, в этнокультурной и этнополитической истории гагаузов (Губогло 2004; Губогло 2006). Особый акцент он делал на изучение его значимости в вопросе социально-культурного развития гагаузского этноса. Причины ориентации гагаузов на русский язык и Россию, которые важно было научно обосновать, лежат на поверхности: с восточноевропейскими христианскими народами их связывает единая система культурных ценностей и норм, а также история. Кроме того, культурное развитие гагаузов, испытавших, как и другие народы бывшего Советского Союза, огромное влияние русской культуры, во многом связано с русским языком.

После издания М.Н. Губогло ряда монографий, посвященных роли русского языка в этнополитической истории гагаузов (Губогло 2004; Губогло 2006), языковая проблематика через призму различных областей этнологического знания все чаще стала фигурировать в исследованиях молдавских гагаузоведов. Особым объектом исследовательского интереса М.Н. Губогло являлись этномобилизационные процессы в Гагаузии, состояние языковой ситуации в Республике Молдова, ресурсов национал-строительства и др. (Губогло 2014).

К изучению проблемы происхождения гагаузов (именно с нее М.Н. Губогло начал свою научную деятельность) он возвратился, спустя более чем четыре десятка лет, в монографии «*Воображаемая вероятность: новейшие размышления о происхождении гагаузов*» (Губогло 2010а). В ней он дал собственную обновленную гипотезу о происхождении гагаузов с учетом новых имеющихся данных.

Ввиду того, что этнография и социология ориентированы больше на изучение групповых, чем личностных явлений, М.Н. Губогло был предложен для этносоциологии и использован биографический и автобиографический метод, несмотря на то, что он редко привлекался для осмысления взаимосвязей этнических и внеэтнических явлений и процессов. Между тем, – отмечал он, – «перспективы активизации и широкого внедрения в научный оборот этого специфического источника представляются заманчивыми и привлекательными. В основе актуализации интереса к личности и ее индивидуального жизненного пути лежат те трансформационные процессы и связанные с ними изменения, которые сегодня, в ходе перемен, смещают акцент от коллективизма и массовости к индивидуальности и личности» (Губогло 2013а: 7).

Поскольку каждый опыт воплощен в реальной жизни, физически ощущаемой, Михаил Николаевич через опыт отдельных личностей и свой собственный стремился отразить значимые аспекты социальной жизни и истории. И в этом большая роль им отводилась автобиографии и личному этнокультурному биографическому опыту профессионала-этнолога, который, «являясь сегодня достоянием прошлого, <...> облекается в ностальгические одеяния и отражается в затесах памяти о лучезарном детстве. Но если при этом в детстве и юности имели место сдвиги эпох и смещение человека из одной этнокультурной среды в другую, факты и образы такого опыта (погружение в поле саморефлексии) приобретают не только романтический лад, лирический оттенок, но и аналитический смысл» (Губогло 2008а: 13).

М.Н. Губогло обосновал актуальность и необходимость применения методов, используемых в различных гуманитарных дисциплинах, которые вместе с социаль-

ной психологией предоставляют возможность совершить путешествие в детские годы. Использование «биографо-автобиографического подхода в этносоциологическом исследовании дает возможность проследить судьбу тех или иных элементов соционормативной культуры...» (Губогло 2008а: 14).

В известном смысле профессор Губогло сам является частью гагаузской истории. Будучи еще ребенком, он прошел через трагедию, связанную с ужасом политических репрессий и массовых депортаций в Сибирь. Поэтому он через свою судьбу, через историю и жизнь своей семьи показал судьбы некоторых людей, являвшихся наиболее активной и деятельной частью гагаузского и других народов.

В этом смысле многие из его работ, написанные им в последнее десятилетие, представляют собой не только автобиографический текст, но и документально-историческое исследование, основу которого составляет свидетельство очевидца – самого автора книги. В них представлены его воспоминания как об определенных этапах жизни части гагаузского этноса, так и те, которые раскрывают состояние их традиционной обрядности, а также происходящие в народной культуре и самосознании гагаузов трансформационные процессы.

В книге «*Слоухи прошлого. Автобиографические затеси*» М.Н. Губогло, анализируя факты, почерпнутые из собственной «реки времени», определил такой метод исследования, использованный им в своей работе, как «сам себе этнолог». Передаваясь воспоминаниям и предлагая их в виде очерков-«затесей», он сознательно не заикливался на самоанализе и «биографии своей души», а делал акцент на воспроизведении имен, событий, фактов повседневной жизни, анализировал принципы функционирования института соционормативной культуры, а также «психологические и нравственные умонастроения изменяющегося времени и самого себя» (Губогло 2008а: 13–14). В его работах дается оценка институтам соционормативной культуры гагаузов, выявляется роль группового танца (хору) и ярмарок (панаир) и др. (Губогло 2009: 197–225; Губогло 2012а: 444–495).

М.Н. Губогло отличал особый философский подход к изучению любой этнологической проблемы. Именно в таком ключе им были заложены векторы исследования многих научных тем в гагаузоведении. Например, традиции гостеприимства у гагаузов он рассматривал как институт воспитания нравственности, а труд, обращенный на окультуривание земли и окружающей природной среды, «не только как средство выживания, но и как морально-этическую ценность», являющуюся «поэзией души и жизни». Высокая оценка труда в жизни гагаузов, по его убеждению, «стала немаловажным фактором в подъеме их национального самосознания и одним из источников, подпитавшим их этническую мобилизацию во второй половине XX в.». Даже в постсоветское время, подчеркивал автор, «отношение к труду оставалось почетным и престижным». Трудолюбие он выделял как приоритетную национальную черту гагаузов (Губогло 2007а: 90–91, 100, 110).

В книге «*Антропология повседневности*», также выполненной в междисциплинарном и этносоциологическом ключе, Михаил Николаевич, запечатлевая свои воспоминания и ведя диалог с самим собой, вписал имевшие место печальные исторические события, связанные с трудностями и переживаниями простых людей, не только в общую канву гагаузской истории, но и в историю нашей большой Родины. Основной ее предметной областью является отражение образа жизни, истории и культуры повседневности гагаузов советского периода (Губогло: 2013б). В дан-

ной работе в системе этнологического знания исследуется их повседневная жизнь и идентичность, а также социальные функции повседневности в послевоенный период: образ жизни, поведение и досуг, особенности быта и восприятие времени, влияние материальных условий и образовательного фактора на повседневную жизнь и т. д. Благодаря тому, что М.Н. Губогло использует новый жанр этнологического исследования («исповедальная автоэтнография»), в котором откровенно и искреннее излагает собственную авторскую позицию, он открывает самого себя.

В процессе исследования Михаил Николаевич широко привлекал различные источники, для обработки и анализа которых использовал методы, применяющиеся в смежных дисциплинах. Это и произведения художественной литературы, и живопись, и дарственные надписи на книгах (подаренных, например, известному молдавскому этнографу, гагаузскому поэту и общественному деятелю С.С. Курогло), и др. Аспекты и грани повседневной жизни отображались им различными путями: социологическим измерением, этнографическим контекстом, поэтическими образами (через литературу), а также через изобразительное искусство (произведения живописи).

Особое внимание М.Н. Губогло уделил изучению современной гагаузской литературы, а также танцевально-игровой культуры через призму этнической идентичности. В них он, посредством анализа произведений гагаузских поэтов и с помощью принятых в этнологии и этносоциологии методов, показал отношение гагаузского этноса к России, ее культурному наследию и русскому языку. Рассматривая творчество гагаузских поэтов Д.Н. Кара Чобана и С.С. Курогло, он сумел обрисовать и повседневную жизнь гагаузов 60–80-х гг. XX в., а также проанализировал их поэзию на предмет отражения в ней особенностей восприятия малой родины – Буджака, выявив в ней элементы, фиксирующие гагаузскую этническую идентичность.

В одной из частей трилогии – «Повседневная жизнь в зеркале живописи» М.Н. Губогло раскрывает «синхронность становления профессиональной гагаузской живописи, встающей на ноги вместе с этнополитическим движением гагаузского народа к самообретению, самоопределению и самодостаточности. В широком смысле в лоно этой темы включены два крупных, взаимосвязанных сюжета, один из которых посвящен „Грамматике жизни”, выраженной в ментальности народа, в нормах и принципах традиционной культуры, в таких, например, как обряды, институт общественного мнения и пантеон культов» (Тишков 2013: 4).

Другая часть данной трилогии – «Путешествие в детство» – является, по сути, синтезом воспоминаний. При помощи мемуаров и собственно исследования М.Н. Губогло представил новое видение ритмов, смыслов и стратегий повседневной жизни. «Будучи вынужденным свидетелем и непосредственным участником сурового послевоенного времени, принудительной депортации семьи, периодов “оттепели” и “застоя”, а также перестройки и маргинального постсоветского времени, автор отражает соответствующие исторические образы времени, повседневную жизнь, ее креативные, творческие и бытовые аспекты. Повседневная жизнь открыта и неисчерпаема. В ней сохраняется культурное наследие народа и ведется диалог с вызовами современности» (Старченко 2018: 91).

По замечанию академика В.А. Тишкова, «новая отрасль междисциплинарных исследований, шумно номинированная в истекшее десятилетие как новейшее изучение “повседневности” или “истории повседневности”, на заре нового тысячелетия

становится важным направлением в системе гуманитарного знания». Особенность и даже «новаторский характер источниковой базы», по его мнению, заключается в том, что М.Н. Губогло использует автобиографические очерки. На основе личных воспоминаний и путем привлечения данных о поствоенной повседневности из литературных источников автор книги очерчивает «реалии домашнего очага и школьной социализации» гагаузских спецпереселенцев в период 40–50-х гг. XX в. Более того, через автобиографию и биографии своих коллег и друзей М.Н. Губогло удалось раскрыть этническую историю гагаузов, социальную жизнь и образ Времени. Академик особо подчеркивает, что данный прием является «новым и относительно малоизвестным в этнологии» (Тишков 2013: 4, 2).

Отметим, что традиционно автобиография как источник использовалась тогда, когда необходимо было дать биографические сведения о человеке, оставившем свой след в развитии той или иной области науки. В подобных исследованиях она привлекается в качестве исторического источника. В изысканиях же М.Н. Губогло автобиография выступает как этносоциологический и этнологический источник. Через него он сумел рассмотреть повседневную жизнь человека того времени.

Об особенностях и функциональной значимости такого источника в этнологических исследованиях высказался и сам автор трилогии: «Автобиография, как этнологический источник, проявляет свою ценность тем, что, будучи формализованной схемой жизненного пути, раскрывает внутренние переживания и противоречия индивида как его культурно-личностной саморефлексии» (Губогло 2013а: 7–8). Он считал, что «“чейные” события и факты не менее важны для читателей и исследователей, чем “ничейные”» (Губогло 2008б: 128, 130; Губогло 2013а: 36).

В упомянутых работах М.Н. Губогло ставил перед собой двуединую задачу. Он, с одной стороны, предпринял попытку представить свои воспоминания как субъективный взгляд и как источник для антропологического анализа повседневности, а с другой – рассмотреть и охарактеризовать некоторые тенденции в развитии общественного сознания в противоречивый период поствоенной истории Советского Союза (Губогло 2013а: 7).

Использование М.Н. Губогло собственных воспоминаний в качестве источника поставило перед ним вопрос о том, «как соотносятся в историческом (этнологическом) процессе событийный исторический опыт и этнопсихологический опыт самосознания». Ответ на него он видел в следующем: «Этнологический аспект автобиографического текста состоит в фиксации культурных изменений и тем самым показывает созвучие разных эпох и место человека в культуре. <...> Между тем анализ текстов автобиографий, даже несмотря на их субъективность, имеет свою поучительную историю в социально-психологической литературе» (Губогло 2013а: 8). Таким образом, через такой вид источника, как автобиография Михаилу Николаевичу удалось представить отдельные страницы истории гагаузов, их нравственные ценности, а также черты характера.

Целью широко применявшегося М.Н. Губогло метода обращения к своей памяти и использования собственных воспоминаний как источника было «осмыслить величие адаптационного подвига спецпереселенцев – безвинно наказанных людей, сумевших найти в себе силы, чтобы, потеряв свой дом и поля, сады и виноградники, лошадей и овец, домашнюю птицу и домашний скраб, заново конструировать свою жизнь с нуля, приспособившись к новому укладу жизни Союза» (Губогло 2013а: 8).

Данный прием можно охарактеризовать как «взгляд изнутри», при помощи которого Михаил Николаевич, как этносоциолог, попытался «уловить контуры формирования новой идентичности спецпереселенческого контингента, вызывать из небытия изгибы и изломы его ментальности и жизнедеятельности в непривычных и нелегких условиях чужбины» (Губогло 2013а: 12).

Уникальность подхода М.Н. Губогло и осуществленного им в таком ключе этносоциологического исследования заключается в том, что в нем автор не только перешел от изучения групповой к индивидуальной идентичности, но попытался заглянуть внутрь себя, «стать этнологом самого себя» (Губогло 2013а: 37). Реализовать такое – это очень трудный шаг как в профессиональном плане, так и в индивидуальном – психологическом. Для этого одного возраста и жизненного опыта недостаточно. Нужно уметь виртуозно владеть методами и подходами, применяющимися в смежных дисциплинах, в частности в этнопсихологии и философии. Являясь одновременно и этнологом, и носителем описываемой традиции, он особым образом, со свойственной ему оригинальностью и восприятием рассматривал и изучал эти народные традиции. Они для него являлись не только составляющей традиционной обрядности гагаузов, но и частью его прошлой жизни, частью его воспоминаний.

Если говорить в целом, то в указанных работах М.Н. Губогло анализируется история и повседневность гагаузского народа. В них, с одной стороны, отражается быт гагаузов, а с другой – представлена точка зрения на страницы их истории и культуры не стороннего наблюдателя, а конкретного антрополога и этносоциолога, который осмысливал все изнутри, на основе собственных переживаний, собственной судьбы и жизненного опыта. Отметим, что для гагаузоведения обращение к автобиографии как к источнику и жанру этнологического исследования являлось совершенно новым направлением. Позже аналогичный подход мы применили при написании научно-методического пособия, посвященного анализу методики и практики этнологических исследований. В нем наш индивидуальный исследовательский опыт этнолога рассматривается через призму автоэтнографии (Квилинкова 2020а).

Что касается разработанного профессором междисциплинарного подхода для изучения современной гагаузской литературы через призму этнической идентичности, то впоследствии он стал широко использоваться в работах ряда гагаузских этнологов. Тем самым Михаил Николаевич дал мощный толчок различным направлениям исследований в гагаузоведении.

В своих исследованиях М.Н. Губогло широко привлекал пословицы и поговорки, через которые стремился выявить гагаузскую ментальность и роль в ней культа судьбы: «В гагаузской ментальности нет более твердого убеждения, чем убежденность в неизбежности Предначертания, в неотъемлемости того, что предназначено судьбой» (Губогло 2012б: 518–527). «Судьба – это зодия человека с предназначенной судьбой. Судьбу нельзя изменить, от нее нельзя уклониться, череду событий и акций нельзя отменить или избежать. В фольклоре и в художественных произведениях содержится немало примеров, когда сюжетная линия сказки, легенды или повествования, завершается моралью, подобно крыловским басням о неизбежности свершения того, что предназначено судьбой, что записано на роду, т.е. в зодии» (Губогло 2008а: 115).

В продолжение данного вопроса отметим, что в гагаузском языке и народной культуре слова *кысмет* и *кут*, обозначающие «счастье», напрямую связаны с понятиями судьба и удача (Квилинкова 2020б). В этом смысле можно сказать, что про-

фессор М.Н. Губогло, посвятивший всю свою жизнь изучению различных народов и культур, был счастливым человеком, так как занимался в жизни любимым делом – наукой, а достигнутые им результаты свидетельствуют о том, что он был удачливым. Михаил Николаевич – яркий и талантливый ученый. В основе его достижений лежал постоянный труд. Именно этот принцип заложен в одной из приводимых им гагаузских пословиц: *Saaburluk, zaamet getirär kismet* / «Терпение и труд счастье принесут» (Губогло 2007а: 99).

М.Н. Губогло издано 500 научных работ, из которых около двух десятков книг. В них отражается его профессионализм, новые научные подходы и приемы, широта интереса и глубина исследований, оригинальность мышления. Однако, на наш взгляд, не менее, а может быть более важным является то, что Михаил Николаевич, как масштабная и творческая личность, «горел» глобальными идеями и коллективными проектами. Благодаря энергии, умению зажечь своим энтузиазмом других ученых, организаторским способностям, огромному личному труду и ответственности он всегда доводил их до конца.

Организация коллективной работы – это трудная задача, за которую берутся настоящие подвижники. Под руководством М.Н. Губогло был осуществлен целый ряд масштабных проектов, среди которых 10-томная серия сборников «Курсом развивающейся Молдовы», изданных по материалам проведенных в г. Комрат российско-молдавских симпозиумов. В ходе их проведения и подготовки материалов к печати Михаилу Николаевичу удалось своей энергией сплотить вокруг себя российских и молдавских ученых, благодаря чему был поднят и исследован важный и сложный пласт, отражающий вопросы этнокультурных взаимодействий между народами Молдовы. В результате этих российско-молдавских симпозиумов (2006–2010) был дан мощный импульс молдавской этнологии, заметно активизировались междисциплинарные исследования в области гагаузоведения.

По этому поводу он сам писал: «До последнего времени гагаузская фольклористика и гагаузская этнография развивались в известной мере автономно, в отрыве друг от друга. Появление научных публикаций, в которых традиционная культура гагаузов исследуется через фольклор и национальную литературу, свидетельствует об осознании этнологами, фольклористами и лингвистами значимости изучения фольклора не только как средства художественно-эстетического восприятия гагаузами реальной действительности, но и как важной составной части духовной культуры. В ней, как неоднократно отмечалось, содержатся ценные сведения по этнографии, культуре и истории народа, позволяющие более глубоко осознавать своеобразие этнической культуры. Пониманию актуальности изучения фольклора в рамках соционормативной культуры в немалой степени способствовали проведенные по инициативе Института этнологии и антропологии Академии наук Российской Федерации Российско-молдавские симпозиумы» (Губогло 2011: 10).

На наш взгляд, именно со второй половины первого десятилетия XXI в. в молдавском гагаузоведении начался процесс развития новых направлений этнологических исследований. Научные изыскания в области гагаузского песенного фольклора и этнографии стали приобретать более углубленный и междисциплинарный характер. Это в немалой степени было сопряжено также с этническими и общественными процессами, протекавшими в жизни гагаузского этноса и Молдовы в целом.

С указанного времени можно вести речь о повороте гагаузской этнографии к этнологии. Об этом свидетельствует и тот факт, что на смену классически этнографическим темам – семейная обрядность (*С.С. Курогло*), материальная культура (*М.В. Маруневич*), система питания (*Д.Е. Никогло*), отражающим главным образом традиционную культуру гагаузов конца XIX – первой половины XX в. или вопросы этнодемографии еще более раннего периода («Гагаузы в составе задунайских переселенцев и их поселения в Буджаке» – *О.К. Радова*), – пришли исследования этнорегионального и междисциплинарного характера (*Е.Н. Квилинкова* 2005, 2007, 2010, 2011, 2016).

В указанный период гагаузская этнология начала стремительно развиваться. Объектом пристального внимания этнологов становятся песенный фольклор и национальная литература, языковая, этническая и религиозная идентичности, этнокультурные маркеры и символы и мн. др. Фольклор и национальная литература исследовались ими как исторический и этнографический источник, в том числе при изучении этнической истории народа. В результате со сменой тематики исследований гагаузские этнологи стали широко использовать и междисциплинарные методы.

Признавая и оценивая поворот гагаузоведения в сторону междисциплинарности, М.Н. Губогло справедливо обращал внимание этнологов-гагаузоведов, активно занимающихся изучением фольклора, на необходимость расширения методов исследования, в том числе за счет тех, которые используются в этносоциологии. В связи с этим он писал: «Нарастающий вклад этнологов в гагаузскую фольклористику сближает этнографию, как историческую дисциплину, с филологией, что способствует более полному и всестороннему изучению ряда вопросов в предметной области каждой из названных дисциплин. <...> Между тем, для более полного понимания и познания менталитета гагаузов, как и других народов, важен не только анализ текстов песен, но и сведений об исполнителях и о мотивациях их песенного творчества» (*Губогло* 2011: 14–15; *Губогло* 2010б: 12).

Очевидно, что «благодаря трудам М.Н. Губогло и ежегодным научным конференциям, проводимым под его руководством в Комратском университете в первое десятилетие XXI века, состоялся переход гагаузоведения от описательной этнографии к аналитической этнологии. <...> Центр гагаузской автономии, по существу, стал в Молдавии также центром этнокультурных и этнополитических исследований» (*Шорников* 2018: 70).

Помимо российско-молдавских симпозиумов, по идее М.Н. Губогло и под его руководством был успешно реализован ряд других масштабных проектов. В Москве в престижной серии «Народы и культуры» были изданы коллективные монографии: «Молдаване» (2010), «Гагаузы» (2011), а вслед за ними уже в Гагаузии также благодаря его идее и организации увидел свет двухтомник «Гагаузы в мире» и «Мир гагаузов» (2012).

Следует отметить, что основная часть представленных в коллективных монографиях разделов по традиционной обрядности была подготовлена в рамках прошедших российско-молдавских симпозиумов. Они свидетельствуют о состоянии междисциплинарных исследований в молдавской этнологии, в частности в гагаузоведении. Двухтомное издание стало долгожданной настольной книгой студентов, лицеистов и школьников. Это «первое в мире концептуально выдержанное и богато иллюстрированное издание, наиболее полно отражающее фрагменты этнической истории гагаузов, их традиционные хозяйственные занятия, повседневную жизнь,

нравы, обычаи, обряды. Новаторский характер двухтомника, 1-й том которого отражает гагаузство (так в цитате – Е.К.), т. е. гагаузов, расселенных по всему миру, и 2-й – гагаузскость – внутренний мир, ментальность и мировоззрение гагаузского народа, состоит в том, что часть новых данных из нарративных источников, итогов этносоциологических опросов впервые вводится в научный оборот». Его по праву можно считать «энциклопедией гагаузского народа» (Старченко 2018: 89).

Таким образом, все, что сделано М.Н. Губогло и как ученым, и как организатором коллективных научных работ, было под силу только ему одному – научному тяжеловесу и глубоко патриотичному человеку, любящему свою малую родину – Гагаузию и Молдову. Отметим, что «за цикл работ по культурной антропологии и этнополитической истории гагаузов» Михаилу Николаевичу в 2014 г. была присуждена премия им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Кроме того, он – лауреат ряда других престижных премий.

Но самая большая награда – быть сыном своего народа. Михаила Николаевича ценили, любили и всегда ждали на Родине. Его заслуги по достоинству оценены научным сообществом Молдовы; он был удостоен звания почетный академик Академии наук Молдовы (2003). Особое признание его заслуг со стороны гагаузов проявляется в том, что он стал почетным гражданином Гагаузии (2003), почетным гражданином своего родного города – Чадыр-Лунга (2011). Он также награжден дипломом первой степени правительства РМ «За создание позитивного имиджа Республики Молдова» (2006), высшей наградой автономии – «Орденом Гагаузии» (2014), золотой медалью Ассамблеи народов России (2006), «Орденом почета» Республики Молдова (2019).

Неоценимый вклад в развитие молдавского гагаузоведения М.Н. Губогло внес тем, что благодаря предпринятым им усилиям в Москве при Институте этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН были защищены пять кандидатских диссертаций по гагаузской проблематике на соискание ученой степени кандидата исторических наук, за что ему благодарны не только все соискатели, но и Гагаузия. Это было чрезвычайно важно, поскольку в Молдове тогда не было еще Специализированного совета для защиты диссертаций по специальности «этнология». Михаила Николаевича Губогло по праву можно назвать «патриархом гагаузоведения».

Что касается автора настоящей статьи, то есть немало того, что объединяет меня с М.Н. Губогло: Михаил Николаевич мой земляк – он, как и я, родился в Чадыр-Лунге, окончил исторический факультет Московского университета им. М. В. Ломоносова, занимался изучением истории, культуры и самосознания гагаузов. Я благодарна ему за рецензии, написанные на мои диссертации и монографии, благодарна за оказанное содействие в защите диссертации в Москве в Институте этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая, благодарна за тот опыт, который удалось у него перенять...

Мне посчастливилось сотрудничать с М.Н. Губогло по ряду научных проектов. У меня большое удовлетворение от того, что удалось поработать с ним по этим проектам и оказать посильную помощь в редактировании и координации работы молдавских ученых в коллективных монографиях («Молдаване», «Гагаузы», «Гагаузы в мире» и «Мир гагаузов»). Работа в проектах стала для меня бесценным научным и жизненным опытом. Михаил Николаевич своим примером учил тому, как нужно не только на словах, но и на деле проявлять любовь к своей Родине, к истории и традициям своего народа.

Ценность научных работ М.Н. Губогло не только в том, что в них рассматриваются сложные вопросы этногенеза гагаузов, выявляются корни и дух гагаузского на-

рода, объективно способствующие усилению этнической идентичности гагаузов, но и в том, что они являются культурно-исторической основой становления и развития гагаузской государственности.

О нашем выдающемся ученом – Михаиле Николаевиче Губогло мы всегда будем с благодарностью вспоминать. Этой памятью мы будем дорожить и сохранять для настоящего и будущих поколений гагаузов.

Научная литература

- Губогло М.Н.* (отв. ред. и сост.). Гагаузы в мире и Мир гагаузов. Т. I. Гагаузы в мире. Ред. коллегия: В. И. Балова, Ф. Н. Гагауз, Е. Н. Квилинкова и др. Комрат; Кишинев, 2012. 756 с.;
- Губогло М.Н.* (отв. ред. и сост.). Гагаузы в мире и Мир гагаузов. Т. II. Мир гагаузов. Ред. коллегия: В.И. Балова, Е.Н. Квилинкова, Д.Е. Никогло и др. Комрат; Кишинев, 2012. 1012 с.
- Губогло М.Н., Квилинкова Е.Н.* (отв. ред.). Гагаузы. Серия: «Народы и культуры». Москва: Наука, 2011. 615 с.
- Губогло М.Н.* Малые тюркоязычные народы Балканского полуострова (К вопросу о происхождении гагаузов). Автореф. дисс. ... канд. истор. наук. М., 1967. 14 с.
- Губогло М.Н.* Этносоциальный аспект развития национально-русского двуязычия в СССР. Дисс. на соискание ... доктора исторических наук. М., 1984. 448 с.
- Губогло М.Н.* Русский язык в этнополитической истории гагаузов (вторая половина XX века). М.: Старый сад, 2004. 432 с.
- Губогло М.Н.* Именем языка. Очерки этнокультурной и этнополитической истории гагаузов. М.: Наука, 2006. 498 с.
- Губогло М.Н.* Адаптации: от инфантилизма к мобилизму // Курсом развивающейся Молдовы. Т. 2. Материалы II-го Российско-Молдавского симпозиума «Трансформационные процессы в Республике Молдова. Постсоветский период», посвященного проблеме «Адаптации культуры и культура адаптации». г. Комрат, 20–21 апреля 2007 г. М.: Старый сад, 2007а. С. 11–23.
- Губогло М.Н.* Апология труда // Курсом развивающейся Молдовы. Т. 2. Материалы II-го Российско-Молдавского симпозиума «Трансформационные процессы в Республике Молдова. Постсоветский период», посвященного проблеме «Адаптация культуры и культура адаптации». г. Комрат, 20–21 апреля 2007 г. М.: Старый сад, 2007б. С. 90–148.
- Губогло М.Н.* Спологи прошлого. Автобиографические заметки. Кишинев: б. и. Tip. Centrală, 2008а. 560 с.
- Губогло М.Н.* Драматургия принудительной адаптации спецпереселенцев. Из Курганского опыта середины XX века // Этнорегиональные модели адаптации (постсоветские практики). М.: Типограф. ООО Интер-принт, 2008б. С. 128–130.
- Губогло М.Н.* Хору («групповой танец») и панаир (ярмарка) в системе соционормативной культуры гагаузов // Курсом развивающейся Молдовы. Т. 5. Материалы III Российско-Молдавского симпозиума «Традиции и инновации в соционормативной культуре молдаван и гагаузов» 2008 г., г. Комрат. М.: Старый сад, 2009. С. 197–225.
- Губогло М.Н.* Воображаемая вероятность: новейшие размышления о происхождении гагаузов. М.: ИЭА РАН, 2010а. 352 с.
- Губогло М.Н.* И «пламень костра»... и пересадка сердца (Вместо предисловия) // Квилинкова Е. Н. Заговоры, магия и обереги в народной медицине гагаузов. Кишинев, 2010б. С. 9–14.
- Губогло М.Н.* Магия песенного достояния гагаузов. Этнология в зеркале филологии (Вместо предисловия) // Квилинкова Е.Н. Гагаузский песенный фольклор – «Грамматика жизни». Кишинев: Elan Inc, 2011. С. 6–15.
- Губогло М.Н.* Институты соционормативной культуры // Гагаузы в мире и мир гагаузов. Т. II. Мир гагаузов. Комрат; Кишинев, 2012а. С. 444–495.
- Губогло М.Н.* Пантеон культов // Гагаузы в мире и мир гагаузов. Т. II. Мир гагаузов. Комрат–Кишинев, 2012б. С. 496–535.
- Губогло М.Н.* Спологи прошлого – блики будущего. Автобиографические заметки. Т. 2. Комрат; Кишинев, 2013а. 760 с.
- Губогло М.Н.* Антропология повседневности. М.: Издательский дом «ЯСК», 2013. 752 с.

- Губогло М.Н. Страсти по доверию. Опыт этнополитического исследования референдума в Гагаузии. М., 2014. 214 с.
- Губогло М.Н. Антропология доверия: этносоциологические и этнополитические очерки. М.: Издательский дом «ЯСК», 2016. 545 с.
- Квилинкова Е.Н. Гагаузы в этнокультурном пространстве Молдовы (Народная культура и этническое самосознание гагаузов сквозь призму связи времен). Кишинев: Tipogr. Centrală, 2016.
- Квилинкова Е.Н. Гагаузы Молдовы и Болгарии (Сравнительное исследование календарной обрядности, терминов родства и фольклора). Chişinău: Pontos, 2005. 308 с.
- Квилинкова Е.Н. Методика и практика этнологических исследований (научно-методическое пособие). Кишинев: Tipogr. «Print Caro», 2020a. 224 с.
- Квилинкова Е.Н. Соционормативная культура гагаузов: традиции и трансформации. Кишинев: Tipogr. «Print Caro», 2020b. 344 с.
- Квилинкова Е.Н. Традиционная духовная культура гагаузов: этнорегиональные особенности. Кишинев: Buziness-Elita, 2007. 840 с.
- Комарова Г.А. Золотой век отечественной этносоциологии // Идентичность. Комрат, 2018. С. 45–69. Курсом развивающейся Молдовы. Автор идеи, ряда разделов, составитель и отв. редактор М.Н. Губогло. Т. 1–10. М.: Старый сад, 2006–2010.
- Мартынова М. Ю. Михаил Николаевич Губогло и ордена дружбы народов Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН сегодня // Идентичность. Комрат, 2018. С. 14–27. Молдаване. Серия: «Народы и культуры». Ред. М.Н. Губогло. М.: Наука, 2010. 542 с.
- Старченко Р. А. Почетные грамоты М.Н. Губогло как навигаторы в его научной и организационной деятельности // Идентичность. Комрат, 2018. С. 84–96.
- Тишков В. А. Предисловие. К 75-летию М.Н. Губогло // Губогло М. Н. Антропология повседневности. М.: Издательский дом «ЯСК», 2013. С. 11–19.
- Шорников П. М. М.Н. Губогло – теоретик этнополитики // Идентичность. Комрат, 2018. С. 69–74.

*Kvilinkova, Elizaveta N. **

Research approaches and contribution to Moldovan ethnology and Gagauz studies M.N. Guboglo

DOI: 10.33876/2311-0546/2020-52-4/301-314

The article is dedicated to Mikhail Nikolaevich Guboglo – a famous scientist, professor, who is one of the founders of Russian ethno-sociology and Gagauz ethnology. The article analyzes the practical values of his new ethno-sociological methods and approaches in the context of Gagauz studies. It is noted that he studied not only the ethnogenesis of the Gagauz people, but also their everyday culture and lifestyles. The article examines the approach he developed to investigate the identities of the Gagauzes, the social functions of their everyday life in the post-war and other periods in the system of ethnological knowledge. The author argues that the biographical and autobiographical method he used allowed him to trace the fate of various elements of the socio-normative culture of the Gagauz people.

The main areas of M.N. Guboglo's contribution to Moldavian ethnology and Gagauz studies are revealed. According to his idea and under his leadership, a number of large-scale projects were successfully implemented: Russian-Moldavian symposia were held, collective monographs were published in the prestigious series "Peoples and Cultures", collections were printed etc. Thanks to his efforts, a powerful impetus was given to Moldovan ethnology, and interdisciplinary research intensified. It is emphasized that he made an invaluable contribution to the development of Moldavian Gagauz studies. It is concluded that in the first decade of the 21st century, Gagauz studies transformed from descriptive ethnography to analytical ethnology.

Key words: *Guboglo, scientist, methods, contribution, Moldavian ethnology, Gagauz studies*

* **Kvilinkova, Elizaveta N.** – Doctor of Hist., Associate Professor, Senior Researcher at the Institute of Cultural Heritage of Moldova (Kishinev, Moldova). E-mail: cvilincova@mail.ru

References

- Guboglo, M.N. 2012. *Gagauzy v mire i Mir gagauzov* [Gagauz in the world and The world of the Gagauz]. Vol. I. *Gagauzy v mire* [Gagauz in the world], edited by V.I. Balova, F.N. Gagauz, E.N. Kvilinkova et al. Komrat; Kishinev.
- Guboglo, M.N. 2012. *Gagauzy v mire i Mir gagauzov* [Gagauz in the world and The world of the Gagauz]. Vol. II. *Mir gagauzov* [The world of the Gagauz], edited by V.I. Balova, E.N. Kvilinkova, D.Ye. Nikoglo et al. Komrat; Kishinev.
- Guboglo, M.N., and E.N. Kvilinkova. 2011. *Gagauzy* [Gagauz]. Seriya: «Narody i kultury» [Peoples and Cultures Series]. Moscow: Nauka.
- Guboglo, M.N. 1967. *Malye tyurkoyazychnye narody Balkanskogo poluostrova (K voprosu o proiskhozhdenii gagauzov)* [Small Turkic-speaking peoples of the Balkan Peninsula (On the question of the origin of the Gagauz)]. Avtoref. diss. ... kand. istor. nauk. Moscow.
- Guboglo, M.N. 1984. *Etnosotsialnyy aspekt razvitiya natsionalno-russkogo dvuyazychiya v SSSR* [Ethno-social aspect of the development of national-Russian bilingualism in the USSR]. Diss. ... doktora istoricheskikh nauk. Moscow.
- Guboglo, M.N. 2004. *Russkiy yazyk v etnopoliticheskoy istorii gagauzov (vtoraya polovina XX veka)* [Russian language in the ethnopolitical history of the Gagauzians (second half of the XX century)]. Moscow: Staryy sad.
- Guboglo, M.N. 2006. *Imenem yazyka. Ocherki etnokulturnoy i etnopoliticheskoy istorii gagauzov* [In the name of the language. Essays on the ethnocultural and ethnopolitical history of the Gagauz]. Moscow: Nauka.
- Guboglo, M.N. 2007a. *Adaptatsii: ot infantilizma k mobilizmu* [Adaptations: from infantilism to mobilism]. *Kursom razvivayushcheyasya Moldovy* [The course of developing Moldova]. Vol. 2. Materialy II-go Rossiysko-Moldavskogo simpoziuma «Transformatsionnye protsessy v Respublike Moldova. Postsovetkiy period», posvyashchennogo probleme «Adaptatsii kultury i kultura adaptatsii», 11–23. g. Komrat, 20–21 april 2007 g. Moscow: Staryy sad.
- Guboglo, M.N. 2007b. *Apologiya truda* [Labor apology]. *Kursom razvivayushcheyasya Moldovy* [The course of developing Moldova]. T. 2. Materialy II-go Rossiysko-Moldavskogo simpoziuma «Transformatsionnye protsessy v Respublike Moldova. Postsovetkiy period», posvyashchennogo probleme «Adaptatsiya kultury i kultura adaptatsii», 90–148. g. Komrat, 20–21 aprelya 2007 g. Moscow: Staryy sad.
- Guboglo, M.N. 2008a. *Spolokhi proshlogo. Avtobiograficheskie zatesi* [Flashes of the past. Autobiographical abstracts]. Kishinev: b. i. Tip. Centrală.
- Guboglo, M.N. 2008b. *Dramaturgiya prinuditelnoy adaptatsii spetspereselentsev. Iz Kurganskogo opyta sereidny XX veka* [Dramaturgy of forced adaptation of special settlers. From the Kurgan experience of the mid XX century]. In *Etnoregionalnye modeli adaptatsii (postsovetkie praktiki)* [Ethnic and regional models of adaptation (postsoviet practices)]. Moscow: Tipogr. OOO Inter-print.
- Guboglo, M.N. 2009. *Khoru («gruppovoy tanets») i panair (yarmarka) v sisteme sotsionormativnoy kultury gagauzov* [Horu (“group dance”) and panair (fair) in the system of socio-normative culture of the Gagauz]. *Kursom razvivayushcheyasya Moldovy* [The course of developing Moldova]. Vol. 5. Materialy III Rossiysko-Moldavskogo simpoziuma «Traditsii i innovatsii v sotsionormativnoy kulture moldavan i gagauzov» 2008 g., 197–225. g. Komrat. Moscow: Staryy sad.
- Guboglo, M.N. 2010a. *Voobrazhaemaya veroyatnost: noveyshie razmyshleniya o proiskhozhdenii gagauzov* [Imaginary probability: the latest reflections on the origin of the Gagauz]. Moscow: IEA RAN.
- Guboglo, M.N. 2010b. I «plamen kostra»... i peresadka serdtsa (Vmesto predisloviya) [And the “fire of the fire” ... and a heart transplant (Instead of a foreword)]. Kvilinkova E.N. *Zagovory, magiya i oberegi v narodnoy meditsine gagauzov* [Collusions, Sorcery and Talismans in Folk Medicine of Gagauz people], 9–14. Kishinev.
- Guboglo, M.N. 2011. *Magiya pesennogo dostoyaniya gagauzov. Etnologiya v zerkale filologii (Vmesto predisloviya)* [The magic of the song heritage of the Gagauz. Ethnology in the Mirror of Philology (Instead of a Preface)]. Kvilinkova E.N. *Gagauzskiy pesennyi folklor – «Grammatika zhizni»* [The Gagauz song folklore – the grammar of life], 6–15. Kishinev: Elan Inc.
- Guboglo, M.N. 2012a. *Instituty sotsionormativnoy kultury* [Institutions of Socionormative Culture].

- Gagauzy v mire i mir gagauzov* [Gagauz in the world and The world of the Gagauz]. Т. II. Mir gagauzov [The world of the Gagauz], 444–495. Komrat; Kishinev.
- Guboglo, M.N. 2012b. Panteon kultov [Pantheon of cults]. *Gagauzy v mire i mir gagauzov* [Gagauz in the world and The world of the Gagauz]. Т. II. Mir gagauzov [The world of the Gagauz], 496–535. Komrat; Kishinev.
- Guboglo, M.N. 2013a. *Spolokhi proshlogo – bliki budushchego. Avtobiograficheskie zatesi* [Flashes of the past – glare of the future. Autobiographical abstracts]. Komrat; Kishinev.
- Guboglo, M.N. 2013b. *Antropologiya povsednevnosti* [Anthropology of the everyday life]. Moscow: Izdatelskiy dom «YASK».
- Guboglo, M.N. 2014. *Strasti po doveriyu. Opyt etnopoliticheskogo issledovaniya referendum v Gagauzii* [Passion on trust. The experience of ethnopolitical research of the referendum in Gagauzia]. Moscow.
- Guboglo, M.N. 2016. *Antropologiya doveriya: etnosotsiologicheskie i etnopoliticheskie ocherki* [Anthropology of trust: ethnosociological and ethnopolitical essays]. Moscow: Izdatelskiy dom «YASK».
- Kvilinkova, E.N. 2016. *Gagauzy v etnokulturnom prostranstve Moldovy (Narodnaya kultura i etnicheskoe samosoznanie gagauzov skvoz prizmu svyazi vremen)* [Gagauz people in the ethnocultural space of Moldova (Folk culture and ethnic identity of the Gagauz people through the prism of the connection of times)]. Kishinev: Tipogr. Centrală.
- Kvilinkova, E.N. 2005. *Gagauzy Moldovy i Bolgarii (Srovnitelnoe issledovanie kalendarnoy obryadnosti, terminov rodstva i folklor)* [Gagauz of Moldova and Bulgaria (Comparative study of calendar rituals, terms of kinship and folklore)]. Chişinău: Pontos.
- Kvilinkova, E.N. 2020a. *Metodika i praktika etnologicheskikh issledovaniy (nauchno-metodicheskoe posobie)* [Methodology and practice of ethnological research (scientific and methodological manual)]. Kishinev: Tipogr. «Print Caro».
- Kvilinkova, E.N. 2020b. *Sotsionormativnaya kultura gagauzov: traditsii i transformatsii* [Socio-normative culture of the Gagauzians: traditions and transformations]. Kishinev: Tipogr. «Print Caro».
- Kvilinkova, E.N. 2007. *Traditsionnaya dukhovnaya kultura gagauzov: etnoregionalnye osobennosti* [Gagauz traditional spiritual culture: ethnoregional features]. Kishinev: Buziness-Elita.
- Komarova, G.A. 2018. Zolotoy vek otechestvennoy etnosotsiologii [The Golden Age of Russian Ethnosociology]. In *Identichnost* [Identity], 45–69. Komrat.
- Guboglo, M.N. 2006–2010. *Kursom razvivayushcheyasya Moldovy* [The course of developing Moldova]. Vol. 1–10. Moscow: Staryy sad.
- Martynova, M.Yu. 2018. Mikhail Nikolaevich Guboglo i ordena druzhby narodov Institut etnologii i antropologii im. N.N. Miklukho-Maklaya RAN segodnya [Mikhail Nikolaevich Guboglo and the Order of Friendship of Peoples. Institute of Ethnology and Anthropology N.N. Miklouho-Maclay RAS today]. In *Identichnost* [Identity], 14–27. Komrat.
- Guboglo, M.N. (ed.) 2010. *Moldavane* [Moldavians]. Seriya: «Narody i kultura». Moscow: Nauka.
- Starchenko, R.A. 2018. Pochetnye gramoty M.N. Guboglo kak navigatory v ego nauchnoy i organizatsionnoy deyatelnosti [Diplomas of M.N. Guboglo as navigators in his scientific and organizational activities]. *Identichnost* [Identity], 84–96. Komrat.
- Tishkov, V.A. 2013. Predislovie. K 75-letiyu M.N. Guboglo [Foreword To the 75th anniversary of M. N. Guboglo]. Guboglo M. N. *Antropologiya povsednevnosti* [Anthropology of the everyday life], 11–19. Moscow.
- Shornikov, P.M. 2018. M.N. Guboglo – teoretik etnopolitiki [M.N. Guboglo – theorist of ethnopolitics]. *Identichnost* [Identity], 69–74. Komrat.

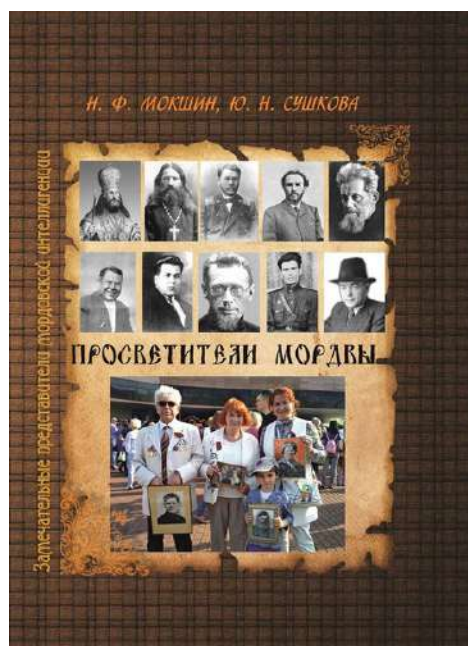
РЕЦЕНЗИИ

УДК 39+930.23

DOI: 10.33876/2311-0546/2020-52-4/315-319

М.Ю. Мартынова

**О КН.: А.Ф. МОКШИН,
Ю.Н. СУШКОВА.
ПРОСВЕТИТЕЛИ МОРДВЫ /
МОНОГРАФИЯ. САРАНСК:
ИЗД-ВО МОРДОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА, 2020. 236 С.***

Опубликованная в серии «Замечательные представители мордовской интеллигенции» монография «Просветители мордвы» освещает биографии, профессиональную, общественно-политическую, просветительскую деятельность десяти видных мордовских деятелей, а именно Н.М. Минова

(Никона) (1605–1681), А.Ф. Юртова (1854–1916), М.Е. Евсевьева (1864–1931), Г.К. Ульянова (1864–1943), М.И. Сумгина (1873–1942), З.Ф. Дорофеева (1890–1952), Т.В. Васильева (1897–1939), М.Т. Маркелова (1899–1937), А.А. Куманева (1910–1975), П.С. Ромашкина (1915–1975).

Предисловие и заключение в книге, как и очерки о Н. Минове (Никоне), А.Ф. Юртове, М.Е. Евсевьеве, Г. К. Ульянове, М.И. Сумгине, З.Ф. Дорофееве, А.А. Куманеве написаны Н.Ф. Мокшиным, очерки о Т.В. Васильеве, П.С. Ромашкине – Ю.Н. Сушковой, а о М.Т. Маркелове – совместно Н.Ф. Мокшиным и Ю.Н. Сушковой.

Исследование охватывает период в четыре столетия, с XVII по XX вв. и рассказывает о значимых для мордовской культуры личностях разного времени. Не случайно, начинается книга с очерка о патриархе Никоне, которого считают мордвином по происхождению. Как известно, просветительская деятельность среди мордвы в царской России во многом была непосредственно связана с приобщением этого народа к православию. Хотя наиболее ранние письменные свидетельства о его проникновении в мордовскую среду сохранились лишь с начала XVI в., судя по некоторым данным (археологическим, фольклористическим, ономастическим), как пишут авторы, можно считать, что оно так или иначе воспринималось мордвой еще в первой половине II-го тысячелетия н.э. Так, в одном из официальных документов Русского государства, датированном сентябрем 1508 г., сообщается о новокрещене – мордвине Федоре, которому в качестве толмача

Мартынова Марина Юрьевна – д.и.н., профессор, Заслуженный деятель науки РФ, главный научный сотрудник – зав. Центром европейских исследований, Институт этнологии и антропологии РАН (119991, Москва, Ленинский просп., 32а). Эл. почта: martynova@iea.ras.ru

* Публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН.

(переводчика – О.К.) поручалось сопровождать «от Коломны до Украины (т.е. до границы – О.К.) ногайских послов» (см.: *Мокшин, Мокшина* 2005: 150).

Несмотря на то, что самостоятельная будущность мордовской культуры, как и культуры других народов Волго-Камья, не рассматривалась имперскими властями России, православно-миссионерское просвещение объективно стимулировало сохранение и развитие культуры мордовского народа, как и других «восточных инородцев», способствовало созданию их письменности, литературных языков, национальной интеллигенции, приобщению к российскому согражданству. Это особенно убедительно показано в очерках рецензируемой книги, посвященных патриарху Никону, А.Ф. Юртову и М.Е. Евсевьеву.

По мнению Н.Ф. Мокшина, это были первые выходцы из мордвы, которые своим личным примером доказали, что их родной народ является не только объектом истории и историко-этнографического познания, но и субъектом этой истории, творящим ее и способным своими собственными силами исследовать ее. (См. также: *Мокшин* 2015: 5). А.Ф. Юртов, со дня рождения которого в 2019 г. исполнилось 165 лет, был учителем, который первый на территории всей Российской империи начал систематически использовать на селе родной язык при обучении детей сначала в эрзя-мордовском, затем в мокша-мордовском селах. А.Ф. Юртов является автором первого букваря, специально созданного для обучения грамоте мордвы-эрзи (*Юртов* 1884), сборников мордовского фольклора, в которые включены памятники устного народного творчества, собранные им в мордовских селах (*Образцы* 1882, 1883). Имя ученика и последователя А.Ф. Юртова, выдающегося мордовского ученого-просветителя, этнографа, лингвиста, фольклориста, музееведа, педагога и общественного деятеля М.Е. Евсеева, автора нескольких научных трудов, в т.ч. о мордовской свадьбе (М., 1930), хорошо известно многим (*Евсеев* 1966).

Насыщенный событиями и тернистый жизненный путь прошел даровитый сын мордовского народа, вышедший из деревенской глубинки, ставший в один ряд с крупными революционными деятелями России, внесший существенный вклад в общественно-политическую жизнь страны, в просвещение родного народа Г.К. Ульянов. Родившийся в один год с другим не менее выдающимся просветителем мордвы М.Е. Евсевьевым, он нисколько не дублировал деятельность последнего. Если М.Е. Евсевьев не отличался революционностью своих замыслов и деяний, хотя и был всегда настроен демократически, то Г.К. Ульянов, как его и однофамилец В.И. Ульянов, придерживался иных позиций, более радикальных. И хотя в настоящее время эти идеи несколько потускнели, было бы неверно не видеть в них рациональных положений.

В мордовском (эрзянском) селе Ало Куро (по-русски Крапивки) Лукояновского уезда Нижегородской губернии в крестьянской семье 25 февраля 1873 г. родился М.И. Сумгин – человек, ставший видным российским общественно-политическим деятелем, ученым, основоположником геофизиологии (мерзлотоведения), автором фундаментальных научных трудов «Вечная мерзлота почвы в пределах СССР» (1927), «Область вечной мерзлоты» (1940), «Общее мерзлотоведение» (1940) и др.

Вся жизнедеятельность М.И. Сумгина – ярчайший пример беззаветного служения Родине. Светлую память о нем храним не только мы – россияне, но и можно сказать шире – земляне. Одному из крупнейших кратеров планеты Марс диаметром 22 км Международный астрономический союз присвоил его имя. На архипелаге Земля Франца-Иосифа имеется полуостров Сумгина. Фамилия Сумгина

включена в Международный банк выдающихся деятелей мировой науки в истории человеческой цивилизации (см.: *Кашина* 2009: 136).

В памятные дни 2012 г., когда вся Российская Федерация отмечала 1000-летие единения мордовского народа с народами Российского государства, в мокшамордовском селе Салазгорь Торбеевского района Республики Мордовия состоялось знаменательное событие – открытие памятника видному просветителю, зачинателю мордовской профессиональной литературы, педагогу, общественному и государственному деятелю З.Ф. Дорофееву. Именно ему принадлежат первые стихи, написанные на мокша-мордовском языке, как и первые советские школьные учебники на этом же языке. Именно он был одним из вдохновителей и организаторов создания мордовской автономной советской социалистической государственности, пионером в деле организации просвещения родного народа.

«В 1941 г., когда началась Великая Отечественная война, – пишет Н.Ф. Мокшин, – Захар Федорович добровольно уходит на фронт. Сражаясь в рядах народного ополчения, осенью 1941 г. под Смоленском он тяжело заболевает. Дали знать о себе раны, полученные еще в Первой мировой войне, сказался и возраст. Признанный негодным к военной службе, он возвращается домой больным. В 1945 г., пораженный тяжелой болезнью (кровоизлиянием в мозг) он окончательно слег, а 18 июня 1952 г. скончался» (*Мокшин, Сушкова* 2020: 93).

Герой очерка Ю.Н. Сушковой Тимофей Василев – уроженец мордовской деревни Тавла Мариинского уезда Томской губернии (ныне Зырянского района Томской области), основанной в свое время мордовскими переселенцами из села Подлесная Тавла ныне Кочкуровского района Республики Мордовия, прожил короткую жизнь, при этом вместившую путь от неграмотного деревенского подростка до блестящего отечественного юриста и просветителя, государственного и общественного деятеля, международника, знатока английского языка, писателя, ученого и дипломата, стоящего у истоков национально-государственного строительства мордовского народа, продвижения его на качественно новый уровень социально-экономического, политического и правового развития.

Т.В. Васильев в 1930-е годы был приговорен военным трибуналом по статьям «Измена Родине» и «Контрреволюционная деятельность». Приговор привели в исполнение 31 июля 1939 г. Военной коллегией Верховного суда СССР 22 августа 1956 г. дело по обвинению Т.В. Васильева, необоснованно осужденного было пересмотрено. Приговор Военного трибунала МВО от 27 апреля 1939 г. и определение Коллегии Верховного суда СССР от 23 июня этого же года в отношении Т.В. Васильева по вновь открывшимся обстоятельствам отменены, дело за отсутствием состава преступления прекращено.

Выдающимся научным и социокультурным деятелем, внесшим немалый вклад в этнографическую науку, музееведение и фольклористику, в развитие этнического самосознания финно-угорских народов, в становление их новейшей государственности, ознакомление с ними мировой общественности был Михаил Тимофеевич Маркелов. Хорошо известный в этнографических кругах в 1920–1930-х гг., много печатавшийся в то время в центральной печати, будучи репрессированным, М.Т. Маркелов оказался почти забытым. Работавший вместе с ним в Центральном музее народоведения С.А. Токарев, впоследствии этнограф с мировым именем, считал его «действительно выдающимся деятелем своего народа (мордва) и неутомимым его исследователем».

«К несчастью, – писал он, – жизнь М.Т. Маркелова слишком рано оборвалась. Однако и за короткий срок он успел сделать очень много» (Мокшин, Сушкова 2020: 144).

М.Т. Маркелов, работавший до своего ареста заведующим музеем Томского государственного университета, был расстрелян 9 ноября 1937 г. Настойчивые попытки по розыску отца, предпринятые его сыном Юрием Михайловичем – участником Великой Отечественной войны, сражавшимся против фашистов в качестве командира полевой разведки, дважды раненого, имевшего боевые награды, работавшего редактором Всесоюзного радио, завершились получением им справки, выданной 18 мая 1959 г. Томским областным судом, в которой сказано: «Дело по обвинению Маркелова Михаила Тимофеевича пересмотрено Президиумом Томского областного суда. 14 мая 1959 г. Постановление бывшей тройки УНКВД по Новосибирской области от 9 ноября 1937 года в отношении Маркелова Михаила Тимофеевича отменено и дело производством прекращено за отсутствием состава преступления. Председатель Томского областного суда В. Скрябин» (см.: Мокшин, Сушкова 2020: 144).

Завершают рецензируемую монографию очерки, посвященные А.А. Куманеву и П.С. Ромашкину. Александр Александрович Куманев – видный педагог, организатор народного просвещения, участник Великой Отечественной войны, заслуженный учитель школы РСФСР. Проработав на ниве просвещения в целом около полувека, А.А. Куманев стал создателем оригинальной системы педагогических воззрений, основанных на принципах гуманизма, веры в неисчерпаемые возможности человеческого разума, традициях этнопедагогики. Свои педагогические воззрения он выражал не только в устных выступлениях, докладах на педагогических конференциях, чтениях и других форумах, но и в статьях, стихах, печатавшихся в различных журналах и книгах. Они нашли отражение и в ряде публикаций, посвященных А.А. Куманеву, повествующих о его жизненном и творческом пути, в том числе и автора данного очерка – одного из его учеников (См. также: Мокшин 2010).

Н.С. Ромашкин – уроженец эрзя-мордовского села Шугурово Ардатовского уезда Пензенской губернии (ныне Большеберезниковского района Республики Мордовия). Как отмечает автор очерка о нем Ю.Н. Сушкова, «Петра Семеновича Ромашкина справедливо можно назвать ученым с мировым именем. Свидетельством этого является не только колоссальный путь в профессии, государственные награды и труды, как внесшие существенный вклад в развитие юридической науки, так и имевшие огромное практическое значение, но и оценки его коллег при жизни и после ухода из нее, признание за рубежом» (Мокшин, Сушкова 2020: 167). Разработка отечественных ученых, в числе которых фундаментальные исследования П.С. Ромашкина, использовались в качестве основы для осуществления Нюрнбергского и Токийского процессов.

Отметим, что личность участника Великой Отечественной войны П.С. Ромашкина особо значима для авторов книги Н.Ф. Мокшина и Ю.Н. Сушковой, ибо история войны неотделима от судьбы их семьи, как и судеб семей многих соотечественников. «Защитнику Отечества – отцу и деду, учителю Федору Захаровичу Мокшину, погибшему в 1942 году под Ленинградом, посвящаем эту книгу» – написали авторы Н.Ф. Мокшин и Ю.Н. Сушкова (Мокшина) в предисловии к ней, а на обложке книги помещена их фотография в рядах бессмертного полка г. Саранска – столицы Республики Мордовия.

В завершение обзора недавно увидевшей свет монографии отметим, что она не только читается с интересом и значима для истории науки, но имеет

патриотическое звучание. Нельзя не согласиться с мнением, что все герои книги были выдающимися личностями. Труды просветителей, деятельность которых красочно и с любовью описана Н.Ф. Мокшиным и Ю.Н. Сушковой, вошли в золотой фонд мордовской культуры и стали ее фундаментом, как с полным основанием считают авторы. По их мнению, опыт мыслителей и практической деятельности этих ответственных перед соотечественниками людей должен служить образцом для созидателей России XXI века.

Источники и материалы

Евсеев 1966 – *Евсеев М.Е.* Избранные труды. В 5 томах. Саранск: Мордов. книж. изд-во. 1966.

Юртов 1884 – *Юртов АФ.* Букварь для мордвы-эрзи с присоединением молитвы и русской азбуки. Казань, 1884.

Образцы 1882, 1883 – Образцы мордовской народной словесности. Вып. 1. Песни на эрзянском и некоторые на мокшанском наречии. Казань, 1882. Вып. 2. Сказки загадки на эрзянском наречии мордовского языка с русским переводом. Казань, 1883.

Научная литература

Кашина Г.И., Комиссаров В.В., Табашин Н.В. (сост.). Край наш Лукояновский: ист. справ. вып. 2. /сост. Г.И. Кашина, В.В., Н.В. Табашин. Арзамас, 2009.

Мокшин Н.Ф. Учитель учителей. Саранск: Типография «Красный Октябрь», 2010. 52 с.

Мокшин Н.Ф. А.Ф. Юртов и М.Е. Евсеев – просветители мордовского народа // Социально-политические науки. 2015, № 2. С. 5-11.

Мокшин Н.Ф., Мокшина Е.Н. Мордва и вера. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2005. С. 150.

Martynova, Marina Yu. *

Review of the book by A.F. Mokshin, Yu.N. SUSHKOVA. ENLIGHTENERS OF MORDVA / MONOGRAPH. SARANSK: MORDOVSK UNIVERSITY Publishing House, 2020

DOI: 10.33876/2311-0546/2020-52-4/315-319

* **Martynova, Marina Yu.** – Dr. of Hist., prof., Institute of Ethnology and Anthropology, RAS (Moscow, RF). E-mail: martynova@iea.ras.ru. <https://orcid.org/0000-0001-7280-7450>

The review is published as part of the Research Plan of the Institute of Ethnology and Anthropology (Russian Academy of Sciences, Moscow)

References

Kashina, G.I., V.V. Komissarov and N.V. Tabashin (sost.). 2009. *Krai nash Lukoianovskii* [Our land Lukoianovskii]. Ist. sprav. vyp.2. Arzamas.

Mokshin, N.F. 2010. *Uchitel' uchitelei* [The teacher of teachers]. Saransk. Tipografiia «Krasnyi Oktiabr'».

Mokshin, N.F. 2015. A.F. Iurtov i M.E. Evseev – prosvetiteli mordovskogo naroda [A.F. Iurtov and M.E. Evseev – the educators of our people]. *Sotsial'no-politicheskie nauki* 2: 5–11.

Mokshin, N.F. and E.N. Mokshina. 2005. *Mordva i vera* [Mordva and religion]. Saransk: Mordovskoje kniznoje izdatelstvo.

Научное издание

ВЕСТНИК АНТРОПОЛОГИИ

2020. № 4 (52)

HERALD OF ANTHROPOLOGY

2020. № 4 (52)

Редакторы – М.Ю. Мартынова, О.М. Григорьева, М.Ф. Кучерова

Редактор английских текстов – Т.А. Сюткина

Технический редактор – Н.А. Белова, М.Ю. Мартынова

Компьютерная верстка – Н.А. Белова

Художественное оформление обложки – Е.В. Орлова

Поддержка сайта – Н.В. Хохлов

Подписано к печати 10.12.2020

Формат 70 x 108/16. Уч.-изд. л. 25,2

Тираж 500 экз. Заказ № 203

Участок множительной техники

Института этнологии и антропологии

им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН

Начальник участка – *В.М. Маршанов*

119991 Москва, Ленинский проспект, 32-А